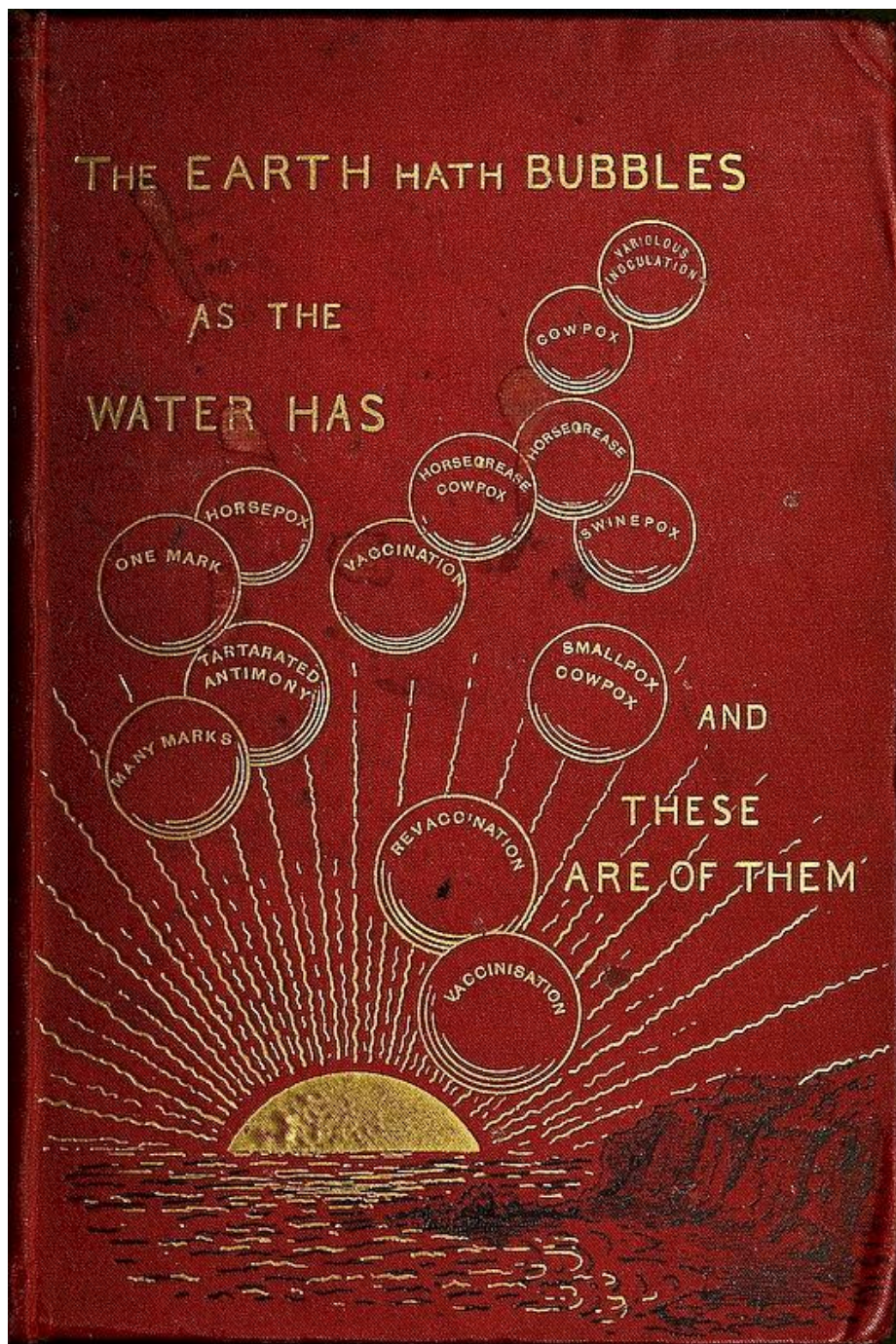


История великого заблуждения в серии фактологических глав

Уильям Уайт



The Project Gutenberg eBook of The Story of a Great Delusion in a Series of Matter-of-Fact Chapters.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях Лицензии проекта "Гутенберг", прилагаемой к этой книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: История великого заблуждения в ряде фактических глав

Автор: Уильям Уайт

Дата выхода: 12 апреля 2020 [eBook #61809]

Последнее обновление: 17 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено MFR, Джоном Кэмпбеллом и Online Distributed Proofreading Team на <https://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных The Internet Archive)

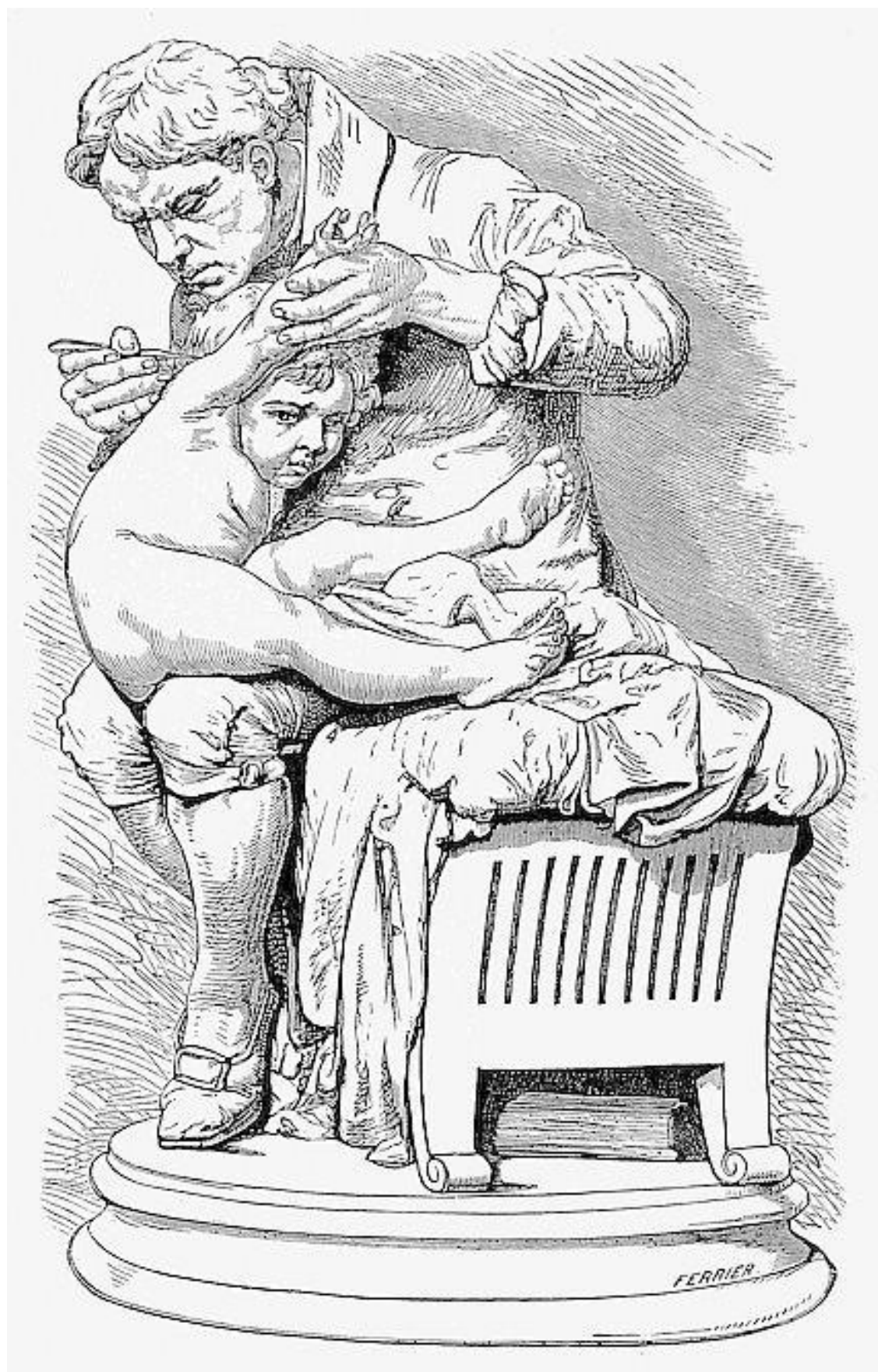
*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK THE STORY OF A GREAT DELUSION IN A SERIES OF MATTER-OF-FACT CHAPTERS ***

ПРИМЕЧАНИЕ ТРАНСКРИПТОРА

Сноски обозначены [цифрой], а сами сноски помещены в конце каждой главы.

Некоторые незначительные изменения в тексте указаны [в конце книги](#).

ИСТОРИЯ ВЕЛИКОГО ЗАБЛУЖДЕНИЯ



ЭДВАРД ДЖЕННЕР.
Со статуи Монтеверде.

ИСТОРИЯ ВЕЛИКОГО ЗАБЛУЖДЕНИЯ В НЕСКОЛЬКИХ ФАКТИЧЕСКИХ ГЛАВАХ.

УИЛЬЯМ УАЙТ.

Весь мир соглашается с этим и постоянно повторяет и повторяет, и вскоре наступает то необычное явление, которое немцы называют *Swarmery*, или "Собирание людей в стаи", и какие чудеса они имеют обыкновение совершать и верить, когда их бросают в это чудесное состояние.....

В случае с человеческими стаями необычно, с каким совершенством единодушия и квазирелигиозной убежденности самые глупые нелепости могут быть приняты как аксиомы Эвклида, а то и как статьи веры, в которые вы не только должны верить, если только не являетесь злостным безумцем, но и должны (если у вас есть хоть капля чести или морали) внедрять их в практику и без промедления добиваться *выполнения*, если ваша душа будет жить! Томас Карлайл.

ЛОНДОН:

E. W. ALLEN, 4 AVE MARIA LANE.

1885.

ГЛАЗГО:

HAY NISBET AND CO., PRINTERS,

СТОКВЕЛЛ-СТРИТ.

СОДЕРЖАНИЕ.

	СТРАНИЦА
Введение.	
Предисловие,	ix
Вариоляция,	x
Предшественник вакцинации,	xi
Непосредственный триумф вакцинации,	xii
Процедура Дженнера,	xiii
Коровья оспа,	xiv
Отказ от рецепта Дженнера,	xiv
Трансформация Дженнера,	xv
Коровья оспа в лошадиной жиже, которую держат подальше от глаз,	xvi
Поддельная оспа,	xvi

Вирус лошадиной оспы доказан,	xvii
Что делать?	xviii
Коровья оспа,	xix
Осуждение коровьей оспы,	xx
Ожившая коровья оспа,	xxi
Шарлатан с коровьей оспой,	xxii
Деликатное единодушие,	xxiii
Последовательные заявления Дженнера,	xxiv
Оспа стала более мягкой,	xxvi
Проколы, один или несколько,	xxvi
Протест мистера Ригби,	xxvi
Мистер (Маркс) Марсон,	xxviii
Исследования мистера Александра Уилера,	xxix
Мнение мистера Еноха Робинсона,	xxx
Жестокость маркировки,	xxx
Введена ревакцинация,	xxxi
Вакцинация,	xxxii
Абсурдность ревакцинации,	xxxii
Снижение заболеваемости оспой,	xxxiii
Спасла ли вакцинация жизнь?	xxxiii
Кто такие непривитые?	xxxiv
Показатели смертности среди непривитых,	xxxv
Медсестры, освобожденные от оспы,	xxxvi
Лица с отметинами от оспы,	xxxvii
Вакцина - настоящая болезнь,	xxxix
Вакцинальные смертельные случаи,	xl
Модификация вакцины у реципиентов,	xli
Вакцина <i>плюс</i> другие болезни,	xlii
Статистическое доказательство дополнительной болезни,	xliii
Вакцина усугубляет болезнь,	xliv
Происхождение обязательной вакцинации,	xliv
Соппротивление, негибкое сопротивление,	xlvi
Обязательное образование и вакцинация,	xlvii
Условия конфликта,	xlviii
Слово для автора,	xliv
L'Envoi,	<u>l</u>
Катехизис доктора Гарта Уилкинсона,	l
I.- Вариоляция.	

II.-	Леди Мэри Уортли Монтагу,	8
III.-	Эксперименты Мейтланда,	12
IV.-	Первые противники прививок,	21
V.-	Крах прививок,	29
VI.-	Возрождение прививок,	36
VII.	Триумф прививок,	45
VIII.-	Прививка за границей,	56
IX.	Прививка заменена и подавлена,	66
X.-	Распространенность оспы в XVIII веке,	76
II.- Вакцинация.		
Глава I.	Ранние годы Дженнера,	91
II.-	Расследование Дженнера, 1798 год,	103
III.-	Дженнер в 1798 году,	127
IV.-	Расследование Пирсона,	136
V.-	Вудвилл, Пирсон и Дженнер,	145
VI.-	Дальнейшие наблюдения Дженнера,	152
VII.-	Операции в Лондоне, 1800 г,	159
VIII.-	Триумф новой прививки,	171
IX.-	Бесчестное превращение,	177
X.-	Дженнер перед парламентом, 1802 год,	183
XI.-	Экзамен Пирсона,	197
XII.	Наблюдения за положением в 1802 году,	208
XIII.-	Королевское Дженнерианское общество,	218
XIV.-	Обращение в парламент с просьбой о помощи Дженнеру, 1806 г,	230
XV.-	Отчет Королевского колледжа <u>врачей</u> ,	235
XVI.-	Дженнер освобожден от должности, 1807 г,	243
XVII.-	Создание и поддержка вакцинации,	250
XVIII.-	Конский жир как источник вакцины,	259
XIX.-	Джон Берч,	274
XX.-	Голдсон и Браун,	283
XXI.-	Мозли, Роули и Белка,	289
XXII.-	Уильям Коббетт,	303
XXIII.	Дело Гросвенора,	317
XXIV.	Доктор Джон Уокер,	322
XXV.-	Поздние труды Дженнера,	333

XXVI.	Жизнь Дженнера, написанная Бароном,	349
XXVII.	Положение медицины в 1823 году,	363
XXVIII.	Введение вакцинации в Соединенных Штатах,	370
XXIX.-	Введение вакцинации в Индии и на Востоке,	383
XXX.-	Распространение вакцинации в Европе,	395
XXXI.-	Швеция, Дания и Исландия,	408
XXXII.-	Ньюкаслская оспа: обычная история,	424
XXXIII.-	Эпидемия в Норвиче в 1819 году,	431
XXXIV.-	Вытесненная и замененная оспа: Открытие доктора Уатта - Глазго, 1813 г,	439
XXXV.-	Национальное учреждение по производству вакцин - 1808-40 гг,	453
XXXVI.-	Национальное учреждение по производству вакцин - 1841-50 гг,	470
XXXVII.-	Вакцинация в принудительном порядке-1853,	477
XXXVIII.-	Требуется всеобщее принуждение-1855,	491
XXXIX.-	Письмо Джона Гиббса-1855,	500
XL.-	Защита Симона и суд Хамерника,	510
XLI.-	Усиление принуждения - 1861 и 1867 гг,	526
XLII.-	Движение за сбор, 1867-70 гг,	540
XLIII.-	Комитет Палаты общин, 1871 г,	552
XLIV.-	Борьба за свободу,	573
Примечания - Происхождение термина "вакцинация",		229
Вакцинация как статистический вопрос,		596
Индекс,		597
Иллюстрации.		
Эдвард Дженнер со статуи работы Монтеверде,		Фронтиспис.
Джон Гиббс,		508

ВВЕДЕНИЕ.

ПРЕФАТОРИЯ.

Среди образованных людей мало найдется вопросов, мнение о которых было бы столь абсолютным и столь неосведомленным, как о вакцинации. Вам скажут, что она остановила оспу и не причиняет вреда, а если вы осмелитесь поставить под сомнение любое из этих утверждений, вас запишут в пособия "этих невежественных и фанатичных антивакцинаторов". Если вы, не теряя надежды, поинтересуетесь, когда оспа была остановлена, и что является безвредной разновидностью вакцинации, вам, вероятно, ответят, что это медицинские вопросы, в то время как факты неоспоримы; ответ будет таким же, как у старого Каспара к маленькому Питеркину, интересующемуся благом Бленхейма.

Почему - не могу сказать, - ответил он,

Но это была знаменитая победа.

Я не жалею о такой позиции ума. Мы все принимаем на веру больше или меньше. В условиях множественности и неисчерпаемости знаний это неизбежно. Несколько лет назад один почтенный друг убеждал меня написать книгу против вакцинации, которая, по его словам, причиняет бесконечный вред здоровью населения. Он хотел, чтобы книга была опубликована, и обеспечил все необходимое для моего удовлетворения. Я сослался на предыдущие обязательства и свернул разговор, подумав, как печально, что столь хороший и, в других отношениях, столь просвещенный человек должен быть подвержен столь странным иллюзиям... Тогда я принял вакцинацию на веру как одно из многочисленных благословений, дарованных человечеству в течение нынешнего века.

Поэтому я склонен сделать большую поправку на легковверное отношение общества к вакцинации и в то же время настаивать на его исправлении; и в первую очередь по той причине, что вакцинация больше не является предметом частной заботы. Мы вольны иметь какие угодно представления, но если мы начинаем навязывать их неверующим, мы не можем жаловаться, если нам придется отвечать за свою агрессию или столкнуться с грубым обращением. Вакцинация, предусмотренная законом Англии, связана с жизнью и интеллектом каждого гражданина, и поэтому напрасно требовать для нее освобождения от вульгарных обсуждений. Если бы прививка не была обязательной, она могла бы быть и оставаться эзотерическим обрядом, самой тайной из тайн; но с принуждением привилегия святости невозможна.

ВАРИОЛЯЦИЯ.

Говорят, что самые иррациональные верования и обряды сами по себе приобретают иной облик, если рассматривать их в свете их происхождения и истории. Так и с вакцинацией. Если бы она появилась в мире в том виде, в каком мы ее знаем, с неудачами и катастрофами, двусмысленностями и извинениями, отказ был бы неизбежен; но когда мы обращаемся к прошлому, мы обнаруживаем, что наша *damnosa hæreditas* имеет традицию, которая позволяет объяснить, если не оправдать, глупость, которая остается.

Вакцинация стала преемницей прививки (или, точнее, вариоляции), войдя в уже приобретенное человеческим разумом владение.

Издавна было замечено, что некоторые формы болезней редко повторяются у одного и того же человека в течение всей жизни; поэтому, когда в семье вспыхивала скарлатина, корь или оспа, считалось благоразумным дать болезни пройти, и таким образом получить иммунитет от страха заразиться в будущем.

Именно эта уверенность в том, что перенесенная оспа окончательно излечивается, послужила оправданием практики прививок, когда в первой четверти прошлого века ее стали вводить с Востока. Поскольку, как утверждалось, никто не может заболеть оспой более одного раза, почему бы не вызвать ее искусственно и не пройти через болезнь в удобное время? Но природа, хоть и покладистая, не всегда принимает тот курс, который мы ей изобретательно предписываем. Оспа в ее естественном развитии (так сказать) - это кризис нечистоты крови, и если необходимые условия отсутствуют, ее нельзя адекватно возбудить. Поэтому вариоляция была неопределенной и опасной операцией. У одних она проходила и была неотличима от приступа обычной оспы; у других проходила частично или не проходила вовсе; за операцией часто следовали недомогание, кожные заболевания и тяжелые конституциональные нарушения. Не были вариоленты защищены и от оспы. Иногда они заболевали оспой вместе со своими соседями, и тогда говорили: "Должно быть, произошла какая-то ошибка в прививке, потому что невозможно, чтобы кто-то был успешно привит и заболел оспой". Кроме того, привитые, находясь под воздействием наведенного недуга, передавали болезнь своим сиделкам и посетителям; таким образом, оспа распространялась средствами, предназначенными для ее предотвращения.

ПРЕДШЕСТВЕННИК ВАКЦИНАЦИИ.

В конце прошлого века вариоляция стала обычаем высших и средних классов Англии. Неприятности и опасности были неприятны, но их принимали во имя долга. Вариоляция детей - это тревога, которая, как свинец, легла на сердца любящих родителей; и они были рады и благодарны, когда операция проходила без серьезных осложнений. Пациентов, предназначенных для вариоляции, держали на диете, очищали и пускали кровь, а оспу у людей со здоровой конституцией старательно выискивали. Мягкая оспа пользовалась большим спросом и распространялась из рук в руки. Когда доктор Димсдейл оперировал императрицу Катарину, он не рискнул передать оспу непосредственно императорской особе. Он высмотрел случай "доброкачественной оспы", которой привил крепкого молодого человека, а от него - императрицу. Если мы не осознаем неудобств, неопределенности, бедствий и ужасов вариоляции, хотя и минимизированных, оправданных и отрицаемых ее профессорами, мы никогда не сможем понять энтузиазма, с которым вакцинация была принята в качестве ее замены. Обещание, которое давала вакцинация, было непередаваемым облегчением, а доводы разума были практически неотразимы. Аргумент был следующим: Никто не может заболеть оспой дважды, а самый легкий приступ защищает от последующих приступов не хуже самого тяжелого. Поэтому именно в прививке от оспы мы находим безопасность. Но прививка от оспы - это неопределенная операция с опасными проблемами. Однако здесь, в коровьей оспе, открыта легкая разновидность оспы, которую можно прививать с совершенной легкостью и без всякого вреда. А поскольку самая легкая оспа является таким же профилактическим средством от будущей оспы, как и самая тяжелая, из этого следует, что эта легкая коровья оспа должна служить полным эквивалентом самой оспы.

НЕМЕДЛЕННЫЙ ТРИУМФ ВАКЦИНАЦИИ.

Именно в такой правдоподобной форме вакцинация одержала немедленный триумф. Путь для нее был открыт, а все трудности устранены существующей практикой вариоляции.

Доктор У. Б. Карпентер утверждает, что в начале века вакцинация встречала более упорное сопротивление, чем сейчас. Он полностью ошибается. Вакцинация пришла к поколению, подготовленному к ней, которое видело в ней рецепт, полностью соответствующий здравому смыслу. Вся медицинская профессия, за редким исключением, король, королева и двор, были сразу же обращены в веру, а парламент и общество последовали их примеру. Признаюсь, это было естественное развитие мнений; и не приходится сомневаться, что, живи мы в те дни, мы бы оказались под крики благовоспитанной толпы. Ограниченное сопротивление, оказанное вакцинации, не было основано на физиологических или санитарных науках: таких наук тогда не существовало. Это было сопротивление вариолаторов, которые были удовлетворены сложившейся практикой и возмущались ее нарушением, исповедуя в то же время безмерный ужас перед профанацией человечества заражением бычьей болезнью. Хотя у нас нет оснований причислять себя к этому сопротивлению, мы должны признать заслуги вариолаторов в наблюдении за результатами вакцинации - упорство, с которым они отслеживали и разоблачали ее неспособность предотвратить оспу и те травмы и смерти, которые она вызвала. Что касается поддержания вариолитной прививки, то они вели проигранную битву; но они гоняли вакцинаторов от столба к столбу (проклиная их при этом как злобных лжесвидетелей, одержимых дьяволом) и в конце концов вынудили признать, что их непогрешимое профилактическое средство не может гарантированно предотвратить, а только сделать оспу более мягкой - безопасное утверждение, потому что непроверяемое, столь же спорное, как и неоспоримое в конкретных случаях.

ПРОЦЕДУРА ДЖЕННЕРА.

По поводу этого профилактического средства с самого начала возникла любопытная путаница, которая продолжается и по сей день.

Дженнер был сельским врачом в Беркли в Глостершире, молочной стране, где служанки верили, что если они заразились коровьей оспой во время дойки, то никогда впоследствии не смогут заразиться оспой. В молодости Дженнер был склонен принять веру доярок, но когда он обсудил это со своими знакомыми медиками, те высмеяли его. Они сказали: "Мы знаем, что это вера доярок, но мы также знаем, что это неправда, потому что мы знаем доярок, которые переболели коровьей оспой, а затем заболели оспой, несмотря на коровью оспу". Дженнер был убежден и больше не говорил о коровьей оспе.

Позвольте мне обратить особое внимание на этот момент. Никто лучше Дженнера не знал, что коровья оспа как коровья оспа не является профилактикой оспы.

Ближе к середине жизни ему пришла в голову счастливая, по его мнению, мысль. Коровью оспу как коровью оспу он отверг как неосуществимую; но существовала разновидность коровьей оспы, которую он решил рекомендовать.

В Глостершире коров доили как мужчины, так и женщины; и мужчины иногда доили коров руками, испачканными в так называемом *жире*, который был на пятках лошадей. Этим *жиром* они заражали коров, и последовавшая за этим оспа, по словам Дженнера, обладала всеми теми свойствами против оспы, которые доярки утверждали в отношении коровьей оспы.

КОРОВЬЯ ОСПА НА ЛОШАДИНОЙ ЖИРЕ.

Согласно Дженнеру, доярки были и правы, и неправы. Они были правы, когда оспа, которой они заразились, передавалась от лошади через корову; они были неправы, когда оспа, которой они заразились, произошла от коровы без лошади. Таким образом, он выделил двойную

оспу - коровью оспу, не имеющую эффективности против оспы, и коровью оспу на лошадином жире, имеющую несомненную эффективность.

Далее, в этой связи следует заметить, что фарцовщики считали, что, отравившись при работе с лошадьми с жирными пятками, они тоже, как и доярки, защищены от оспы.

Поэтому Дженнер должен отвечать не за коровью оспу, а за коровью оспу с лошадиным жиром. В коровью оспу он не верил и не мог верить.

В 1798 году Дженнер опубликовал свое знаменитое "Расследование" - трактат, о котором больше говорят, чем читают, и в котором он четко изложил происхождение выбранного им профилактического средства. Это, повторяю, была *не коровья оспа, а коровья оспа на лошадином жире*. Он тщательно отличал ее от спонтанной коровьей оспы, которая, по его словам, не обладала защитными свойствами, не сопровождаясь воспалением и эризипелазом, необходимыми последствиями прививки эффективного вируса.

ОТКАЗ ОТ РЕЦЕПТА ДЖЕННЕРА.

Я уже говорил, что мир сердечно и безоговорочно приветствовал откровение Дженнера, но это наблюдение требует поразительной оговорки. Откровение Дженнера, изложенное в его "Расследовании", было суммарно и бесславно отвергнуто - отвергнуто абсолютно. Я хочу подчеркнуть этот момент. Дженнер опубликовал свое расследование, чтобы порекомендовать коровью оспу на лошадином жире, и я должен сказать, что общественность отказалась иметь что-либо отношение к коровьей оспе на лошадином жире. Происхождение коровьей оспы из лошадиного жира было названо непереносимым. Оно вызывало отвращение. Почему болезненные выделения из лошадиных пяток должны быть более отталкивающими, чем аналогичные выделения из коровьих сосков, не объяснялось; но, как мы все знаем, вкусы не учитываются. Были предприняты различные попытки проверить рецепт Дженнера, прививая коровам лошадиный жир, но они закончились неудачей - к счастью, как говорили, неудачей; ибо, как заметил доктор Пирсон (главный среди примитивных вакцинаторов), "само название "лошадиный жир" должно было погубить все дело". Что же предпринял Дженнер в этих обстоятельствах? Выступил ли он перед публикой и заявил об эффективности коровьей оспы на лошадином жире? Не он. Ему нужны были деньги. Он видел, куда дует ветер. Он не сказал ни слова о коровьей оспе; а поскольку публика стремилась любой ценой избавиться от неприятной прививки оспы и была настроена на безвредную замену коровьей оспы, он решил заняться коровьей оспой и выступить в роли ее первооткрывателя и пропагандиста.

ПРЕВРАЩЕНИЕ ДЖЕННЕРА.

Я не выдвигаю против Дженнера так называемого конструктивного обвинения, а просто излагаю простые, неоспоримые факты. Я прошу любого, кто сомневается в моих словах, прочитать "Расследование Дженнера", опубликованное в 1798 году, рецепт которого - коровья оспа на лошадином жире, и осуждение коровьей оспы. Затем перейдите к его петиции о предоставлении льгот, адресованной Палате общин в 1802 году, и что мы найдем? Ни слова о коровьей оспе, только это дерзкое утверждение

"Ваш проситель обнаружил, что болезнь, которая иногда встречается в особой форме среди крупного рогатого скота и известна под названием "коровья оспа", может быть привита человеку с наибольшей легкостью и безопасностью и сопровождается необычайно благотворным эффектом, делая на всю жизнь привитого человека совершенно защищенным от заражения оспой".

Это не было открытием Дженнера! Это была идея доярок, и в той части, которая касалась спонтанной коровьей оспы, Дженнер знал, что она не соответствует действительности. Тем не менее, как ни странно, Палата общин в какой-то мере удовлетворила это утверждение, и самозванцу присудили 10 000 фунтов стерлингов, а в 1807 году - 20 000 фунтов стерлингов.

КОРОВЬЯ ОСПА НА ЛОШАДИНОМ ЖИРЕ ОСТАЛАСЬ НЕЗАМЕЧЕННОЙ.

В качестве доказательства того, насколько полностью исчез из поля зрения рецепт Дженнера о коровьей оспе с лошадиным жиром, я могу сослаться на трактат доктора Уиллана "О вакцинации", опубликованный в 1806 году, где излагается все, что считалось важным в отношении новой практики; и хотя Дженнер свободно цитируется, однако ни лошадиный жир, ни коровья оспа с лошадиным жиром не упоминаются с первой до последней страницы. Вместо этого коровья оспа, по прихоти доярок с сайта, была превознесена как истинное профилактическое средство, очевидно, без подозрения на ее сомнительный характер.

Как я уже говорил, Дженнер не только не оказал никакого сопротивления этому удивительному превращению, но и подчинился ему, приняв вопрос за свой собственный. Поскольку публика предпочитала коровью оспу лошадиной, он не видел причин возражать, тем более что та же самая глупая публика жаждала, чтобы кто-то поклонялся ей за избавление от вариоляционной чумы. Мир огласился славословиями в адрес бессмертного Дженнера, спасителя человечества от оспы. В дыму таких благоговий неудивительно, что идол начинал верить, что его поклонники знают его лучше, чем он сам.

ПОДДЕЛЬНАЯ КОРОВЬЯ ОСПА.

Обещания вакцинации, ее абсолютная безопасность и безвредность, были быстро обмануты. Привитые заражались оспой, заболевали после операции, страдали от высыпаний и отеков, умирали. Поначалу эти казусы отрицались - категорически отрицались, а когда отрицать уже было невозможно, их пытались объяснить. Использованная коровья оспа могла быть не настоящей, а поддельной; и некоторое время поддельная коровья оспа сослужила отличную службу в качестве извинения, но постепенно оправдание стало приносить больше вреда, чем пользы. Случаев было так много, что люди стали бояться этой вездесущей поддельной коровьей оспы и спрашивать, что это такое и как ее можно избежать. Как может быть поддельная оспа? Кто слышал о поддельных болезнях? Молочники торгуют поддельным молоком, бакалейщики - поддельным сахаром, кузнецы - поддельной монетой; но, конечно, коров нельзя причислять к таким злодеям, как производители поддельной оспы! Это было абсурдно на первый взгляд, и абсурд этот подтвердился. Когда в 1806 году Дженнера допрашивал комитет Коллегии врачей, на него настойчиво требовали дать определение поддельной коровьей оспы, и тогда он "признался". Он ничего не знал о поддельной коровьей оспе. Слова были использованы не для описания каких-либо нарушений со стороны коровы, а для описания определенных нарушений в действии коровьей оспы на привитых: это означало, что если привитые выздоравливали благополучно и не заражались оспой, коровья оспа была подлинной; но когда последовательность действий была иной, почему тогда она была поддельной! Гениально и удобно, не правда ли?

ЛОШАДИНЫЙ ВИРУС ОПРАВДАН.

Возвращаясь к версии Дженнера о происхождении коровьей оспы из лошадиного жира, можно предположить, что он изменил свое мнение: но он не изменил своего мнения. Как было замечено, предпринимались различные попытки привить коров лошадиным жиром, и

эти попытки были неудачными; но последующие попытки были успешными. Таннер, ветеринар из Рокхэмптона, Глостершир, добился успеха к полному удовлетворению Дженнера. Доктор Лой из Уитби вообще отказался от коровы и сделал прививку лошадиным жиром, или лошадиной оспой, получив пузырьки, идентичные коровьей оспе. Однако большой успех в этой области принадлежит Сакко из Милана. От руки кучера, отравленной конским жиром, он привил девять детей, а от возникшего таким образом вируса оперировал всех подряд. В письме Дженнеру в 1803 году Сакко сказал: "Теперь признано и решено, что причиной вакцины является жир, и мы не можем слишком быстро изменить обозначение на лошадиный". Де Карро из Вены получил эту эквину от Сакко и так свободно и успешно использовал ее среди венцев, что, по его собственным словам, стало невозможно сказать, кто из горожан был привит, а кто вакцинирован.

Что же Дженнер сделал с этими подтверждениями? Его признали ошибочным, когда он утверждал, что коровья оспа, полезная для борьбы с оспой, была получена из конского жира. Стал ли он с триумфом апеллировать к доказательствам Сакко и говорить: "Вы считали меня неправым, но видите, я был прав!" Не он. Он хранил молчание. Он согласился, чтобы с ним считались как с заблуждающимся. Он стоял в стороне и позволял использовать коровью оспу, к которой у него не было ни малейшего доверия. И даже больше. Он согласился, чтобы его награждали и чествовали как первооткрывателя оспы (которую он не открывал), в которую он не верил и в самом начале своей карьеры прямо отвергал и осуждал. Он признал целесообразность отрицания связи между конским жиром и коровьей оспой. У него был свой счет к английскому народу, и не ему было создавать трудности. Однако, когда он получил все, на что мог рассчитывать, и избавился от Лондона и притеснений его знатоков, он вернулся к своему первоначальному мнению; и далее, подобно Сакко из Милана, он отказался от коровы и сделал прививку прямо от лошади. Он снабдил Национальный институт вакцин лошадиным вирусом; он отправил его в Эдинбург; он распространил его среди своих знакомых медиков; он назвал его "настоящей и подлинной жидкостью, сохраняющей жизнь". Что еще нужно сказать? Таков был Дженнер; такова была его тактика; и тот, кто возьмет на себя его защиту, возьмет на себя задачу, в которой ему не позавидуешь.

ЧТО ЖЕ ДЕЛАТЬ?

Дженнер умер в 1823 году, и на тот момент в ходу были три вида вируса: первый - коровья оспа от лошадиного жира или лошадиной оспы; второй - коровья оспа; третий - лошадиная оспа. Эти виды подвергались непостижимым изменениям при передаче от руки к руке: мы должны признать именно отдельные источники. Пациент, намеревающийся сделать прививку, мог бы спросить себя: "Что же это будет? Коровью оспу? Или лошадиную оспу? Или коровью оспу с лошадиной оспой? Что бы ответили такому вопрошателю, если бы он изложил свое недоумение своему медицинскому советнику, я могу только предполагать. Скорее всего, его бы упрекнули за вторжение в вопросы, не относящиеся к его компетенции. Маленькая девочка, которая пресекла скептицизм своего товарища сентенцией: "Это так, потому что так говорит мама; а если это не так, то это так, если так говорит мама", - иллюстрирует манеру отпора, который дается тем, кто лезет в профессиональные тайны. Вам платить, а нам думать - эта формула отнюдь не относится к церковникам.

КОРОВЬЯ ОСПА.

Дженнер с удовольствием описал коровью оспу как легкую форму оспы; но по какой причине, помимо своего удовольствия, он не объяснил. Тем не менее это предположение принесло свои плоды. Когда вирус не прижился, спрашивали: "Почему, если коровья оспа - это легкая форма оспы, нельзя прививать коровам оспу и выращивать урожай вируса? Были

предприняты различные попытки, в которых особенно отличился мистер Бэдкок из Брайтона. Мистер Джон Саймон, писавший в 1857 году, говорит: "С 1840 года по настоящее время мистер Бэдкок снова и снова получал свежие запасы вакцинной лимфы от искусственно зараженных им коров; он привил этой лимфой более 14 000 человек и направил ее более чем 400 практикующим врачам". Если вспомнить, что вирус для полудюжины или более прививок берется из одной руки и что этот процесс размножения повторяется каждую неделю, то можно составить некоторое представление о том, в каких масштабах эта коровья оспа распространилась по стране.

Первоначальное утверждение о том, что прививка дает пожизненный иммунитет от оспы, было неохотно отброшено под воздействием опыта, пока ни один уважаемый врач не стал притворяться, что этот обряд дает больше, чем частичную или временную безопасность. Однако в рекламе коровьей оспы были возрождены самые экстравагантные утверждения Дженнера. По словам мистера Саймона, для получателя коровьей оспы "ни повторная вакцинация, ни прививка от оспы, ни самый тесный контакт и совместное проживание с больными оспой не вызовут у него никаких остатков восприимчивости к инфекции". Неправда даже о вариоляции, но нет нужды оспаривать этот вымысел: достаточно занести его в протокол.

Гипотеза заключалась в том, что оспа, привитая корове, несколько утратила свою вирулентность; но если это так, то почему бы коровьей оспе, привитой человеку, не возобновить свою вирулентность? Мы склонны забывать, что природа вещей не зависит от наших желаний, и что наша заинтересованность в превращении оспы в коровью оспу и ее сохранении в виде коровьей оспы не является гарантией исполнения. Могу также заметить, что, хотя коровья оспа так широко вошла в оборот, нет никаких данных о том, в какой степени она вытеснила предшествующие выпуски коровьей оспы, коровьей оспы и лошадиной оспы. Насколько нам известно, все они существуют в общей крови, неотличимы друг от друга, более сильные выживают, более слабые вымирают: никто не знает и не может знать.

ОСУЖДЕНИЕ КОРОВЬЕЙ ОСПЫ.

То, что коровья оспа в любом смысле является коровьей оспой, тем не менее, широко оспаривается, при этом большое доверие вызывают исследования Лионской комиссии в 1855 году под председательством М. Шаво. Эта комиссия, по словам доктора Чарльза Камерона, "неопровержимо доказала, что оспу можно превратить в коровью оспу, пропустив ее через корову, не больше, чем дуб можно превратить в куст крыжовника". Считается, что коровья оспа - это болезнь коров, не имеющая ничего общего с оспой. Везикулы каждой из них могут быть внешне идентичны, как и везикулы, вызываемые применением тартарового эметика; но это не является доказательством существенной идентичности. По мнению доктора Джорджа Уайлда, "прививка оспы телице производит не вакцину, а модифицированную оспу, способную распространять оспу среди людей путем заражения"; а доктор Камерон смело приписывает недавний рост заболеваемости оспой использованию коровьей оспы для вакцинации.

Доктор Камерон также не одинок в этом мнении. Некоторое время назад у опекунов Голуэя не хватило вируса для вакцинации, когда было предложено привить оспу теленку. Как только Совет местного самоуправления в Дублине узнал об этом проекте, он был запрещен. Почему? Вот заключение секретаря: "Потому что вирус оспы, взятый у теленка, передаст эту болезнь человеку и тем самым станет плодородным источником распространения болезни; кроме того, оператор будет привлечен к ответственности в соответствии с законом, запрещающим прививать оспу". Таким образом, вирус, распространенный в Англии и

наделенный Саймоном чудодейственной силой, в Ирландии осуждается как опасный, а его использование запрещено!

КОРОВЬЯ ОСПА ВОЗРОЖДЕНА.

Постоянные катастрофы вакцинации, уверенная и предполагаемая связь человеческих болезней с вирусом, передающимся от руки к руке, побудили широко прибегнуть к коровьей оспе под названием "вакцинация животных", презрев тот факт, что болезни среди скота так же распространены, как и среди людей, и поддаются инокуляции. Тем не менее, страх перед инвакцинацией от сифилиса настолько силен и настолько оправдан, что приходится идти на другие риски, лишь бы избежать этого.

Коровью оспу хвалят как "чистую лимфу от теленка" - сладкий перифраз с привкусом Дафни и Хлои, Флоры и деревенской зелени - перифраз, используемый в ремесле или невежестве, поскольку "чистая лимфа" не способна вызвать вакцину, как чистое молоко или чистая слюна. Рецепт возвращает нас во времена Дженнера и к процедуре Дженнера. Как уже говорилось, глостерширские доярки верили, что после коровьей оспы они защищены от оспы, и Дженнер был очень впечатлен их верой, пока не обнаружил, что она не соответствует действительности. Если бы он обнаружил, что это правда, он мог бы рекламировать это профилактическое средство за тридцать лет до публикации своего "Расследования"; но если что-то и было определенным, то это то, что коровья оспа не предотвращает оспу.

Удовлетворенный тем, что коровья оспа *сама по себе* бесполезна для борьбы с оспой, он выделил разновидность коровьей оспы, полученную путем применения лошадиного жира, которой он с удовольствием приписал суверенную эффективность. Почему, спрашивается, он выделил и прописал именно эту разновидность коровьей оспы, если *сама по себе* она была эффективна? Вопрос отвечает сам за себя. Я не скажу, что коровьи оспы относятся к доказательствам Дженнера с пренебрежением; ибо таково их невежество, что я сомневаюсь, знают ли они об их существовании; более того, то, что нежелательно знать, инстинктивно избегают и держат вне поля зрения. Они рекомендуют свою "лимфу" как удивительно мягкую, не сопровождающуюся эризипелазом, вредителем вакцинации от руки к руке - описание, которое в точности совпадает с описанием Дженнером импотентной коровьей оспы. "Пустулы, - говорит Дженнер, - гораздо более мягкого характера", чем при коровьей оспе. "*Они не сопровождаются эризипелазом и не способны оказывать никакого специфического воздействия на человеческую конституцию*".

ШАРЛАТАН КОРОВЬЕЙ ОСПЫ.

И все же, как бы невероятно это ни казалось, именно восхвалением этой бессильной коровьей оспы, не сопровождающейся эризипелазом, была ошеломлена публика, и для этого были сделаны самые экстравагантные утверждения. Доктор Мартин, один из главных производителей и продавцов этой статьи, выступая в Британской медицинской ассоциации в 1881 году, сказал: "Временами меня вызывают в самые короткие сроки для вакцинации целых городов; и когда я уезжал из Америки, я только что закончил вакцинацию города Нью-Хейвен. Обычай состоит в том, чтобы посылать за мной или моим сыном в любое место, где вспыхивает оспа, с приказом немедленно сделать прививку всему населению города, поселка или окрестностей. Это делается немедленно, и результате эпидемия полностью прекращается в течение недели".

Так говорил шарлатан при молчаливом согласии медицинского собрания. Когда церковники сожалеют о скептицизме эпохи и упадке веры, следует заметить, что привычка ума ограничивается определенными видами мнений, а в целом мы так же доверчивы, как и

раньше. Человеческая природа по своей структуре удивительно неизменна. Где преимущество не верить в колдовство и верить в то, что эпидемии оспы можно остановить коровьей оспой?

ПРИЛИЧНОЕ ЕДИНОДУШИЕ.

Таковы ведущие разновидности вируса, используемые для вакцинации: начиная с коровьей оспы Дженнера, затем коровьей оспы, затем лошадиной оспы, затем коровьей оспы и заканчивая возрожденной коровьей оспой; каждая из них непостижимым образом изменяется при переходе от ребенка к ребенку и от зверя к зверю. Мы постоянно слышим о чудесах, сотворенных вакцинацией в прошлом и настоящем - особенно в прошлом, в стране и за рубежом - особенно за рубежом, и предполагается, что вакцинация везде одинакова. Напротив, условием, предшествующим серьезному рассмотрению любого вакцинального чуда, является определение разновидности вакцинации. Мы признаем, что администраторам обряда удобно, чтобы он выдавался за единый, пусть и многообразный; ведь эта практика превратилась в большой и прибыльный бизнес - всемирный опрос-налог; и каковы бы ни были внутренние разногласия священства, они явно заинтересованы в том, чтобы демонстрировать приличное единодушие в присутствии своих клиентов. Поэтому беспокойство, недавно вызванное неосторожными сторонниками "чистой лимфы от теленка", было благоразумно снято не сопротивлением, а уступкой и проклятием слабой похвалы; коммерческий инстинкт диктует осторожность, ведь если публика проникнет за профессиональную ширму и откроет тайны оспы, что может постигнуть ремесло вакцинации!

ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНЫЕ ОТКАЗЫ ДЖЕННЕРА ОТ ОТВЕТСТВЕННОСТИ.

История вакцинации - это история неудач, и по мере того, как каждая неудача становилась очевидной, она более или менее искусно извинялась.

Много внимания уделяется заверениям. Людям нравятся безошибочные рецепты. Они предпочитают однозначную ложь двусмысленному ответу. Авантюристы это понимают и рассуждают соответствующим образом. Поэтому, когда Дженнер обратился к парламенту с просьбой о помощи, он сделал это в недвусмысленных выражениях. Он смело заявил, что коровья оспа "прививается человеку с наибольшей легкостью и безопасностью" и "сопровождается необычайно полезным эффектом, делая привитого человека на всю жизнь совершенно защищенным от заражения оспой". И снова он говорит: "Человеческий организм, однажды испытавший на себе влияние настоящей коровьей оспы, никогда в дальнейшем, ни в какой период своего существования, не подвергается нападению оспы".

Нет необходимости указывать на то, что Дженнер не имел оснований для своих утверждений. Его опыт охватывал не более нескольких лет, и поэтому он не мог знать, что его специфическое средство на всю жизнь обезопасит своих подопечных от оспы. Он поверил или заставил поверить в свою уверенность, а уверенность, будучи заразной, широко распространилась. Прививка от коровьей оспы стала модной среди занятых людей, как мужчин, так и женщин. Дамы особенно входили в число фаворитов и экспертов Дженнера, действовавших, по его словам, "с легкой руки". Коббетт пишет: "Джентльмены и леди сделали этот звериный товар своим карманным спутником; и если они видели на улице (по крайней мере, в Гемпшире) ребенка коттеджа, который не уходил быстро по пятам, он непременно уносил с собой большую или меньшую часть коровьей болезни".

Так случилось, что до введения вакцинации наблюдалось заметное снижение заболеваемости оспой, и это снижение было заслугой вакцинаторов. "Смотрите, - кричали они, - смотрите, что *мы* делаем!" Но они не обратили внимания на то, что спад наблюдался среди миллионов людей, не принимавших участия в спасении от коровьей оспы. Вскоре, однако, стали поступать сообщения о случаях заболевания оспой среди привитых. Сначала их отрицали. Их считали невозможными. Когда доказательства стали слишком убедительными, чтобы их опровергнуть, было сказано: "Должно быть, произошла какая-то ошибка при вакцинации; ведь невероятно, чтобы кто-то мог быть правильно привит и заболеть оспой: человеческий организм, однажды испытавший на себе влияние настоящей коровьей оспы, никогда впоследствии, ни в какой период своего существования не подвергается нападению оспы". То ли небрежность вакцинатора, то ли какой-то дефект коровьей оспы некоторое время успокаивали верующих, но в конце концов эти заверения полностью развеялись. Люди, привитые самим Дженнером, заразились оспой и умерли от нее. Тогда Дженнер сказал: "Я никогда не притворялся, что прививка более чем эквивалентна приступу оспы, и оспа после оспы - явление далеко не редкое; действительно, зарегистрированы сотни случаев, и расследование постоянно выявляет новые". Верно, очень верно; но как же тогда быть с заверениями и предсказаниями, под которые были прикарманы 30 000 фунтов народных денег: "Человеческий организм, однажды испытавший на себе влияние настоящей коровьей оспы, никогда впоследствии, любой период своего существования, не подвергается нападению оспы"? Нет, даже больше; Дженнер опустился еще ниже. Он сравнил прививку не только с оспой, но и с вариоляцией, то есть с прежней практикой прививки оспы; а поскольку, по его словам, хорошо известно, что вариоляция не является надежной защитой от оспы, почему люди должны обижаться, когда оспа подобным образом иногда следует за прививкой? Действительно, почему! Но тут же прозвучало обещание: "Человеческий организм, однажды испытавший на себе влияние настоящей коровьей оспы, никогда впоследствии, ни в какой период своего существования, не подвергается нападению оспы". В письме к своему другу Муру в 1810 году Дженнер сказал: "Случаи оспы после прививки бесчисленны". И снова: "Можно было бы собрать тысячи; ведь каждый приход в королевство может рассказать о своем случае". И он спрашивал другого корреспондента, Даннинга, в 1805 году: "Неужели кто-то может быть настолько абсурдным, чтобы утверждать невозможность оспы после прививки!" И это говорит Дженнер, который в 1802 году обманул нацию, заверив, что "привитая коровья оспа обладает необычайно благотворным эффектом, делая привитого человека совершенно защищенным от заражения оспой на всю жизнь"!

Таков был Дженнер; такова его непоследовательность; таковы признания, которые он был вынужден сделать под влиянием многочисленных и явных неудач.

ОСПА СТАЛА БОЛЕЕ МЯГКОЙ.

Когда вакцинация не дала той защиты, которая была изначально гарантирована, были придуманы различные объяснения, чтобы позволить тем, кто говорил слишком высокопарно, съесть скромный пирог без болезненных замечаний. Одним из самых распространенных оправданий было то, что если прививка не предотвращает оспу, то делает ее более мягкой: поскольку никто не знал и не мог знать, насколько тяжелым был бы любой приступ оспы без прививки, это утверждение было столь же неоспоримым, как и обратное - а именно, что прививка не только делает оспу более тяжелой, но и часто провоцирует болезнь. Существует множество утверждений, с которыми невозможно считаться, поскольку для их проверки потребовалось бы всеведение. Давайте остерегаться таких утверждений. Не будем ни делать их, ни терпеть, чтобы они нам навязывались.

ПРОКОЛЫ, ОДИН ИЛИ НЕСКОЛЬКО.

Еще одно оправдание было выдвинуто в отчете Национального учреждения по вакцинам в 1814 году. Было сказано, что неудачи в вакцинации происходят из-за практики делать только один прокол для введения вируса. Один прокол неэффективен! Почему, если один прокол неэффективен, то как объяснить первые чудеса вакцинации, которые все были сделаны с помощью одного прокола?

МР. ПРОТЕСТ РИГБИ.

В те дни в Норвиче жил выдающийся хирург Эдвард Ригби, и он сразу же выступил с протестом против новой доктрины. Написав в "Медицинский и физический журнал" в августе 1814 года, он сказал: "Для этого нет никаких физиологических причин, и я полагаю, что будет трудно доказать, что одна идеальная пузырька, которая проходит через обычные стадии и демонстрирует характерные проявления этого необычного заболевания, может быть меньшим эффектом конституционального поражения, чем любое данное число Нельзя сомневаться в том, что одна идеальная везикула обеспечивает такую же полную защиту от Variola, как и любое неопределенное количество; И если это так, то представляется очевидным возражение против излишнего умножения везикул, *которые во всех случаях проходят через высокую степень воспаления, часто сопровождаются болезненной опухолью и даже нагноением в подмышечной впадине*, и, если подвергаются на более поздних стадиях любому насилью, *склонны принимать очень неприятную язву*, тем более что маленькие дети, которые в настоящее время являются основными объектами вакцинации, наиболее склонны страдать таким образом." У Ригби была лучшая сторона аргумента. Как он заметил, для рекомендации множественных проколов не было приведено ни одной физиологической причины; да и не было такой причины никогда. Смысл вакцинации заключается в том, что в организм вводится вирус, который вызывает лихорадку, эквивалентную приступу оспы; а поскольку оспа редко повторяется в течение жизни, можно надеяться, что природа милостиво признает замену реальности. Органические яды, такие как вакцина, действуют подобно огню или ферменту. Количество не имеет значения. Чтобы разжечь жар, избыток - это отходы. Царапина при вскрытии так же смертельна, как и рана. Один укус бешеной собаки может вызвать гидрофобию с той же вероятностью, что и дюжина. Укус кобры может быть почти незаметен, но для смерти достаточно укола". Сэр Джеймс Пейджет говорит о вирусе вакцины, что "введенный однажды, в почти бесконечно малом количестве, но размножаясь или иным образом воздействуя на всю кровь, он изменяет ее раз и навсегда".

Таково обоснование вакцинации, и если бы я был вакцинатором, я бы придерживался позиции, занятой Ригби, и утверждал, что один прокол так же эффективен, как и дюжина, поскольку с помощью одного можно вызвать лихорадку, которая является неотъемлемой частью вакцинации; добавляя, по словам Ригби, что, поскольку один прокол во всех случаях сопровождается высокой степенью воспаления, часто болезненной тумесценцией и даже нагноением в подмышечных впадинах, которые в случае насилия склонны переходить в очень неприятные язвы, особенно у маленьких детей, крайне нежелательно увеличивать число таких опасных ран.

МИСТЕР (МАРК) МАРСОН.

Я не знаю, что осуждение одиночных проколов в то время, семьдесят лет назад, имело большой эффект. Два прокола стали обычным явлением, главным образом для защиты от возможной неудачи одного. В последние годы стало модным прибегать к многочисленным

проколам. Мистер Роберт Лоу, ныне лорд Шербрук, в Палате общин в 1861 году говорил о "прекрасном открытии, которое было сделано, что безопасность вакцинации может быть почти бесконечно увеличена путем умножения количества проколов"! Главным автором этого замечательного открытия был мистер Марсон, в течение многих лет хирург оспенной больницы в Хайгейте. Он оценивал эффективность вакцинации по знакам и так много говорил о знаках, что я обычно думаю о нем как о Марксе Марсоне. Он говорил: "Хорошая вакцинация - это когда люди были привиты в четырех или более местах, оставив хорошие цикатрии. Я определяю хороший цикатрикс следующим образом: хороший вакцинный цикатрикс может быть описан как отчетливый, с ямками, точками или выемками, в некоторых случаях лучистый, с хорошо или достаточно хорошо очерченным краем. Индифферентный цикатрикс - нечеткий, гладкий, без углубления, с неровным или плохо очерченным краем. Когда я обнаруживаю, что человек был привит по крайней мере в четырех местах, оставив хорошие следы, подобные тем, что я описал, этот человек неизменно, *или почти неизменно*, болен оспой в очень легкой форме".

Читая подобное заявление, мы возвращаемся к обоснованию вакцинации и спрашиваем, какое отношение могут иметь следы к ее эффективности? Помните, что Марсон не предложил никаких объяснений своему заявлению. Ему было достаточно сказать: "Так и так, я наблюдал, и вы можете поверить мне на слово". Но в науке мы не верим на слово. Мы должны видеть, или, как корнуольцы Трелони, мы должны знать причину. Марсон предстал перед Комитетом по вакцинации Палаты общин в 1871 году и изложил свою доктрину о марках со всеми оговорками и несоответствиями, характерными для жертвы причуды в столкновении с фактами, которые его причуда не может включить или учесть.

МР. ИССЛЕДОВАНИЯ КОЛЕСНИКА.

Смертельные случаи оспы протекают в слитных случаях, а в слитных случаях следы от прививок редко проявляются так, чтобы соответствовать описанию Марсона: следы отчетливые, с ямками, точками или выемками, с хорошо или достаточно хорошо очерченным краем. И в этом вопросе наш острый и трудолюбивый друг, мистер Александр Уилер, изучил записи оспенных больниц и доказал, что большое или малое количество прививок не оказывает никакого влияния на характер оспы или ее проявления. Как показывает мистер Уилер, классификация оспы на дискретную и сливающуюся является единственным ключом к правильной оценке летальности заболевания. Оспа в дискретной форме, то есть когда пустулы выражены и разделены, не опасна, если не осложнена другими заболеваниями, подавляющее большинство пациентов выздоравливают, как вакцинированные, так и невакцинированные. Борьба между жизнью и смертью ведется в сливающихся случаях, когда пустулы расположены так близко, что сливаются друг с другом; именно на этих сливающихся случаях, а также на условиях и предшественниках страдальцев и следует сосредоточить внимание. Существует третья форма оспы, злокачественная, которая встречается в основном у людей с нерегулярным образом жизни и почти всегда приводит к летальному исходу, и, как признают сами вакцинаторы, прививка при злокачественной оспе не дает никаких шансов ее жертвам.

МР. РОБИНСОНА.

Тем не менее, как отметил мистер Энох Робинсон, *есть* что-то, что можно сказать о том, что Марсон называл хорошими знаками вакцинации. Часть реальности, которая лежит в основе иллюзии знаков, заключается в том, что хорошо сформированный вакцинный рубчик

представляет собой сильную жизненную силу с энергичным заживлением; в то время как плохо сформированный рубчик представляет собой противоположную привычку организма; и, *pari passu*, те, кто хорошо заживает при вакцинации, скорее всего, лучше выздоровеют в случае заболевания оспой. Хорошие отметки - это просто признаки хорошей конституции, а все остальное - следствие. Aught beyond - это просто медицинская ерунда, наравне с верой в приметы и гаданием на чайных чашках.

ЖЕСТОКОСТЬ МАРКИРОВКИ.

Вакцинация, в какой бы форме она ни проводилась, - это плохо, но вера в метки усугубляет ее жестокость. Мистер Клэрмонт, вакцинатор Сент-Панкраса, оперирует по тысяче младенцев, нанося каждому по четыре метки. На недавнем дознании по делу младенца, ставшего жертвой его рук, я слышал, как он сказал: "Матери почти всегда протестуют". Конечно, протестуют. Что это были бы за матери, если бы они не протестовали! Помимо яда, такие раны очень серьезно влияют на жизнь младенца. На днях мистера Янга вызвали к умирающему младенцу, привитому этим Клэрмонтом. До прививки он был совершенно здоров, но после - уже нет. С момента операции он был поражен болезнью. "В гробу, - говорит мистер Янг, - он лежал, как детская кукла - бедный младенец истлел".

Я был рад увидеть в "Таймс" около года назад письмо доктора Олнатта из Челтенхема, в котором он протестовал против жестокости вакцинации, применяемой к детям бедняков. Он вспоминал времена, когда он был учеником доктора Уокера в 1825-26 годах, и его инструкции заключались в том, чтобы окунуть острое ланцета в свежую лимфу, осторожно ввести его, не пуская кровь, под порез предплечья и защитить ранку легким компрессом. "Но сейчас ситуация изменилась", - говорит он. "Некоторые вакцинаторы используют настоящие орудия пыток. Острия из слоновой кости вбиваются в плоть, и образуются раны, которые становятся эрозивно-язвенными, а при нежной конституции слабых детей - смертельными".

Сейчас ситуация изменилась, говорит доктор Олнатт, но почему она изменилась? Да потому, что при прежних условиях вакцинации все больше и больше убеждались в том, что она не защищает от оспы; и чтобы сохранить обряд и выгоду от него, была изобретена, а точнее, возрождена, доктрина знаков, которую превозносили как некое откровение с небес.

ВВЕДЕНА РЕВАКЦИНАЦИЯ.

Когда выяснилось, что вакцинация не является профилактикой оспы, возникло предположение, что она может потребовать возобновления, и это предположение очень огорчило Дженнера. По его словам, оно должно было "принести неопиcуемый вред", лишив его открытие "более чем половины его достоинств". Но поскольку опыт продолжал опровергать утверждения о вакцинации как о постоянной защите, было естественно, что те, кто был заинтересован в ее эффективности, должны были попытаться восстановить ее слабеющий авторитет. Так начала практиковаться ревакцинация. В период с 1830 по 1835 год в армии Вюртембурга была проведена 13 861 ревакцинация. Доктор Холланд (впоследствии сэр Генри), зафиксировав в 1839 году накапливающиеся доказательства бесполезности вакцинации, рекомендовал ревакцинацию как возможное средство, и эта рекомендация постепенно приобрела авторитет. Лондонская медицинская газета в 1844 году смело провозгласила: "Ревакцинация, ревакцинация!". Но уже в 1851 году Национальный институт вакцин протестовал против этого нововведения, заявляя: "Ограничение защитной силы вакцинации каким-либо возрастом или каким-либо сроком лет - это гипотеза, противоречащая опыту и совершенно не подкреплённая аналогией". Однако каким бы ни был опыт и какими бы ни были аналогии, неоспоримым фактом оставалось то,

что вакцинация в самой безупречной форме не предотвращала оспу, и для того, чтобы сохранить веру общества и государственные деньги, необходимо было применить какую-то новую хитрость. Трудно было отказаться от первоначального утверждения об эквивалентности вакцинации оспе; но когда дьявол подгоняет, приходится это делать; так что пришлось признать, что Дженнер ошибался, и обряд вакцинации, чтобы быть эффективным, должен быть возобновлен.

ВАКЦИНАЦИЯ.

Доктор Колин выражает общепринятое медицинское мнение, говоря: "Мы не должны останавливаться на одной прививке. Мы должны утвердить в общественном сознании твердое убеждение, что вакцинопрофилактика является реальной и полной только при периодическом возобновлении"; а доктор Варломон, главный бельгийский вакцинатор, идет еще дальше, советуя и практикуя то, что он называет *вакцинацией*; это означает, что каждый объект обряда должен прививаться снова и снова, пока везикулы не перестанут реагировать на введение вируса. Тогда, и только тогда, жертва может быть гарантирована от оспы! Вот до чего дошли вакцинаторы. Если бы их страховка была действительной, сумма страхового взноса превысила бы основную сумму, и при этом нет никаких оснований полагать, что новое средство защиты ни на йоту не лучше старого. В этих неистовых рецептах мы видим шарлатанство в предсмертных муках.

АБСУРДНОСТЬ РЕВАКЦИНАЦИИ.

Что касается ревакцинации от оспы, то она абсурдна и должна быть признана абсурдной. Основная заболеваемость оспой приходится на молодых людей, в отношении которых нельзя утверждать, что влияние первичной вакцинации исчерпано. Субъекты ревакцинации выходят или уже вышли из оспенного возраста; и, как доказывает статистика армии и флота, наши солдаты и моряки не более свободны от оспы, чем невакцинированное гражданское население соответствующих лет. В этом вопросе верны старые слова: *Populus vult decipi; decipiatur*.

СНИЖЕНИЕ ЗАБОЛЕВАЕМОСТИ ОСПОЙ.

С какой стороны ни посмотри, первоначальные и последующие утверждения, сделанные в пользу вакцинации, как видно, потерпели крах; но от практики, наделенной и принудительно применяемой в качестве налога на население в интересах медицинской профессии, нельзя легко отказаться. Вместо этого выдвигается целый ряд более или менее изобретательных защит.

I.- Одной из них является сокращение оспы. Говорят: "Когда-то оспа была распространенной болезнью, а теперь встречается сравнительно редко. Как мы можем объяснить это улучшение иначе, чем введением вакцинации?"

Ответ заключается в том, что заболеваемость оспой снижалась до введения вакцинации, и это несмотря на широкое распространение болезни путем вариоляции; снижение заболеваемости продолжалось в течение первой половины нынешнего столетия, пока девять десятых людей не были вакцинированы. Некоторые болезни, некогда широко распространенные, сократились или исчезли; почему же мы должны приписывать несоизмеримым причинам подобное сокращение оспы? Проказа, некогда широко распространенная в Англии, исчезла. Почему? Она угасала постепенно; но если

предположить, что одновременно с ее упадком в моду вошел бы какой-нибудь обряд, аналогичный вакцинации, то разве этот обряд не был бы в почете, и разве его практикующие не призвали бы весь мир в свидетели успеха их рецепта?

СПАСЛА ЛИ ВАКЦИНАЦИЯ ЖИЗНЬ?

II.- В той же линии защиты мы имеем утверждение о необычайном спасении человеческой жизни. Так, сэр Спенсер Уэллс в одной из недавних речей заметил: "Дженнер бессмертен как благодетель человечества. Возможно, это не общеизвестно, но это правда, что Дженнер спас, спасает и будет спасать во все грядущие века больше жизней за одно поколение, чем было уничтожено во всех войнах Наполеона".

Ответ на такое заявление - потребовать доказательств спасенных жизней. Доказательств нет. В конце прошлого века 20 процентов смертности в Глазго было вызвано оспой. Оспа уменьшилась, но уменьшилась ли смертность? Ни в малейшей степени. Доктор Роберт Уотт в 1813 году зафиксировал этот факт с изумлением. И то, что было верно для Глазго, было верно и для других городов и других групп населения. Может быть, оспа и прекратилась, но (если это не результат улучшения санитарных условий) работа по умерщвлению просто перекладывается на другие органы. Спасения жизни не происходит. То, что было загадкой для Ватта, стало менее загадочным с развитием санитарной науки. Зимозная болезнь в ее различных формах - это определенное развитие из определенных антисанитарных условий. На нее не влияют ни медицинские репрессии, ни спонтанная замена одной разновидности лихорадки на другую. По словам доктора Фарра, "чтобы спасти людей от оспы, недостаточно подвергать их воздействию других форм болезни. Так и в саду, где цветами пренебрегают, защита от чертополоха просто оставляет землю открытой для мира окружающих сорняков". Чтобы снизить уровень смертности от зимоза, необходимо уменьшить условия, в которых возникает зимозаболевание. Еще раз цитируя доктора Фарра: "Чтобы воздействовать на смертность, необходима защита от каждого из смертельных зимозных заболеваний; в противном случае подавление одного элемента болезни открывает путь для других". Доктор Уатт и доктор Фарр одинаково верили, что вакцинация останавливает оспу, и одинаково понимали, что исчезновение оспы не сопровождается спасением жизни. Сэр Спенсер Уэллс придерживается противоположного мнения, которое он разделяет со многими людьми, предпочитающими свободную игру предвзятого воображения трезвости точной информации.

КТО ТАКИЕ НЕВАКЦИНИРОВАННЫЕ?

III.- Затем нас просят поверить, что хотя вакцинация и не избавляет от оспы, она делает ее более мягкой, и в доказательство приводят низкие показатели смертности среди вакцинированных и высокие - среди невакцинированных.

Мы отвечаем, что для справедливого сравнения между вакцинированными и невакцинированными необходимо сравнить класс с классом, телосложение с телосложением, возраст с возрастом. Другими словами, субъекты оспы должны быть конституционно равны, их разница должна сводиться к наличию или отсутствию вакцинации. Это очевидно.

Но когда и где еще пытались провести такое сравнение? Да и нелегко это сделать: ведь привитые составляют лучшую часть общества, физически; но кто такие непривитые? Это бродяги и бродяжки цивилизации, потомство несчастных и бродяг, которые, не имея постоянного места жительства, ускользают от внимания вакцинатора. Эти люди, чем бы они ни болели - корью, пневмонией, диареей, - будут иметь более высокий уровень смертности,

чем привитые; но разве можно утверждать, что прививки полезны не только против оспы, но и против кори, пневмонии и диареи? И все же именно эти, самые низкие физически и самые запущенные слои населения, которые попадают в оспенные больницы, выставляются в качестве страшных примеров пренебрежения к вакцинации. Можно добавить, что они некрещенные, так же как и невакцинированные, и, вероятно, один недостаток может быть столь же пагубным, как и другой.

ПОКАЗАТЕЛИ СМЕРТНОСТИ СРЕДИ НЕПРИВИТЫХ.

На этом наши споры не заканчиваются. Предрассудки в пользу вакцинации таковы, что плохой случай заболевания оспой принимается за невакцинированный. Снова и снова было доказано, что умершие от оспы вакцинированные пациенты регистрировались как непривитые, а их смерть принималась за доказательство отсутствия спасительного обряда. При тяжелых формах оспы, когда следы вакцинации незаметны, больного часто записывают в непривитые. Доктор Рассел из больницы Глазго рассказывает, что пациенты, поступившие как непривитые, показали отличные результаты, когда их оставили на время выздоровления. Если бы они умерли, то пополнили бы ряды страшных примеров.

Именно этим объясняется высокий уровень смертности среди непривитых, а составители больничных отчетов, похоже, соперничают друг с другом в экстравагантности. В газетах нас постоянно призывают признать свою глупость и покаяться, потому что 40, 60 или 80 процентов невакцинированных погибли в той или иной больнице *из-за отсутствия вакцинации*. Для нас такая статистика - мошенничество на лицо, и чем больше ее клятвенно заверяют, тем более беспринципными оказываются ее продавцы. Когда в прошлом веке все были невакцинированы, уровень смертности от оспы в больницах составлял около 18 процентов. Теперь нас просят поверить, что смертность удвоилась, утроилась, увеличилась в четыре раза, и, по-видимому, не по какой-либо другой причине, а только для того, чтобы прославить вакцинацию.

МЕДСЕСТРЫ НЕ БОЛЕЮТ ОСПОЙ.

IV.- Далее утверждается, что медсестры в оспопрививательных больницах никогда не заражаются оспой, потому что они ревакцинированы.

Чтобы подтвердить это утверждение, необходимо доказать, что до введения вакцинации, а точнее ревакцинации, медсестры часто становились жертвами этой болезни. Попытка не предпринимается, и разумно, поскольку неудача была бы заметна. Дженнер никогда не рекомендовал вакцинацию в качестве защитного средства для медсестер. Их общий иммунитет, как и иммунитет врачей, отмечен во всей нашей старой медицинской литературе, и причину этого далеко искать не надо. Оспа - это преимущественно заболевание молодых людей, и не более удивительно, что медсестра должна быть защищена от нее, чем от кори, коклюша или скарлатины. Медсестры время от времени болеют этими болезнями, а также время от времени болеют оспой.

Если ревакцинация сохраняет медсестер от оспы, которой они подвергаются в самой интенсивной форме, она должна в гораздо большей степени сохранить солдат, моряков, полицейских и почтальонов, чье воздействие несравненно менее интенсивно; однако эти

слуги государства (как уже отмечалось) так же подвержены оспе, как и их невакцинированные сограждане соответствующего возраста.

Говоря прямо, выбор столь тяжелой и отталкивающей профессии выдает в оспопрививателе невосприимчивость и малую склонность к заражению. Оспа также похожа на табак: привычка укрепляет конституцию против ее непосредственного воздействия. Если выдержать атмосферу оспенного госпиталя в течение двух недель, то, скорее всего, она останется терпимой. С другой стороны, если доброволец заболевает на испытательном сроке, его не причисляют к медсестрам. Наконец, многие медсестры поступали в больницы в качестве пациентов и соглашались на работу, не имея другой профессии. На этих основаниях аргумент о медсестрах распадается безвозвратно. На первый взгляд, в этом что-то есть, но при тщательном рассмотрении это ничего не доказывает.

ЛИЦА В ПЯТНАХ.

V.- Еще один излюбленный аргумент в пользу вакцинации - исчезновение лиц с пятнами. Люди говорят, что в молодости такие лица были обычным явлением, а теперь они стали редкостью; и спрашивают: что могло вызвать такое изменение, если не прививка?

Один медик на публичном собрании попытался опровергнуть некоторые статистические данные против вакцинации, сказав, что статистикой можно доказать все, что угодно; а затем рассказал, что когда его мать была девочкой, каждый третий человек, которого она встречала, был с пятнами. Она неоднократно говорила ему об этом, и в ее правдивости можно было не сомневаться. Таким образом, статистика в целом не заслуживала доверия, но статистика его матери не вызывала сомнений.

Мы без колебаний можем допустить, что в те времена, когда оспа была распространена и культивировалась, лиц с отметинами было больше: но мы не должны забывать, что наличие или отсутствие отметин у пациента во многом зависит от лечения. В наши дни многие проходят через оспу, причем тяжелую оспу, и выходят из нее без отметин просто потому, что те, кто за ними ухаживает, соблюдают определенные меры предосторожности. В прежние времена все было иначе. Лечение оспы было ужасным. В больничной палате создавались условия для размножения паразитов путем исключения доступа воздуха и поддержания высокой температуры. Пациент задышался под постельным бельем. Ему не разрешалось ни мыться, ни менять белье. Его пичкали физическими препаратами и стимуляторами. В больницах пациентов укладывали по двое или трое в кровать и тушили вместе. Если при таких обстоятельствах больные возвращались к жизни израненными, что ж тут удивительного! Пациенты, которым посчастливилось остаться в одиночестве, имели больше шансов на выздоровление.

Кроме того, оспа не была распространена одинаково. В некоторых местах она была эндемичной, в других появлялась через определенные промежутки времени, а в третьих о ней почти не знали. Уровень смертности от оспы в Глазго был вдвое выше, чем в Лондоне, и, следовательно, можно сделать вывод, что лиц с оспинами в Глазго было вдвое больше, чем в Лондоне. Поэтому, когда мы обращаемся к воспоминаниям, они должны быть локализованы. То, что может быть верно для одной популяции, может быть совершенно не верно для другой.

Было замечено, что заболеваемость оспой пошла на спад к концу прошлого века, и этот спад ускорился в нынешнем столетии, независимо от вакцинации. Прекрасной иллюстрацией этого снижения оспы служат отчеты Национального учреждения по вакцинации за 1822,

1825 и 1837 годы, где триумфально отмечается исчезновение в Лондоне лиц с оспинными пятнами и утверждается, что это результат вакцинации. В 1831 году доктор Эппс, директор Королевского Дженнерианского общества, сделал подобное наблюдение и подобное утверждение, заявив: "Сейчас редко можно увидеть слепых от оспы людей. Редко можно увидеть испещренное язвами и обезображенное лицо"; и добавил: "Но редко человечество спрашивает о причине. Это вакцинация. Именно вакцинация сохраняет мягкие и округлые щеки невинности и еще более пленительные формы женской прелести". Поскольку в 1831 году не было привито и десяти процентов населения, утверждение о вакцинации было абсурдным, а исчезновение лиц с пятнами было вполне объяснимо уменьшением распространенности оспы.

Где же тогда аргумент в пользу вакцинации, основанный на исчезновении лиц с отметинами? Когда кто-нибудь в возрасте до семидесяти лет начинает декламировать легенду: "Бесполезно спорить против вакцинации, потому что, когда я был молодым, каждый третий или четвертый человек был в оспинах" и т. д. и т. п., эффект получается забавный. Он показывает, насколько мы склонны воображать, что видели то, что, по нашему мнению, должны были видеть. Еще более забавно, когда люди в возрасте пяти-двадцати и тридцати лет заявляют о том же опыте - "Когда я был мальчишкой", и так далее, и тому подобное. В галлюцинациях есть повод как для размышлений, так и для смеха.

Тем не менее, если лица с пятнами не так распространены, как, должно быть, столетие назад, они отнюдь не редки; и если бы аргумент в пользу вакцинации был веским, то лица с пятнами были бы невакцинированными. Но так ли это? Те, кто потрудится навести справки, обнаружат, что почти всегда они были привиты, а некоторые из них - неоднократно, причем прививки как бы вызывали оспу.

ВАКЦИНА - РЕАЛЬНАЯ БОЛЕЗНЬ.

До сих пор мы рассматривали вакцинацию в основном так, как будто ее вина сводится к неспособности предотвратить оспу; но вакцинация - это нечто большее, чем неэффективное заклинание. Это индукция острого специфического заболевания. Первой нотой вакцинации является эризипелас. "Воспаление при коровьей оспе, - говорил Дженнер, - всегда бывает эризипелатозным". Он считал, что коровья оспа, не сопровождаемая эризипелазом, "не способна произвести никакого специфического эффекта на человеческую конституцию". Если предполагается, что Дженнер устарел, мы можем сослаться на его выдающегося современника. Мистер Джон Саймон на вопрос "Является ли правильно проведенная вакцинация абсолютно безвредной процедурой?" решительно отвечает: "Вовсе нет; и она не претендует на это". Смысл вакцинации в том, что она передает легкую разновидность оспы, и что, получив немного дьявола, мы откупаемся от всего дьявола. Доктор Баллард, врач Совета местного самоуправления, в своем труде "Вакцинация: ее ценность и предполагаемые опасности" говорит: "Вакцинация - это не та вещь, с которой можно шутить или легкомысленно относиться к ней; ее нельзя проводить бездумно или без должного рассмотрения пациента, его образа жизни, а также обстоятельств времени года и места. Хирург и пациент должны держать в голове мысль о том, что один занимается передачей, а другой - приемом в свой организм *настоящей* болезни - такой же настоящей болезни, как оспа или корь; болезни, которая, как бы мягко и нежно она ни протекала, тем не менее, время от времени, как и любая другая экзантематозная болезнь, проявляет свой характер необычным проявлением вирулентности."

ЛЕТАЛЬНЫЕ ИСХОДЫ ОТ ВАКЦИНАЦИИ.

Здесь вакцина определяется как болезнь с мерами предосторожности для ее безопасного приема; тем не менее, допускается, что она может проявить себя с вирулентностью. Но где мы видим какие-либо меры предосторожности, применяемые при вакцинации бедных, то есть подавляющего большинства. Меры предосторожности не только игнорируются, они неизвестны, они неосуществимы. Младенцев всех видов и состояний оперируют так же безрассудно, как клеймят овец. Живут они или умирают - вопрос безразличия чиновников, в то время как за каждого из них полагается официальная плата. Сэр Джозеф Пиз, выступая в Палате общин, сказал: "Президент Совета местного самоуправления не может отрицать, что дети массово умирают в результате действия законов о вакцинации". Вакцинация вызывает острое специфическое заболевание (с определенным течением, как оспа или другая лихорадка), которое, будь то в результате небрежного лечения, или сверхиндуцированного, или скрытого заболевания, часто сопровождается серьезными и фатальными проблемами. Поэтому вакцинация вызывает ужас и отвращение у бедняков, которым она навязывается без обсуждения и смягчения; сама по себе являясь носителем болезни, она в то же время жестоко усугубляет слабость и недуг. Когда бедняки жалуются, что их дети получают увечья или погибают от прививок, им официально отвечают, что они ошибаются. Доктор Стивенс, известный сотрудник прививочного кабинета, говорит, что он видел больше прививок, чем кто-либо другой, и еще не был свидетелем ни малейшего вреда от этой практики.

Вариолаторы говорили то же самое о своей практике, пока не появились вакцинаторы и не уличили их во лжи. Коронер Ланкестер заявил, что вакцинация не является причиной смерти, "признанной законом", и, следовательно, невозможной причиной. Такое уклонение - это издевательство. Верно, что если ребенок умирает от прививки, он умирает от эризипелаза, или пиемии, или диареи, и достаточно легко игнорировать первичную причину и утверждать вторичную; но я хотел бы спросить: как еще может наступить смерть от прививки, кроме как от эризипелаза, пиемии, диареи или подобных последствий? Если вакцинация убивает ребенка, то как иначе она может убить? Даже если смерть наступит непосредственно от хирургического шока, можно будет сказать, что ребенок умер не от прививки, а от недостатка сил, чтобы выдержать тривиальную операцию. Санградо по схеме Стивенса никогда не обходится без перетасовок.

ВАКЦИНА, МОДИФИЦИРОВАННАЯ В РЕЦИПИЕНТАХ.

Обычно при расследовании смертельных случаев от прививок коронеры приводят детей, привитых в одно и то же время от одного и того же вакцинатора, и утверждают, что, поскольку они хорошо выздоровели, невозможно, чтобы вирус был виноват, и что причиной смерти должно быть что-то другое, а не прививка. Этот аргумент часто производит впечатление на присяжных, но он вопиюще ошибочен. Предположим, бешеная собака покусала шестерых человек, пятеро из них избежали травм, не ограничившись ранами и испугом, а один умер от бешенства, разве спасение пятерых докажет, что смерть шестого не была связана с собакой? Или предположим, что одинаковый отвар джина был введен шести младенцам, один из которых умер, а пятеро выздоровели, будет ли выздоровление пятерых доказывать, что джин не убил шестого? Мистер Стокер пишет в газетах, что он вакцинировал двенадцать других людей вирусом, который использовал для мисс Эллен Терри, и что поскольку у этих двенадцати человек не появилось никаких неприятных симптомов, следовательно, белокровие мисс Терри не связано с ее вакцинацией - и это несмотря на то, что неприятные симптомы появились именно тогда, когда вакцинация их объясняла! Любые доводы хороши для тех, кто настроен на убеждение и кто укрепился в мысли, что прививки неизменно безвредны.

Несомненно, есть вирус, используемый для вакцинации, который по своей вирулентности превосходит другие вирусы, как есть и вирус, который сравнительно безвреден; но, как заметил доктор Мид более века назад, "более важно, в какое тело вливается оспа, чем из какого она выводится". Один и тот же вирус, который при одном телосложении можно изгнать без особых усилий, может вызвать болезнь и смерть у другого. Доктор Джозеф Джонс, президент Совета здравоохранения Луизианы, рассказывает, что "во многих случаях, имевших место в армии Конфедерации, пагубные последствия вакцинации были четко связаны с состоянием войск и составом крови пациентов; Ибо в ряде случаев было замечено, что одна и та же лимфа от здорового младенца, привитая разным людям, давала разные результаты в зависимости от состояния системы; у тех, кто хорошо питался и был крепким, она не вызывала никаких болезненных эффектов, в то время как у солдат, подвергавшихся постоянному переутомлению, воздействию и плохому питанию, наблюдались самые серьезные результаты".

Некоторые конституции особенно подвержены поражению вирусом вакцины, так же как некоторые конституции не могут переносить лекарства, которые другие получают без неудобств. Поэтому в некоторых семьях часто случаются летальные исходы от прививок. Ни закон, ни медики не принимают их во внимание. Родители часто тщетно просят освободить их от этого обряда на том основании, что их дети уже пострадали или были убиты в результате его проведения; грубый и ненаучный аргумент звучит так: "Как прививка может навредить вашим детям, если она не вредит детям других людей?"

ВАКЦИНА ПЛЮС ДРУГИЕ БОЛЕЗНИ.

Доводы против вакцинации также еще не исчерпаны. Используемый вирус - это не только вакцина, но и нечто большее, чем вакцина; ведь невозможно распространять вирус от ребенка к ребенку, не перенимая других качеств. Это ясно предвидели вариолаторы, когда вводили вакцинацию - они стремились брать оспу для прививок у *известных* и *здоровых* людей. Они утверждали, что коровья оспа, передаваемая без разбора из рук в руки, *должна* приобрести и передать конституциональные пороки; и их предсказания быстро и печально оправдались в случае с сифилисом. Тем не менее, этот факт яростно оспаривался. Говорили, что родители используют вакцинацию как ширму для своих собственных злодеяний; утверждения чередовались с отрицаниями вплоть до наших дней. Наконец, конфликт подошел к концу. Доказательства стали слишком многочисленными и смертоносными, чтобы от них можно было уклониться. Вакцинация от сифилиса признана, и все вопросы сводятся к степени ее частоты. Некоторые с удовольствием называют риск бесконечно малым, но их удовольствие не означает ничего, кроме самого себя. Поступки выразительнее слов. Широкое распространение вакцинации животных на континенте и в Соединенных Штатах имеет только одно толкование. Врачи и пациенты не отказываются от того, что легко, ради того, что хлопотно, и не идут на риск передачи заболеваний крупного рогатого скота, если только не находятся под влиянием всепоглощающего ужаса.

СТАТИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ О ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ЗАБОЛЕВАНИЯХ.

Отношения индивидуального опыта можно игнорировать как не заслуживающие доверия, но широкие данные национальной статистики дают авторитетные уроки. Вакцинация в Англии стала обязательной в 1853 году, в 1867 году она была ужесточена и систематически распространялась на все население. Если бы поэтому было верно, что вакцинация часто передает больше, чем вакцина, и что она усугубляет существующую и возбуждает скрытую

болезнь, доказательство должно быть очевидным в статистике Генерального регистратора. Так утверждал мистер К. Х. Хопвуд, и, соответственно, он представил в Палате общин последовательно три отчета, опубликованные следующим образом: "Вакцинация, смертность", № 433, 1877; "Смертность (общая и младенческая)", № 76, 1880; и "Смертность (Англия и Уэльс)", № 392, 1880.

Эти отчеты, содержащие любопытную и достоверную информацию, малоизвестны, и в прессе о них принято молчать. Мракобесие не ограничивается церковниками. Наши доблестные журналисты, высмеивающие Index Expurgatorius и презирующие русскую цензуру, готовы в той же мере выступить в защиту устоявшихся предрассудков. Если вскрываются факты, противоречащие общественному доверию к вакцинации, считается не более чем приличным скрыть их от глаз.

О чем же свидетельствуют "Возвращения" мистера Хопвуда? Вкратце: они ясно показывают, что вакцинация действительно порождает, усиливает, возбуждает и прививает болезни, результатом которых является смерть. Данные о смертности младенцев от пятнадцати определенных болезней, связанных с вакцинацией, выглядят следующим образом

До принятия закона о вакцинации-1847-53

Умерло младенцев, 1847 г,	62,619
из населения в 17 927 609 человек.	

Обязательная вакцинация-1854-67-

Умерло младенцев, 1854 г,	73,000
Умерло. 1867,	92,827
Из населения в 20 066 224 человека.	

Принудительная вакцинация-1868-75

Умерло младенцев, 1868,	96,282
До. 1875,	106,173
Из населения в 22 712 266 человек.	

Таким образом, в то время как население Англии и Уэльса увеличилось с 18 до 23 миллионов человек, смертность младенцев от пятнадцати болезней возросла с 63 000 до 106 000. Если бы смертность шла в ногу с ростом населения, то в 1875 году число умерших составило бы всего 80 000 человек; то есть в 1875 году в Англии погибло 26 000 младенцев, которые остались бы живы, если бы вакцинация оставалась такой же малоэффективной, как в 1847 году! Результат, хотя и поразительный в целом, оказался именно таким, какой можно было предсказать. Младенчество страны не может систематически подвергаться заболеваниям, то есть вакцинации, без возбуждения и усугубления других болезней и, таким образом, увеличения урожая смерти.

ВАКЦИНАЦИЯ УСУГУБЛЯЕТ БОЛЕЗНЬ.

Утверждаемая связь вакцинации с другими заболеваниями, такими как бронхит, иногда дает повод для невежественных насмешек. "Бронхит, - говорит сэр Лайон Плейфейр, - имеет примерно такое же отношение к вакцинации, как пески Гудвина к Тентерденскому шпилю". Ответ заключается в том, что ослабление организма, вызванное вакцинацией, предрасполагает к поражению органов дыхания. Человеческое тело не состоит из изолированных отсеков, а представляет собой организованное целое, сочувствующее всем своим частям и функциям. Эризипелас, как мы видели, является первичным симптомом привитой вакцины, а диарея - ее наиболее частой последовательностью; а если учесть эризипелас и диарею, какие силы могут остаться, чтобы помочь и избавиться от других недугов? Нельзя сказать, что некоторые болезни передаются от прививок, но то, что прививки способствуют их фатальности. Младенец, который мог бы пережить бронхит, умирает от бронхита *и* прививки; умирает от прорезывания зубов *и* прививки; умирает от конвульсий *и* прививки; умирает от коклюша *и* прививки, и так далее. Опять же, болезнь порождает болезнь, и многие дети могли бы перерасти врожденную золотуху или фтизис, если бы скрытое расстройство не было разбужено вакцинацией. По этим причинам не приходится сомневаться, что если бы вакцинация была отменена, это событие немедленно ознаменовалось бы чрезвычайным падением младенческой смертности.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬНОЙ ВАКЦИНАЦИИ.

Если бы вакцинация была добровольным суеверием, ее распространенность была бы достаточно прискорбной; но когда мы думаем о том, что она навязана нации и давит на тех, кто знает, что это вредное самозванство, возникают высказывания, которые целесообразно пресечь. Можно спросить, как получилось, что законодательство когда-либо было скомпрометировано медицинским рецептом, и ответ не будет обнадеживающим. Первоначальной ошибкой было создание в 1808 году Национального учреждения вакцин и введение в 1840 году платы за вакцинацию из средств, выделяемых на содержание бедных. На принудительную вакцинацию никогда не было ни малейшего спроса со стороны населения. Однако люди узнали от санитаров, что значительная часть болезней, от которых они страдают, не является результатом судьбы, а предотвратима; и под влиянием этого нового убеждения огромные расходы на санитарные работы в течение последних пятидесяти лет были с радостью приняты. Воспользовавшись этим благосклонным отношением общественного мнения к проектам во имя здоровья, некоторые охотники за медицинскими учреждениями, действующие под названием Эпидемиологическое общество, сумели заручиться поддержкой правительства и принять закон об обязательной вакцинации в 1853 году. Политики, участвовавшие в этой сделке, отрицали, что знают о вакцинации. Они действовали, по их словам, по совету врачей, и провели законопроект через парламент без особого сопротивления. Закон не касался лично членов парламента. Если они верили в вакцинацию, их дети проходили этот обряд со всеми признанными мерами предосторожности. Его принудительное применение по контракту по цене 1s. или 1s. 6 д. за голову было зарезервировано для бесправной и бесконфликтной толпы; в то время как администрация закона обеспечивала место и зарплату для его изобретательных пропагандистов.

СОПРОТИВЛЕНИЕ, НЕПРЕКЛОННОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ.

Когда принимается деспотичный закон, какой бы ни была стратегия или коррупция, его отмена - дело непростое. Угнетатели выиграли девять пунктов владения. Тем не менее антагонисты закона о вакцинации обладают определенным преимуществом. Некоторые

плохие законы можно осудить лишь на расстоянии, но вакцинация затрагивает каждую семью, и с ней можно бороться везде, где ребенок становится жертвой этого обряда.

Мы ненавидим этот обряд. Мы ненавидим его как самозванство. Мы боимся его как опасности. Мы отказываемся от него на любых условиях. Мы поощряем, мы оправдываем, мы настаиваем на необходимости отказа. Наша позиция расширяется и процветает. В разных частях страны сопротивление было вознаграждено успехом. Злой закон был разрушен. Свобода была восстановлена, и ею наслаждаются. В других частях борьба за свободу продолжается, и по мере ее продолжения распространяется свет и пробуждается мужество для более активного сопротивления. В других местах происходят мстительные и жестокие судебные преследования, в основном скромных людей. "Уважаемых плательщиков", для которых закон нежелателен, а его наказания - пустяковое раздражение, незаметно обходят стороной. Тяжела, однако, участь бедняков, которые из любви к своим детям вызывают тупую враждебность и невежество английских филистеров, будь то опекуны или судьи на скамье подсудимых за несправедливость. Вскоре сотрудничество в области защиты и страхования от штрафов позволит самому слабому и боязливому сохранить свою неприкосновенность и встретить своих преследователей с непоколебимым фронтом. Парламент, как признают наши государственные деятели, глух к обиженным, пока они не сделают себя невыносимыми, и поднять себя до этого уровня должно быть нашей целью и задачей.

ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ВАКЦИНАЦИЯ.

Многие добрые люди огорчены действием этого необычного закона, и иногда в своем недоумении ищут оправдания: "Конечно, раз мы заставляем родителей обучать своих детей, то не может быть неправильным заставлять их делать прививки".

Мы отвечаем: образование является обязательным в той мере, в какой оно выходит за рамки совести. Принуждение предназначено для преодоления родительского безразличия и эгоизма: там, где оно сталкивается с серьезными убеждениями, оно пресекается. По общему согласию, наиболее важной частью образования является религия; и религия - это именно та часть образования, которая освобождена от принуждения. Закон даже не принуждает к *какой-либо* форме религии, так что родители, считающие религию излишней, не могут быть ущемлены.

Поэтому противники вакцинации требуют, чтобы уважение, оказываемое религиозной совести, было распространено и на научную совесть - на тех, кто убежден, что вакцинация не предотвращает оспу или является вредной практикой. Даже если допустить, что это безвредная церемония, сопротивление будет оправданным. Напрасно утешать баптиста, вынужденного нести своего ребенка к приходской купели, уверениями, что несколько капель воды не принесут вреда. Не в человеческой природе подчиняться оскорблениям самозванства; а для тысяч англичан вакцинация - жестокое и унижительное самозванство, и наказывать их за верность тому, что они считают правильным, - такая же тирания, как для католиков преследование протестантов, а для протестантов - католиков, а для католиков и протестантов - евреев. Нет никакой разницы в терминах нетерпимости; и нет никакой разницы в духе, с которым противостоит эта тирания последнего времени, и в том духе, с которым религиозная свобода была отстаивана и завоевана.

УСЛОВИЯ КОНФЛИКТА.

По мнению некоторых, конфликт не просто тяжел, он безнадежен; но мы придерживаемся иного мнения. Конфликт может оказаться даже менее трудным, чем кажется, и вот по каким

причинам. Закон в его нынешнем виде защищается бесцеремонно. Ни один политик не отвечает за него с неохотой. Многие признают, что была допущена серьезная ошибка, когда было принято законодательство о преимуществах работы врача под диктовку. Правительство Гладстона предложило отменить повторные штрафы. Центральные власти в Совете по делам местного самоуправления не скрывают непреодолимых трудностей, связанных с применением закона. Они советуют уступать его решительным противникам. Они не восстанавливают закон там, где он нарушен. Законодательство, дискредитированное таким образом, непременно рухнет под более сильным давлением. Медицинская поддержка еще слабее; она ограничивается в основном теми, кто представляет торговую часть профессии - людьми, которые будут защищать любые злоупотребления, какими бы вопиющими они ни были, если они установлены и выгодны. Принято восхвалять бессмертного Дженнера и спасение, которое он совершил, но это слова старой песни. Те, кто дошел до истоков дженнеровского обряда, кто знает о его абсолютном обещании и абсолютном провале, кто следил за его последовательными трансформациями и разновидностями с их соответствующими травмами и смертельными исходами, кто знает о вавилоне путаницы и противоречий, в который вовлечены его продажные практики, - все они, как мы говорим, понимают, насколько невозможно, чтобы вакцинация стала предметом обсуждения и выжила. Именно этим сознанием объясняется сдержанность более благоразумных медиков. Они оправдывают свое попустительство заблуждениям (на манер церковников) требованиями профессиональной лояльности и тем, что вред от этой практики преувеличен, а сама она служит утешением для пошляков. Именно по этим причинам мы считаем конфликт менее тяжелым, чем кажется. Укрепления подорваны, оплоты прогнили насквозь. Но над всем этим мы возлагаем надежды на всемогущую силу истины. Голиаф, могучий и хвастливый, всегда будет повержен гладким камнем, сформированным в водах истины.

СЛОВО АВТОРУ.

Историю этого великого заблуждения я постарался изложить кратко, придерживаясь фактов и за некоторыми исключениями придерживаясь английского опыта. Когда мы отправляемся за границу, мы склонны впадать в неточности и делать необоснованные выводы. Мне говорят, что моя враждебность слишком выражена и что я должен был бы добиться большего, если бы взял более судейский тон. Ну что ж! Мы всегда должны были поступать иначе, если бы поступали по-другому. Мне кажется, что человек лучше всего проявляет себя, когда он наиболее искренен; и я сомневаюсь, улучшил ли бы я свое дело, если бы попытался скрыть свои истинные мысли, чтобы в конце показать их в более яркой форме.

L'ENVOI.

И наконец, несколько слов тем, кто привык считать противников вакцинации глупцами и фанатиками. Рассказывают, что Сидней Смит, придя однажды утром к лорду Мельбурну, застал его светлость в дурном расположении духа и ругающимся на все лады. Смит, озабоченный собственными делами, в конце концов заметил, что им следует принять все за проклятое и приступить к делу. По этой же причине я предлагаю воспринимать привычную тираду о дураках и фанатиках так, как она прозвучала, и перейти к обсуждению вакцинации и принудительной вакцинации по существу.

ДР. КАТЕХИЗИС ГАРТА УИЛКИНСОНА.

Q. Когда коклюш не распространен, чем это обусловлено?

A. Природой.

Q. Когда скарлатина не распространена, чем это обусловлено?

A. Природой.

Q. Когда холера не распространена, чем это обусловлено?

A. Природой.

Q. Когда оспа не распространена, чем это обусловлено?

A. Вакцинация.

Q. Когда другие болезни с течением времени ослабевают или угасают, чем это обусловлено?

A. Природой.

Q. А когда оспа становится легкой или угасает, чем это обусловлено?

A. Вакцинация.

Санчо Панса.- Прошу вашу милость дать вам перевязать рану, ибо из этого уха идет много крови; у меня в кошельке есть немного ворса и белой мази.

Дон Кихот.- Все это было бы излишне, если бы я не забыл приготовить пузырек с бальзамом Фиребраса; ведь одной каплей его мы могли бы сэкономить и время, и лекарство.

Санчо Панса. - Какой пузырек и что это за бальзам?

Дон Кихот.-Это бальзам, получение которого я храню в памяти; имея его, можно не бояться ни смерти, ни того, что любая рана окажется смертельной: Поэтому, когда я сделаю его и дам тебе, все, что тебе нужно будет сделать, когда ты увидишь меня в какой-нибудь битве рассеченным на части (как это часто случается), - это честно и мягко поднять ту часть моего тела, которая упадет на землю, и с величайшей точностью, пока кровь не застыла, положить ее на другую половину, которая останется в седле, особенно тщательно следя за тем, чтобы они точно и справедливо сошлись. Затем дайте мне две порции бальзама, о котором говорилось выше, и вы увидите, как я сразу же стану здоровее яблока.

Санчо Панса: - Если это так, то я отказываюсь впредь от управления обетованным островом и желаю только, чтобы в уплату за мои многочисленные и добрые услуги ваша светлость выдала мне расписку в получении этого необыкновенного напитка, ибо, смею думать, он нигде не будет стоить больше двух реалов за унцию, а я хочу прожить эту жизнь безбедно и безбедно. Но прежде я хотел бы знать, дорого ли обойдется его изготовление?

Дон Кихот: - Меньше чем за три реала вы можете сделать девять пинт.

Санчо Панса. - Грешник я! Почему же ваше благородие медлит с изготовлением и показом его мне?

Дон Кихот: - Успокойся, друг, ибо я намерен научить тебя большим тайнам и оказать тебе большую любезность, а сейчас давай займемся лечением, ибо ухо мое болит сильнее, чем я мог бы пожелать.

ЧАСТЬ I. - ВАРИОЛИНОВАЯ ПРИВИВКА.

ГЛАВА I.

ХЛОПОК МАЗЕР И ЗАБДИЭЛ БОЙЛСТОН.

Туркам мы обязаны немногим, и к этому немногому относится практика искусственного вызывания оспы. Впервые на эту практику обратил внимание англичан Эмануэль Тимони в письме, датированном Константинополем декабрем 1713 года, которое было передано Королевскому обществу доктором Вудвордом и опубликовано в "Трудах общества" за 1714 год.^[1] Примерно в то же время Пиларини, венецианский консул в Смирне, описал эту практику в латинском памфлете, напечатанном в Венеции в 1715 году,^[2] и воспроизведенном в Philosophical Transactions за 1716 год. Мистер Кеннеди, английский хирург, посетивший Турцию, также сообщил об этой практике под названием "Прививка оспы".^[3]

Тимони был греческим врачом, который учился в Оксфорде и Падуе, а затем обосновался в Константинополе. Он описал "оспу через разрез", которая практиковалась в Константинополе в течение сорока лет и была признана одинаково успешной в борьбе с оспой в ее естественном развитии. Оспенное вещество обычно бралось у здоровых мальчиков, страдающих от спонтанного заболевания, и применялось к людям всех возрастов и темпераментов, причиняя им не более чем временные и незначительные неудобства. Единственная подготовка, необходимая для иссечения, заключалась в воздержании от мяса и бульонов в течение двадцати или двадцати пяти дней.

Случилось так, что когда Вудворд читал письмо Тимони в Королевском обществе, он в то же время сделал подборку из переписки Коттона Мазера из Бостона, штат Массачусетс, - любопытное нагромождение фактов и выдумок. Мазер был избран членом Общества, и подборки из его переписки и письмо Тимони появились в одном и том же номере Transactions, No. 338, 1714.

Коттон Мазер - одно из чудес биографии: прекрасный образец пуританства, развитого без всяких ограничений. Он был человеком безграничной энергии и неустанного труда, глубокого благочестия и безграничной уверенности в себе; и поэтому, не колеблясь, он взялся за искоренение колдовства, не уклоняясь ни от каких жестокостей, пока страшная

Салемская трагедия 1692 года не потрясла колонию, заставив ее проявить милосердие и здравый смысл.

Мазер был как раз тем человеком, на которого произвело впечатление описание Тимони короткого и легкого способа борьбы с оспой; и тот, кто с возвышенной уверенностью вешал колдунов и ведьм, вряд ли побрезговал бы сделать прививку всему обществу, если бы внутренне был уверен, что это делается для общественного блага. Дерзость и тирания совестливого самомнения известны всем. Однако ему пришлось проявить терпение, ожидая возможности испытать турецкое средство, поскольку в Бостоне не было оспы в течение девятнадцати лет - факт, который стоит отметить тем, кто считает, что оспа была вездесущим недугом до появления Эдварда Дженнера. В 1721 году произошла серьезная вспышка заболевания, и в октябре число умерших возросло до 100 человек в неделю при населении в 15 000 человек. Мазер созвал собрание врачей и представил им новый рецепт, но они не стали его слушать. Доктор Бойлстон, однако, был убежден и сделал прививку двум своим рабам, а затем своим сыновьям пяти и шести лет; после этого он был вызван к судьям и подвергнут суровому выговору. Не обращая внимания на действия государства и при поддержке церкви, он продолжал упорствовать и к концу сентября сделал 80 прививок, а к середине декабря - 250.

По его обычаю, на руках делалось несколько надрезов, в которые вставлялись кусочки ворса, смоченные в оспенном веществе. По истечении двадцати четырех часов ворсинки удалялись, а раны перевязывались теплыми капустными листьями. На седьмой день пациент заболел, и появлялись пустулы, иногда несколько, иногда сотни. Мазер и Бойлстон утверждали, что это самая полезная операция, так как после нее "слабые, сумасшедшие, больные люди становились здоровыми и избавлялись от своих прежних недугов".^[4] Заболеть оспой означало омолодиться.

Стоит прочесть рассказ Коттона Мазера о бостонском эксперименте. Он писал

10 марта 1721 г.

В последнее время оспа посетила город Бостон и опустошила его; и за чуть более чем полгода из более чем 5000 человек, перенесших ее, умерло около 900. Но сколько жизней можно было бы спасти, если бы наши несчастные врачи не отравляли и не околдовывали наш народ слепой яростью, которая выглядела как одержимость сатаной против метода облегчения и безопасности в виде прививки от оспы!

Я уговорил одного врача (за что подвергся кровавым покушениям на свою жизнь со стороны некоторых наших энергичных людей) ввести эту практику; и эксперимент был проведен почти на 300 объектах в нашем районе, молодых и старых (от года до семидесяти), слабых и сильных, мужчинах и женщинах, белых и черных, в середине лета, осенью и зимой, и он удался до восхищения!

Я не могу узнать, чтобы хоть один человек умер от этого, хотя эксперимент проводился при различных и удивительных обстоятельствах. Пять или шесть человек умерли от него или после него, но от других болезней или несчастных случаев; в основном от того, что заразились обычным способом, путем внушения, прежде чем это можно было сделать с помощью трансплантации".

Доктор Лей в своей "Естественной истории Ланкашира" считает достойным упоминания случай, когда некоторые кошки заражались оспой и регулярно проходили через это состояние, а затем умирали. У нас тоже случалось подобное.

Было замечено, что голубятни города не приносят плодов, а голуби не выводятся и не несутся, как обычно, все время, пока оспа находится в эпидемическом состоянии: и очень убедительно утверждается, что наши навозные птицы испытывают на себе подобное воздействие.

Среди нас есть много людей, которые много лет назад переболели чумой в других странах, но после этого никогда не болели оспой, хотя подвергались ей не меньше других людей; поэтому сейчас среди нас начинает преобладать мнение, что те, кто переболел чумой, никогда не заболеют оспой после нее.

Принимая во внимание все те доказательства, которые ждут нас в отношении характера и результатов прививок, было бы излишним обсуждать этот необычный доклад, но мы можем отметить непревзойденную смелость, с которой Мазер утверждает и поддерживает свою позицию. Какой мастерский штрих шарлатана мы находим в этих словах -

Я не могу узнать, что хоть один человек умер от этого. Пять или шесть человек умерли от нее или после нее, но от других болезней или несчастных случаев; в основном от того, что заразились обычным способом, путем внушения, прежде чем можно было сделать пересадку.

Мы можем легко понять, как рука, способная так ловко повернуть неловкие катастрофы, в другие дни могла выдвинуть неопровержимые обвинения в колдовстве.

Точную истину о масштабах бостонской эпидемии установить далеко не просто: у прививателей был соблазн преувеличить число пострадавших, а у их противников - преуменьшить. Таким образом, мы читаем.

На общественном собрании в Бостонском городском доме, перед мировыми судьями Его Величества и избранными людьми, были вызваны практикующие врачи и хирурги по вопросу о прививках, которые пришли к следующему заключению:...

Постановление о дебатах, проведенных врачами Бостона по поводу прививки оспы в 21-й день июля 1721 года.

Из многочисленных примеров следует, что она привела к смерти многих людей вскоре после операции и вызвала у многих других болезни, которые в конце концов оказались для них смертельными.

Что естественная тенденция вливания такой злокачественной грязи в массу крови - разлагать и гноить ее, и если не будет достаточной разрядки этой злокачественности в месте разреза или в другом месте, это закладывает основу для многих опасных болезней.

Операция имеет тенденцию к распространению и сохранению инфекции в том или ином месте дольше, чем это могло бы быть в противном случае.

Продолжение операции среди нас может привести к самым опасным последствиям.

Число людей, мужчин, женщин и детей, умерших от оспы в Бостоне с середины апреля прошлого года (будучи доставленными сюда тогда флотом Солтертуда) по 23-е число июля этого года (это самое жаркое и худшее время года для любой болезни), составляет, а именно. - 2 мужчины, чужестранцы, 3 мужчины, 3 молодых человека, 2 женщины, 4 ребенка, 1 негр и 1 индианка, всего 17 человек; и из тех, кто заболел, некоторые выздоровели, а другие надеются на выздоровление.

Избранными людьми города Бостона.

Доктор Флеуарт из Бостона написал в Лондон, что из 70 привитых умерло 14 или 15 человек; а в Роксбери, где оспы не было, умерло 5 привитых.^[5]

Как бы ни противоречили друг другу эти свидетельства, мы должны во многом объяснить естественное отвращение к операции, не только новой, но и отвратительной; но если взять лучшее, что мог заявить о новой практике ее восторженный сторонник, то при серьезном рассмотрении польза оказалась ничтожной. Доктор Бойлстон посетил Лондон после эпидемии в Бостоне и, обнаружив, что прививки в большом ходу, опубликовал "Отчет о прививках оспы в Новой Англии".^[6] Георг I, принц и принцесса Уэльские взяли прививку под свой августейший патронаж, и Бойлстон с верноподданническим пылом воскликнул.

Разве врачи и хирурги не должны рекомендовать и вводить ее в большее уважение и практику, и спасать (под Богом) тысячи и десятки тысяч с ее помощью; и делать дальнейшие улучшения в ней; и более энергично заниматься ею, когда они принимают во внимание их великий образец и пример для нее, а именно, величайших и мудрейших королей, их королевских высочеств принца и принцессы во главе ее; и что она была использована на их королевском выпуске с большим успехом?

Бойлстон в своем отчете описывает свои случаи, как нам кажется, с общей достоверностью. Он сделал 244 прививки и говорит, что "в городах близ Бостона было еще около 36 прививок, которые все прошли хорошо, а именно: доктор Роби - около 11, доктор Томсон - около 25, что вместе с моими 244 составляет 280; из этого числа умерло только 6 человек, несмотря на все трудности, с которыми сталкивалась практика".

Необычайно удивительной была та пустая уверенность, с которой Бойлстон, вместе с Мазером и другими, предполагал и утверждал, что 280 привитых были таким образом избавлены от чумы оспы и смерти. Если принять невероятное предположение, что 280 человек были средним показателем 15 000 жителей Бостона, из которых одна треть заболела оспой, мы должны абстрагироваться от двух третей из 280, или 186 человек, как излишне привитых, оставив 93 спасенных от оспы. Если мы затем спросим, сколько из них спаслись от смерти, и обратимся к статистике Бойлстона, который говорит

В 1721 и начале 1722 года в Бостоне было 5759 человек, заболевших натуральной оспой, из которых умерло 844; таким образом, доля умерших от натуральной оспы составляет один к шести, или между шестью и семью...^[7]

Мы находим число не более 15, из которого, если вычесть 6 человек, умерших под его рукой, его трофеи сокращаются до 9, чтобы спасти тех, кого он подверг 280 серьезным болезням и опасности - настолько серьезным, что в некоторых случаях (как явствует из его собственных записей) не было причин предпочитать привитую оспу спонтанной.

Если посмотреть на это в его собственном свете - свете наиболее благоприятном, - насколько напрасным, чтобы не сказать наглым, было такое хвастовство, как это...

Если найдется кто-нибудь, кто сможет найти достоверный отчет или историю любого другого метода или практики, которая перенесла такое количество людей всех возрастов, полов, конституций и цветов кожи, причем в самые плохие времена года, через оспу или любую другую острую болезнь с большим успехом, тогда я изменю свое мнение об этом; а до тех пор я буду ценить и уважать этот метод прививки оспы как самый полезный и успешный, который когда-либо был открыт и практиковался человечеством в этом мире".^[8]

И, набравшись храбрости от собственного шума, он пошел еще дальше и провозгласил, что оспа укрощена и покорена.

К похвале и славе Божьей признано и должно быть признано, что в то время как самая дикая, жестокая, свирепая и неистовая болезнь, погубившая миллионы жизней, теперь (благодаря счастливому открытию, сделанному при ее пересадке) стала укротимой, безопасной и нежной".[9]

Сознавая пустоту этой истории, может показаться, что злонамеренно выводить ее из забвения; но она служит указанием на истину, что человеческая природа в 1726 году была во многом такой же, как и в наши дни, и что те же искусства дерзкого утверждения и буйной риторики применялись тогда, как и сейчас. В самом деле, тот, кто достаточно злобен, чтобы полагаться на природную доверчивость людей, и будет лгать достаточно громко и долго, может добиться ужасающего успеха - как, увы, покажет наша история.

К чести Бойлстона следует отнести одно: он не предлагал сделать оспу универсальной, чтобы отравить и уязвить всех, нанести определенный вред здоровью, чтобы предотвратить будущую и неопределенную опасность от немногих. Он предлагал оставить прививки на крайний случай.

Когда оспа покинула Бостон, прививки прекратились; и когда Провидению будет угодно снова послать и распространить среди нас эту болезнь, пусть прививки возродятся, будут лучше приняты и продолжают служить благословением, оберегая многих от страданий, разложения и смерти".

Рассказы Мазера и Бойлстона имеют особое значение, потому что в них мы видим истинную историю прививок, как они были введены в восточном мире в западном. Бойлстон рассказывает, что когда оспа появилась в Бостоне...

Доктор Мазер, сочувствуя жизни людей, переписал из "Философских трудов Королевского общества" присланные докторами Тимониусом и Пиларинусом отчеты о прививке оспы в Леванте и разослал их практикующим врачам города, чтобы они рассмотрели их.[10]

По какой-то непостижимой причине истинное положение Коттона Мазера в истории прививок постоянно упускается из виду или излагается неверно. Например, в биографии Мазера в превосходной английской "Циклопедии" говорится, что он черпал информацию и импульс из писем леди Мэри Уортли Монтагу; это утверждение повторяется в мемуарах этой дамы, что совершенно неправдоподобно.

ССЫЛКИ:

[1] Philosophical Transactions, No. 338, 1714.

[2] Nova et Tuta Variolas Excitandi per Transplantationem Methodus. Jacob Pylarinum. Venet. 1715. Перепечатано в Philosophical Transactions, No. 347, 1716.

[3] Эссе о внешних средствах лечения. By P. Kennedy. Лондон, 1715 г.

[4] Philosophical Transactions, Vol. xxxii. p. 35.

[5] Письмо Исаака Мэсси доктору Джурину. Лондон, 1723.

[6] Исторический отчет об оспе, привитой в Новой Англии всем людям, белым и черным, всех возрастов и конституций. By Zabdiel Boylston. Лондон, 1726.

[7] An Historical Account, p. 39.

[8] *Ibid.* p. 38.

[9] *Ibid.* p. 46.

[10] An Historical Account, p. 1.

ГЛАВА II.

ЛЕДИ МЭРИ УОРТЛИ МОНТАНА.

"Что касается истории, - сказал герцог Мальборо, - то я знаю, что она ложна"; и тот, кому доведется подробно изучить любой исторический вопрос, будет склонен согласиться с герцогом. Обратившись к эссе Уолтера Бейджхота о леди Мэри Уортли Монтагу, я обнаружил следующий отрывок.

Она привезла из Турции понятие "прививка". Как и большинство новаторов, она была грубовата в общении. Медики злились, потому что такой практики не было в их книгах, а консерваторы перекрещивались, глядя на муки новой идеи. Религиозные люди считали нечестивым иметь болезнь, которую Провидение не сочло нужным послать вам; а простые люди "не любили заставлять себя болеть по собственной воле". Однако она одержала победу над всеми препятствиями; прививки, как выяснилось, действительно удлинняют жизнь и спасают цвет лица, вскоре стали всеобщими.[11]

Бейджхот любил точность и ненавидел легкоеверие; и все же в этих строках, произнесенных с такой же уверенностью, как в столбце таблицы умножения, содержится столько неточностей и легкоеверия, сколько можно вместить в это пространство. Давайте посмотрим, что леди Мэри на самом деле делала в вопросе прививок.

Мистер Уортли Монтагу был назначен послом при Порте и отправился в Константинополь осенью 1716 года в сопровождении своей жены, которой тогда шел двадцать седьмой год. В те времена Османская империя была могущественной и гордой, она не желала посылать своих представителей в христианские государства и принимала послов как торговых агентов или как носителей почтения от своих государей. Английский посол прибыл на место назначения в начале 1717 года, и не прошло и месяца, как леди Мэри успела оглядеться и оценить странный мир, в который она попала, и с дерзкой смелостью написала своей подруге мисс Саре Чисвелл следующее

Я собираюсь рассказать вам одну вещь, которая, я уверена, заставит вас пожелать оказаться здесь. Оспа, столь смертельная и столь распространенная среди нас, здесь совершенно безвредна благодаря изобретению *прививки* - так они ее называют. Есть несколько старух, которые делают эту операцию каждую осень, в сентябре, когда спадает сильная жара. Люди

посылают друг к другу, чтобы узнать, не хочет ли кто-нибудь из их семьи заразиться оспой: для этого они устраивают вечеринки, и когда они собираются (обычно пятнадцать или шестнадцать человек вместе), старуха приходит с ореховой скорлупой, наполненной веществом лучшего сорта оспы, и спрашивает, какие вены вы хотите вскрыть. Она тут же вскрывает ту, которую вы ей предлагаете, большой иглой (которая причиняет вам не больше боли, чем обычная царапина), вводит в вену столько яда, сколько может уместиться на головке ее иглы, а затем перевязывает рану полым кусочком скорлупы; и таким образом вскрывает четыре или пять вен. У греков есть суеверие вскрывать по одной в середине лба, на каждой руке и на груди, чтобы обозначить знак креста; но это имеет очень плохой эффект, все эти раны оставляют маленькие шрамы, и не делается теми, кто не суеверен, которые предпочитают вскрывать их в ногах или в той части руки, которая скрыта. Дети или маленькие пациенты играют вместе весь остаток дня и до восьмого находятся в полном здравии. Затем ими овладевает лихорадка, и они лежат в постели два дня, очень редко три. На лице у них очень редко бывает больше двадцати или тридцати [пустул], которые никогда не отмирают; через восемь дней они становятся такими же здоровыми, как и до болезни. Там, где они ранены, во время дистемпера остаются текущие язвы, что, несомненно, приносит ему большое облегчение. Каждый год тысячи людей подвергаются этой операции; и французский посол с удовлетворением говорит, что они принимают оспу здесь для отвода глаз, как принимают воды в других странах. Нет ни одного примера, чтобы кто-то умер от этой болезни; и вы можете поверить, что я очень уверен в безопасности эксперимента, так как намерен испытать его на своем дорогом маленьком сыне.

Я достаточно патриот, чтобы постараться ввести это полезное изобретение в моду в Англии; и я не преминул бы написать об этом некоторым из наших врачей, если бы знал кого-нибудь из них, кто, по моему мнению, обладает достаточной добродетелью, чтобы уничтожить столь значительную часть своих доходов ради блага человечества. Но эта болезнь слишком выгодна для них, чтобы не подвергнуть всеобщему негодованию того смельчака, который возьмется положить ей конец. Возможно, если я доживу до возвращения, то смогу отважиться на войну с ними". По этому поводу восхищайтесь героизмом в сердце вашего друга".

В этом письме был материал для идиллии об оспе - ничего проще, ничего надежнее, "оспа стала совсем безвредной". Но идиллии обманчивы; их райские эффекты достигаются путем тщательного исключения всего остального. Примерно в то время, когда леди Мэри так триумфально заигрывала с мисс Сарой Чисвелл, она отправила мужу эту записку.

Воскресенье, 23 марта 1717-18 гг.

Мальчик^[12] был привит в прошлый вторник, и сейчас он поет и играет, и очень ждет ужина. Молю Бога, чтобы мой следующий мог дать о нем такой же хороший отзыв..... Я не могу привить девочку; ее кормилица не болела оспой.

Почему приживление младенца должно было быть затруднено из-за того, что медсестра не болела оспой? Ответ на этот вопрос раскрывает опасность, скрытую от мисс Сары Чизвелл. Потому что прижившийся ребенок, скорее всего, передал бы оспу медсестре. Почему бы тогда не привить медсестру и ребенка? Потому что они заболели бы вместе, а мать Мэри не хотела рисковать. По ее словам, никакой опасности не было, только приятное развлечение; тем не менее она предпочла благоразумие своим собственным громким заверениям.

В истории мы всегда должны подозревать живописность, ибо человечество фатально предпочитает красивую ошибку некрасивому факту; а леди Мэри Уортли Монтагу как мать английской прививки и, как следствие, вакцинации, гораздо изящнее скучных Тимони и

Пиларини из "Философских трудов" или Коттона Мазера из Новой Англии. Мало кто снисходит до того, чтобы поинтересоваться, действовала ли леди Мэри, как основной прививальщик, самостоятельно, или у нее были советчики и подсказчики. "Все от себя и сама" - вот героическое представление - "женское остроумие против всего мира"; и суждение отдается на волю фантазии, как это бывает в мифах древних и современных.

Но так уж получилось, что то, что само по себе должно быть невероятным - что молодая англичанка вдруг приняла странную практику странного народа, - оказывается доказуемо невероятным. Леди Мэри действовала не одна. Ее советником и руководителем был Чарльз Мейтленд, врач посольства, который, будучи знакомым со славой прививок, с удовольствием наблюдал за их практикой в экспериментальном порядке. Мейтланд пишет

В 1717 году, когда я имел честь посещать английского посла и его семью в Константинополе, у меня была прекрасная возможность в полной мере ознакомиться с *тем, о чем я уже давно слышал*, а именно со знаменитой практикой пересадки, или разведения оспы с помощью прививок.^[13]

Здесь мы также можем отметить, что Мейтланд был в курсе того, что прививки появились не в Турции. Он говорит.

Хотя она повсеместно практикуется в Турции уже три десятка лет, в других частях Востока она была известна за сто или, насколько нам известно, за несколько сотен лет до этого".^[14]

Именно Мейтланд руководил прививкой молодого Монтагу, и он так описывает эту операцию

Примерно в это время изобретательная дама посла решила привить своего единственного сына, подающего большие надежды мальчика лет шести. Прежде всего она приказала мне найти подходящего субъекта, у которого можно было бы взять это дело, а затем послала за старой гречанкой, которая практиковала этот способ много лет. После долгих хлопот и мучений я нашла подходящего субъекта, и тогда добрая женщина принялась за работу, но так неловко, дрожащими руками, и так мучила ребенка своей тупой и ржавой иглой, что я пожалела его крики - он всегда был таким сильным и мужественным, что ничто из боли не могло заставить его плакать; поэтому я сделала прививку на другой руке своим собственным инструментом, причем с такой малой болью для него, что он ничуть не жаловался на это. Операция была проведена на обеих руках и прошла совершенно успешно..... По всему телу у него было около сотни оспин. Эта операция была проведена в Пера в марте 1717 года.

То есть почти одновременно с прибытием посла в Турцию.

Посольство вернулось в Англию в 1718 году, пробыв в Константинополе чуть больше года. Эти даты заслуживают внимания, поскольку, хотя, судя по всему, доктор и леди были полны решимости рекомендовать своим соотечественникам практику прививок, эти даты доказывают, с какой неопытностью и легкомыслием они взяли на себя эту серьезную ответственность. Если утверждать, что шарлатанство - это отсутствие знаний или доказательств, то можно с уверенностью заклеить Мейтланда и Монтагу как пару шарлатанов. Но что касается Мейтланда, то мы можем пойти дальше, поскольку он прямо говорит нам...

Меня уверяли и я видел своими глазами, что оспа в турецких владениях более зловредна и эпидемична, чем у нас; настолько, что, как утверждают некоторые, половина или, по крайней мере, треть больных в определенное время умирает от нее, а те, кто спасается, ужасно обезображены ею.^[15]

И все же этот самый Мейтланд, который свидетельствовал о бессилии прививки смягчить и сдержать оспу в Турции, приехал в Англию, готовый утверждать, что она способна смягчить и сдержать! Трудно найти слова должной строгости для такой наглой непоследовательности. Однако в ходе этой удивительной истории мы увидим, как в вопросе об оспе можно пренебречь всеми правилами доказательств, как можно закрывать глаза и пророчествовать во имя науки, а шум и упорство принимать за правдивость.

ССЫЛКИ:

[11] Literary Studies, Vol. i. p. 248.

[12] Родился в Йоркшире в 1713 году.

[13] Рассказ о прививке от оспы. Лондон, 1722.

[14] Краткий рассказ о прививках. Лондон, 1723.

[15] Счет прививки от оспы, стр. 4.

ГЛАВА III.

ЭКСПЕРИМЕНТЫ МЕЙТЛАНДА.

Леди Мэри Уортли Монтагу вернулась в Англию в 1718 году, но только в 1721 году она осуществила свое намерение начать войну с врачами и навлечь на себя их недовольство ради блага человечества. Весной 1721 года она начала действовать всерьез, сделав прививку своей дочери - младенцу, которого посчитали небезопасным "привить", когда он находился в Пера в 1718 году. По словам Мейтленда.

Благородная леди послала за мной в апреле прошлого года, и когда я пришел, она сказала, что теперь твердо намерена сделать прививку своей дочери, и попросила меня немедленно найти материал для этой цели. Я попросил отсрочки на неделю или две, поскольку погода тогда была холодной и сырой. Я также просил позвать двух врачей, которых она сочтет нужным, , чтобы они не только проконсультировались о здоровье и безопасности ребенка, но и были свидетелями этой практики и способствовали укреплению ее авторитета и репутации. Сначала мне в этом отказали, сославшись на желание сохранить все в тайне или на то, что это ни к чему не приведет.

Тем временем, найдя подходящую материю, я привил ребенка на обе руки, как обычно. Она легко и хорошо себя чувствовала до десятой ночи, когда было замечено, что ее немного знобит и лихорадит. Тогда был вызван старинный аптекарь, находившийся поблизости, который благоразумно посоветовал не давать ребенку лекарство, заверив родителей, что опасности нет и что жар быстро спадет, что и произошло, а оспа начала проявляться на следующее утро. Три знающих врача колледжа один за другим были допущены к молодой леди; все они - почтенные джентльмены и при каждом удобном случае заявляли, как и прежде, что видели мисс Уортли играющей в комнате, веселой и здоровой, с поднятой на нее оспой; и что через несколько дней после этого она совершенно выздоровела от нее. Несколько дам и других знатных особ также посетили эту юную пациентку и могут подтвердить истинность этого факта.

Один из ученых врачей, посещавших мисс Уортли, несколько лет назад полностью ознакомившись с этим методом и убедившись в его безопасности и разумности, решил попробовать его в своей собственной семье; ранее он потерял нескольких детей от очень злокачественной разновидности оспы, и поэтому посоветовал мне не терять времени и привить единственного оставшегося у него сына. Мальчик (ему было неполных шесть лет) был довольно теплого и сангвинического цвета, доктор велел взять у него около пяти унций крови; затем, через десять дней, найдя вещество, которое ему понравилось, я сделал ему прививку на обеих руках. Это было сделано 11 мая 1721 года".

Ученый врач, о котором здесь идет речь, был доктор Кит, и то, с какой готовностью он принял эту новую практику, служит поучительным комментарием к тому, что леди Мэри предвидела негодование "профессии" - ее первый подражатель был из числа ужасных самовлюбленных обструкционистов. Кроме того, мы должны заметить, насколько отличается рассказ Мейтленда от героического мифа о "единственной женщине, противостоящей предрассудкам и недоброжелательности всего мира". Даже леди Луиза Стюарт, которая сделала все, чтобы исправить многие заблуждения относительно карьеры своей бабушки, пишет: "...

Только высший мотив - надежда на спасение множества жизней - мог придать леди Мэри мужества, чтобы решиться привезти домой открытие. О том, каким трудным, страшным и, можно сказать, неблагодарным было это предприятие, сейчас никто не знает. Те, кто слышал, как ей аплодировали с самого рождения, а также видел, как радостно приветствовали вакцинацию в их собственные дни, могут сделать естественный вывод, что, когда эксперимент был проведен и оказался успешным, ей ничего не оставалось делать, как сесть с триумфом и получить благодарность и благословение своих соотечественников. Но все было совсем иначе..... Леди Мэри утверждала, что в течение четырех или пяти лет, последовавших за ее приездом домой, она редко проводила день, не раскаиваясь в своем патриотическом начинании; и она поклялась, что никогда бы не предприняла попытку его осуществить, если бы предвидела досаду, преследования и даже злословие, которые оно на нее навлечет. Крики, поднятые против этой практики и, конечно, против нее самой, были просто невероятны. *Медицинское учреждение поднялось на дыбы*, предрекая неудачу и самые катастрофические последствия; духовенство с амвонов говорило о нечестивости попыток вырвать события из рук Провидения; простых людей учили смотреть на нее как на противоестественную мать, которая рисковала жизнью собственных детей..... Теперь мы читаем в серьезных медицинских биографиях, что открытие было мгновенно воспринято с восторгом, а метод принят главными представителями профессии..... Но что сказала леди Мэри о реальном факте и реальном времени? А то, что *четыре великих врача, назначенные правительством наблюдать за ходом прививки ее дочери*, проявили не только такое недоверие к ее успеху, но и такое нежелание, чтобы она добилась успеха, такой явный дух злобы и недоброжелательства, что она ни на секунду не решалась оставить ребенка с ними наедине, чтобы он каким-то тайным образом не пострадал от их вмешательства.^[16]

Так написана история! Аптекарь и три врача, выбранные Уортли по своему усмотрению и допущенные по отдельности для наблюдения за частным экспериментом, превращаются в "четыре великих врачей, назначенных правительством", прожорливых и опасных! Так рождаются мифы!

Леди Мэри была женщиной известной в обществе, модной и литературной, и ее подвиг, естественно, стал предметом всеобщего обсуждения. Среди ее друзей была Каролина, принцесса Уэльская, дама более чем обычной силы духа и интеллекта, со вкусом к теологии и философии, покровительница Батлера и его сочувствующая ученица. Говорят, "не было

такой умной женщины, которая не была бы шарлатанкой"; и принцесса Каролина стала иллюстрацией этой истины. Новое средство от оспы привлекло ее внимание, и она решила испытать его на практике. Она обратилась к Георгу I с просьбой помиловать шесть преступников при условии, что они сделают прививку, и король с радостью удовлетворил эту необычную просьбу. Мейтланда призвали продемонстрировать свое мастерство, но он не решился выступить в роли палача, и тогда обратились к сэру Гансу Слоану, придворному врачу. Сэр Ганс посоветовался с доктором Терри из Энфилда, который занимался врачебной практикой в Константинополе и кое-что знал о прививках; подкрепленный заверениями Терри, он смог преодолеть угрызения совести Мейтланда, реальные или надуманные. Соответственно, 9 августа 1721 года, пишет Мейтланд, я сделал прививку.

Я провел операцию по прививанию оспы шести осужденным преступникам в Ньюгейте в присутствии нескольких выдающихся врачей, хирургов и других людей. Имена преступников были следующие.

- | | |
|-----------------------|--------|
| 1. Мэри Норт, | 36 лет |
| 2. Энн Томпион, | " 25 " |
| 3. Элизабет Харрисон, | " 19 " |
| 4. Джон Коутери, | " 25 " |
| 5. Джон Алкок, | " 20 " |
| 6. Ричард Эванс, | " 19 " |

В среду утром, 9 августа, он сделал надрезы на обеих руках и правых ногах шести человек. Четверг и пятница прошли без каких-либо признаков нарушения конституции, и, отчаявшись в успехе, в субботу он получил свежую оспу из больницы Христа и повторил прививку в новые разрезы на руках пятерых из них. Ему ничего не оставалось, как обратиться к Эвансу, который, как оказалось, переболел оспой в сентябре 1720 года и поэтому незаслуженно избежал повешения. Болезнь теперь "взяла свое" и развивалась удовлетворительно. Рассказывает Мейтленд.

Однажды мистер Кук, известный турецкий торговец, увидев людей, привитых в Ньюгейте, и полностью рассмотрев их разрезы и высыпания, открыто заявил, что они точно такие же, как он наблюдал в Турции, где видел множество случаев; и что мы можем быть уверены, что они никогда больше не будут заражены оспой.

Доктор Мид предложил еще один эксперимент - вставлять в ноздри вату, смоченную в оспе; и молодая женщина, приговоренная к смерти, получила жизнь при условии, что согласится на эту операцию. Здесь мы имеем собственный рассказ Мида об этой операции.

Один ученый автор рассказал о практике высеваания оспы, как они ее называют, известной китайцам более трехсот лет, которая заключается в следующем. Они берут шкурки некоторых высушенных пустул, которые выпадают из тела, и кладут их в фарфоровую бутылку, закрывая ее горлышко очень плотно воском. Когда им вздумается заразить кого-нибудь, они делают три или четыре таких шкурки, кладут между ними по одной крупинке мускуса в палатку из хлопка, которую вставляют в ноздри.

У меня самого была возможность провести эксперимент с этой целью. Когда в 1721 году по приказу его святейшего величества, как ради его собственной семьи, так и ради его подданных, на семи осужденных преступниках должно было быть произведено испытание, может ли оспа безопасно передаваться путем прививки, я легко получил разрешение

произвести китайский эксперимент на одном из них. Среди тех, кого выбрали для операции, была молодая девушка восемнадцати лет. Я вложил ей в ноздри палатку, смоченную веществом, извлеченным из созревших гнойников. Событие это оправдалось: она, как и другие, зараженные через надрезы на коже, заболела и выздоровела, но страдала гораздо больше, чем они: сразу после попадания яда в нос она мучилась от резких болей в голове и лихорадки, которая не покидала ее до самого высыпания гнойников".[17]

Наконец, пишет Мейтланд.

6 сентября все они были распущены по своим графствам и местам жительства. Все пятеро оказались успешными, что превзошло все мои ожидания, учитывая их возраст, привычки тела и обстоятельства; и это полностью соответствовало описанию практики доктора Тимони, а также опыту всех, кто видел ее в Турции".[18]

Так утверждал Мейтленд, но другие придерживались иного мнения. Доктор Вагстафф, регулярно посещавший пациентов в Ньюгейт, утверждал в письме, адресованном доктору Фрейнду

В целом, сэр, в упомянутых случаях не было ничего похожего на оспу ни по симптомам, ни по внешнему виду, ни по продвижению пустул, ни по течению болезни. И любой человек не может понять, как это возможно, что оспу можно предотвратить прививкой. За исключением одного из мужчин, девушка, которой в ноздри засовывали вату, смоченную в материи, перенесла оспу так же хорошо, как и все остальные.[19]

Сэр Ханс Слоан и доктор Штайгерталь, лекарь короля, чтобы проверить этот вопрос еще раз, "соединили кошельки" и отправили одну из женщин, привитых в Ньюгейте, в Хартфорд, где была распространена оспа в тяжелой форме, чтобы она лежала в постели с больными оспой. Она делала это безнаказанно; но на это резонно возразили, что многие не привитые делали то же самое и избежали вреда.

Ньюгейтский эксперимент, разумеется, вызвал большой ажиотаж и послужил поводом для многочисленных повторений в городе и стране. Принцесса Уэльская особенно остро ощущала важность "великого открытия"; и для ее дополнительного удовлетворения были привиты шесть благотворительных детей, принадлежащих к приходу Сент-Джеймс; все, кроме одного, "приняли" и хорошо перенесли прививку; исключение было вызвано хитростью ребенка, который ради награды скрыл факт заболевания оспой.

После этих и нескольких других испытаний в частных семьях [писал сэр Ханс Слоан] принцесса Уэльская послала за мной, чтобы узнать мое мнение о прививках принцессам. Я сказал Ее Королевскому Высочеству, что, судя по тому, что было написано в нескольких очерках, это, похоже, способ обезопасить людей от больших опасностей, связанных с оспой, естественным путем. Что подготовка с помощью диеты и необходимые меры предосторожности, принимаемые, делает практику очень желательным; но что не будучи уверенным в последствиях, которые могут произойти, я не убедить и не советует делать испытания на пациентах, столь важно для общества. Тогда принцесса спросила меня, не стану ли я отговаривать ее от этого, на что я ответил, что не стану, если речь идет о деле, которое может принести такую пользу. Она ответила, что решительно настроена на это, и приказала мне отправиться к королю, который велел мне ждать его по этому случаю. Я высказал его величеству свое мнение, что нельзя быть уверенным, но что при таком буйстве крови могут произойти опасные происшествия, которых нельзя предвидеть: но он ответил, что такое может случиться и случалось с людьми, потерявшими жизнь от кровотечения при плеврите, и, принимая лекарство при любом расстройстве, никогда не следует проявлять

такую осторожность. Я сказал его величеству, что думаю, что это тот же случай, и дело было решено, и все прошло как обычно, без какой-либо опасности во время операции, а также без малейших болезненных симптомов или расстройств после нее.[\[20\]](#)

Таким образом, принцессы Амелия, одиннадцати лет, и Каролина, девяти лет, были привиты 19 апреля 1722 года.

Вернемся к Мейтленду, чей триумф на данный момент казался полным, а вместе с ним и его уверенность. Своим недоброжелателям он смело заявляет.

Я мог бы привести множество случаев прививок, сделанных в Турции, чтобы доказать *постоянный и несомненный успех этой практики*; во всех этих случаях я не видел ни одного выкидыша, за исключением одного, который был полностью вызван опрометчивостью и неосторожностью хирурга в Константинополе.

Не является ли для нас вопросом величайшей важности знать, как предотвратить могущественную заразу оспы и как уберечь наших детей от жестоких приступов и смертельных последствий?

Выяснить характер Мейтленда и определить, насколько он был обманщиком или обманутым, не так-то просто. Очевидно, что он делал заявления, значительно превышающие его знания. Один из его современников пишет

Я помню, как мистер Мейтленд в кофейне Чайлда, когда эксперимент только начался в Ньюгейте, был так уверен в успехе и безопасности прививки, как будто у него было двадцать лет опыта без единого выкидыша, что те, кто его слышал, справедливо подозревали, что он больше заботился о найме, чем об успехе.[\[21\]](#)

Он не обладал должным ремеслом сознательного мошенника, поскольку наряду с утверждениями об абсолютной компетентности и безопасности он приводил такие признания в невежестве и катастрофах, что поневоле приходится объявить его слепым энтузиастом. Например, возьмем этот случай, который он опубликовал, не имея, по-видимому, никакого представления о его масштабах.

2 октября 1721 г. - После должной подготовки тела я привил Мэри Батт, младенца двух с половиной лет, дочь Томаса Батта, квакера, живущего в Темпле, в трех милях от Хартфорда. Красные пятна и покраснения появились на ее лице и шее на четвертый день; она продолжала хорошо играть до седьмого или восьмого, когда стала немного тяжелой и испытывала жажду, с более полным и быстрым пульсом; затем пустулы вышли свежими и полными, а из разрезов выделилась густая и хорошо переваренная материя. Всего их было не более двадцати; они продолжались около трех или четырех дней, затем высохли и отпали, и ребенок совершенно поправился.

До сих пор все было хорошо; *но то, что произошло потом, должно признаться, не мало удивило меня, не видевшего и не наблюдавшего ничего подобного раньше.* Дело было вкратце так. Шесть домашних слуг мистера Батта, а именно четверо мужчин и две служанки, которые все по очереди обнимали и ласкали этого ребенка, пока его оперировали, а гнойники выходили на ней, никогда не подозревали, что они заразились, *как и я*, были охвачены натуральной оспой, нескольких и очень разных видов; у одних был круглый отчетливый вид, у других - мелкий продолговатый, у третьих - слитный; у всех их было очень много, но особенно у последней, с обычными плохими симптомами, *и им очень трудно было спастись.* Но все они (слава Богу) поправились (*за исключением одной служанки, которая*

не хотела управляться с бешенством и умерла от него) и теперь наслаждаются прекрасным состоянием здоровья.[22]

Таким образом, в самом начале оспа и смерть были продуктами прививки - опасность, которую нужно было предотвратить, возникла и умножилась. И все же человек, который таким образом рассказывает о своем позорном невежестве, на тех же страницах имеет наглость утверждать: "Практика, которой благоразумно управляют, - это не просто прививка.

Практика, которой разумно управляют, всегда безопасна и полезна, а результат всегда определен и полезен".[23]

Слова тратятся на такую безрассудную глупость: мы понимаем, насколько верно замечание Карлайла: "Глупость интеллектуальная всегда означает глупость моральную, как вы, с удивлением или нет, обнаружите, если посмотрите".

Прежде чем оставить Мейтленда, мы можем взять еще один листок из его опыта. Он пишет

12 октября 1721 года. -Я сделал прививки Джозефу и Бенджамину, сыновьям Уильяма Хита из Хартфорда; первому было около семи, а второму - три года; оба были привиты одним и тем же веществом и в одно и то же время: последний перенес болезнь мягко и благоприятно; первый же, а именно Джозеф, будучи толстым, нескладным, прожорливым мальчиком, который не желал подчиняться правилам и указаниям, которые я строго вменил в обязанность его матери, относительно диеты и поддержания тепла, был очень болен до извержения, а после него имел большую нагрузку от продолжения малого рода, но в конце концов выздоровел и поправился.

Какая огромная разница наблюдается между этими двумя мальчиками! Причина этого, по-видимому, заключается в следующем: младший, имевший благоприятный вид, отличался чистоплотностью, умеренным аппетитом и легко управлялся во время всего процесса. Старший же был не только грубого нечистого телосложения, но и обладал прожорливым аппетитом, постоянно ел и набивал брюхо самой грубой пищей - сыром, жирным деревенским пудингом, холодной вареной говядиной и тому подобным, что я сам видел, случайно зайдя к нему на третий день после операции; не было принято никаких мер, чтобы сдерживать или держать его в дверях в холодную, ветреную, морозную погоду; однажды он промочил ноги в воде - да так, что если бы он заразился оспой, мир не смог бы спасти ему жизнь. Отсюда видно, как необходимо тщательно очищаться от пагубных привычек перед операцией и, кроме того, соблюдать очень строгий режим во время нее.[24]

Воистину, как сказал Коббетт, шарлатанство никогда не обходится без хитростей. Как мы увидим, прививки стали требовать подготовительного курса очень строгого режима - настолько строгого, что он оказался невыполнимым для рядовых граждан; но поначалу эта практика была одобрена без каких-либо условий. Что говорит покровительница Мейтленда, леди Мэри, в своем знаменитом письме из Адрианополя?

Оспа, столь смертельная и столь распространенная среди нас, здесь совершенно безвредна благодаря изобретению прививки..... Каждый год тысячи людей подвергаются этой операции; и французский посол с удовольствием говорит, что здесь принимают оспу как средство для отвода глаз, как принимают воду в других странах. Нет ни одного примера, чтобы кто-то умер от нее.

Именно под прикрытием таких соблазнительных заверений прививка была введена в Англии и утвердилась в извращении и шарлатанстве.

ССЫЛКИ:

[16] Письма и произведения леди Мэри Уортли Монтагу. Vol. i. pp. 88-90. Ed. 1861.

[17] Об оспе и кори. Доктор Мид. Лондон, 1747.

[18] Рассказ мистера Мейтленда о прививке оспы. 2-е изд. Лондон, 1723.

[19] Письмо доктору Фрейнд, показывающее опасность и неопределенность прививки оспы. У. Вагстафф, доктор медицины. Лондон, 1722.

[20] Рассказ о прививках сэра Ханса Слоана, Барта, переданный мистеру Рэнби для публикации, 1736 г. Philosophical Transactions, Vol. xlix. p. 516.

[21] Исаак Мэсси - сэру Хансу Слоану, 1722 г.

[22] Maitland's Account, p. 27.

[23] *Ibid.* p. 33.

[24] Maitland's Account, p. 27.

ГЛАВА IV.

ПЕРВЫЕ ПРОТИВНИКИ ПРИВИВОК.

Как мы уже видели, легенда о том, что введению прививок фанатично сопротивлялись врачи, духовенство и толпа, является частью легенды; однако это сопротивление не было ни фанатичным, ни широким, и в основном является выдумкой биографов-романтиков, которые представляют леди Мэри Уортли Монтагу героиней и мученицей науки. Надо отдать должное этой пронзительной и блестящей женщине, она не претендовала на приписываемый ей характер, и в ее обширной переписке нет ни намек на раздражение по поводу ее покровительства турецкой модификации оспы. Напротив, похоже, что прививка принесла ей немалую долю той завуалированной известности, которой она искренне радовалась. В письме графине Мар в 1723 году она пишет

Леди Бинг сделала прививки обоим своим детям, и, поскольку этот эксперимент не дал никаких плохих результатов, весь город делает то же самое; и меня так много таскают за собой и упрашивают посетить людей, что я вынуждена бежать в деревню, чтобы спрятаться".[25]

Леди Мэри прекрасно понимала своих соотечественников, и через тридцать лет после своих подвигов в деле прививок она написала мистеру Уортли Монтагу следующее.

Брешия, 24 апреля 1748 года.

Я обнаружила, что "Тар Уотер" стал преемником "Капли Уорда". Вполне возможно, что к этому времени на смену ей пришло какое-нибудь другое шарлатанство. Англичане, как никакая другая нация, увлечены перспективой универсальных лекарств, и нет ни одной страны в мире, где врачи сколотили бы такие огромные состояния. Я объясняю это тем запасом легковерия, который есть во всем человечестве. Мы больше не верим в чудеса и реликвии, а потому с прежней яростью бежим за рецептами и врачами. Те же деньги, которые триста лет назад отдавались за здоровье души, теперь отдаются за здоровье тела, причем теми же самыми людьми - женщинами и полубезумными мужчинами.[26]

Те, кто воображает, что в 1721 году могло существовать широкое и эффективное сопротивление прививкам, неверно представляют себе условия того времени. Не было никаких научных знаний о законах здоровья; болезни рассматривались как таинственные промыслы Провидения, над которыми страдальцы практически не имели контроля; большая часть медицины представляла собой сочетание абсурда и гадости. Нетрудно было бы собрать ряд рецептов из фармакопеи того времени, которые попеременно вызывали бы восхищение, удивление и отвращение, и описать врачебную практику, из которой удивительно, что хоть один пациент выжил; но многое остается без слов. Достаточно утверждать, что против прививок не было практически никаких возражений, ни рациональных, ни иррациональных; и то, что мы можем считать естественным ужасом от переливания грязи оспы в кровь здоровья, было нейтрализовано множеством популярных средств, которые, казалось, были обязаны своим очарованием своим возмутительным и отвратительным свойствам.

Кроме того, как свидетельствуют даты, между введением прививки и ее авторитетным признанием прошел короткий промежуток времени. Девочка Монтагу была привита в частном порядке в апреле 1721 года, мальчик доктора Кита - 11 мая, Ньюгейтский эксперимент состоялся 9 августа, за ним последовал целый ряд экспериментов, и, наконец, принцессы Амелия и Каролина были привиты 19 апреля 1722 года - резкая работа в течение одного года. Времени на противодействие не было. Цитадель общественного одобрения была взята с наскока. Как заметил один из современников: "Я не мог не обратить внимания на то, что

Я не мог не заметить, с какой объединенной силой и рвением эта практика продвигалась по жизни и репутации, которую она получила с момента поступления в королевский дворец; все ручки и еженедельники работали, чтобы рекомендовать и публиковать ее; и было справедливо решено, что время пришло или никогда не приходило; и если бы не несколько неудачных выкидышей, у инокуляторов был бы лучший шанс для полной практики и полных карманов, который когда-либо попадал в руки столь небольшого круга людей".[27]

Королевское одобрение усердно вынашивалось, и не обошлось без намеков на то, что сомневаться в пользе прививок равносильно нелояльности; так, преподобный Э. Мэсси протестовал в письме к мистеру Мейтленду.

Я хотел бы, чтобы доктор был более откровенен с теми, кто расходится с ним во мнениях, чем намекать, что они виновны в государственной измене, и чтобы у него были лучшие аргументы в пользу этой практики, чем крики: "Прививка! и король Георг навеки!"[28]

Плохие причины часто выдвигаются против плохой политики, и хотя вполне вероятно, что против прививок были произнесены некоторые глупости, я думаю, что любой честный ум будет впечатлен умеренностью главных противников Мейтленда. Например, Айзек Мэсси, аптекарь больницы Христа, опубликовал несколько памфлетов против прививок, в которых ярко выражены честность и здравый смысл. Он дал определение

Инокуляция - это искусство прививать оспу здоровым людям, которые в противном случае могли бы прожить много лет, а возможно, и до глубокой старости без нее, в результате чего некоторые, к несчастью, умирают преждевременно.[29]

Он возразил против преувеличенной опасности оспы, когда инокуляторы действовали на общественные страхи, и сослался на свой собственный опыт в больнице Христа.

В больнице обычно около 600 детей, и ясли в Уэйре и Хартфорде постоянно заполняют места тех, кто уезжает. Иногда случалось, что от оспы падало большое количество детей, и редко когда дом был свободен, да и то недолго: но я осмелюсь сказать, и сэр Ханс Слоан, полагаю, скажет то же самое, что за двадцать лет здесь не умерло больше пяти или шести человек, а за последние восемь лет умер только один".[30]

Он настолько легкомысленно относился к опасности оспы для молодых, что бросил им такой вызов

Предположим, что двадцать пять мальчиков из Bluecoat Hospital в среднем, один за другим, заболели оспой.

Предположим также, что прививальщики ежегодно забирают из нескольких палат, по мере того как они их находят, двадцать пять мальчиков, которым делают прививки.

Какая разница в успехе? Я торжественно заявляю, что если бы это можно было применить на практике, я бы поставил два к одному против привитых.

Ибо, как я уже говорил, за эти девять лет мы потеряли только одного больного оспой [написано в 1723 году], хотя за это время в доме находилось 1800 детей, и я заявляю, что в других семьях среди детей примерно того же возраста (то есть от 8 до 15 лет), где я принимал участие, я не встречал равного успеха, и я не сомневаюсь, что многие из ученых факультета, а также некоторые другие представители моей профессии могут сказать то же самое на основании своего собственного опыта и наблюдений".[31]

Чтобы оценить аргументацию Мэсси по этому вопросу, мы должны помнить, что оспа - это обозначение болезни многих степеней интенсивности; это соображение, которое д-р Вагстафф, другой противник прививок, таким образом, привел в действие.

Вряд ли, я полагаю, есть такая большая разница между двумя болезнями в мире, как между лучшей и худшей разновидностями оспы, в отношении опасностей, которые им сопутствуют..... Так верно это распространенное наблюдение, что есть один вид, при котором медсестра не может убить, и другой, который даже врач никогда не сможет вылечить.[32]

Конечно, в доказательство масштабов и смертности оспы обращались к биллям о смертности; и поскольку принято считать, что до прививок и Дженнера (дата всегда под вопросом) людей убивали оспой, нелишне будет привести таблицу относительной смертности в Лондоне за первые двадцать два года XVIII века.

	Захоронения от всех болезней.	От оспы.
1701	20,471	1095
1702	19,481	311
1703	20,720	898
1704	22,684	1501
1705	22,097	1095
1706	19,847	721
1707	21,600	1078
1708	21,291	1687
1709	21,800	1024
1710	24,620	3138
1711	19,833	915
1712	21,198	1943
1713	21,057	1614
1714	26,569	2810
1715	22,232	1057
1716	24,436	2427
1717	23,446	2211
1718	26,523	1884
1719	28,347	3229
1720	25,454	1440
1721	26,142	2375
1722	25,750	2167
	---	---
	505,598	36,620

Из этих таблиц [пишет д-р Юрин] следует, что от оспы умирает около 7 процентов, или чуть больше четырнадцатой части человечества; следовательно, опасность умереть от этой болезни для каждого человека, родившегося в мире, составляет по меньшей мере 1 к 14.[\[33\]](#)

Эта большая индукция от Лондона ко всему человечеству примечательна тем, что, как мы увидим, она часто делалась и была связана с серьезным заблуждением; ведь если все человечество не живет в таких же условиях, как лондонцы, то делать вывод о едином уровне заболеваемости и смертности просто глупо. Население Лондона в 1701 году оценивалось примерно в 500 000 человек (точной переписи не проводилось), а в 1720 году оно возросло до 600 000. Оно было тесно упаковано и размещалось в выгребных ямах; водоснабжение было недостаточным, а эффективный дренаж отсутствовал. Огромное скопление людей, как будто специально, располагало к возникновению и распространению зимородков, и особенно оспы. Мало внимания уделялось личной чистоте, еще меньше - вентиляции, свету, физическим упражнениям. Состояние крупного городского сообщества столетие назад почти немыслимо в наши дни. Тогда лондонцы лишь медленно и слепо поднимались от тех способов существования, которые сделали возможной чуму 1665 года и другие эпидемии.

Поэтому не стоит удивляться тому, что оспа была распространенным и постоянным заболеванием; но она была менее распространена и менее смертоносна, чем принято утверждать; и если бы эта болезнь не сопровождалась ущербом для женской красоты, то шумихи вокруг нее было бы не больше, чем вокруг любой другой формы вспышечной лихорадки.

Следует также отметить, что оспа как причина смерти, вероятно, была сильно преувеличена в биллях о смертности; ведь, как отметил Айзек Мэсси.

Эти билли основаны на невежестве или умении старых женщин, которые занимаются поисками в каждом приходе, и их отчеты (очень часто то, что им предлагают сказать) обязательно должны быть очень ошибочными. Многие болезни, которые оказываются смертельными, принимаются за оспу, а именно: скарлатина и злокачественные лихорадки с высыпаниями, свинная оспа, корь, огонь святого Антония и тому подобные проявления, о которых, если они проходят за три или четыре дня (как это часто случается), можно только догадываться, но все же искатели обычно выдают их за оспу, особенно если им говорят, что покойный никогда ею не болел".[34]

Мэсси в том же духе здравого смысла возражал против обобщений об оспе, сделанных на основании данных о смертности, как будто все умершие были убиты этой болезнью и ничем другим.

Не следует сравнивать больных людей, хорошо обеспеченных диетой и лекарствами, и тех, кто не имеет никакой помощи или почти не имеет необходимых средств к существованию.

Несчастные бедняки и приходские дети составляют большую часть, по меньшей мере половину счетов о смертности; чтобы подтвердить это, я изучил несколько ежегодных счетов и обнаружил, что в приходах, как правило, хоронят больше, чем в девяноста семи приходах, расположенных в этих стенах, а в приходе Степни в отдельности - почти столько же, сколько в Лондонском Сити ежегодно; это достаточно показывает, как мало помощи и заботы оказывается о бедных больных, которых так много во всех этих местах.[35]

Конечно, во всей статистике болезней, где не учитываются условия жизни, таится ошибка. Выживут ли пациенты или умрут от какого-либо зимородка, зависит от их породы, обстоятельств, привычек, лечения и ухода - все это важные детали, которые, однако, трудно определить и зарегистрировать в широком масштабе. Оказывается, что при здоровой конституции и правильном лечении оспа в 1721 году ни в коем случае не была смертельной, в то время как при плохой конституции, воздействии и пренебрежении она часто приводила к летальному исходу. Однако инокуляторы мало учитывали эти различия, а болезнь измеряли и обсуждали так, словно она была чем-то однородным, как вода или золото. За один год у Мэсси было 49 случаев оспы и один смертельный случай; в Степни при равном количестве случаев смертность могла составить 20 или 30 процентов; в то время как доктор Неттлтон сообщил, что из 1245 случаев в Галифаксе и прилегающих городах Йоркшира умерло 270, или около 22 процентов.[36]

Одним из опасений Мэсси в отношении прививок был риск отравления крови не только оспой. Он не гнушался экспериментировать с "должным образом подготовленными детьми, зараженными оспой путем внушения", поскольку тогда...

Они не будут подвергаться опасности заражения лепрой, венерической болезнью или золотухой, которые, насколько нам известно, могут быть перенесены с помощью прививки".[37]

Предвидение Мэсси было ужасно проверено; оно действительно постоянно подтверждается загрязнением и уничтожением множества младенцев. Представление о том, что вирус с комплексом качеств может быть перенесен из одного тела в другое и действовать с тем единственным качеством, которое оператор предпочитает, - это представление, которое может пройти проверку в учебнике по магии или фольклору, но которое никогда не может иметь никаких оснований в физиологии человека.

Конечно, главная сила противников прививок (пока опыт не дал им более веских оснований) заключалась в утверждении глупости причинения определенного вреда ради неопределенного преимущества. Каким бы ни был риск заражения оспой для тех, кто ею переболел, все же большое количество людей, как утверждалось, проходит через жизнь нетронутыми; и почему они должны заставлять себя болеть и рисковать жизнью, чтобы получить излишнюю гарантию! [38]

Частое утверждение о том, что духовенство громогласно выступало против прививок, не соответствует действительности и придумано для эффекта. Преподобный Эдмунд Мэсси, лектор церкви Святого Альбана на Вуд-стрит, действительно произнес проповедь против новой практики, и это была честная проповедь, если судить по стандартам проповедей. Мейтланд опубликовал несколько замечаний по поводу проповеди, на которые Мэсси ответил; и если я выберу отрывок из ответа, он лучше всякого описания докажет, что божественный человек был более чем достойным противником хирурга. Сказал Мэсси Мейтленду.

Инокуляция в вашем понимании - это приживление испорченного тела к здоровому; попытка заразить человека, который совершенно здоров, болезнью, которая может оказаться смертельной.

Я сказал, что это искушение Провидения.

На что вы ответили: это похоже на то, как человек выпрыгивает из окна, боясь пожара; и, конечно, это никак нельзя считать недоверием к Провидению.

Нет, конечно, сэр, если его дом действительно горит, а лестница обгорела. Это единственный вероятный способ спастись; и если бы прыжок убил его, этот поступок нельзя было бы назвать ни греховным, ни неосмотрительным. Но что мы скажем о человеке, который выпрыгнул из окна, когда его дом еще не горел, только для того, чтобы испытать, что ему, возможно, придется делать в будущем? Этот безумный поступок в точности соответствует тому, что происходит между нами. Ведь если мой дом не горит, то есть если мне не угрожает никакая опасность, то зачем мне выпрыгивать в окно? Какой повод делать мне прививку?

Продолжая вашу аллегорию, я хотел бы спросить вас, сэр, какой человеческой или божественной властью вы обладаете, чтобы поджечь дом человека, то есть подвергнуть жизнь человека, находящегося в полном здравии, опасности из-за приступа болезни? Его собственного согласия недостаточно, потому что у него не больше законной власти над своей жизнью или здоровьем, чем у вас, чтобы подвергать их опасности. [39]

Короче говоря, ничто не может быть более необоснованным, чем распространенное в литературе, популярной и профессиональной, предположение, что Мейтленду и Монтану противостояла толпа воющих фанатиков, над которыми они одержали победу, как свет над тьмой. Удивительна та нелепость, с которой биографы и историки воспроизводят басни любого изобретательного предшественника.

Теперь я покажу, что практика прививок, введенная Коттоном Мазером в Новой Англии и Мейтлендом в Англии, рухнула через несколько лет под воздействием бед и смертей, которые ей сопутствовали; что она была возрождена в следующем поколении; что она оказалась проклятием везде, где ее практиковали; и что в конце концов она была с позором отброшена в западном мире.

ССЫЛКИ:

[25] Письма и сочинения леди М. У. Монтагу, т. i. с. 468, издание 1861 года.

[26] Там же. Vol. ii. p. 161.

[27] Краткий и понятный рассказ о прививках. Автор Исаак Масси. Лондон, 1724 год.

[28] Письмо мистеру Мейтленду. Эдмунд Мэсси. Лондон, 1722.

[29] A Short and Plain Account of Inoculation, p. 1.

[30] *Ibid.* p. 21.

[31] Письмо доктору Джурину. Исаак Мэсси. Лондон, 1723.

[32] Письмо доктору Фрейнд. У. Вагстафф, доктор медицины, один из врачей больницы Святого Варфоломея. Лондон, 1722 год.

[33] Письмо Калебу Котсуорту, доктору медицины. Джеймс Джурин, доктор медицины. Лондон, 1723.

[34] Письмо доктору Джурину. Лондон, 1723.

[35] Там же.

[36] Счет мистера Мейтленда о прививке оспы, подтвержденный. Лондон, 1722, с. 20.

[37] Письмо доктору Джурину, с. 12.

[38] Ежегодный отчет Юрина о прививках, с. 13.

[39] Письмо мистеру Мейтленду в оправдание проповеди против прививок. Лондон, 1722.

ГЛАВА V.

КРАХ ПРИВИВОК.

Иногда мы привозим издалека то, что можно найти у наших собственных дверей; так было и с прививкой. Не успели прорекламировать великую восточную профилактику, как тут же стали говорить: да это же не более чем практика, распространенная в Уэльсе и Шотландском нагорье! Перрот Уильямс, доктор медицины, и Ричард Райт, хирург из Хаверфордвеста, сообщили Королевскому обществу^[40], что жители Пемброкшира практиковали прививки "время от времени". Они либо тонко соскабливали кожу, либо прокалывали ее булавками, а затем втирали гной из больного оспой. Это они называли "покупкой оспы", так как было принято платить за то, что считалось "хорошим делом". Уэльсцы рассказывали об этой

практике так же, как и турки: никакой опасности, никаких казусов и полная безопасность от оспы. В Шотландии, судя по всему, кожу не соскабливали, но камвольные нитки, пропитанные гноем, повязывали вокруг запястий детей, которым хотели передать болезнь.[41]

Доктор Томас Неттлтон из Галифакса, Йоркшир, был ранним и энергичным инокулятором. Он готовил своих пациентов с помощью рвоты, чистки и кровопускания. Ему не нравились маленькие проколы Мейтланда, и он делал проколы длиной в дюйм - один на руке и один на противоположной ноге, вставлял кусочки ваты, смоченные в гное, и закрывал их пластырем и валиками. По его замыслу, раны должны были быть большими, с обильными выделениями, чтобы гной мог свободно выводиться. Он был вполне удовлетворен своей героической практикой, и запись его случаев была отправлена в Королевское общество[42] - запись, из которой любой читатель может сделать вывод, что между прививками Неттлтона и самой оспой выбор был невелик. Он не притворялся, что прививка вызывает пустяковое недомогание, а лишь менее серьезное, чем спонтанная болезнь, и поздравлял себя с тем, что провел около шестидесяти привитых пациентов через серьезную опасность; в то же время он писал

В Галифаксе с начала прошлой зимы 276 человек заболели оспой, и из них 43 умерли. В Рочдейле, небольшом соседнем рыночном городке, 177 человек заболели дистемпером, и 38 из них умерли. Следует отметить, что в этом городе [Галифакс] оспа в этом сезоне была более благоприятной, чем обычно, а в Лидсе - более смертоносной, чем обычно; но в среднем в этих трех городах умерло почти 22 человека из каждых 100, что составляет примерно пятую часть всех, кто был заражен естественным путем.[43]

Английский опыт быстро покончил с фикцией, под прикрытием которой была введена прививка, - что она не сопряжена с риском и может быть выполнена любой пожилой женщиной. Доктор Джулин, секретарь Королевского общества и убежденный сторонник этой практики, изложил условия, которые считались необходимыми для успеха - условия, к которым пришли в результате стресса от страданий и катастроф.

Следует проявлять большую осторожность, чтобы прививать только людей с хорошей физической формой и свободных не только от явных, но и, насколько можно судить, от скрытых болезней.

Тело, особенно если оно плеторическое, должно быть подготовлено путем надлежащего опорожнения - кровопускания, очищения, рвоты и т.д. - хотя во многих случаях их требуется очень мало или вообще не требуется, достаточно предписать умеренную диету и правильный режим. Но это должно быть оставлено на усмотрение врача.

Следует быть предельно осторожным в выборе материала для передачи инфекции. Она должна быть взята у молодого человека, в остальном совершенно здорового и крепкого, у которого оспа протекает в наиболее благоприятной форме. Когда пустулы созреют как следует, а также в момент превращения или вскоре после этого, два или три из них следует разорвать иглой перчаточника или маленьким ланцетом, хорошо смочить материей пару небольших кусочков ворса или хлопка и немедленно положить в маленький пузырек или коробочку и нести в теплой руке или груди оператора в дом человека, которому предстоит сделать прививку".[44]

Публикация этих условий была не что иное, как практическая капитуляция, и противники прививок не замедлили воспользоваться этим преимуществом. То, что было провозглашено легкой и универсальной защитой от оспы, оказалось обставлено мерами предосторожности и препаратами, равными которым могли быть только здоровье и богатство. Где выгода, утверждал Фрэнсис Хаугрейв, от практики, которая оставляет слабых, нежных и бедных на произвол судьбы, которая делает здоровых больными, а целых ранит, в то время как оспа естественным путем очень редко влияет на жизнь, если привычка тела и конституция хороши.[45] Исаак Масси был особенно возмущен сравнением Юриным смертности от оспы со смертностью от прививок. Джурин подсчитал, что из каждых 100 заболевших оспой умирают 20 человек, в то время как от последствий прививки умирают только 2 из 100. "Он забывает, - сказал Масси, - что привитые выбирают жизнь. Если это справедливо, то пусть будет справедливо!" Масси был прав. Было абсурдно проводить сравнение между обычной оспой, которой болеют бедные и заброшенные люди, и хорошо питающимися и тщательно ухаживающими за ними субъектами прививки. Масси также опирался на свой собственный опыт, говоря: "Я составил список имен и фамилий людей, которым делали прививки.

У меня есть список имен 32 детей - всех, кто болел оспой в течение последних двух лет [1727] в больнице Христа, и все выздоровели. Кроме того, у меня было еще 17 или 18 случаев в моем частном бизнесе, из которых умер только один. Таким образом, у нас 49 случаев натуральной оспы и только одна смерть".[46]

Так же категорично он протестовал против преувеличений инокуляторов.

От натуральной оспы редко умирают, разве что при очень плохом лечении, или когда какое-то затаившееся зло, которое раньше было тихо, пробуждается в жидкостях и соединяется с палочковидным ферментом".[47]

На этом этапе мы видим, что суждения и страхи английского народа были направлены против прививок, и, похоже, эта практика была обречена на постепенное исчезновение. По словам инокуляторов, их работа была подытожена следующим образом.

182 прививки	в 1721 и 22 годах,	с 3 смертями.
292 "	в 1723 году,	6 смертей.
40 "	в 1724 году,	с 1 смертью.

Принц Фредерик и принц Уильям были в числе привитых в 1724 году.

256 прививок	в 1725 и 26 гг,	4 смерти.
124 "	в 1727 и 28 гг,	с 3 смертями.

Доктор Шойхцер в 1729 году составил таблицу[48] случаев и результатов за эти годы, 1721-28, следующим образом.

Возраст.	Кол-во опериро- оперированных.	Успех- полностью привита.	Имел несовершеннолетний оспа.	Не привился.	Умерла.
----------	--------------------------------	---------------------------	-------------------------------	--------------	---------

До 1 года,	24	24	0	0	2
1 - 2, "	34	33	0	1	4
2 - 3, "	65	65	0	0	1
3 - 4, "	91	88	0	3	1
4 - 5, "	65	63	0	2	1
От 5 до 10, "	257	249	3	5	3
От 10 до 15, "	140	131	1	8	1
15-20, "	104	95	3	6	2
20 и выше,	110	91	6	13	2
Неизвестно,	7	6	0	1	0
--	--	--	-	-	-
	897	845	13	39	17

Таким образом, счет был подведен самими прививочниками, и это был отнюдь не удовлетворительный баланс. Что больно поражает, когда смотришь на него, так это огромное преобладание молодых и беззащитных (780 из 897), на которых был опробован отвратительный эксперимент. "Беспомощность, которая защищает храбрецов, - это возможность для подлого расследования". В то время как инокуляторы усердно доказывали, что если искусственная оспа и таит в себе какую-то опасность, то она ничтожна по сравнению с опасностью, связанной со спонтанным заболеванием (среди прочих очевидных аргументов), утверждалось, что только после более широкого опыта можно будет узнать, каковы точные последствия прививки. Инокуляция, введенная Мейтлендом в 1721 году, оказалась совершенно иной после знакомства с ней, и невозможно сказать, что еще предстоит узнать. Как заметил доктор Вагстафф.

Если бы она всегда была легкой, щадящей, безопасной и полезной, со всеми этими заманчивыми эпитетами, которыми ее награждают; если бы ни у кого не было больше ста или двухсот пустул и никто не умер от нее за несколько лет; и если бы не было случая, чтобы кто-то снова заразился оспой, у кого вообще не было пустул, как бы мало их ни было, выращенных прививкой, никто бы не подписался на эту практику скорее, чем я".[49]

Первоначальное обещание, что привитые впоследствии будут защищены от оспы, было быстро опровергнуто, но эта трудность была устранена утверждением, что прививка в таких случаях должна была быть несовершенной, поскольку невозможно, чтобы кто-то заболел оспой дважды. Признание летальных исходов от прививок было сделано очень поздно; обычно они объяснялись какими-то причинами, скрытыми от инокулятора, которые, если бы он знал, помешали бы его работе. Затем, естественно, подозревали, что за явными смертельными случаями скрывается большее число людей, которых старательно прячут от глаз. Как выразился Мэсси.

О плохом успехе прививок мир узнает лишь частично и скупо. Оператор не расскажет об этом, который живет за счет практики; и отношения, чьей власти обязано это зло, не будут любить раскрывать публике то, что является горем для них в частном порядке.[50]

К счастью для общественности, несколько казусов произошли в "хорошем обществе" и были слишком заметны, чтобы их можно было замалчивать или отрицать. Мисс Ригби умерла через восемь недель после прививки, "ужасно расстроенная операцией". Сын герцога Бриджвотера и сын графа Сандерленда также погибли; а слуга лорда Батерста умер от сливной оспы "в результате прививки". Подобные инциденты повсеместно наводили ужас и заставляли и мудрых, и робких смотреть в лицо бедам, которые они знали, а не рисковать ради неопределенной выгоды.

Мейтланд вернулся в Шотландию, свою родную страну, в 1726 году и, отправившись к своим родственникам в Абердиншир, продемонстрировал свое мастерство, сделав прививки шести детям. Один из них, Адам, сын Уильяма Уркхарта из Мелдрума, в возрасте 18 месяцев, заболел на седьмой и умер на восьмой день. Поднялся большой шум, и Мейтланд пытался оправдаться, утверждая, что Адам был болен гидроцефалией, которую от него неправильно скрыли. Как бы то ни было, жители Абердиншира остались довольны своим опытом и порекомендовали "Чарли Мейтленду впредь держать свое новомодное средство для англичан". Ему больше повезло на западе Шотландии, где он "сделал прививку четырем детям из знатной семьи", которые спаслись живыми. Шотландцы, однако, были глухи к его уговорам, и он не добился среди них успеха. Позднее, в 1733 году, прививки начали практиковать в Дамфрисе и его окрестностях, а иногда и в других местах.

В Ирландии было сделано не больше, чем в Шотландии. Говорят, что в период с 1723 по 1728 год было проведено 25 прививок с тремя смертельными исходами. Доктор Брайан Робинсон сделал прививку пяти детям в Дублине в 1725 году, и двое из них умерли.[\[51\]](#)

На континенте инокуляция встретила слабое одобрение. Мейтланд отправился в Ганновер в 1724 году и сделал прививки принцу Фредерику и восьми детям барона де Шуленберга. Во Франции эта практика обсуждалась доктором Бойе еще в 1717 году; а в 1723 году английские эксперименты были с большим энтузиазмом описаны в Париже доктором де ла Костом, что вызвало заявление Коллегии врачей, "что для блага общества законно проводить испытания прививок". С санкции регента, герцога Орлеанского, в госпиталях уже собирались приступить к этой работе, но его смерть остановила этот замысел. Вскоре после этого доктор Геке опубликовал книгу "Raisons de Doute contre l'Inoculation", которая в сочетании с плохими сообщениями из Англии поставила крест на этом проекте.

Если бы в 1728 году лондонского журналиста попросили написать о прививке, он мог бы написать следующее.

Семь лет назад эта практика была представлена в нашей стране под мощной эгидой. Уверенно утверждалось, что любой человек может заразить свою кровь вирусом оспы, что после этого наступит незначительное недомогание, и впредь он будет защищен от оспы в естественной форме. Опыт быстро опроверг эти обещания. Пустяковое недомогание во многих случаях оказывалось серьезным заболеванием - настолько серьезным, что врачи пытались предвосхитить и смягчить его тяжесть с помощью предварительной процедуры кровопускания, очищения и рвоты. Вся операция настолько изнурительна и опасна, что только крепкие и энергичные люди считаются подходящими для нее; а хрупким и слабым, которые больше всего нуждаются в защите, советуют, как и раньше, подчиниться обычному течению природы. Более того, вызванная оспа иногда бывает столь же тяжелой, как и спонтанная; пустулы многочисленны, иногда сливаются, и в результате наступает смерть. Страх может преувеличивать риск прививки, но считается, что погибло больше людей, чем готовы признать сами прививальщики. Опять же, многие не восприимчивы к прививке, и хотя инфекция не действует в их крови так, как хотелось бы, они не всегда избегают травм: они

находят свое здоровье подорванным - им становится плохо и некомфортно. Хуже всего то, что искусственная оспа оказывается заразной и порождает натуральную оспу у тех, кто находится рядом с привитыми. Таким образом, сами средства, используемые для ограничения болезни, становятся причиной ее распространения. В 1721 году оспа была более чем обычно распространена в Хартфорде, а в 1724 году - в Лондоне, и есть все основания предполагать, что она широко распространилась благодаря прививкам. Наконец, сомнительно, что даже успешная прививка защищает от последующей оспы; ведь утверждается, что некоторые из привитых уже стали жертвами естественного заболевания. Короче говоря, у профилактического средства столько недостатков, что сомнительно, не хуже ли оно самого заболевания; и вполне вероятно, что через год или два оно перейдет в забвение, как и многие другие средства, столь же восхваляемые при раннем и несовершенном знакомстве.

Так много можно было утверждать и предсказывать в 1728 году: как не оправдался прогноз, еще предстоит узнать.

ССЫЛКИ:

[40] Philosophical Transactions, No. 375, 1723.

[41] An Account of Inoculation in Scotland. By A. Monro. Edin., 1765.

[42] Philosophical Transactions, No. 370, 1722.

[43] Письмо доктора Неттлтона доктору Джурину, датированное Галифаксом, 16 июня 1722 года.

[44] Отчет об успехе прививки оспы в Великобритании. Джеймс Джурин, доктор медицины.

[45] Доводы против прививки оспы. Фрэнсис Хаугрейв, аптекарь. Лондон, 1724 год.

[46] Замечания по поводу последнего ежегодного отчета доктора Джурина об успехе прививок. Исаак Масси. Лондон, 1727.

[47] *Ibid.* p. 5.

[48] Отчет об успехе прививки оспы в Великобритании. Джон Гаспер Шойхцер, доктор медицины. Лондон, 1729.

[49] Опасность и неопределенность прививки оспы, с. 64.

[50] Замечания Мэсси, с. 18

[51] Шойхцер и Масси.

ГЛАВА VI.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ИНОКУЛЯЦИИ.

Практика прививок, дискредитированная таким образом, возродилась, и не только возродилась, но и возобладала. Возрождение было постепенным, и можно сказать, что оно приобрело определенность около 1748 года под мощным одобрением доктора Мида. За

несколько лет, прошедших с 1728 по 1748 год, не следует думать, что от этой практики отказались: всегда находилось несколько человек, повторявших попытку заболеть оспой без наказаний, но успех не был заметным или обнадеживающим. Прививка была введена для поколения, специально настроенного на ее получение; и ее позволили отменить лишь на время под давлением явной катастрофы. Пожалуй, никогда не было народа с таким пристрастием к уловкам в пользу здоровья, как англичане прошлого века: общий интеллект был вложен в шарлатанство. Даже Уэсли нашел время, чтобы заняться медициной и составить для своих последователей томик рецептов под названием "Примитивная физика" - пикантная смесь смысла с абсурдом и легковерием. Наши предки не имели четкого представления о связи физического благополучия с физическим здоровьем, и многие из основных условий здоровья были им неизвестны. Физические недуги воспринимались ими как таинственные предначертания, которые нужно пережить с покорностью или устранить с помощью лекарств. Подобный образ мыслей далеко не редкость и в наши дни, и многие помнят, как до того, как санитарная наука достигла авторитета, считалось профанацией утверждать, что тиф поддается контролю, а холера может быть подавлена; в то время как лекарство, способное усмирить любую из этих болезней, было бы воспринято с благодарностью. Суеверие редко возражало против аптекаря.

Один случай, о котором умалчивают в историях, хотя он гораздо более характерен для ума XVIII века, чем множество поверхностных подробностей, которыми пестрят их страницы, - это история Джоанны Стивенс и ее средства от камня. Ее исцеления были столь замечательными и (по свидетельствам) столь неоспоримыми, что возникло всеобщее требование раскрыть ее секрет для общественного блага. Миссис Стивенс согласилась сделать это открытие, получив 5000 фунтов стерлингов в качестве компенсации; началась подписка, под которой поставили свои имена члены Королевского общества, врачи, дворяне, епископы, дамы и добросердечные люди всех сословий. Однако единодушие и стремление завладеть секретом Стивенса были столь велики, что дело было объявлено государственной задачей, и парламент призвали предоставить необходимые средства, после чего был принят закон "о вознаграждении Джоанны Стивенс за надлежащее открытие ею лекарств, приготовленных ею для лечения камня". Открытие было должным образом раскрыто назначенным попечителям, одним из которых был архиепископ Кентерберийский, и 5000 фунтов стерлингов были выплачены в 1739 году; и вот главы драгоценного откровения...

Мои лекарства - это порошок, отвар и пилюля.

Порошок состоит из яичной скорлупы и улиток, оба прокалены.

Отвар готовится путем кипячения в воде листьев ромашки, укропа, петрушки и лопуха (вместе с шаром, состоящим из мыла, сожженных до черноты корок и меда).

Пилюли состоят из прокаленных улиток, семян дикой моркови, семян лопуха, пепельных ключей, плодов шиповника и ястребинки, сожженных до черноты, мыла и меда.

Джоанна Стивенс.

16 июня 1739 года.

Публика, видимо, осталась довольна покупкой, но с обычной легкомысленностью забыла миссис Стивенс и ее чудесные исцеления в погоне за свежими нострумами. Моды в медицине стоят в одном ряду с модами в одежде и лишь изредка ссылаются на постоянство и правдивость природы.

Возрождение прививок в Англии было стимулировано сообщениями из-за рубежа. Например, в журнале "Джентльменс мэгазин" говорилось, что в 1737 году в Филадельфии были привиты

Мужчины и женщины,	32
Дети до двенадцати лет,	64
Негры,	32

и что из 128 только один негр умер. И снова в том же журнале за 1738 год мы читаем

На Барбадосе в марте прошлого года от оспы умерло около 3000 человек, где прививки практикуются с большим успехом".

Такие отчеты, хотя и защищенные от экспертизы, не менее эффективно воздействовали на общественное воображение. В 1747 году доктор Мид опубликовал отчет, который пользовался большим доверием благодаря его одобрению и который до сих пор цитируется как доказательство в пользу прививок, но который представляет собой образец удобной и косвенной неясности, достойной Дефо. Итак, история Мида такова.

Один джентльмен, пользующийся большим доверием, сообщил мне следующую историю. Он был купцом в Сент-Кристофере в Вест-Индии и при производстве сахара использовал большое количество рабов. В один год, когда оспа свирепствовала на соседних островах с более обычной силой, он своими руками сделал прививки тремстам из них, от пяти до шестидесяти лет, с таким успехом, что ни один из них не умер, хотя большинство из них были неграми. И хотя все американцы страдают от этой болезни самым ужасным образом, опыт показывает, что она гораздо опаснее, когда нападает на уроженцев Африки".[\[52\]](#)

Мид занимал позицию, которую более поздние и более точные исследования сделали несостоятельной. Он не допускал, что гной оспы может передавать какую-либо болезнь, кроме оспы, *если* он взят у соответствующего субъекта - условие, для выполнения которого требовалась сверхъестественная помощь. Он утверждал, что прививка вызывает истинную оспу, и что поскольку никто не может заболеть оспой дважды, то, следовательно, никто не может заболеть оспой после прививки, и что сообщения об обратном не заслуживают доверия. Разумеется, в этом утверждении Мид был виноват, но в то время его уверенность не была непростительной; защищая и рекомендуя прививку, он сделал признания, которые полностью оправдали тех, кто сопротивлялся и осуждал его советы. Не будем забывать, что следующий отрывок был опубликован в 1747 году и являлся плодом шести- и двадцатилетнего опыта в лучшей лондонской практике. Таким образом, Мид писал: "Не следует забывать, что

Не следует упускать из виду, что нарывы и припухлости под ушами и в подмышечных впадинах возникают чаще после дистемпера, полученного искусством, чем после того, который приходит сам по себе; по этой причине, как я полагаю, ядовитое вещество проталкивается вперед с меньшей силой, и эти недостатки природа компенсирует таким способом.

Поэтому следует использовать все возможные средства для созревания таких опухолей, какого бы рода они ни были: если это невозможно сделать, их нужно вскрыть разрезом; и когда все вещество будет извлечено, тело должно быть очищено соответствующими лекарствами, которые при этом должны повторяться чаще, чем при естественной болезни.[\[53\]](#)

Как справедливы суждения Божественного порядка! Эти фурункулы, опухоли и нарывы были следствием нарушенной гармонии тела - неверного предвидения, вмешательства в его процессы.

В 1742-45 годах на юге Англии была проведена обширная серия прививок. В Винчестере и прилегающих городах была распространена оспа, и доктор Лэнгриш свободно оперировал всех, кто к нему обращался. В Портсмуте, Чичестере, Гилфорде, Питерсфилде и Винчестере, как утверждалось, было привито не менее 2 000 человек, и только две беременные женщины погибли, которые, как обычно, "были привиты вопреки совету своего врача". Плохие результаты, писал епископ Мэддокс, "были лишь такими, какие можно было бы обоснованно предположить, если бы оперируемые заболели оспой естественным путем" - таков был эвфемизм, которым обозначались фурункулы, опухоли и другие последствия.

О возрождающейся популярности прививок говорит такой абзац из газет от 13 апреля 1744 года

Четырнадцать детей в возрасте трех лет были привиты от оспы в больнице для подкидышей в Хаттон-Гардене, и все с хорошим успехом, поэтому губернаторы решили прививать всех своих детей в том же возрасте".

Важное событие произошло в 1746 году: в Колд-Бат-Филдс была открыта оспенная больница, в которой беднякам предлагалось "сделать прививку". Сначала обратившихся брали в дом и выхаживали до конца болезни, но близость настоящей оспы, режим и уединение отпугивали желающих: однако те, кто увлекается верховой ездой, становятся безрассудными в присутствии препятствий, и вскоре прививку стали предлагать всем желающим, которых увольняли выздоравливать и распространять инфекцию в собственных домах.

С возрождением прививок возобновились споры о том, насколько они законны с богословской точки зрения. Доктор Исаак Мэддокс, епископ Вустера, 5 марта 1752 года произнес проповедь в пользу больницы оспы в Сент-Эндрюс, Холборн,^[54] , которая вызвала значительное внимание . Он показал необходимость такой больницы для бедных и покинутых жителей большого города - необходимость неоспоримую. Он упомянул (и это замечание представляет собой любопытную заметку о гигиене того времени), что будут введены вентиляторы, и ожидалось, что доступ свежего воздуха пойдет на пользу пациентам. В отчете госпиталя за 1752 год значится 344 госпитализированных, 262 выздоровевших и 82 умерших - пропорция, не уступающая больницам XIX века, оснащенным санитарными приборами. За тот же год в госпитале было сделано 112 прививок. Три выдающихся хирурга заверили епископа, что они сделали прививки 1500 людям с тремя смертельными исходами, а один из них (сержант Рэнби) провел тысячу прививок без единого несчастного случая. Такая практика, несомненно, была законной, ведь она предотвращала опасную болезнь, а некоторый риск был неизбежен при любых методах лечения. Эта практика уже многое сделала для уменьшения масштабов оспы, и по мере того, как она становилась все более распространенной, она будет делать еще больше. Результатом проповеди стала подписка на 809 фунтов стерлингов для благотворительной организации на последующем обеде в Драперс-холле.

Епископ был крайне неправ, приписывая снижение смертности прививкам, поскольку в 1752 году оспа была более чем необычно распространена в метрополии, и ее распространенность небезосновательно приписывали заражению от привитых. В 1751 году от оспы в Лондоне

умерло 998 человек, в 1752 году их число возросло до 3538, в 1753 году снизилось до 774, а в 1754 году увеличилось до 2359.

Доктор Доддридж оказал свое мощное влияние в пользу прививок; и, учитывая безоговорочные утверждения медиков о пользе и безвредности этого метода, нельзя сказать, что он был виноват. Дерзкая уверенность, с которой многие из них сбивали оппозицию, одолела простодушных, утверждавших, будто мир устроен по образцу их собственных невинных сердец. То, что оспа часто следовала за прививкой, сегодня известно неоспоримо, и все же доктор Киркпатрик писал: "Я сам слышал множество слухов.

Я сам слышал множество слухов о том, что привитые естественным образом заражаются впоследствии, которые при проверке оказывались такой же ложью".[\[55\]](#)

Как могли женщины и прорицатели противостоять таким доказательствам?

Ярым противником прививок был преподобный Теодор Делафэй из Кентербери. Он прочитал в этом городе 3 июня 1753 года проповедь на тему "Давайте делать зло, чтобы пришло добро" (Рим. iii. 8) и опубликовал ее под названием "Прививки - неоправданная практика". В свою очередь, он подвергся нападкам со стороны инокуляторов, и в 1754 году выпустил "Оправдание" объемом 200 страниц, в котором он вернул больше, чем получил, причем скорее энергично, чем благоразумно. Его вывод был следующим.

Я утверждаю, что с религиозной и моральной точки зрения прививки являются саморазрушительной, бесчеловечной и нечестивой махинацией, а с физической - неразумным, противоестественным, незаконным, наиболее опасным, неэффективным, бесплодным, неопределенным, ненужным приемом; одним словом, практикой, от которой отшатывается природа, против которой выступает разум и которую осуждает религия.

Иногда мы читаем, что прививку осудили как атеизм, и от нас ждут осуждения или улыбки по поводу фанатизма; и хотя мы можем не одобрять это клеймо, в то же время мы можем признать честный смысл, в котором оно может быть поставлено. Некоторые, кто говорил о прививках как об атеизме, чувствовали ярче, чем могли бы описать, что это нарушение глубокой святости природы, куда рука человека не может проникнуть и процветать, и что те, кто предпринимает такую попытку, не могут иметь правильного представления о Том, в Ком они живут, и движутся, и имеют свое существо. Более того, если мы признаем, что тех, кто так выражался, можно обвинить в излишней ярости, то что мы скажем о более многочисленной партии, которая без колебаний объявила прививку открытием, совершенным в человеческом разуме самим Богом? Если было разумно говорить об этой практике как о теистической, то почему должно быть фанатичным утверждать обратное и утверждать, что она подразумевает отрицание Божественного провидения? Доктор Киркпатрик, с подхалимством, которое было в обычае его эпохи, хвалил Георга II за "благосклонное и даже небесное расположение", которое побудило его покровительствовать "чудесной и, вероятно, дарованной Небом практике прививок"; и превозносил "ее равную простоту и успех" как демонстрирующую "размышляющему уму благость Провидения в том, что то, что может быть так часто необходимо, так легко достигается".[\[56\]](#) Не составит труда привести десятки признаний благодарности Богу за прививку, но с какой целью?

То, что мы считаем хорошим, мы обязательно приписываем Богу; и мы поступаем правильно; но многое из того, что мы считаем хорошим, оказывается иным или хорошим лишь отчасти; и что тогда? А то, что нас не обманывает и исправляет опыт. Мы подвергаем наше

представление о том, что такое добро, проверке на практике, и Бог отвечает нам на этот вопрос - оправдывает, исправляет или ставит нас в тупик. Так и с прививкой. Было справедливо, чтобы те, кто считал ее хорошей, отнесли ее к Богу и поблагодарили Его за нее; и столь же справедливо было, чтобы те, кто считал ее плохой, сказали, что она не его, что она противоречит Его порядку и порочит разум тех, кто вменяет ее Ему. Как должен был решиться этот вопрос? Только Сам Бог. И как же Он будет говорить? В результатах опыта, где Его воля проявится без всяких сомнений.

В 1754 году прививки получили полное признание Лондонского колледжа врачей. Было заявлено, "что опыт опроверг аргументы, выдвигаемые против этой практики; что в настоящее время она применяется в Англии более широко, чем когда-либо; и что она весьма полезна для человечества". Забор колебаний был отброшен, и прививка стала отличительной чертой всех, кто хотел быть причисленным к просвещенным и благоразумным. То, что черкесы славятся своей красотой и что они практикуют прививки, было главным аргументом и неотразимым для множества англичанок. Противодействие оказывали в основном представители низших сословий, которые возражали против того, чтобы прививки делались в их среде, а в некоторых местах грозились снести дома, где делались прививки.^[57] Иногда практикующий врач приобретал репутацию инокулятора, и к нему прибегали пациенты издалека, а его операции не вызывали особого одобрения у соседей. Так, врачи и хирурги из Ньюбери, Беркс, были вынуждены пообещать своим жителям, что не будут делать прививки никому, кто не прожил в Ньюбери по крайней мере два года.

Новая практика создала большой бизнес, а ее распространение вызвало некоторую ревность. Врачи жаловались, что хирурги делают прививки без их помощи, а хирурги - что аптекари поступают так же. Доктор Киркпатрик установил правило, согласно которому в каждой правильно проведенной прививке участвуют врач, хирург и аптекарь - врач, чтобы подготовить и прописать пациента, хирург, чтобы разрезать, вводить и перевязывать, и аптекарь, чтобы приготовить лекарства. Некоторые, однако, обходились без всех троих и делали прививки самостоятельно. Один мальчик в спорте уколол четырнадцать своих школьных товарищей, и любители прививок, мужчины и женщины, размножились. В качестве примера любительской процедуры доктор Киркпатрик рассказывает, что один джентльмен из Кента послал своего слугу, Сильвануса, молодого человека, к миссис Чепмен в Хитфилд, чтобы сделать прививку. Ему пришлось проехать тринадцать миль, и он прибыл в дом инокулятора разгоряченный и усталый. Поскольку он принял подготовительное лекарство у своего хозяина, миссис Чепмен попросила его сразу же подготовиться к операции, которую он умолял отложить, так как был в таком жару. Она ответила, что он должен сделать прививку в тот же день, во вторник, или остаться до следующей недели, поскольку вторник - ее счастливый день. Бедняга поддался на уговоры и был привит в тот же день: последовала тяжелая оспа, и он умер.^[58]

Так прививка возродилась и утвердилась, а вместе с ней утвердилась и распространилась оспа.

ССЫЛКИ:

^[52] Медицинские труды доктора Мида, т. ii. с. 146. Эдинбургское изд., 1765.

^[53] *Ibid.* p. 149.

^[54] Проповедь перед управляющими оспенной больницы. Исаия lviii. 7. Лондон, 1752; второе издание, 1753.

[55] Анализ прививок, 2-е изд. 1761 г., с. 145.

[56] Анализ прививок, с. 348.

[57] Gentleman's Magazine, март, 1753.

[58] Kirkpatrick's Analysis of Inoculation, p. 359.

ГЛАВА VII.

ТРИУМФ ПРИВИВКИ.

После того как, по словам доктора Киркпатрика, инокуляция стала считаться "самой полезной практикой, когда-либо открытой для сдерживания очень страшного и разрушительного расстройства, которое она почти исключила из каталога смертельных болезней", целью врачей и пациентов стало свести неприятности и опасность операции к возможно более низким показателям. По словам доктора Дженнера, "кровопускание было до тех пор, пока кровь не становилась тонкой, очищение - пока тело не истощалось до скелета, а голодание на растительной диете - чтобы сохранить его таким"; и врачи, обещавшие смягчить эти тяготы, ставили себя в ряд популярных и процветающих.

Среди выдающихся прививочников была семья Саттонов - "Саттоны" были знакомым именем столетие назад. Доктор Роберт Саттон занимался хирургией и фармакологией в Дебенхеме, в Саффолке, и с такой энергией взялся за прививки, что в период с 1757 по 1767 год прооперировал 2514 пациентов. Его сын, Роберт, стал инокулятором в Бури-Сент-Эдмундс, где вел большой бизнес; но второй сын, Дэниел, был гением в семье. Он работал ассистентом мистера Бамстеда в Оксфорде и вернулся к отцу в 1763 году, воодушевленный новым планом прививок, согласно которому время подготовки должно было сократиться, а пациенты должны были жить на свежем воздухе. Старик Саттон не поддержал нововведение, и тогда Дэниел открыл за свой счет прививочный дом в Ингейтстоуне, в Эссексе, рекламируя себя в качестве инокулятора по новому, безопасному и надежному методу. Спекуляция оправдалась. В 1764 году он получил 2000 гиней, а в 1765 году его доходы составили 6300 фунтов стерлингов. Его слава распространилась по всей стране, и к его услугам прибегало так много людей, что в Ингэтстоуне и его окрестностях почти не было жилья. Его практика в Кенте также была обширной, и он был вынужден нанимать помощников. Чтобы увенчать свое предприятие, он держал пастора - преподобного Роберта Хоултона, чтобы тот отдувался за его мастерство и успех. Согласно Хоултону, бизнес Дэниела Саттона в течение трех лет выглядел следующим образом.

Вакцинация в 1764 году,	1629
" 1765,	4347
" 1766,	7816

	13,792

К этому числу было добавлено 6000 прививок, сделанных помощниками Саттона, что в общей сложности составило 20 000, и, по словам Хоултона, не было ни одного случая смерти.^[59]

Саттона осуждали как шарлатана, и если присвоение себе и торговля тем, что провозглашено для общей пользы человечества, является шарлатанством, то Саттон им и был. Тем не менее он добился успеха, и его успех вызвал такую ревность, что ему было предъявлено обвинение на четвертьсессии в Челмсфорде, но он был оправдан с благодарностью большого жюри за урок, который он преподавал факультету.

Много изобретательности было проявлено, чтобы вывести секрет Саттона. Его секрет, насколько это вообще возможно, был открыт; и если предположить, что необходимо заражать кровь людей разноцветным гноем, а затем оперировать их для выздоровления, то можно было бы многое сказать в пользу процедуры Саттона. Его пациенты должны были пройти строгий подготовительный режим в течение двух недель, во время которого запрещалась любая животная пища, за исключением молока, а также все ферментированные напитки и специи. Разрешались всевозможные фрукты, за исключением дней, когда проводились чистки. В течение двух недель трижды принимали порошок перед сном и дозу солей на следующее утро. Когда дни подготовки заканчивались, пациента отвозили в прививочный дом, где в общественной комнате находилось множество людей в различных стадиях оспы. Из одного из них оператор выбирал пустулу по своему вкусу, вскрывал ее ланцетом и, повернувшись к осеменяемому пациенту, влажным ланцетом приподнимал кутикулу на внешней стороне его руки и прижимал ее пальцем. Вот и вся операция: ни пластырь, ни повязка не накладывались, и с этого момента пациент считался защищенным от оспы, даже если он ложился в постель с больным этой болезнью. Конечно, оставалось справиться с вариолитическим поражением. Схема приема препарата оставалась неизменной, и таблетка принималась на ночь, пока не наступала лихорадка. Никому не разрешалось лежать в постели, кроме сна, но нужно было гулять за городом и наслаждаться свежим воздухом, даже в зимнюю погоду. Если пациент был слишком болен, чтобы идти одному, его сопровождали сиделки, а когда жар достигал своего пика, его поощряли обильным питьем холодной воды.

Саттону приписывали гораздо больше таблеток и порошков, чем его режиму, а ведь это были не более чем препараты сурьмы и ртути, с которыми хорошо знакомы врачи всех мастей. Саттон, однако, сумел сохранить свою тайну до тех пор, пока у него больше не было повода для нее, и дожил до того, что узнал своего преемника в лице Дженнера. В 1767 году он переехал в Лондон в надежде увеличить свои доходы, но, как и многие другие провинциальные знаменитости, обнаружил, что ему лучше было остаться там, где он блистал без соперников и недоброжелателей.

Режим Саттона, в той мере, в какой его можно назвать "прохладным", стал общепринятым, в то время как так называемый "горячий режим", включающий теплые комнаты, постель и сердечные средства, был соответственно дискредитирован. Сравнивая эти два метода, сэр Джордж Бейкер, написавший в 1771 году, заметил

Я обнаружил, что в графствах Норфолк, Саффолк и Эссекс многие тысячи людей всех возрастов и конституций, а некоторые из них со всеми очевидными недостатками, были привиты с общим успехом; в то время как в Бландфорде, в Дорсете, из 384 привитых 13 человек умерли, а многие другие едва спаслись от оспы, протекающей без последствий".^[60]

Известным инокулятором был доктор Томас Димсдейл из Хартфорда, квакер с легкими принципами. Он опубликовал на сайте в 1766 году трактат под названием "Современный

метод прививки от оспы" - изложение наиболее одобренной практики того времени, которая, по одному из тех любопытных стечений обстоятельств, принесла ему европейскую известность; а в 1781 году - "Трактаты о прививках" - запись его мнений и приключений дома и за границей.

Димсдейл стремился к всеобщему распространению прививок, но с осторожностью. Он рекомендовал, чтобы жители подходящего района были охвачены как единое целое и сразу. Взять имена всех и в определенный день сделать прививку всем, кто не болел оспой. Затем район должен оставаться в карантине около трех недель, по истечении которых опасность и страх перед оспой прекратятся, пока не накопится новое незараженное поколение. Этот проект не был простой мечтой. Димсдейл был человеком влиятельным и энергичным, и по его плану было проведено несколько полных прививок в деревнях и приходах Хартфордшира. В более поздние годы он совмещал банковское дело с медициной, и фирма "Димсдейл, Фаулер и Ко" на Корнхилле возникла благодаря ему и увековечила его имя.

Практика Димсдейла распространялась в основном среди высших слоев общества, которым он создавал комфортные условия. Как он писал...

Я не предписываю никаких ограничений в питании и не назначаю никаких лекарств, которые должны приниматься до операции теми, кто находится в нормальном состоянии здоровья".[61]

Он довольствовался тем, что вечером того дня, когда пациенту делали прививку, вводил порошок, состоящий из каломели, противорвотного средства и клешней краба.

Занимаясь популяризацией прививок, Димсдейл был категорически против того, чтобы торговля ими переходила в чужие руки, хотя он и утверждал, что это просто, безопасно и полезно. Так, он утверждал

Вред, возникающий в результате применения прививок неграмотными и невежественными людьми, не поддается воображению.[62]

Как неграмотность может повлиять на прививку, он оставлял только догадываться. Он, очевидно, забыл, что эта практика исходила от людей, которые не претендовали на литературу, и чья эффективность и успех были, более того, представлены как гарантия и поощрение для подражания в Англии.

В 1775 году было создано Общество общей прививки, и для этой цели была открыта больница на Бэттл-Бридж, на месте, где сейчас находится вокзал Великой Северной железной дороги, Кингс-Кросс. Доктор Леттсом, популярный квакерский врач, выступил с воззванием в пользу этого предприятия, и, заручившись одобрением доктора Димсдейла, между братьями разгорелась оживленная полемика - скорее личная, чем выгодная. Димсдейл не одобрял прививки без разбора: он был готов прививать весь мир, но систематически и под строгими гарантиями. Он указывал, что какими бы ни были преимущества для отдельного человека, если привитый пациент не будет находиться в строгом уединении, он распространит болезнь, от которой его хотят избавить, и ценой его жизни может стать гибель многих людей. Однако к предостережениям Димсдейла отнеслись с недоверием, и прививки проводились с преступным безрассудством. Как отмечает Паскаль, из всех способностей, данных человеку, самой ужасной по своим последствиям является способность стоять среди множества фактов, видеть те, которые нам хочется видеть, и быть слепым по отношению к остальным.

В связи с оспой прошлого века особенно примечателен преувеличенный ужас перед ней профессиональных прививальщиков и незначительный реальный ужас, проявленный народом. Она ни в коем случае не была самой смертельной из болезней и не играла большой роли в общей смертности. Везде, где мы проверяем этот вопрос с помощью беспристрастных современных свидетельств, мы видим, что крики надуманные: ужасная и опустошающая болезнь, от которой Дженнер избавил свою страну, - это всего лишь выдумка, продолженная вакцинаторами от прививочников. Для доказательства обратимся к свидетельству доктора Александра Монро, профессора медицины и анатомии в Эдинбургском университете. Медицинский факультет в Париже назначил комиссию по изучению преимуществ прививок, которая по долгу службы обратилась к Монро, который в ответ подготовил и опубликовал в 1765 году "Отчет о прививках оспы в Шотландии" (An Account of the Inoculation of Smallpox in Scotland). Он сообщил, что с момента введения этой практики Мейтлендом в 1726 году в Шотландии было сделано 5554 прививки с 72 смертельными исходами, то есть около 140 в год со смертельными исходами 1 к 78, согласно признанию самих прививальщиков. Монро также заявил, что в Шотландии эту практику не одобряли, считая ее "искушением Провидения", неоправданным риском для жизни ради неопределенной выгоды. Однако в настоящее время нас интересует статистика смертей от оспы в Эдинбурге за двадцать лет, приведенная Монро.

	Захоронения от всех Болезни.	С сайта Оспа.		Захоронения от всех Болезни.	С Оспа.
1744	1345	167	1754	1215	104
1745	1463	141	1755	1187	89
1746	1712 [63]	128	1756	1316	126
1747	1200	71	1757	1267	113
1748	1286	167	1758	1001	52
1749	1132	192	1759	1136	232
1750	1038	64	1760	1123	66
1751	1241	109	1761	903	6
1752	1187	147	1762	1305	274
1753	1105	70	1763	1160	123
---	--		---	--	
	12,709	1256		11,613	1185

Здесь у нас есть опыт, имеющий все преимущества для террориста оспы: ведь Эдинбург в прошлом веке был городом, созданным как будто для того, чтобы порождать и сохранять оспу. Население в 55 000 человек размещалось в квартирах, в многоэтажных домах, тесно пристроенных к переулкам и дворам - плотное население, как ни одно другое в Европе, с неопишными, а в наши дни, пожалуй, и невероятными мерами по поддержанию чистоты. И все же в условиях, столь благоприятных для оспы, мы видим перед собой общий результат в течение двадцати лет; и каким бы предвзвешенным ни казался этот результат современным санитарам, которые считают и справедливо считают, что все зимозные болезни можно предотвратить, он не вызвал у Монро ни беспокойства, ни тревоги: ни уровень смертности в старом Эдинбурге не контрастирует с уровнем смертности в современном городе. Однако случай с Эдинбургом показывает, что во всех случаях, когда мы слышим об опустошительном

действию оспы до появления Дженнера как избавителя, мы должны твердо настаивать на предоставлении особых и адекватных доказательств: чудовищно, чтобы утверждения обычных шарлатанов, будь то инокуляторы или вакцинаторы, переходили в традицию и принимались как непреложная истина.

Кроме того, мы должны заметить, что смертность от оспы в Эдинбурге была детской: ведь, как свидетельствует Монро...

Жители Шотландии обычно болеют оспой в младенчестве или детстве; взрослых людей при этой болезни встречается очень мало. Объясняется ли это особым строением воздуха или людей, или тем, что болезнь не так страшна, чтобы заставить кого-либо бежать из места, где она есть, или большим общением, которое должно быть между жителями городов, где несколько, а может быть, и много семей входят в свои дома по одной общей лестнице, в то время как в деревнях крестьяне обычно помогают своим соседям, в семье которых кто-то болен, сейчас нет необходимости спрашивать".

Не только привычки людей способствовали распространению эпидемий, но и их питание, основным продуктом которого была овсянка, в то время как овощей было мало, фрукты редки, а чай неизвестен. Поэтому многие болезни протекали свободно, и, как рассказывает Дин Рамзи, одна девушка, приехав к миссис Бетти Мюрхейд, не смогла избавиться от своих недугов. Бетти Мюрхейд в школу-интернат на Тронгейт в Глазго, на вопрос, болела ли она оспой, ответила: "Да, мем, у меня была оспа, корь, краснуха, чесотка, коклюш, лихорадка, свинка и червь".

И последнее слово о леди Мэри Уортли Монтагу. После двадцатилетнего пребывания в Италии она вернулась в Англию и умерла 21 августа 1762 года. На западной стороне северной двери в Личфилдском соборе находится женская фигура, выполненная из мрамора, опирающаяся на урну с надписью M. W. M. Надпись гласит.

СВЯТО ЧТИМ ПАМЯТЬ
ДОСТОПОЧТЕННОЙ
ЛЕДИ МЭРИ УОРТЛИ МОНТАГУ,
КОТОРАЯ ПО СЧАСТЛИВОЙ СЛУЧАЙНОСТИ ПРИВЕЗЛА ИЗ ТУРЦИИ
В ЭТУ СТРАНУ,
ПОЛЕЗНОЕ ИСКУССТВО ПРИВИВКИ ОТ ОСПЫ.
УБЕДИВШИСЬ В ЕГО ЭФФЕКТИВНОСТИ,
СНАЧАЛА ОНА С УСПЕХОМ ОПРОБОВАЛА ЕГО
НА СВОИХ СОБСТВЕННЫХ ДЕТЯХ,
А ЗАТЕМ РЕКОМЕНДОВАЛА ЕЕ СВОИМ СОГРАЖДАНАМ.
СВОИМ СОГРАЖДАНАМ.
ТАКИМ ОБРАЗОМ, БЛАГОДАРЯ ЕЕ ПРИМЕРУ И СОВЕТАМ,
МЫ СМЯГЧИЛИ ОПАСНОСТЬ И
ИЗБЕЖАЛИ ОПАСНОСТИ ЭТОЙ ЗЛОКАЧЕСТВЕННОЙ БОЛЕЗНИ.
ЧТОБЫ УВЕКОВЕЧИТЬ ПАМЯТЬ О ТАКОМ БЛАГОДЕЯНИИ,
И ВЫРАЗИТЬ СВОЮ БЛАГОДАРНОСТЬ
ЗА ПОЛЬЗУ, КОТОРУЮ ОНА САМА ПОЛУЧИЛА ОТ
ЭТОГО БЛАГОТВОРНОГО ИСКУССТВА,
ЭТОТ ПАМЯТНИК ВОЗДВИГНУТ
ГЕНРИЕТТА ИНГЕ,

РЕЛИКВИЕЙ ТЕОДОРА УИЛЬЯМА ИНГЕ, ЭСКВАЙРА,
И ДОЧЕРЬЮ СЭРА ДЖОНА ВРОТТЕСЛИ, БАРТА,
В ГОД НАШЕГО ГОСПОДИНА,
MDCCLXXXIX.

Хотя мы не прибегаем к эпитафиям в поисках истины, мы можем обнаружить в них то, что было принято за истину или то, что хотели принять за истину. В приведенной выше эпитафии мы имеем легенду, которая захватила народное воображение и которая, вероятно, переживет бесчисленные исправления. Человечество имеет обыкновение отождествлять какое-либо общее движение с какой-либо выдающейся или живописной фигурой в этом движении, а все остальное замалчивать. Эта практика удобна, но она портит всю историю баснями.

Можно сказать, что практика прививок не встречала активного сопротивления в Англии в течение последних тридцати лет прошлого века. Насколько широко и глубоко она распространилась, определить сложно. Вероятность заключается в том, что масса населения осталась нетронутой, и прививки были ограничены высшим и средним классами, а также низшими, поскольку они попали под непосредственное влияние тех, кто был выше их. О состоянии дел можно судить по книге доктора Вм. Бьюкен "Домашняя медицина", впервые опубликованная в 1769 году и выдержавшая за время жизни автора восемнадцать изданий тиражом 80 000 экземпляров. Нередко о Бьюкене отзываются пренебрежительно, но его работа была произведением человека с энергичным здравым смыслом и верой в здравый смысл его читателей - книга, достойная автора и людей, которые его ценили.

Бьюкен был прививочником, ревностным защитником прививок и искренне стремился к их повсеместному распространению. В "Домашней медицине", изд. 1797 г., он писал: "Ни одно открытие не может быть общепользным.

Ни одно открытие не может быть общепользным, пока практика его применения находится в руках немногих. Если бы в нашей стране инокуляция практиковалась теми же операторами, что и в странах, откуда мы ее заимствовали, она давно бы стала всеобщей. Страхи, ревность, предрассудки и противоположные интересы факультетов были и всегда будут самыми действенными препятствиями на пути любого полезного открытия. Поэтому инокуляция так и не стала в Англии общепринятой, пока ею не занялись люди, не приученные к физике".

В соответствии с этим мнением Бьюкен решительно выступал в защиту домашней практики, говоря: "Они очень мало знают, что такое прививка.

Очень мало знают о деле те, кто приписывает успех современных инокуляторов какому-либо превосходному мастерству, как в подготовке пациента, так и в передаче болезни. Некоторые из них, правда, из гнусного желания присвоить всю практику себе, притворяются, что обладают необыкновенными секретами или нострумами для подготовки людей к прививке, которые никогда не приводят к успеху. Но это лишь притворство, рассчитанное на то, чтобы ослепить невежественных и невнимательных людей. Одного лишь здравого смысла и благоразумия достаточно как для выбора объекта, так и для управления операцией. Тот, кто ими обладает, может выполнять эту операцию для своих детей, когда сочтет это удобным, *при условии, что они находятся в хорошем состоянии здоровья*".

Это утверждение - результат не теории, а наблюдений. Хотя немногие врачи имели больше возможностей испытать прививку во всех ее различных формах, мне кажется, что так мало зависит от тех важных обстоятельств, которые обычно считаются важными: подготовки тела, передачи инфекции тем или другим способом и т. д., что в течение нескольких лет я убеждал родителей и медсестер выполнять всю операцию самостоятельно.

Я знаю множество случаев, когда матери делали прививки своим детям, и никогда не слышал ни об одном плохом последствии. Обычные механики, насколько мне известно, часто выполняют эту операцию с таким же успехом, как и врачи.

Описав обычный метод прививки путем надреза ланцетом, смоченным в гное, он продолжает: "Если свежую материю прикладывать достаточно долго, то это может привести к серьезным последствиям.

Если свежее вещество достаточно долго прикладывать к коже, то рана вообще не образуется. Пусть кусочек нитки длиной около полудюйма, смоченный веществом, будет немедленно приложен к руке, посередине между плечом и локтем, и накрыт куском обычного лейкопластыря, и держится восемь или десять дней. Это редко помогает справиться с болезнью.

Вместо того чтобы приводить множество аргументов в пользу этой практики, я позволю себе упомянуть случай с моим собственным сыном, в то время единственным ребенком. Дав ему две легкие чистки, я велел медсестре взять кусок нитки, предварительно смоченной свежей материей из язвы, и положить ее ему на руку, прикрыв куском лейкопластыря. Так продолжалось шесть или семь дней, пока случайно не сотрется. В обычное время оспа появилась и была очень благоприятной. Конечно, это все, что обычно необходимо, можно сделать, не имея никаких навыков в медицине.

Так оспа стала легкой!

Бьюкен обратился к духовенству с призывом сотрудничать в качестве инокуляторов.

Люди, которым мы бы в первую очередь рекомендовали проводить эту операцию, - это духовенство. Большинство из них кое-что знают о медицине. Почти все они умеют пускать кровь и проводить чистку, что является необходимой квалификацией для проведения прививок.

А в качестве пропагандистов...

Ни одна группа людей не в состоянии сделать практику прививок всеобщей, как духовенство; наибольшее противодействие этому по-прежнему вызывают некоторые угрызения совести, которые только они могут устранить. Я бы рекомендовал им не только попытаться устранить религиозные возражения, которые слабые умы имеют против этой полезной практики, но и предписать ее как обязанность и указать на опасность пренебрежения использованием средства, которое Провидение предоставило в наше распоряжение для спасения жизни наших потомков. Конечно, те родители, которые сознательно пренебрегают средствами спасения жизни своих детей, так же виновны, как и те, кто предаст их смерти.

Как хорошо знакомы вакцинаторы с этой фразой! Если вы не выполните наше предписание и ваши дети заразятся оспой, то вы станете их убийцами".

Вот еще один отрывок из Бьюкена, который с такой же точностью можно применить к вакцинации - это действительно то, что постоянно утверждается как истина относительно вакцинации.

Поскольку оспа стала эпидемическим заболеванием в большинстве стран мира, не остается другого выбора, кроме как сделать болезнь как можно более мягкой. Это единственный способ уничтожения, который сейчас остается в наших силах; и хотя это может показаться парадоксальным, искусственный метод распространения болезни, если бы он стал всеобщим, означал бы почти то же самое, что ее искоренение. Не имеет большого значения, будет ли болезнь полностью истреблена или станет настолько мягкой, что не будет ни разрушать жизнь, ни вредить конституции; но то, что это можно сделать с помощью прививки, теперь не вызывает сомнений. Число тех, кто умирает от прививок, вряд ли заслуживает того, чтобы его называть. При естественном способе умирает каждый четвертый или пятый, а при инокуляции - ни один из тысячи. Более того, некоторые могут похвастаться тем, что сделали прививки десяти тысячам без потери одного пациента.

В этом выступлении Бьюкен не лгал и не говорил только от своего имени, а выражал мнение врачей своего времени, точно так же, как сегодня врачи свидетельствуют о вакцинации. Однако все мы знаем, что Бьюкен был полностью виноват и подменил истинное мнение тем, что ему хотелось бы видеть.

Я не могу оставить Бьюкена, не сказав несколько слов в его пользу, поскольку, по его мнению, он был достойным человеком, и эти слова будут принадлежать ему. Он писал...

Я достаточно стар, чтобы помнить время, когда предполагалось, что успех прививок полностью обусловлен подготовкой организма, как это называлось; но я убежден, что такая подготовка всегда приносила и продолжает приносить больше вреда, чем пользы. *Организм не может быть лучше подготовлен к встрече с болезнью, чем будучи в добром здравии.* Медицина может вылечить болезнь, но она не может восстановить здоровье. Когда человек наслаждается благословением здоровья, он никогда не должен вмешиваться в медицину по любому поводу.

Нет: ни с полудюймовой ниткой, смоченной в оспе.

ССЫЛКИ:

[59] Проповедь, прочитанная в Ингейтстоуне 12 октября 1766 г. в защиту прививок, с приложением о современном состоянии прививок. Lond., 1767.

[60] Medical Transactions, vol. ii. art. xix.

[61] Tracts on Inoculation, p. 126.

[62] *Ibid.* p. 107.

[63] Монро объясняет чрезмерную смертность этого года присутствием полков в Эдинбурге после подавления восстания 1745 года.

ГЛАВА VIII.

ИНОКУЛЯЦИЯ ЗА РУБЕЖОМ.

Прежде чем перейти к рассказу о том, как инокуляция была вытеснена и в конечном итоге подавлена в Англии, целесообразно сделать несколько замечаний о распространенности этой практики в других странах.

Сначала в Новой Англии, где, как мы уже видели, Коттон Мазер первенствовал в том, чтобы подвергнуть отчеты о восточной инокуляции проверке западной практикой. Мазер и его соадьютор Бойлстон не предлагали сделать прививки привычными, а оставляли их для использования во время эпидемий. В Новой Англии иногда проходили годы без оспы: здесь не было плотного городского населения, которое могло бы стать очагом зимозной болезни, и постоянно делать прививки от того, что случалось время от времени, было явно излишне. Тем не менее колонисты разделяли общую склонность того времени к копанию в лекарствах, а их рабы предоставляли удобные возможности для экспериментов, в которых храбрость имела санкцию благодеяния. Если для белых чистота, вентиляция, дренаж и чистая вода были скорее условиями случайности, чем провидения, то для негров жизнь была жизнью, и последствия оспы считались достаточно объяснимыми утверждением, что негры конституционно предрасположены к этому заболеванию. Поэтому неграм от Бостона до Испанского Майна время от времени безжалостно прививки, и все, кто впоследствии избежал оспы, приписывали свой иммунитет прививке.

Джонатан Эдвардс, принц кальвинистских богословов, был убит прививкой. В Нью-Джерси разразилась эпидемия оспы, и для надежности Эдвардсу сделали прививку. В результате он заболел оспой в тяжелой форме, от которой и умер 22 марта 1758 года, на 54-м году жизни. В поисках излишней безопасности он был убит. Человек в возрасте Эдвардса мало боялся оспы; ведь эта болезнь в подавляющем большинстве случаев была болезнью молодых, к которой Эдвардс, как достигший среднего возраста, мог относиться с относительным безразличием.

Колонисты обычно приписывали любую вспышку оспы если не явному, то скрытому ввозу из Европы; ведь считалось, что оспа никогда не может развиваться спонтанно. Поэтому были приняты все меры для изоляции больных, а в Бостоне и других морских портах были построены госпитали в отдаленных от жилья местах, с которых вывешивался флаг, когда там находились больные. Врач, посещавший больницу, должен был снять парик, сменить обувь и надеть халат, который свисал от шеи до щиколоток, а выйдя, вымыть руки и окуриться ладаном. Рассказывая об этих мерах предосторожности, профессор Уотерхаус из Кембриджа, штат Массачусетс, заметил в письме к доктору Хейгарту из Честера

Я не могу считать их совершенно излишними. Наши города невелики, дома разбросаны, большинство из них имеют сад между собой, так что мы смогли проследить действие заразы. Мы провели множество экспериментов с оспой в Новой Англии и убеждаем себя, что имеем некоторые претензии на то, чтобы знать об этой болезни больше, чем вы в Европе.

Во время войны с Англией в американской армии вспыхнула оспа, и к прививкам прибегали так свободно, что едва ли хоть один человек избежал укола ланцетом. В 1776 году Вашингтон делал прививки своим солдатам из Новой Англии в Кембридже, и было трудно найти людей, которые бы сторожили больных; то есть людей, которые прошли через оспу и не считались способными заразиться, - любопытное свидетельство редкости этой природной болезни в тех общинах, из которых набиралась армия.^[64]

Триумф Коттона Мэзера над Бостоном был полным - полнее, чем он предполагал; ведь он стал настолько тщательно привитым, насколько в наши дни прививают любой город . Доктор Уотерхаус, написав 28 октября 1788 года, отметил: "Мы видим, что в 1752 году в Бостоне было

В 1752 году в Бостоне было всего 170 человек, способных заболеть оспой, а в 1754 году, когда в городе была проведена всеобщая прививка, я сомневаюсь, была ли хоть четверть от этого числа, не получивших инфекцию *viâ naturæ vel artis*. В 1776, 77 и 78 годах прививки делали довольно свободно по всему штату. Два дня назад я был на смотре части ополчения графства Саффолк, и из 520 человек вряд ли нашлась сотня старше двадцати пяти лет, не прошедших через оспу с помощью прививки; а из 2000 человек, прошедших смотр за неделю или две до этого в графстве Мидлсекс, не нашлось большей доли того же возраста, способных заразиться этой болезнью. С 1764 года страх перед оспой значительно уменьшился, а с 1778 года мы встречаем это заболевание с таким же минимальным страхом, как и любой другой народ, о котором вы можете упомянуть".

В другом письме, датированном 15 октября 1787 года, доктор пишет

Я полагаю, что в настоящее время во всех четырех правительствах Новой Англии нет ни одного человека, зараженного оспой, то есть ни одного на миллион населения.^[65]

Как бы ни обстояли дела в других местах, в Бостоне прививки проводились с формальностью и тщательностью, которые могли бы удовлетворить самого Димсдейла. На Сьюэллс-Пойнт, вдающемся в реку Чарльз, в полутора милях от общей дороги, на приятной территории с деревьями и прогулками, была построена прививочная больница. Три недели были посвящены прививке и последующей болезни, и перед увольнением доктор Уотерхаус писал

Пациентов моют в мыльном растворе, затем натирают бренди и, наконец, моют в уксусе; они надевают свежую одежду, а ту, что носили во время пребывания в больнице, срывают. Но даже после этого их курят и окуривают серой в коптильне, которая примерно в два раза больше обычного часового. В этой коптильне есть отверстие, чтобы пациент мог высунуть голову во время операции. Хотя на бумаге это выглядит грозно, пациенты подчиняются бодро и без особого веселья.

В настоящее время в Сьюэллс-Пойнте привито около 150 человек, и среди них нет ни одного нищего. В основном это дети, возможно, тридцать или сорок из них - первые люди в содружестве. Плата за весь процесс составляет 8 долларов, или 36 с. стерлингов, включая все расходы от разреза до удаления. В некоторых местах прививки делают за половину этой суммы. Вы должны представить себе, что весь этот бизнес ведется с большим весельем, где пациента, когда он болен, жалеют не меньше, чем при морской болезни в компании моряков. Сложившаяся система веселья и хорошего настроения вносит немалый вклад в благополучие пациентов.

Это любопытная история, которая сильно контрастирует с грубой и готовой практикой Турции, а также многих инокуляторов в Англии и других странах. Доктор Уотерхаус добавляет.

В Бостоне было значительное число людей, которым оспа не могла быть передана путем прививки. В некоторых случаях операцию повторяли два, три и четыре раза со свежим веществом. Некоторые из них впоследствии тяжело перенесли болезнь естественным путем, а некоторые умерли от нее.

Франция медленно принимала прививку. После ее введения в 1723 году прошло около тридцати лет без каких-либо серьезных движений в ее пользу, когда Вольтер, Дидро и их окружение начали рекомендовать эту практику, которая имела то преимущество, что была английской и не нравилась тем, кто с отвращением относился к изменениям и улучшениям. Ла Кондамин прочитал красноречивый доклад о преимуществах прививок в Академии наук; а Тюрго, пылкий и проницательный любитель своего рода, добился прививки ребенку в Париже 1 апреля 1755 года; за ним 14 мая последовал молодой человек по имени Шастелюкс, подвергший себя операции в интересах общего благосостояния. Затем доктор Хости был отправлен в Лондон для проведения расследования и составления отчета, а по возвращении сделал следующие заявления

1. Из 463 случаев, привитых в лондонском госпитале, только один оказался неудачным; в то время как в оспенном госпитале умирал почти каждый четвертый.
2. Что мистер Рэнби, главный хирург его величества, сделал прививки 1600 людям, а мистер Белл - 903, не потеряв ни одного человека.
3. Чтобы провести справедливое сравнение между смертностью от натуральной и искусственной оспы, достаточно посетить Лондонскую оспенную больницу, а затем прививочную больницу: разница между ними настолько поразительна, что в этом должны убедиться самые недоверчивые.
4. Наконец, что касается предполагаемого оплодотворения других болезней привитой оспой: ни одного подобного случая не было. Людям делали прививки вариолином, взятым у пациентов, страдающих венерическими заболеваниями, но они не получали никакой инфекции, кроме той, что бывает только от оспы.

Было бы излишне разбирать заблуждения, содержащиеся в этих заявлениях: они удовлетворили тех, кто был настроен на удовлетворение, и прививки вошли в моду среди ученых и просвещенных людей. Доктор Трончин, известный инокулятор, был вызван из Женевы в Париж в 1756 году, чтобы прооперировать детей герцога Орлеанского, и его успех был признан решающим. Тем не менее, прививки не распространялись на досужих и культурных людей, и в 1763 году вспышка оспы в Париже положила конец этой практике. Власти провели расследование, и доказательства не оставили сомнений в том, что эпидемия распространилась, если не возникла, среди искусственно привитых, и отныне прививки в Париже были запрещены. Любому горожанин, решивший переболеть наведенной болезнью, должен был удалиться в загородные кварталы.

Здесь мы можем заметить, что уверенность прививальщиков основывалась на предположении, что тот, кто однажды перенес оспу, будь то естественную или искусственную, никогда больше не сможет заразиться этой болезнью. Тем не менее привитые все же заболевали, и катастрофу единодушно объясняли тем, что прививка была сделана некачественно. Были также случаи оспы после оспы, но и они были опровергнуты; первая оспа могла быть не оспой, а ветрянкой, корью или каким-то другим высыпанием. Ярким опровержением этих уклонений стал случай с Людовиком XV. Он заболел оспой, несомненно, на 14-м году жизни, и от несомненной оспы он умер в 1774 году на 64-м году жизни. Тем не менее, утверждение о невозможности оспы после оспы было увековечено, и только когда стало необходимо поддерживать доверие к вакцинации, факты были признаны; и в такой форме - оспа после вакцинации не более распространена или необычна, чем оспа после оспы - ложь на фоне прежней лжи.

Мы видели, под какими гарантиями проводилась прививка в Бостоне, а теперь обратимся к Женеве и узнаем, как все американские меры предосторожности были сведены на нет в этом городе с очевидной безнаказанностью. Подробности взяты из письма Женевского совета от 24 декабря 1791 года, адресованного доктору Хейгарту в ответ на его запросы и предложения. Де Гутт, секретарь Женевского синдиката, писал

I. - Женевская республика насчитывает около 35 000 жителей, из которых 26 000 проживают в городе, а 9 000 - в прилегающих районах.

II.- Город имеет небольшую площадь и плохо приспособлен для столь многочисленного населения; к тому же его расширение затруднено из-за укреплений, которыми он окружен. В городе насчитывается немногим более 1200 домов, построенных в несколько этажей с большим количеством квартир, как в старинной части Эдинбурга; в каждом доме проживает в среднем двадцать один житель.

III.- Значительная часть населения состоит из чужестранцев, и не только потому, что большинство наших слуг и рабочих - уроженцы других стран, но и потому, что Женева - пограничный город, окруженный Савойей, Швейцарией и Францией и расположенный на путях сообщения между этими государствами, и путешественники постоянно приезжают и уезжают.

IV.- Несмотря на такое постоянное пребывание чужеземцев в наших стенах, эпидемия оспы случается почти регулярно, каждые пять лет; а между эпидемиями часто случается, что у нас нет ни одной природной оспы, ни в городе, ни в его окрестностях.

V.- Прививки начали практиковаться здесь в 1751 году, и с тех пор мы ежегодно прививаем очень большое количество детей, причем с таким заметным успехом, что смертность лишь немного превышает 1 на 300. Хотя нам часто приходилось делать прививки гноем, привезенным издалека, когда в городе не было оспы, и хотя привитые дети свободно выходили на улицы, прогулки и другие общественные места до, во время и после эпидемии, мы никогда не замечали, чтобы они были источниками заразы, чтобы они вызывали промежуточные эпидемии или ускоряли возвращение периодической эпидемии.

VI.- И наконец, наши граждане пользуются республиканской конституцией, которая требует от нас самого скрупулезного отношения к свободе каждого человека. Никакие принудительные меры, препятствующие внедрению или распространению оспы, здесь невозможны; и мы считаем, что должны ограничить наши действия советами и простыми полицейскими мерами предосторожности, которые не должны ни притеснять граждан, ни даже казаться таковыми".

Этот взгляд на старую Женеву не только поучителен в отношении прививок, но и является еще одним разоблачением чудовищной басни, которая представляет европейские города опустошенными оспой до прихода Дженнера в качестве спасителя - басни, которая исчезает как дым при соприкосновении с фактами.

Прививка была введена в Риме и Флоренции во время сильной эпидемии в 1754 году; и когда внимание было привлечено к этому средству, выяснилось, что итальянские крестьяне давно практикуют добровольное прививание оспы, как и крестьяне Уэльса и горных районов Шотландии. В Испании прививки не достигли больших успехов: по словам Мура.

Некоторые прививки были сделаны в нескольких торговых городах, которые поддерживали связь с Англией; но эти усилия были непродолжительными, и из-за выдающегося

бездействия испанцев от прививок вскоре отказались; и ни одна другая страна в Европе не пострадала так мало от оспы".[66]

В Голландии и Дании прививки приобрели определенную моду среди высших классов, а в Германии это было верно в меньшей степени. В Швеции прививки поощрялись двором, и доктор Шульц был направлен для посещения Лондонского госпиталя. Его отчет был настолько благоприятным, что в 1755 году прививочные дома были открыты в нескольких частях королевства, а преимущества этой практики были отмечены медалью в 1757 году - любопытный трофей иллюзии под влиянием предрасположенности.

Возможно, самым заметным событием в истории прививок стало их введение в России: о том, как это произошло, рассказывает мистер Морли.

Как только Катарина пришла к власти (1762), она сразу же принялась заводить друзей в этой могущественной области [французской литературы и философии]. Само собой разумеется, что она должна была начать со всемогущего монарха в Ферни. Изящные стихи Вольтера были таким же незаменимым украшением коронованной головы, как и диадема, и Катарина отвечала на них комплиментами, которые были, пожалуй, более искренними, чем его стихи. Она размышляет, как отплатить ему за пачку книг, которую он ей прислал, и наконец приходит к мысли, что ничто так не обрадует человеколюбца, как введение прививок в великой империи; тогда она посылает за доктором Димсдейлом из Англии и подвергает себя незнакомому обряду в своей священной особе.[67]

Однажды летом 1768 года в своем доме в Хартфорде Димсдейл получил неожиданное послание от Пущина, русского министра в Лондоне, с просьбой подождать его; в его присутствии он узнал, что должен немедленно отправиться в Санкт-Петербург, чтобы сделать прививку императрице. Конечно, были некоторые сомнения по поводу столь долгого путешествия, но Пущин был уполномочен преодолеть все препятствия. Что потребует доктор в качестве расходов? Доктор сдержанно ответил, что оставит это на усмотрение ее императорского величества, после чего Пущин вручил ему 1000 фунтов стерлингов для оплаты дороги до Петербурга. Димсдейл вызвал сына с занятий по медицине в Эдинбурге, и 28 июля они вдвоем отправились на Север.

В Петербурге Димсдейл был принят со всем уважением и либеральным гостеприимством. Его представили императрице, которая была очаровательна и любезна, и поручили подготовиться к предстоящей ему серьезной работе. Он должен был найти гной, а чтобы получить гной, ему нужно было приложить руки к подходящему больному оспой - задача, которая оказалась отнюдь не простой. Открыв для себя случай, он должен был преодолеть упрямое возражение против выделения вируса. В то же время он должен был найти пару здоровых молодых людей, не болевших оспой, на которых можно было бы вывести вторичный вирус, поскольку нельзя было ожидать, что императрица пойдет на риск заражения оспой без смягчения последствий. Первая попытка оказалась совершенно неудачной, и он был вынужден доложить об этом своей ожидающей пациентке. Катарина выслушала его доклад с философской невозмутимостью и оставила, чтобы он попробовал еще раз. Наконец он добился успеха, и в субботу, 11 октября 1768 года, во дворце в Царском Селе императрица проглотила пять зерен ртутного порошка, а поздно вечером в воскресенье Димсдейл сделал ей прививку жидким веществом, сделав по одному проколу в каждой руке. Она хорошо себя чувствовала. С момента прививки и до начала извержения она каждый день гуляла по два-три часа на свежем воздухе и 1 ноября вернулась в Петербург "в полном здравии, к великой радости всего города".[68] Великий князь получил прививку 30 октября, а к 22 ноября "совершенно выздоровел".

Императрица сыграла, дворяне должны были последовать ее примеру, и Димсдейлу было предложено отправиться в Москву, чтобы взять их под руку; но в это время возникло новое затруднение. Говорили, что в Москве нет оспы, а так как Димсдейл не мог сделать прививку без свежего вируса, ему пришлось сделать прививку двум девушкам в Петербурге, рассчитав время их расстройств так, чтобы прибыть с ними в Москву в наилучшем состоянии для бизнеса. Одна девочка оказалась неудачной, а казусы и задержки во время поездки на санях едва не привели к провалу второй. Тем не менее он добрался до Москвы достаточно вовремя, чтобы передать необходимую инфекцию пятидесяти пациентам, и в Москве он оставался два месяца, оперируя и играя во льва. Затем он отправился домой и по пути через Санкт-Петербург обнаружил, что Катарина страдает плевритом, для лечения которого он сделал ей кровопускание, взяв восемь унций императорской крови. Затем последовал подсчет. В материальном выражении он имел...

10 000 фунтов стерлингов;

2000 фунтов на дорожные расходы;

500 фунтов в год пожизненно, которые будут выплачиваться чистыми английскими деньгами, и

великолепная золотая табакерка с бриллиантами для мистера Димсдейла.

В качестве почестей он получил следующие назначения

Государственный советник;

Врач Ее Императорского Величества; и

барон Российской империи с передачей титула старшему сыну.

Это было вознаграждение в стиле варваров, выплаченное под взглядом Европы. Катарине это ничего не стоило, ведь именно подданные страдают от экстравагантности деспотов.

У Димсдейла были планы по систематической вакцинации России, но они мало к чему привели. Цели Катаринины в достаточной мере служили и выставленные ею напоказ; возможно, она стала считать Димсдейла придатком этого обманщика Вольтера, чьи бюсты, украшавшие ее салоны и коридоры, были по ее приказу сброшены в подвал, когда французская революция открыла ей глаза на последствия французской философии.

При изучении литературы о прививках ничто так не впечатляет читателя, просвещенного санитарной наукой, как то, что оспа рассматривалась как нечто вроде града или молнии, которые можно предотвратить, но нельзя предотвратить. До сих пор я не встретил в этой литературе даже намека на то, что оспа вызывается нездоровым образом жизни или что ее можно избежать с помощью здорового образа жизни. В сочетании с этой слепотой было удивительное предположение инокуляторов, что каждый привитый должен быть поставлен им в заслугу как спасенный от оспы; как будто (признавая прививку профилактической) оспа когда-либо была всеобщей эпидемией, и как будто многие люди не проходили через жизнь без оспы, прежде чем о прививке узнали. Истинная проблема, которую необходимо поставить и решить во всех эпидемиях, будь то грипп или оспа, заключается в том, почему некоторые люди восприимчивы, а некоторые невосприимчивы, и не возможно ли изменить условия таким образом, чтобы перевести восприимчивых в ряды невосприимчивых.

ССЫЛКИ:

[64] Humphries's Life of General Putnam, p. 151.

[65] Эти письма Бенджамина Уотерхауса, доктора медицины, профессора физики в Кембридже, штат Массачусетс, приводятся в книге "План Хейгарта по уничтожению оспы" (Haygarth's Plan to Exterminate Smallpox. Лондон, 1793.

[66] История оспы. Джеймс Мур. Лондон, 1815. Р. 288.

[67] Diderot and the Encyclopædists. Джон Морли. Vol. ii. p. 114.

[68] Димсдейл: Tracts on Inoculation.

ГЛАВА IX.

ИНОКУЛЯЦИЯ ВЫТЕСНЕНА И ПОДАВЛЕНА.

Иллюзорный характер человеческих свидетельств наглядно иллюстрирует случай с прививкой. Если бы кто-то из исследователей захотел выяснить соотношение смертей и прививок, он был бы в полном недоумении. Мы уже видели, что писал доктор Бьюкен.

При естественном способе от оспы умирает каждый четвертый или пятый, а при прививке - ни один из тысячи. Более того, некоторые могут похвастаться тем, что сделали прививки десяти тысячам, не потеряв ни одного пациента".

Джон Бирч, выдающийся лондонский хирург, сказал.

Ни один из трехсот пациентов не умирает от прививки при общем нерегулярном способе проведения процедуры, и ни один из тысячи среди соблюдающих правила; а если привитый пациент умирает, то он умирает от оспы и ни от чего, кроме оспы".[69]

В "Эдинбургском обозрении" за октябрь 1806 года мы читаем: "...

Из тех, кто заболел оспой естественным путем, умирает один из шести. Из привитых пациентов умирает только один из двухсот пятидесяти. Это, по крайней мере, расчет доктора Виллана; и мы убеждены, что он очень близок к истине. В Лондоне, где лучше всего выяснить этот вопрос, некоторые видные врачи утверждают, что этот показатель составляет один случай из ста. Ревностные антивакцинисты отрицают, что при разумном лечении она может быть больше, чем одна на тысячу. Однако нельзя отрицать, что, помимо риска для жизни, болезнь, даже в смягченной форме, часто оказывалась возбудителем золотухи и других ужасных заболеваний, а также часто сопровождалась слепотой и уродством.

В "Системе медицины" Рейнольдса Марсон утверждает, что...

Больница оспы и прививок была основана в Лондоне в 1746 году, и прививки продолжались там до 1822 года. Доктор Грегори тщательно изучил записи больницы за этот период в семьдесят шесть лет и обнаружил, что только трое из тысячи умерли от прививки. Обычно привитая болезнь протекала в очень легкой форме, но не всегда.

Можно было бы привести десятки подобных свидетельств, перебрасывая читателя от вывода к выводу; а в условиях конфликта авторитетов что можно сказать? Верно, что если мы отбираем те доказательства, которые нам нравятся, и называем их обоснованными, и отвергаем те, которые нам не нравятся, и называем их необоснованными, мы можем доказать все, что угодно; но также верно и то, что если мы будем скованы доказательствами, то окажемся парализованными перед противоречиями. Когда компетентные и очевидно честные люди дают разные показания, мы вынуждены искать какой-то способ примирения; и в этом вопросе прививок, когда мы прибегаем к книгам и не можем иметь непосредственного опыта, мы можем почерпнуть много света из соответствующей практики вакцинации. Так, вакцинаторы часто утверждают, что в сфере их наблюдения не было ни одного случая травмы, полученной в результате вакцинации - ни одного! Если подвергнуть судебному допросу дюжину обычных практикующих врачей, они дадут такие показания, в которых не будет ни малейшего расхождения. С другой стороны, возьмите любую дюжину матерей семейств, особенно из бедных слоев населения, и они расскажут о болезнях, заболеваниях и смерти, последовавших за ланцетами вакцинаторов. Мужчины более или менее компетентны и честны, и женщины тоже, но как объяснить их различия? Во-первых, мужчины с самого начала своей профессии были убеждены в том, что вакцинация абсолютно безвредна, а если и случается какое-то несчастье, то это случайность, а не следствие. Иногда врач, обладающий более энергичным интеллектом, чем средний, например мистер Генри Мэй из Бирмингема, видит то, что видят матери, но сообщает ли он об этом? Вовсе нет. По словам самого мистера Мэя.

Не так давно в моей практике произошла смерть от вакцинации, и хотя я не прививал ребенка, но, желая уберечь вакцинацию от порицания, я опустил все упоминания о ней в свидетельстве о смерти.^[70]

Мистер Мэй признал этот факт и скрыл его: более тупой человек механически приписал бы смерть эризипеласу или пиемии. В самом деле, для медиков является общим местом, что ни один ребенок не умирает от вакцинации; следовательно, вакцинация не является признанной причиной смерти; и когда на этом факте настаивают, нет предела твердости, с которой истина подавляется и скрывается. Коронеры отказываются проводить дознание по делам детей, убитых вакцинацией, а доктор Ланкестер, будучи коронером Мидлсекса, без колебаний разрешил фальшивое свидетельство о смерти, чтобы, как и мистер Мэй, "уберечь вакцинацию от позора".^[71] Что касается матерей, бедные создания, мало кто из них обладает собственным разумом, и если бы только их адекватно заверили, что для блага их потомства им должны перерезать носы, они бы поверили, заплакали и подчинились.

Но, конечно же, будет указано, что прививочники более разумного толка признавали определенную смертность от этой практики. Это так, но признание было неизбежным. Прививка передавала оспу, и нельзя было избежать того факта, что иногда болезнь принимала тяжелую форму, и пациент умирал. Однако для таких казусов всегда находились оправдания. Пациент находился в неподходящем состоянии организма, неправильно питался, простудился и так далее. Тем не менее, оставались последствия прививок, которые так же упорно отрицались, как и последствия вакцинации, хотя всегда находились дальновидные наблюдатели, которые утверждали, что невозможно заразить кровь сложным органическим вирусом, и что он должен исчерпать свое действие в одном и том же определенном выпуске. Мы все помним, как нас с презрительным акцентом уверяли, что заразиться сифилисом с помощью вакцинации совершенно невозможно, и что утверждения об обратном - басни невежества и злобы; однако мы видим, что то, что было баснословным

несколько лет назад, теперь принимается как медицинский факт. Нигде скептицизм не является столь полезным, как среди врачей; ведь когда они больше всего протестуют, то больше всего и подозревают.

В конце XVIII века прививка от оспы была принята в качестве разумной практики во всей Англии. Ее безопасность и эффективность превозносились медицинскими писателями в терминах, которые, как ни странно, совпадали с теми, что применялись к вакцинации. Противников было мало, и то по благочестивым, а не физиологическим причинам; и вопрос, который занимал практичные и благожелательные умы, заключался в том, как сделать это средство универсальным, которое, из-за его неприятных сопутствующих симптомов, было в основном ограничено высшим и средним классами. По этому поводу не лишним будет привести слова доктора Хейгарта из Честера, который в письме в Женевский совет здравоохранения от 10 февраля 1792 года так излагает положение дел...

В Честере и, я полагаю, в большинстве крупных городов Англии случайная оспа присутствует почти постоянно. *Все дети среднего и высшего сословия наших граждан прививаются в раннем младенчестве.* Население, в целом считая болезнь неизбежной, не боится и не избегает ее; но гораздо чаще, добровольно и намеренно общаясь, старается заразиться случайной инфекцией. Все трудности нашего Общества по борьбе с оспой в Честере проистекали из этого странного заблуждения и извращенности нравов. У нас об оспе редко или вообще не слышно, разве что в биллях о смертности; но там ее опустошение представляется поистине ужасным.

Серьезным возражением против прививки было то, что она распространяла болезнь в целом, которую должна была предотвратить в отдельности. Инокуляторы пытались свести к минимуму и отрицать опасность, но тщетно; и ничто так не способствовало вытеснению этой практики вакцинацией, как надежда на спасение от искусственно распространяемой болезни. Насколько масштабным было это распространение, мы оставляем на усмотрение автора "Эдинбургского обозрения" за 1806 год.

Привитая оспа - это инфекционная болезнь, и те, кто заражается ею естественным путем от привитого пациента, болеют ею с такой же силой, как если бы они были заражены от случая спонтанной болезни; это, во всех смыслах и целях, снова естественная оспа в них". Если учесть, что в течение последних пятидесяти лет в этих королевствах ежегодно прививалось несколько сотен тысяч человек, то легко подсчитать, какое огромное количество случаев реальной болезни было добавлено за этот период, и какой прирост натуральной оспы, как можно предположить, произошел в результате постоянного умножения источников и очагов инфекции.

Если не осознать эту культуру и этот оборот оспы в Соединенном Королевстве, то мощная причина немедленного и экстравагантного успеха вакцинации останется за кадром. Когда мы измучены, встревожены и нетерпеливы из-за какого-то образа действий, наши уши открыты для любого обещания облегчения; и именно поколению, страдавшему от этого и столь восприимчивому, Дженнер в 1798 году сделал свое откровение о пользе коровьей оспы. Больше не нужно, сказал он, делать прививку от оспы. Замените ее коровьей оспой; и хотя она будет защищать так же эффективно, она не нанесет вреда и не распространит инфекцию. Откровение было принято с одобрением, и в течение восемнадцати месяцев после его произнесения (без должного опыта и без каких-либо гарантий, которые могли бы пройти проверку в суровом царстве науки) ведущие врачи и хирурги Лондона подписали и опубликовали в газетах 1800 года следующий манифест

Мы, нижеподписавшиеся врачи и хирурги, считаем своим долгом заявить, что люди, переболевшие коровьей оспой, совершенно защищены от заражения оспой, при условии, что эта инфекция не была передана ранее.

Я не хочу предвосхищать чудесную историю Дженнера, моя цель - показать, как прививка была отменена; достаточно сказать, что коровья оспа быстро положила конец прививкам от оспы. Действительно, я сомневаюсь, что революция в практике когда-либо происходила с такой же легкостью. В течение восьми лет после того, как Дженнер сделал свое открытие, писатель из уже цитировавшегося "Эдинбургского обозрения" за 1806 год мог засвидетельствовать следующее.

Самые злейшие враги вакцинации не станут отрицать, что более девяти десятых медицинского мира решительно и рьяно выступают за нее, и что все их демонстрации ее опасностей и ужасов оказались недостаточными, чтобы обратить хоть одного из их собратьев от столь проклятой и опасной ереси. Свидетельства, можно сказать, должны взвешиваться, а не исчисляться; и в этом отношении вакцинаторы, мы боимся, одержат великолепный и неоспоримый триумф. Мы даем антивакцинаторам все преимущества, какие только в наших силах, когда приписываем им несколько представителей профессии в Лондоне; ведь в целом по стране, как мы полагаем, на их стороне нет ни одного уважаемого практикующего врача из пятисот. В этом великом городе и школе медицины [Эдинбурге], как нас уверяют, у них нет ни одного общественного сторонника".

Соппротивление вакцинации почти полностью сводилось к сопротивлению инокуляторов, которые были слишком глубоко скомпрометированы собственной нелояльностью к природе, чтобы оказать эффективное сопротивление. Их упорно сдерживали вакцинаторы, многие из которых были энергичными инокуляторами и проявляли обычную для отступников пылкость в осуждении того, что они раньше одобряли. Действительно, если учесть, как высоко оценивали эффективность и безвредность прививок те же самые медицинские авторитеты, которые через год или два после появления Дженнера осуждали эту практику за ее трудности и опасности, их тергиверсия выглядит просто бесстыдной. Доктор Леттсом был прививочником, но 2 июля 1805 года он счел себя вправе написать

За что не должны отвечать пособники вариолитической прививки? Застрелить десяток-другой невинных людей на людных улицах Лондона - это и вполнину не так вредно, как позволить убийцам убивать подрастающее поколение, будущую надежду государства. Ничто не может так продемонстрировать бессердечие и невежество правительства, как легализация этих вариативных убийств.

Насколько далеко продвинулось завоевание инокуляторов вакцинаторами, показали дебаты в Палате общин в 1806 году, когда Уилберфорс настоял на том, что инокуляция должна быть подавлена, или, по крайней мере, что те, кто настаивает на инокуляции, должны быть вынуждены помещать своих пациентов в карантин. Мистер Уиндхэм признал, что скандал, когда жалкие и несчастные субъекты прививок носятся по улицам, но он не решился рекомендовать принудительное законодательство, пока убеждение не будет полностью испробовано и не потерпит неудачу. Доктор Мэтьюс, член парламента от Херефорда, в то же время воспользовался случаем, чтобы побегать с гончими. По его словам, прививки - это частая причина уродств и смерти в самой ужасной форме; это журнал самых страшных зол; увеличитель смертности; средство внедрения золотухи, более опасного и губительного заболевания, чем сама оспа - факты, которые было бы более достойно провозгласить, когда прививки были в моде. Так легко бить ногами, когда враг пал, и когда все бьют ногами. Человеческая природа никогда не бывает столь презренной, как в этом случае.

Вопрос об ограничении прививок вновь встал перед Палатой общин в 1807 году, когда практика прививок амбулаторным пациентам в лондонских диспансерах и больницах была энергично осуждена. "Я думаю, что законодательная власть, - сказал мистер Стерджес Борн, - будет настолько же оправдана, если примет меры для предотвращения этого зла путем ограничения, насколько оправданным было бы выхватывание пожарной каланчи из рук маньяка в тот момент, когда он собирается поджечь город".

Никто не стремился подавить прививку силой больше, чем сам Дженнер, и в июле 1807 года он добился беседы с премьером с этой целью. В письме к доктору Леттсому он так описывает свое потрясение

Вам будет неприятно узнать о результатах моей беседы с министром, мистером Персевалем. Я обратился за этой честью с единственной целью - узнать, намерено ли правительство пресечь разнузданную манеру, в которой прививка оспы проводится в настоящее время в метрополии. Я привел в пример смертность, которую она вызывает, в столь убедительных выражениях, какие только мог произнести, и ясно показал ему, что это был большой источник, из которого оспа распространялась по стране, а также по городу. Но, увы, все мои слова ни к чему не привели, и пятнистое чудовище по-прежнему пользуется свободой, которую ему могут дать оспенная больница, заблуждения Мозли, капризы и предрассудки заблуждающихся бедняков. Я не могу выразить вам свою досаду и разочарование, которые я испытал во время этого интервью.

Мы не привыкли считать политиков порядка Персевалья благосклонными к свободе; и все же отрадно отметить даже в тори георгианской эпохи ревностное отношение к личной свободе англичан и искреннее презрение к правдоподобным шарлатанам, постоянно пытавшимся ее ограничить. Персеваль был не против вакцинации, но он не согласился бы дать ей незаконное преимущество перед прививкой. Если бы она была такой хорошей вещью, как утверждалось, ее можно было бы оставить преобладать в силу ее собственных качеств.

Под давлением медицины и общества от прививок в государственных учреждениях постепенно отказались. 5 мая 1808 года прививки амбулаторным пациентам были прекращены в Лондонском оспенном госпитале, но только 20 июня 1822 года прекратилась прививка стационарным пациентам. В 1816 году коллегии хирургов Лондона и Дублина заявили о своем неприятии этой практики. Официальная попытка принудительного законодательства, к которой часто призывали, наконец, была предпринята директорами Национального учреждения вакцин. Они разработали и продвинули законопроект, который был внесен в Палату лордов в 1813 году лордом Борингдоном, но бесславно отозван в 1814 году - прекрасный пример законодательства "бабушки-матери". Среди его положений был закон о том, что всякий раз, когда проводится прививка, священник прихода должен получать уведомление, а из дома, где лежит пациент, должны вывешиваться красные флаги! Как заметил граф Стэнхоуп, вместо того чтобы быть мерой гуманности, этот проект, если бы он был принят в качестве закона, стал бы одним из самых хлопотных, неудобных и злонамеренных из когда-либо принятых.

В ходе обсуждения этого глупого проекта лорд Эдмонд отметил, что обычного права уже достаточно для того, чтобы пресекать заражение инфекционными заболеваниями; и, следуя этому намеку, 27 апреля 1815 года Учреждение вакцин возбудило дело против женщины за то, что она пронесла своего привитого ребенка, покрытого пустулами, по улицам своего района. Были представлены доказательства того, что таким образом она заразила оспой одиннадцать человек, восемь из которых умерли. Суд королевской скамьи признал ее поведение незаконным и преступным, но поскольку это было первое судебное

преследование за подобное преступление, ее отпустили, приговорив к трем месяцам тюремного заключения.

Запрещенная таким образом практика не могла долго просуществовать в Англии, и со временем медики, которые соглашались делать прививки, становились редкостью или считались неблаговидными. И все же оставались старомодные люди, которые не хотели иметь ничего общего с коровьей оспой и настаивали на том, чтобы их дети и внуки болели настоящей человеческой оспой. Поэтому доктор Эппс, писавший в 1831 году, вынужден был сказать

Существует целый класс врачей, которые делают прививки от оспы. Общество должно выразить свое моральное негодование против таких людей, которые превозносят все, что может претендовать на уникальность, или то, что может увеличить их денежные средства. Пусть общество не обманывается в том, что родители *будут* прививать своих детей от оспы.[72]

Постепенно практикующие прививки врачи прекратились, и эта практика осталась в руках "невежественных и неквалифицированных людей, старух и странствующих шарлатанов";[73] и вот наступил конец. В 1840 году был принят Акт Парламента, в котором говорилось, что...

Любое лицо, которое вызовет или попытается вызвать у кого-либо болезнь оспы путем прививки оспенного вещества, или умышленного воздействия оспенного вещества, или любого вещества, предмета или вещи, пропитанной оспенным веществом, или умышленно любым другим способом вызовет болезнь оспы у любого лица в Англии, Уэльса или Ирландии, подлежат рассмотрению и осуждению в суммарном порядке перед любыми двумя или более мировыми судьями на собраниях мелких сессий, и за каждое такое преступление, по приговору, должны быть заключены в общую тюрьму или исправительный дом на срок не более одного месяца.

Сначала правительство не собиралось делать запрет абсолютным, но мистер Уэйкли настаивал на том, что настало время подавить эту неприятность в корне, и что ни один голос не поднимется против. Не было и возражений. Мистер Гоулберн выразил некоторые колебания, но палата была практически единодушна.

За пределами палаты было выражено лишь несколько сожалений. Доктор Джордж Грегори, врач оспенной больницы в Сент-Панкрасе, был, однако, человеком философского склада, и он не видел, чтобы старый идол был повержен без движения.

23 июля 1840 года [писал он], практика прививок, введение которой обессмертило имя леди Мэри Уортли Монтагу, которая была одобрена Коллегией врачей, которая спасла жизни многих королей, королев и принцев, а также тысяч их подданных в течение большей части предыдущего столетия, была объявлена английским парламентом незаконной, а все нарушители должны были быть отправлены в тюрьму, с большими шансами попасть на беговую мельницу. Таковы повороты судьбы, на которые обречены все подлунные вещи.[74]

Грегори не был слеп к экстравагантным заявлениям о вакцинации и, очевидно, был убежден, что замена новой практики на старую не принесет ему никакой пользы, говоря: "Разве не было открытия Дженера?"

Если бы открытие Дженнера не помешало расширению и совершенствованию прививок, они продолжали бы существовать и по сей день, ежегодно набирая популярность".[75]

И все же прививка не была отменена. Иногда, когда мы выгоняем дьявола через дверь, он снова влезает через окно; так и здесь, пока парламент покончил с прививками в одной форме, они возродились в другой.

Следует понимать, что коровья оспа Дженнера, чем бы она ни была, была редкой и непостоянной болезнью, и ее обнаружение и поддержание было затруднено. Чтобы найти замену, время от времени коровам прививали оспу, а полученный вирус использовали вместо дженнеровского специфического. Чтобы не быть обвиненными в сомнительном свидетельстве, давайте обратимся к "Справочнику по вакцинации" доктора Ситона. Там мы читаем.

Мистеру Сили из Эйлсбери в феврале 1839 года удалось вызвать вакцинные пузырьки на двух осетрах путем прививки вариолитной лимфы и таким образом создать лимфоидные чулки, которые сразу же стали широко использоваться, так что через несколько месяцев от них было привито более 2000 детей. В декабре 1840 года мистеру Бэдкоку удалось вариолизировать корову в Брайтоне и получить от нее запас настоящей вакцинной лимфы. Таким образом он создал запасы вакцинной лимфы для использования не менее чем в тридцати семи случаях. Лимфа, полученная им таким образом, в настоящее время широко используется; она была поставлена ​​многим сотням практикующих врачей, и очень многие тысячи детей были привиты ею. Эксперименты мистера Сили были повторены в Америке в 1852 году доктором Адамсом из Уолтема и доктором Путнамом из Бостона, которые, как утверждается, смогли снабдить город и окрестности Бостона всеми вакцинами, используемыми там с того времени.

Опять же, сэр Джон Корди Берроуз, хирург, выступая в качестве магистрата в Брайтоне 5 февраля 1876 года, заметил

Публика, похоже, едва ли понимает, что означает вакцинация. Вакцинная лимфа, взятая у ребенка, - это не более чем то, что передалось от больного оспой через корову. В 1856-58 годах я принимал активное участие в прививании оспы семнадцати коровам, получив в трех случаях вакцинную лимфу, и от них был снабжен весь мир".

Таким образом, как утверждается, инокуляция была возрождена, а особенности Дженнера отброшены. Когда Димсдейл оперировал русских дворян, он пытался смягчить оспу, передавая ее через здоровых детей. Теперь место детей заняли коровы, и вирус, переходя из руки в руку, может еще больше снизить свою вирулентность, если он не подхватит новые злокачественные образования, такие как сифилис; но прививка оспы все равно остается прививкой.

ССЫЛКИ:

[69] Серьезные причины для единодушного возражения против практики вакцинации. Джон Бирч. Лондон, 1806.

[70] Бирмингемское медицинское обозрение, январь, 1874.

[71] Факты изложены в Vaccination Tracts, No. 14, p.7.

[72] Жизнь Джона Уокера, доктора медицины. Лондон, 1831, с. 326.

[73] Письмо комиссаров по делам бедных, 20 августа 1840 года.

[74] Лекции о вспышечных лихорадках. Лондон, 1843, с. 39.

ГЛАВА X.

О РАСПРОСТРАНЕННОСТИ ОСПЫ В XVIII ВЕКЕ.

Точная истина о распространенности оспы в XVIII веке недостижима; статистика жизни была неразвита, а в отсутствие точности воображение разгулялось. Доктора медицины и доктора философии закрывают глаза, наклоняют носы к небу и пророчествуют о страшных бедствиях и спасении, совершенном почитаемым и бессмертным Дженнером. Любая экстравагантность, как в отношении опустошения, так и в отношении спасения, принимается как похвальное рвение к человечеству. "Децимация" - любимое слово в этой связи, не имеющее никакого определенного значения. "Какая семья до 1800 года избежала децимации от оспы?" - спрашивает доктор Грэнвилл. "В былые времена оспа опустошала страну, - говорит доктор Шавасс, - она свирепствовала как чума, в то время как прививка вызвала распространение болезни, как лесной пожар", добавляя в качестве дополнения: "Вакцинация - важная причина роста населения". В том же духе лорд верховный судья Кокберн назвал невакцинированного младенца "очагом заразы"; а поскольку глупость великих усиливается в малых, мистер Бомпас, окружной судья, сообщил избирателям Мэрилебона, что "невакцинированный человек подобен пылающему огню в народе". Таким образом, младенцы прошлого века были "очагами заразы", взрослые - "пылающими огненными полосами", а Англия была "опустошена" оспой, распространившейся, как дикий огонь, благодаря прививкам. Какую картину Англии XVIII века нарисовал Рант и осветил Делириум!

Тенденция к чрезмерности с одной стороны провоцирует к чрезмерности с другой, но экстравагантность этих популярных басен должна заставить нас полюбить домашнюю материю фактов - где, собственно, и находится истинная крайность этих безумных изобретений. Каковы были масштабы распространения оспы в Англии в прошлом веке - вот в чем вопрос. С точностью мы не знаем. Общепринятые оценки (если они не вытекают из внутреннего сознания) основаны на Лондонских счетах смертности, и при внимательном изучении этих счетов мы не находим ничего, что могло бы оправдать мнение о том, что оспа преследовала и опустошала общество больше других болезней. Прежде всего, следует отметить, что точная численность населения мегаполиса неизвестна. Одни говорят, что в 1701 году оно составляло 500 000 человек, другие - 700 000. В 1751 году, по общему мнению, оно составляло 750 000 человек, а в 1801 году - 958 863. При этом следует учитывать, что прирост, каким бы он ни был, лишь частично вписывался в рамки Смертного билля, так как несколько растущих кварталов находились за его пределами, а внутри существовали обширные исключения. Thus, so late as 1818, we find Dr. Burrows writing—

Приходы Мэрилебон, Панкрас, Челси, Кенсингтон и Паддингтон, составляющие сейчас неотъемлемую часть метрополии, и с населением в 160 000 человек не входят в билль о смертности и не подают никаких деклараций. Также не подаются сведения из собора Святого Павла, Вестминстерского аббатства, церкви Темпл, часовен Роллс и Линкольнс-Инн, Капитула, церкви Тауэр и других мест отправления религиозных обрядов. Кроме того, в законопроект не включены ни диссентеры, ни паписты, ни иудеи, у которых есть

собственные места погребения. Многие представители богатых слоев населения, когда умирают, уезжают для погребения в деревню; они также не фигурируют в законопроектах.

Учитывая столь серьезные упущения, Биллы, очевидно, мало что стоят как реестры количества смертей за любой год в Лондоне; и когда мы спрашиваем, насколько им можно доверять, указывая на относительную распространенность определенных форм заболеваний, мы находим их столь же сомнительными. Доктор Берроуз так описывает метод, с помощью которого устанавливались причины смерти

Болезни, указанные в законопроектах, являются позором для медицинской науки и цивилизации, в которой мы как нация признаны выдающимися; не может быть никакой эффективной реформы, пока источники информации настолько невежественны и продажны, как в настоящее время. Информация о болезни, от которой умирает тот или иной человек, собирается и проверяется следующим образом: церковные старосты каждого прихода, входящего в список смертности, назначают двух пожилых женщин на должность досмотрщиков. Эти женщины, как только услышат звон по умершему, отправляются к пономарю прихода, чтобы узнать место жительства покойного. Они требуют впустить их в дом и осмотреть тело, чтобы убедиться, что в нем нет ничего подозрительного, и *узнать*, от какой болезни умер человек; после чего *они* докладывают приходскому писарю. Обычная плата за исполнение этой обязанности составляет 4 д. с каждого обывателя; но если предложить дополнительное вознаграждение, то они редко переступают порог или зал дома и довольствуются любым отчетом; если же они действительно осмотрят труп, то легко представить, какой кредит доверия заслуживает вынесенный ими приговор.^[76]

При наличии столь серьезных недостатков, касающихся количества умерших, и столь гротескных диагнозов, касающихся причин смерти, было бы неразумно с какой-либо уверенностью опираться на данные этих законопроектов; однако, как бы то ни было, нам больше не к чему апеллировать. Колебания смертности из года в год были весьма неравномерными; и какое бы влияние ни оказывала оспа, она не сильно повлияла на увеличение ежегодных итогов. Возьмем дюжину лет, когда оспа была наиболее тяжелой, из последних семидесяти лет века, и проследим ее отношение ко всей смертности и к смертности от лихорадки.

Год.	Погребения от всех болезней.	От От оспы.	От Лихорадки.
1736	27,581	3014	3361
1740	30,811	2725	4003
1746	28,157	3236	4187
1749	25,516	2625	4458
1752	20,485	3538	2070
1757	21,313	3296	2564
1762	26,326	2743	3742
1763	26,143	3582	3414
1768	23,639	3028	3596
1772	26,053	3992	3207
1781	20,709	3500	2249
1796	19,288	3548	1547

---	---	---
296,021	38,827	38,398

Снова возьмем двенадцать лет, когда уровень смертности от оспы был самым низким. Вот они.

Год.	Погребения от всех болезней.	От оспы.	От Лихорадки.
1745	21,296	1206	2690
1750	23,727	1229	4294
1751	21,028	998	3219
1753	19,276	774	2292
1773	21,656	1039	3608
1780	20,517	871	2316
1782	17,918	636	2552
1786	20,454	1210	2981
1788	19,697	1101	2769
1795	21,179	1040	1947
1797	17,014	522	1526
1799	18,134	1111	1784
	---	---	---
	241,896	11,737	31,978

Таким образом, мы видим, что в двенадцать лет, когда смертность от оспы была самой высокой, от лихорадки умерло столько же, сколько от оспы; а в двенадцать лет, когда смертность от оспы была самой низкой, от лихорадки умерло втрое больше, чем от оспы. Опять же, мы должны отметить, что в среднем по всем годам оспа составляла менее десятой части общей смертности. Также следует отметить, что смертность от оспы была в значительной степени младенческой, и есть основания полагать, что корь была в значительной степени связана с оспой. Младенческая смертность была огромной. Редко проходил год, когда четвертая часть смертей не приходилась на конвульсии, то есть на младенцев, погибших от неправильного кормления. В 1772 году (худшем году века, когда от оспы умерло 3 992 человека) было 6 605 случаев, приписанных конвульсиям, а общая смертность составила 26 053 человека.

Я не хочу преуменьшать масштабы лондонской оспы прошлого века и даже не хочу противопоставлять 1797 год, когда умерло 522 человека, 1796 году, когда умерло 3548 человек. Я не уступаю никому в презрении к оспе как к предотвратимому и потому позорному недугу. Пусть многое остается само собой разумеющимся; но не позволяйте нам ни при каком доступе санитарной ярости терять глаза и разум и неистовствовать, как маньяки. Если оспа была плоха, то лихорадка еще хуже, и поскольку обе эти болезни имеют общее происхождение, почему мы должны проводить между ними бессмысленное и ненаучное различие?

То, что оспа постоянно присутствовала в Лондоне на протяжении всего прошлого века, несколько не удивляло. Горожане жили так, чтобы приглашать и поддерживать лихорадки.

Об их еде и питье я расскажу позже, а сейчас хочу обратить внимание на тот факт, что они были почти нелюдимым поколением. Каупер не нарушал правдоподобия, когда пел.

Супруга Джона Гилпина сказала своей дорогой,

"Хоть и женаты мы были

Эти два раза по десять утомительных лет, но мы

Не видели праздника".

У них не было готовых средств передвижения, да они и не думали о свежем воздухе и физических упражнениях. Подмастерье или служанка из деревни, попав в Лондон, оказывались в заключении, как в тюрьме. Мы знаем, как в наше время низшие слои общества ютятся вместе, как свиньи, если только их не ограничивает закон о ночлежках, но лондонцы среднего класса столетие назад использовали свои квартиры, возможно, с большей благопристойностью, но с таким же невежеством в отношении пользы кислорода. Лондонцы были плотной общиной, и ночью улицы и переулки города были заселены почти так же густо, как на военном корабле, но без пользы морского воздуха. Один квакер рассказал мне, что с 1786 по 1793 год он служил подмастерьем у бакалейщика в Чипсайде, что лавка открывалась в семь утра и закрывалась в десять вечера, что он спал под прилавком, что его омовение ограничивалось омовением лица, и что он никогда не выходил на улицу, кроме как на собрание в Первые дни; добавив, что у него не было чувства, что с ним плохо обращаются; таков был обычай того времени, и он был таким же, как его товарищи. Мемуары XVIII века доказывают, что он говорил простую правду. Епископ Вильсон из Калькутты пишет, что он служил в доме торговца шелком на Милк-стрит с 1792 по 1797 год, что его занимали с шести или семи утра до восьми вечера, что ужин был в 8.30, за ним следовала молитва, и что все ложились спать в десять. Подмастерье в том же доме рассказывал, что неделями не надевал шляпу и что прошло более трех лет, прежде чем ему предоставили первый отпуск. Уильям Коббетт в 1783 году устроился в адвокатскую контору в Грейс-Инн, где, по его словам, "я работал, как раб на галерах, с пяти утра до восьми или девяти вечера, а иногда и всю ночь напролет. Я никогда не выходил из этой мрачной тишины, кроме воскресений, когда обычно прогуливался в Сент-Джеймском парке". Подобных примеров можно привести сколько угодно, и в итоге получается, что лондонцы прошлого века из года в год жили в своих домах и не имели возможности заниматься спортом на свежем воздухе. Если они небрежно относились к воздуху, то не менее небрежно относились и к свету, и, если бы не стоимость свечей, могли бы вообще им пренебречь. Воду в основном приносили из колодцев или водопроводов, и использовали ее экономно; нет нужды добавлять, что не было никаких шкафов для воды. Даже в хорошо организованных домах стоял ужасный смрад, а там, где были неряхи, состояние дел можно представить себе очень смутно. Ужасные выгребные ямы находились позади или под большинством домов, источая вредоносные потоки. На улицах было не менее шумно. Дождь был главным падальщиком. Свифт в своем описании городского ливня так же наглядно, как и Хогарт, демонстрирует нам работу дождя.

Вот капли сменяют друг друга.

Угрожая потопом этому преданному городу.....

Теперь со всех сторон стекаются разбухшие псарни,

И несут с собой свои трофеи:

Грязь всех оттенков и запахов, кажется, говорит о том.

По виду и запаху можно определить, с какой улицы они приплыли.

Они, как и каждый поток, несутся со стремительной силой,

От Смитфилда или Сент-Пулчрса берут свой курс,

И в огромном слиянии соединяются на хребте Сноухилл,

Падают из водовода, проложенного к Холборнскому мосту.

Отбросы из мясных лавок, навоз, кишки и кровь,

Утонувшие щенки, вонючие шпроты, все вымазано в грязи,

Дохлые кошки и репные кочерыжки, спускающиеся вниз по течению.

При оценке санитарного состояния Лондона XVIII века не стоит забывать и о влиянии мертвых на живых. Двадцать тысяч умерших ежегодно оставались, чтобы отравить оставшихся в живых. Городские могильные дворы были скорее местами разложения, чем захоронения, и запах трупов пронизывал многие кварталы. Мистер Сэмюэл Гейл писал в 1736 году

В церковном дворе Святого Павла в Ковент-Гардене захоронения происходят так часто, что место недостаточно вместительно, чтобы достойно вместить толпы мертвецов, некоторые из которых лежат не выше фута под рыхлой землей. Кладбище со всех сторон окружено тесными постройками; и один мой знакомый, чьи апартаменты выходят на церковный двор, рассказал мне, что семья часто вставала ночью и была вынуждена жечь ладан и другие благовония, чтобы рассеять и развеять заразный пар. Это пример опасности заражения от трупных выделений мертвых тел.[\[77\]](#)

Прихожане церкви подвергались трупному влиянию от мертвецов во дворе и от мертвецов в подвалах; благочестивые мысли приобретали неопиcуемый запах могилы. Многие болезни зарождались в церкви; и семьи, которые вели здоровый образ жизни дома, подвергались смертельной опасности, когда по воскресеньям отправлялись на общественное богослужение.

Необходимо вникнуть в эти подробности, чтобы понять, какими людьми были лондонцы, страдавшие от оспы, и каким местом был Лондон, где они страдали. Лондонцев приняли за эталон оспы XVIII века, забыв о том, что тогда в Англии не существовало города со ста тысячами жителей - возможно, только два или три из пятидесяти тысяч; при этом сельское население составляло гораздо большую пропорцию по отношению к городскому, чем в наши дни. В той мере, в какой санитарные условия Бристоля, Норвича или Йорка напоминали лондонские, аналогия между ними сохранялась; но переводить лондонскую заболеваемость оспой в общую для Англии, Европы и всего мира и использовать этот ужасающий результат в качестве кнута террора, с помощью которого можно было бы обеспечить всеобщую прививку, а затем и вакцинацию, было полным абсурдом, если не чем-то худшим.

В то время как оспа всегда присутствовала в Лондоне, ее появление в стране было нерегулярным и обычно носило характер эпидемии. Счетчики смертности таких крупных городов, как Нортгемптон, иногда не содержали сведений об оспе в течение многих лет. Сэр Гилберт Блейн, выступая в защиту вакцинации *против* прививок, говорит, что до появления

прививок во многих частях страны оспа не встречалась в течение двадцати, тридцати и даже сорока лет. Мистер Конна, хирург из Сифорда, Сассекс, с населением 700 человек, сообщил доктору Хейгарту в 1782 году, что один человек умер от оспы в Сифорде около одиннадцати лет назад, и он не смог установить, что после этого произошел еще какой-либо случай смерти от этой болезни; и есть основания полагать, что подобный иммунитет преобладал во всех небольших городах и деревнях южных графств. Куда бы мы ни обращались, мы приходим к выводу, что распространенность и смертность от оспы в XVIII веке были сильно преувеличены шарлатанами и паникерами. Не стоит забывать и о том, как профессор Уотерхаус из Бостона, ярый любитель прививок, писал в 1787 году

Я не верю, что в настоящее время во всех четырех правительствах Новой Англии есть хоть один человек, зараженный оспой; то есть ни одного из миллиона людей".

Что мы можем сказать о лондонской оспе в прошлом веке, так это то, что она была распространена, и мы удивляемся, что она не была распространена еще больше; что болезнь была порождена обстоятельствами и привычками граждан; и что если бы можно было воспроизвести те же условия, мы должны были бы воспроизвести ту же оспу. Напротив, говорят наши доблестные вакцинаторы, те же условия могут быть воспроизведены, но если граждане будут повсеместно и эффективно вакцинироваться и ревакцинироваться, то оспы не будет. Таким образом, нас учат, что люди могут есть и пить все, что им вздумается, жить в темноте, пренебрегать личной чистотой, мало заниматься спортом, дышать воздухом, загрязненным дыханием, грязью и гнилью, и что какая бы болезнь их ни настигла, они будут защищены от оспы. Обещание обманчиво, но оно было обещанием инокулятора, и оно же является обещанием вакцинатора; и доктор Драйсдейл описывает практику, которая оправдывает это обещание, как "величайший триумф гигиенической науки - повторяю, безусловно, величайший триумф позитивной гигиенической науки, когда-либо сделанный".[78]

Некоторую долю смертности от оспы XVIII века следует отнести на счет лечения этой болезни. То, что называлось "прохладным режимом", не было секретом, но, судя по всему, его практиковали лишь немногие; в то время как при большом количестве больных их заключали в тесные и жаркие комнаты, под тяжелое постельное белье, поили горячими напитками, сердечными напитками и алкоголем и держали в грязном белье до тех пор, пока они не умирали или не излечивались. Часто, когда появлялись симптомы оспы, энергично прибегали к кровопусканию, нарыву и очищению. Если заболела семья с детьми, их обычно укладывали в одну постель, и их кожи слипались от гноя и пота. То же самое происходило в больницах и работных домах. "Я видел более сорока детей, - говорит доктор Бьюкен, - запертых в одной квартире, все время, пока они болели этой болезнью, и ни один из них не был допущен подышать свежим воздухом". То же самое происходило и при других лихорадках, и выхлопные газы больничной палаты были непреодолимы. Вот пример из жизни самого Дженнера. Его племянник Генри и служанка заболели тифом, и Дженнер написал

Вонь от бедной девочки настолько сильна, что наполняет дом гнилостными испарениями; и сегодня утром я унесу Генри на кресле в соседний коттедж".[79]

Действительно, чистота и вентиляция, которые мы считаем столь полезными, тщательно избегались. Холодный воздух считался особенно губительным, и иногда, когда бедняки, заболевшие оспой, выходили на улицу, их удивляло, что вместо смерти наступало выздоровление. В книге Хатчинса "История Дорсета" рассказывается, что в 1731 году Блэндфорд был сожжен, и несколько больных оспой были уложены под арками моста в

качестве убежища, и, к общему удивлению, все выздоровели, хотя многие умерли в своих постелях до пожара. Джон Бирч, лондонский хирург с большой репутацией, писавший в 1814 году, подводит итог в этом вопросе, говоря

Я считаю натуральную оспу легкой болезнью, которая становится злокачественной только из-за ошибок в уходе, диете и медицине, а также из-за недостатка чистоты, что является причиной больничных лихорадок и всех лагерных и заразных заболеваний".

Вряд ли будет слишком смело сказать, что смертельное лечение этой болезни в течение двух столетий с помощью согревания палаты, стимулирующих и согревающих сердечных средств было причиной двух третей смертности, которая последовала за этим.[80]

Теперь мы подошли к интересному вопросу. Если читатель обратится к списку двенадцати лет наибольшей заболеваемости оспой и списку двенадцати лет наименьшей заболеваемости оспой в Лондоне, то заметит, что годы наименьшей заболеваемости оспой преобладают в последней четверти века, и это несмотря на распространение болезни путем инокуляции. Инокуляторы, когда их обвинили в увеличении заболеваемости оспой, обратились к лондонским счетам смертности. "Давайте, - говорили они, - возьмем последние девяносто лет века, и мы обнаружим, что в Лондоне от оспы умерли за тридцать лет...

С 1711 по 1740 год включительно	65,383
с 1741 по 1770 год "	63,308
1771 по 1800 "	57,268

Здесь мы видим, что количество смертей в первые тридцать лет было больше на 2075, чем во вторые тридцать лет, в течение которых прививки приобрели некоторую стабильность, и больше на 8115, чем в последние тридцать лет, в течение которых прививки были устоявшейся практикой большинства благоразумных семей.[81] Поэтому нас несправедливо обвиняют. Эти цифры не оставляют сомнений в том, что заболеваемость оспой снижается, и мы утверждаем, что это снижение обусловлено нашей практикой".

Уменьшение было несомненным, но я не могу допустить, что оно было вызвано прививкой; напротив, я предполагаю, что уменьшение было бы более значительным, если бы не культура болезни, которую прививали инокуляторы. Этот факт чрезвычайно огорчает самых яростных вакцинаторов, и доктор Корфилд пытается вычеркнуть его из жизни как "самую ложную из неправд", но он остается в силе. Тем, кто представляет Дженнера спасителем человечества от оспы, тяжело, когда им показывают, что лондонцы, по крайней мере, находились в процессе спасения до его вмешательства; но факты, увы, жестоко немилосердны к теоретикам, сентименталистам и шарлатанам всех мастей. По словам доктора Фарра.

Максимальной смертности оспа достигла после введения прививок. Ежегодно с 1760 по 1779 год от оспы умирало в среднем 2323 человека. В последующие двадцать лет, с 1780 по 1799 год, они снизились до 1740. Таким образом, болезнь начала становиться менее смертельной еще до того, как была открыта вакцинация; вместе с уменьшением числа лихорадок это свидетельствует об общем улучшении здоровья, которое происходило в то время.[82]

Снижение заболеваемости оспой к концу века, говорит доктор Фарр, было вызвано "общим улучшением здоровья, которое происходило в то время"; но чем было вызвано это улучшение? В санитарном состоянии Лондона не было заметных улучшений, почему же

тогда произошли такие перемены к лучшему? Я отвечаю, что большие изменения происходили в народном питании.

Доктор Джордж Чейн в своем знаменитом "Эссе о здоровье и долгой жизни", опубликованном в 1724 году, говорит

Нет хронического заболевания, что более универсальным, более упрямым, и более смертельным в Великобритании, чем цинга взяты в его общем масштабе.

А более чем через пятьдесят лет после этого, в 1783 году, доктор Бьюкен приводит аналогичные свидетельства.

Болезнь, наиболее характерная для этой страны, - цинга. Ее можно найти почти в каждой семье, а в некоторых она очень глубока.

Вряд ли стоит приводить авторитеты для того, что и так общеизвестно и признано; но в этом вопросе об оспе и ее профилактике нам приходится иметь дело со многими, кто, похоже, лишен всякого исторического смысла; кто утверждает, будто то, чем англичане являются сегодня, они были всегда; и кто утверждает, что поскольку до Дженнера в Лондоне было больше оспы, чем после Дженнера, то Дженнер должен быть причиной ее уменьшения. Необходимо снисходительно относиться к таким слабоумным людям.

Причина общей скорбунной привычки людей была широко признана медиками, и Бьюкен лишь повторил их общее мнение, сказав: "Болезнь, столь распространенная, должна иметь общую причину".

У столь распространенной болезни должна быть общая причина, и ни одна из них не является столь очевидной, как огромное количество животной пищи, потребляемой жителями этого острова". В доказательство того, что цинга возникает по этой причине, мы не имеем ни одного средства от этой болезни, равного свободному употреблению овощей".[\[83\]](#)

Чейн говорил примерно то же самое в более ранние времена. Он жаловался, что высшие классы объедаются животной пищей, а жажду утоляют вином, "которое теперь [1724] стало обычным, как вода, а лучшие сорта почти никогда не разбавляют свою пищу никакими другими напитками". Пиво заняло место вина среди среднего и низшего сословия. По словам Бьюкена.

Английский рабочий живет в основном на хлебе, который вместе с другой сухой и часто соленой пищей разжигает его кровь и возбуждает неутолимую жажду, так что его вечный крик - пить".

Он добавляет.

Если люди будут жить на сухой хлеб, плохой сыр, соленое масло, жареный бекон, и такие, как пахнущие пищи, они найдут свой путь к эль-хаус - бич низших порядков, и источник половины нищих в нации.

Если бы мы сказали, что рацион англичан большую часть прошлого века состоял из хлеба, говядины и пива, мы бы не сильно ошиблись. Лондонский хлеб тогда, как и сейчас, был плохим товаром; "испорченный, - говорит Бьюкен, - чтобы радовать глаз, искусственно отбеленный, но все же то, что предпочитает большинство, и более бедные люди не будут есть ничего другого". Пиво, когда его можно было достать, было напитком, который подавали к хлебу, и его пили и молодые, и старые. Соленая говядина и баранина, бекон, соленая рыба

и отходы мясников дополняли рацион людей. Кормление бедняков в тяжелые сезоны было делом суровым, так как счет пекаря часто намного превышал заработок рабочего.

Легко было посоветовать богатым избавиться от цинги с помощью растительной пищи, но для бедняков с их упрямыми предрассудками, непостоянством и невежеством такая рекомендация была своего рода насмешкой. Избавление, однако, пришло в форме, рекомендованной приятностью и экономией, а именно в картофеле. Правда, клубень был известен задолго до этого, но не как предмет свободного и обычного потребления. Ближе к середине века было обнаружено, что картофель можно выращивать дешево и в больших количествах, и спрос и предложение развивались вместе. Женщины и дети особенно радовались новой пище, а благодетели ликовали по поводу либерального пополнения рациона бедняков. Для лорда и леди Баунтифул стало долгом рекомендовать выращивать и употреблять картофель повсеместно; и чтобы увидеть, насколько далеко зашла замена картофеля хлебом в начале XIX века, нам достаточно обратиться к страницам Коббета, который с неутомимой яростью осуждал эту замену как деградацию человечества. Конечно, картофель уступает хлебу по питательной ценности, но в еде мы должны искать нечто большее, чем просто питательность; и всеобщее употребление картофеля способствовало очищению и оздоровлению крови английского народа.

Появление картофеля в качестве дешевого компонента общего питания стало аргументом, с помощью которого Дженнер пытался развеять опасения, что, покончив с оспой, скоро ртов будет больше, чем еды, чтобы их заполнить. Даннингу он писал 10 февраля 1805 года

Я часто приводил следующий аргумент, когда мне в зубы бросали слишком многочисленное население, как один из плохих последствий, которые может повлечь за собой вакцинация. Кто бы мог подумать столетие назад, что провидение припасло для нас этот питательный и превосходный овощ, картофель, эту готовую буханку, которая готовится в более совершенном виде в саду дачника, чем на удобренной почве человека, живущего в роскоши".

И снова Уортингтону, 25 апреля 1810 года.

Каким даром небес был этот необыкновенный овощ - готовая буханка; к тому же припасенная до того часа, когда население, по крайней мере в этих краях, начнет сначала увеличиваться, а потом, едва ли мы знаем, как. Прочь Мальтуса и его мрачные рассуждения! Небеса полны благосклонности, и пусть население растет как угодно, давайте не будем верить и предполагать, что люди когда-нибудь будут перебирать кости друг друга.^[84]

Изменения в рационе людей не ограничились введением картофеля; вместе с ним появился чай. Конечно, мы знаем, что чай в Англии пили задолго до того, как Георг III стал королем, но именно при нем чай вошел в обиход. Здесь мы снова можем сослаться на Бьюкена, который был категорически против этого нововведения. Он писал

Говорят, что жители Великобритании потребляют больше чая, чем все остальные народы Европы вместе взятые. Высшие сословия употребляют чай как роскошь, в то время как низшие сословия составляют из него диету. Самая низкая женщина в Англии обязательно пьет чай, и дети обычно делят его с ней. Вред, причиняемый чаем, возникает главным образом из-за того, что он заменяет твердую пищу, и если бы у меня было свободное время, я думаю, что его нельзя было бы использовать лучше, чем для написания статьи против этого губительного наркотика. Его употребление приведет к полному изменению конституции жителей этой страны. В самом деле, он уже в значительной степени способствовал этому злу".

То, что не успел сделать Бьюкен, впоследствии сделал Коббетт, и некоторые из его самых ярких остроумий были обращены к чаю и чаепитиям. В беконе, хлебе и пиве, по мнению Коббета, заключалась сила английского рабочего человека, в то время как чай и картофель он считал отвратительными.

Этой частичной замене картофеля и чая на соленую животную пищу и солодовый спирт мы можем справедливо приписать уменьшение скорпиономании в народе и то улучшение здоровья, которое совпало с концом прошлого века и продолжилось в настоящем. Каждый студент, изучающий статистику жизни, должен помнить, что условия должны быть идентичными, чтобы получить идентичные результаты. Жизнь большинства англичан в прошлом веке, и особенно в Лондоне, была тяжелой и убогой до такой степени, которую в наше время трудно осознать. О санитарных условиях их жизни уже говорилось, и теперь я хотел бы подтвердить это замечание: они плохо питались и не получали достаточного питания; поэтому их болезни были злокачественными, а оспа нередко оставляла глубокие шрамы на своих скорбных жертвах. Поэтому проводить параллель между лондонцами XVIII века и англичанами XIX в вопросе оспы и приписывать какие-либо различия между ними специфике Дженнера - значит проявлять непростительное невежество или недобросовестное ремесло.

ССЫЛКИ:

[76] "О пользе и недостатках приходских регистров". Г.М. Берроуз, доктор медицины, в "Лондонском медицинском репозитории", № 58, октябрь 1818 г.

[77] Nichols's Illustrations of Literary History, vol. iv. p. 499.

[78] The Times, 23 октября и 4 декабря 1879 года.

[79] Baron's Life of Jenner, vol. i. p. 107.

[80] Обращение к общественности по поводу вакцинации. Джон Бирч.

[81] Д-р Адамс в "Медицинском журнале", 1810, с. 31. Доктор Грегори в своем трактате "О вспышечных лихорадках", 1843 г., приводит и поддерживает этот аргумент.

[82] Статья "Жизненная статистика: Эпидемии" в "Статистическом отчете Британской империи" М'Каллоха.

[83] Отечественная медицина. Гл. lvi. О диете простых людей.

[84] Baron's Life of Jenner, vol. ii. pp. 348 и 410.

ЧАСТЬ II. - ВАКЦИНАЦИЯ.

ГЛАВА I.

РАННИЕ ГОДЫ ДЖЕННЕРА.

Компетентный биограф, как говорят, должен быть поклонником своего предмета, ибо только в той мере, в какой он сочувствует, он может понять. *Tout comprendre c'est tout pardonner*. Но я не собираюсь писать "Жизнь Дженнера" и не считаю необходимым проникательно сочувствовать там, где вынужден порицать. В случае с Дженнером мы имеем дело скорее со случайностью, чем с ярким олицетворением зла. Его судьба сложилась так, что счастливая (или несчастливая) мысль, адаптированная к юмору и практике его времени, была немедленно подхвачена и вынесена на мировой уровень. Сам по себе он был настолько заурядным персонажем, насколько это вообще возможно. За вред, причиненный его мыслями, некоторые из его современников несут такую же ответственность, как и он сам, а некоторые, более того, еще и большую. Вместе с епископом Батлером я могу спросить: "Почему целые сообщества не могут быть охвачены приступами безумия, так же как и отдельные люди?" И вместе с ним сказать: "Ничем другим нельзя объяснить большую часть того, что мы читаем в истории". Обычный разум временами впадает в нездоровые состояния, где примером служат слова Павла: "За то пошлет им Бог сильное заблуждение, чтобы они поверили лжи".

Эдвард Дженнер, сын священнослужителя, родился в Беркли, графство Глостершир, 17 мая 1749 года. Получив обычное для юношей его класса образование, он поступил в ученики к мистеру Ладлоу, хирургу и аптекарю из Содбери, близ Бристоля; по окончании срока обучения (1770) был отправлен в Лондон, где прожил два года у доктора Джона Хантера, который увеличил свои средства для научных исследований за счет приема учеников, заботясь гораздо больше о своем зверинце в Бромптоне, чем о пациентах, и используя своих учеников в качестве помощников в своих исследованиях. Капитан Кук вернулся из своего первого плавания в 1771 году, и его коллекция образцов естественной истории была передана Хантеру для упорядочивания, который поручил Дженнеру работу над ними; и, как говорят, он так хорошо справился со своими обязанностями, что ему предложили назначить натуралиста в следующей экспедиции Кука. Однако Дженнеру не терпелось начать работу в качестве сельского хирурга, и в 1772 году, в возрасте 23 лет, он вернулся в родную долину, получив юридическую квалификацию благодаря своему опыту в Содбери и двум годам работы у Хантера, чтобы по своему усмотрению практиковать на добрых жителях Беркли.

Можно сказать, что Дженнер получил плохое образование для медика, но стоит ли сомневаться, что он много потерял от своего невежества; ведь столетие назад медицинские знания были в основном абсурдом, а практика - вредом; и лучше всех справлялся тот, кто чаще других оказывался беспомощным в присутствии природы. Сэр Бенджамин Броуди рассказывает, как в молодости он служил у врача общей практики в районе Лестер-сквер.

Его лечение болезней казалось очень простым. У него в магазине было пять больших бутылок с надписями *Mistura Salina*, *Mistura Cathartica*, *Mistura Astringens*, *Mistura Cinchonæ* и еще одна, название которой я забыл, но это была какая-то белая эмульсия от кашля; и мне показалось, что из этих пяти бутылок он выписывал лекарства двум третям своих пациентов. Однако я не ставлю это ему в заслугу, ибо заметил, что, хотя молодые представители медицинской профессии обычно имеют дело с большим разнообразием средств, с возрастом они отбрасывают все большее их количество, пока наконец их лечение болезней не становится почти таким же простым, как у моего Эскулапия с Литтл-Ньюпорт-стрит.^[85]

Имя Хантера часто используется как своего рода освящение Дженнера, но без видимой причины. Хантер подтвердил, если не породил в Дженнере сильную симпатию к естественной истории; и когда Дженнер поселился в стране, он часто пользовался его услугами в качестве наблюдателя и коллекционера, обращаясь к нему за информацией о повадках кукушки, размножении жаб и лягушек, половых признаках угрей; за желудки кукушек, вороньи и сорочьи гнезда, за летучих мышей, ежей, дроздов, ящериц, зайцев и окаменелости; за петуха лосося, за икру и мальков лосося, за большую морскую свинью, "за любовь или деньги"; за руку некоего пациента, когда он умрет; предлагая ужасные эксперименты над ежами, летучими мышами и собаками и описывая один особенно зверский эксперимент над ослом. Самым серьезным предложением в их переписке было предложение Дженнеру приехать в Лондон в качестве преподавателя естественной истории, но Хантер с сомнением отбросил это предложение, поскольку условием назначения было внесение 1000 гиней. Дженнер усовершенствовал, или предполагалось, что усовершенствовал, препарат для лечения зубного камня, и Хантер написал

Дорогой Дженнер, - я отдаю за ваш тартар, как за тартар всех тартаров, и дал его нескольким врачам на пробу, но пока не получил никаких отчетов об их успехе. Не лучше ли отдать его на продажу книготорговцу, как Гласс из Оксфорда делал свою магнезию? Пусть она называется "Средство от тартара Дженнера" или как угодно.

Хантер умер в 1793 году, и нет никаких доказательств того, что Дженнер выносил на его суд вопрос о вакцинации, если даже допустить, что до этой даты этот проект приходил в голову самому Дженнеру. Несомненно, он упоминал Хантеру о том, что деревенские жители считают, что переболеть коровьей оспой - значит обезопасить себя от оспы, и Хантер повторял этот факт в своих беседах и лекциях; но в письмах и переписке Хантера нет никаких упоминаний об этом вопросе.

Поклонники Дженнера привыкли представлять его как терпеливого исследователя, которого в детстве осенила великая мысль, воплотившаяся в жизнь в зрелом возрасте. В соответствии с этой легендой рассказывается, что, когда Дженнер был учеником в Содбери, в хирургию его мастера пришла молодая женщина, и при упоминании оспы она сказала: "Я не могу перенести эту болезнь, потому что у меня была коровья оспа"; и ее замечание было обдуманно в его сердце; после чего доктор Барон, его биограф, в экстазе произнес.

Ньютон изложил свою доктрину света и цвета еще до того, как ему исполнилось двадцать лет: Бэкон написал свой "Temporis Partus Maximus" еще до того, как достиг этого возраста: Монтескье набросал свой "Дух законов" в столь же ранний период жизни: а Дженнер, когда был еще моложе, задумался о возможности исключить из списка человеческих болезней одну из самых смертельных, когда-либо бичевавших нашу расу. Надежда совершить это великое благо никогда не покидала его, хотя он встречал много препятствий; к его идеям относились с презрением и насмешкой некоторые, и с безразличием почти все.

Против такого абзаца можно написать: "Чистая романтика! Дженнер ни в коем случае не был молчаливым, и о том, что предотвращение оспы в течение какого-то времени было бременем его души, нигде не говорится. Романтика появилась после даты, чтобы сделать много из малого и оправдать оплату деньгами и репутацией. Ибо, если брать вакцинацию по максимуму, она была небольшим прогрессом по сравнению с существующими знаниями и практикой. Во-первых, во многих молочных районах было распространено убеждение, что заражение коровьей оспой равносильно оспе для предотвращения последующего приступа оспы. Во-вторых, прививка от оспы была обычаем того времени; и если заражение коровьей оспой предотвращало оспу, то почему прививка от коровьей оспы не должна была делать это

так же эффективно, как прививка от оспы? Интеллект, необходимый для того, чтобы прийти к столь очевидному выводу, был невелик, и поэтому не было причин удивляться тому, что, когда Дженнер заявил о себе как о создателе вакцины, его приоритет оспаривался с нескольких сторон: Бенджамином Джести из Йетминстера, который в 1774 году привил коровью оспу своей жене и сыновьям; Нэшем из Шафтсбери; миссис Рендалл и другими. Дженнер не остался равнодушным к силе этих претензий, но уклонился от них, сославшись на то, что существует коровья оспа *и* коровья оспа, и что он открыл и определил правильный сорт.

В некоторых районах Голштинии коровья оспа также считалась хорошим средством против оспы, и не раз ее намеренно использовали для этой цели. Плетт, школьный учитель из деревни, расположенной недалеко от Киля, в 1791 году привил трех детей от этой болезни, которым впоследствии приписали, что они устояли перед вариолитной инфекцией благодаря своей прививке.[86]

О том, насколько основательно была известна утверждаемая профилактика коровьей оспы, привык свидетельствовать сам Дженнер. Он был членом двух клубов - медико-конвивиального, который собирался в Родборо, и медико-конвивиального, который собирался в Алвестоне; и он так настойчиво выносил коровью оспу на обсуждение, что, по его словам, ему пригрозили изгнанием, если он не прекратит. "Мы знаем, - говорили веселые доктора, - что приступ коровьей оспы якобы предотвращает оспу, но мы знаем, что это не так, и на этом следует закончить".[87]

В продолжение тактики, позволяющей представить вакцинацию как результат многолетнего труда, мы имеем следующий необычный рассказ Барона, биографа Дженнера.

Только в 1780 году Дженнеру удалось после долгих исследований распутать многие неясности и противоречия, которыми был окутан вопрос о коровьей оспе и которые внушали тем, кто знал традиции страны, мнение, что он не поддается точному и удовлетворительному разъяснению. В мае только что упомянутого 1780 года он впервые поделился своими надеждами и опасениями относительно великого предмета своих поисков со своим другом Эдвардом Гарднером. К этому времени *Дженнер уже имел представление о репутации, которая его ожидала*, но все еще был омрачен сомнениями и трудностями. Ему казалось, что по Божьему промыслу *ему выпадет участь стоять между живыми и мертвыми, и что через него можно будет остановить чуму*. С другой стороны, страх разочарования и вероятность того, что ему не удастся достичь своей цели, сдерживали то рвение, которое в противном случае побудило бы его преждевременно опубликовать результаты своих изысканий и тем самым, возможно, передав недостаточное знание, навсегда разрушить свою любимую надежду.[88]

В древней и современной истории много чудесных случаев, но в записях о сверхъестественном сомнительно, чтобы что-то могло сравниться с предыдущим. Художники изображают беглого подмастерья, прислушивающегося на Хайгейтском холме к колоколам, которые звонят: "Снова повернись, Уиттингтон, дважды лорд-мэр Лондона", но они могли бы найти более подходящую тему в молодом хирурге из Глостершира, 31 года, одетом "в синий халат с желтыми пуговицами, в синем мундире с желтыми пуговицами, в жокейских сапогах с красивыми серебряными шпорами, с нарядным хлыстом с серебряной ручкой, с волосами, убранными в клуб под широкополой шляпой",[89] с глазами, устремленными в даль, созерцая свою славную судьбу, сквозь тучи сомнений и трудностей, на двадцать лет вперед; стоял, как другой Аарон, с кадильницей в руке, между живыми и

мертвыми, пока чума не была остановлена! Воистину, если мы не видим чудес, то это потому, что мы не хотим их искать.

Глава о чудесном еще не исчерпана; остаются еще более великие дела. Говорит барон, и вспомните, что год был 1780-й, а Дженнеру был 31 год.

Дженнер ехал с Гарднером по дороге между Глостером и Бристолем, недалеко от Ньюпорта, когда состоялся разговор, о котором я уже упоминал. Он рассказал о естественной истории коровьей оспы; высказал свое мнение о происхождении этого заболевания от пятки лошади; указал на различные виды болезней, которые поражают доярок, когда они работают с зараженными коровами; остановился на разновидности, обеспечивающей защиту от оспы; и с глубоким и тревожным чувством упомянул о своей надежде на возможность распространения этой разновидности от одного человека к другому, пока он не распространит эту практику по всему земному шару, чтобы полностью уничтожить оспу.

Иными словами, в 1780 году Дженнер в возрасте 31 года пришел к выводу, который он предложил миру в 1798 году в зрелом возрасте 49 лет; а тем временем он позволил человечеству погибнуть от оспы, поскольку его спасение было в его руках!

Чудесный разговор, говорит Барон, был завершен Дженнером следующими словами

Гарднер, я поручил вам одно очень важное дело, которое, по моему глубокому убеждению, принесет огромную пользу человечеству. Я знаю вас и не хотел бы, чтобы о том, что я изложил, заговорили; ведь если в моих экспериментах обнаружится что-то нехорошее, я стану предметом насмешек, особенно со стороны моих собратьев-медиков, ведь я - та самая метка, в которую они все стреляют".[90]

Гарднер, друг Дженнера, сыгравший роль *альтер-эго* в утверждении ранней даты вакцинации, был торговцем вином и спиртными напитками. Милосердие верит всему, но даже милосердие проявляет скептицизм, когда то, что человек заинтересован доказать и поставить себе в заслугу, само по себе неправдоподобно; что, если бы было правдой, можно было бы доказать документами и свидетелями; но что подкрепляется лишь его собственным словом и словом друга. Позвольте мне повторить, что для откровений 1780 года никогда не было представлено ни малейшего доказательства, кроме голых утверждений Дженнера и Гарднера; и далее, что они радикально расходятся с тоном и датами первой публикации Дженнера - "Расследования" 1798 года.

Следующая дата, к которой мы приходим, - 1787 год, в котором Дженнер представлен как человек, взявший своего племянника, Джорджа, в конюшню, чтобы осмотреть лошадь с больными пятками.

"Вот, - сказал он, указывая на пятки лошади, - источник оспы". Мне есть что сказать по этому поводу, и я надеюсь в свое время поведать об этом всему миру".[91]

Барон не приводит никаких оснований для этого анекдота. Вероятно, он датируется шестью или семью годами раньше.

В 1788 году Дженнер женился на Кэтрин Кингскот. В домашних отношениях он был преданным, даже неистовым; готов был отложить любой долг и отдать любое преимущество домашним удовольствиям.

Как говорится, Дженнер был хорошим мастером в "переписывании стихов", и один из них, "Знаки дождя", начинался так:

Полые ветры начинают дуть,

Тучи выглядят черными, стекло низкое...

занимает место почти во всех поэтических сборниках.

В 1792 году Дженнер подал прошение в университет Сент-Эндрюс о присвоении ему степени доктора физики. Это стоило 15 фунтов стерлингов, и ничего больше.

Хантер обычно говорил ученикам-спекулянтам: "Не *думайте*, а *пробуйте*; будьте терпеливы, будьте точны"; и Дженнер, применительно к коровьей оспе, нуждался в этом совете, поскольку, по его собственному признанию, он был доволен *тем, что думал* о коровьей оспе по крайней мере четверть века, в то время как интуитивно знал ее истинное происхождение, ее магическую эффективность и будущий триумф без каких-либо *испытаний*. Первый эксперимент был проведен в ноябре 1789 года на его сыне Эдварде, первенце, восемнадцатимесячном младенце.

"Ему была сделана прививка от коровьей оспы?"

О, нет!

"Тогда жиром с лошадиной пятки?"

Вовсе нет!

"А чем же тогда?"

Почему же, свиной оспой; и он ответил!

Ребенок заболел на восьмой день; появилось несколько пустул; они поздно и медленно развивались, были небольшими, но их оказалось достаточно. Затем бедный ребенок был подвергнут испытанию, которое называли "вариольным": не один и не два, а пять или шесть раз через разные промежутки времени ему была сделана прививка оспы, не давшая никаких результатов, кроме местного воспаления и эризипелаза. Ничто, когда-либо заявленное в отношении коровьей оспы, не дало более удовлетворительного результата, чем этот эксперимент со свиной оспой - если только мы доверяем Дженнеру.

Если опираться на записи (а нам больше не на что опираться), то только в 1795 году Дженнер обратил свое внимание на коровью оспу с серьезной целью. Барон это допускает, говоря: "Прошло много лет, прежде чем Дженнер обратил внимание на коровью оспу.

Прошло много лет, прежде чем у Дженнера появилась возможность завершить запланированные эксперименты по вакцинации, и он столкнулся с многочисленными трудностями при проведении предварительной части своих исследований".[\[92\]](#)

Но Барон не уточняет, в чем заключались предполагаемые эксперименты, и какие трудности мешали их выполнению. В "сочувственных" биографиях часто встречается неприятность, когда на доверчивость человека накладываются неограниченные набросы. Наглядный пример доказывает, что Дженнер возлагал свои надежды на свиную, а не коровью оспу, по крайней мере, в 1789 году.

В апреле 1795 года в Беркли была проведена всеобщая прививка по плану Димсдейла; то есть всем жителям района, не переболевшим оспой, была сделана прививка, чтобы они могли болеть вместе и не причинять вреда. Среди берклианцев был некий Джозеф Меррет, который в 1770 году ухаживал за лошадьми с жирными пятками и в то же время доил коров, а

от коров заразился коровьей оспой. Дженнер неоднократно прививал ему оспу по этому случаю, но безрезультатно; отсюда он сделал вывод, что приступ коровьей оспы в 1770 году предохранял Меррета от оспы в течение пяти с половиной лет.[\[93\]](#)

Теперь цель Дженнера заключалась в том, чтобы продемонстрировать, что всеобщая вера в коровью оспу как средство защиты от оспы была вполне обоснованной; для этого необходимо было устранить два возражения.

Во-первых, что некоторые, кто заразился коровьей оспой, впоследствии заболели оспой.

На что он ответил

На сосках коров появляются различные высыпания, которые путают с коровьей оспой, и заражают доярок; и это, признаю, не защищает от оспы".

В письме к Эдварду Гарднеру в 1798 году он заметил: "Истинное - это не то.

Истинная оспа имеет много подражаний *ложной* на вымени и сосках коровы; и все они называются *коровьей оспой*, будь то на корове или передаваясь человеку.[\[94\]](#)

Во-вторых, что некоторые, заразившиеся истинной коровьей оспой, тем не менее стали жертвами оспы.

На что он ответил

Допускаю: но тогда доярка получала инфекцию от коровы не в положенное время, а на слишком ранней или слишком поздней стадии высыпаний.

Если читатель ясно представит себе эти моменты, он поймет меру притязаний Дженнера. Это была претензия на определение истинности распространенного мнения, а не на самостоятельное открытие.

На этом этапе Дженнер поставил свою надежду на идентификацию лошадиного жира с коровьей оспой. Однако даже в этом отождествлении он, похоже, не был оригинален.

Среди фермеров бытовало убеждение, что оспа коров происходит от оспы лошадей, и что заражение лошадиным жиром так же эффективно против оспы, как и заражение ее производным - коровьей оспой. Однако факт происхождения коровьей оспы от лошадиного жира оспаривался, но Дженнер был уверен в этом. В 1794 году он писал: "В последнюю встречу наш друг лечил меня от коровьей оспы.

Во время нашей последней встречи наш друг отнесся к моему открытию происхождения коровьей оспы как к химерическому. Дальнейшее расследование убедило меня в истинности моего утверждения, которое невозможно опровергнуть".[\[95\]](#)

На просьбу представить прямые доказательства того, что лошадиный жир вызывает оспу у коровы, он столкнулся со значительными трудностями, так что 2 августа 1797 года ему пришлось написать: "...

Простой эксперимент по прикладыванию материи с пятки лошади, в ее надлежащем состоянии, к соскам коров, когда они находятся в надлежащем состоянии, чтобы заразиться ею, не так прост, как может показаться на первый взгляд. Прождав с нетерпением несколько месяцев в своем районе, но безрезультатно, я послал гонца в Бристоль, тщетно пытаюсь раздобыть настоящий вирус. Я даже купил молодую лошадь, постоянно держал ее в конюшне и кормил бобами, чтобы у нее распухли пятки, но безрезультатно.[\[96\]](#)

Что касается лошадиной смазки, то, как сообщает нам доктор Мейсон Гуд, "кузнецы и кузнецы, зараженные смазкой, веками считались невосприимчивыми к вариолитной инфекции".[97] Поэтому Дженнеру не следует приписывать открытие лошадиной смазки как средства против оспы; , а лишь то, что он вместе с некоторыми фермерами считал ее причиной коровьей оспы и одной конституции с ней; и таким образом пытался объединить традиции конюшни с традициями молочного хозяйства.

Только в 1796 году Дженнер провел эксперимент с коровьей оспой - до этого момента, какими бы ни были его видения, он, по выражению Хантера, *был мыслителем, а не испытателем*. 14 мая того же года он взял материю из руки Сары Нельмс, заразившейся от коров своего хозяина, и ввел ее через два разреза в руку Джеймса Фиппса, ребенка восьми лет. Мальчик перенес болезнь обычным образом, и 1 июля, к глубокому удовлетворению Дженнера, ему была сделана прививка от оспы без эффекта. Об этом событии он сообщил Гарднеру в следующем письме.

Беркли, 19 июля 1796 года.

Дорогой Гарднер, - поскольку я обещал сообщить вам, как продвигается мое расследование природы этой необычной болезни - коровьей оспы, и, будучи полностью уверенным, насколько вы заинтересованы в его успехе, вы будете рады услышать, что я наконец-то достиг того, чего так долго ждал, - передачи вируса вакцины от одного человека к другому обычным способом прививки.

Мальчику по фамилии Фиппс сделали прививку в руку от гнойника на руке молодой женщины, которая заразилась от коров своего хозяина. Никогда прежде не видевший эту болезнь в ее случайном проявлении, то есть при передаче от коровы к руке доярки, я был поражен близким сходством пустул в некоторых их стадиях с вариолитическими пустулами.

А теперь послушайте самую восхитительную часть моей истории. С тех пор мальчику была сделана прививка от оспы, которая, как я и предполагал, не дала никакого эффекта. Теперь я продолжу свои эксперименты с удвоенным рвением".

Но эксперименты не могли быть продолжены, поскольку с июля 1796 года до весны 1798 года коровья оспа исчезла с молочных ферм в окрестностях Беркли, и, как мы уже видели, лошадиная оспа также была недостижима. Дженнер, однако, решился на публикацию. Жизнь шла своим чередом, он ничем не отметился в мире, и, как он писал Гарднеру...

Вдобавок ко всем моим прочим заботам, меня сильно мучает царящая эпидемия - импекуниозис".

Сначала он предложил изложить свои взгляды в статье для Королевского общества, но, поразмыслив, решил выпустить памфлет. Прочитав свою рукопись доктору Уортингтону, мистеру Пейтерусу и мистеру Хиксу, собравшимся за столом мистера Томаса Уэстфалинга в Рудхолле, близ Росса, Херефордшир, и заручившись их одобрением, дело было передано в печать, и примерно в конце июня 1798 года появилась...

AN

РАССЛЕДОВАНИЕ

НА

ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

ТОГО

VARIOLÆ VACCINÆ,

БОЛЕЗНЬ

ОБНАРУЖЕННОГО В НЕКОТОРЫХ ЗАПАДНЫХ ГРАФСТВАХ АНГЛИИ,
В ЧАСТНОСТИ,

ГЛОСТЕРШИР,

И ИЗВЕСТНАЯ ПОД НАЗВАНИЕМ

КОРОВЬЯ ЯЗВА.

ССЫЛКИ:

[85] Автобиография сэра Б. К. Броуди, с. 38.

[86] Simon's Papers on Vaccination, p. xii.

[87] Baron's Life of Jenner, vol. i. pp. 48 и 126.

[88] *Ib.*, vol. i. p. 127.

[89] Так описано у Гарднера. Baron's Life of Jenner, p. 15.

[90] Baron's Life of Jenner, vol. i., pp. 127-129.

[91] *Там же*, p. 135.

[92] Baron's Life of Jenner, vol. i., p. 131.

[93] Расследование Дженнера, дело i., p. 9.

[94] Baron's Life of Jenner, vol. i., p. 297.

[95] Baron's Life of Jenner, vol. i, p. 136.

[96] *Ibid.* p. 141.

[97] Study of Medicine, vol. iii. p. 59, 3rd ed. London, 1829.

ГЛАВА II.

РАССЛЕДОВАНИЕ ДЖЕННЕРА, 1798 ГОД.

Любопытная традиция молочников Глостершира, согласно которой люди, перенесшие коровью оспу, становятся невосприимчивыми к оспе, стала известна Эдварду Дженнеру, когда он был учеником врача, *и впоследствии никогда не выходила у него из головы*. Прошло тридцать лет, прежде чем плод был представлен публике; *но он непрерывно думал, наблюдал и экспериментировал по этому вопросу*, и работа, в которой он в конце концов записал несравненные результаты своего труда, вполне могла вызвать доверие у размышляющих людей.

Возражений против вакцинации будет мало, если все, кто берет на себя ответственность за ее проведение, и все, кто склонен сопротивляться ее принятию, *будут тщательно изучать этот шедевр медицинской индукции* и подражать терпению, осторожности и скромности, с которыми Дженнер закладывал основы каждого выдвинутого им утверждения.

В первом исследовании причин и действия вакцины Variolæ Дженнер поставил на научную основу народное поверье, о котором я говорил; и конец XVIII века, который многое омрачал, будет вспоминаться до конца истории человечества как величайшее физическое благо, когда-либо дарованное наукой миру. Pp. xi. and xii. London, 1857.

Это слова мистера Джона Саймона, и в них мы имеем дженнерианскую легенду с крупницей фактов в массе небылиц, которые характеризуют легендарную материю, древнюю и современную. Рекомендация "тщательно изучить этот шедевр медицинской индукции", "Дознание Дженнера", - всего лишь панегирик; ведь, как хорошо известно мистеру Саймону, книга уже полвека как вышла из печати и была практически недоступна, а ее воспроизведение обычно считалось нежелательным в интересах вакцинации, поскольку она раскрывает больше, чем необходимо для общего знания. Идол, которым можно поклясться, всегда укрепляется удобной неясностью.

Книга представляет собой кварто объемом менее семидесяти страниц, напечатанных крупным шрифтом, с широкими полями в стиле, характерном для периода, и иллюстрирована четырьмя цветными пластинами. Восемь страниц занимает вводная часть, за ней следуют тридцать четыре страницы примеров, а завершают ее двадцать шесть страниц общих замечаний.

В первую очередь я хотел бы обратить внимание именно на случаи как основание для аргументации. Их двадцать три, и их можно разделить следующим образом.

13 случаев коровьей оспы, переданной случайно.

4 случая лошадиной оспы, переданной случайно и привитой намеренно.

6 случаев коровьей оспы, привитых намеренно или переданных от руки к руке.

Это может быть утомительно, но я хотел бы вместе с читателем проанализировать эти случаи, поскольку они весьма поучительны. Давайте рассмотрим первые двенадцать случаев заражения коровьей оспой, полученной случайно.

I.- Жозеф Мерре, садовник.

В 1770 году ухаживал за лошадьми, доил коров и заразился коровьей оспой. После этого его семья заболела оспой, но он спасся. В 1795 году Дженнер неоднократно прививал ему оспу, но безрезультатно.

II.- Сара Портлок, служанка на ферме.

В 1771 году заболела коровьей оспой. В 1792 году выхаживала своего ребенка в оспе, "считая себя в безопасности", и в то же время была привита оспой в обе руки без эффекта.

III.- Джон Филлипс, торговец.

Заболел коровьей оспой в возрасте девяти лет. Был привит от оспы Дженнером в возрасте 62 лет без эффекта.

IV.- Мэри Бардж, служащая на ферме.

В 1767 году болела коровьей оспой. В 1791 году была привита от оспы без эффекта. Также работала сиделкой у больных оспой, не заразившись.

V.- Миссис Х., джентльменка.

Заболела коровьей оспой в раннем возрасте, заразившись при работе с молочной посудой. Впоследствии подверглась заражению оспой, "от которой едва ли могла спастись"; в 1778 году Дженнер сделал ей прививку от оспы, и она не получила никакого эффекта.

В этом месте я хотел бы обратить внимание на возраст людей, описанных в этих случаях: они были уже старше среднего возраста, когда восприимчивость к оспе была либо низкой, либо исчезла. Дженнер объяснил их появление тем, что он "хотел показать, что изменения, производимые в конституции коровьей оспой, не подвержены влиянию времени" - утверждение, от которого сегодня отказываются вакцинователи, настаивая на необходимости повторной вакцинации для поддержания "благоприятного влияния"; но кроме этого соображения, в сопротивлении привитой оспе не было ничего экстраординарного. Без вмешательства коровьей оспы инокуляторы постоянно встречали пациентов, которые не "принимали" прививку даже при повторных попытках, особенно среди пожилых людей; а некоторые, кто упорно сопротивлялся привитой оспе, впоследствии заразились обычным путем. Это допускал и сам Дженнер, говоря

Есть много людей, которые в силу каких-то особенностей привычки сопротивляются обычному воздействию вариолитной материи, введенной в кожу, и в результате их всю жизнь преследует тягостная мысль о том, что они не защищены от последующего заражения". (Р. 60.)

И все же он с удовольствием отнес эту хорошо известную устойчивость к вариоляции у тех, кто переболел коровьей оспой, к коровьей оспе, ничего не объясняя привычкой организма!

VI.- Сара Уинн, доярка.

В 1796 году в мае заболела коровьей оспой, причем "в такой сильной степени, что была прикована к постели и несколько дней не могла заниматься своими обычными делами". 28 марта 1797 года Дженнер сделал ей прививку от оспы, и она не получила результата.

В связи с этим случаем Дженнер замечает, что "среди наших молочных фермеров те, кто переболел оспой, либо избегают коровьей оспы, либо склонны к ней в незначительной степени; и как только эта болезнь проявляется среди скота, по возможности подыскиваются помощники, которые таким образом становятся менее восприимчивыми к ней, иначе дела фермы едва ли могли бы идти вперед". На ферме, где работала Сара Уинн, все заболели оспой, кроме Сары, и все, кроме Сары, спаслись.

VII.- Уильям Родуэй, молочник.

В 1796 году болел коровьей оспой. В 1797 году был привит от оспы Дженнером без эффекта.

На примере Родуэя Дженнер показал, что фермеры ошибались, полагая, что оспа предохраняет от коровьей оспы. На молочной ферме, где работал Родуэй, все доярки, кроме Родуэя, прошли через оспу и все заболели коровьей оспой; "но тяжесть болезни, которую ощущали они и Родуэй, не поддавалась сравнению. Пока он был прикован к постели, они могли без особых неудобств заниматься своими обычными делами". Таким образом, Дженнер утверждал, что хотя оспа и не избавляет от коровьей оспы, она делает ее более мягкой.

VIII.- Элизабет Уинн, доярка.

В 1759 году заболела коровьей оспой в возрасте 19 лет. "Поскольку болезнь проявилась столь незначительно, - заметил Дженнер, - и поскольку это произошло в столь отдаленный период ее жизни, я был счастлив возможностью испытать влияние вариолитов на ее конституцию, и 28 марта 1797 года я сделал ей прививку", но безрезультатно. Тем не менее в следующем, 1798 году, она снова заразилась коровьей оспой, у нее появилась "большая гнойная рана", сопровождавшаяся "общей вялостью, дрожью, сменявшейся жаром, холодом конечностей, учащенным и неровным пульсом".

IX.- Уильям Смит, слуга на ферме.

Хотя [пишет Дженнер в предисловии к этому случаю] коровья оспа защищает организм от оспы, а оспа служит защитой от своего собственного яда, тем не менее оказывается, что человеческий организм снова и снова восприимчив к инфекционному веществу коровьей оспы.

В 1780 году, обслуживая лошадей с больными пятками, Смит передал лошадиную инфекцию коровам, "а от коров она перешла к Смику". В 1791 году коровья оспа вспыхнула на другой ферме, где он тогда жил в качестве слуги, и он заболел ею во второй раз; а в 1794 году ему снова выпало несчастье заразиться. Во второй и третий раз болезнь протекала так же тяжело, как и в первый". В 1795 году ему дважды делали прививку от оспы, и он безрезультатно заразился оспой.

X.-Симон Николс, слуга на ферме.

В 1782 году был занят на перевязке больных пяток лошадей и одновременно помогал доить коров, тем самым заражая их и вызывая оспу. Изменив свое положение, он передал болезнь другим коровам и сам был тяжело поражен. Через несколько лет после этого Дженнер сделал ему прививку от оспы, но она не дала результата.

XI.- Уильям Стинчкомб, слуга на ферме.

В 1782 году тяжело болел коровьей оспой на одной ферме с Николсом. В 1792 году ему была сделана прививка от оспы вместе с большой партией, но в его случае безрезультатно. "Во время болезни некоторых его товарищей их симптомы так сильно напомнили ему его собственное состояние при заболевании коровьей оспой, что он очень уместно отметил их поразительное сходство".

XII.- Гестер Уокли, служанка фермы.

В 1782 году заболела коровьей оспой, когда ее лечил Дженнер. В 1795 году она и еще семь нищих женщин из Тортсворта, которые также болели коровьей оспой, были безрезультатно привиты Генри Дженнером от оспы. "Это состояние безопасности оказалось удачным обстоятельством", - заметил Дженнер, - "поскольку многие из бедных женщин в то же время находились в состоянии беременности". Почему же тогда, спрашивается, Генри Дженнер пытался их вариолировать?

Эти двенадцать случаев иллюстрируют процедуру Дженнера; и те, кто знаком с научными методами, с тщательностью и осторожностью, необходимыми для получения достоверных физиологических данных, с некоторым удивлением посмотрят на его свободную и легкую индукцию. В большинстве случаев он не доказал, что его подопечные перенесли коровью оспу; отсутствие такой уверенности было тем более примечательно, что он знал, что молочники описывали как коровью оспу несколько разновидностей высыпаний. Те же сельские наблюдатели, которые считали, что коровья оспа предотвращает оспу, также считали, что оспа предотвращает коровью оспу; и все же Дженнеру пришлось показать в примере Родуэя № vii., что они ошибались; хотя, принимая тезис о том, что оспа и коровья оспа являются эквивалентами и взаимно предотвращают друг друга, вера сельских жителей должна была оправдаться, и оспа была показана как хорошее средство против коровьей оспы. И снова Дженнер допускал, что приступ коровьей оспы не предотвращает последующий приступ коровьей оспы, говоря

Необычно наблюдать, что вирус коровьей оспы, хотя и делает конституцию невосприимчивой к вариолиту, тем не менее оставляет ее неизменной в отношении своего собственного действия".

Действительно, необычно! Это наблюдение в присутствии принципа, который необходимо было установить, было не чем иным, как имбецильностью. Если оспа предотвращала оспу, а коровья оспа была единым целым с оспой, и коровья оспа не предотвращала коровью оспу, то как коровья оспа могла предотвратить оспу? Невосприимчивость подопытных Дженнера к вариолитной прививке, как уже было замечено, не имела большого значения. Соппротивление привитой оспе было обычным явлением, и инокуляторы практиковали различные уловки, чтобы преодолеть его. Для того чтобы сделать такие эксперименты приблизительно убедительными, потребовалось бы привить оспу людям соответствующего возраста и темперамента, не прошедшим через коровью оспу; и есть вероятность, что результаты были бы несхожими.

Однако мы не должны двигаться дальше, пока не опишем коровью оспу; и для этого я не могу сделать ничего лучше, чем дословно процитировать Дженнера.

ОПИСАНИЕ ДЖЕННЕРОМ КОРОВЬЕЙ ОСПЫ.

Коровья оспа появляется на сосках коров в виде неровных пустул. При первом появлении они обычно бледно-голубого цвета или, скорее, цвета, несколько приближающегося к синюшному, и окружены воспалением. Эти пустулы, если не применить своевременное средство, [98] часто перерастают в фagedенические [распространяющиеся] язвы, которые доставляют много хлопот. Животные становятся недомагающими, а секреция молока значительно снижается.

На различных частях рук домашних животных, занятых доением, а иногда и на запястьях, начинают появляться воспаленные пятна, которые переходят в нагноение, сначала принимая вид небольших язвочек, образующихся при ожоге. Чаще всего они появляются в области суставов пальцев и на их конечностях; но какие бы части ни были поражены, если ситуация позволяет, эти поверхностные нагноения приобретают круглую форму, края их более приподняты, чем центр, а цвет отдаленно приближается к синему. Происходит рассасывание, и в каждой подмышечной впадине появляются опухоли.

Система становится пораженной, пульс учащается; появляется дрожь, сменяющаяся жаром, общая вялость и боли в пояснице и конечностях, сопровождающиеся рвотой. Голова болезненна, и время от времени пациент даже впадает в бред. (Р. 3.)

И Дженнер мог бы добавить: с конвульсиями.

Нарисовав эту тревожную картину последствий коровьей оспы, он добавляет.

Эти симптомы возникают главным образом из-за раздражения язв, а не из-за первичного действия вируса вакцины на конституцию". (Р. 5.)

Если бы коровья оспа означала все это, некоторые могли бы предпочесть, по крайней мере, риск оспы; отсюда и разумное объяснение - раздражение язв, а не яд в крови, является причиной тревожных симптомов. Дженнер продолжал

Эти симптомы, варьирующиеся по степени выраженности, обычно продолжаются от одного дня до трех или четырех, оставляя язвы на руках, которые, в силу чувствительности этих частей, доставляют много хлопот и обычно медленно заживают, часто становясь фagedеническими, как те, из которых они возникли. Во время развития болезни губы, ноздри, веки и другие части тела иногда поражаются язвами; но они, очевидно, возникают [насколько очевидно?] из-за того, что их неосторожно трут или царапают зараженными пальцами пациента". (Р. 5.)

Именно через эту серьезную болезнь, через эту коровью оспу, как предполагается, прошли субъекты вышеприведенных случаев; и Дженнер, в соответствии с мнением молочных заводов, считал, что таким образом они стали защищены от оспы. Несмотря на то что его "Двенадцать случаев" производят впечатление исследования, они не несут на себе следов обширного или критического исследования. При распространенных в то время общих прививках те, кто перенес коровью оспу, не считались защищенными (как те, кто переболел оспой), а "резались" с соседями - как, например, в случае xii. восемь нищих Тортворта, переболевших коровьей оспой. Однако Дженнер не потрудился собрать и изложить свидетельства других практикующих врачей из Глостершира, которые по долгу службы должны были знать о коровьей оспе не меньше его самого и могли бы привести десятки случаев наряду с десятком своих.

Ознакомившись с описанием оспы Дженнером, перейдем к его рассказу о ее происхождении.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ КОРОВЬЕЙ ОСПЫ В ЛОШАДИНОМ ГРИЗЕ.

Существует заболевание, которому часто подвержена лошадь в результате ее одомашнивания. Фарцовщики называли его "жировик". Это воспаление и припухлость в области пятки, сопровождающиеся в самом начале небольшими трещинами или расщелинами, из которых вытекает жидкая жидкость, обладающая свойствами особого рода. Эта жидкость, похоже, способна вызывать в человеческом организме болезнь (после того как она претерпит изменения, о которых я сейчас расскажу), которая имеет столь сильное сходство с оспой, что я считаю весьма вероятным, что она может быть источником этой болезни.

В этой молочной стране содержится огромное количество коров, а дойкой занимаются мужчины и служанки без разбора. Один из них, назначенный накладывать повязки на пятки лошади, пораженной болезнью, о которой я упоминал, и не уделяющий должного внимания чистоте, неосторожно принимает участие в доении коров, и некоторые частицы инфекционного вещества прилипают к его пальцам. В таких случаях часто случается, что болезнь передается коровам, а от коров - дояркам, и распространяется по ферме, пока большинство скота и домашних животных не почувствуют ее неприятные последствия. Эта болезнь получила название "коровья оспа".

Таким образом, болезнь продвигается от лошади (как я полагаю) к соскам коровы, а от коровы - к человеку". (С. 2 и 6.)

Эта концепция происхождения и развития болезни не была специально разработанной Дженнером: он разделял ее с фермерами, для которых она была в новинку.

Возникновение коровьей оспы в этой стране, возможно, не было очень отдаленным, поскольку раньше доением коров занимались только женщины, что, как я полагаю, происходит и сейчас в некоторых других молочных странах, и, следовательно, коровы не могли в прежние времена подвергаться воздействию заразных веществ, приносимых слугами-мужчинами с пяток лошадей. *Действительно, знание об источнике инфекции было новым для большинства фермеров в этом районе*, но в конце концов привело к хорошим последствиям; и кажется вероятным, исходя из мер предосторожности, которые они склонны принимать, что появление коровьей оспы здесь может либо полностью исчезнуть, либо стать чрезвычайно редким. (Р. 56.)

Таким образом, коровью оспу планировалось уничтожить, запретив дояркам обрабатывать жирные пятки лошадей. Дженнер сам пытался вывести коровью оспу описанным способом, но безуспешно.

Очень легко [писал он] добыть гной из старых язв на пятках лошадей. Я часто вставлял его в царапины, сделанные ланцетом на сосках коров, и не видел от него никаких других последствий, кроме простого воспаления". (Р. 45.)

Для успеха, заключает он, необходима жидкость из пятки лошади на ранней стадии болезни, и ее следует прикладывать к соскам коровы в определенное время года.

Вирус из пяток лошадей наиболее активен в начале болезни, еще до того, как он приобретает вид гноя; более того, я не уверен, не прекращается ли это свойство вещества полностью, как только оно выделяется в виде гноя. Меня склоняют к мысли, что оно

действительно прекращается, и что только тонкая темноватая жидкость, сочащаяся из вновь образовавшихся трещин на пятках, похожая на ту, что иногда появляется из эризипелатозных волдырей, дает начало болезни. Я также не уверен, что соски коров в любое время находятся в состоянии, позволяющем им принимать инфекцию. Появление болезни весной и в начале лета, когда они склонны к спонтанным высыпаниям гораздо чаще, чем в другие времена года, заставляет меня думать, что вирус от лошади должен попасть на них, когда они находятся в таком состоянии, чтобы произвести эффект. Однако эти вопросы должны выяснить эксперименты". (Р. 45.)

Таким образом, четко определив, что требуется для заражения коровы лошадь, Дженнер не смог получить коровью оспу из лошадиного жира. Ему пришлось написать

Весна 1797 года, которую я намеревался посвятить завершению этого исследования, из-за своей сухости оказалась на редкость неблагоприятной для моих желаний. Коровья оспа в окрестностях не появилась; ведь чаще всего случается, что, пока фермерские лошади находятся под холодными весенними дождями, их пятки становятся больными. (Р. 44.)

Однако, не имея доказательств, он утверждал, будто у него есть доказательства, говоря: "...

Что касается выдвинутого мнения, что источником инфекции является особая болезненная материя, возникающая в лошади, то, хотя я не смог доказать это фактическими экспериментами, проведенными непосредственно под моим наблюдением, все же приведенные мною доказательства кажутся достаточными, чтобы утверждать это". (Р. 43.)

Приведенных доказательств! Никаких доказательств не было. Возможно, фермеры и правы в своем мнении, что коровья оспа произошла от лошадиного жира, но мнение - не доказательство, и даже не такая уверенность, как у Дженнера...

Я не чувствую места для колебаний относительно общего происхождения болезни, будучи хорошо убежден, что она никогда не появляется среди коров, если их не доил кто-то, кто в то же время ухаживал за лошадь, пораженной больными пятками". (Р. 44.)

Но даже этого убеждения он не придерживался. "Весьма вероятно, - считал он, - что не только пятки лошади, но и другие части тела этого животного способны вырабатывать вирус, который вызывает коровью оспу".

Обширное воспаление эризипелатозного типа появилось без видимых причин на верхней части бедра жеребенка-сосунка, принадлежащего мистеру Миллету, фермеру из Рокхэмптона, воспаление продолжалось несколько недель и в конце концов закончилось образованием трех или четырех небольших абсцессов. Воспаленные участки разжигали, а повязки накладывали те же люди, которые занимались доением коров. Доилось 24 коровы, и все они были больны коровьей оспой. Доярки, состоявшие из жены фермера, мужчины и служанки, были заражены от коров. Мужчина-слуга ранее перенес оспу и почти не почувствовал коровьей оспы. Служанка за несколько лет до этого была заражена коровьей оспой, и сейчас она также чувствовала ее в легкой степени. А вот жена фермера, которая никогда не болела ни оспой, ни коровьей оспой, ощущала ее последствия очень сильно.

В том, что болезнь, вызванная у коров жеребенком и переданная затем тем, кто их доил, была *настоящей*, а не *поддельной* коровьей оспой, едва ли можно сомневаться; однако было бы более удовлетворительно, если бы последствия вариоли [прививки оспы] были подтверждены на жене фермера; но в ее положении была одна особенность, которая помешала мне провести эксперимент. (Р. 62.)

Поддельная оспа! Что же это была за оспа? Вот ответ Дженнера.

На сосках коров часто спонтанно появляются гнойничковые язвы; случалось, хотя и очень редко, что руки слуг, занятых на дойке, поражались язвами, и они даже чувствовали недомогание от всасывания. Эти пустулы имеют гораздо более мягкую природу, чем те, которые возникают в результате заражения, составляющего истинную коровью оспу. Они всегда не имеют синеватого или синюшного оттенка, который так заметен в пустулах этой болезни. *Они не сопровождаются эризипелазом*, не проявляют фагеденического нрава, как в другом случае, а быстро заканчиваются струпом, не вызывая никаких видимых расстройств у коровы. Эта жалоба появляется в разное время года, но чаще всего весной, когда коров впервые снимают с зимнего рациона и кормят травой. Она также может появиться, когда корова сосет молодняк. *Но эту болезнь не следует рассматривать как схожую в каком-либо отношении с той, о которой я рассказываю*, поскольку она не способна оказывать какое-либо специфическое воздействие на человеческую конституцию. Однако крайне важно указать на нее здесь, чтобы из-за недостаточной дискриминации не возникло представление о безопасности от заражения оспой, которое может оказаться обманчивым. (С. 7 и 8.)

Ничто не может быть более ясным. Коровья оспа была двух видов - истинная и ложная. Истинная представляла собой гнойничковые язвы, которые спонтанно появлялись на сосках коров, и была бесполезна против оспы: Истинная коровья оспа, с другой стороны, была болезнью не коровы, а лошади, передававшейся корове.

Очень важно помнить об этом различии; ведь если его не помнить, многое из того, что предстоит рассказать, покажется запутанным или непонятным. Как мы уже видели, доярки верили, что если они переболеют коровьей оспой, то никогда после этого не заразятся оспой. Медики, практикующие в Глостершире, высмеивали веру доярок. Они сказали.

"Мы знаем, что это вера доярок, но она ошибочна; ведь мы знаем доярок, которые переболели коровьей оспой, а потом заболели оспой, несмотря на коровью оспу".

В этот момент вмешался Дженнер, сказав.

"Давайте различать. Высыпания, полученные при доении, молочники без разбора называют коровьей оспой; но есть высыпания, сопровождающиеся эризипелазом и лихорадкой, которые обладают всеми теми достоинствами, которые они на них возлагают. Эта разновидность высыпаний возникает не на корове, а передается ей от лошади. Таким образом, доярки и правы, и неправы. Они правы, когда оспа, которой они заражаются, происходит от лошади через корову: они не правы, когда оспа, которой они заражаются, происходит от коровы без лошади. Короче говоря, собственно коровья оспа бесполезна против оспы. Именно конская оспа обладает суверенной и непогрешимой силой. Любая девица, которая вводит в свои вены коровью оспу, как она считает, навсегда защищена от заражения оспой".

Поэтому давайте помнить, что Дженнер прописал не коровью оспу, а коровью оспу с лошадиным жиром. На этом следует настаивать, поскольку, как мы увидим, этот момент был упущен из виду и не учитывался, что привело к полному запутыванию вопроса.

Теперь мы переходим к случаям конской оспы Дженнера - ведь не только фермеры считались защищенными от оспы из-за коровьей оспы, но и кузнецы - из-за заражения конской оспой.

XIII.- Томас Пирс, сын кузнеца.

Вследствие того, что в детстве он одевал лошадей с больными пятками у своего отца, у него появились язвы на пальцах, которые нагноились и вызвали довольно сильное недомогание. Через шесть лет после этого Дженнер неоднократно прививал ему оспу, но это привело лишь к небольшому воспалению, и он подвергся заражению оспой без всякого эффекта.

По поводу этого случая Дженнер заметил

Это замечательный и хорошо известный многим факт, что наши попытки передать оспу путем прививки кузнецам, которые в стране являются фарцовщиками, часто оказываются безуспешными. Они часто, как в приведенном выше случае, либо полностью сопротивляются заражению, либо заболевают аномальным образом. Не сможем ли мы теперь объяснить это по рациональному принципу?

XIV.- Джеймс Коул, фермер.

Был заражен конским гриппом так же, как и Пирс. Через несколько лет после этого ему была сделана прививка от оспы, но на лбу появилось лишь несколько высыпаний, которые прошли без созревания.

XV.- Авраам Риддифорд, фермер.

Был поражен очень болезненными язвами на обеих руках, опухолью в подмышечных впадинах, а также тяжелым общим недомоганием, вызванным тем, что одевал кобылу, у которой болели пятки. Его осмотрел хирург, который, заметив сходство язв на его руках с язвами от коровьей оспы и зная о влиянии коровьей оспы на человеческую конституцию, заверил его, что он никогда не должен бояться оспы; но через двадцать лет после этого он заразился этой болезнью, которая протекала своим обычным чередом".

Из этих случаев Дженнер сделал следующий вывод.

Хотя поглощение материи из язв на пятках лошадей обеспечивает или почти обеспечивает защиту системы от вариолитной инфекции, все же возможно, что на это нельзя полностью полагаться, пока болезнь не будет вызвана болезнетворной материей лошади на соске коровы и не перейдет через эту среду к человеку.

Этот вывод он повторил следующим образом.

Активность вируса из пяток лошади значительно возрастает после того, как он подействует на соски коровы; так как редко случается, чтобы лошадь поразила язвами своего комода, и так же редко доярка избегает инфекции, когда доит зараженных коров (стр. 45).

От этого вывода Дженнер в последующий период отказался. Вирус лошади был использован для прививок без передачи через корову, и результаты были столь же удовлетворительными. Как мы увидим, Дженнер использовал и распространял вирус лошади, который он сертифицировал как "истинную и подлинную жидкость, сохраняющую жизнь".

До сих пор описанные случаи были не более чем обычным опытом Глостершира; но теперь мы переходим к земле, которая считается специфически дженнеровской.

XVI.- Сара Нельмс, доярка.

В 1796 году она заразилась коровьей оспой, получив вирус на части руки, поцарапанной колючкой. От большой гнойной болячки на руке Сары Дженнер 14 мая сделал прививку.

XVII.- Джеймсу Фиппсу, восьми лет.

Дженнер сказал: "Чтобы точнее наблюдать за развитием инфекции, я выбрал здорового мальчика лет восьми для прививки коровьей оспы". Вещество вводилось в руку двумя надрезами, едва проникающими через порез, каждый длиной около полудюйма. Прививка "пошла", после чего последовали озноб, потеря аппетита, головная боль и беспокойный сон. 1 июля бедному мальчику сделали прививку от оспы, и еще раз через несколько месяцев после этого, как говорят, безрезультатно.

На этом [пишет Дженнер] мои исследования прервались до весны 1798 года, когда из-за сырости в начале сезона многие фермерские лошади заболели болезнью пяток, в результате чего среди нескольких наших молочных ферм вспыхнула коровья оспа, что дало мне возможность провести дальнейшие наблюдения над этой любопытной болезнью.

Примерно в конце февраля 1798 года Уильям Хейнс и Томас Виргоу, которым пришлось мыть кобылу с больными пятками, заразились жиром и описали свои ощущения как почти такие же, как при прививке оспы. Их заражение доказало, что если против оспы хорошо помогает смазка, то против оспы не помогает смазка. Хейнс работал дояром, и оспа вспыхнула среди коров его хозяина примерно через десять дней после того, как он впервые помог вымыть пятки кобылам.

XVIII.- Джон Бейкер, пять лет.

Прививка сделана 16 марта 1798 года веществом, взятым из гнойника на руке вышеупомянутого Томаса Вирго, отравленного жиром с пяток кобылы. "Он заболел на шестой день с симптомами, похожими на те, что вызывает коровья оспа, а на восьмой был свободен от недомогания".

По поводу этого случая прививки лошадиным жиром Дженнер заметил

Мы видели, что на вирус, полученный от лошади, нельзя полагаться как на средство, предохраняющее систему от вариолитной инфекции, но что вещество, полученное от него на соске коровы, совершенно безопасно. Будет ли вирус, передающийся от лошади через человеческую конституцию, как в данном случае, производить аналогичный эффект, еще предстоит решить. Так бы и произошло, но мальчик оказался непригоден для прививки оспы, так как вскоре после этого эксперимента почувствовал на себе последствия заразной лихорадки в рабочем цехе.

Отметьте предположение: *"На вирус, полученный от лошади, нельзя полагаться как на средство, предохраняющее систему от вариолитной инфекции, но вещество, полученное от него на сосках коровы, совершенно безопасно!"* Таков был метод индукции Дженнера! Как он мог оставить вопрос нерешенным? Почему бы не подождать, пока малыш Бейкер оправится от лихорадки? Или почему бы не сделать прививку лошадиным жиром другому ребенку из рабочего дома? Настоящие сыны науки не бросаются в печать в таком бесстыдном отчаянии.

XIX.- Уильям Саммерс, пять с половиной лет.

Прививка сделана 16 марта 1798 года из соска одной из коров, зараженных лошадиным жиром Хейнсом. Впоследствии безрезультатно привита от оспы.

XX.- Уильям Пид, 8 лет.

Заразился 28 марта от Саммерса. Впоследствии привита от оспы без эффекта.

XXI.- Ханна Экселл, семь лет.

Несколько детей и взрослых были привиты от руки Пиды 5 апреля. "Большая часть из них заболела на шестой день и выздоровела на седьмой; но у троих из этого числа возникло вторичное недомогание вследствие обширного эризипелатозного воспаления, появившегося на привитых руках. При нанесении на воспаленные участки ртутной мази (лечение, рекомендованное при аналогичных обстоятельствах при привитой оспе) жалобы утихли, не доставив особых хлопот".

Экселлу сделали прививку в трех местах на руке. "Это, - говорит Дженнер, - было сделано не намеренно, а от случайного прикосновения ланцета, причем *одного прокола всегда было достаточно*". Образовавшиеся пустулы настолько напоминали пустулы, возникающие при прививке оспы, "что опытный прививальщик едва ли обнаружил бы хоть тень различия".

XXII.- Четверо детей.

12 апреля вирус был взят у Ханны Экселл и вложен в руки...

Роберт Ф. Дженнер, в возрасте 11 месяцев,

Джона Марклова, " 18 "

Мэри Пид, "5 лет,

Мэри Джеймс, " 6 "

Р. Ф. Дженнер не "принял". Руки остальных воспалились, и Дженнер, опасаясь эризипелаза, как и в предыдущих случаях, применил к Марклову и Джеймсу прижигание из мыла и негашеной извести, "которое, - говорит он, - эффективно выполнило мое намерение по предотвращению эризипелаза". У Пиды болезнь протекала своим чередом, и эризипелас не появился.

XXIII.- Джон Бардж, семь лет.

Был привит от Мэри Пид, и успешно. Впоследствии был безрезультатно привит от оспы.

"Эти эксперименты, - говорит Дженнер, - доставили мне большое удовольствие; они доказали, что вещество, переходя от одного человека к другому через пять градаций, не потеряло ни одного из своих первоначальных свойств; Джон Бардж был пятым, получившим инфекцию последовательно от Вма Саммерса, мальчика, которому она была передана от коровы".

Это случаи Дженнера. В них мы имеем его "шедевр медицинской индукции" - плод тридцати лет непрерывных размышлений, наблюдений и экспериментов! Давайте внимательно проследим за датами. До 1796 года, когда он оперировал Фиппса, он ни разу не проводил эксперимент по прививанию коровьей оспы лошадиным жиром; и только в середине марта

1798 года, за несколько недель до выхода в печать "Расследования", он повторил эксперимент; и хотя его последующие случаи были осложнены эризипелазом, он не остался, чтобы устранить трудности и тревогу, вызванные этим. Он собрал свою партию случаев, словно по какому-то властному принуждению, и представил на суд публики грубую и неполную картину. Постепенно о поспешном представлении стали говорить как о результате тридцати лет непрерывных размышлений, терпеливых исследований и неустанного труда. Нет необходимости спорить по этому поводу. Хотя для легковерия тех, кто склонен верить, нет ничего слишком великого, факты есть факты, и есть каменная стена расследования с его достоверными подробностями, о которую можно расколоть черепа романтиков. В истории Дженнера, пересказанной вульгарным людям, мы имеем преимущество наблюдать развитие мифа в свете нашей эпохи, под нашими собственными глазами.

Возьмем, к примеру, расследование Дженнера: что это было? Предложение заменить коровью оспу на оспу при прививках. Вот и все. За этим не было никакой новизны. Некоторые приписывают Дженнеру инициативу переноса вируса с руки на руку; но в этом отношении он следовал примеру многих вариоляторов. В Лондоне периодически встречалась легкая форма оспы, называемая "жемчужной оспой", и доктор Адамс и другие поддерживали ее передачу от пациента к пациенту; вирус из тела здорового ребенка, перенесшего оспу, постоянно требовался робким людям, которые полагали, что таким образом вирулентность первоначальной инфекции может быть ослаблена при передаче.

Вот и все о данных Дженнера. Теперь пару слов о догадках, которые вкладывались в его рецепт.

Он считал, что некоторые болезни, от которых страдают люди, происходят от приручения ими животных и что, таким образом, несколько болезней могут иметь общее происхождение. "Например, - спрашивал он, - трудно ли представить, что корь, скарлатина и язвенная ангина с пятнистой кожей произошли из одного источника?"

Насчет воображения трудностей быть не может: трудность заключалась в представлении доказательств того, что любая болезнь человека произошла от болезни животных, и что болезнь, полученная таким образом, проявлялась по-разному. Дженнер хотел, чтобы считалось, что разновидность коровьей оспы происходит от лошадиного жира, а коровья оспа является источником оспы. Однако он не привел никаких доказательств того, что вспышки оспы связаны с коровьей оспой; он также никогда не предполагал, что доярки заражаются оспой от коров, а кузнецы - от лошадей. Он отождествлял коровью оспу с оспой по сходству их пустул, и на основании этого сходства утверждал эквивалентность этих болезней. Так, описывая свою первую прививку от коровьей оспы, сделанную Фиппсу 14 мая 1796 года от руки Сары Нельмс, он писал

Внешний вид надрезов при их переходе в состояние созревания был во многом таким же, как при аналогичном воздействии вариолитическим веществом. Этот вид был в значительной степени новым для меня, и я навсегда запомню приятные ощущения, которые он вызвал; поскольку, судя по его сходству с пустулой, образующейся при вариолитной прививке, он неопровержимо указывал на тесную связь между этими двумя заболеваниями и почти предвосхищал результат моих будущих экспериментов. (Р. 30.)

Сходство пустул при коровьей оспе и оспе *неопровержимо указывало* на тесную связь между этими двумя заболеваниями! Это наблюдение и вывод заслуживают внимания, поскольку характерны для свободного и нелогичного ума Дженнера. Он был знаком с тартаровым эметиком и мог заметить, что от него на коже образуются пустулы, точно такие же, как при коровьей оспе и оспе; так разве справедливо было бы утверждать, что пустулы одинаковы, а их причины неопровержимо идентичны? Доктор Хамерник из Праги замечает: "Несколько лет назад была выдвинута теория о том, что пустулы одинаковы.

Несколько лет назад под эгидой великого алхимика Гуфеланда была выдвинута теория, согласно которой вакцинация от пустул татарским эметиком является прекрасной заменой вакцинации коровьей оспой и имеет тот же благотворный эффект. С этим я полностью согласен; и далее я отмечаю, что если на коровах и телятах образуются пустулы, вызванные тартарным эметиком, и затем из них берется вакцина, то такая вакцинация также совершенно безвредна. Самым убедительным доказательством благотворного и идентичного действия такой вакцинации с вакцинацией против коровьей оспы служит тот факт, что при ней образуются пустулы, сходные по размеру и форме, следовательно, обязательно одинаковые по значению.^[99]

Отождествив коровью оспу с оспой по причине сходства пустул, он далее утверждал, что такая коровья оспа эквивалентна оспе для прививок и сопровождается такой же профилактикой, говоря: "Что делает коровью оспу коровьей оспой?

Что делает вирус коровьей оспы столь необычным, так это то, что человек, пораженный им, навсегда защищен от заражения оспой; ни контакт с выделениями вируса, ни введение вещества в кожу не вызывают этой болезни". (Р. 7.)

Любопытно также заметить, что вирус, который, в отношении его воздействия, является неопределенным и неопределенным до его перехода от лошади через среду коровы, должен затем не только стать более активным, но должен неизменно и полностью обладать теми специфическими свойствами, которые вызывают в человеческой конституции симптомы, подобные симптомам вариолитной лихорадки, и вызывают в ней те особые изменения, *которые навсегда* делают ее невосприимчивой к вариолитной инфекции. (Р. 48.)

И так далее. Уверенность была абсолютной, а основанием для нее служили приведенные случаи и сходство пустул коровьей оспы и пустул коровьей оспы! Но если пустулы были похожи, то эффекты не были похожи. Прививка оспы вызывала оспу, легкую или иную, с пустулами, немногочисленными или многочисленными; но при прививке коровьей оспы не было никаких высыпаний за пределами мест разрезов.

Именно избытка пустул мы больше всего боимся при оспе; но при коровьей оспе пустулы не появляются, и не представляется возможным, чтобы заразное вещество производило болезнь из выделений; так что один человек в семье может в любое время получить ее без риска заразить остальных или распространить болезнь, которая наполняет страну ужасом". (Р. 58.)

Очень хорошо; но где мы находимся? Если сходство пустул доказывает идентичность оспы и коровьей оспы, то что доказывают эти более серьезные различия между болезнями? То, что столь очевидное возражение никогда не должно было прийти в голову Дженнеру, говорит о степени его логических способностей.

В ожиданиях Дженнера от выпуска "Расследования" не было ничего пророческого, о чем пишут его восторженные биографы. Достаточно пролистать его страницы и отметить даты,

чтобы понять невозможность видения 1780 года, описанного бароном , когда Дженнер демонстрировал Гарднеру свою будущую славу и то, как ему суждено стоять, подобно Аарону, между живыми и мертвыми, пока чума не будет остановлена. Увы, сколько подобных басен мы можем придумать, потому что средства обнаружения, как в случае с Дженнером, недоступны.

Когда Дженнер писал книгу, английский народ был привержен прививке оспы, или, точнее, культуре оспы, и именно в конкуренции с оспой он предложил коровью оспу. "Если его спрашивали, - говорил он, - является ли его исследование предметом простого любопытства или же оно направлено на достижение какой-либо полезной цели, он отвечал, излагая недостатки существующей практики и противопоставляя их преимуществам своей собственной.

Несмотря на счастливые последствия прививки, со всеми улучшениями, которые эта практика получила с момента ее первого введения в этой стране, она нередко приводит к деформации кожи, а иногда, при самом лучшем управлении, оказывается смертельной". (Р. 57.)

Напротив, он сказал.

Я никогда не знал смертельных последствий от коровьей оспы, даже когда она поражала кожу самым неблагоприятным образом, вызывая обширные воспаления и нагноения на руках; и поскольку ясно видно, что эта болезнь оставляет конституцию в состоянии полной безопасности от заражения оспой, не можем ли мы сделать вывод, что способ прививки может быть введен предпочтительнее, чем принятый в настоящее время, особенно среди тех семей, которые, судя по предыдущим обстоятельствам, могут быть предрасположены к неблагоприятному развитию этой болезни?

Инокуляция свободно обвинялась в возбуждении золотухи; так, Дженнер заметил

При конституции, предрасположенной к золотухе, как часто мы видим, как привитая оспа вызывает активность этой болезненной болезни; и вопрос, кажется, не зависит от способа прививки, поскольку это так же часто происходит у тех, кто получает ее в легкой форме, как и у тех, кто получает ее в тяжелой форме". (Р. 60.)

К счастью, ему хватило милости воздержаться от прямого утверждения, что коровья оспа не подвержена подобной опасности; тем не менее, с характерной непоследовательностью он был склонен выдвинуть претензию на нее как на изгоняющий раздражитель.

Поскольку мы видели [хотя он так и не показал], что конституция может в любое время почувствовать лихорадочный приступ коровьей оспы, не может ли она, при многих хронических заболеваниях, быть введена в систему, с вероятностью получения облегчения, на основе известных физиологических принципов? (Р. 60.)

Читатель "Расследования" в 1798 году никогда не мог предположить, что это была попытка вытеснить существующую практику прививок. Также нет никаких признаков того, что Дженнер в то время предполагал подобный вопрос. Он с уважением отнесся к вариолитической прививке и с удовлетворением предположил, что в некоторых случаях прививка коровьей оспы может быть с успехом заменена. Что касается постоянного существования коровьей оспы, то он сомневается в этом. Поскольку, по его словам, фермеры отнесли инфекцию к лошади, "появление коровьей оспы может либо полностью исчезнуть,

либо стать крайне редким". На это можно ответить, что такое поведение Дженнера было вызвано сдержанностью и тактом, но сдержанность и такт остались незамеченными. Исследование было просто тем, чем оно кажется - поспешным выступлением, которое в других руках развилось в нечто большее, гораздо большее, чем предполагал его автор. Впоследствии он, а за ним и его друзья, заявляли о годах исследований под влиянием сверхъестественного предвидения; но, когда перед нами расследование, я спрашиваю, где доказательства? Я принимаю дату 14 мая 1796 года, когда Дженнер сделал прививку Фиппсу от руки Сары Нельмс, как время, когда проект прививки коровьей оспы начал обретать форму, и утверждаю, что характер, порядок и даты случаев, изложенных в расследовании, ясно показывают, что они были собраны вместе, чтобы поддержать заключение, к которому тогда пришли. Когда мистер Джон Саймон говорит о тридцати годах непрерывных размышлений, наблюдений и экспериментов Дженнера, которые привели к созданию этого шедевра медицинской индукции - "Расследования", ответ таков: ознакомьтесь с "Расследованием", а затем скажите, где можно найти плоды тридцатилетнего труда. Утверждение слишком абсурдно для обсуждения, каким бы оно ни было в качестве предмета веры.

Единственным оригинальным моментом в исследовании было определение болезни, в отношении которой утверждалась профилактическая эффективность. Доярки говорили "коровья оспа", кузнецы - "лошадиная оспа". Дженнер не сказал ни "коровья оспа", ни "лошадиная оспа", но их сочетание в "лошадиной оспе", и только эта разновидность оспы обеспечивала пожизненную защиту от оспы. По ходу дела мы увидим, как эта позиция сдавалась и восстанавливалась, изменялась и путалась до неузнаваемости. Сейчас же достаточно, чтобы сказать, что примечанием к исследованию Дженнера была конская оспа и ничего больше. Вычеркните лошадиную оспу, и дело будет сведено к нулю.

ВАРИОЛОГИЧЕСКИЙ ТЕСТ.

То, что было названо вариолиновым тестом, замечательно сработало для Дженнера; поскольку нам придется неоднократно обращаться к нему, возможно, будет хорошо описать и избавиться от него сразу.

Мы уже видели, как этот тест применялся в случаях, описанных в расследовании. Тем, кто перенес коровью оспу, делали прививку оспы, и поскольку оспа не "прижилась", считалось, что они защищены от этой болезни. Отсюда следует абсолютный вывод, провозглашенный *Urbi et Orbi*, что никто из привитых коровьей оспой не может впоследствии заразиться оспой.

На это Дженнер ответил, что некоторые люди, страдавшие от коровьей оспы, заразились оспой, а другие получили болезнь в результате прививки: "Должно быть, произошла какая-то ошибка с коровьей оспой; ведь никто не может заболеть настоящей коровьей оспой и впоследствии заболеть оспой, ни в результате инфекции, ни в результате прививки".

Коровья оспа прививалась и распространялась от руки к руке; в доказательство того, что конституция была укреплена против оспы, было принято прививать оспу, которая обычно не "принималась"; тогда оператор восклицал: "Вот! Пациент невосприимчив к оспе *навечно!*"

Таков был "Вариольный тест". Для многих людей он был абсолютно убедительным, и сомневаться в его действенности означало проявлять спорные и нефилософские наклонности.

Что же мы теперь скажем о нем?

Во-первых, что при вариолитической прививке, помимо вакцинации, было много неудач, и что не предполагалось, что если пациент не "принимает", то он, следовательно, невосприимчив к оспе; и даже если он "принимает", то тем самым он становится защищенным от оспы. Так много успешно привитых впоследствии стали жертвами оспы, что вариоляторы в конце прошлого века были вынуждены утверждать (как вакцинаторы в конце нынешнего), что вариоляция - это защита, но не абсолютная защита; и что если она не предотвращает оспу полностью, то модифицирует и смягчает нападение. Оправдание неудачи было столь же хитроумным, как и побудительный мотив: Вариоляция была слишком хорошим ремеслом, чтобы подвергать его опасности из-за недостатка изобретательности.

Тем не менее, если мы сделаем полную поправку на частую неспособность к вариоляции, нам еще предстоит объяснить, при честном взгляде на все доказательства, как получилось, что в многочисленных случаях прививка от оспы оказалась неэффективной после прививки от коровьей оспы.

"Что вы можете возразить против вариолитического теста?" - было частым и настойчивым требованием.

Объяснение, как правило, заключалось в том, что вариоляция была предпринята до полного спада лихорадки, вызванной вакциной. Прививка коровьей оспы вызвала серьезное нарушение конституции, и во время этого нарушения вирус оспы не мог развить свою вредоносную энергию. Позвольте мне показать, что я имею в виду, на примере свидетельства самого Дженнера.

15 марта 1800 года герцог Йоркский попросил Дженнера отправиться в Колчестер в 85-й полк. Дженнер не смог поехать и отправил вместо себя своего племянника, Джорджа, который должен был сообщить о полном провале. Причина неудачи заключалась в том, что весь полк, включая женщин и детей, заболел чесоткой! Тогда Дженнер пришел к выводу, который, по словам Барона, "он принял и неизменно придерживался до последнего часа своей жизни, а именно: любое кожное заболевание, каким бы незначительным оно ни было, способно помешать регулярному течению коровьей оспы и не дать ей оказать свое полное защитное действие".^[100]

Именно так: и обратите внимание, как та же логика применима к вариоловому тесту, который "никто не мог преодолеть". Если любое кожное заболевание, каким бы незначительным оно ни было, может свести на нет коровью оспу, разве не столь же вероятно, что кожное заболевание, вызванное привитой коровьей оспой, может свести на нет привитую оспу, пока эффект коровьей оспы не успеет ослабнуть? Когда чесотка в Колчестере была излечена, стало ясно, что прививка коровьей оспы вполне осуществима. Таким образом, вариолитический тест по собственному принципу Дженнера оказался бесполезным; однако, имея под глазами и в пальцах такие доказательства, он не смог понять их значение. Он также не поинтересовался, сохраняется ли влияние коровьей оспы в течение определенных периодов - шести месяцев, девяти месяцев, одного года, двух лет и так далее. Как торговца и искателя приключений, его больше устраивало быть не слишком любознательным и смело заявлять, что его специфический препарат дает пожизненный иммунитет от оспы.

Сегодня вакцинаторы редко ссылаются на некогда знаменитый вариологический тест: делать это было бы абсурдно. Факт повторной вакцинации, вакцинации после вакцинации через короткие промежутки времени доказывает, что каким бы ни было влияние операции, оно преходящее, а не постоянное; а случаи оспы после вакцинации и оспы в самых злокачественных формах после ревакцинации, как будто вызванные этим, оставляют

Вариольный тест, который так широко впечатлил и навязал нашим предкам, взорванным куском плутовства.

ССЫЛКИ:

[98] Такими своевременными средствами были растворы сульфата цинка или сульфата меди - подсказка для тех, кто ищет противоядия от вакцинации.

[99] Замечания по некоторым медицинским принципам. Лондон, 1882.

[100] Baron's Life of Jenner, vol. i. p. 380.

ГЛАВА III.

ДЖЕННЕР В 1798 ГОДУ.

Дженнер с женой и дочерью уехал из Беркли в Лондон 24 апреля 1798 года, чтобы ознакомиться с результатами расследования в прессе. Он оставался в Лондоне до 14 июля, и ему не удалось, если он и пытался, убедить кого-либо из прививальщиков заменить коровью оспу на оспу. В легенде о Дженнере обычно можно найти несколько трогательных замечаний об этой поездке в город: гений непризнан, истина отвернулась от всех дверей, великая душа пребывает в терпении и мужестве, непобедимом. Даты, однако, снова безжалостны. Книга "The Inquiry" попала в руки книготорговцев только в конце июня, и уже через две недели после публикации Дженнер был на пути в Беркли. Повода для указанных достоинств не было.

Среди знакомых Дженнера был Генри Клайн, преподаватель хирургии в больнице Святого Томаса; у Клайна он оставил вирус в перьевой ручке, которую взял из руки Ханны Экселл в Беркли 5 апреля. У Клайна был пациент, ребенок по имени Ричард Уэллер, с поражением тазобедренного сустава, и, намереваясь создать проблему путем противодействия раздражению, он сделал прививку бедра вирусом Экселла и так описал эксперимент в письме Дженнеру.

Линкольнс-Инн Филдс, 2 августа 1798 года.

Эксперимент с коровьей оспой прошел великолепно. Ребенок заболел на седьмой день; лихорадка, которая была умеренной, спала на одиннадцатый день. Воспаление достигло примерно четырех дюймов в диаметре, а затем постепенно сошло на нет, не сопровождаясь болью или другими неудобствами. Язва была не настолько велика, чтобы вместить горошину; поэтому я не превратил ее в проблему, как намеревался. После этого я сделал ему прививку оспы в трех местах, которые на третий день слегка воспалились, а затем сошли на нет.

Доктор Листер, бывший врач оспенной больницы, присутствовал при этом вместе со мной, и он убежден, что прививать ему оспу нельзя.

Я думаю, что замена яда коровьей оспы на оспу обещает стать одним из величайших усовершенствований, когда-либо сделанных в медицине; ведь он не только безопасен сам по себе, но и не подвергает опасности других, заражая их, чем оспа причиняла бесконечное зло. Чем больше я размышляю на эту тему, тем больше убеждаюсь в ее важности".

Затем Клайн попытался сделать прививку с помощью вируса, взятого из бедра Веллера, но потерпел неудачу. Он написал Дженнеру.

Линкольнс-Инн Филдс, 18 августа 1798 года.

Прошло семь дней с тех пор, как я сделал прививку коровьей оспы трем детям, и я с огорчением обнаружил, что заражение не произошло, и боюсь, что буду полностью разочарован, если вы не сумеете прислать мне свежий материал. Думаю, его можно было бы прислать в письме пером или вложить в кусочек оловянной фольги".

Дженнер не смог выполнить просьбу Клайна: у него не было коровьей оспы для передачи, и читатели "Инквизиции", которые обращались к нему с подобными просьбами, были вынуждены столкнуться с подобными разочарованиями, в связи с чем, естественно, возникли некоторые подозрения. Рекомендация средства, которого не было в наличии, не способствовала доверию.

Барон рассказывает, что "мистер Клайн, сразу поняв по успеху первого испытания, какие неисчислимы блага связаны с распространением новой практики, немедленно посоветовал Дженнеру уехать из страны, снять дом на Гросвенор-сквер и пообещал ему 10 000 фунтов в год в качестве результата его практики; в этом мнении мистера Клайна поддержал сэр У. Фаркухар; но все эти великолепные перспективы богатства и отличия не смогли сдвинуть Дженнера с места".^[101]

Эта история либо является выдумкой, либо не оправдывает суждений Клайна. У Дженнера не было ни средств на дом на Гросвенор-сквер, ни вероятности того, что он заработает 10 000 фунтов стерлингов в год на коровьей оспе. Тем не менее, похоже, что в этот момент кто-то посоветовал ему попробовать себя в Лондоне (тщеславие никогда не бывает без суфлера), на что Дженнер ответил

Челтнем, 29 сентября.

Мое недоумение действительно равносильно волнению. С одной стороны, не желая самому ехать в город ради практики, а с другой - опасаясь, что рекомендованная мною практика может попасть в руки тех, кто не способен ее вести, я впал в состояние, которое вначале не воспринималось как могущее случиться со мной; ибо, поверьте, я не бездушный ко всем чувствам тех ран, которые от искажения информации могут обрушиться на мою репутацию; напротив, никакие нервы не могли бы чувствовать острее; и сейчас они действительно трепещут от предвкушения.

Как мало тех, кто способен проводить физиологические эксперименты! Я опасаюсь, что, прежде чем мы досконально разберемся, что является веществом коровьей оспы, а что нет, может возникнуть некоторая путаница, за которую меня несправедливо заставят отвечать".^[102]

Если бы его корреспондент был человеком здравомыслящим, он мог бы ответить: "Зачем столько шума из-за пустяков?"

Зачем так много шума из-за пустяков! Вы рекомендуете заменять коровью оспу лошадиным жиром в случаях прививки. Это простое предписание, которое легко определить совершенно независимо от вас, и нет никакой причины, почему вы должны так волноваться".

Но Дженнер не был бесстрастным человеком науки, который может предоставить истине заботиться о себе самой и покориться, когда истина противоречит его предрассудкам. Доктор Ингенхауз, англаизированный голландец (родился в Бреде в 1730 году), известный как электрик и химик, прочитал "Дознание" с немалым изумлением. Сам он был прививочным врачом, выбранным императрицей Марией Терезой для работы с императорской семьей Австрии, и был вознагражден ею (по примеру Катарины Российской и Димсдейла) пенсией в 600 фунтов стерлингов в год и титулами аульского советника и императорского врача. Естественно, что Ингенхауз проявил живой интерес к проекту Дженнера и, будучи в гостях у маркиза Лансдауна в его резиденции в Уилтшире, обратился к нему со следующими словами

Бовуд Парк, 12 октября 1798 года.

Как только я прибыл в Бовуд, я счел своим долгом поинтересоваться необычными доктринами, содержащимися в вашей публикации, поскольку знал, что коровья оспа хорошо известна в этом графстве.

Первым джентльменом, к которому я обратился, был мистер Алсоп, выдающийся врач в Калне, который познакомил меня с мистером Генри Стайлзом, уважаемым фермером в Уитли, который тридцать лет назад купил на ярмарке корову, которая, как он обнаружил, была заражена тем, что он называл коровьей оспой. Эта корова вскоре заразила весь молочный цех, и он сам, доя зараженную корову, подхватил описанную вами болезнь, причем в очень тяжелой форме, сопровождавшейся болью, скованностью и опуханием подмышечных желез. Когда он оправился от болезни и все язвы высохли, мистер Алсоп сделал ему прививку от оспы. Болезнь прошла, вышло множество оспин, и он передал инфекцию своему отцу, который от нее умер.

Этот неопровержимый факт не может не произвести определенного впечатления на ваш разум и побудить вас к дальнейшему изучению вопроса, прежде чем вы решитесь принять окончательное решение в пользу доктрины, которая может принести большие беды, если окажется ошибочной.

Впечатление, произведенное на Дженнера, было просто раздражающим. Он снова стал утверждать, что все - это не коровья оспа, которую принимали за коровью, и что фермер Стайлз не мог быть болен настоящей смутой, иначе он не получил бы оспу путем прививки. Ему даже не пришло в голову, что необходимо исследовать и учесть доказательства, представленные Ингенхаузом, которые были ничуть не менее вескими, чем его собственные. Он довольствовался протестом.

В ходе моего расследования не было ни одного случая, чтобы кто-нибудь из заболевших, случайно или в результате прививки, при последующем контакте с вариолитной инфекцией заразился оспой. Если в данном случае окажется, что меня ввели в заблуждение, то, как бы я ни относился к потомству своих трудов, я скорее задушу его сразу, чем позволю ему существовать и нанесу общественный вред. В настоящее время у меня нет ни малейших сомнений в том, что человек, однажды испытавший на себе влияние совершенной коровьей оспы, будет когда-нибудь восприимчив к оспе.

Можно ли сделать универсальный вывод из более сомнительных предпосылок? И это говорит человек, который только что воскликнул: "Как мало тех, кто способен проводить физиологические эксперименты!" Всегда, как мы увидим, неблагоприятный к тем, кто подвергал сомнению его утверждения, Дженнер написал своему другу Гарднеру.

Этот человек, Ингенхауз, знает о реальной природе коровьей оспы не больше, чем мастер Селвин о греческом языке: однако среди философов он такой же, каким был Джонсон среди литераторов, и, кстати, не отличается от него по фигуре...

На самом же деле его спровоцировало то, что Ингенхауз слишком много знал о коровьей оспе и с самого начала заложил палец в точку ошибки. В результате расследования Ингенхауза выяснилось еще несколько случаев оспы после коровьей оспы; а доктор Пултней из Блэндфорда сообщил, что дорсетширские прививальщики были знакомы с одним видом оспы после другого. На подобные возражения Дженнер неизменно отвечал: "Да, но это не могла быть настоящая коровья оспа, с которой все началось", - и этот стиль аргументации сохранялся с упорством попугая, когда оспа последовала за вакцинацией. "Ах!" - говорили они, - "должно быть, произошла какая-то ошибка с прививкой; ведь никто не может быть тщательно привит и заболеть оспой".

Оглядываясь на последние годы прошлого века, можно только сожалеть, что не было приложено больше усилий, чтобы удержать Дженнера на его позиции, что оспа никогда не следует за коровьей оспой, и продемонстрировать, что это не так. Это, конечно, было неправдой; доказательства этого факта были неоспоримы; но мало кто был склонен следовать за Ингенхаусом на запад Англии и искать необходимые доказательства; Ингенхаус был вычеркнут из спора своей смертью в Боуде 7 сентября 1799 года. Вскоре Дженнеру удалось перенести спор с опыта на молочных фермах на вакцинацию из руки в руку и иллюзорный вариолитический тест, и преимущество решения на источниках заблуждения было потеряно. В общей неразберихе, которая последовала за этим, Дженнера стали принимать за первооткрывателя, и он старательно позировал в образе, когда он был не более чем рекламодателем вульгарного мнения своего района, с модификацией, что не коровья оспа, а коровья оспа Horsegrease была истинной и непогрешимой спецификой. Тот факт, что он был всего лишь рекламщиком, настолько очевиден, что его не стоило бы повторять, если бы с ним не обращались так систематически, как с невидимым. Насколько отчетливо он был распознан вначале, видно из благодарственного письма Фрэнсиса Найта, лондонского хирурга, адресованного Дженнеру за копию "Расследования", в котором он отмечает

Клиффорд-стрит, 10 сентября 1798 года.

Я прочитал вашу публикацию с большим удовольствием; долгое время прожив в молочной части Уилтшира, а также в Глостершире, я знаю, что факты вполне подтверждаются; по крайней мере, среди молочников было распространено мнение, что те, кто переболел коровьей оспой, не восприимчивы к вариолитной болезни. Пустула коровьей оспы очень хорошо знакома моему глазу, и я совершенно очарован ее изображением на ваших пластинах. Вы открыли миру очень любопытное поле для исследований, и это слишком интересная тема, чтобы умереть вместе с днем".[103]

В этих замечаниях Найта мы видим точное определение позиции Дженнера. Он возложил на себя ответственность за "общее мнение молочников"; и если бы кто-то в то время пронизательно и убедительно показал, что молочники ошибаются, Дженнер был бы немедленно ликвидирован. Однако такие сожаления напрасны, и мы можем найти утешение в том, что во вселенной существует порядок, который превращает несчастье в средство для большего и более редкого добра.

В другом письме доктора Хикса к Дженнеру содержатся следующие замечания

Бристоль, 3 октября 1798 года.

Мне жаль, что вы не смогли передать коровью оспу корове посредством прививки от жирной лошадиной пятки, ибо тогда ваша работа была бы более полной и удовлетворительной.

Я не вижу необходимости колебаться в том, чтобы принять предложение сделать прививку коровьей оспой, поскольку вы убеждены, что это обезопасит привитых людей от заражения оспой.

Вечная безопасность от оспы! Такое безоговорочное обещание, и как мало оснований! В присутствии сократовского дознавателя с его настойчивыми вопросами: откуда вы знаете? Дженнер, должно быть, стоял в замешательстве.

Письмо Дженнеру от доктора Персиваля также содержит несколько замечаний, заслуживающих внимания. Он писал: "Дженнер...

Манчестер, 20 ноября 1798 года.

Приведенные вами факты неопровержимо доказывают существование коровьей оспы и ее готовность к передаче человеческому роду. Но необходимо сделать еще большую индукцию, чтобы доказать, что вирус вариолитической вакцины делает человека, зараженного ею, защищенным на всю жизнь от заражения оспой.

Мистер Симмонс, гениальный хирург из этого города, сделал прививку человеку ихором, выделяющимся из так называемого жира лошадей; но введенная жидкость, хотя было сделано восемь проколов, не вызвала ни воспаления, ни высыпаний; однако вскоре после этого тому же ребенку была сделана успешная прививка от оспы. Сейчас мистер Симмонс завел стадо коров и занят проведением экспериментов, предложенных в вашей публикации.

Весьма примечательно, что коровья оспа до сих пор оставалась незамеченной в Чешире, который является не менее молочным графством, чем Глостершир, и где дойкой занимаются и мужчины, и служанки без разбора.

Частое утверждение о том, что "Исследование Дженнера" поначалу было встречено с безразличием, совершенно не соответствует действительности: напротив, его с самого начала читали с интересом, и единственное препятствие, с которым он столкнулся, было связано с его неспособностью удовлетворить запросы корреспондентов на образцы драгоценного вируса. Некоторое время коровья оспа отсутствовала на молочных фермах, и он испытал огромное облегчение и радость, когда в конце 1798 года на ферме в Стоунхаусе было получено некоторое количество вещества, которым 27 ноября он привил детей своего друга, Генри Хикса из Истингтона; "первый джентльмен, - говорит Барон, - который имел честь привить своих собственных детей".

Еще до окончания 1798 года Дженнер обзавелся энергичным союзником в лице доктора Джорджа Пирсона, ф.р.с., врача больницы Святого Георгия в Лондоне.^[104] Пирсон всем сердцем погрузился в проблему коровьей оспы и стал своего рода партнером в проекте Дженнера. Он писал ему.

Лестер-сквер, 8 ноября 1798 года.

Ваше имя будет жить в памяти человечества до тех пор, пока люди будут благодарить за заслуги и уважать благодетелей; и если мне удастся получить материю, я сильно ошибусь, если сделаю так, что вы будете жить вечно".

И в более решительном тоне 13 ноября.

Я хотел бы, чтобы вы обеспечили меня материей для прививок, потому что, будьте уверены, тысяча неточных, но впечатляющих случаев будет опубликована против специфической природы болезни людьми, которые хотят прославить свое имя за границей по любому поводу, и которые будут считать *вас и меня* честной дичью".

В том же письме он сообщил Дженнеру, что некоторые говорят о предлагаемой практике.

Вы не можете себе представить, насколько привередливы люди в отношении этой коровьей оспы. Один говорит, что это очень грязно и мерзко - получать ее из больных пяток лошадей. Другой - что мы занесем к себе болезни животных, а своих у нас и так слишком много. Третьи разумные говорят, что это странное занятие, и они не знают, что об этом думать. Все это я выслушал очень спокойно и вспомнил, что еще более неблагоприятный прием был оказан прививке от оспы.

Такие наблюдения были естественны и ожидаемы. Дженнер писал Гарднеру, что "кирпичные биты и враждебное оружие всех видов летают вокруг него", но они были в основном воображаемыми. Его откровение было донесено до готового мира. Это был не революционный проект, а соблазнительная модификация существующей практики. Прививка от оспы была в порядке вещей среди всех уважаемых людей. Операция была хлопотной и неопределенной, опасной для пациентов и тех, кто с ними контактировал; и, когда все было сделано, она не давала неоспоримой защиты от болезни, которую должна была предотвратить. К обществу, испытывающему такое беспокойство и тревогу, пришел Дженнер со своим рецептом и обещанием: замените коровью оспу на оспу, и вы избавитесь от этих бед, опасностей, сомнений. У вас будет безвредная лихорадка без пустул и без риска заражения, а безопасность от оспы будет абсолютной и вечной". Неудивительно, что в таких обстоятельствах послание Дженнера было с радостью услышано и принято с благодарным энтузиазмом. То, что он должен был встретить некоторое сопротивление, было неизбежно, ведь какие изменения происходят без сопротивления и зловещих предсказаний? Но изменения, которые предлагал Дженнер, были самыми незначительными и имели самые большие перспективы. Если не помнить об этих условиях, мы никогда не сможем правильно понять, как наши предки восприняли прививку от коровьей оспы.

ССЫЛКИ:

[101] Baron's Life of Jenner, vol. i. p. 154.

[102] *Ibid.* p. 155.

[103] Baron's Life of Jenner, vol. i. p. 159.

[104] Родился в Ротерхэме в 1751 году. Получил степень доктора медицины в Эдинбурге и практиковал в Донкастере до 1784 года, после чего переехал в Лондон. Умер в своем доме на Ганновер-сквер от падения с лестницы 9 ноября 1828 года.

ГЛАВА IV.

РАССЛЕДОВАНИЕ ПИРСОНА.

Исследование доктора Пирсона, касающееся истории коровьей оспы^[105], является замечательным доказательством того, с какой быстротой и энергией был принят проект Дженнера. Как уже отмечалось, "Расследование Дженнера" было опубликовано в конце июня 1798 года, и не прошло и шести месяцев, как в ноябре 1798 года появилось "Расследование Пирсона", мастерски написанная рецензия на книгу Дженнера; и не только рецензия, но и запись расследования, личного и путем переписки с сельскими врачами и фермерами; вся работа демонстрирует способность к делу, на которую Дженнер был совершенно не способен.

Коровья оспа не стала для Пирсона новинкой, как и Дженнер в связи с ней. Он рассказывает.

Когда я был в компании с покойным мистером Джоном Хантером, около девяти лет назад, я услышал, как он сообщил информацию, полученную от доктора Дженнера, о том, что в Глоусисе, где он живет, есть коровья оспа. Дженнера, что в Глостершире среди дойных коров часто встречалось инфекционное заболевание, названное коровьей оспой, при котором на сосках появлялись высыпания; что те, кто доил таких коров, были подвержены гнойным высыпаниям на руках, которые также назывались коровьей оспой; Что люди, перенесшие эту болезнь, НЕ МОГУТ заразиться различными ядами; и что, поскольку не было известно ни одного пациента, умершего от коровьей оспы, практика прививки яда этой болезни, заменяющего оспу, может быть признана, по опыту, большим улучшением в медицине.

Я отметил эти наблюдения и постоянно повторял их, когда речь шла об оспе, в каждом курсе лекций, которые я читал с тех пор. (Р. 5.)

Сообщение Дженнера Хантеру не было открытием. Не было никакого секрета ни в существовании коровьей оспы, ни в убеждении, что прививка от нее укрепляет больного против оспы. Доктор Пултней из Бландфорда сообщил Пирсону, что...

Коровья оспа хорошо известна в Хэмпшире, Дорсетшире, Сомерсетшире и Девоншире. Она неизвестна в Лестершире и других графствах средней полосы; но молочники держат ее в секрете, насколько это возможно, поскольку она подрывает чистоту их продукции". (Р. 8.)

В северных графствах и в Уэльсе коровья оспа либо редко встречалась, либо была неизвестна. В Чешире, таком же молочном графстве, как и Глостершир, где мужчины также работали доярками, болезнь не встречалась. Однако там, где коровью оспу признавали, вера в ее эффективность против оспы была общей, и инокуляторы считали ее препятствием для своего успеха. Так, мистер Гиффард, хирург из Гиллингема, писал Пирсону 9 августа 1798 года.

Коровья оспа более известна в Дорсетшире, чем в большинстве графств. Прошлой зимой я сделал прививки в трех приходах, и некоторые из них сказали мне, что у них была коровья оспа и что они не должны принимать оспу; но я хотел сделать им прививку и сделал это два или три раза, но безрезультатно. Люди никогда не болеют оспой после того, как переболели коровьей оспой (стр. 14).

На молочной ферме на Хэмпстедской дороге Пирсон нашел человека, который часто видел коровью оспу в Уилтшире и Глостершире. Он сказал, что...

Он знал многих, кто болел коровьей оспой, и они никогда не страдали от оспы, хотя она преобладала в их собственных семьях. По его собственным словам, те, кто переболел коровьей оспой, "тяжело переносят оспу". (Р. 29.)

Мистер Рольф, хирург из Пекхэма, практиковавший в Глостершире, сообщил Пирсону, что...

Коровья оспа очень часто была эпизоотичной на молочных фермах в Весне..... Под его наблюдением находилось множество случаев коровьей оспы у доярок, но не было ни одного смертельного или даже опасного случая. В Глостершире не было ни одного медика или скудного фермера, который бы не знал на собственном опыте или на опыте других, что те, кто перенес коровью оспу, освобождаются от действия вариолитического яда. (Р. 95.)

Доктор Крофт также сообщил Пирсону.

Что в Стаффордшире, насколько ему известно, давно известен факт, что коровья оспа, которая преобладает в этом графстве, освобождает людей от оспы. (Р. 35.)

То, во что так широко верили, также не избежало упоминания в медицинской литературе. Так, доктор Беддоус в "Запросах, касающихся прививок" писал в 1795 году

Из моих собственных наблюдений и свидетельств некоторых старых врачей я узнал, что восприимчивость к оспе уничтожается коровьей оспой, которая является болезнью скорее неприятной, чем опасной".

А доктор Адамс в своем трактате о болезнетворных ядах, изданном в 1795 году, отмечает

Коровья оспа - это болезнь, хорошо известная молочным фермерам в Глостершире. Что необычно, насколько удалось выяснить, человек, зараженный коровьей оспой, становится невосприимчивым к яду вариола.

А доктор Вудвилл в своей "Истории прививок" в 1796 году утверждал: "...

Было высказано предположение, что оспа могла произойти от какой-то болезни животных; и если правда, что лишай, поражающий собак, может передавать человеку разновидность чесотки, или что человек, получивший определенное расстройство от обработки сосков коров, становится невосприимчивым к вариолитной инфекции с тех пор - то, действительно, предположение не является невероятным.

Кроме того, вера в то, что коровья оспа помогает от оспы, склоняла некоторых к борьбе с этим заболеванием. Преподобный Герман Дрю писал Пирсону о себе и мистере Брэгге, хирурге из Аксминстера, 5 июля 1798 года.

Мы с мистером Брэггом попытались провести эксперимент по прививанию коровьей оспы, но из-за скудости заболевания и нежелания пациентов мы были разочарованы". (Р. 39.)

Мистер Доллинг из Бландфорда рассказал, что...

Мистер Джастингс из Аксминстера сделал прививку своей жене и детям веществом, взятым из сосков коровы, которая болела коровьей оспой. Примерно через неделю после этого их руки сильно воспалились, и пациенты были настолько больны, что пришлось обратиться за

медицинской помощью к мистеру Мичу из Серна. Пациенты пошли на поправку. После этого мистер Тробридж безрезультатно сделал им прививку от оспы. (Р. 42.)

Доктор Пултеней из Бландфорда сообщил Пирсону, что...

Один уважаемый врач сделал прививку от оспы семи детям, пятеро из которых были намеренно заражены коровьей оспой, поскольку заставляли их обрабатывать соски и вымя больных коров, в результате чего они заболели дистемпером. Эти пятеро после прививки от оспы не заболели, в то время как двое других заболели. (Р. 39.)

Эти случаи были примерами многих; и если спросят, почему такие прививки не повторялись, мы можем получить ответ от мистера Фьюстера, хирурга из Торнбери, который за тридцать лет практики в Глостершире сделал тысячи прививок от оспы и знал "бесчисленные случаи коровьей оспы". Он писал 11 октября 1798 года

В целом, я считаю, что коровья оспа - это гораздо более тяжелое заболевание, чем привитая оспа; и я не вижу большой пользы от ее прививки. Прививка от оспы, похоже, настолько хорошо изучена, что ее замена почти не нужна. Однако это любопытно и может привести к другим улучшениям. (Р. 104.)

Чтобы еще больше показать, как сообщение Дженнера "витало в воздухе", готовое к спуску. Мистер Даун, хирург из Бридпорта, писал Пирсону 1 августа 1798 г..

Несколько лет назад, когда я делал прививки от оспы большому количеству людей, я заметил, что никак не могу заразить одного или двух из них; и, наведя справки, мне сообщили, что они ранее были заражены коровьей оспой. Я знаю, что один медик в этой части страны пострадал в своей практике из-за несправедливо возникшего предубеждения, что *он намеревается заменить коровью оспу на оспу при прививках*. Предрассудки населения в этой стране являются столь сильным врагом на пути к совершенствованию, что я считаю, что важные эксперименты можно проводить только в больницах". (Р. 10.)

Так народный скандал предвосхитил то, что было названо открытием Дженнера!

Пирсон также не довольствовался простыми расспросами других: он сам проводил эксперименты и испытал коровью оспу за неделю или около того до появления "Расследования Дженнера". Он писал

Оказавшись 14 июня у мистера Лукаса, аптекаря, по профессиональным делам на ферме мистера Уиллана, примыкающей к Новой дороге в Мэрилебоне, где содержится от 800 до 1000 дойных коров, я воспользовался случаем, чтобы навести справки о коровьей оспе. Мне сказали, что это довольно частое заболевание среди коров этой фермы, особенно зимой, и что оно якобы возникает от резкой смены бедного корма на богатый. Об этом также хорошо знали слуги, некоторые из которых были поражены этой болезнью, доя больных коров. Проведя расследование, я обнаружил, что трое из слуг, а именно Томас Эдинбург, Томас Гримшоу и Джон Кларк, были больны коровьей оспой, но не оспой. Я убедил их сделать прививку от оспы, а также, чтобы убедиться в эффективности используемой вариолитной инфекции, Уильям Кент и Томас Ист, которые не болели ни коровьей оспой, ни оспой, также были привиты. (Р. 14.)

Результат соответствовал ожиданиям: Эдинбург, Гримшоу и Кларк не заболели оспой, несмотря на повторную прививку, а Кент и Ист заболели. Пирсон излагал свои эксперименты гораздо более философски, чем Дженнер, но его предубеждение было ярко выраженным, и это ослепило его от некоторых очевидных соображений; и удивительно, как легко мы можем

накапливать детали, к которым у нас есть пристрастие. Подводя итог собранным им свидетельствам, он сказал следующее.

Многочисленные и заслуживающие уважения свидетельства утверждают, что человек, перенесший лихорадку коровьей оспы и местные высыпания, не восприимчив к оспе. Не похоже, чтобы в поле зрения попал хоть один достоверно подтвержденный случай, противоречащий этому. Но я не думаю, что точные и способные рассуждения будут считать этот факт полностью установленным, хотя, не сомневаюсь, они согласятся, что приведенные сейчас свидетельства значительно подтверждают вероятность и что осторожное применение его на практике оправдано. (Р. 64.)

В этом резюме мы видим ограниченность и несовершенство расследования Пирсона. Оспа действительно последовала за коровьей оспой: это было хорошо известно, и доктор Ингенхауз установил этот факт сразу же, как только обратил на него внимание. Более того, Пирсон показал себя невеждой в отношении позиции Дженнера, который, признав ошибочность деревенского суеверия, был вынужден различать коровью оспу на подлинную и поддельную - подлинную, полученную от лошадиного жира.

На утверждение Дженнера о том, что коровья оспа не изменяется при передаче от руки к руке, Пирсон заметил: "Этот факт еще предстоит доказать". По его мнению, не следует поспешно предполагать, что коровья оспа вызывает безвредное заболевание. Доктор Уильям Хеберден недавно сделал прививку 800 беднякам в Хунгерфорде без единого несчастного случая, а через руки доктора Вудвилла в текущем (1798) году прошло 1600 человек, причем умерло всего два человека; однако было бы ошибочно утверждать, что прививка от коровьей оспы безвредна на основании такого особого опыта!

Такие случаи успеха могут быть приписаны только определенному благоприятному эпидемическому состоянию самой человеческой конституции, существующему в определенное время, ибо доля смертей от прививок обычно гораздо больше, что, вероятно, объясняется некоторыми неблагоприятными эпидемическими состояниями. (Р. 67.)

Если бы коровья оспа передавалась от руки к руке в неизменном виде, она не была бы безобидным заболеванием; ведь имеются убедительные доказательства того, что она часто протекает тяжело. Например, Эдинбург рассказал Пирсону, что, заболев коровьей оспой, он был вынужден бросить работу и лечь в больницу; Гримшоу - что болезнь была необычайно болезненной, с припухлостями в подмышках, болезненными на ощупь; а слуга на ферме Родса на Хэмпстед-роуд, который видел много коровьей оспы в Уилтшире и Глостершире, сказал, что доярки иногда были так больны, что им приходилось по нескольку дней оставаться в постели, хотя никто никогда не умирал от лихорадки коровьей оспы. Однако если при передаче от руки к руке коровья оспа становилась более мягкой, то не исключено, что при этом она теряла большую или меньшую часть своей защитной эффективности.

Пирсон мог бы заметить и добавить, что устойчивость к привитой оспе, когда организм не был готов к оспе, не является доказательством того, что тот же самый организм будет устойчив к оспе во время эпидемии или в состоянии для развития болезни.

Пирсон также возражал против доказательств Дженнера (таких, какими они были), что можно перенести коровью оспу после коровьей оспы, но не оспу после коровьей оспы; говоря: "Большинство профессиональных людей крайне неохотно идут на это.

Большинство профессионалов крайне неохотно соглашались с этим утверждением. Некоторые, более того, отвергают его в самых безоговорочных выражениях. То, что коровья

оспа следует за коровьей оспой, кажется несомненным, но то, что коровья оспа должна предотвращать оспу, а не предотвращать саму себя, кажется невероятным. (Р. 44.)

Здесь мы видим Пирсона на грани раскрытия иллюзии, но при всей его подготовке и йоркширской проницательности он потерял нюх и позволил себя обмануть; и не только обмануть, но и стать главной движущей силой в обмане мира. Дженнер почувствовал затруднение и ответил

Челтнем, 27 сентября 1798 года.

Мой дорогой сэр, - Вы можете быть уверены, что человек может быть неоднократно поражен, как местно, так и в целом, коровьей оспой, два случая которой я уже приводил, и еще много других в моей памяти; но, тем не менее, у меня есть некоторые основания подозревать, что моя дискриминация не была, до недавнего времени, достаточно хорошей..... Несомненно, что кожа всегда подвержена язвенному воздействию вируса; но может ли конституция постоянно ощущать его первичные эффекты, я должен определить с помощью экспериментов. (Р. 99.)

Этот отрывок заслуживает одобрения тех, кто вместе с мистером Джоном Саймоном считает, что Дженнер явил миру "шедевр медицинской индукции", плод тридцати лет непрерывных размышлений, наблюдений и экспериментов. Очевидно, что в 1798 году он не определился с элементами проблемы, а самые очевидные возражения были непредвиденными и необдуманно.

Самым сильным возражением Пирсона было утверждение о происхождении коровьей оспы от лошадиного жира. Он сказал.

Это не имеет лучшего подтверждения, чем совпадение в некоторых случаях этих двух болезней на одной и той же ферме, где одни и те же слуги работают с лошадьми и коровами.

Я обнаружил, что на многих фермах коровья оспа вспыхивает, хотя в стадо не вводили новых животных; хотя доярки не контактируют с лошадьми; хотя нет смазанных лошадей; и даже если на ферме не держат лошадей.

Оказывается, что коровья оспа не вспыхивает при самых благоприятных обстоятельствах, если она вызвана *смазкой*. "Книга доктора Дженнера находится у меня, - пишет сэр Айзек Пеннингтон, Кембридж, 14 сентября 1798 года, - уже несколько недель, и изложенные в ней факты действительно поразительны. Я навел справки по этому поводу в Коттенхеме и Уиллингеме, в двух приходах которых содержится 3000 дойных коров, а также множество лошадей, грубоногих тележных (очень подверженных царапинам или смазке), половина приходов находится под плугом, а мужчины заняты дойкой. Но я не могу найти ни одного случая, чтобы на сосках коров или на руках дояров были гнойные высыпания". (Р. 82.)

В начале своего расследования Пирсон был достаточно добр, чтобы сказать о Дженнере: "Я бы не вырвал ни веточки лавра из венка, украшающего его чело"; но, оспаривая происхождение настоящей коровьей оспы в Хорсгризе, он мог бы спросить себя, какая веточка лавра у него осталась. То, что коровья оспа возникла в Хорсгризе, не было открытием Дженнера. Как выяснил Пирсон на лондонских молочных фермах, "такое представление существовало в нескольких частях страны, каковы бы ни были его основания". (Но определение коровьей оспы как формы коровьей оспы, которая оправдывала веру деревенских жителей в способность этой болезни предотвратить оспу, было единственным отличием Дженнера - принципом и мотивом его расследования, которое, оказавшись ошибочным, должно было уничтожить его право на уважение. Дженнер ясно показал, что

коровья оспа, кроме конской, не оказывает никакого влияния на конституцию и не сопровождается эризипелазом. "Позвольте мне обратить ваше внимание, - писал он Пирсону 27 сентября 1798 года, - на сходство между оспой и коровьей оспой, когда они привиты. Симптомы всасывания, во-первых, нарушают систему, а во-вторых, система ощущает последствия местных язв. Точно так же и с коровьей оспой; а *поскольку воспаление при коровьей оспе всегда носит эризипелатозный характер*, когда оно распространяется по коже в значительной степени, возникают симптомы, не отличающиеся от оспы, протекающей с осложнениями". (Р. 100.)

Пирсон предвидел, что если принцип прививки коровьей оспой будет установлен, то это приведет к другим способам ее применения.

Коровья отравка, по-видимому, изменяет человеческую конституцию, делая ее невосприимчивой к другому болезнетворному яду, а именно к вариолиту, вызывающему оспу. Этот факт, как я полагаю, является новшеством в физиологии и патологии: он указывает на новый принцип в способе профилактической практики. И теперь мы видим принцип, на основании которого можно предотвратить болезни от различных других болезнетворных ядов, таких как корь, язвенная ангина, кашель, сифилис и т. д., а именно: вследствие уничтожения возбудимости конституции к этим ядам с помощью других, возможно, менее вредных ядов. Сохраняет ли коровья оспа конституцию от других болезнетворных ядов, кроме вариолитных, - вопрос нерешенный. (Р. 79.)

Как и Дженнер, он также признавал в коровьей оспе контрраздражитель - безопасный вид лихорадки, который может быть использован для борьбы с другими болезнями.

Если верно, что одна и та же конституция может неоднократно подвергаться коровьей оспе, жертвой которой не пал ни один человек, практикующие врачи могут воспользоваться этим средством возбуждения невинной лихорадки в качестве лекарства от различных заболеваний; это правда, признанная опытными людьми, что лихорадка иногда является эффективным средством, особенно при хронических заболеваниях, таких как эпилепсия, истерия, безумие, пляска святого Вита, столбняк, деформации и болезни кожи и т. д. (Р. 81.)

Это представление также не было лишено оснований, поскольку самой оспе приписывалось двойное действие - как генератора и истребителя болезней.

Предрасположенность к определенным болезням и даже сами болезни не редко вызываются оспой; но иногда и предрасположенность к болезням, и сами болезни самого закоренелого рода устраняются оспой". (Р. 77.)

В одном отношении Дженнер показал себя выше Пирсона, а именно: он предложил некоторое объяснение коровьей оспы. Пирсон принимал эту болезнь на сельских условиях - как высыпания на коровах, не сопровождающиеся серьезными заболеваниями. Если такая оспа была эквивалентна оспе, то было необъяснимо, что она ограничивается выменем и сосками дойного скота, и что самцы и самки, не находящиеся в молоке, должны быть освобождены от инфекции. Столь уникальная болезнь требовала объяснения, но Пирсон не сделал ни одной попытки объяснить ее и не подал никаких признаков того, что он осознает эту трудность. Дженнер, с другой стороны, объяснил оспу коров, сославшись на заражение от лошади, передаваемое доярками, и это объяснение Пирсон отверг. Однако, отдавая Дженнеру должное, не стоит перегибать палку. Приписывая коровью оспу достоверной причине, он не признал своего преимущества и не призвал противников объяснить, как

коровья оспа, описанная ими, могла существовать без буллезной оспы. Напротив, как мы увидим, Дженнер подчинился, чтобы его заставили замолчать в этом вопросе по причинам, далеко не всегда заслуживающим доверия.

ПРИМЕЧАНИЕ:

[105] An Inquiry concerning the History of the Cowpox, mainly with the view to supersede and extinguish the Smallpox. Джордж Пирсон, доктор медицины, врач больницы Святого Георгия и др. Лондон, 1798, 8vo., pp. 116.

ГЛАВА V.

ВУДВИЛЛ, ПИРСОН И ДЖЕННЕР.

Другим ранним и серьезным исследователем исследований Дженнера был доктор Уильям Вудвилл, врач Лондонской больницы оспы и прививок. Он был камберлендцем, родился в Кокермуте в 1752 году, был членом Общества друзей. Ярый ботаник, он превратил два акра земли вокруг больницы на Кингс-Кросс в ботанический сад, который содержал за свой счет. Он умер от хронического легочного заболевания в 1805 году, а во время своей последней болезни переехал из своего дома на Эли Плейс в больницу ради сада и деревенского воздуха.

Вудвиллу очень хотелось попробовать коровью оспу, но у Дженнера не было ни запасов, ни возможности достать ее в других местах. Поэтому он прибегнул к лошадиному жиру, но ничего не смог добиться. По его собственным словам.

Полагая, что чума может быть вызвана путем прививки сосков коров веществом, содержащимся в лошадином жире, я решил проверить, действительно ли коровья оспа может быть вызвана таким способом. Соответственно, были проведены многочисленные опыты на разных коровах с веществом жира, взятого на различных стадиях этой болезни, но желаемого эффекта не последовало.

Ни прививки этим веществом, ни другие болезнетворные выделения лошади не произвели никакого эффекта на человека.[106]

Трижды Вудвилл лично подвергался прививке лошадиным жиром, но тщетно. Другие люди в Лондоне и других местах пытались вывести оспу на коровах тем же способом, но безрезультатно, а Дженнера проклинали за то, что он затеял столь хлопотные поиски.

Так завершился 1798 год, когда многие стремились испробовать новый рецепт при каждом удобном случае. В начале нового года в Лондоне раздались крики: "Найдено! Найдено! В молочной Харрисона на Грейс-Инн-роуд, рядом с больницей оспы, была обнаружена коровья оспа, и туда поспешили Вудвилл, Пирсон, сэр Джозеф Бэнкс, сэр Уильям Уотсон, доктор Гартшор, доктор Уиллан и другие медики; в их присутствии 19 января Вудвилл сделал прививку оспы шести пациентам.[107] Высыпания на сосках коров были тщательно сравнены с описанием и рисунками в "Исследовании Дженнера" и признаны идентичными. Четыре пятых из 200 коров, находившихся на молочной ферме, заболели, а те, что не доились,

избежали болезни; то же самое сделали и некоторые доярки, первой из которых была Сара Райс, перенесшая в детстве оспу - доказательство того, что оспа не предотвращает коровью оспу. "В то же время, - писал доктор Пирсон, - я получил приятное известие, что болезнь свирепствует и в самом большом стаде коров на Новой дороге, недалеко от Паддингтона, куда никто не мог попасть, кроме меня".

Обеспечив себя коровьей оспой в изобилии, Пирсон и Вудвилл приступили к работе - Вудвилл в своей больнице, а Пирсон - к частной практике. Следует заметить, однако, что эта лондонская коровья оспа не была коровьей оспой Дженнера. Это была не лошадиная оспа, а разновидность, заклеянная Дженнером как подделка. О том, как Пирсон и Вудвилл продвигали свое предприятие, свидетельствует следующее письмо с приложением нитей коровьей оспы, разосланное Пирсоном двумстам практикующим врачам по всему Соединенному Королевству.

Лестер-сквер, 12 марта 1799 года.

Сэр, - Надеюсь, вы извините меня за то, что я взял на себя смелость сообщить вам (в качестве дополнительного доказательства к свидетельствам, которые я опубликовал по теме коровьей оспы), что около 160 пациентов, в возрасте от двух недель до сорока лет, в основном младенцы, были привиты с 20 января прошлого года доктором Вудвиллом и мной, отдельно.....

Не было ни одного смертельного случая.

Ни один из пациентов не был опасно болен.....

Ни один из пациентов, а именно старше 60 лет, привитых от оспы, впоследствии не заразился вакцинной болезнью.....

Во многих случаях появлялись высыпания на теле, некоторые из которых невозможно было отличить от оспы.

Я послал вещество пустул коровьей оспы на прилагаемой нити, чтобы, если вы одобрите это исследование, сделать прививку с его помощью; и я прошу вас предоставить мне результаты ваших испытаний: но я должен побеспокоить вас, чтобы вы применили испытание прививки с вариольным веществом после расстройства вакцины.

Джордж Пирсон, доктор медицины, F.R.S.

P.S. - Я рад сообщить, что в Беркли доктор Дженнер продолжает свои испытания прививок вакциной, присланной из Лондона, с хорошим успехом.

Дженнер отличался ленивым нравом, но роль, которую играл Пирсон, побуждала его к действию. Его племянник, преподобный Г. К. Дженнер, написал ему из Лондона и тем самым вызвал его ревность.

Норфолк-стрит, 11 марта 1799 года.

После того, что написал вам мистер Пайтерус, мне нет нужды говорить что-либо, чтобы убедить вас в необходимости приехать в город, чтобы носить лавры, которые вы завоевали, или чтобы предотвратить их возложение на брови других.....

Доктор Пирсон собирается разослать циркулярные письма джентльменам-медикам, чтобы сообщить им, что он будет поставлять им вещество для коровьей оспы по их заявкам, и таким образом *он* станет главным человеком, известным в этом деле, и, следовательно, лишит вас тех заслуг или, по крайней мере, большой их доли, которые так справедливо вам причитаются. Доктор Пирсон прочел в субботу публичную лекцию о коровьей оспе и принял ваши мнения, за исключением вероятности возникновения болезни в пятках лошадей. Все ваши друзья согласны с тем, что *сейчас настало* ваше время утвердить свою славу и состояние; но если вы еще дольше будете медлить с личным активным участием, эта возможность будет упущена навсегда. Ваш любящий племянник, Г. К. Дженнер".

Дженнер сразу же сообщил тревожные сведения своему другу Гарднеру с коварным предложением о противодействии.

Беркли, среда.

В письме, только что полученном от Г. Дженнера, сообщается, что доктор Пирсон в субботу прочел публичную лекцию о коровьей оспе и что в воскресенье вечером она была публично выставлена у сэра Джозефа Бэнкса. Он также заявил, что снабдит вирусом любого джентльмена, находящегося на расстоянии.

Поскольку это, вероятно, делается с целью показать себя первым в этом деле, не следует ли время от времени помещать в публичных изданиях несколько аккуратно нарисованных абзацев, ни в коем случае не отражающих поведение П., а просто поддерживающих в обществе мысль о том, что П. не был автором открытия - я имею в виду прививку коровьей оспы.

В человеческой природе нет ничего необычного в том, что Дженнер должен был испытывать беспокойство по поводу захвата территории, которую он считал своей; но в то же время очевидно, что Пирсон не сделал ничего плохого, ничего, что было бы недопустимо, ничего, что не заслуживало бы похвалы. Он полностью признал за Дженнером право рекламировать Глостерширскую веру в коровью оспу и представлять определенные доказательства этой веры; но он отбросил рецепт Дженнера о коровьей оспе на лошадиной жире и использовал форму коровьей оспы, которую Дженнер однозначно осудил. Хотя Дженнер тоже возбуждал любопытство, он ничего не делал и не мог сделать, чтобы удовлетворить его; и было бы глупо ожидать, что мир будет ждать его удобств; да и Пирсон не был человеком, способным успокоиться там, где можно действовать. Как он сказал...

С момента публикации "Расследования" в июне 1798 года автор не приводил новых привитых случаев до конца того года; я не мог сделать ничего большего, чем исследовать историю коровьей оспы, главным образом, путем опроса провинциальных врачей и фермеров, от которых я получил возможность подтвердить некоторые факты, изложенные в книге доктора Дженнера, и сделать сомнительными или опровергнуть другие, а также выявить новые наблюдения".[\[108\]](#)

Дженнер не замедлил откликнуться на вызов своего племянника в Лондон. Он покинул Беркли 21 марта и оставался в городе до 11 июня, посещая медиков, отстаивая собственные претензии и противодействуя деятельности Пирсона и Вудвила.

В циркуляре доктора Пирсона можно заметить, что он описывал прививку коровьей оспы как сопровождающуюся в некоторых случаях высыпаниями, которые невозможно было отличить

от оспы. С точки зрения Пирсона и Вудвила, это было неудачное заявление и дало Дженнеру преимущество перед ними, которое он безжалостно использовал для их дискредитации.

Дженнер утверждал, что прививка коровьей оспой возбуждает неинфекционную лихорадку без гнойничковых высыпаний; и вот доктор Пирсон выступает в роли его критика, а доктор Вудвилл берется развивать его практику и создает заболевание, неотличимое от оспы! Такое самомнение и невежество заслуживали улюлюканья.

Каково же было объяснение? Простое: Вудвилл проводил некоторые прививки коровьей оспы в переменчивой атмосфере своего госпиталя и таким образом заразился оспой и коровьей оспой одновременно. В научном смысле этот опыт был очень ценен: он доказывал, что можно одновременно болеть коровьей оспой и оспой, что ни одна из болезней не заменяет и не сводит на нет другую.

Вудвилл попытался оправдаться и своей неудачей еще больше превознес триумф Дженнера. Тем не менее, ему было что сказать в свое оправдание. Например, он передал Дженнеру часть вируса от одной из первых прививок коровьей оспы в январе, и с его помощью Дженнер прооперировал двадцать человек, сообщив Вудвиллу...

Беркли, февраль 1799 года.

Рост, развитие и окончание пустул, образованных вирусом, были точно такими же, как при настоящей коровьей оспе.

Тем не менее, писал Вудвилл.

Этот вирус, который доктор Дженнер объявил совершенно чистым и подлинным, был взят из руки больного, у которого было 310 пустул, и все они рассосались".

Вудвилл также утверждал, что "коровья оспа, случайно полученная при доении зараженных коров, значительно отличается от той, которая является следствием прививки"; что подтвердил Дженнер, сказав.

Четыре или пять слуг были привиты на ферме, прилегающей к Беркли, прошлым летом материей, только что взятой от зараженной коровы. На руках у всех появилось небольшое воспаление, но оно прошло, не образовав пустул; тем не менее все эти слуги заразились в течение месяца после этого от доения зараженных коров, и у некоторых из них болезнь протекала в тяжелой форме.^[109]

Другие утверждали, что коровья оспа, которая спасла доярок от оспы, была гораздо более серьезным заболеванием, чем, вызванная ланцетом Дженнера, и что было бы глупо предполагать их эквивалентность. В этом аргументе была своя сила, ведь все тогда знали, как сильно зависит результат прививки оспы от способа ее проведения. Инфекция, передаваемая через кожу, обычно была гораздо менее тяжелой, чем та, что передается через разрез; и Дженнер рассказывал, как один деревенский прививальщик, любивший "резать достаточно глубоко, чтобы увидеть кусочек жира", со всех сторон убивал своих пациентов. Человеческое тело бесконечно деликатно и сложно, и мы непременно окажемся в проигрыше, если будем разбираться с его тайнами в соответствии с нашей грубой и неодушевленной логикой. Физиологические истины проверяются экспериментальным путем, а не силлогизмом.

Какие бы опасности, непосредственные или отдаленные, ни таила в себе прививка коровьей оспы, она не сопровождалась оспенными высыпаниями; и в конце концов самому Вудвилу стало ясно, что вирус, который он использовал и который распространял, и который вызывал такие высыпания, был вирусом оспы.

После долгих споров и многочисленных экспериментов были сделаны следующие выводы

1. Когда человеку одновременно прививают оспу и коровью оспу, обе прививки оказываются эффективными. При оспе на коже появлялись гнойничковые высыпания, а везикула коровьей оспы достигала зрелости через обычное количество дней.
2. Эти эффекты происходили без особых изменений во всех случаях, когда интервал между двумя прививками не превышал недели; но...
3. Когда вещество оспы вводилось на девятый день после прививки коровьей оспы, его действие, казалось, было полностью исключено.^[110]

То есть на некоторое время - пока не ослабеет влияние лихорадки, вызванной вакциной. Некоторые полагали, что оспа, привитая коровьей оспой, порождает гибридную оспу, более эффективную, чем та и другая. Иногда наблюдалось некоторое взаимодействие болезней, как бы подавление активности каждой из них, но в целом они протекали вместе без последствий, коровья оспа сохраняла свои свойства в разгар оспы.

Один момент, имеющий огромное значение в опыте Вудвилла, был упущен из виду. Он делал прививки коровьей оспой в оспенном госпитале, и некоторые из его пациентов заболели оспой, которые, конечно, не были привиты оспой, ни случайно, ни намеренно. Урок этого опыта остался незамеченным, и хотя он повторялся снова и снова, его редко признают. Вакцинация в присутствии оспы или во время эпидемии оспы часто является средством, вызывающим болезнь, которую она призвана предотвратить. Она зажигает огонь; а когда огонь зажжен, говорят: "Ах! Должно быть, раньше было светло". Когда мы хотим оправдаться, наша софистика обычно соответствует требованиям.

Новая прививка, как ее называли, с каждым днем становилась все более популярной. Вудвилл и Пирсон проделали настоящую работу по рекламе и продвижению, особенно Пирсон. За семь месяцев, с января по август 1799 года, они сделали 2000 прививок. В "Философском журнале" за август 1799 года Пирсон заметил

В Шотландии новая прививка оказалась не менее успешной. Доктор Андерсон из Лейта сообщил мне, что он сделал прививки более чем 80 людям; что доктор Дункан начал эту практику в Эдинбурге и что она была введена в Данди, Пейсли и Далкейте".

Пирсон также не ограничивал свои усилия родной землей. Он писал...

В течение того же 1799 года я распространил вакцину в Германии, для принцессы Луизы в Берлине, в Ганновере, Вене, Женеве, Лиссабоне, Париже и Бостоне, а также в британской армии через мистера Китса".

Дженнер относился к этой деятельности с завистью: она не принесла ему славы. Он был встревожен, раздражен, беспомощен. "Мне невозможно в одиночку справиться со всеми моими противниками", - ныл он. "Со всех сторон меня окружают рычащие товарищи, причем настолько невежественные, что они знают о болезни, о которой пишут, не больше, чем о животных, которые ее порождают". Чтобы сохранить свое имя, он опубликовал второй

памфлет весной 1799 года, в котором есть несколько деталей, представляющих биографический интерес.

ССЫЛКИ:

[106] Отчеты о серии прививок от вариолитической или коровьей оспы. Лондон, 1799.

[107] J. C. Wachsel в London Medical Repository, 1819, p. 257.

[108] Изучение отчета Комитета Палаты общин, 1802.

[109] Дальнейшие наблюдения о вакцине Variolæ, 1799.

[110] О вакцинальной инокуляции. Роберт Уиллан, доктор медицины. Лондон, 1806.

ГЛАВА VI.

ДАЛЬНЕЙШИЕ НАБЛЮДЕНИЯ ДЖЕННЕРА.[111]

Этот памфлет, судя по всему, создавался с большим трудом и чрезвычайными опасениями. Дженнер писал Гарднеру 7 марта 1799 года.

Каждое предложение должно быть вновь пересмотрено и взвешено на самых лучших весах, какие только может изобрести человеческий интеллект. Глаза философского и медицинского критика, предубежденного против гипотезы, проникнут в ее самые глубины и обнаружат мельчайший изъян, если он будет обнаружен. Язык я исключаю: я имею в виду именно этот вопрос".[112]

Эти слова выдают волнение, для которого не было никаких оснований; и когда мы обращаемся к трактату, который должен был взвешиваться предложение за предложением на самых красивых весах, становится ясно, что его автор был слабоумным существом. Это не более чем сплетня о коровьей оспе, не предвосхищающая утверждения следствия. В самом деле, он начинает с признания.

Хотя в моих силах не было расширить расследование причин и последствий вариолитической вакцины намного дальше первоначальных пределов, но, видя, что оно начинает возбуждать общий дух исследования, я считаю важным, не откладывая, сообщить о фактах, которые произошли с тех пор, и указать на ложные источники, из которых может возникнуть болезнь, похожая на истинную вариолитическую вакцину, с целью предотвратить тех, кто может делать прививки, от производства поддельной болезни; И, кроме того, для обеспечения предосторожности, предложенной в предыдущем трактате по этому вопросу, - покорять привитый пустул, как только он достаточно повлияет на конституцию. (Р. 69.)

Иногда, когда возражают, что доказательства, приведенные в "Расследовании", были собраны наспех, скудны и неубедительны, на это отвечают: "Да, но вспомните, что это была всего лишь подборка, пусть и скудная, из запасов автора", - ответ, который Дженнер, таким образом, делает недействительным в записи.

Моя последняя публикация содержит изложение *большинства фактов, которые попали в поле моего зрения во время ее написания*, перемежающееся с некоторыми предположительными наблюдениями - (стр. 70).

Это именно то, что любой проницательный читатель мог бы заключить из случаев, приведенных в "Расследовании". Это были лучшие результаты Дженнера и все его достижения. Между тем, как уже отмечалось, он мало что мог сделать для расширения расследования; но если доктор Пирсон был бездеятельным и беспомощным, то доктор Джордж Пирсон был активным.

С тех пор доктор Джордж Пирсон провел расследование обоснованности моего главного утверждения, результаты которого не могут не быть весьма лестными для моих чувств. В нем [расследовании Пирсона] нет ни одного случая, который, как мне кажется, можно было бы назвать исключением из того факта, в который я так твердо верил - что коровья оспа защищает человеческое тело от оспы. (Р. 70.)

Здесь мы имеем явное искажение фактов. Дженнер не считал "фактом", что коровья оспа защищает человеческий организм от оспы, - это было широко распространенное суеверие. Его вклад в решение этого вопроса заключался в определении коровьей оспы, эффективной против оспы, а именно коровьей оспы Хорсгриза, а другие виды оспы были признаны ложными. Пирсон не подтвердил позицию Дженнера, а намеренно отбросил ее в сторону. Он не только принял веру сельских жителей в коровью оспу (которая, как знал Дженнер, была необоснованной), но и, приступив к практике, использовал коровью оспу, которая ничем не была обязана Horsegrease. Если, таким образом, процедура Пирсона была "весьма лестна" для чувств Дженнера, то он либо был легкодостижим, либо искусен в диссимуляции.

Правда в том, что публикация "Дальнейших наблюдений" была задумана Дженнером для того, чтобы освободиться от того, что было определено в "Расследовании", чтобы иметь возможность использовать все, что может быть получено в результате проводимых в то время исследований и экспериментов. Он определил профилактическую коровью оспу как коровью оспу Хорсгриза, но Хорсгриз не встретил благосклонности, и, похоже, не будет отвечать, и было бы целесообразно отказаться от него; таким образом, он описал основание своей привязанности к этой форме специфической...

Во-первых, я решил, что источником коровьей оспы является лошадиная оспа, поскольку заметил, что в тех случаях, когда коровья оспа появлялась на молочных фермах здесь [Беркли] (если только это не было связано с появлением зараженной коровы или служанки), ей предшествовала лошадь, заболевшая описанным образом, и эту лошадь посещали некоторые доярки.

Во-вторых, это мнение популярно во всей этой большой молочной стране, и на нем настаивают те, кто здесь ухаживает за больным скотом.

В-третьих, полное отсутствие болезни в тех странах, где на молочных заводах не работают слуги-мужчины.

В-четвертых, я заметил, что болезнетворная материя, вырабатываемая лошадью, часто передает человеку случайным образом болезнь, настолько похожую на коровью оспу, что во многих случаях трудно провести различие между одной и другой.

В-пятых. - В результате экспериментов я был вынужден предположить, что некоторые из тех, кто был поражен лошадьё, сопротивлялись оспе.

В-шестых, по прогрессированию и общему виду пустулы на руке мальчика, которому я сделал прививку веществом, взятым из руки человека, зараженного лошадьё, и по сходству с коровьей оспой общих конституциональных симптомов, которые последовали за этим. (Р. 91.)

Мальчиком, которому была сделана прививка вторичным лошадиным жиром, был Бейкер, случай хviii в расследовании. Он умер от лихорадки в приходском рабочем доме, прежде чем его успели подвергнуть вариолитическому испытанию.

Дрейф Дженнера в вышеупомянутых предложениях, очевидно, был направлен на то, чтобы облегчить свою ответственность за пропаганду лошадиного жира в качестве источника оспы; но при этом он лишил себя всякого остатка претензий на роль первооткрывателя. Коровья оспа и лошадиная оспа как средства профилактики оспы были общеизвестны, но их сочетание в виде лошадиной оспы с лошадиной оспой некоторые считали особой спецификой Дженнера. "Это не так", - сказал он. "По всей стране распространено мнение, что коровья оспа рождается от лошадиной оспы"; и продолжил обосновывать свой рецепт народным авторитетом. Он привел письмо парсона Мура из Чалфорд-Хилла, чтобы доказать, как в ноябре 1797 года его лошадь заразилась жиром, которым его мальчик-слуга заразил корову, которая, в свою очередь, заразила парня коровьей оспой, хотя за восемнадцать месяцев до этого он был привит, и тоже тяжело, от оспы; парсон добавляет

Я твердо убежден, что болезнь в пятках лошади, которая была вирулентным жиром, была причиной болезни слуги и коровы". (Р. 94.)

На возражение, что попытки вывести коровью оспу из лошадиного жира до сих пор оказывались неудачными, Дженнер ответил

Эксперименты, опубликованные мистером Симмонсом из Манчестера и другими по этому вопросу с целью опровергнуть происхождение коровьей оспы из лошадиного жира, имеют мало веса, поскольку даже сам вирус коровьей оспы, когда его многократно вводили в соски коров с помощью ланцета, не давал никакого эффекта". (Р. 93.)

Дойдя до этого момента, я бы попросил читателя остановиться и спросить: в чем же заключалось открытие Дженнера? Это была не коровья оспа, не конский жир, не коровья оспа; все эти препараты, по его собственному признанию, были признаны теми, кто с ними знаком, как средства профилактики оспы. Что же это было?

Ничто так не бросается в глаза в "Дальнейших наблюдениях", как то состояние невежества и неумения, которое они обнаруживают. Как мы видели, критики порядка мистера Джона Саймона представляют "Исследование Дженнера" как шедевр медицинской индукции, плод тридцати лет непрерывных размышлений, наблюдений и экспериментов; в то время как терпение, осторожность и скромность автора рекомендуются для подражания. Те, кто подвергся проповеди мистера Саймона, не могут не испытать разочарования, столкнувшись с фактами. После тридцати лет исследований Дженнер так и не смог ответить на простой вопрос: "Что такое коровья оспа? Как это ни невероятно, но перед лицом сомнений, вызванных обсуждением его оригинального сообщения, он ответил следующее.

До каких пределов могут простираться гнойные заболевания вымени и сосков коровы, я не в силах определить; но несомненно, что эти части животного подвержены различным заболеваниям такого рода; и поскольку многие из этих высыпаний (возможно, все) способны вызвать заболевание человеческого тела, не будет ли благоразумным для тех, кто занимается этим исследованием, приостановить споры и капризы, пока они не смогут точно установить, что *является* и что *не является* подлинной коровьей оспой? Пока опыт не определит, что является *истинной*, а что *поддельной* оспой, мы смотрим на наш объект сквозь туман. (Р. 73.)

Подумайте об этом заявлении, сделанном после тридцати лет непрерывных размышлений, наблюдений и экспериментов! Шедевр медицинской индукции с неопределенным существенным фактом! Открытие не обнаружено! А предполагаемый первооткрыватель сидит, готовый присвоить себе любую похвалу или выгоду от выполнения другими его надлежащего дела! Была ли когда-нибудь подобная демонстрация самодовольной тщетности?

Среди сплетен, приведенных в доказательство того, что деревенские жители называли коровьей оспой высыпания, которые таковыми не являлись, мы узнаем, что заболевание, вызванное Horsegrease, обозначалось следующим образом.

Из-за сходства симптомов, как конституциональных, так и местных, между коровьей оспой и болезнью, полученной от болезнетворного вещества, порожденного лошадью, простые люди в этом районе, по странному извращению терминов, часто называют ее коровьей оспой. (Р. 95.)

Поэтому, утверждал он, многие из заболевших могут вообразить себя защищенными от оспы, полагая, что они перенесли коровью оспу, в то время как они не перенесли ничего, кроме лошадиного жира; и в случае заражения оспой они будут дискредитировать добродетель настоящей коровьей оспы. Насколько легко спутать эти две болезни, он проиллюстрировал на примере Уильяма Морриса, слуги в возрасте 32 лет, который обратился к нему 2 апреля 1798 года.

Его симптомы и язвы на руках были так похожи на коровью оспу, что я решил, что он заразился этой болезнью от дойки коров. Он заверил меня, что не доил коров более полугода и что с коровами его хозяина ничего не случилось. Затем я спросил его, есть ли у его хозяина жирная лошадь, на что он ответил утвердительно; далее он сказал, что постоянно одевал ее дважды в день в течение последних трех недель или более, и заметил, что запах его рук очень похож на запах лошадиных пяток. (Р. 97.)

Таким образом, язвы от лошадиной оспы так похожи на язвы от коровьей оспы или лошадиной оспы, что их невозможно отличить друг от друга. В то время Дженнер считал, что лошадиный жир *сам по себе* не защищает от оспы: он должен пройти через корову, чтобы приобрести свою суверенную эффективность. Это мнение примечательно тем, что в более поздний период он полностью отказался от него, когда вирус из пятки лошади стал называться "истинной и подлинной жидкостью, сохраняющей жизнь", и использовался им для прививок без всякой ссылки на корову.

Одна из целей "Дальнейших наблюдений" заключалась в том, чтобы "заставить соблюдать меры предосторожности и сдерживать привитый пустул, как только он в достаточной степени окажет свое воздействие на конституцию". Настоящая коровья оспа, по словам Дженнера, была серьезным заболеванием. "Язвы разъедали плоть". (Р. 77.) Они были способны вызывать сильные последствия. Они сопровождались эризипелазом. "Они очень

напоминали оспу сливающегося типа". (Р. 111.) Продлевать такие страдания он считал бесполезным, поскольку вирус оказывает свое защитное влияние на конституцию сразу после получения.

Симптомы, которые (как при случайной коровьей оспе) сильно поражают пациента, являются совершенно вторичными, вызванными раздражающими процессами воспаления и изъязвления; и мне кажется, что этот необычный вирус обладает раздражающим свойством особого рода; но поскольку один пустула коровьей оспы - это все, что необходимо, чтобы сделать вирус неэффективным, и поскольку у нас есть средства для ослабления раздражения, если оно возникнет, это становится малозначительным или вообще не имеет значения". (Р. 110.)

Средствами для снятия раздражения были ртутная мазь, ацетат свинца, едкий калий или любой подходящий эшаротик.

После того как гнойник должным образом проявил свое воздействие, я предпочел бы быстрое и эффективное его уничтожение любому другому способу". Термин "едкий" для нежного уха (а я полагаю, что никто не почувствует себя более заинтересованным в этом расследовании, чем беспокойные опекуны детских яслей) может звучать грубо и неприятно, но все опасения, которые могут возникнуть по этому поводу, отпадут, если понять, что гнойник в состоянии, пригодном для воздействия, является довольно поверхностным и не занимает площадь серебряного пенни. (Р. 104.)

Я бы, однако, не рекомендовал применять какие-либо средства для подавления действия гнойника до тех пор, пока не появятся убедительные доказательства того, что пациент ощущал их действие в течение по крайней мере двенадцати часов. Вреда не будет, если пройдет более длительный период времени, прежде чем будет использовано средство. Короче говоря, гнойнику следует дать возможность оказать настолько полное воздействие, насколько это возможно, в соответствии с состоянием руки (Р. 109.).

Лошадиный жир раздражал Пирсона - это было похоже на проклятие всего дела; и такое обращение с пустулой коровьей оспы вызывало у него и Вудвила не меньшие возражения.^[113] По их мнению, это давало публике представление о вирулентности коровьей оспы, которое было совершенно необоснованным; и они не стали задумываться о том, был ли тот вирус, который Дженнер назвал коровьей оспой в Глостершире, и тот, который они называли коровьей оспой в Лондоне, одним и тем же. Вирусом Дженнера была коровья оспа; вирусом Пирсона и Вудвила - коровья оспа; и в этом случае разнообразие симптомов можно было бы объяснить. Как бы то ни было, разница между Дженнером и Пирсоном и Вудвилем в столь элементарной детали показывает, в каком незавершенном состоянии рецепт коровьей оспы был явлен миру, и представляет собой любопытный комментарий к шедевру медицинской индукции, плоду тридцати лет непрерывных размышлений, наблюдений и экспериментов. В то же время мы должны отдать Дженнеру справедливость, признав, что на эту дату, 1799 год, он не претендовал на законченный шедевр, а бесхитростно приписывал распространенную неопределенность "нынешней ранней стадии исследования коровьей оспы; ибо ранней, - писал он, - она должна считаться". (Р. 115.) Так оно и было: ни один пункт не был твердо определен: обратное тому, что можно было ожидать после тридцати лет непрерывных размышлений, наблюдений и экспериментов.

ССЫЛКИ:

[111] Дальнейшие наблюдения над вакциной Variolæ. Edward Jenner, M.D., F.R.S. London, 1799. 4to pp. 73. Перепечатано вместе с третьим изданием "Inquiry" в 1801 году, к которому и относятся мои ссылки.

[112] Baron's Life of Jenner, vol. i. p. 322.

[113] Baron's Life of Jenner, vol. i. p. 315.

ГЛАВА VII.

ОПЕРАЦИИ В ЛОНДОНЕ, 1800 ГОД.

Доктор Пирсон был главным действующим лицом в создании...

*Института
для прививок вакцины Пок,
Уорвик-стрит, Чаринг-Кросс.
Основан 2 декабря 1799 года.*

В апреле 1801 года учреждение было переведено в более комфортабельный дом по адресу Голден-сквер, 5. Это было первое учреждение такого рода в мире. В конспекте учреждения говорилось

Из более чем 4000 человек, получивших прививку Коупока, умер только один. Однако есть все основания полагать, что пропорциональная смертность будет еще меньше, чем указано здесь.

Среди более чем 2000 привитых Коупоком, а впоследствии оспой, не было зафиксировано ни одного случая заболевания оспой, хотя многие подверглись воздействию инфекционных выделений этой болезни. Традиционно с незапамятных времен установлено, что после коревой оспы не бывает оспы.

Можно с уверенностью утверждать, что привитая коровья оспа, как правило, протекает гораздо легче, чем привитая оспа, и что соотношение тяжелых случаев последней к первой составляет не менее десяти к одному.

Не похоже, что настоящая вакцинная оспа может распространяться, как и оспа, посредством выделений от людей, работающих под ней. Поэтому, если вакцинация будет повсеместно введена вместо оспы, можно сделать вывод, что эта самая отвратительная и смертельная болезнь будет уничтожена; и, подобно потливой болезни, чуме, некоторым формам проказы и т.д., будет известна в этой стране только по имени.

Не похоже, что яд вакцины, как и яд оспы, может передаваться таким образом, чтобы вызывать болезнь косвенно от больных людей, прилипая к одежде, мебели, постельным принадлежностям, письмам и т. д. Таким образом, повсеместная практика прививки

коровьей оспы не представляет никакой опасности для ее распространения по этим каналам.

Было установлено, что человек, чья конституция четко перенесла болезнь, вызванную вакциной, в будущем становится невосприимчивым к тому же расстройству". [Таким образом, повторная вакцинация считалась невозможной].

Опыт показывает, что нет никаких оснований предполагать хоть малейшую вероятность деформации кожи от прививки вакциной.

Широкая практика прививок вакциной в текущем году, а также учет заболеваний в случайном порядке не показывают, что впоследствии будет возбуждено какое-либо другое заболевание.

Еще одно значительное общественное благо, которое ожидается, заключается в том, что запас эффективного вакцинного материала, *свободного от заражения оспой*, будет сохранен этим учреждением для использования населением".

Эти заявления интересны тем, что показывают, как рано были установлены зажигательные мелодии, под которые сегодня мы должны танцевать. Последний абзац заслуживает внимания как признание, сделанное рукой Пирсона, что яд вакцины перепутали с вариолином, и что впредь этой ошибки будут избегать. Дженнер злонамеренно и настойчиво использовал этот казус, за который был ответственен Вудвилл, для дискредитации Пирсона и возвеличивания своих собственных притязаний; но, как заметил Пирсон, ни Дженнер, ни кто-либо другой не знали, что можно одновременно заболеть коровьей оспой и оспой. Однако ошибка была совершена, и, как и положено ошибкам, знания расширились. Поведение Пирсона в этом вопросе было столь же достойным, как и поведение Дженнера в других случаях.

Институт вакцины Пока был организован со штатом врачей, хирургов и аптекарей с самой высокой лондонской репутацией; и поскольку было желательно использовать имя Дженнера (о его активном сотрудничестве, как жителя Глостершира, не могло быть и речи), Пирсон написал ему следующее.

Лондон, 10 декабря 1799 года.

Мы добились некоторого прогресса в учреждении благотворительной организации для прививок вакцины Пока. Я не знаю, что могу оказать вам честь, предложив вас (если смогу) директорам нашего учреждения, и не знаю, что вам предложить. Мне пришло в голову, что вам не помешает быть дополнительным врачом-корреспондентом.

Это не потребует от вас никаких расходов, кроме гиней в год в качестве подписчика; и я думаю, что вы должны быть освобождены от этого, поскольку вы не можете посылать пациентов: но вы можете назначить какого-нибудь доверенного лица в городе.

Признаюсь, я был удивлен, что вы не звонили и не посылали за мной в течение последних двух месяцев, что вы были в городе. Впрочем, если это было вызвано тем, что вы были слишком заняты, я вас, конечно, извиняю.

Приглашение было сделано жестко, скорее по обязанности, чем по желанию. Пирсон прекрасно знал, почему Дженнер, взбешенный ревностью, держался от него в стороне; и ему ответили так

Беркли, 17 декабря 1799 года.

Сэр, - я получил ваше письмо от 10-го числа и, признаться, был удивлен информацией, которую оно содержит.

Мне кажется несколько необычным, что учреждение, созданное в столь крупных масштабах и имеющее своей целью прививку коровьей оспы, было основано и почти полностью организовано без моего самого отдаленного уведомления об этом. Само по себе это учреждение, конечно, не может не быть весьма лестным для меня, так как я тем самым убеждаюсь, что важность сообщенного мною факта признается людьми первых способностей. Но в то же время позвольте мне заметить, что если вакцина прививок в результате неосторожного поведения окажется в неприглядном положении (а вы должны признать, сэр, что не в одном случае ее репутация пострадала), я один должен буду нести одиоз. К вам или любому другому из джентльменов, чьи имена вы упоминаете, заполняя медицинские кафедры, это не может относиться.

В настоящий момент я настолько остро ощущаю важность этого дела, что непременно воспользуюсь возможностью побывать в Лондоне как можно раньше. Пока же я вынужден просить разрешения отказаться от оказанной мне *чести*. Остаюсь, сэр, ваш покорный слуга,

Е. Дженнер.[114]

Ответ Пирсона на это абсурдное и совершенно дженнеровское письмо не сохранился. Он мог бы поблагодарить Дженнера за то, что тот привлек его внимание к коровьей оспе, и далее указать, что кроме этой услуги он и его друзья ничем ему не обязаны и ни в коей мере не признают его опекунства. Их практика полностью расходилась с его учением. Он прописал им коровью оспу, в которую они не верили, тщетно пытаясь ее получить. С другой стороны, они оперировали коровьей оспой *как таковой*, которую он осудил как бесполезную, поскольку она не сопровождалась ни эризипелазом, ни конституциональным эффектом; и что, работая с этой осужденной коровьей оспой, они обнаружили, что производят гораздо более легкую болезнь и не имеют необходимости следовать его совету и уничтожать пустулу, образующуюся в месте прививки, эшаротиками; добавив, что если бы они были связаны с его конской жижой и каустиками, они бы не добились никакого прогресса среди населения.

Вакцинация может быть полезна для человечества, но для Эдварда Дженнера она должна была стать чем-то лучшим. Не было ни малейшей причины, кроме его ревности и жадности, почему бы ему не поздравить Пирсона с его предприятием и не пообещать свою помощь. Что касается притязаний на опеку над вакциной, то это было нелепо: она полностью вышла из-под его контроля. Пирсон жаловался, что Дженнер так и не сделал ничего полезного после публикации "Расследования". Он оставил другим открытие вируса, а также труд и ответственность за эксперименты, и появлялся на сцене только тогда, когда происходило какое-нибудь несчастье, в котором он мог сыграть роль высшего лица, настаивая при этом на том, что все предполагаемые улучшения и успехи должны быть приписаны его заслугам.

В агиологии вакцинаторов Дженнер занимает главное место, но он занимает его ценой справедливости по отношению к Пирсону и Вудвилу. Чтобы доказать, что я не делаю

вычурных утверждений, позвольте мне привести беспристрастные свидетельства современников. Доктор Патерсон из Монтроза в своем сообщении в "Медицинском и физическом журнале", датированном 25 мая 1801 года, заметил

Хотя нас непреодолимо тянет присоединиться к удивленной, благодарной толпе, чтобы воздать справедливые аплодисменты доктору Дженнеру, бессмертному первооткрывателю, мы должны в то же время признаться, насколько мы обязаны изобретательному и благожелательному доктору Пирсону за то, что он представил в таком виде книгу, которая была опубликована в журнале. Пирсону за то, что он в такой красивой манере представил это дело на суд общественности, возбудив тем самым всеобщее, беспримерное стремление к исследованию и обеспечив бесчисленными и удовлетворительными экспериментами полное подтверждение благородного открытия.

Здесь мы можем еще раз заметить, что Пирсон не подтвердил "благородное открытие" Дженнера. Напротив, его использование коровьей оспы явно расходилось с предписанием Дженнера использовать коровью оспу на лошадиной жире и с его осуждением коровьей оспы. Дженнер, как мы увидим, последовал за Пирсоном: Пирсон не сделал ничего, чтобы подтвердить Дженнера.

Вудвилл, будучи главой оспенной больницы, оказал свое влияние на создание новой прививки. Он подверг рецепт Дженнера испытанию с совершенной искренностью и восхитительным мужеством, подвергнув себя трехкратной прививке лошадиным жиром, чтобы прийти к истине;^[115] и прибегнул к коровьей оспе только тогда, когда нашел коровью оспу с лошадиным жиром недостижимой. Мистер Энтони Хаймор, хирург, выступая над могилой Вудвилла в 1805 году, воскликнул.

Кто из тех, кто ощутил на себе преимущества вакцинации, не научит своих детей и детей своих детей благословлять имя Вудвиля, когда они благословляют имя Дженнера".

И все же Пирсон и Вудвилл, сделавшие новую прививку практичной и осуществимой, преследовались Дженнером с непримиримой враждебностью, клеймя их промахи и присваивая себе их очевидные успехи.

Чтобы опубликовать памфлет для очернения Вудвилла и, по возможности, расстроить институт Пирсона, Дженнер 28 января 1800 года отправился из Беркли в Лондон, по пути заехав в Бат, где также проходил институт Вакцина Пока.

В начале 1800 года появился "Продолжение фактов и наблюдений относительно вакцины Variolæ" - quarto в 40 страниц, третий памфлет Дженнера. Как и его предшественник, сборник сплетен, он был призван продемонстрировать его преимущество перед Вудвиллом, который по неосторожности перепутал коровью оспу с оспой при проведении прививок в госпитале.

Сначала Дженнер выразил удовлетворение по поводу интереса Европы к прививке коровьей оспы.

Мне также приятно видеть, что слабые попытки нескольких человек обесценить новую практику быстро опускаются до уровня презрения перед огромной массой доказательств, которые появились в ее поддержку".

Затем он продолжил описывать накапливающуюся массу доказательств.

До шести тысяч человек были привиты вирусом коровьей оспы, и гораздо большая часть из них после была привита вирусом оспы и подвергалась его заражению всеми рациональными способами, которые только можно придумать, но безрезультатно".

"Верно, - мог бы заметить Пирсон, - но кто сделал прививку подавляющему большинству из шести тысяч? Они не были привиты коровьей оспой, которую вы прописали, а коровьей оспой, которую вы осудили".

Вводная ссылка на Вудвилла раскрывает склонности и тактику Дженнера.

Было очень маловероятно, чтобы исследование болезни, столь похожей на оспу, проходило без привлечения внимания врача оспенной больницы в Лондоне.

Поэтому доктор Вудвилл, занимающий столь уважаемую должность в этом отделении, воспользовался случаем и начал расследование природы коровьей оспы. Это расследование было начато в начале 1799 года, а в мае доктор Вудвилл опубликовал результаты, которые существенно отличаются от моих в одном очень важном пункте. Оказывается, что три пятых привитых пациентов были поражены высыпаниями, в большинстве своем настолько похожими на оспу, что их невозможно отличить от нее. По этому поводу необходимо сделать несколько замечаний.

Вудвилл, чьи эксперименты были как сто к одному от его покровительствующего критика, да еще и информированного со смыслом, должно быть, воспринял эту вялую похвалу своего деревенского знакомого с некоторым удивлением, если не с яростным чувством. Дженнер как исследователь никогда не был на высоте. О том, что представляет собой научная демонстрация, он имел слабое представление. Неспособный и ленивый, он, тем не менее, был честолюбив и умел присваивать чужие исследования, причем с такой уверенностью, что даже ограбленный впадал в убеждение, что то, что он взял, каким-то образом принадлежит ему. Например, появление в практике Вудвила одновременно оспы и коровьей оспы, чего он не предвидел и не мог предвидеть, он сначала использовал как повод для возвышенного порицания Вудвила, а затем превратил в доказательство собственной прозорливости, заявив

В своей первой публикации я высказал мнение, что оспа и коровья оспа - это одна и та же болезнь в разных модификациях. С этим мнением согласился и доктор Вудвилл. Аксиома бессмертного Хантера о том, что две болезни не могут происходить одновременно в одной и той же части тела, не пострадает от признания этой теории.

Отметим ловкое забвение и ловкую привязанность. Именно лошадиный жир он принял за происхождение оспы от коровьей; а коровья оспа, которую использовал Вудвилл, была осужденной оспой Дженнера, полученной от лошади; и все же неудобное было пропущено, а удобное принято!

Возможно, коровья оспа и оспа - формы одной и той же болезни: возможно, нет: возможно, все болезни - формы одной болезни: возможно, нет: но как бы то ни было, у Дженнера не было ни одного доказательства в пользу его предположения, что жир лошадей и оспа от этого жира у коров были модификацией оспы у людей.

Когда мы рассматриваем первые дни новой прививки, ничто не вызывает такого сожаления, как то, что, похоже, люди сознательно закрывали глаза на факты, причем факты печально известные. В Глостершире было хорошо известно, что, хотя вульгарные люди полагали, что

коровья оспа предотвращает оспу, это было не так. Именно под влиянием этого знания Дженнер отказался от коровьей оспы как *таковой* в пользу оспы лошадиной. В "Глостерском журнале" от 9 мая 1799 года мистер К. Кук писал: "Я не только очень сомневаюсь в том, что коровья оспа как таковая предотвращает заболевание."

Я не только очень сомневаюсь в том, что коровья оспа является постоянным средством профилактики оспы, но и подтверждаю это мнение случаями из моей собственной практики, беседами со многими медиками на эту тему, а также доктором Беддоусом, который пишет: "У меня есть случай, когда оспа была принята после того, как дважды прошла через коровью оспу".^[116]

И все же в присутствии таких свидетельств, которые не были ни исследованы, ни исследованы, Дженнер пророчествовал в таком духе.

Есть некоторые, кто полагает, что защита от оспы, полученная с помощью коровьей оспы, будет носить временный характер. Это предположение опровергается не только аналогией с заболеваниями схожего характера, но и неопровержимыми фактами, которые в огромном количестве свидетельствуют против него. Один человек переболел коровьей оспой за 53 года до того, как на нем была опробована оспа, и поскольку он полностью противостоял ей, я полагаю, что каждый разумный человек должен быть уверен, что он был защищен от этой болезни в течение всего прошедшего времени.

Таковы были доказательства, которые, по его мнению, должны были удовлетворить любой здравый ум! Откуда ему было знать, что упомянутый человек переболел коровьей оспой за 53 года до этого, или переболел именно той оспой и именно тем способом? Прививка от оспы постоянно оказывалась неудачной (без ссылки на коровью оспу как причину неудачи), особенно среди пожилых людей. Однако, когда есть желание верить, самые безразличные причины служат убеждением.

Коровья оспа и оспа, по словам Дженнера, были разновидностями одной и той же болезни; оспа, как зараженная, так и привитая, была известным возбудителем золотухи; и Дженнер был склонен считать вероятным, что "общее введение оспы в Европу было одним из наиболее благоприятных средств для возбуждения этого грозного врага здоровья". Тогда, можно сказать, что коровья оспа как модификация оспы должна быть подвержена такому же возражению. "Вовсе нет!" - протестовал гладкоречивый авантюрист. "Болезни одинаковы, но отличаются возбуждением золотухи".

Внимательно наблюдая за последствиями коровьей оспы в этом отношении, я с радостью могу заявить, что эта болезнь не имеет ни малейшей склонности к возникновению этого разрушительного недуга".

Учитывая его ограниченный опыт, утверждение о том, что коровья оспа не вызывает золотуху, было чистейшим шарлатанством и ничем не отличалось от последующих диких заверений. В 1798 году он выдвинул коровью оспу в качестве полезной альтернативы оспе для прививок; но в 1800 году это утверждение было преувеличено.

После того как был проведен тщательный анализ не только среди нас, но и в первых профессиональных кругах Европы, и когда он был единодушно обнаружен в таких многочисленных случаях...

что человеческий организм, однажды испытавший на себе влияние настоящей коровьей оспы, никогда впоследствии, ни в какой период своего существования, не подвергается нападению оспы,

Могу ли я с полной уверенностью поздравить свою страну и общество в целом с тем, что они увидели в мягкой форме коровьей оспы противоядие, способное изгнать с земли болезнь, которая каждый час пожирала свои жертвы; болезнь, которая всегда считалась самым жестоким бичом человеческой расы!

Нет необходимости обсуждать эти дикие слова - достаточно записать их как свидетельство того, что можно было утверждать в 1800 году, причем утверждать, пока коровья оспа, которая должна была сотворить чудо, находилась в руках Дженнера, а Пирсона и Вудвила - в других руках!

Памфлет был опубликован, а другим делом Дженнера в Лондоне стал подрыв института прививок коровьей оспы. Он утверждал, что его основатели и сотрудники не знают, что такое настоящая вакцина *Variolæ Vaccinæ* и как ее использовать; что они не только невежественны, но и порочны; и что неизмеримое благословение, которое он передал человечеству, никогда не сможет быть использовано по назначению, пока не появится институт с Эдвардом Дженнером в качестве его руководителя и директора.

В этой игре у Дженнера были все возможности и преимущества. Никто, кроме самого Пирсона, не оспаривал его позицию рекламодателя новой прививки, и для публики он был ее представителем. Он ничего не предпринимал, и с ним не случалось никаких казусов: они были у Вудвилла и других легковых и активных экспериментаторов.

Кроме того, у него не было неудобной информации, с которой он мог бы бороться с теми, к кому обращался - они слушали, получали информацию, убеждались. Поведение Дженнера на этом этапе, по отношению к Пирсону и Вудвилу, было заклеено как подлое, неблагодарное, презренное. Это жесткие слова. Его тактика была обычной тактикой людей, в которых преобладает самолюбие, и у нас не хватает сил, чтобы использовать соответствующие эпитеты с той частотой, которой требует опыт.

Бедняки были главными страдальцами от оспы, и под именем бедняков Дженнер продвигал свой проект. Он составил следующий меморандум, который представил графу Эгремонту и распространил в частном порядке.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ О ГОСУДАРСТВЕННОМ УЧРЕЖДЕНИИ ДЛЯ ПРИВИВОК.

Проведя исследование природы коровьей оспы до такой степени, что могу с уверенностью заявить, что те, кто прошел через эту легкую болезнь, совершенно защищены от заражения оспой; И будучи убежденным многочисленных случаях, что занятия механика или рабочего не прерываются во время болезни, а зараженные и незараженные могут смешиваться вместе в полной безопасности, я полагаю, что учреждение для безвозмездной прививки низших слоев общества в метрополии будет иметь самые благоприятные последствия, и что оно может быть так организовано, чтобы распространить свои преимущества во всех частях Британской империи.

Эдвард Дженнер.

Лондон, 16 марта 1800 года.

Далее следовала схема учреждения, включающая "назначение врача для руководства медицинским отделением".

То ли из-за практической неэффективности Дженнера, то ли потому, что время еще не пришло, то ли потому, что тех, кто более активно интересовался коровьей оспой, устраивал институт Пирсона, проект пролежал в подвешенном состоянии до 1803 года. Своими интригами он ничего не добился, кроме отказа герцога Йоркского и лорда Эгремонта от покровительства существующего учреждения.

Тем временем Пирсон продолжал работать с неослабевающей энергией, а его институт стал признанным центром исследований, консультаций и снабжения. Как он писал, "во-первых, оно должно было быть полезным для бедных; но у него были и другие цели, а именно: во-вторых, выяснить законы нового яда для уничтожения оспы; и, в-третьих, служить государственным учреждением для снабжения мира вирусом до тех пор, пока он не станет ненужным". Одно из самых лестных заявлений было получено Пирсоном от французского консульства 5 апреля 1800 года. В ответе от 12 мая, подписанном сотрудниками Института, говорилось

Мы не удивлены тем, что вы до сих пор не обнаружили болезнь среди коров Франции, поскольку в Англии она в целом является редким заболеванием; мы также не удивлены тем, что вы не добились успеха с присланной вам материей, поскольку по опыту знаем, что она очень часто не работает, если не используется сразу же после того, как была получена от субъекта.

Вакцина может быть доставлена различными способами: мы отправили ее вам тремя, а именно: на нитях, на ланцетах и на стекле.

Если вы немедленно испробуете присланную материю на тридцати пациентах, мы думаем, что вы не сможете не вызвать болезнь у некоторых из них, и тогда вы, пожалуйста, сохраните преемственность путем прививки, как мы делаем в Англии, не имея свежей материи от коровы с января и февраля прошлого, 1799 года.

Французы снова потерпели неудачу с этим вирусом, но доктор Вудвилл вскоре после этого отправился в Париж и добился желаемого.

В разных городах Англии были открыты диспансеры для больных коровьей язвой, в первую очередь в Бате и Манчестере; в качестве общей формы для таких диспансеров было составлено Обращение к бедным. В копии этого обращения, широко распространявшегося в Манчестере и его окрестностях в 1800 году, мы читаем следующее.

Опыт нескольких лет полностью доказал, что прививка от коровьей оспы является *определенным средством защиты* от оспы; кроме того, это настолько мягкое и безопасное заболевание, если сравнивать его с привитой оспой, что оно было широко распространено среди более информированных и состоятельных жителей как этого королевства, так и различных частей Европы.

Прививка от коровьей оспы практикуется уже несколько лет [*менее трех*] с неизменным успехом в разных частях Королевства.

Она никогда не препятствовала заражению натуральной оспой.

Она может быть безопасно применена к лицам любого возраста и пола, в любое время и сезон года, с одинаковой пользой.

Она не вызывает высыпаний, которые рубцуют и обезображивают лицо, и редко, если вообще когда-либо, сопровождается какими-либо другими признаками болезни, кроме тех, что появляются на руках после прививки.

Пройдя через эту болезнь, нежные и болезненные дети часто поправляют свое здоровье.

При коревой оспе почти не требуется никаких лекарств или наблюдения, нет необходимости в курсе физиотерапии до или после прививки.

Предвзвешивания бедняков против прививок от оспы, благодаря которым ежегодно спасаются тысячи жизней,^[117] часто оплакивались; но если они будут терпеть несправедливые предвзвешивания, мешающие им воспользоваться преимуществами, которые сейчас предлагает им прививка от коревой оспы, они будут пренебрегать выполнением долга, который они должны выполнять перед собой, своими семьями и обществом в целом. Ведь, несомненно, не менее чем преступно подвергать своих беспомощных детей нападению такой страшной и смертельной болезни, как оспа, когда ее можно легко избежать, сделав прививку от такой мягкой, простой и безопасной болезни, как коровья оспа.

N.B. - Все бедные люди, чья забота о семье заставляет их воспользоваться этой благоприятной возможностью, могут сделать прививку от коревой оспы своим детям в больнице и диспансерах каждый день недели (за исключением воскресенья) в течение всего года. Бедняки не должны терять времени, чтобы избавить свои семьи от опасения заразиться оспой, *которая с каждым днем становится все более частой и вредоносной в этом городе*".

Этот манифест является иллюстрацией недобросовестных и необоснованных утверждений, с которыми новая прививка была представлена миру. Нет сомнений в том, что многие, кто активно распространял эти нелепости, делали это честно, оправдываясь, как им казалось, медицинским авторитетом. Удивительно то, что примитивные вымыслы сохранились до наших дней. Похоже, что когда человеческий разум приобретает определенную *установку*, требуется нечто вроде хирургической операции, чтобы ее изменить.

Сейчас мы увидим, как новая прививка получила такую внезапную популярность - настолько внезапную, что оппозиция не успела организовать. Были и протесты, и насмешки. В журнале Gentleman's Magazine за август 1799 года один из корреспондентов пишет: "...

Существует план смягчения оспы среди людей путем передачи ее через корову. Поскольку не у всех есть корова, я предлагаю передавать ее через животных, которыми владеет большинство людей. Я имею в виду кошек; и я назову это кошачьей оспой. Когда мой план созреет, изобретательные люди узнают о нем больше".

А Пирсон, писавший в 1802 году, когда успех коревой оспы казался несомненным, заметил

Как над новой практикой насмехались некоторые: как ее порицали как грубое и злонамеренное навязывание: как на нее наложили клеймо Глостерширского пузыря: и как дознаватели рассматривались многими людьми как подходящие кандидаты для определенного убежища: не говоря уже о злодейских шутках, произнесенных по этому поводу, - все это мы помним недавно.^[118]

ССЫЛКИ:

^[114] Baron's Life of Jenner, vol. i. p. 360.

[115] Rees's Cyclopædia, vol. 38. Лондон, 1819. Автор статьи сам сделал Вудвиллу прививку жиром.

[116] Письмо мистера Кука было перепечатано в "Медицинском и физическом журнале", т. i. с. 322. Лондон, 1799 год.

[117] То и дело разгорались споры с оспопрививателями, и тогда оспопрививатели утверждали, что от их практики ежегодно *гибнут* тысячи людей.

[118] Рассмотрение отчета Комитета Палаты общин. Лондон, 1802 год.

ГЛАВА VIII.

ТРИУМФ НОВОЙ ПРИВИВКИ.

Ганноверский дом упрекали в равнодушии к литературе, науке и искусству, но в вопросе вариолитической и вакцинальной прививки можно сделать исключение. Именно Каролина, принцесса Уэльская, в 1721 году пропагандировала эксперименты Мейтланда; и Дженнер не нашел никого, кто был бы так готов слушать и верить, как Георг III и его семья. Его первым новообращенным стал герцог Кларенс, впоследствии Вильгельм IV. Хирургом герцога был Фрэнсис Найт, который жил в Уилтсе и Глостершире, был знаком с деревенской верой в коровью оспу и воспринял сообщение Дженнера с готовностью. В 1799 году миссис Джордан разрешила Найту оперировать детей герцога, и этот факт получил широкую огласку за границей и стал заслугой Дженнера. Услуга герцога также не ограничилась этим примером. Он познакомился с Дженнером, слушал его рассказы и стал его активным приверженцем. Затем герцог Йоркский, главнокомандующий армией, убедился в этом и ввел новую практику в полную меру своих сил. Кроме того, он покровительствовал Институту вакцины Пока, пока не убедился, что Пирсон, его основатель, вредит Дженнеру. 7 марта 1800 года Дженнер был представлен Георгу III в Сент-Джеймском дворце и передал "Исследование", переплетенное в пунцовый цвет, его величеству, который с радостью принял посвящение второго издания. 27-го числа он побеседовал с королевой Шарлоттой, которая обсуждала новую специфику со всем любопытством великосветской шарлатанки. Принц Уэльский последовал ее примеру, и Дженнер оказался в полной мере обласкан королевской благосклонностью. Это был феерический успех, ведь с момента публикации "Дознания" не прошло и двух лет.

Дженнер, естественно, стал очень популярен. Он писал мистеру Шрапнелю: "Я еще не сделал и половины своих визитов в город, хотя и пидорствую с одиннадцати до четырех"; и: "Передайте Тирни, как быстро коровья оспа распространяется по метрополии, да и по всему острову. Смерть трех детей от прививки оспы, вероятно, приведет к тому, что эта практика получит удар Брута".

Не обладая достаточными способностями к завоеванию и удержанию позиций, Дженнер, как и многие немощные люди, обладал способностью обращать тех, кого он называл своими друзьями, в свою личную пользу. Он покорял их не волей, а слабостью. Действительно, кто бы ни решил понаблюдать, ему часто придется с изумлением отмечать, как сильные натуры

терпят, чтобы их средства и силы присваивались низшими организмами и использовались с бездарностью законного владельца.

Джон Ринг был замечательным примером такого рода владения. Он был хирургом на Нью-стрит, Ганновер-сквер, Лондон. В 1799 году он вступил в переписку с Дженнером, и его интерес к коровьей оспе и ее рекламодателю перерос в энтузиазм, не сдерживаемый ни усталостью, ни страхом. Что бы ни утверждал Дженнер, он клялся в этом; какие бы обвинения ни выдвигались против новой прививки, он их отрицал. Он был готов ко всем желающим с такой энергией, что его посягательства на приличия высмеивались и оправдывались как "путь Джона Ринга". Среди его ранних заслуг была подготовка "Свидетельства в пользу новой прививки", которое он носил из дома в дом и получил подпись почти всех известных лондонских врачей и хирургов. Свидетельство было опубликовано в "Медицинском обозрении" и "Медицинском журнале" за июль 1800 года и перепечатано в газетах. Оно выглядело следующим образом

Распространяется множество необоснованных сообщений, которые имеют тенденцию настраивать общественность против прививки коровьей оспы: мы, нижеподписавшиеся врачи и хирурги, считаем своим долгом заявить, что люди, перенесшие коровью оспу, совершенно защищены от заражения оспой в будущем, при условии, что инфекция не была передана ранее.[119]

Мы также заявляем, что привитая коровья оспа является гораздо более мягкой и безопасной болезнью, чем привитая оспа".

Первые подписи поставили тридцать два врача и сорок хирургов, и, подав пример, другие поспешили из города и деревни, чтобы заявить о своем присоединении. "Я горжусь, - писал мистер Уизам, присылая свое имя, - что моя маленькая яхта может вместе с другими, более прославленными,

отправиться в плавание,

Последовать за триумфом и принять участие в шторме".

Свидетельство оказало большое влияние на общественное мнение: для большинства оно было неотразимым. Как сказал Ринг, "оно сбило с толку врагов новой практики", добавив в своем характерном жаргоне: "и обеспечило триумф разума над угрызениями предрассудков и невежества, а также над низменными маневрами подлых и корыстных людей".[120] Так рано выяснилось, что противник вакцинации - невежда или плут. Легкое высокомерие Ринга вкратце иллюстрирует это выступление -

Не будет лишним сказать, что те, кто враждебно относится к вакцинации, совершенно незнакомы с ней; те, кто сомневается, почти совершенно незнакомы с ней; и я бросаю вызов всему миру, чтобы привести хоть один пример человека, имевшего хоть какой-то опыт заболевания, который не был бы решительным другом этой практики".[121]

Дженнер признал своего убежденного сторонника и использовал свою лояльность, чтобы нанести удар по Пирсону и другим людям, которые не смогли добиться подобного подчинения. Он писал одному иностранному врачу

Открытие, о котором я имел счастье сообщить миру, во многом обязано своим быстрым прогрессом пылкому рвению и неутомимым усилиям мистера Ринга; в то время как

некоторые из тех, *кто тщеславно воображал себя помощником в содействии его внедрению*, на самом деле из-за своего невежества и неосмотрительности скорее замедлили, чем ускорили его прогресс".^[122]

Часто выражается удивление по поводу быстрого обращения Англии и всего мира к вакцинации, но, как я уже отмечал ранее, удивление значительно уменьшается, когда мы ясно представляем себе обстоятельства. Прививка оспы для предотвращения оспы была практикой того времени, и она не была всеобщей только потому, что была хлопотной и опасной: все верили в спасительный обряд; и если уклонялись от него, то так же, как от обременительных и опасных обязанностей всегда и везде уклоняются нерадивые и трусливые люди. Прививка от коровьей оспы была представлена публике как замена прививки от оспы, столь же эффективная или даже более эффективная, не доставляющая ни хлопот, ни опасности. Таким легким и соблазнительным был переход от одной практики к другой. Дженнеру не пришлось вести серьезную борьбу: все было решено в те годы, когда прививка от оспы боролась за распространение. Война, которая впоследствии стоила ему стольких переживаний, велась консерваторами инокуляции по мере того, как опыт выявлял неэффективность и вредность вакцинации. Сопротивления, подобного тому, которое сейчас оказывается вакцинации на физиологических основаниях, не было, насколько я могу судить. Никому не приходило в голову, что оспа - это следствие нарушения законов здоровья, и ее можно предотвратить, подчинившись этим законам. Считалось, что болезнь приходит по воле Бога, или дьявола, или по воле судьбы, и что уклониться от нее с помощью медицинских хитростей - это максимум возможного. Если мы не будем помнить об этих условиях общественного сознания, то неправильно поймем поведение людей, которые так горячо приветствовали объявление Дженнера. Всегда ошибочно критиковать поведение предыдущего поколения в свете последующего. Мы обращаем историю во вред, когда используем ее для подпитки самодовольства; ведь вполне вероятно, что если бы мы жили с нашими предками, то поступали бы точно так же, как они.

Кто-то спросит: как получилось, что в 1800 году столько врачей подписали свидетельство Ринга о том, что прививка коровьей оспой является надежной и вечной защитой от оспы, хотя у них не было и не могло быть никакого опыта, подтверждающего их утверждение? Верно, но у них был иллюзорный опыт, которым их обманули, а именно - вариолиновый тест. Сотни людей были привиты коровьей оспой, а затем оспой, а также подвергнуты заражению оспой, и поскольку болезнь не проявилась, было сделано заключение, что она никогда не проявится, и субъекты операции были укреплены навечно. Сейчас это заблуждение очевидно, но в 1800 году оно ни в коем случае не было очевидным, и самые разные люди принимали и распространяли эту басню с энергичной искренностью. Однажды было признано, что ванна, наполненная водой, не переполняется, когда в нее опускают рыбу, и было дано множество объяснений этому любопытному явлению, пока один скептик не предложил попробовать провести эксперимент. Такой же человек мог бы предложить подождать и посмотреть, действительно ли коровья оспа является вечной защитой от оспы, поскольку природа имеет неловкую привычку опровергать прогнозы, которые кажутся неопровержимыми.

Легкость, с которой, как утверждалось, можно было сделать прививку коровьей оспой, а также ее безвредность, не говоря уже о пользе, и абсолютная безопасность от оспы побудили доброжелательных людей устроиться вакцинаторами по всей стране. Добродушный шарлатан рад дешевому и удобному средству с оттенком таинственности и обещанием неизмеримых преимуществ - условия, которым полностью соответствовала

новая практика. Мемуары того времени, особенно евангелической партии, изобилуют примерами того, как эта добрая душа и та добрая душа сделали прививку сотням или тысячам людей, избавив их от опасности ужасной болезни. Так, в журнале "Джентльмен" за декабрь 1800 года мы читаем

Две уважаемые семьи в окрестностях Манчестера за эти несколько месяцев с неизменным успехом сделали прививки примерно 800 соседским беднякам в возрасте от двух месяцев до двадцати лет. Двадцать из них были подвергнуты вариолитическому испытанию, и все они оказались устойчивы к болезни".

А Джон Ринг рассказывает.

Доктор Дженнер недавно встретил в большой компании модницу с Портман-сквер, которая вместе с другой дамой сделала 1300 прививок на севере Англии. Сельскому обывателю, получившему благословение открытия Дженнера из таких прекрасных рук, следует заключить, что богиня здоровья приняла эту практику".[\[123\]](#)

Разумеется, практикующие врачи не одобряли такого рода вторжения в их сферу, но Дженнер поощрял и превозносил себя, распространяя открытие в стране. Когда катастрофы стали обычным явлением, оказалось очень удобно приписывать их этим неквалифицированным операторам; и в конце концов вакцинация была полностью передана в руки квалифицированного врача, чьи неудачи редко расследуются, а если и объявляются, то, как профессиональный вопрос, прямо отрицаются.

Дженнер после шестимесячного пребывания в львиной доле покинул Лондон 23 июня 1800 года и по пути домой проехал через Оксфорд, где был представлен доктору Марлоу, вице-канцлеру университета, и другим высокопоставленным лицам, которые подписали следующее свидетельство, составленное сэром Кристофером Пегге, читателем анатомии.

Мы, чьи имена указаны ниже, полностью убеждены на основании собственных наблюдений, что коровья оспа не только бесконечно более легкая болезнь, чем оспа, но и имеет то преимущество, что она не заразна, и является эффективным средством против оспы.

Когда пророк в деревне становится пророком в Лондоне, его соседи начинают верить в него; так было и с Дженнером. Его столичная репутация нашла отражение в Глостершире. Граф Беркли писал герцогу Бофорту.

Каждый отец семейства обязан доктору Дженнеру за предотвращение ужасных последствий оспы".

И чувство этого долга воплотилось в сервизе из тарелок, подаренном в 1801 году с такой надписью

Представлено

ДВОРЯНСТВОМ И ДЖЕНТРИ

ГРАФСТВА ГЛОСТЕРШИР

Их соотечественнику

ЭДВАРДУ ДЖЕННЕРУ, М.Д., Ф.Р.С.

В качестве свидетельства высокого мнения о тех выдающихся способностей, которые они обнаружили, и бескорыстной филантропии, которая промульгировали

ПРИВИВКУ ВАКЦИНОЙ.

ПЯТНАДЦАТЬ:

[119] Имеется в виду, как это случилось при Вудвилле в госпитале Батл-Бридж, где оспа и коровья оспа были перенесены одновременно.

[120] Трактат о коровьей оспе, содержащий историю вакцинной прививки. Джон Ринг. Часть I. стр. 297. Лондон, 1801.

[121] *Ib.* Часть ii. р. 720. Лондон, 1803.

[122] Красоты "Эдинбургского обозрения", оно же *"Вонючий горшок литературы"*. Автор: Джон Ринг. London, 1807. Р. 49.

[123] Трактат о коровьей оспе, с. 520. Лондон, 1801.

ГЛАВА IX.

БЕСЧЕСТНОЕ ПРЕВРАЩЕНИЕ.

Почестей было много, но почести - дело ветреное, и Дженнер стремился к чему-то более существенному. Среди его работ мы читаем

Пока открытие вакцины прогрессировало, радость, которую я испытывал от открывшейся передо мной перспективы стать орудием, призванным избавить мир от одного из его величайших бедствий, *в сочетании со сладостной надеждой на независимость*, мир и счастье в семье, часто была столь чрезмерной, что, занимаясь любимым делом на лугу, я иногда впадал в некое подобие задумчивости. Мне приятно вспоминать, что эти размышления всегда заканчивались благочестивыми признаниями тому Существу, от которого исходит эта и все другие милости.[124]

Но как можно было реализовать теплившуюся надежду на независимость? Этот вопрос обсуждался Дженнером и его друзьями, и в конце концов было решено обратиться в Палату общин с просьбой о вознаграждении. Но для того чтобы обратиться в парламент, необходимо было иметь веские аргументы, а дело Дженнера вызывало множество возражений. Исследование, опубликованное в 1798 году, ни в коем случае не было руководством по практике. В нем была прописана коровья оспа; но такая оспа была непроектируема и не считалась терпимой. Коровью оспу, которая не происходила из лошадиного жира, Дженнер признал поддельной; и все же такая поддельная оспа была принята Пирсоном и Вудвиллом и под их влиянием приобрела необычайную популярность. Таким образом, не исключалось, что любое требование о предоставлении наличных денег, с помощью которых можно было бы наслаждаться независимостью, может быть серьезно

оспорено. Что же делать в такой ситуации? Вопрос был серьезным и требовал героического решения. Поэтому было решено отказаться от коровьей оспы, а вместе с ней и от использования эшаротических препаратов для уничтожения образующихся при этом пустул. Отныне его правилом в отношении коровьей оспы должно стать абсолютное молчание. С негативной позицией было покончено: позитивная оказалась сложнее. Заявить о том, что коровья оспа - это его собственная болезнь, при способах ее проявления, придуманных Пирсоном, было делом опасным, но если не быть готовым отказаться от "сладкой надежды на независимость", ее нужно было осуществить. У него были преимущества. Его имя ассоциировалось с новой практикой: даже Пирсон отдавал ему дань уважения: ни медицина, ни общественность не собирались критически изучать результаты расследования или ломать голову над непонятными деталями: Для них Ковпокс был Ковпокс: к нему прислушивались во всем мире; а противодействие можно было списать на обычное поведение завистников по отношению к успеху. Так или иначе, преобразование должно быть предпринято: в противном случае прощайте мечты о финансовой независимости.

Чтобы начать эту трансформацию, Дженнер приехал в Лондон и в мае 1801 года опубликовал памфлет формата кварто объемом двенадцать страниц под названием "Происхождение прививки".

Сначала необходимо было представить, что его исследования длились много лет - факт, о котором не было никаких признаков в расследовании, доказательства были явно обратными; и таким образом он сформировал свое заявление

Мое исследование природы коровьей оспы началось более двадцати пяти лет назад. Мое внимание к этой необычной болезни было впервые привлечено наблюдением за тем, что среди тех, кого в стране я часто призывал делать прививки, многие сопротивлялись любым попыткам привить им оспу. Эти пациенты, как я выяснил, перенесли болезнь, которую они называли коровьей оспой, заразившись от доения коров, пораженных особым высыпанием на сосках. При расспросе выяснилось, что эта болезнь была известна на молочных фермах с незапамятных времен и что преобладало смутное мнение, что она является профилактикой оспы. Это мнение, как я выяснил, было среди них сравнительно новым, поскольку все пожилые фермеры заявили, что в раннем возрасте у них не было такой идеи - обстоятельство, которое, казалось, легко объяснить, поскольку я знал, что простому народу очень редко делали прививки от оспы, пока эта практика не стала общей благодаря усовершенствованному методу, введенному Саттонами: так что рабочие на молочных заводах редко подвергались испытанию профилактической силы коровьей оспы.

Замысел Дженнера в вышеприведенном высказывании был очевиден. Он хотел свести к минимуму веру деревенских жителей и представить, что благодаря собственной проницательности он обнаружил достоинства коровьей оспы в результате своих неудачных попыток сделать прививку от оспы. Однако расследования Пирсона и других убедительно показали, что во многих районах юга Англии, в Ирландии и на континенте считалось, что если человек перенес коровью оспу, то он защищен от оспы; и эта вера существовала совершенно независимо от неудач с прививкой от оспы; точно так же, как аналогичная вера преобладала среди кузнецов в отношении профилактики конской оспы. Вера в коровью оспу не была ни смутной, ни новой, ни ограниченной окрестностями Дженнера; его утверждение об обратном показывает, с каким упорством он взялся за создание аргументов в свою пользу.

В противовес сельской вере медики утверждали, что после коровьей оспы можно заболеть оспой; а хирурги заявляли, что успешно прививали многих, кто перенес коровью оспу.

Именно неопровержимые свидетельства профессионалов заставили Дженнера отказаться от своего первого предположения о коровьей оспе и назвать истинную специфику коровьей оспой. Однако, чтобы пожертвовать этим открытием и вернуться к дискредитированной им коровьей оспе, потребовался новый маневр, который и был осуществлен.

В ходе расследования я обнаружил, что некоторые из тех, *кто, казалось бы, перенес коровью оспу*, тем не менее при прививке оспы ощущали ее влияние точно так же, как если бы корова не передала им никакой болезни. Этот случай заставил меня поинтересоваться у практикующих врачей в окрестной стране, и все они сошлись во мнении, что на коровью оспу не стоит полагаться как на определенное средство профилактики оспы. Это на некоторое время умерило, но не погасило мой пыл, так как по ходу дела я с удовлетворением узнал, что корова подвержена некоторым разновидностям спонтанных высыпаний на сосках, которые способны передавать язвы на руки доярок, и что любая болячка, полученная от животного, называется в молочной промышленности "коровьей оспой". Таким образом, я преодолел большое препятствие и, как следствие, был вынужден провести различие между этими болезнями, из которых только одну я назвал *истинной*, а остальные - *поддельной* коровьей оспой, поскольку они не обладают особой силой воздействия на конституцию.

Здесь перед нами фокус на самом этапе трансформации. Он проконсультировался с практикующими врачами, "которые сошлись во мнении, что на коровью оспу нельзя полагаться как на определенное средство профилактики оспы". Верно. Что же он сделал дальше? Он обнаружил, что то, что не предотвращает коровью оспу, предотвращает сорт, полученный из конского жира. Таково было первоначальное откровение 1798 года. В 1801 году мы имеем другую историю, а его поиски - другую проблему. Ни слова об открытии верного профилактического средства от коровьей оспы в Horsegrease - ни слова! Хотя его пыл был приглушен медицинскими доказательствами против коровьей оспы, он все же продолжил свое расследование; и к своему удовлетворению убедился, что то, что доярки называют коровьей оспой, не всегда является коровьей оспой, но что любая язва, полученная от коровы, имеет такое обозначение. Поэтому ему пришлось провести различие между этими болезнями и обозначить одну из них как *истинную*, а другие - как *поддельную* коровью оспу.

Таким образом, от несносной Лошади избавились, а Корова была представлена как сама по себе дающая оспу, которая и была той самой оспой, которую Пирсон и Вудвилл (презрев откровения Дженнера 1798 года) ввели в моду; и которую Дженнеру стало совершенно необходимо объявить своей собственной, чтобы реализовать свою "горячую надежду на независимость".

В связи с этим возникает вопрос: почему "некоторые разновидности спонтанных высыпаний" были названы *поддельной* оспой? Такие высыпания не были коровьей оспой ни в каком смысле. Почему же тогда они были ложными? Утверждение о том, что коровы передавали своим дояркам различные язвы, которые они называли "коровьей оспой", было утверждением, которому Дженнер никогда не приводил никаких доказательств; к тому же (как мы увидим) впоследствии он отрекся от него как от заблуждения. Тем не менее поддельная коровья оспа помогла новой прививке преодолеть многие трудности. Когда после коровьей оспы наступала оспа или какое-нибудь значительное несчастье, говорили: "Ах! Коровья оспа, должно быть, была поддельной; ведь оспа или какой-либо вред невозможны после настоящей коровьей оспы". Люди не задерживались, чтобы

поинтересоваться, может ли поддельная коровья оспа (то есть материя "из различных язв на корове", согласно второй версии Дженнера) распространяться от руки к руке, даже если она взята у коровы по ошибке. Иллюзорный вариольный тест и поддельная коровья оспа прекрасно работали на обман публики.

Еще один момент, который Дженнер пытался набрать за счет Пирсона и Вудвила. Когда они начали делать прививки, то обнаружили, что должны определить, в какой период времени вирус должен быть взят от коровы и из рук прививаемого. Дженнер не дал им никаких указаний. В письме Джону Рингу от 1 июля 1801 года он признался

В начале моих прививок я не научился различать эффективность вируса, взятого в ранний и поздний период развития пустулы".[125]

Там, где Дженнер не научился различать, линия стала ясной в ходе общей практики; и Пирсон особенно четко указал правильное время для принятия вируса; но чтобы оправдать свои претензии на национальное признание, Дженнер счел необходимым выставить себя полным мастером искусства прививки коровьей оспы, ничем не обязанным другим; и поэтому он приступил к присвоению плодов общего медицинского опыта, отнеся его к сезону, когда он один был в поле. Ссылаясь на свое разделение настоящей и поддельной оспы, он, таким образом, продолжал свой рейд.

Это препятствие на пути моего прогресса было устранено не скоро, прежде чем возникло другое, гораздо более значительное по внешнему виду. Не было недостатка в примерах, доказывающих, что, когда настоящая коровья оспа вспыхивала среди скота на молочной ферме, человек, который доил зараженное животное и таким образом перенес болезнь вместе с другими, мог впоследствии заболеть оспой. Это, как и предыдущее препятствие, стало болезненной преградой для моих пылких и честолюбивых надежд; но, полагая, что действия природы в целом однородны и что вряд ли человеческая конституция (перенесшая коровью оспу) должна в одних случаях быть совершенно защищена от оспы, а во многих других оставаться незащищенной, я с удвоенным рвением возобновил свои труды. Результат оказался удачным, ибо теперь я обнаружил, что вирус коровьей оспы подвержен прогрессивным изменениям по той же причине, что и вирус оспы, и что при нанесении его на кожу человека в дегенерированном состоянии он вызывает язвенные поражения в той же степени, что и в неразложившемся состоянии, а иногда и в гораздо большей; но, утратив свои *специфические свойства*, он не способен произвести те изменения в человеческом организме, которые необходимы для того, чтобы сделать его невосприимчивым к разнородной инфекции: Так что стало очевидно, что человек может доить корову в один день и, заразившись, *навсегда остаться в безопасности*; в то время как другой человек, доя ту же корову на следующий день, может почувствовать влияние вируса таким образом, что образуется болячка или болячки, и, в результате этого, может испытывать недомогание в значительной степени; но, как было замечено, специфическое качество утрачено, конституция не получает никакого особого впечатления....

Это наблюдение полностью объясняет источник тех ошибок, которые совершали многие прививальщики коровьей оспы. Считая, что весь процесс чрезвычайно прост и не допускает ошибки, они не обращали внимания на состояние вакцинного вируса; обнаружив, что часть его, даже в запущенном состоянии пустулы, остается прозрачной, они испытывали неоправданную уверенность и иногда принимали поддельный пустул за тот, который обладает идеальным характером.

Никто, видимо, не счел нужным разоблачить фиктивный характер этих утверждений, придуманных Дженнером, чтобы оправдать свои притязания и отвести возражения. Любой

внимательный читатель "Расследования" 1798 года и "Происхождения вакцинной прививки" 1801 года не может не заметить радикального несоответствия более ранних и более поздних рассказов, а также того, как несколько поспешных экспериментов, окутанных непроверяемыми догадками и сплетнями, превратились в годы напряженных исследований.

Он завершил свое выступление таким цветистым предсказанием

Недоверие и скептицизм, которые, естественно, возникли в умах медиков, когда я впервые объявил о столь неожиданном открытии, теперь почти исчезли. Многие сотни из них на собственном опыте подтвердили, что привитая коровья оспа является идеальной защитой от оспы; и я, вероятно, не ошибусь, если скажу, что тысячи людей готовы последовать их примеру; ведь масштабы, которые приобрела эта прививка, огромны. Сто тысяч человек, по самым скромным подсчетам, были привиты в этих краях". [Число тех, кто воспользовался ее плодами в Европе и других частях земного шара, неисчислимо; и теперь становится слишком очевидным, чтобы допускать споры, что уничтожение оспы, самого страшного бича человеческого рода, должно стать конечным результатом этой практики.

Для достижения поставленной цели - утверждения и возвеличивания претензий с целью получения соответствующего вознаграждения - "Происхождение вакцинной прививки" было искусно составленным документом: его правдивость - совсем другое дело. Справедливый человек, не говоря уже о великодушном, мог бы похвалить Пирсона, Вудвила и других, кому было приписано распространение новой прививки; но Дженнер был по сути своей подлым человеком, и если бы он изложил свою позицию правдиво, это означало бы поставить под угрозу "сладостную надежду на независимость".

ССЫЛКИ:

[124] Baron's Life of Jenner, vol. i., p. 140.

[125] Baron's Life of Jenner, vol. i., p. 448.

ГЛАВА X.

ДЖЕННЕР ПЕРЕД ПАРЛАМЕНТОМ, 1802 ГОД.

Дженнер был робок и ленив, и, хотя жаждал вознаграждения, ему требовалось много подсказок, чтобы использовать средства для достижения цели, к которой он стремился. Он написал лорду Шерборну, чтобы тот поговорил от его имени с премьер-министром Аддингтоном; но Шерборн ответил 23 апреля 1801 года, что он не знает Аддингтона даже в лицо. Однако он попытается увидаться с мистером Питтом, добавив для ободрения и руководства

Если патриот Граттан получает 50 тысяч фунтов за свой патриотизм, то истинный патриот Дженнер заслуживает большего: Я уверен, что не меньше; а о меньшем и думать не стоит. Я прекрасно помню дела Граттана. Его друзья решили предложить за него 100 000 фунтов стерлингов, решив просить достаточно; и, опасаясь, что эта сумма не будет предоставлена, один из его особых друзей поднялся после этого и предложил 50 000 фунтов, которые были немедленно предоставлены, и он взял 47 500 фунтов для быстрой выплаты.

Нужно было действовать, и 9 декабря 1801 года Дженнер отправился в Лондон, чтобы подготовить петицию в Палату общин и обратиться за поддержкой. Даже в последний момент Уилберфорсу пришлось предупредить его 24 февраля 1802 года, что нельзя терять время, иначе он потеряет свой шанс на год. После длительных консультаций с теми, кто привык к подобным делам, петиция была готова, и 17 марта 1802 года она была представлена в Палату общин.

Смиренное прошение Эдварда Дженнера, доктора физики,
гласит,

Ваш автор обнаружил, что болезнь, которая иногда встречается в особой форме среди крупного рогатого скота и известна под названием "коровья оспа", может быть привита человеку с наибольшей легкостью и безопасностью, а также обладает необычайно благотворным эффектом, делая привитых людей совершенно защищенными от заражения оспой на протяжении всей жизни.

Что ваш проситель после самого внимательного и кропотливого исследования предмета, отбросив соображения частной и личной выгоды и стремясь содействовать безопасности и благосостоянию своих соотечественников и человечества в целом, не пожелал скрыть сделанное им открытие способа проведения этого нового вида прививок, но сразу же раскрыл все общественности; и путем общения с медиками во всех частях этого Королевства и в зарубежных странах, старательно пытался распространить знание о своем открытии и пользу от своих трудов как можно шире.

В этом последнем отношении взгляды и пожелания Вашего Просителя были полностью выполнены; к его большому удовольствию, он должен сказать, что эта прививка применяется на практике во многих странах цивилизованного мира, и в особенности она принесла большую пользу этим Королевствам, в результате того, что она была введена, под руководством, в армию и флот.

Что упомянутая прививка уже остановила прогресс оспы, и по своей природе должна окончательно уничтожить это ужасное расстройство.

Что серия экспериментов, в ходе которых это открытие было разработано и завершено, не только заняла значительную часть жизни вашего истца, и не только была причиной больших расходов и беспокойства для него, но и так помешала ему в обычном осуществлении его профессии, чтобы существенно сократить его денежные преимущества без их уравнивания теми, которые были получены от новой практики.

Поэтому ваш проситель, в полной уверенности, что встретит то внимание и снисхождение, которого сочтет его достойным этот достопочтенный дом, смиренно просит этот достопочтенный дом принять во внимание данные обстоятельства и предоставить ему такое вознаграждение, которое, по их разумению, покажется им уместным".

Патриот Граттан просил 100 000 фунтов стерлингов, получил 50 000 фунтов, а взял 47 500 фунтов: "Истинный патриот Дженнер заслуживает большего", - сказал лорд Шерборн; но Дженнер не отважился на это требование. Однако то, что не было определено в деньгах, было компенсировано в притязаниях.

Читая прошение Дженнера, мы отмечаем (1) открытие; (2) его раскрытие и распространение; (3) понесенные при этом расходы; и (4) пророчества; и под этими главами следует отметить следующее.

1.- Дженнер не открывал, что коровья оспа прививается и предотвращает оспу. Это было сельское суеверие. Также, повторимся, он никогда не был ответственен за это сельское суеверие. Осознав его бесполезность, он сознательно отбросил его в сторону и рекомендовал для прививки болезнь лошади, передающуюся через корову. Именно Пирсон, которому не понравился рецепт Дженнера, ввел в моду коровью оспу, после чего Дженнер, опасаясь, что его могут вычеркнуть из предприятия, отказался от своей специфики, принял отвергнутую им коровью оспу и заявил, что работа Пирсона является развитием его собственной.

2.- То, что он раскрыл свое открытие, правда, но это было не то открытие, о котором говорилось в ходатайстве. Кроме того, достоинство раскрытия в таком случае измеряется преимуществом сокрытия; а что Дженнер мог получить, скрывая? Условия успешного шарлатанства не присутствовали в тайной практике прививки коровьей оспы лошадиным жиром.

3.- На то, что открытие заняло значительную часть жизни Дженнера и сопровождалось большими расходами и потерей практики, можно ответить, сославшись на его расследование. С какими потерями времени, денег и практики могла быть связана серия случаев, изложенных в нем? И после 1798 года, по его признанию, он мало чего смог добиться.

4.- Что касается пророчеств об абсолютной безопасности коровьей оспы с окончательным истреблением оспы, то мы можем оценить ценность таких излияний по предполагаемой проверке в то время, в 1801 году, когда эта болезнь была вызвана незначительной долей населения, подвергшегося новой прививке, и долей, наименее склонной к заболеванию оспой.

Петиции есть петиции, и они не предназначены для слишком тщательного изучения. В них редко можно найти истину, не искаженную в личных целях. Смысл петиции заключается в том, чтобы заявить о себе с избытком, чтобы получить большую уступку. Петиция Дженнера была более чем обычно вопиющим примером такой политики, с тем недостатком, что большая часть ее неправды вошла в обиход как факт.

Премьер-министр, мистер Аддингтон (впоследствии виконт Сидмут), сообщил Палате, что он ознакомился с содержанием петиции с удовольствием короля, и что его величество настоятельно рекомендует ее к рассмотрению парламентом. Оно было передано в комитет, председателем которого был назначен адмирал Беркли, ревностно веривший Дженнеру. Вопросы, на которые комитет в основном направил свое расследование, были следующими

I. - Полезность самого открытия.

II.- Право просителя на открытие.

III.- Жертвы просителя при совершении открытия.

Как следствие, работа Комитета была иллюзорной. Все вопросы с самого начала были решены в пользу заявителя. Оппозиции не было. Доктор Мозли, мистер Берч и доктор Роули, ставшие активными противниками новой прививки, были вызваны, но дело было для них новым; у них не было времени собрать доказательства и сформулировать выводы: обряд, который должен был защитить на всю жизнь и уничтожить оспу, объявленный в 1798 году, должен был быть рассмотрен в 1802 году! С другой стороны, друзья Дженнера были

влиятельны и активны и воспользовались случаем, чтобы продемонстрировать все свои силы в его пользу. Особенно ярко выраженными и восторженными были свидетельства медиков.

Доктор Джеймс Симс, президент Лондонского медицинского общества, представил комитету единогласную резолюцию общества в пользу Дженнера. Он сказал, что сначала был против вакцинации, но с каждым часом его уверенность в ней возрастает. Она не приносит никаких других болезней в человеческий организм, в то время как она положила конец возможности заражения оспой - болезнью, которая оказывалась смертельной для каждого шестого из тех, на кого она нападала. Он никогда не слышал о коровьей оспе до публикации "Расследования" и считал сделанное в нем открытие самым полезным из всех, когда-либо сделанных в медицине. Если бы Дженнер сохранил свой секрет и торговал им, он мог бы стать самым богатым человеком в королевстве.

Сэр Гилберт Блейн рассказал, как новая прививка была внедрена в военно-морской флот. Он сделал мужчинам на борту военного корабля "Кент" прививку от коровьей оспы, а затем от оспы, и ни один не заболел последней. Из каждой тысячи смертей в стране на долю оспы приходилось девяносто пять. Если взять за эталон Лондон, то ежегодно от оспы в Соединенном Королевстве должно погибать 45 000 человек. Как только открытое Дженнером профилактическое средство станет универсальным, эта большая смертность прекратится.

Доктор Леттсом, популярный врач, член Общества друзей и горячий сторонник Дженнера, сказал, что обратил большое внимание на статистику оспы. Считая, что в Лондоне и приходах проживает около 1 000 000 человек, он подсчитал, что от оспы умирает восемь человек в день, или 3000 в год. Если учесть, что население Великобритании и Ирландии составляет 12 000 000 человек, то смертность от оспы составит не менее 36 000 человек в год. У него есть основания полагать, что к настоящему времени новой прививке подверглись около 60 000 человек. Он не думал, что настоящая коровья оспа, если она привита, может оказаться смертельной. Если бы Дженнер сохранил свое средство в тайне, он мог бы извлечь из него огромную материальную выгоду, как это сделали Саттоны, усовершенствовав практику вариолитической прививки.

На вопрос, знал ли он, что кто-то из привитых оспой впоследствии заболел оспой, он ответил, что у него было двое привитых родственников, которые впоследствии заболели оспой, и один из них умер. Недавно он наблюдал две семьи, в каждой из которых привитый ребенок через год после операции слег с оспой.

Доктор Вудвилл, простив Дженнеру дурное обращение, пришел, как добрый друг, чтобы засвидетельствовать новую практику. В госпитале он научился предпочитать вакцину вариолитной прививке. До января 1802 года он прооперировал коровьей оспой 7 500 пациентов. Примерно половина из них была подвергнута вариолитическому испытанию с удовлетворительными результатами.

Доктор Брэдли, врач Вестминстерского госпиталя, заявил, что считает Дженнера автором вакцинации и полагает, что ни один медик в этом не сомневается. Поскольку было доказано, что случайная прививка коровьей оспой избавляет от оспы на всю жизнь, само собой разумеется, что намеренная прививка также поможет. Не менее 2 000 000 человек получили прививку вакциной, и он никогда не знал случая, чтобы кто-то умер от нее. Один из 300 умер от прививки оспы в Англии, и не менее одного из 150 во всей остальной Европе, Азии, Африке и Америке. Если бы Дженнер поселился в Лондоне, он мог бы зарабатывать 10 000 фунтов стерлингов в год в течение первых пяти лет, а впоследствии удвоить эту сумму.

Сэр Уолтер Фаркухар, врач принца Уэльского, сказал Дженнеру, что если бы тот приехал в Лондон и сохранил свой секрет, то обеспечил бы ему 10 000 фунтов в год. Однако он разгласил свой секрет и потерял все шансы на вознаграждение. Его средство было надежной защитой от оспы и никогда не приводило к летальному исходу; в то время как вариолиновая прививка, сделанная наилучшим образом, стоила жизни одному человеку из трехсот.

Мистер Клайн, хирург больницы Святого Томаса, подтвердил мнение, что Дженнер мог бы зарабатывать в Лондоне 10 000 фунтов стерлингов в год с помощью своего секрета. Поскольку оспа была самой разрушительной из всех болезней, ее подавление стало величайшим открытием, когда-либо сделанным в медицинской практике.

Мистер Джон Гриффитс, хирург королевского дома и больницы Святого Георгия, привил коровью оспу 1500 человек без каких-либо неприятных симптомов.

Мистер Джеймс Симпсон, хирург диспансера в Суррее, привил от пятидесяти до шестидесяти человек без каких-либо повреждений. Он считает их совершенно защищенными от оспы. Девятимесячный ребенок, покрытый *коростой* (*crusta lactea*), сопротивлялся всем обычным средствам, но на десятый день после прививки коровьей оспой короста начала исчезать, а на двенадцатый день исчезла совсем.

Доктор Джозеф Маршалл рассказал о своем опыте прививок на флоте, а также в Гибралтаре, на Мальте, в Палермо, Неаполе, Риме и Генуе. Везде он добился успеха. Считается, что он прооперировал 10 000 человек и ни разу не наблюдал никаких плохих последствий. Напротив, дети в слабом состоянии здоровья, пройдя через вакцинацию, начинали процветать и становились энергичными.

Мистер Джон Аддингтон, хирург, использовал средство Дженнера с 1799 года в восьмидесяти одном случае. Третью из них он прививал от оспы и подвергал всем способам заражения, которые только мог придумать, но нашел их совершенно устойчивыми к болезни.

Доктор Ски, врач Вустерской больницы, свидетельствовал, что весной 1801 года в Вустере была эпидемия оспы. Он сделал прививку коровьей оспы нескольким детям, и ни один из них не заболел оспой, хотя постоянно подвергался заражению.

Доктор Торнтон, врач Мэрилебонского диспансера, за последние три года двенадцать раз безрезультатно прививал пациенту коровью оспу, а затем оспу. Он даже спал с человеком, больным натуральной оспой, который умер, но не получил никакого вреда. Когда он жил у лорда Лонсдейла на севере, он прооперировал около тысячи человек и полностью убедился сам, а также все практикующие врачи в этой части Англии, что коровья оспа - легкое заболевание, едва ли заслуживающее названия болезни. Она не заразна, никогда не обезображивает человека, не вызывает слепоты и других болезней. Он был одинаково безопасен как в период беременности, так и в самом раннем младенчестве или в глубокой старости.

Затем доктор Бейли высказал свое авторитетное мнение. По его мнению, коровья оспа - чрезвычайно легкое заболевание, и если пациент перенес ее правильно, то он в полной безопасности от заражения оспой в будущем: кроме того, если бы доктор Дженнер не решил открыто и честно объяснить публике все, что он знал по этому вопросу, он мог бы приобрести значительное состояние. По его мнению, это было самое важное открытие, когда-либо сделанное в медицине.

Мистер Дэвид Тейлор, хирург из Вуттон-андер-Эджа, сделал прививку коровьей оспы двум тысячам человек без единого сбоя, не встретив ни язв, ни опухолей, ни других заболеваний после операции. Ему была известна практика Дженнера в Глостершире. Это был очень густонаселенный район, где в радиусе шестнадцати миль не было другого врача. Он отказался от дохода в 600 фунтов стерлингов в год, чтобы посвятить себя государственной службе.

В качестве последнего примера этого медицинского свидетельства я могу привести мистера Джона Ринга, приспешника истца. Он считал Дженнера автором вакцины-инокуляции, самого ценного и важного открытия, когда-либо сделанного человеком. Это была совершенная и постоянная защита от оспы. Он сам сделал прививки примерно 1200 людям, из которых тысяча безнаказанно подвергала себя заражению оспой. Новая прививка не представляла никакой опасности, разве что от невежества и пренебрежения. Каждый сотый привитый от оспы в Лондоне умирал из-за нездоровой атмосферы и необходимости оперировать детей в неподходящем возрасте. Если бы Дженнер держал свое открытие при себе, он мог бы зарабатывать на нем 10 000 фунтов стерлингов в год; ведь другие получали столько же или даже больше, занимаясь врачебной практикой.

Эти свидетельства, лучше всякого второстепенного описания, позволят читателю оценить распространенный фурор, затронувший лидеров медицинского мира. В то же время следует помнить, что увлечение было поверхностным. Любые радикальные изменения в убеждениях или практике никогда не происходят так легко и быстро. Медики, выступавшие за коровью оспу, были воспитаны на прививке оспы, которую заменяла коровья оспа. Изменение было, по сути, тривиальным. Трудность, опасность и неопределенность вариолитной прививки были общепризнанными, и когда коровью оспу рекомендовали использовать в качестве мягкой формы оспы, было нетрудно оценить заявленное преимущество: ведь, как утверждалось, никто не может заболеть оспой дважды, а поскольку самый легкий приступ оспы так же запрещает повторный приступ, как и самый тяжелый, следовательно, коровья оспа (которая является оспой в мягкой форме) должна защищать так же эффективно, если ее прививать. При столь восхитительной логике ничуть не удивительно, что так много людей унесло ноги; но, к сожалению, как это часто бывает, факты не соответствовали восхитительной логике.

Герцог Кларенс свидетельствовал, что он с самого начала воспользовался открытием Дженнера. Его дети, домочадцы и слуги были защищены. Постиллион положительно отказался от операции, а через восемнадцать месяцев после нее заразился оспой в самой жестокой форме. Дети, перенесшие коровью оспу, постоянно находились в комнате, где лежал мальчик, и не пострадали.

Граф Беркли сделал своему сыну прививку от коровьей оспы, сделанную доктором Дженнером в возрасте шести месяцев. Одна из его служанок заболела оспой и умерла, а выделения во время ее болезни были настолько неприятны, что слугам пришлось переехать в другую часть дома. Чтобы проверить реальность защиты своего сына, он послал за Дженнером и попросил его привить мальчику оспу, полученную от служанки. Ребенок был признан доказанным, так как прививка не произвела никакого эффекта. Чтобы проиллюстрировать обоснованность традиции Глостершира, он рассказал, как мужчина 72 лет, состоявший у него на службе, заразился коровьей оспой в 15-летнем возрасте во время дойки, и в результате всегда считал себя защищенным от оспы, подвергая себя этой болезни с полным безразличием.

Лорд Роус дал аналогичные показания. Его ребенку была сделана прививка коровьей оспы в возрасте трех месяцев, и он был совершенно уверен, что никогда не сможет заболеть оспой.

Были и светские врачи, примером которых может служить племянник Дженнера, преподобный Г. К. Дженнер. Он свидетельствовал, что сделал 3000 прививок коровьей оспой без единого неблагоприятного случая, начиная с самого раннего младенчества и заканчивая восьмидесятилетним возрастом, и при обстоятельствах, при которых было бы неразумно использовать вариолитический вирус; например, детям во время прорезывания зубов и женщинам на всех стадиях беременности. После этого около двухсот его пациентов были привиты оспенной материей и столько же подвергнуты воздействию вариолитического вируса, и ни в одном случае оспа не наступила. Он был уверен, что как только новая практика станет всеобщей, оспа будет уничтожена.

Чтобы узнать более раннюю дату "открытия", из Глостера привезли Эдварда Гарднера, торговца вином и спиртным, который подтвердил, что знает Дженнера более двадцати двух лет и постоянно выслушивает его медицинские мнения и открытия. Именно в мае 1780 года Дженнер впервые сообщил ему о природе коровьей оспы как надежного средства профилактики оспы и о теории, которую он сформировал по этому вопросу; он заявил о своей полной и совершенной уверенности в том, что вирус может передаваться от одного человека к другому до тех пор, пока оспа не будет уничтожена.

Нет необходимости заново клеймить свидетельство Гарднера. Возможно, оно было основано на рассуждениях Дженнера о привычной деревенской вере в коровью оспу. Сэр Эверард Хоум упомянул Комитету, что в 1788 году Дженнер привез в Лондон рисунок, изображающий Variolæ Vaccinæ на пальце доярки, и показал его Джону Хантеру, который посоветовал ему изучить этот вопрос подробнее; однако не было сделано заявления, что он говорил с Хантером о зрелом убеждении, открывшемся Гарднеру за восемь лет до этого.

Комитет заслушал свидетельства о знании и использовании коровьей оспы помимо Дженнера, и их вердикт был следующим.

Само заболевание и его специфическое свойство предохранять от заражения оспой *не было открытием доктора Дженнера*; поскольку в различных частях Англии, в частности в Глостершире и Девоншире, среди простого народа, занятого на молочных фермах, бытовало мнение такого рода, которое подтверждалось наблюдениями за прививающими оспу людьми. Не исключено, что в некоторых очень редких случаях это знание продвигалось на шаг дальше, и коровья оспа передавалась либо через сосок, либо путем прививки от животного, с целью и намерением обезопасить себя от опасности оспы; но практика, о которой утверждает д-р Дженнер. Дженнер утверждает, что он является оригинальным изобретателем, - это прививка от одного человека к другому и способ неограниченной передачи вакцинного вещества без какого-либо уменьшения его специфической силы, на которую, как представляется, ни один человек никогда не заявлял права собственности.

Таким образом, Комитет отклонил притязания Дженнера, указав при этом единственный заслуживающий внимания пункт новизны, а именно передачу вируса от руки к руке. В то же время не следует забывать, что прививка от руки к руке "легких видов оспы" была уже существующей практикой, и было мало достоинств в том, чтобы Дженнер делал то же самое с лошадиной или коровьей оспой.

Оппозиции не было - не было защитника дьявола; но можно считать, что доктор Пирсон взял на себя эту роль. Его выслушали с нетерпением, а затем он изложил свое мнение в "Экспертизе", о которой мы сейчас расскажем.

Отчет Палате был представлен 2 июня 1802 года и был убедительным в отношении полезности открытия. В самом деле, доказательства по этому вопросу были прерваны только потому, что они грозили стать бесконечными. Решение Комитета подтвердило общее убеждение: "Как только новая прививка станет универсальной, *она должна полностью уничтожить* одно из самых разрушительных заболеваний, которым подвергалась человеческая раса".

Адмирал Беркли, председатель Комитета, высоко оценил доклад Палаты представителей. По его мнению, это открытие, несомненно, является величайшим из когда-либо сделанных для сохранения человеческого рода. *Было доказано*, что в Соединенном Королевстве от оспы ежегодно погибает 45 000 человек; но во всем мире царит опустошение! Ни одна секунда, ни одна жертва не была принесена на алтарь этой ужаснейшей из болезней. Поэтому он должен внести предложение о выделении петиционеру суммы не менее 10 000 фунтов стерлингов, но если Палата сочтет нужным утвердить более крупную сумму, он должен считать себя вправе проголосовать за нее. Ведь только почтовые расходы доктора Дженнера составляли от 25 до 30 фунтов стерлингов в день!

Сэр Генри Милдмэй не считал 10 000 фунтов стерлингов достаточной суммой. Если бы Дженнер сохранил свой секрет, он мог бы заработать не менее 100 000 фунтов стерлингов. Он предложил выплатить ему 20 000 фунтов стерлингов.

Мистер Уиндхэм заявил, что заявитель передал свое открытие своей стране и поэтому имеет право на вознаграждение. Это открытие было результатом многолетнего труда и обширной практики.

Сэр Джеймс Синклер Эрскин был уверен, что Дженнер потратил 6000 фунтов стерлингов на распространение своего открытия, и если бы у него было 10 000 фунтов стерлингов, он остался бы не более чем с 4000 фунтов стерлингов. Кроме того, он отказался от практики, приносящей 600 фунтов стерлингов в год, чтобы принести пользу своим братьям.

Мистер Кортни заметил, что, согласно доказательствам, 40 000 человек в год будут сохранены для государства благодаря новой прививке. Они будут приносить в казну 200 000 фунтов стерлингов в год, и если петиционер будет иметь только десятину от этой суммы в течение одного года, он имеет право на 20 000 фунтов стерлингов.

Мистер Уилберфорс заявил, что Дженнер потратил более двадцати лет на завершение своего открытия. Он не был авантюристом, стремящимся заявить о себе миру. Он уже достиг большой известности в своей профессии и пожертвовал своей практикой ради общественного блага. С любой точки зрения он считал, что следует выделить большую сумму.

Мистер Грей считал, что 10 000 фунтов стерлингов - это не более чем компенсация расходов. Он надеется, что палата проголосует за 20 000 фунтов стерлингов.

Мистер Бэнкс сказал, что полезность открытия не вызывает сомнений. Если он чувствует себя более скупым, чем другие члены, то это потому, что его первостепенная обязанность состоит в том, чтобы охранять государственный кошелёк. Этот кошелёк был велик, но его нельзя было опустошать по своему усмотрению. Сила страны заключалась в экономии и разумном финансировании. Он не видит оснований для выделения столь крупной суммы, как 10 000 фунтов стерлингов. Можно доверить самому открытию выплатить деньги его автору. Он всегда с завистью смотрел на отчет Комитета, поскольку он контролировался друзьями

заявителя, и не было никого, кто имел бы достаточный мотив для внесения поправок, необходимых в интересах общества.

Мистер Аддингтон, канцлер казначейства, считал, что ценность открытия не поддается никаким примерам и расчетам. Это и в самом деле не оспаривалось. Проситель получил высшую награду в виде одобрения, единодушного одобрения Палаты; одобрения, вполне заслуженного, поскольку оно было результатом *величайшего открытия со времен сотворения человека*. Какую бы сумму Палата ни сочла нужным выделить в будущем, в настоящее время его обязанностью было рекомендовать меньшую сумму в 10 000 фунтов стерлингов. При этом, по его признанию, он уступил свои личные склонности чувству общественного долга. Однако он испытывал удовлетворение от осознания того, что это обсуждение принесло доктору Дженнеру награду, которая будет существовать вечно, а комфорт его семьи будет обеспечен расширением практики, которое последует за одобрением Палаты.

Затем был поставлен вопрос о том, что слова £10,000 являются частью резолюции; Комитет разделился - "за" 59, "против" 56, "большинство" 3.

Обсуждение в Палате общин показывает, насколько широким было всеобщее увлечение. Факты и цифры приводились по своему усмотрению и повторялись без разбора. В моде были восторги по поводу Дженнера, спасителя от оспы. Казалось, все согласилось сойти с ума вместе. Мистер Даннинг, хирург, в остальном здравомыслящий, разразился пророческой яростью.

С гордостью, со справедливой и национальной гордостью, мы хвастаемся Ньютоном и Гарвеем; потомство будет хвастаться Дженнером!^[126]

Учитывая значение, которое придавалось "великому открытию", награда в 10 000 фунтов стерлингов не была чрезмерной. В "Медицинском журнале" записано: "Дженнер

Мы никогда не были свидетелями более единодушного и всеобщего разочарования, чем то, которое было выражено не только представителями профессии, но и широкой общественностью по поводу незначительного вознаграждения.^[127]

С другой стороны, следует помнить, что времена были мрачные и тяжелые, жестоко тяжелые, из-за войны и скудных урожаев; четверть буханки продавалась по 1s. 11 д. - показатель бедности народа.

ССЫЛКИ:

^[126] Медицинский журнал, январь, 1802.

^[127] *Ib.* July, 1802.

ГЛАВА XI.

ОСМОТР ПИРСОНА.[128]

Через несколько недель после того, как Палата общин присудила Дженнеру 10 000 фунтов стерлингов, доктор Пирсон опубликовал "Экспертизу отчета комитета". Он оспаривал не претензии Дженнера, а основания, на которых они были выдвинуты и на которых они были уступлены; обращая внимание на то, как требования, изложенные в прошении Дженнера, были сведены к "прививанию от одного человека к другому", в то время как для него было придумано новое требование, "а именно, способ переноса вакцинного вещества на неопределенное время без какого-либо уменьшения его специфической силы".

Пирсон справедливо полагал, что общественное признание новой прививки произошло благодаря Вудвилу и ему самому, а не Дженнеру.

Прививка Коупока (после публикации книги доктора Дженнера в июне 1798 года, в которой приводилось семь или восемь случаев - весь результат его опыта) не практиковалась ни одним известным мне человеком до января 1799 года, ни доктор Дженнер, ни кто-либо другой, кого я смог найти, не имели материала; но в январе 1799 года, в результате общего расследования, которое я начал сразу после публикации Дженнера, появилась информация о том, что болезнь Коупока вспыхнула в двух коровьих хлевах недалеко от Лондона, и из этих источников доктор Вудвилл и я собрали материал. Вудвилл и я собрали материал, с помощью которого в течение трех месяцев 300 человек (не меньше, я думаю) были привиты от коровьей болезни в дополнение к семи или восьми случаям доктора Дженнера, тогда весь запас фактов о прививках предстал перед публикой. Кроме того, что мы сами делали прививки таким образом, мы распространяли эту информацию по всей стране, в частности, среди самого доктора Дженнера; в частности, в течение этого времени я выпустил печатное письмо, адресованное примерно двумстам практикующим врачам в разных частях королевства, содержащее нить, пропитанную веществом Коупока..... К концу 1799 года около 4000 человек были привиты доктором Вудвиллом, мной и нашими корреспондентами.

Пирсон также утверждал, что устранил трудности, возникшие из-за заявлений Дженнера, некоторые из которых были весьма пагубны для общественного признания новой прививки.

Я опубликовал эксперименты по инокуляции людей с помощью Ковпока, чтобы показать, что *они не могут принимать Ковпок после оспы*, вопреки мнению доктора Дженнера. Во-вторых, эксперименты, показывающие, что люди, уже прошедшие через коровью оспу, не могут принимать коровью оспу, также вопреки доктору Дженнеру.[129] В-третьих, многие люди в этот период проводили эксперименты, доказывающие, что *коровья оспа не возникает в смазке лошадиных пяток*, как утверждал доктор Дженнер. Весной 1799 года появилась вторая публикация д-ра Дженнера, в которой он рекомендовал прижигать привитые части тела при коровьей оспе каустиком или эшаротиком, что мы сочли совершенно ненужным на практике; и я считаю, что отличительные черты коровьей оспы были поняты некоторыми из нас лучше, чем самим д-ром Дженнером.

Об этих утверждениях Пирсона против Дженнера можно сказать только то, что они являются простыми фактами, и кто угодно может их опровергнуть. Невозможно оспорить утверждение Пирсона.

Что весь опыт Дженнера ограничивался семью или восемью случаями, и только часть из них - а именно четыре - передавалась от человека к человеку; и только после того, как доктор Вудвилл и я опубликовали несколько сотен случаев передачи вируса вакцины от руки к руке, у него появились эксперименты, которые можно было бы поставить в один ряд с нашими.

Им пришлось самим выяснять, когда брать вирус у коровы, как сохранять его после взятия, как перевязывать привитые руки, когда брать вирус из руки, и, короче говоря, делать все то, что составляет разницу между предложением и искусством.

Пирсон, как мы уже видели, также сыграл ведущую роль в создании первого учреждения для прививок вакцины Пока, с которым Дженнер не только не имел ничего общего, но и не *хотел* иметь ничего общего: о чем писал Пирсон.

Вакцинная прививка была в значительной степени создана Институтом Коупока, одним из основателей которого я был, начиная с конца 1799 года; этот институт был главным офисом для снабжения всего мира в целом, и армии и флота в частности, материей; и где регулярно ведется реестр всех привитых случаев".

Что касается того, что Дженнер сохранил секрет коровьей оспы и сделал на этом огромное состояние, Пирсон ответил, что, во-первых, он не доказал свое средство; во-вторых, ему пришлось бы убеждать публику поверить в него; и, в-третьих, о коровьей оспе было известно слишком много, чтобы секрет был возможен. Более того, утверждение о том, что он мог зарабатывать 10 000 фунтов стерлингов в год и иметь состояние в 150 000 фунтов стерлингов, было абсурдным.

Такого состояния никто и никогда не приобретал с помощью физики ни в этой, ни в какой-либо другой стране - оно намного превосходило самые большие из когда-либо известных: состояние сэра Теодора Майерна в первой половине XVII века и еще большее состояние доктора Рэтклиффа в начале прошлого века.

Когда далее было сказано, что эксперименты по прививанию вакцин заняли двадцать лет жизни Дженнера, что они обошлись ему в 6000 фунтов стерлингов и что он отказался от практики за 600 фунтов в год в густонаселенном районе Беркли ради общественного блага, он не доверил бы себе охарактеризовать эти обвинения.

Свою собственную позицию Пирсон сформулировал следующим образом.

Я признаю, что доктор Дженнер первым начал исследование преимуществ прививки вакциной; но я полагаю, что эта практика была установлена почти полностью другими практикующими врачами; и что его новые факты, или те, которые я считаю новыми, были, по моему мнению, опровергнуты последующими наблюдателями; и что в результате опровержения этих фактов, вместе с весьма обширным опытом других лиц, мы обязаны нынешней широкой практике прививки вакциной".

Далее Пирсон указал, на каких условиях он был бы удовлетворен тем, что Дженнер был вознагражден.

Гораздо более достойным и справедливым основанием для претензий и столь же благоприятным для вознаграждения были бы слова о том, что проситель предложил новый вид прививки и представил несколько примеров ее успешного применения, основанных на фактах; некоторые из них были доведены до сведения и использования, которые до этого

были известны лишь очень небольшому числу людей; другие же были открытиями автора: далее, что в результате значительных последующих исследований, проведенных Автором и другими лицами, была получена такая совокупность доказательств и обнаружены такие дополнительные факты, которые продемонстрировали преимущества новой практики".

Желая, чтобы Дженнер был вознагражден, как для Вудвилла, так и для себя, Пирсон ничего не хотел: он просто утверждал, что решение Комитета Палаты общин должно было признать факты, имевшие место в данной ситуации. Он заметил.

У меня есть основания утверждать, что члены Комитета *не были единодушны* в том, что такие исключительные требования справедливы. У меня были основания ожидать, что представление Комитета в их отчете будет таким, что удовлетворит ожидания, не слишком завышенные, доктора Вудвилла и меня; таким, что не будет стоить просителю ничего, то *есть* простого признания заслуг. В связи с тем, что было принято решение о самых безоговорочных и исключительных требованиях, эта щедрость, разумеется, была удержана, либо потому, что ее сочли неоправданной, либо по каким-то другим мотивам, которые я не буду называть; но мне следует отказаться от любых намеков на недостойные мотивы, двигавшие теми, кому было доверено судейство.

Учитывая несправедливость, которой подвергся Пирсон, и провокацию, которой он подвергся, невозможно удержаться от восхищения тем спокойным и беспристрастным нравом, в котором он составлял свой "Экзамен". Если бы он сидел в качестве судьи между Дженнером и собой, он не смог бы изложить дело с большей точностью и без предвзятости. Он не впадал в преувеличение, не предавался сарказму, не опускался до оскорблений. Он излагал случаи новой прививки с имперской простотой и достоинством истины. Там, где другие сходили с ума, он сохранял некоторую степень здравомыслия. Он считал преждевременным заявлять об исчезновении оспы или говорить вместе с Дженнером, что сообщения о неудачах и травмах, полученных от привитой коровьей оспы, не заслуживают презрения. Только время и опыт могли оправдать такие абсолютные утверждения и предсказания.

Говорят, что во время ураганов паники или энтузиазма мудрые люди уходят домой и молчат, пока небо не прояснится, а сопротивление - это глупость. Для достижения немедленного эффекта сопротивление может быть глупостью, но протест против истины иногда является императивом, независимо от настроения толпы. В то время Пирсон мало что понял в своем экзамене: он вдавался в слишком много деталей, чтобы вызвать всеобщее недоумение; и было удобно объяснить его противодействие ревностью и завистью. Дженнер не попытался ничего ответить, и на его лице читалось глубокое презрение. Его молчание было благоразумным, но оно не было вызвано презрением.

Сегодня легко понять, что Пирсон в противовес Дженнеру сыграл свою роль плохо, не сумев распознать свое преимущество. Рецепт Дженнера в расследовании 1798 года не был коровьей оспой. Это была коровья оспа. Это была болезнь лошади, привитая корове. Коровью оспу *как таковую* он однозначно отверг как бесполезную, не оказывающую специфического воздействия на человеческую конституцию. Пирсон и Вудвилл добросовестно отнеслись к рецепту Дженнера. Они попытались вызвать оспу у коровы с помощью жира лошади, но не преуспели. С неохотой они отказались от рецепта Дженнера и прибегли к коровьей оспе.

В то время как Пирсон и Вудвилл без предубеждения отнеслись к коровьей оспе с лошадиным жиром, в обществе все было иначе. Происхождение коровьей оспы из лошадиного жира было признано отвратительным, и если бы это происхождение сохранилось, не исключено, что новая прививка оказалась бы неудачной.

Эту трудность устранили Пирсон и Вудвилл, главные пропагандисты новой прививки. Они опробовали Horsegrease; они считали, что опровергли утверждение Дженнера относительно него; и они могли заверить общественность, что они прививают коровью оспу, и ничего, кроме коровьей оспы, и не имеют никакого отношения к Horsegrease. Публика была удовлетворена, и прививка от коровьей оспы стала модной и филантропической.

Что же сделал Дженнер? Оправдал ли он свой рецепт, плод тридцати лет непрерывных размышлений, наблюдений и экспериментов? Нет. Напротив, он отказался от него. Он не сказал ни слова о том, что его; и продолжил утверждать, что коровья оспа, применяемая Пирсоном и Вудвиллом, является его открытием. В его петиции в парламент не было упоминания о коровьей оспе; но коровья оспа, с ее "благодарным эффектом, делающим привитых ею людей совершенно защищенными на всю жизнь от заражения оспой", была представлена как результат его самого внимательного и кропотливого исследования, принесенного в жертву времени, деньгам и профессиональному росту. Следует помнить, что Дженнер был воодушевлен тем, что он называл "нежной надеждой на независимость", и он не замедлил признать, что если он будет стоять на стороне коровьей оспы, то его "нежная надежда" будет разрушена. Это утверждение может показаться невероятным, но факт превращения очевиден для любого, кто возьмет на себя труд сравнить расследование Дженнера в 1798 году с его петицией в Палату общин в 1802 году.

Пирсону не удалось остановить самозванство. Он мог бы сказать Дженнеру: "Ваша находка - не коровья оспа: это было хорошо известно каждой доярке в вашем районе. Ваш рецепт - это коровья оспа. Вы осудили коровью оспу, которая, тем не менее, была введена в употребление Вудвиллом и мной. Придерживайтесь своей коровьей оспы, делайте из нее все, что можете, и оставьте нас в покое".

Если бы Пирсон пошел таким путем, он бы закрепил Дженнера за его открытием, каким оно было, и четко определил бы и установил свои и Вудвилла заслуги в том, чтобы сделать новую прививку практичной и популярной. Но он не смог провести твердую границу между Вудвиллом и собой и Дженнером и настоять на том, что они работали не только с другой оспой, но и с той формой оспы, которую он отверг как бесполезную. Этим упущением он позволил Дженнеру вторгнуться в чужую провинцию и жать там, где он не сеял, и собирать там, где он не соломи. Следует признать, что все изложенные факты были задействованы в экспертизе Пирсона, но они были *задействованы* и нуждались в выделении и более четком определении, чтобы придать им силу. Истина - это истина, но чтобы истина имела законное влияние, она должна быть ясной. Мало пользы от хорошего дела в суде, если не хватает средств для того, чтобы сделать его доброе дело явным и первостепенным по сравнению с утверждениями об обратном.

Это тоже можно отметить: Пирсон не был в состоянии оказать указанное сопротивление. Чтобы повернуть Дженнера во фланг, нужно было дискредитировать коровью оспу, а Пирсон был приверженцем коровьей оспы. Дженнер с юности был знаком с верой доярок в коровью оспу. Почему же он не стал рекламировать ее достоинства? Потому что ему было доказано, что уверенность доярок была иллюзорной. Его рекомендация коровьей оспы Horsegrease свидетельствовала о его недоверии к оспе. Если бы Пирсон спросил себя, что побудило Дженнера отказаться от коровьей оспы в пользу лошадиной? Ответ открыл бы ему целый ряд

фактов, дискредитирующих ту профилактику, защитниками которой они с Вудвиллом себя считали. Таким образом, скованный собственными предрассудками, Пирсон не смог эффективно справиться с Дженнером, не впад в фатальное для его собственного предприятия разочарование.

Когда мы признаем, что рецепт Дженнера касался болезни лошади, передаваемой корове, которую Пирсон и Вудвилл отложили для коровьей оспы, спор о том, кто был инициатором использования коровьей оспы для прививок, теряет значение. Мы вынуждены категорически утверждать, что Дженнер не имел никаких прав на использование коровьей оспы. Правда, он выдвинул это требование в своей книге "Происхождение прививки" в 1801 году и в петиции в парламент в 1802 году; но тем, кто обратится к его расследованию 1798 года, не потребуются дополнительных доказательств его лживости. То, что его претензии на использование коровьей оспы были поддержаны, можно приписать только той лености, неумелости и невежеству мира, на которых шарлатаны полагаются и процветают.

Именно Пирсон и Вудвилл, еще раз повторяю, распространяли и популяризировали коровью оспу; и расспросы Пирсона не оставляют сомнений в том, что вера в коровью оспу как в средство профилактики оспы была широко распространена; и что замена коровьей оспы на оспу в прививках была просто вопросом времени и случайности. Мистер Даун из Бридпорта сообщил Пирсону, что один хирург в его районе подвергся дискредитации на практике, потому что стало известно, что он прививает коровью оспу вместо оспы; а бумаги мистера Нэша, хирурга из Шафтсбери, доказывают, что в 1781 году он отчетливо представлял себе проект прививки коровьей оспы. Свидетельства Бенджамина Джести, фермера из Дауншей на острове Пурбек, обычно считаются наиболее убедительными в отношении имманентности новой прививки в сознании обывателей. Джести был приглашен в Лондон проводниками Института оригинальных вакцин, расположенного по адресу: Брод-стрит, 44, Голден-сквер; в августе 1805 года они подвергли его вместе с женой и двумя сыновьями обследованию. В их отчете^[130] говорится

Мы считаем справедливым по отношению к мистеру Джести и полезным для общества подтвердить, что среди прочих фактов он представил убедительные доказательства того, что в 1774 году сделал прививку своей жене и двум сыновьям, Роберту и Бенджамину, которые таким образом стали невосприимчивы к оспе, что следует из частого заражения всех троих этим заболеванием в течение 31 года и из прививки двум сыновьям от оспы 15 лет назад.

Следует отметить, что невосприимчивость к оспе нередко проявлялась и помимо коровьей оспы; и как страх перед оспой предрасполагает к нападению, так, с другой стороны, уверенность в безопасности, будь то коровья оспа или другие чары, имела бы тенденцию к освобождению.

Джести объяснил причины своего эксперимента следующим образом.

В 1774 году он решил прибегнуть к этой новой практике, чтобы противостоять оспе, которая в то время была распространена в Йетминстере, поскольку ему было известно распространенное в стране с детства (теперь уже 60 лет назад) мнение, что люди, прошедшие через коровью оспу естественным путем, то есть получившие ее от коров, были невосприимчивы к оспе.

Сам он был неспособен заразиться оспой, пройдя через коровью оспу за много лет до этого.

По знанию многих лиц, которые после коровьей оспы не могли иметь возбужденной оспы.

Он считал, что коровья оспа - это заболевание, не представляющее опасности, и полагал, что с помощью прививки коровьей оспы можно избежать прививания различных болезней человеческой конституции, таких как "злоба, безумие, люэс и многие дурные наклонности", как он их называл.

В этих доводах мы имеем доктрину коровьей оспы, распространенную в Дорсетшире, которую Джести развил в семейной практике. Далее в отчете говорится следующее.

Удивительно крепкое здоровье мистера Джести, его жены и двух сыновей, последовавшее за коровьей оспой через 31 год, и его собственный здоровый вид в возрасте 70 лет служат убедительным доказательством безвредности этой болезни; но публика должна с особым интересом услышать, что во время недавнего визита в город мистер Роберт Джести публично сделал прививку. Роберт Джести публично подвергся прививке от оспы самым тщательным образом; и что мистер Джести также был подвергнут испытанию прививки от коровьей оспы самым эффективным способом, и ни один из них не был заражен.

Любопытно, как доказательства согласуются с предрассудками. Доктор Пирсон и его коллеги были убеждены, что как никто не может дважды заболеть оспой, так и никто не может дважды заболеть коровьей оспой. Джести переболел коровьей оспой в молодости, а когда в три года он стал невосприимчив к ней, они приняли как должное, что повторная вакцинация невозможна. Роберту Джести, переболевшему коровьей оспой за тридцать один год до этого, в то же время сделали прививку от оспы, и так как та тоже не прижилась, эксперимент привел к желаемому результату.

После того как все получилось, Джести осыпали похвалами и портретами.

Обстоятельства, при которых мистер Джести намеренно ввел прививку оспы в своей собственной семье, а именно: без всякого прецедента, а просто рассуждая о природе этой болезни среди коров и зная ее последствия в случайном порядке среди людей, его освобождение от преобладающих народных предрассудков и игнорирование шумных упреков соседей, по нашему мнению, дадут ему право на уважение общества за его превосходную силу духа. Кроме того, его поведение, когда он вновь представил столь убедительные доказательства постоянной противоварикозной эффективности Коупока, в нынешнем [1805] недовольном состоянии умов во многих семьях, подчинившись прививке, по меньшей мере, справедливо заслуживает благодарности страны.

В качестве свидетельства нашего личного уважения и в память о таком экстраординарном факте, как предотвращение оспы с помощью прививки Коупока 31 год назад, по нашей просьбе, картина мистера Джести длиной в три четверти, написанная этим прекрасным художником, мистером Шарпом, будет храниться в Институте оригинальной вакцины Коупока.

Джео.	}	Врачи.	Фрейз.	}	Посещение Апотекарии.
Пирсон,			Риверс,		
Право.	}		Эв. А.	}	
Нихель,			Бранде,		
Тос Нельсон,	}		Ph. De Bruyn,	}	

T. Keate,	}	Консультаци	Джон	}	Казначей.
		я	Хевисайд,		
T. Фостер,	}	Хирурги.	Томас Пейн,	}	
J. К. Карпью,	}	Хирурги.	Уильям		Секретарь.
			Санчо,		
J. Доратт,	}				

6 сентября 1805 года.

Во дворе церкви в Уорт-Матраверс, графство Дорсет, находится могильный камень с такой надписью

Посвящается памяти

БЕНДЖАМИНА ДЖЕСТИ, из Дауншей,

КОТОРЫЙ ПОКИНУЛ ЭТУ ЖИЗНЬ

16 апреля 1816 года, в возрасте 79 лет.

Он родился в Йетминстере, в этом графстве, и был честным и порядочным человеком, особенно отмеченным за то, что он был первым известным человеком, который ввел коровью оспу с помощью прививки.

КОРОВЬЮ ОСПУ ПУТЕМ ПРИВИВКИ,

и который, благодаря своей огромной силе духа, провел эксперимент с коровой на своей жене и двух сыновьях в 1774 году.

Джести часто противопоставляют Дженнеру, считая, что он предвосхитил его, но впал в заблуждение. Джести сделал прививку от коровьей оспы, разделяя веру доярок в то, что она предотвращает оспу. Дженнер знал, что доярки ошибались и что коровья оспа не предотвращает оспу. Он рекомендовал использовать коровью оспу, полученную из лошадиного жира. Пирсон и Вудвилл пренебрегли рекомендацией Дженнера и использовали коровью оспу, как Джести, чему Дженнер не противился, и не только не противился, но и утверждал, что это было выполнением его программы! Нельзя допускать, чтобы Дженнера путали с Джести и тем самым затушевывали ход его процедуры.

Я недвусмысленно говорю об итерации, потому что истина не признается и может быть признана невероятной. С другой стороны, факты можно прояснить, если задаться вопросом: как бы поступил Дженнер, если бы подал заявку на патент? Предположим, что несколько его публикаций были представлены патентному поверенному, каким образом из этих материалов можно было бы составить приемлемую спецификацию?

1798 г. - Расследование.

{ Прописывает лошадиный жир

{ Коровью оспу.

{ Затихает от лошадиной дозы

1799.- Дальнейшие наблюдения.	{ Коровья оспа; приписывает ее
1800.- Продолжение наблюдений.	{ Эффективность, которую она имеет, - общепринятому мнению; { и рекомендует эшаротику { чтобы остановить его вирулентность.
	{ Заявление об открытии и
1801 г. Происхождение прививки вакцины.	{ Использование коровьей оспы, ранее
1802.- Петиция в парламент.	{ осуждена как подделка, { и коровьей оспы { отменены.

Никакая изобретательность не позволила бы получить из этих документов действительный патент. Если бы в качестве основы претензии был выбран Horsegrease Cowpox, то как быть с отречением от Cowpox? А если от Cowpox, то как быть с Horsegrease Cowpox? А если Коровья язва, то как быть с приписыванием ее достоинств общей репутации? И если это коровья оспа, то не был ли комитет Палаты общин в 1802 году вынужден отклонить притязания Дженнера на открытие и определить и ограничить его заслуги распространением вируса от руки к руке? Однако именно Пирсон и Вудвилл впервые распространили коровью оспу от руки к руке: Дженнер же начал с коровьей оспы. Но, отдавая ему должное, следует помнить, что в то время прививка оспы от руки к руке была частой практикой, и замена оспы на коровью оспу была мелочью, за которую можно было заплатить 10 000 фунтов стерлингов и раствориться в экстазе восхищения.

ССЫЛКИ:

[128] An Examination of the Report of the Committee of the House of Commons on the Claims of Remuneration for the Vaccine Pock Inoculation: containing a Statement of the Principal Historical Facts of the Vaccinia. Джордж Пирсон, доктор медицины, член Королевского общества здравоохранения. Лондон, 1802. 8vo. Pp. 196.

[129] Такова была логика, но не факт. Если никто не может заболеть оспой дважды и если привитая коровья оспа эквивалентна оспе, то никто не может заболеть коровьей оспой дважды. Таков был аргумент. Пирсон не предвидел его систематического опровержения, примером которого может служить ревакцинация, септенниальная, трехгодичная, ежегодная.

[130] Эдинбургский медицинский и хирургический журнал, октябрь, 1805. Р. 513.

ГЛАВА XII.

НАБЛЮДЕНИЯ ЗА ПОЛОЖЕНИЕМ В 1802 ГОДУ.

Один из моих читателей-медиков замечает.

Палата общин в 1802 году была склонна к различным экстравагантным поступкам, но, принимая их во внимание, вы должны принять во внимание определенные доказательства того, что коровья оспа оказывает *некоторое* влияние на оспу; ведь вы, конечно, не хотите утверждать, что она *не* оказывает *никакого* влияния на эту болезнь, и что доказательства, представленные Комитету, были сплошной тканью иллюзий и заблуждений.

Таким образом, справиться с этим возражением так же трудно, как и доказать отрицательный ответ. Не мне определять влияние коровьей оспы на оспу, а тем, кто верит в ее профилактику. Я должен утверждать, что поскольку нездоровье ведет к нездоровью, а коррупция порождает коррупцию, то привитая коровья оспа породит привычку организма, благоприятную для оспы, и в то же время будет иметь тенденцию возбуждать и усиливать другие формы болезни. Я также хотел бы спросить: какие экстравагантности следует допустить? Когда они будут определены, мы сможем перейти к обсуждению того, что не является экстравагантным. Обычная форма уклонения - общее признание вины, чтобы избежать боли от конкретного и явного осуждения. Признается, что Палата общин в 1802 году "совершила множество экстравагантностей", и под этой видимостью откровенности главная экстравагантность неявно подтверждается и переносится на будущее, а именно, что привитая коровья оспа имела влияние, неблагоприятное для оспы.

В "разнообразие экстравагантностей" мало кто, я полагаю, не колеблясь, включит утверждаемую ежегодную смертность от оспы в Соединенном Королевстве. Сэр Гилберт Блейн называл цифру 45 000, а доктор Леттсом - 36 000 - огромная разница в игре фантазии! Доктор Леттсом, который утверждал, что уделял много внимания цифрам, связанным с оспой, с удовольствием перевел экстремальную лондонскую смертность, а именно 3000, в обычную, хотя в некоторые годы она опускалась ниже 1000. Затем, оценив население Лондона в миллион человек, а население Соединенного Королевства - в двенадцать миллионов, он умножил 3000 на 12 и получил поразительную цифру смертности в стране - 36 000 человек в год от оспы, и все они должны были быть спасены благодаря рецепту Дженнера! Но если бы он взял среднюю или даже самую низкую смертность в метрополии, расчеты остались бы вопиюще ошибочными. Лондон, перенаселенный и зараженный вредителями, не был стандартом для всего населения, городского или сельского; и было чудовищным предположение, что оспа, печально известная спорадическая болезнь, была постоянной и одинаково распространенной по всей стране. Мы не располагаем исчерпывающими статистическими данными о жизни населения за указанный период, но если проанализировать современный Лондон, находящийся в постоянном контакте с провинциями, и Лондон 1802 года, живущий в сравнительной изоляции, то что мы обнаружим? А вот что: в Лондоне распространена оспа, а в стране ее практически нет! В газете "Пэлл Мэлл Газетт" от 31 мая 1878 года мы читаем: "...

Степень, в которой эпидемия оспы последних семи лет была локализована в Лондоне, очень примечательна. Lancet отмечает, что за неделю, закончившуюся 25 мая, в Лондоне и его пригородных районах был зарегистрирован 51 смертельный случай, в то время как ни в одном из девятнадцати крупных провинциальных городов с общим населением, примерно равным лондонскому, не было зафиксировано ни одного. С начала года количество

смертельных случаев оспы в пределах пятнадцати миль от Чаринг-Кросс составило 1 134, в то время как в девятнадцати других крупных городах их было всего восемь.

Подобные иллюстрации спорадического характера оспы мы находим везде, где только можно найти факты. В 1874 году в Лондоне от оспы умерло 735 человек, но ни одного в Бирмингеме; 386 в Ливерпуле, но ни одного в Плимуте; 347 в Салфорде, но ни одного в Ноттингеме; 190 в Манчестере и только 1 в Шеффилде; 24 в Бристоле и 4 в Лидсе; и так далее. Какие есть основания полагать, что то, что верно в отношении оспы в нашем собственном опыте, было иным в опыте наших предков?

Я сказал, что мало кто засомневался бы в том, что 36 тысяч доктора Леттсома и 45 тысяч сэра Гилберта Блейна можно отнести к экстравагантностям 1802 года, но я забыл о себе. У нас есть Национальное общество здравоохранения с герцогом Вестминстерским в качестве президента и всевозможными знатными людьми, аристократами, филантропами, учеными и литераторами, среди его комитета и членов. Теперь это общество выпускает памятку с советами и предупреждениями, касающимися оспы, одобренную Советом местного самоуправления, и в ней мы находим неоспоримый факт: "До введения вакцинации

"До введения вакцинации от оспы в этой стране ежегодно умирало 40 000 человек".

Таким образом, мы видим, как трудно умирает удобная басня, даже если известно, что она ложна, и как уважаемые люди будут повторять ее до тех пор, пока им кажется, что это во благо.

Как ни абсурдно было распространять соотношение лондонской оспы на население Соединенного Королевства, Европы и всего мира, сама лондонская болезнь не давала оснований для крайних выражений ужаса и тревоги, с которыми ее описывали. Оспа не увеличила уровень смертности в Лондоне: когда оспа была наиболее и наименее распространена, общая смертность изменялась незначительно. Пока санитарные условия великого города оставались неизменными, лихорадки сменялись оспой, а оспа - лихорадками, и неважно, умирали ли люди от одной формы болезни или от другой, - какая разница? На долю оспы, когда она была наиболее распространена, никогда не приходилось более 10 процентов от общей смертности в Лондоне, а в некоторые годы - менее 3 процентов; и следует помнить, что большую часть этой смертности составляла детская смертность - оспа в подавляющем большинстве случаев была болезнью молодых; не менее предосудительная по этой причине, но менее обвиняемая, чем некоторые другие формы зимозной болезни, в поражении взрослых кормильцев и увеличении бедности и нищеты.

Опять же, во многих разговорах об оспе предполагалось, что болезнь не имеет границ, что она подобна огню и может распространяться в любых масштабах, если ее не контролировать. Но чем можно было обосновать такое предположение? Разумеется, ничего из лондонского опыта. Оспа всегда присутствовала в Лондоне, то усиливаясь, то ослабевая по какому-то неизвестному закону; количество смертей поднималось до 3992 в 1772 году и опускалось до 522 в 1797-м - крайние показатели за весь век. Почему ни в один год не умерло 4000, или 7000, или 10 000? Когда огонь потушен, мы знаем, что он встретил отпор; и если оспа вызвала 3992 смерти в 1772 году и 522 в 1797-м, а оспа подобна огню, то, как мы видим, отпор был; и я спрашиваю, что это был за отпор? Ответы могут быть, но ни один из них не заслуживает безоговорочного признания. Несомненно то, что в Лондоне оспа никогда не была безграничным заболеванием. У нее были пределы, и только риторика алармистов говорила о том, что у нее их нет.

И преградой для болезни (какой бы она ни была) служили тела горожан, а не их терапия. Изолировать их пытались редко, а в тесноте их жилищ это было практически невозможно. Кроме того, им приходилось бороться не только с оспой, соответствующей их плохим условиям, но и с болезнью, которую распространяли и распространяют инокуляторы. Мы должны сказать, что, хотя в Лондоне прошлого века оспа была эндемичной и культивировалась, ни в один год смертность от нее не превышала 4 000 человек; более того, при наличии стольких факторов, благоприятствующих и стимулирующих болезнь, она была уменьшающейся величиной. По словам доктора Фарра.

Лондонская оспа достигла максимальной смертности после введения прививок, и болезнь стала становиться менее смертоносной до открытия вакцинации".

По ходу дела мы увидим, как естественная борьба с оспой (какой бы она ни была), иммунитет большинства от инфекции и упадок болезни были названы благословенными результатами рецепта Дженнера; а в наши дни вошло в обиход, для которого доказательства считаются излишними, что без этого рецепта оспа могла бы иметь неограниченное распространение. Если где-либо эпидемия оспы незначительна, говорят, что, если бы не вакцинация, она была бы тяжелой; а если тяжелая, то ее интенсивность была бы удвоена или утроена, если бы не действие того же самого профилактического средства. Замечательная иллюстрация этого стиля пророчества содержится в отчете Специального комитета Палаты общин по Закону о вакцинации 1867 года от 23 мая 1871 года, где мы читаем: "...

Оспа, не контролируемая вакцинацией, является одной из самых страшных и разрушительных болезней с точки зрения опасности заражения, доли смертей среди заболевших и постоянного вреда для выживших.

Ваш комитет считает, что если бы вакцинация не была повсеместной, *эпидемия [распространенная в то время] превратилась бы в мор, бушующий с разрушительной силой чумы средних веков.*

То, что не поддается доказательству, не поддается опровержению; а воображение медицинских работников, каким бы тупым оно ни было, нередко берет верх над их интеллектом.

Отбросить массу свидетельств, приведенных друзьями Дженнера перед Комитетом общин в 1802 году, иногда называют безнадежной затеей; но на такое хвастовство можно ответить, что опыт свел на нет существенную часть этих свидетельств, и осталось совсем немного. Ни один хорошо информированный практикующий врач не верит в то, во что заставили поверить Комитет, - что прививка коровьей оспой гарантирует пожизненную защиту от оспы. Эта гарантия, если она и сохраняется, подвергается стольким оговоркам, что примитивные прививальщики коровьей оспы сочли бы такую защиту недостойной оплаты, а тем более ликования по поводу величайшего открытия, когда-либо сделанного в медицине. Сейчас многие также не признали бы достоверность вариологического теста, который в то время имел неопровержимую силу убеждения. Прививка от оспы сама по себе была сомнительной операцией, и то, что она должна была потерпеть неудачу после прививки коровьей оспы, пока отравление крови не было отработано, было неудивительно. Подверженность вакцинированных людей заражению оспой также была обманчивой, и при этом удобно забывалось, что в обычных жизненных обстоятельствах все люди подвергаются заражению безнаказанно. Если взять год исключительной оспы в Лондоне, такой, как доктор Леттсом считает обычным, когда 18 000 человек были поражены и 3000 умерли (то есть каждый шестой), то на миллион жителей приходилось 982 000 спасшихся. Как они спаслись? Множество людей должно было вступить в непосредственный контакт с больными: Как они

остались невредимыми? Вопрос простой, но крайне важный. Если оспа была как огонь, а мужчины, женщины и дети - как топливо, почему не сгорели все? Под какой профилактики они находились в безопасности? И снова в этой связи мы не должны упускать из виду магию веры. При прочих равных условиях, когда два человека подвергаются воздействию оспы, один из которых уверен в своей неуязвимости благодаря прививке, а другой опасается опасности, шансы на то, что боязливый подвергнется нападению, будут равны, в то время как бесстрашный оправдает свою веру в иммунитет.

Исходя из этих очевидных соображений, нетрудно понять, как показания, представленные Комитету, выглядели правдивыми. Любой, кто изучал историю лекарственных средств или различные шарлатанские практики, находящиеся в поле его зрения, знает, как легко сфабриковать свидетельства с утверждениями, которые самонадеянно подвергать сомнению, и которые постепенно дискредитируются и в конце концов исчезают в забвении. Поэтому я не склонен сурово относиться к людям 1802 года. С высоты нашего опыта мы видим, как они сбились с пути, и осознаем давление тех влияний, под которыми они действовали. Более того, средство, обещавшее избавление от вредителя - прививки от оспы, пришло с сильным соблазном. О том, каким вредителем была эта прививка, как ее ненавидели и как подчинялись ей под влиянием долга, много написано в домашних мемуарах прошлого века. Каждая мать из высшего и среднего класса была убеждена, что ее детям необходимо пройти через вариолитическое испытание - испытание, которое заключалось в намеренном внедрении оспы в ее семью. Это было ненавистно, это было невыносимо, и все же это нужно было пережить! Врачи максимально преуменьшали риски, но то, во что они верили на самом деле, стало ясно, когда в качестве альтернативы появилась вакцинация. Тогда бывшие врачи осудили прививку от оспы с пылом, болезненно контрастирующим с их прежней профессией; в то время как родители с неописуемым удовлетворением услышали, что абсолютная безопасность от оспы на всю жизнь отныне гарантирована ценой пустяковой операции, не сопряженной ни с какими опасностями и приносящей несомненную пользу здоровью. Для наглядности контраста я прилагаю копию рекламной листовки, которая была расклеена на стенах и распространялась тысячами в Лондоне и стране в то время, о котором я пишу, 1801-2 гг.

ТАБЛИЦА, ПОКАЗЫВАЮЩАЯ ПРЕИМУЩЕСТВА ПРИВИВКИ ВАКЦИНОЙ.

Естественная оспа.

Инокулированная оспа.

Инокулированная коровья оспа.

I. Натуральная оспа - отвратительная, заразная, болезненная и смертельная болезнь. Она не встречается ни в одном климате, но свирепствует во всех уголках мира и уничтожает десятую часть человечества.

I. Привитая оспа также отвратительна, заразительна, болезненна и иногда смертельна; а при частичном прививке она распространяет заразу и увеличивает смертность от этой болезни.

I. Инокулированный коровьяк едва ли заслуживает названия болезни. Он не заразен и, по мнению самых опытных практиков, никогда не приводил к летальному исходу.

II. Те, кто выживает после

II. Иногда она вызывает те же

II. Она не вызывает никаких

этой ужасной болезни, часто становятся жертвами других недугов или влачат жалкое существование, которое хуже смерти.	болезни, что и натуральная оспа.	других заболеваний. Напротив, он часто был известен, чтобы улучшить здоровье, и исправить те болезни, при которых пациент раньше трудился.
---	---	---

III. Это жестокое и прискорбное заболевание оставляет после себя язвы, шрамы и другие изъяны и телесные уродства, которые омрачают жизнь.	III. Она часто оставляет после себя те же пятна и уродства, что и натуральная оспа, которые тем более прискорбны, что вызваны добровольным действием.	III. Она не оставляет после себя никаких изъянов, но <i>дает Благословение - одно из величайших, когда-либо дарованных человеку, - совершенную защиту от заражения оспой в будущем</i>".
--	--	---

Из этого точного изложения преимуществ прививки вакциной каждому непредубежденному человеку должно показаться очевидным, что долг и интерес каждого родителя, каждого человека и каждой нации - принять эту практику и ускорить

ИСТРЕБЛЕНИЯ ОСПЫ.

Таким образом, вакцинация была представлена английскому народу не шарлатанами, а лидерами медицинской профессии; и каковы бы ни были иллюзии и беды новой практики, мы должны признать ее заслугу в том, что она препятствовала и в конечном итоге вытеснила более грубую практику прививок от оспы. Что касается различных пунктов законопроекта, то они были и будут у нас на рассмотрении, и я хотел бы только сейчас обратить внимание на первоначальное заявление о том, что "оспа уничтожает десятую часть человечества". Краткий ответ на это заявление заключается в том, что количество человечества неизвестно, равно как и его болезни, а также пропорция, в которой они приводят к летальному исходу. Это было повторение необоснованного утверждения доктора Леттсома о том, что в плохой год лондонская оспа распространяется на всю землю. Даже в отдельные годы, когда в Лондоне от оспы умирало до 3000 человек, общая средняя смертность не оказывала серьезного влияния на этот показатель. Как мы уже отмечали, умершие просто заболевали оспой, а не какой-либо другой формой лихорадки. То, что ничто не может надолго снизить уровень смертности в обществе, кроме улучшения санитарных условий и личных привычек, не было открытием в 1802 году.

Несмотря на ликование по поводу Дженнера, "спасителя мира от оспы", и "величайшего открытия со времен сотворения человека", неизбежно возникает подозрение, что оно было в значительной степени фактическим - "от зубов наружу", как сказал бы Карлайл. Решение о выделении 10 000 фунтов стерлингов чудесному благодетелю человеческой расы было принято большинством в три голоса в парламенте, в который можно было набрать не более 115 членов, и ни Питт, ни Фокс не сочли нужным присутствовать при этом. К Дженнеру также не отнеслись так, словно его заслуги перед человечеством были оценены трезво. "Да, - скажут, - мир никогда не признает своих истинных благодетелей", но это замечание не применимо, так как Дженнер был признан очень широко и получил от своих современников похвалу, которую потомки не решаются повторить. Тем не менее похвала, хотя и обильная,

была не более чем словесной. Некоторые выражали негодование по поводу мизерной премии в 10 000 фунтов стерлингов и предлагали начать общенациональную подписку, но никто не проявил инициативы, и общенациональная благодарность не была испытана на практике. Даже 10 000 фунтов стерлингов были выплачены с опозданием. В письме другу от 3 июня 1804 года Дженнер вынужден был сообщить, что...

Казначейство все еще задерживает выплату того, что было присуждено мне два года назад; а теперь появились новые офицеры, и может пройти еще очень много времени, прежде чем я получу хоть гиней из этого квартала".

Когда, наконец, деньги были выплачены, почти 1000 фунтов стерлингов были вычтены за гонорары и т.д.; и, имея репутацию денег, он считался общественной собственностью. Как пишет доктор Барон.

Люди в Англии, казалось, думали, что его тело и разум были куплены за ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧ фунтов; и многие несправедливые и неблагородные намеки на это чувство были переданы ему. Для такого ума, как у него, это было немалым раздражителем. К нему обращались за объяснениями и мнениями все, кто считал непосредственное общение с автором вакцинации честью, которой стоит добиваться, в то время как они могли получить всю необходимую информацию из его опубликованных трудов.

Разумеется, все это было в порядке вещей, но Дженнеру приходилось сталкиваться и с худшим. Он смирился с тем, что его друзья-медики и политические деятели будут говорить о нем *свысока*, распрощался с Беркли и устроился лондонским врачом на Хертфорд-стрит, на Майской ярмарке. Результат мы имеем в его собственных словах.

Обрадованный и соблазненный речью канцлера казначейства, я снял дом в Лондоне на десять лет, за высокую арендную плату, и обставил его; но практика первого года убедила меня в собственном безрассудстве и неосмотрительности, а также в ложности предсказаний министра. Мои гонорары уменьшились как по количеству, так и по стоимости; ибо, как ни странно, некоторые из тех семей, в которых я раньше работал, теперь посылали своих домашних хирургов или аптекарей делать прививки своим детям, утверждая, что им и в голову не придет беспокоить доктора Дженнера по поводу вещи, которая делается так легко, как прививка вакциной. Другие, давая мне такие гонорары, на которые я считал себя вправе рассчитывать при первой прививке, снижали их при второй, а при третьей опускали еще ниже.

Его гонорары не достигали и 350 фунтов стерлингов в год, и вскоре он обнаружил, что ничуть не выиграл от парламентского гранта и оказался вовлечен в серьезные финансовые трудности. Он писал другу, 2 ноября 1804 года.

Лондонский дым способен затуманить наши лучшие способности. Я не намерен так рисковать своими способностями, разве что изредка для ведения дел. Общественность не имеет ни малейшего права требовать от меня таких жертв. Я не получил никакого вознаграждения за то, что показал им, как устранить одно из величайших препятствий на пути к человеческому счастью; напротив, меня обложили налогом в размере более 400 фунтов стерлингов в год!

И еще одному корреспонденту.

Теперь я окончательно определился с Лондоном. Я покончил с ним и снова начал работать деревенским врачом. Я обнаружил, что мой кошелек не в состоянии просадить 1000 фунтов стерлингов в год (что, собственно, и происходило в течение нескольких лет подряд), равно

как и благодарность публики, заслуживающей такой жертвы. Как тяжело после того, что я сделал, через какие труды прошел и какие тревоги перенес, *чтобы получить для мира более великий дар, чем тот, который человек когда-либо дарил миру прежде* (простите за этот всплеск эгоизма), быть выброшенным на улицу с едва заметным вознаграждением за мои расходы.

Это было трудно! Люди, которые приписывали Дженнеру величайшее открытие из когда-либо сделанных, сохранение от 36 000 до 45 000 жизней ежегодно в Соединенном Королевстве и спасение человеческой расы от оспы, действительно были вправе обойтись с ним более любезно. У него были сочувствующие и откровенные друзья. "Вашей либеральностью и бескорыстием все должны восхищаться, - писал мистер Бенджамин Трэверс, - но вы испытываете печальный недостаток в житейской мудрости. Если бы вы взялись за уничтожение оспы сами, с соратниками, которых вы сами назначили, я уверен, вы могли бы положить в карман 100 000 фунтов стерлингов; и слава была бы столь же велика, и польза для общества та же". Как эти 100 000 фунтов стерлингов были использованы для его умиления! И все же, как отметил доктор Пирсон, никто так и не показал, на каких практических условиях можно было бы заработать эту огромную сумму с помощью коровьей оспы.

ГЛАВА XIII.

КОРОЛЕВСКОЕ ДЖЕННЕРОВСКОЕ ОБЩЕСТВО.

Дженнер, завидуя Пирсону, стремился вытеснить Институт прививок вакцины Пока, основанный им в 1799 году; но Дженнер был тем, кого шотландцы называют "беспечным существом", чьи желания редко приносят плоды. После своего успеха в парламенте он не остался в Лондоне, чтобы улучшить свои возможности, а удалился в домашний покой в Беркли и Челтенхеме. Однако его друзья не забывали о нем, и доктор Хоз, мистер Аддингтон, хирург Бенджамин Треверс и Джозеф Липер встретились на Куин-стрит в Сити 3 декабря 1802 года и решили основать "Дженнерианское общество по уничтожению оспы". Мистер Аддингтон передал резолюцию собрания Дженнеру, сказав: "Мы надеемся на ваше руководство и помощь."

Мы надеемся на ваше руководство и помощь и очень хотим знать, когда мы сможем иметь удовольствие видеть вас в городе".

Джозеф Фокс с Ломбард-стрит, дантист и энтузиаст новой прививки, также написал ему 4 декабря с просьбой о сотрудничестве.

План, который сейчас обсуждается, самый обширный и либеральный. Ожидается даже, что удастся заручиться благосклонностью короля; но многое зависит от вас. Все смотрят на вас как на человека, который должен заложить первый камень. Было бы хорошо, если бы это удалось сделать в течение нынешнего года, тем более что это памятное время, когда эта практика получила парламентскую санкцию.

Но легкомысленный Дженнер не поддался на уговоры. Он написал мистеру Аддингтону из Беркли 10 декабря 1802 года.

Ваше очень любезное письмо застало меня только что вернувшимся с женой и детьми в наш приятный дом, где я обещал себе несколько недель домашнего уюта после нескольких лет, проведенных в постоянных тревогах.

С одной стороны, это тяготы. С другой - восхитительная перспектива, открывающаяся перед моим взором, - учреждение для содействия всеобщей вакцинопрофилактике - учреждение, к которому я уже много лет с нетерпением присматриваюсь.

Мне нет нужды вдаваться в дальнейшие объяснения, скажу лишь, что если великодушный замысел не позволит мне остаться здесь на то время, которое я себе отвел, я, конечно, выполню пожелание моих друзей и уеду в город. Однако следует заметить, что я смиренно полагаю и горячо надеюсь, что мое присутствие не будет абсолютно необходимым. Я написал моему другу доктору Леттсому и попросил его быть любезным (насколько это допустимо) моим представителем. В его суждениях по данному случаю я могу быть полностью уверен.

Письмо описывает этого человека. Он не любил, когда его беспокоили - даже когда действия были направлены на достижение его собственной славы. Как заметил Пирсон: "Если бы вакцинация была оставлена Дженнеру, она никогда бы ни к чему не привела". Бенджамин Треверс также написал ему в то же время, настаивая на необходимости его присутствия в Лондоне, но его отговорили аналогичными отговорками и надеждами на помощь из государственного бюджета.

Правительство, я не сомневаюсь, окажет должную поддержку столь справедливому и похвальному начинанию. В пользу этого предположения говорит мой долгий разговор с мистером Эбботтом, спикером Палаты общин, который сказал, что после расследования Парламентского комитета он считает, что создание учреждений для бесплатной прививки стало общественным долгом.

Поскольку Дженнера было не достать, организаторы приступили к работе без него, и их триумф был полным, когда на собрании в лондонской таверне 17 февраля 1803 года было объявлено, что Его Величество милостиво соблаговолил стать покровителем "Королевского Дженнеровского общества по уничтожению оспы", что Ее Величество с величайшей благосклонностью удовлетворила просьбу стать покровительницей: что его королевское высочество принц Уэльский и их королевские высочества герцог Йоркский, герцог Кларенс и герцог Камберлендский самым лестным образом выразили готовность принять должность вице-патронов; что его светлость герцог Бедфордский согласился занять должность президента; и что многие прелаты, дворяне и джентльмены самого высокого ранга и респектабельности согласились быть вице-президентами Общества.

Одобрение принца Уэльского было передано по адресу письмом графа Эгремонта, над которым Барон, биограф Дженнера (писавший, когда принц превратился в Георга IV), разразился заглавными буквами, следующими словами

Милостивый и благосклонный ум выдающегося писателя проявляется в каждой строчке; и все это действительно характерно для тех великих качеств, которые продолжают придавать блеск его еще более возвышенному положению и проливают столько настоящей славы на его царствование".

Подписки поступали беспрепятственно. Корпорация Лондона дала 500 фунтов, Ост-Индская компания - 100 фунтов, герцог Бедфорд - 50 фунтов, а десять, пять, две и одна гиней были

внесены с либеральностью, свидетельствующей о пылкости обычного легковерия. Но получить деньги было гораздо легче, чем распорядиться ими, хорошо сообразуя средства с целями. Дженнерианцы также были чрезмерно организованы. Здесь были Медицинский совет и Совет директоров. Медицинский совет состоял из двадцати пяти врачей и двадцати двух хирургов первой величины в Лондоне, президентом которого был Дженнер, а вице-президентом - Леттсом. Такой механизм никогда не мог работать, и в тот момент, когда нужно было вести реальные дела, выбиралось необычное должностное лицо.

Джон Уокер родился в Кокермуте в 1759 году, был школьным товарищем Вудвилла, впоследствии врачом Лондонской оспенной больницы. После пестрой карьеры кузнеца, гравера и школьного учителя он обратил свое внимание на медицину, окончил Лейденский университет, связался с французскими революционерами под видом члена Общества друзей; затем сопровождал доктора Маршалла в вакцинационном путешествии по Средиземному морю, откуда, после множества приключений на войне и в непогоду, появился в Лондоне в 1802 году, одетый как квакер с длинной бородой - явление в чисто выбритом обществе. Джозеф Фокс, дантист с Ломбард-стрит, предоставил ему в пользование часть своего дома, и там, по его собственным словам, "я установил свой *Vaccinium* для славного дела". Как только было создано Дженнерианское общество, Уокер был выдвинут Джозефом Фоксом и другими Друзьями в качестве главного прививочного врача, и Уокер подал заявление в следующих выражениях

Дженнерианскому обществу.

Друзья, - пожалуй, нет ни одного человека, который имел бы больше оснований быть довольным тем интересом, который вы проявляете к вакцинации, чем я.

В последние годы ее применение было главным делом моей жизни, и я отчасти обязан тем, что в последние месяцы отдельные члены вашего Общества проявили рвение и дали мне возможность продолжать ее. Они присылали ко мне пациентов из отдаленных и труднодоступных районов этого обширного города, когда из-за отсутствия известности я мог бы остаться без работы.

Позвольте мне предложить вам свои услуги таким образом: в период становления вашего учреждения вы не можете доставить мне большего удовольствия, чем увеличить число моих пациентов; ведь там, где я сейчас выхаживаю десятки, я мог бы легко делать то же самое для сотен.

После этого заявления я надеюсь, что вы сочтете настоящее обращение ни несвоевременным, ни навязчивым, а скорее знаком непоколебимого рвения в том счастливом деле, в котором вы сейчас участвуете.

С уважением,

Джон Уокер.

54 Ломбард-стрит, 29. xii., 1802.

Когда наступил день выборов, из многих кандидатов были выбраны четверо, один из них - доктор Домайер, немец, которого настоятельно рекомендовали королева и принц Уэльский; но Друзья остались при своем мнении, и доктор Уокер был назначен постоянным инокулятором в центральном доме Общества на Солсбери-сквер с жалованьем в 200 фунтов в год, углем и свечами, а также правом брать плату за частные "прививки".

Учредители Общества, опираясь на престиж имени Дженнера, решили проводить ежегодный праздник в день его рождения, 17 мая; и на первом обеде в 1803 году он подвергся достаточному количеству лести, чтобы вскружить голову любому человеку, не знающему безрассудной неискренности, которая преобладает в таких случаях. Именно преклонение, связанное с созданием этого Общества, как ничто другое побудило Дженнера стать врачом западной части города. Попытка деревенского врача средних лет стала поводом для мрачного юмора, а его последующие затруднения не один день волновали его друзей. Помимо трудностей, присущих этому предприятию (скорее социальному, чем медицинскому), Дженнер обладал конституциональной нехваткой метода и усидчивости. Закутавшись в жену и семью, он всегда откладывал дела, когда они требовали его ласки; а уехать из Лондона в Глостершир по каким-то домашним делам было в его глазах процедурой, не требующей защиты - все это, может быть, и приятно, но постоянно раздражало и расстраивало его единомышленников; а ведь не с таким обременением любой человек может рассчитывать пробиться в мире. Когда в 1804 году наступила годовщина, Дженнер был в Беркли, и когда его попросили присутствовать, он написал

Хотя почтовая карета может доставить мое тело, мой разум останется позади. Одной из причин моего отсутствия, помимо многих других, является печальное состояние здоровья миссис Дженнер. Я не могу оставить ее даже на один день, не испытывая при этом никаких чувств. Мои друзья, которые почитают славное дело вакцинации, собравшись 17-го числа, надеюсь, примут мои извинения. Я намерен собрать в этот день в своем коттедже несколько стойких вакцинистов. Я угощу их ростбифом, не забыв про рожок или два хорошего октябрьского. В завершение дня мы выпьем по стакану молока за здоровье друзей человечества в "Короне и якоре"; и если бы не недомогание моей бедной жены, мы бы ревели, как быки.

Если Дженнер был праздным и самовлюбленным, то Уокер - наоборот. Он был прекрасным представителем рода *фанатиков*. Одержимый жаждой того, что он называл Vacciolation, он обладал медным лбом, стальными нервами и привычками, как часы. В Лондоне было открыто тринадцать пунктов, где коровья оспа прививалась бесплатно, и через восемнадцать месяцев Уокер мог сообщить, что 12 288 пациентов были прооперированы, а 19 352 заряда вируса были разосланы по стране и за границу; при этом Барон замечает: "...

Эффект этих усилий сразу же проявился в поразительном сокращении числа смертей от оспы в рамках "Счетов о смертности". В 1803 году их было 1173, в 1804 году - всего 622. Контраст покажется еще более значительным, если учесть, что в 1800 году число умерших составило 2409 человек, а среднегодовое число смертей за пятьдесят лет до этого составляло 2018.^[131]

Этот отрывок примечателен тем, что является представителем многих подобных отрывков в литературе о вакцинации. Его можно было бы назвать нечестным, но это настолько прозрачное ремесло, что такой эпитет был бы экстравагантным. Вероятное объяснение заключается в том, что вакцинация стала считаться настолько неоспоримо полезной, что в ее пользу можно утверждать *все, что угодно*, и это *все* было правдой. Иначе ребенок мог бы спросить, как 12 000 или 24 000 прививок могли бы хоть как-то повлиять на немедленное снижение смертности от оспы среди населения в восемь или девятьсот тысяч человек. Барон также заставил бы своих читателей предположить, что низкая смертность 1804 года, а именно 622 человека, была беспрецедентной, хотя, имея перед собой билли смертности, он мог бы увидеть, что в 1797 году смертность упала до 522 человек; и он знал, что низкая цифра

1804 года не сохранилась, а выросла до 1685 в 1805 году. Но, как уже отмечалось, *любое заявление*, если только оно благоприятно для вакцинации, ожидается как правдивое, и общественная доверчивость оправдывает эти ожидания.

Давайте сами посмотрим на лондонские законопроекты, взяв последние десять лет XVIII и первые десять лет XIX веков, и попытаемся выяснить, чему они учат.

Годы.	Погребения от всех болезней.	С оспы.	От Лихорадки.	От Корь.
1791	18,760	1747	2013	156
1792	20,213	1568	2236	450
1793	21,749	2382	2426	248
1794	19,241	1913	1935	172
1795	21,179	1040	1947	328
1796	19,288	3548	1547	307
1797	17,014	522	1526	222
1798	18,155	2237	1754	196
1799	18,134	1111	1784	233
1800	23,068	2409	2712	395
	---	---	---	--
	196,801	18,477	19,880	2707

Следует заметить, что перед нами не учет смертей во всем Лондоне, а лишь количество внутригородских захоронений, которое уменьшалось по мере того, как некоторые кладбища становились все более и более переполненными, не выдерживая разложения и ассимиляции, и облегчение искали в кладбищах внегородских приходов, таких как Сент-Панкрас и Мэрилебон. Только так можно объяснить уменьшение числа захоронений (которое в течение многих лет XVIII века составляло от 25 000 до 30 000). В этом свете мы должны рассмотреть следующую таблицу, в которой мы отмечаем меньшее количество захоронений, меньшее количество оспы, меньшее количество лихорадок, но большее количество кори.

Годы.	Погребения от всех болезней.	От От оспы.	От Лихорадки.	От Корь.
1801	19,374	1461	2908	36
1802	19,379	1579	2201	559
1803	19,582	1202	2326	438
1804	17,038	622	1702	619
1805	17,565	1685	1307	523
1806	17,938	1158	1354	530
1807	18,334	1297	1033	452
1808	19,954	1169	1168	1386
1809	16,680	1163	1066	106
1810	19,893	1198	1139	1031
	---	---	---	--

По какой бы причине ни происходило сокращение заболеваемости оспой, но это было непрерывное сокращение, начавшееся еще до Дженнера; и в то же время мы должны повторить, что в наши дни (когда все клянется в единстве природы, соотношении и конвертируемости ее сил) крайне ненаучно выделять оспу из числа зимозных болезней и рассматривать ее как самостоятельный объект. Это лихорадка среди лихорадок, которая плодится и размножается в тех же условиях, и ее нельзя изучать отдельно от ее соратников без серьезного недопонимания.

По сравнению с более точными статистическими данными нашего времени, эти "Счета смертности" не представляют особой ценности; но, несмотря на это, на них постоянно ссылаются, а их данные используются, как Барон, в качестве предлога для самых необоснованных утверждений. Влияние вакцинации на смертность от оспы в 1801-10 годах было практически нулевым. Вакцинацией было охвачено всего несколько тысяч человек, и те в основном принадлежали к классам, наименее подверженным этой болезни. Огромная кипящая масса столичного убожества, в которой оспа и тиф были эндемичны, осталась нетронутой ланцетом вакцины. Если новая практика и принесла пользу, то только в том, что дискредитировала и обескуражила культуру оспы при вариолитной прививке.

Вернемся к Королевскому Дженнерианскому обществу. Его "дни расцвета" были недолгими. Энтузиазм угас, подписка сократилась, стали известны случаи заболевания оспой после вакцинации, серьезные болезни и смерть, ставшие следствием "доброкачественной и безвредной операции". Противники становились все смелее, и их невозможно было заставить замолчать. Тогда внутри Общества начались ревность и раздоры. Финансовый секретарь враждовал с медицинским секретарем. Привычки и эксцентричность доктора Уолкера, на которые сначала смотрели с весельем, вызывали раздражение и отвращение, а покладистый образ жизни Дженнера и его безнаказанность становились источником скандалов и недоверия. Кульминация наступила в 1806 году, когда Дженнер и Уокер открыто вступили в противоборство, в результате чего произошла смертельная схватка.

Уокер, надо сказать, никогда не относился к Дженнеру с уважением. Как и Пирсон, он оценил его заслуги, но не оценил их высоко, и не стал слушать его диктовку. "Вакцинация, - замечал он, - чрезвычайно проста с точки зрения фактов, а что касается причин, то она совершенно недоступна для медиков со всеми их теориями". Дженнер, как президент Медицинского совета, считал, что имеет право на послушание, но Уокер был последним человеком в мире, который подчинялся, когда у него сформировалось противоположное убеждение.

Дженнер [пишет барон] считал своим долгом увещевать его и неоднократно в самой дружеской манере указывал ему на пагубную тенденцию его нововведений. Эти уговоры оказались безрезультатными, и он прекратил всякое общение с доктором Уокером после лета 1805 года; он предпочел молча оплакивать судьбу Общества, а не выступать перед ним в качестве публичного обвинителя.

Конечно, такое терпение не могло продолжаться долго, и инструкции, выданные Уокером Ноттингемскому институту вакцины в марте 1806 года, стали поводом для открытого разрыва. Дженнер вынес поведение Уокера на рассмотрение Медицинского совета и добился его осуждения. Затем вопрос был передан на рассмотрение Общего суда Общества 25 июля, где предложение об отстранении Уокера от должности было отклонено большинством в три

голоса: Уокера поддержал сэр Джозеф Бэнкс, а Дженнера - доктор Симс. Но победа не удовлетворила Уокера, и 8 августа он положил конец распрям, подав прошение об отставке.

Торжественный рассказ Барона об этом поединке должен потрясти любого бесхитростного читателя. Дженнер, как утверждается, считал действия Уокера "самыми опасными", "ставящими под угрозу безопасность практики" и "способными погубить Общество"; так что если бы он не ушел в отставку, Дженнер был бы вынужден покинуть Солсбери-сквер. По мере чтения мы восклицаем: "Что же натворил этот ужасный доктор? Вот ответ Барона.

Нет необходимости упоминать конкретные случаи неправомерного поведения, которые были установлены. Они касались даже самого названия болезни, метода лечения пустул, особенностей правильной вакцинации, мер предосторожности, которые необходимо соблюдать при ведении практики, и т. д. и т. п.

Мур ясно излагает суть преступления.

Метод Уокера по извлечению лимфы заключался в том, что он вскрывал везикулы и вытирал их содержимое ворсом, чтобы получить свежую секрецию. Такое жестокое обращение с младенцами было противоположно тому, что ему предписывалось использовать; а поскольку он был непоколебим в своем решении, в конце концов было сочтено необходимым отстранить его от должности.^[132]

Обратившись к "Жизни Уокера" д-ра Эппса, мы можем еще раз проиллюстрировать разницу между Твидлдумом и Твидлди.

Два разных способа были приняты для взятия вещества для прививки от привитого субъекта: один - путем проколов вокруг внешней части язвы, способ доктора Дженнера; другой - путем удаления корочки или струпьев из центра язвы, вытирания жидкости под ней, а затем взятия вещества, без разбора, из любой части всего вещества язвы, способ доктора Уокера.^[133]

Как и в драках и войнах, мнимое преступление редко бывает истинным или полным, поэтому, вернувшись к событиям 1805-6 годов, мы обнаружим, что вакцинация была раскрыта, а Уокер служил Дженнеру в качестве козла отпущения. Поведение Уокера также сделало его удобной жертвой. Многих, кому не было никакого дела до его способа "принимать лимфу", задело его презрение к их собственной значимости, и они были готовы помочь Дженнеру добиться его унижения. Мистер Клайн, хирург, выслушав множество речей против Уокера, подытожил обвинение: "Все, на что они жалуются, - это его *одежда и обращение*". Один морской офицер, встретив Уокера 25 июля, сказал: "Я приехал в город сегодня, чтобы поднять руку в вашу поддержку. Вы с Дженнером не согласны по некоторым мелочам, и ваши враги хотят обратить этот факт вам во вред, но они потерпели поражение. Разве человек, который спускает на воду судно, единственный, кто может им управлять? Если бы Дженнер прожил еще пятьдесят лет, он никогда не смог бы воспользоваться авторитетом вашего опыта".

Победа Дженнера над Уокером была совершенно катастрофической: она уничтожила Королевское Дженнеровское общество. Основные сторонники Общества были приверженцами Уокера, и вместе с ним они отделились, приобрели другой дом на Солсбери-сквер и основали Лондонский институт вакцин с Уокером в качестве управляющего. Остатки Дженнерианского общества назначили Джеймса Шеридана Ноулза, молодого ирландского хирурга, преемником Уокера и за отличия приобрели ему степень доктора медицины в Сент-Эндрюсе. Он обладал сдержанностью, которую презирал Уокер, и мало чем еще. Он

пренебрегал своими обязанностями, и вскоре торговля "благотворной жидкостью" была переведена в новое заведение. В конце концов от аренды, оборудования и мебели дома Дженнериана избавились и перешли в более скромные офисы, пока в 1813 году то, что осталось от Общества, не было включено в концерт Уокера.

Уокер получил значительную помощь от членов Общества друзей, и этот факт дает Муру (апологету Дженнера) повод для определенных насмешек. Он описывает собрания на Солсбери-сквер следующим образом.

Затененные широкополыми шляпами квакеров; их раскольническое усердие было наиболее заметным, хотя их примитивная кротость была неразличима. Поддерживая своего друга, они лукаво спорили, бурно ругались и голосовали почти единогласно. И все же, несмотря на всю эту спорную настойчивость, буйный квакер по предложению доктора Дженнера был отстранен от должности, и мир был восстановлен.

Уволен он не был, и мир, наступивший после его отставки, был разрушен. Успех института Уокера (неизбежно зависящего от подписки) он объясняет следующим анекдотом.

Один благородный герцог рассказал мне, что в один знойный день к нему в комнату вошел распаренный широколицый человек в квакерском одеянии, со шляпой на голове, и сказал: "Друг, я пришел с благотворительной миссией, чтобы попросить твою лепту". Герцог, позабавленный странностью приветствия, попросил его сесть и объяснить свое дело. Квакер умышленно опустил все упоминания о спорах в Дженнеровском обществе и об увольнении доктора Уокера, которые были реальными причинами для сбора подписки; он долго рассуждал о пользе вакцинации и неловкими похвалами доктору Дженнеру заставил герцога поверить, что подписка была собрана для одобренного им общества. Эта хитроумная речь вытащила кошелек герцога, и квакер, подсмотрев за ним, развернул список, добавил имя его светлости в качестве приманки для других, и, сказав: "Друг, счастливо оставаться", - удалился неловкой походкой и с напускной строгостью. Такими ухищрениями была собрана большая подписка от тех, кто предпочитает платить, а не спрашивать; тем временем Дженнерианское общество уменьшилось в числе и, подрываемое клеветой, пошло на спад.^[134]

Не стоит, однако, думать, что крах Королевского Дженнеровского общества избавил Дженнера и его партию. Оставался Дженнер, которого нужно было обеспечивать: его нельзя было порядочно оставить; нужно было поддерживать запас вакцинного вируса, для чего гордость не позволяла зависеть от диспансера Уокера. Напрасно было заново взывать к благосклонной общественности, чье доверие ушло в другое место, а подозрения были возбуждены. Поэтому было решено обратиться за помощью к правительству. Политическое влияние партии Дженнери было значительным, и мы увидим, с какой целью оно было использовано.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ТЕРМИНА "ВАКЦИНАЦИЯ".

Новая практика требует нового названия, и прошло некоторое время, прежде чем оно было найдено для прививки коровьей оспы. Доктор Уокер использовал Vacciolation и to Vacciolate в 1802 году; но именно Ричард Даннинг, хирург из Плимута, ввел Vaccination и to Vaccinate. Дженнер, написав Даннингу 2 апреля 1804 года, заметил

Полезные термины "вакцинация" и "вакцинировать", несомненно, ваши, и в таком виде я произнес их на собрании Королевского Дженнеровского общества, когда присутствующий доктор медицины упомянул их как заимствованные с континента.^[135]

Вакцинация еще не стала общепринятым термином. Среди необразованных людей мы слышим, что их "стригут под капот" или просто "стригут".

Хотя вакцинация - полезное слово, его часто применяли и применяют неправильно. Прописанная Дженнером коровья оспа на лошадином жире была скорее вакцинацией, чем прививкой; и когда вирус, полученный от лошади, использовался аккуратно, вакцинация была точным обозначением без сомнения. Опять же, когда вирус оспы был получен от телок, последующая прививка человеку была не вакцинацией, а вариоляцией, или, по крайней мере, вариолитической вакцинацией. Вирус, находящийся в общественном пользовании в настоящее время, полученный от коровьей оспы, коровьей оспы, лошадиной оспы, оспы, коровьей оспы и т.д. и т.п., прививаемый от руки к руке, сериями, продолжительными и не поддающимися исследованию, называется вакцинацией; но это вакцинация в вере или фантазии, доказательства чего-либо, кроме неопределенности, недостижимы.

ССЫЛКИ:

[131] Baron's Life of Jenner, Vol. i. p. 577.

[132] История и практика вакцинации, стр. 212. Джеймс Мур. Лондон, 1817.

[133] Жизнь Джона Уокера, доктора медицины, стр. 88. Джон Эппс, доктор медицины. Лондон, 1831.

[134] История и практика вакцинации, стр. 213-215.

[135] Baron's Life of Jenner, vol. ii., p. 336.

ГЛАВА XIV.

ОБРАЩЕНИЕ В ПАРЛАМЕНТ С ПРОСЬБОЙ О ПОМОЩИ ДЖЕННЕРУ, 1806 ГОД.

Барон рассказывает о личной застенчивости Дженнера и его душевных терзаниях в преддверии праздника Королевского Дженнеровского общества, в котором он должен был принять участие. В разговоре с Бароном он сказал.

Я могу сравнить свои чувства с чувствами не кого иного, как поэта Каупера, когда его рассудок, наконец, уступил опасениям по поводу исполнения им своих обязанностей в Палате лордов. Именно чтение "Жизни" Каупера, как я полагаю, спасло мои чувства, заставив меня полностью осознать грозящую мне опасность. За много недель до заседания я начал волноваться, а по мере его приближения был фактически лишен аппетита и сна; когда же наступил день, я был вынужден умерить свою чувствительность и набраться храбрости с помощью бренди и опиума. Собрание было прервано роспуском парламента, который отправил ведущих людей в деревню; и то, что сначала просто откладывалось, в конце концов было оставлено, к моему немаленькому удовольствию и удовлетворению.^[136]

Некоторая часть этой робости, несомненно, была вызвана сознанием того, что он играет обманную роль, и присвоением почестей и наград, на которые он не имел права претендовать. Как и многие застенчивые люди, Дженнер мог быть дерзким с пером и чернилами, но смелость лицом к лицу была ему недоступна; и эта робость, наряду с другими причинами, объясняла его неудачу в качестве лондонского врача - "доктора коровьей оспы", как его обычно называли. Те, чья поддержка привела его к катастрофе, те, кому было приятно верить, что он научил человечество, как спастись от оспы, и несколько его собратьев по профессии - все были заинтересованы в том, чтобы помочь ему выйти из затруднительного положения, и, если возможно, за государственный счет. Герцогиня Devonshire написала мистеру Ангерштейну.

Я не забыла о вашем добром интересе к Дженнеру. Я говорила с герцогом, принцем и Морпетом, и все они поступят так, как вы считаете нужным; но Морпет взялся навести справки, нельзя ли снова вынести его дело на рассмотрение парламента. Он считает, что, если это удастся сделать, будет более удовлетворительным, чем любая подписка. Я попросил его выяснить, как Питт *на самом деле* настроен в этом вопросе, и я ждал результатов этих расследований, чтобы написать вам.

В то же время сам Дженнер не бездействовал и сумел эффективно продвинуть свои собственные интересы. Он приехал в Лондон 10 мая 1805 года, сразу же повидался с лордом Эгремонт и рассказал о потерях, которые он понес на государственной службе; результатом стало решение вновь обратиться к либеральности Палаты общин. Кроме того, ему удалось склонить на свою сторону канцлера Казначейства, о чем он рассказывает следующим образом.

Во время моего пребывания в городе летом 1805 года леди Кру случайно в разговоре сказала мне, как сильно лорд Генри Петти желает встретиться со мной по вопросу о вакцинах, и что она хотела бы свести нас вместе. Мы встретились на ее вилле в Хэмпстеде и так подробно остановились на этом вопросе, что его светлость, убедившись в нанесенном мне ущербе, выразил решимость представить что-нибудь на ближайшей сессии. До наступления сессии мистер Питт умер, и канцлером казначейства стал лорд Генри Петти. В начале 1806 года я снова увидел его светлость и обнаружил, что его пыл в отношении моего дела не ослабевает. Вскоре это было доказано ходатайством его светлости в Палате представителей.^[137]

Лорд Генри представил дело Дженнера в палате общин 2 июля и изложил баснословные сведения, доведенные до его сведения с силой личного убеждения. Вакцинация была профилактикой оспы, этой страшной болезни, распространяющей смерть по всему миру. Именно в 1777 году Дженнер получил неясные сведения об особых свойствах вакцины; с того времени он глубоко размышлял над этим вопросом, накапливал информацию и проводил осторожные и решительные эксперименты. В конце концов он довел свое открытие до совершенства и опубликовал его на благо человечества. Затем лорд Генри рассказал о триумфах вакцинации не только в Европе, но и в Китае и Индии! Везде, где была введена эта практика, оспа уменьшилась и исчезла. Например, в Вене средняя смертность от оспы составляла 835 человек в год. Вакцинация была начата в 1799 году, и смертность снизилась в 1802 году до 61, в 1803 году до 27, а в 1804 году до 2. Таким образом, в Вене ежегодно спасалось 833 человека. Этот несомненный факт произвел глубокое впечатление на его ум [как и должно быть!] Но, увы! То, что приносило столько пользы за границей, дома игнорировалось и не принималось во внимание. В лондонском Сити от оспы умирало в среднем 1811 человек в год, и эта смертность постепенно сократилась благодаря вакцинации до 629. Благодаря распространению болезни путем вариолитной прививки, в прошлом году (1805) число умерших увеличилось с 629 до 1685. Это ужасное уничтожение

жизни, особенно шокирующее при наличии определенных профилактических мер, требовало самого серьезного внимания, и в данной ситуации он счел себя обязанным предложить план по сбору массы доказательств, выяснению истины и просвещению общественности. Поэтому он предлагает

Представить Его Величеству смиренное обращение с мольбой о том, чтобы он соблаговолил поручить Королевскому колледжу врачей изучить состояние прививок в Соединенном Королевстве и сообщить свое мнение о достигнутом прогрессе и причинах, препятствующих их повсеместному внедрению.

Если этот отчет врачей подтвердит благоприятное мнение о вакцинации, сложившееся в зарубежных странах, он должен в значительной степени способствовать ослаблению тех предрассудков против этой практики, которые разжигались здесь. И в этом случае Палата может рассмотреть вопрос о том, было ли вознаграждение изобретателю первооткрывателю в соответствии с либеральным духом и характером этой страны.

Доктор Мэтьюс поддержал предложение и противопоставил безопасность вакцины опасностям вариолитной прививки. Он не сомневался, что страна поспешит еще раз засвидетельствовать свою благодарность ученому врачу, которому она обязана этим неоценимым благом.

Мистер Уилберфорс не одобрил обращение в Коллегию врачей. Он предпочел бы, чтобы расследование проводил комитет Палаты представителей, а другой комитет - Палата лордов. Мнения таких беспристрастных людей были бы более близки к чувствам народа и гораздо более удовлетворительны, чем любой медицинский отчет из Коллегии врачей. Последних можно заподозрить в профессиональных мотивах, в то время как отчет лордов и общин будет воспринят всеми как исходящий из чистого желания содействовать общему благу. Его не удивил тот факт, что вакцинация достигла меньшего прогресса в стране, чем за рубежом. Соппротивление было вызвано тем любопытным принципом человеческого разума, который принимает то, что приходит издалека, с восхищением, в то время как то, что знакомо, игнорируется и презирается. Средство было найдено в распространении информации о полном успехе вакцинации в зарубежных странах. Таким образом, они рассеют те абсурдные предрассудки, которые порождаются и поддерживаются некоторыми эгоистичными и заинтересованными лицами.

Мистер Уиндхэм не согласился с советом мистера Уилберфорса передать этот вопрос на рассмотрение парламентского комитета. Это был вопрос для медиков. К комитету палаты представителей можно было бы применить пословицу: *Ne sutor ultra crepidam*. Пусть они скрепят своим одобрением заключение врачей, а затем приступят к выплате вознаграждения этому заслуженному человеку, которому общество обязано величайшей благодарностью. Он не мог отделаться от мысли, что еще не получил положенного за те расходы и хлопоты, которых стоило ему это открытие.

Мистер Бэнкс был настроен скептически. Он пожалел, что предложение не было внесено раньше, так как тогда он поддержал бы предложение мистера Уилберфорса. Они хотели узнать, действительно ли вакцинация обеспечивает разумную безопасность от оспы. Это не был вопрос для медиков, в котором Палата была некомпетентна. Они были способны определить этот вопрос и ясно изложить его публике, как и самый ученый орган, который когда-либо существовал. Он также пожелал, чтобы, поскольку предложение будет принято, Королевский колледж хирургов объединился с врачами в подготовке доклада. Что касается доктора Дженнера, то, если вакцинация окажется столь эффективной, как утверждается, он может быть оставлен, чтобы найти свое вознаграждение в ее практике.

Лорд Генри Петти, подводя итоги дебатов, выразил свое удовлетворение общим одобрением его предложения. Он не считает, что Палата компетентна выносить суждение о вакцинации. Они не могли решить, является ли коровья оспа подлинной или поддельной, или же заболевание, возникающее в результате прививки, является обычным или иным; они также не могли определить, были ли высыпания, которые могли появиться после вакцинации, вызваны операцией или же они были вызваны другими причинами. Такие деликатные вопросы могли решать только медики. Что касается предложения присоединить Королевский колледж хирургов к Коллегии врачей, то оно было излишним. Коллегия врачей будет консультироваться не только с хирургами, но и с медицинскими колледжами Шотландии и Ирландии. Если отчет окажется благоприятным, то его обязанностью будет предложить назначить вознаграждение доктору Дженнеру за его неоценимое открытие.

Предложение было внесено с кафедры и принято единогласно.

Нет нужды говорить о том, что доклад Коллегии врачей был простой формальностью на пути к принятию решения об оказании Дженнеру помощи. Он лежал тяжелым грузом на многих руках, и никто так не хотел освободиться от этого давления, как некоторые влиятельные члены Коллегии, чей отчет был запрошен. Операция была искусно спланирована для достижения поставленной цели, и лорд Генри Петти позволил нагрузить и применить себя с необыкновенной легкостью: но публичным людям часто приходится выдавать за свои слова то, что сообщают другие, и нести ответственность за абсурды, которых они не сознают.

ССЫЛКИ:

[136] Baron's Life of Jenner, vol. ii. p. 162.

[137] Baron's Life of Jenner, vol. ii. p. 55.

ГЛАВА XV.

ДОКЛАД КОРОЛЕВСКОЙ КОЛЛЕГИИ ВРАЧЕЙ.

Отчет врачей появился 10 апреля 1807 года - многословный документ, в котором неловко перемешались утверждения и догадки. Что касается расширения практики, то в нем говорилось

В течение восьми лет, прошедших с тех пор, как доктор Дженнер обнародовал свое открытие, вакцинация быстро развивалась не только во всех частях Соединенного Королевства, но и во всех уголках цивилизованного мира. На Британских островах было привито около сотни тысяч человек, в наших владениях в Ост-Индии - до 800 000, а среди европейских народов эта практика стала всеобщей.

Профессионалы подвергли ее самым тщательным испытаниям, а общественность в большинстве своем приняла ее без предубеждения. Свидетельства в его пользу были самыми убедительными и удовлетворительными, и практика его применения, хотя и сдерживаемая в некоторых кругах, похоже, растет в большинстве районов Соединенного Королевства.

Из доклада следовало, что против вакцинации выступают инокуляторы; документ можно назвать как обвинением против старой практики, так и положительной защитой новой.

Как бы ни была полезна прививка от оспы для отдельных людей, она, по-видимому, сохранила постоянный источник заражения, который стал средством увеличения числа смертей от того, что называется естественной болезнью. Нельзя сомневаться в том, что эта беда была усугублена неосмотрительной манерой, в которой огромное количество людей, даже после введения вакцинации, ежегодно прививаются от оспы, и после этого от них требуется присутствовать два или три раза в неделю в месте прививки на всех стадиях болезни.

Некоторые инокуляторы утверждали, что вакцинация порождает "новые, неслыханные и чудовищные болезни", и использовали картинки, чтобы вызвать ужас и отвращение.

Публикации с подобными утверждениями были широко распространены, и хотя они возникли либо в результате грубого невежества, либо умышленного введения в заблуждение, они все же уменьшили доверие многих, особенно низших слоев населения, к вакцинации.

Каким бы ни был характер вакцинации, если бы утверждения в ее пользу были правдивыми, все равно главное сопротивление ее практике заключалось бы в общей апатии.

Низшие слои общества вряд ли можно побудить к принятию мер предосторожности против зла, которое может находиться на расстоянии; да и нельзя ожидать от них, что эти меры предосторожности будут сопряжены с расходами. Поэтому, если не считать непосредственного страха перед эпидемической оспой, ни вакцинация, ни прививки, по-видимому, ни разу не были всеобщими, а когда причина ужаса миновала, общество вновь погрузилось в безразличие. Нелегко предложить средство от зла, так глубоко укоренившегося в человеческой природе.

Тем не менее, было предложено проводить вакцинацию бесплатно, но в то же время Коллегия выразила мнение, что до тех пор, пока вариолиновая прививка не будет отменена или запрещена, "невозможно будет предотвратить постоянное повторение натуральной оспы".

Рекомендация вакцинации безвозмездно вызвала гнев доктора Мозли.

Gratis! [воскликнул он]: Каждый человек знает, что уже много лет почти на всех улицах Лондона вывески или доски на стенах домов, на лавках методистов или в витринах аптек приглашают невежественную публику к безвозмездной вакцинации. Я видел столько безвозмездных памяток о коровьей оспе, безвозмездных пуховок, безвозмездных патетических проповедей и обращений, а также безвозмездных объявлений на вокзалах, что хватило бы нагрузить вола. А что думает Колледж по поводу дженнерианских плакатов, расклеенных на стенах и в переулках, среди всех черносотенных публичных домов в городе и деревне, и развешанных в магазине или салоне каждого коровьего оспы в Англии с наглыми именами Их Величеств и Их Августейших Семей?[138]

Отчет Коллегии интересен как историческое признание и знак прогресса. Врачи, составившие его, были теми же людьми, которые в 1800 году заявили о своей безграничной уверенности в вакцинации, хотя еще мало что знали о ней, и провозгласили в газетах, что считают своим долгом заявить.

Что люди, переболевшие коровьей оспой, совершенно защищены от заражения оспой в будущем.

От представителей столь неквалифицированной профессии не стоило ожидать абсолютного опровержения; но опыт породил осторожность, и поучительно отметить, с какими оговорками было предпринято отступление от первоначальной позиции. Так -

Безопасность, получаемая от вакцинации, *если и не абсолютно совершенна*, то почти такова, какой можно ожидать от любого человеческого открытия; среди нескольких сотен тысяч случаев, с результатами которых ознакомился Колледж, *количество предполагаемых неудач было удивительно мало*, настолько, что не вызывает разумных возражений против всеобщего принятия вакцинации".

Доклад не был выступлением людей, одержимых уверенностью в 1800 году: в нем прослеживалась та неэффективная убежденность, которая уклоняется от ответственности и ищет подтверждения в посторонних источниках. После упоминания о вариолиновом тесте в докладе говорилось следующее

Из многочисленных наблюдений, переданных в Колледж, следует, что те, кто прошел вакцинацию, надежно защищены от заражения эпидемической оспой. Города и районы страны, в которых вакцинация проводилась повсеместно, впоследствии имели оспу, распространенную со всех сторон, и не страдали от заразы. Есть также несколько примеров, когда эпидемическая оспа была подавлена общей вакцинацией.

Способность путать совпадение с причиной не была неизвестна в 1807 году, и ее можно было бы использовать в качестве возможного объяснения прекращения эпидемии оспы одновременно с вакцинацией; хотя в настоящее время известно, что вакцинация, когда оспа эпидемична, приводит лишь к усилению и распространению болезни.

Как общая (то есть частичная) вакцинация некоторых городов и сельских районов обеспечила всеобщее избавление от оспы, врачи так и не смогли объяснить. Были распространены и благочестиво восприняты необыкновенные истории о викарной вакцинации. Если часть городского или сельского населения подвергалась вакцинации (обычно та часть, которая в любом случае меньше всего подвергалась опасности заболеть оспой) и оспа не вспыхивала или не распространялась повсеместно, спасение общества приписывалось викарной вакцинации. Это явление, как ни странно, ускользнуло от внимания богословов, хотя медики постоянно подтверждают его наличие.

С горечью было признано, что вакцинация не является абсолютным средством защиты от оспы, но боль от уступки была смягчена мотивом смягчения.

Почти в каждом случае, когда оспа сменялась вакцинацией, болезнь сильно отличалась от своего обычного течения; она не была одинаковой ни по силе, ни по продолжительности симптомов, но, *за очень редким исключением*, была удивительно мягкой, как будто оспа была лишена всей своей обычной злобы благодаря предыдущей вакцинации.

Само собой разумеется, что такое заявление - шарлатанская романтика. Откуда врач мог знать, что какой-либо случай оспы стал более мягким в результате вакцинации? Ведь как он мог знать, насколько тяжелой была бы болезнь без вакцинации? Не было никакой почвы для сравнения. Оспа - это вспышечная лихорадка с широким диапазоном интенсивности - легкая, чтобы быть пустяковым недомоганием, и тяжелая, чтобы быть неизбежно

смертельной". "Так верно, - писал доктор Вагстафф в 1722 году, - это распространенное наблюдение, что есть один вид, при котором медсестра не может убить, и другой, который даже врач не может вылечить". И все же каждый случай легкой формы оспы после того, как в моду вошла коровья оспа, ставился в заслугу вакцинации!

Некоторые авторы [продолжает доклад] сильно недооценивают безопасность, которую дает вакцинация, другие считают, что она носит лишь временный характер; но если полагаться на заявления, представленные Колледжу, то ее способность защищать человеческий организм от оспы, *хотя и не совершенна*, но вполне достаточна, чтобы рекомендовать ее благоразумным и беспристрастным людям. Мнение о том, что вакцинация дает лишь временную защиту, не подтверждается ни аналогиями в природе, ни фактами, имевшими место до сих пор.

Аналогия с природой была коварной поддержкой, а врачи не предвидели времени, когда их преемники будут ссылаться на факт временной безопасности вакцинации как на причину для систематической ревакцинации.

Нетрудно уловить между строк отчета дух сомнений и колебаний. Те, кто его составлял, зашли слишком далеко, чтобы повернуть назад; у них на руках был Дженнер, а публика готова была улюлюкать, если бы произошло открытое отступничество. Перспективы на родине не внушали оптимизма, но был еще континент, да что там, весь мир, где можно было прикрыть упрек в неудаче.

Они не могут быть равнодушными [говорили врачи] к тому подтверждению, которое они получают не только от введения вакцинации во всех частях Европы, *но и на обширных континентах Азии и Америки*.

Огромные континенты Азии и Америки! Прекрасная фраза, очень прекрасная фраза, в которой больше утешения, чем могут себе представить насмешники.

В отчете мы обнаружили одну хорошую услугу, а именно: взрыв вымысла Дженнера о поддельной оспе. Когда вакцинация была впервые выдвинута на первый план, были приведены случаи оспы после коровьей оспы. Дженнер сразу же заявил, что коровья оспа в таких случаях должна была быть поддельной, поскольку оспа после настоящей коровьей оспы невозможна; и с тех пор поддельная коровья оспа свободно использовалась для того, чтобы сбить с толку дознавателей и объяснить неудачи. Поддельная коровья оспа великолепно служила целям вакцинаторов, но со временем она стала приводить к неприятным последствиям. Подлинная коровья оспа, как утверждалось, была безвредной, а поддельная - неэффективной или приносящей вред; и инокуляторы использовали ужас поддельной оспы против вакцинации. Поэтому возникла необходимость убрать с пути поддельную оспу, и Дженнер, выступая перед Коллегией врачей, надавил на этот вопрос, "признал свою вину", как говорят американцы, и дал следующее объяснение.

При вакцинации иногда случались некоторые отклонения от обычного хода, которые автор практики назвал поддельной коровьей оспой, *чем ввел публику в заблуждение, будто существует истинная и поддельная коровья оспа*; но, похоже, имелось в виду не что иное, как выражение нерегулярности или отличия от той обычной формы и хода развития пустулы вакцины, на основании которой делается вывод о ее эффективности.

Марк! Это было третье определение поддельной оспы, данное Дженнером.

Сначала, в "Расследовании" 1798 года, он описал поддельную коровью оспу как высыпания на корове, полученные из лошадиного жира, не вызывающие эризипелаза при прививке человеку и не дающие эффекта против оспы. Настоящая коровья оспа была получена из конского жира и только из конского жира.

Во-вторых, в книге "Происхождение вакцинной прививки" 1801 года все упоминания о лошадином жире были отброшены по коммерческим соображениям, а существование поддельной коровьей оспы было подтверждено "как некоторые разновидности спонтанных высыпаний у коров".

В-третьих, выступая перед врачами в 1807 году, он вообще убрал из названия болезни корову, заявив, что под "врожденной коровьей оспой" подразумевается не что иное, как вариации в форме и развитии пустул на руках вакцинированных!

Короче говоря, выражаясь словами Бетси Приг, "никогда не было никакой поддельной оспы". Скользким, очень скользким был бессмертный Дженнер.

Вместе с отчетом Королевского колледжа врачей были доставлены отчеты Лондонского колледжа хирургов, Эдинбургского и Дублинского колледжей врачей и хирургов.

Отчет Лондонского колледжа хирургов был признан самым неудовлетворительным, и если бы можно было предвидеть его содержание, дженнерианцы, возможно, никогда бы не обратились за ним. 15 декабря 1806 года всем членам Коллегии, чьи адреса были известны в Соединенном Королевстве, было разослано 1100 циркуляров, в которых ставились следующие вопросы

1-й. Сколько человек вы вакцинировали?

2-й. Заболел ли кто-нибудь из ваших пациентов оспой после вакцинации?

3-е. Случались ли в вашем опыте какие-либо плохие последствия после вакцинации, и если да, то какие?

4-е. Усиливается или ослабевает практика вакцинации в вашем районе? Если ослабевает, то по какой причине вы это объясняете?

На 1100 циркуляров было получено всего 426 ответов. Почему почти две трети членов хранили молчание, когда с самого начала они во множестве выступали за вакцинацию, так и осталось невыясненным. Ответы были обобщены Советом 17 марта 1807 года.

Число лиц, которые, как утверждается в таких письмах, были привиты, составляет 164 381.

Число случаев, когда оспа последовала за вакцинацией, составляет 56.

Совет считает нужным отметить в этой главе, что при перечислении случаев, в которых оспа последовала за вакцинацией, они не включили ни одного, кроме тех, в которых человек был привит хирургом, сообщившим об этом факте.

Плохие последствия, которые возникли в результате вакцинации, следующие.

66 случаев высыпаний на коже и
24 случая воспаления руки, из которых

3 оказались смертельными.

Вакцинация в большинстве графств, из которых были получены отчеты, похоже, растет: в метрополии она снижается.

Основными причинами снижения являются

Несовершенство вакцинации,
Случаи заболевания оспой после вакцинации,
предполагаемые плохие последствия,
Публикации против этой практики,
Народные предрассудки.

В докладе Эдинбургского колледжа врачей отрицается знакомство с вакцинацией, поскольку эта практика полностью находится в руках хирургов и других практикующих врачей.

Однако, чтобы опубликовать свое убеждение в огромной пользе, которую принесла и принесет в будущем миру прививка от коровьей оспы, они спонтанно и единогласно избрали доктора Дженнера почетным членом своего колледжа - знак отличия, который они очень редко присваивают и который они присуждают почти исключительно иностранным врачам первой величины.

Отчет Коллегии хирургов, датированный 3 марта 1807 года, не оставил Дженнерам ничего желаемого. Эдинбургские хирурги на собственном опыте убедились, что вакцинация обеспечивает постоянную защиту от оспы, и не наблюдали никаких плохих последствий от этой практики. Вакцинация началась в Эдинбурге в 1801 году, и теперь она была настолько распространена в городе.

Что в течение двух или трех лет оспа считалась довольно редким явлением даже среди низших слоев населения, *за исключением некоторых кварталов, где она появилась около двенадцати месяцев назад*. Среди высших слоев населения эта болезнь неизвестна.

Редкое явление, если только не появилось в некоторых кварталах около года назад!
Обратимся к отчету Эдинбургского диспансера за 1805 год, и там мы читаем

Эта отвратительная болезнь, к сожалению, была очень распространена в нескольких кварталах города.

И это совпало с широкой вакцинацией, против которой, очевидно, не было активного сопротивления! В этой связи следует также вспомнить заявление профессора Александра Монро в 1765 году о том, что "жители Шотландии обычно болеют оспой в младенчестве или детстве; взрослых при этой болезни встречается очень мало"; и что в Эдинбурге, где условия были весьма благоприятны для оспы, смертность от этой болезни составляла в среднем чуть более ста человек в год. Эдинбургские врачи практически ничего не знали о вакцинации, и мы видим, как хирурги, которые знали, формировали свои доказательства.

Дублинский колледж врачей поддержал модное мнение, что "прививка коровьей оспы безопасна и полностью отвечает своей цели". Они "готовы были допустить, что после вакцинации имели место сомнительные случаи заболевания оспой, но при тщательном расследовании эти предполагаемые случаи, как правило, объяснялись неправильным

описанием или трудностью отличить оспу от других высыпаний". Довольно неловко, видя, что в моде противоположное мнение, они исповедовали свою веру в вариолитическую прививку.

В Ирландии оспа стала гораздо менее грозной болезнью благодаря тому, что от нее часто делают прививки, чем в других частях владений Его Величества, где преобладают предрассудки против прививок. Поэтому родители, что вполне естественно, возражают против введения новой болезни в виде вакцинации, предпочитая доверять той практике, с мягкостью и безопасностью которой они хорошо знакомы.

Дублинский колледж хирургов показал себя более осведомленным о времени. Им нечего было сказать в пользу прививок, но они подтвердили свою уверенность в вакцинации и в том, что ее практика в Ирландии расширяется. С 1800 по 1806 год в общей сложности 14 335 человек были "привиты вакциной" в учреждениях Дублина, а также во многих других местах.

Было установлено, что коровья оспа - легкое заболевание, редко сопровождающееся опасностью или какими-либо тревожными симптомами, а *те немногие случаи оспы, которые произошли в Ирландии после предполагаемой вакцинации, были удовлетворительно доказаны, как возникшие в результате случайных обстоятельств.*

Возникли в результате случайных обстоятельств! Таким образом, божественное озарение опыта было завуалировано и опровергнуто!

Опираясь на этот бюджет сомнительных доказательств, правительство принялось требовать от Палаты общин второй фонд для Дженнера.

ПРИМЕЧАНИЕ:

[138] Обзор отчета о вакцинации. Бенджамин Мозли. Лондон, 1808.

ГЛАВА XVI.

ДЖЕННЕР ОСВОБОЖДЕН-1807.

Пока Королевский колледж врачей готовил свой доклад, в политическом мире царил суматоха. Тупой и фанатичный Георг III отказался под предлогом своей присяги предоставить католикам права граждан, последовала смена администрации, и мистер Персеваль, человек по сердцу самого короля, сменил лорда Генри Петти на посту канцлера казначейства и приступил к реализации плана по освобождению Дженнера, для чего доклад "О состоянии прививок в Соединенном Королевстве" был всего лишь слепком.

29 июля 1807 года, когда Палата общин была в Комитете по снабжению, мистер Персеваль предложил наградить доктора Дженнера второй суммой в 10 000 фунтов стерлингов за его выдающееся открытие. Оспа была одним из величайших бедствий человечества, от которого почти никто не спасся. Для этой страшной болезни Дженнер изобрел средство, неизвестное ранее, а если и известное, то никогда не публиковавшееся. Поэтому он не думает, что Комитет сочтет его предложение экстравагантным; в действительности это был скорее акт справедливости, чем либеральности. Те, кто читал отчет врачей, признают огромные преимущества новой практики. Что касается неудобств, то они не шли ни в какое сравнение

с теми, что были при вариолитной прививке, а те немногие ошибки, которые были зафиксированы, объяснялись невежеством и небрежностью. Те, кто придерживался мнения г-на Мальтуса, могли бы возразить, что, спасая жизни от моровой язвы, мы ничего не выигрываем; ведь смерть не является потерей там, где средства к существованию недостаточны; но он, со своей стороны, проигнорировал бы этот аргумент, даже если бы он был верен. Гораздо лучше было следовать велению своего сердца и сохранять жизнь, когда это было в их силах. Он часто слышал, что истинное богатство государства - это его жители. Но он не стал бы оценивать награду Дженнера по количеству жизней, которые его изобретение сохранит миру. Если бы он это сделал, какую сумму они могли бы предложить! Он лишь сказал, что предложенные 10 000 фунтов стерлингов - не более чем умеренное признание труда и гения, отданных на службу человечеству.

Мистер Шоу Лефевр выступил против предложения. Он счел прежнюю заявку на 20 000 фунтов стерлингов чрезмерной и согласился с теми, кто снизил ее до 10 000 фунтов стерлингов. Кроме того, он согласился на меньшую сумму из-за своей веры в доклад Комитета Палаты представителей о новой прививке, но теперь он обнаружил, что многие утверждения в этом докладе были ошибочными. В нем утверждалось, что вакцинация является безошибочной профилактикой оспы, в то время как отчет хирургов теперь признает 56 неудач! В первом отчете говорилось, что после вакцинации не возникает ни одной болезни, в то время как сейчас признается, что золотуха и другие тревожные симптомы являются ее случайным продолжением! Отчет, таким образом, наносящий ущерб вакцинации, тем не менее, свидетельствует в ее пользу, и он хотел бы вызвать в палату свидетелей, которые бы еще больше выявили ее несоответствия и неточности. В столь поздний период сессии голосовать за такую сумму государственных денег было неправильно". [Кроме того, было общеизвестно, что Бенджамин Джести из Уорта в Дорсетшире открыл коровью оспу задолго до Дженнера, и если Палата решила проявить либеральность, то вознаграждение должно быть разделено с Джести или с его семьей. Он должен выступить против голосования, но он не сказал, что всегда будет так поступать. Его целью было выиграть время для более тщательного расследования.

Лорд Генри Петти, который первым выступил с инициативой по этому вопросу, поддержал своего преемника. Он не сомневался ни в эффективности вакцинации, ни в том, что Дженнер был ее первооткрывателем. Его трудность заключалась в том, чтобы найти правило справедливости в этом деле; ведь кто бы ни оценивал ценность открытия, он должен был понимать, что невозможно поступить великодушно с первооткрывателем. Его заслуги перед человечеством не поддаются никакой финансовой оценке. Ему возразили, что вакцинация не является безошибочной. Он ответил, что не следует ожидать абсолютного и неизменного совершенства от любого человеческого устройства: они должны быть вполне удовлетворены тем приближением к непогрешимости, которое принадлежит вакцинации. Ее ежедневная польза была бесчисленной. Множество моряков, солдат и граждан всех мастей были спасены с ее помощью, а при созерцании ее будущих последствий для человеческой расы разум терялся в изумлении и благодарности. Как же тогда они могут говорить о либеральности по отношению к Дженнеру, благодетелю! Они должны помнить, как он ценится в мире, как они действуют в глазах всех народов и как их собственные характеры поставлены на карту в их поведении по отношению к нему. Что касается Мальтуса, то это заблуждение. Он не учил ничему, что запрещало бы вымирание инфекционной болезни, которая так сильно сократила человеческое счастье. Заботясь о вакцинации, Палата представителей не должна забывать о вреде, который все еще причиняет прививка от оспы. Как бы ревностно он ни относился к новой практике, у него не было желания вмешиваться в то, что, по мнению других (пусть и абсурдному), имеет отношение к их собственному

спасению и спасению их семей, но никто не имеет права подвергать опасности жизни других. Было неопровержимо доказано, что те, кому была сделана прививка от оспы, распространяют смертельную заразу, выезжая за границу или перевозя ее на себе. Поэтому он считает, что государство не только вправе, но и обязано обязать тех, кто заразился оспой, не выходить из дома до полного выздоровления. Он не стал вносить поправку в резолюцию, но без колебаний согласился бы на большую сумму.

Генерал Тарлетон не смог удержаться от похвалы автору этого благословения человечеству. Насколько ему известно, она спасла жизни многим людям на службе Его Величества. Солдаты могли маршировать и выполнять все военные обязанности, когда проходили вакцинацию. Говорят, что джентльмены в армии не уважают ничего, кроме успеха на войне, но он считает, что многие офицеры умеют восхищаться Дженнером, спасителем миллионов, и допускают, что в будущие века его слава превзойдет славу величайших воинов.

Мистер Стерджес Борн осудил практику прививок амбулаторным пациентам в оспенной больнице, благодаря которой болезнь систематически увековечивалась и распространялась по всему обществу. Он считает, что законодательный орган будет настолько же оправдан, если примет меры по предотвращению этого зла путем сдерживания, насколько оправданным будет выхватывание маньяком зажигательной смеси из рук в тот момент, когда он собирается поджечь город.

Мистер Хокинс Браун со стыдом признался, что в 1802 году он проголосовал за 10 000 фунтов стерлингов вместо 20 000; но в то время он мало представлял себе масштабы заслуг Дженнера перед человечеством.

Мистер Эдвард Моррис не считал, что даже то, что было сказано, в достаточной степени выражает их долг благодарности Дженнеру. Его открытие позволяло надеяться на истребление оспы, и заслуга в этом величайшем открытии принадлежала только ему. Старая прививка смягчала болезнь у немногих и распространяла ее в полной ярости на многих. Поэтому она стала для человечества проклятием, а не благословением. Оспенная больница, практиковавшая прививки, была источником чумы и умножала число жертв этого прискорбного заболевания. Главным отличием вакцинации было то, что она сохраняла объект и никому не причиняла вреда. Этим несказанным благословением они обязаны Дженнеру, поскольку в его оригинальный и тщательно разработанный рецепт не было внесено ни малейшего усовершенствования. Они обязаны учитывать, что он отказался от прибыльного занятия своей профессией и отдал многие годы жизни на благо своей страны и человечества. Поэтому он хотел бы внести поправку в резолюцию, представленную Комитету, о том, что грант должен составлять не 10 000, а 20 000 фунтов стерлингов, чтобы подчеркнуть их признание заслуг Дженнера и обеспечить ему независимость.

Поправку горячо поддержали мистер Уилберфорс, мистер Уиндем, сэр Джон Себрайт и мистер Герберт.

Мистер Персеваль, как канцлер казначейства, поддержал свою резолюцию, но с безразличными аргументами. Не было прецедента, чтобы голос, рекомендованный правительством, был таким образом увеличен. Он признал, что Дженнер имеет право на гораздо большее, чем они могли себе позволить, но также не было прецедента, чтобы столь большая сумма, как 30 000 фунтов стерлингов (включая прежний голос), была дарована любому первооткрывателю.

Мистер Уильям Смит не согласился с этими возражениями. Он рассказал о триумфах вакцинации в Азии и Америке и заявил, что, как и в старину, пророк не имеет чести в своей

стране. [Он призвал Комитет проголосовать за большую сумму и сказал, что, хотя Канцлер Казначейства в своем публичном качестве может протестовать, в глубине души он не будет недоволен, если над ним довлеет мнение Палаты представителей, страны и мира.

Мистер Уитбред умолял Комитет помнить о том, что Дженнер не пожелал монополизировать вакцинацию и тем самым пожертвовал огромным состоянием. Он призвал Палату проголосовать за большую сумму. Вакцинация дала средства для снижения уровня бедности. Снижение заболеваемости оспой означало уменьшение числа смертей, уменьшение числа сирот и вдов. Вакцинация означала улучшение здоровья бедных и увеличение количества денег в карманах богатых. Они могли бы извинить это его обращение к корыстолюбию землевладельцев, поскольку его ждали более возвышенные соображения. Он также хотел избавить палату от повторного рассмотрения этого вопроса. Пусть они вознаградят Дженнера раз и навсегда, и либерально; и помните, что то, что называется экономией в этой связи, если бы Палата практиковала это, было бы, в глазах всего мира, их позором.

Другие выступали в том же духе, и когда палата разделилась, 60 проголосовали за поправку мистера Морриса, а 47 - против, и 20 000 фунтов стерлингов были приняты большинством в 13 голосов. Включая 10 000 фунтов стерлингов, принятых в 1802 году, Дженнер получил таким образом 30 000 фунтов стерлингов государственных денег, причем во времена войны и нехватки.

Следует отметить, что дебаты проходили в Палате из 107 членов в поздний период сессии, и различия между ораторами заключались в степени экстравагантности и легковерия. Баснословный случай с Дженнером лично представляет собой любопытное свидетельство того, как легенды зарождаются в присутствии современников и как их с пылом добросовестности повторяют люди, чья компетентность и честность могут считаться безупречными. Партия Дженнера подстегнула своих приверженцев, и дело было тщательно подготовлено; но поскольку они добились своего, не следует думать, что им пришлось обойти активных противников. Главной трудностью для них была апатия. Обычный политик мало что мог извлечь из коровьей оспы; и тогда, как и сейчас, средний член парламента редко принимал участие в проектах, которые не способствовали его популярности. Что касается энтузиазма в отношении вакцинации, проявленного выступавшими в Палате представителями, то следует помнить, что они не были новообращенными сторонниками этой практики *как таковой*. Ни одно по-настоящему новое открытие не было встречено таким мгновенным хором одобрения со стороны толпы, образованной или необразованной. Все они были воспитаны на суровой и опасной практике вариолитной прививки, а вакцинация была не более чем ее модификацией с соблазнительным обещанием равной или большей безопасности от оспы и избавления от ее опасностей и раздражений. Если не учитывать эту склонность, поведение парламента в отношении Дженнера нельзя понять правильно. Не было произнесено ни слова против вакцинации с той позиции, которую занимают физиологи в настоящее время, поскольку эта позиция в научном смысле была еще неизвестна. Оспа была таинственным визитом, с которым нужно было таинственно справиться - избавиться, если возможно, с помощью медицинских хитростей; а не, как мы убеждены, кризисом нечистот в крови, вызванным плохими условиями жизни, от которого нельзя избавиться лучше, чем в ходе природы с помощью вспышки лихорадки. Если бы мы могли подавить оспу (любым другим способом, кроме устранения ее причин), мы бы просто изменили ее проявления и были вынуждены принять ее в другой, более тяжелой форме болезни.

ГЛАВА XVII.

ВАКЦИНАЦИЯ СОЗДАНА И ОБЕСПЕЧЕНА.

Дженнер позаботился о том, чтобы его приверженцы достигли еще одной цели, а именно освобождения от бремени Королевского Дженнеровского общества, парализованного отделением доктора Уокера и Друзей, и создания Лондонского института вакцин. Сначала они пытались дискредитировать новый институт, вплоть до того, что распространяли на улицах города листовки, подобные следующей

Предостережение.

Лицам, желающим получить прививку от коровьей оспы бесплатно под санкцией Королевского Дженнерианского общества.

Ввиду того, что доктор Джон Уокер под различными предлогами препятствовал лицам, направляющимся в центральный дом Общества, общественность настоящим предупреждается о необходимости быть начеку против любых коварных представлений, поскольку связь между доктором Уокером и Обществом прекращена, а доктор Ноулз назначен постоянным инокулятором в доме Общества, № 14 на Солсбери-сквер.

По распоряжению директоров и медицинского совета, 9 октября 1806 года.

Все было напрасно. Уокеру предпочли Шеридана Ноулза, которого поддерживал Дженнер, чьи друзья были не в восторге от поддержки Общества из собственного кармана. Поэтому было решено обратиться в парламент за ежегодной субсидией, чтобы избавиться от необходимости подписки. Руководители Лондонского института вакцин, узнав о затее, естественно, заявили, что если правительство будет столь благосклонно, то именно они имеют больше прав на помощь, и подготовили петицию, в которой изложили свои усилия по распространению вакцинации. Такое вмешательство в их планы привело дженнерианцев в ярость, и мистер Джон Фуллер взял на себя обязательство высказать их мнение в Палате общин. Поэтому, когда 2 июня 1808 года сэр Томас Тертон представил петицию, Фуллер вскочил на ноги и осудил ее, заявив, что более грубой подделки в Палате еще не было.

Спикер вмешался. Петиция не была зачитана. Когда она будет зачитана, палата сможет судить о ее содержании. Мистер Фуллер вернулся на свое место под общий смех. Петиция была зачитана.

Мистер Фуллер извинился за свою резкость. Петиция была грубым обманом, злой уловкой, чтобы обмануть публику; или, если это не было абсолютным обманом, то очень близко к ветру. Когда они пришли просить у него подписку, он думал, что они представляют какую-то respectable корпорацию, но кем они оказались? Квакерами, или пресвитерианами, или как их там еще называют. Они получили от него пять гиней, но как только он их обнаружил, то пригрозил им офицером с Боу-стрит и обвинением в мошенничестве, что вскоре заставило их вернуть деньги. Как жаль было видеть, что в этом доме хоть один человек поддерживает дело таких парней! Он не думал, что distinguished баронет разделяет их выгоду, и мог бы смеяться как угодно и говорить как адвокат, но это был плохой

способ показать себя ради небольшой славы среди таких отвратительных сектантов. Он надеялся, что Палата представителей не станет оправдывать это самозванство.

Сэр Томас Тертон с добрым юмором ответил, что Дженнерианское общество, в интересах которого предыдущий оратор проявил столь неослабевающее рвение, было учреждено лишь в 1803 году. Первоначальный институт вакцины Пок был основан доктором Пирсоном в 1799 году. Учреждение, о котором шла речь в петиции, было основано в 1806 году, в основном членами Общества друзей, секты, о добродетельных принципах и поведении которой он имел честь свидетельствовать. С 1806 года Институт передал информацию о вакцине 81 000 человек в любой жизненной ситуации. Просители желали только, чтобы приведенные ими факты были расследованы, и надеялись на государственную помощь только в том случае, если имели на нее право на общественных основаниях.

Эта заявка на помощь Института Уокера сделала невозможной его уступку Дженнерианскому обществу: правительство не должно было попасть в горячую воду, проявив благосклонность к кому-либо из них; и поскольку оба не могли быть субсидированы, было решено изменить заявку и попросить Палату общин предоставить средства для содержания нового и независимого учреждения, из которого "вирус подлинной вакцины мог бы распространяться без затрат по всем британским владениям". Г-н Джордж Роуз, казначей военно-морского флота, взял на себя ответственность за эту меру, которую он внес на рассмотрение Палаты 9 июня 1808 года. Рассказав о печально известной неудаче вакцинации в Рингвуде, он заметил, что, хотя уже нельзя утверждать, что вакцинация обеспечивает надежную защиту от оспы во всех случаях, тем не менее, факты свидетельствуют о том, что неудачи случаются не одна из 300. Поэтому он заявил, что, учитывая свидетельства колледжей врачей и хирургов Лондона, Эдинбурга и Дублина о том, что вакцинация полезна и в целом эффективна, Палате желательно создать центральное учреждение для обеспечения и распространения настоящей вакцины, а управление им поручить Королевским колледжам врачей и хирургов в Лондоне. Расходы не должны превышать 2500 или 3000 фунтов стерлингов в год.

Мистер Дэвис Гидди заявил, что не возражает против резолюции, но было бы гораздо лучше воздержаться от вмешательства. Люди будут пренебрегать прививками, и тогда оспа разразится с удесятенной силой.

Мистер Фуллер заметил, что оспа была уничтожена в Калькутте благодаря систематической и принудительной вакцинации, и он считает, что такой же результат может быть достигнут в этой стране. Он считает, что даже те, кто не решается прибегнуть к всеобщему принуждению, не будут возражать против вакцинации всех детей в работных домах.

Сэр Т. Тертон предпочел бы создать комитет по расследованию. В Лондоне уже существовало три учреждения для распространения коровьей оспы, и цель, которую преследовал мистер Роуз, скорее всего, будет достигнута за счет частных подписок и помощи правительства, чем за счет специального учреждения, созданного и финансируемого государством.

Лорд Генри Петти утверждал, что, поскольку доказательства непогрешимой эффективности вакцинации в настоящее время, по общему признанию, неполны, было бы очень правильно, чтобы исследования продолжались под наблюдением общественности, а не ряда небольших учреждений, которые, возможно, были бы полностью освобождены от обвинения в том, что руководствуются корыстными мотивами.

Сэр Фрэнсис Бердетт сказал, что вакцинация предстала перед ними в совершенно ином свете, чем предполагалось вначале. Не так давно их уверяли, что она является

безошибочным средством профилактики оспы, и что практика ее проведения настолько проста, что с ней справится любая старуха. Теперь же им говорили, что это очень сложная операция, требующая большой рассудительности и мастерства, недостатком которых объяснялись многочисленные неудачи. Таким образом, не было ни простоты, ни безопасности, о которых говорилось вначале. Учитывая эти явные расхождения между обещаниями и практикой, Палата представителей, по его мнению, поступила крайне неразумно, вмешавшись, чтобы помочь, как оказалось, неудачному эксперименту. Они должны быть осторожны - не поддерживать то, что может оказаться пагубной ошибкой. Правительство этой свободной страны не может заставить людей подчиняться предписаниям врачей, операциям хирургов или чему-либо еще, кроме законов; и сомнительно, что сама наука выиграет, если будет находиться под руководством правительства. Им были представлены отчеты медицинских колледжей, но, читая эти отчеты, он обнаружил много колебаний и уклонений, и ничего, кроме уверенности, проявленной несколькими членами Палаты от имени вакцинации. Было признано множество случаев неудач, и такие случаи можно смело удваивать. Что касается поддельной оспы, то он хотел бы знать, что это такое. Ее использовали для объяснения всех казусов, и, как он подозревал, это было простое смещение, перетасовка и уход от ответственности. [Сэр Фрэнсис не должен был говорить так сомнительно, поскольку отчет врачей признавал то, что он подозревал]. Он предпочел бы создать комитет по расследованию и надеялся, что решение не будет навязано.

Мистер Уилберфорс привел аргумент об иностранцах. Дома могут быть неудачи, но они могут быть удовлетворительно объяснены. Они должны были рассмотреть великолепные успехи вакцинации в других странах [*Omne ignotum pro magnifico est*], в отношении которых не было места для сомнений. Он не видел более надежного способа внушить общественности доверие к вакцинации, чем создание предлагаемого института.

Мистер Роуз пояснил, что он просто хотел довести до сведения палаты резолюцию, оставив на усмотрение Его Величества [то есть себя от имени правительства] приведение ее в исполнение.

Мистер Джордж Каннинг, государственный секретарь по иностранным делам, заявил, что, хотя он и считает открытие вакцинации чрезвычайно важным, он не может представить себе никаких обстоятельств, которые побудили бы его после самого благоприятного отчета о ее безошибочности принять какие-либо меры для ее принудительного применения.

Эта декларация Каннинга заслуживает внимания и памяти. Она служит знаком благоговения перед личной свободой, которая была прекрасным отличием прежнего строя английских государственных деятелей и отделяла, когда мало что другое делало, англичан от континентальных тори. В наши дни благородные традиции этой свободы не находят поддержки, и заявление Каннинга в новой Палате общин прозвучало бы как анахронизм. Почти каждый авантюрист, у которого есть рецепт морального и физического благополучия своих собратьев, надеется на его законодательное закрепление; и поскольку под страхом штрафа и тюремного заключения наших младенцев режут и травят, чтобы спасти их от оспы, нет такого нарушения личной свободы, каким бы возмутительным оно ни было, которое теперь можно было бы объявить невозможным.

Когда палата разделилась, за предложение высказались 60 человек, а против - 5, и это опять же небольшая палата для столь важного вопроса.

С разрешением тратить 3000 фунтов стерлингов в год было создано Национальное учреждение вакцин, с Дженнером консультировались по поводу его организации. Был сформирован совет, состоящий из президента и четырех цензоров Королевского колледжа врачей, а также магистра и двух старших садовников Колледжа хирургов. Совет собрался 8 декабря 1808 года и приступил к работе. Дженнер, как это обычно случалось в важных случаях, отсутствовал, будучи задержан в Беркли семейным недугом. Он написал Муру.

Я был бы недостойн звания отца, если бы оторвался от своих детей. В самом деле, ничто не заставит меня, даже королевский мандат, если меня не будет сопровождать конный отряд".

Дженнер был избран директором, но не членом правления, и сразу же начал протестовать против того, что его игнорируют и подвергают унижениям. "Правление, - сказал он, - назначило меня директором, но вскоре они постарались дать мне понять, что я должен быть директором *по приказу*". По его словам, соглашение, которое он заключил с мистером Роузом и сэром Лукасом Пеписом, президентом Колледжа врачей, было совершенно иным.

Между мистером Роузом, сэром Лукасом и мной было оговорено, что ни один человек не должен принимать участие в работе Департамента вакцинации, если он не был назначен мной или не получил моего одобрения. Когда я напомнил об этом сэру Лукасу, он ответил: "Вы, сэр, должны быть полным и единственным директором. Мы [имеется в виду Совет директоров] будем считаться никем. Что *мы* знаем о вакцинации?"^[139]

Сэр Лукас, конечно, насмехался, но голова Дженнера была настолько всклокочена тщеславием и лестью, что он не мог отличить насмешку от искренности. Он создал для себя рай для дураков, из которого Совет бесцеремонно вышвырнул его. Он рекомендовал своего носителя дубины, Джона Ринга, на должность главного вакцинатора и инспектора станций, но Совет отказался иметь с ним дело и добавил оскорбление к презрению, ибо, говоря словами Дженнера, написанными в третьем лице...

Они назначили на его место джентльмена, взятого из учреждения, которое во всех случаях лично враждовало с доктором Дженнером.

Впоследствии он прислал список из семи имен субвакцинаторов, из которых Совет отклонил пять, что привело к кризису, и он подал в отставку. В меморандуме, из которого я привел цитату, он написал

В силу всех этих обстоятельств доктор Дженнер чувствовал себя вынужденным покинуть учреждение. Он не мог взять на себя ответственность там, где у него не было ни власти, ни даже права голоса. Он не хотел управлять учреждением; ничто не могло быть дальше от его мыслей. Но он ожидал, что практическая часть его забот будет находиться под его руководством, как и предполагало название его должности; и он ожидал, что те джентльмены, которых он так настойчиво рекомендовал для руководства этой практической частью, будут назначены, исходя из сознания их выдающихся способностей. Но поскольку его рекомендациями пренебрегли, поскольку были приняты меры и сделаны назначения, противоречащие его мнению, и поскольку Совет уведомил его, что предполагалось, что они будут использовать свое собственное усмотрение и что только они несут ответственность за управление учреждением, доктор Дженнер отказался принять должность директора, на которую его выдвинули, поскольку он обнаружил, что ему не придется ничего делать в учреждении, и что его должность - это только название.^[140]

Тем, кто не знал Дженнера или принимал его по достоинству, обращение, которому он подвергся, могло показаться предосудительным; но Совет понимал своего человека и заботился только о том, чтобы его имя было полезным, поскольку мало что еще стоило иметь. Что можно сказать о человеке ленивом и ненадежном, который не любил Лондон и под любым предлогом уезжал в Глостершир; чья больная семья получала от него высшее внимание ласковой матери! Он писал Муру.

Я согласен с вами, что то, что я не являюсь членом Британского вакцинного учреждения, поразит мир; и никто в нем не может быть поражен больше, чем я сам".

Он ошибался. Мир, насколько он вообще думал, считал, что он был хорошо вознагражден своим £30 000, и с таким количеством государственных денег в кармане мог бы ожидать лучшего расположения с его стороны. Когда его кандидатуры были проигнорированы, он отказался даже приехать в Лондон и тем самым оправдал свое дурное настроение в Беркли.

Когда я сообщал вам о своем намерении приехать в город, я был совершенно серьезен, но пока я приводил дела в порядок, от одного почтенного джентльмена поступила информация, которая заставила меня остаться в отставке. Она заключалась в следующем.

Институт был создан с целью полного и удовлетворительного исследования пользы или опасности вакцинальной практики, и именно по этой причине доктор Дженнер не может быть допущен в качестве одного из его руководителей, поскольку общественность не будет испытывать такого же доверия к их работе, как если бы совет был предоставлен собственному суждению в сомнительных случаях.

Таков итог и суть сообщения.

Что мы знаем о вакцинации?

Мы ничего не знаем о вакцинации!

Увы, бедная Вакцина, как же ты деградировала!

Некоторое время назад вы намекнули мне о чем-то подобном, и теперь я получаю это из первых уст. Учреждение, основанное на принципе исследования семь или восемь лет назад, было бы достойно британской нации; но теперь, когда весь мир свидетельствует о безопасности и эффективности вакцинальной практики, я считаю это самым необычным шагом. Оно неизбежно должно унижить меня и не может возвысить его создателей в глазах здравого смысла. Теперь я буду строго придерживаться *своего собственного института*, который я имею гордость и тщеславие считать первостепенным по отношению ко всем другим, поскольку его масштабы и преимущества безграничны. Я являюсь его реальным, а не номинальным директором. Я руководил всем концерном в течение немалого количества лет, в одиночку, и распространил вакцинацию по всему миру. Это убеждает меня в том, что простота в этом, как и во всех других эффективных механизмах, является наилучшим вариантом.^[141]

Во время обсуждения в Палате общин его друг, лорд Генри Петти, заявил, что одним из объектов Учреждения будет исследование, и Дженнеру нелепо делать вид, что этот факт обрушился на него как откровение; и, если только он не ослеплен тщеславием, он должен был признать, что общая вера в вакцинацию, проявленная в 1801 году, была сильно поколеблена опытом последующих семи лет. Но спорить об этом бесполезно. Когда Дженнер может сказать, что он в одиночку в течение многих лет руководил всем этим делом и

распространил вакцинацию по всему миру, он может утверждать что угодно. Письмо интересно прежде всего как проявление характера.

Мы еще вернемся к Национальному институту вакцины и его руководству - любопытная история. Пока же достаточно отметить, что его непосредственные последствия были негативными для вакцинации. Годовой фонд был потрачен на зарплату, и многие перестали подписываться на общества по борьбе с коревой оспой, поскольку вакцинация была так хорошо обеспечена. Основное зло заключалось в признании государством этой порочной практики, благодаря чему она сохранилась к общему ущербу до наших дней.

ОРИГИНАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ ВАКЦИНАЦИИ.

Национальный фонд вакцинации послужил удобным предлогом для закрытия этого учреждения, основанного доктором Пирсоном и его друзьями в 1799 году; но некоторые утверждают, что истинная причина кроется в следующих резолюциях...

Институт вакцинации,
Брод-стрит, Голден-сквер.

Генеральный кварталный суд, 5 ноября 1805 года.

Решено, что согласно опыту медицинского учреждения этого института, прививка Коупока обеспечивает безопасность против оспы наравне с вариолитической прививкой, и что новая практика обладает всеми преимуществами, о которых уже говорилось общественности.

Решено: чтобы дать общественности еще одно доказательство и побудить ее к поиску информации, противоречащей новой практике, обнародовать следующее предложение, а именно. В будущем каждый пациент, которому будет сделана прививка в этом заведении, при выписке должен получить сертификат, в котором будет указано, что пациент прошел через Совроск, и подтверждено, что если в дальнейшем указанный пациент заболит оспой, он или она будет иметь право на сумму в пять гиней, которая будет выплачена из средств этого заведения на первом общем суде, после предоставления доказательств, в соответствии с правилами медицинского заведения.

Уильям Санчо, секретарь.

Это предложение свидетельствовало об искренности намерений руководителей учреждения, но, как утверждается, так много пациентов предъявили претензии на пять гиней, что не могло не вызвать удовлетворения, что была найдена разумная причина для закрытия.

Доктор Пирсон утверждал, что повторная вакцинация невозможна. Он утверждал, что раз никто не может дважды переболеть оспой, то никто не может дважды переболеть и эквивалентом оспы, а именно коревой оспой. Это было логичное утверждение, но факты не соответствовали логике. Пирсон также возражал против вариологического теста, или прививки оспы после прививки коревой оспы, чтобы доказать, что конституция укреплена против нападения. Он предпочитал для этой цели коровью оспу оспе, как более мягкую и менее склонную к опасным последствиям. Он обнаружил, что после коревой оспы невозможно заболеть коревой оспой - по крайней мере, сразу. Таким образом, он утвердился в своем мнении, что коровья оспа после коревой оспы невозможна; точно так же, как другие утверждали на тех же основаниях, что оспа после коревой оспы невозможна.

Однако сегодня никто не сомневается, что Пирсон ошибался; ведь все верят в возможность повторной вакцинации, или коровьей оспы после коровьей оспы; точно так же и оспы после коровьей оспы.

ССЫЛКИ:

[139] Письмо Джеймсу Муру, 16 января 1809 года.

[140] Baron's Life of Jenner, vol. ii. p. 124.

[141] Письмо Джеймсу Муру, 4 апреля 1809 года. Baron's Life of Jenner, vol. ii. p. 126.

ГЛАВА XVIII.

ЛОШАДИНАЯ ЖИЖА КАК ИСТОЧНИК ВАКЦИНЫ.

Чтобы завершить рассказ о наградах Дженнера и принятии вакцинации парламентом, я обошел несколько интересных и важных вопросов, которые теперь рассмотрю, начав с тактики нашего героя в отношении конского жира.

В своем исследовании, опубликованном в 1798 году, Дженнер указал на лошадиный жир как на источник той формы коровьей оспы, которая, будучи привитой человеку, обеспечивала пожизненную защиту от оспы. Вследствие этого было предпринято множество попыток вызвать оспу на сосках коров путем прививки им лошадиного жира, но они оказались тщетными, и эта возможность была дискредитирована. Более того, идея прививки лошадиным жиром, либо сразу, либо через корову, вызвала резкое неприятие. Она была признана отталкивающей. Почему вирус из лошадиных пяток должен быть более отталкивающим, чем вирус из коровьих сосков, не объяснялось; но, как известно, вкусы не учитываются. Многие, кто с удовольствием ест говядину, начинают испытывать отвращение к лошадиной плоти. Рассказывают историю об одном уэслианце, который упрекнул сестру за то, что она носит перья в шляпе, и резко отозвался о наличии цветов в ее собственной. "Да, дорогая сестра, - прозвучал убедительный ответ, - но мы должны где-то провести черту, и она проведена по перьям". Черта была проведена на Horsegrease, и происхождение коровьей оспы, как утверждали Дженнер и его деревенские знакомые, было с удобством опровергнуто. Дженнер не замедлил уловить, как дует ветер мнений, и отпустил Хорсгриза. Он ни словом не обмолвился об этом в своей петиции в парламент в 1802 году и больше не выдвигал ее в качестве причины для рассмотрения.

Почему так произошло? Потому ли, что он перестал верить в то, что коровья оспа произошла от Horsegrease? Вовсе нет! Почему же тогда он не стал отстаивать свое мнение и противостоять вульгарным предрассудкам? Просто потому, что ему хватило ума понять, что если за рецепт коровьей оспы он мог получить что-то из национального бюджета, то за рецепт лошадиной оспы он не мог получить ничего. Как заметил доктор Пирсон, "само название "лошадиный жир" могло погубить все предприятие" - и это наблюдение подтверждает доктор Мейсон Гуд, говоря: "Одна только мысль об использовании вещества жира с лошадиной пятки с самого начала вызвала такое глубокое и всеобъемлющее отвращение, что прививка от коровьей оспы едва не стала жертвой предполагаемого союза этих двух болезней".

Не следует думать, что я осуждаю Дженнера как коммерсанта.^[142] Если бы у кого-то из нас было два патента на продажу, мы были бы большими глупцами, если бы отказались взять 30 000 фунтов стерлингов за один без другого, или позволили бы одному из них нанести ущерб другому, или попытались бы навязать покупателю какую-либо доктрину о них. Те, кто выходит на рынок, должны приспособливаться к нему и помнить, что продавцы созданы для покупателей, а не покупатели для продавцов. Раз уж публика была готова платить за коровью оспу, в то время как от конского гриппа она содрогалась, то не Дженнер должен был навязывать им конский грипп.

Такова меркантильная логика, и на своих условиях она неопровержима; но с Дженнером принято иметь дело не как с торговцем, а как с человеком науки, и ставить его в один ряд с великими открывателями, изобретателями и благодетелями человечества; и здесь я решительно не согласен. Что, спрашивается, он открыл? Он не открыл, что коровья оспа предотвращает оспу: в это верили молочницы. Он не обнаружил, что конский жир предотвращает оспу: в это верили кузнецы. Он не обнаружил, что конский жир на руках доярок вызывает оспу на сосках коров: такова была вера фермеров. Он не открыл, что привитый вирус может передаваться от руки к руке: это была уже существующая практика. Что же тогда он открыл? Он не открыл ничего. Он сделал не больше, чем вывел вульгарное мнение своего района на лондонский рынок. Он провел несколько небрежных экспериментов в качестве подтверждения, опубликовал их в книге, и, по счастливой или несчастливой случайности, идея была подхвачена и доведена до практического применения, главным образом Пирсоном, который тем самым понес на себе всю злость ревности Дженнера.

Различие между человеком науки и торговцем заключается в том, что ум одного из них направлен на добычу истины, а другого - на извлечение прибыли. Человек науки не интересуется тем, что публика может захотеть узнать и за что заплатить, но он устанавливает и определяет то, что является фактом, и оставляет публику приспособливаться к этому так, как она сочтет нужным. Если они признают сообщенную истину, это хорошо для них; если они не любят или отрицают истину, это плохо для них; хорошо это или плохо, но человек науки является бескорыстным выразителем того, что он знает как истину; нередко, когда его откровение жизненно затрагивает популярные предрассудки, он реализует благословение тех, кто гоним за праведность.

Поэтому я утверждаю, что Дженнер не раскрыл истину (как мы можем предположить, он ее считал) полностью; что то, что он раскрыл, он терпел насмешки и отрицание; что он довольствовался тем, что приписывал себе столько, сколько можно было продать; в то время как его личное убеждение относительно Horsegrease оставалось неизменным не только в теории, но и на практике.

Мне предстоит обосновать эти утверждения.

Во-первых, я скажу, что он не полностью раскрыл то, что знал. В 1789 году Дженнер сделал прививку своему сыну Эдварду, младенцу 18 месяцев, не коровьей оспой, не конским жиром, а свиной оспой; и, согласно свидетельствам его собственных бумаг, результат был вполне удовлетворительным. Впоследствии ребенок был привит оспой пять или шесть раз, и всегда безрезультатно. Согласно известному вариолиновому тесту, он был устойчив к оспе. Короче говоря, не было ничего, что Дженнер когда-либо приводил в пользу коровьей оспы, что не было бы столь же весомо в отношении оспы. И этот эксперимент со свиной оспой был проведен почти за десять лет до его рекламы коровьей оспы и конского жира. Почему, спрашивается, он утаил правду о свиной оспе? Когда коровья оспа была дефицитом и

каждый коровник исследовался на наличие вируса, почему он не рекомендовал свиную оспу в качестве альтернативы? Почему он также воздержался от очевидного обобщения, что коровья оспа, лошадиная оспа, свиная оспа и, вероятно, другие виды оспы вызывают лихорадки, во время которых прививка от оспы не может быть сделана? Ответ очевиден: потому что ему было что продать, а не чему научить.

В соответствии с этим поведением он допустил, чтобы происхождение коровьей оспы от лошадиного жира, а также специфические достоинства жира высмеивались и отрицались. "К счастью для доктора Дженнера и к триумфу его открытия, - писал доктор Мейсон Гуд, - минимальное внимание к этому вопросу дало достаточное доказательство того, что нет никаких оснований для его мнения, что коровья оспа произошла от лошадиного жира, и что между этими болезнями не существует никакой связи".^[143] Таков был удобный медицинский вердикт, который Дженнер не рискнул нарушить, хотя все время убеждался в его ошибочности. Прививки коровам от Horsegrease не удавались, но Томас Таннер, ветеринарный врач из Рокгемптона, графство Глостершир, "имел честь, - говорит доктор Барон, - доказать истинность утверждения Дженнера".^[144] Ему удалось передать болезнь корове от пятки лошади, при этом на соске коровы образовался полный пустулез с вакциной. "При работе с сосками коровы, - говорит Таннер, - я заразился сам и получил два гнойника на руке, которые вызвали воспаление и сделали меня больным на несколько дней. Материя, полученная от коровы и от моей собственной руки, оказалась эффективной для заражения как людей, так и крупного рогатого скота".^[145] Дженнер распространил вирус, полученный от Таннера, и он действовал точно так же, как коровья оспа. Но доказательства не остановились на Таннере: другие повторили его эксперимент с аналогичными результатами. Доктор Лой из Уитби опубликовал в 1801 году "Некоторые наблюдения о происхождении коровьей оспы", в которых подтвердил деревенские рассказы Дженнера и описал, как (отказавшись от коровы) ему удалось привить пациентов лошадиным жиром, получив пустулы, идентичные пустулам от коровьей оспы, и совершенно безнаказанно подвергнуть привитых таким образом людей вариолитическому испытанию. И все же, имея столько оснований, Дженнер хранил молчание. Он предпочитал быть признанным ошибающимся, чем рисковать лишиться общественного расположения и жалованья. Я бы не стал его винить, если бы он откровенно подтвердил целостность глостерширской веры и допустил, что, поскольку публика готова принять коровью оспу без Horsegrease, не ему мешать их предпочтениям, упорно защищая то, что на практике было несущественным.

Но доводы в пользу Horsegrease были все же сильнее, чем я уже говорил. Доктора Сакко из Милана иногда называли "принцем вакцинаторов" из-за его энтузиазма, профессиональных достижений и возможностей, которые были предоставлены ему в Цизальпинской республике тех дней для всеобщей вакцинации. Он пытался вызвать коровью оспу с помощью лошадиного жира, но потерпел неудачу и в 1801 году сообщил Дженнеру о своем провале. Однако в 1803 году он воскликнул: "Эврика! В миланскую больницу поступил кучер, страдавший от высыпаний, полученных при уходе за лошастью с жирными пятками. Сакко сразу же отвел его в приют для подкидышей, где девять детей были привиты от пузырьков на его руках. У троих детей прививка прошла успешно, образовав везикулы, которые были признаны такими же, как при коровьей оспе. Вирус распространялся от руки к руке и распространялся во всех направлениях. С этого момента доктор Сакко объявил себя сторонником коровьей оспы. "Теперь признано и решено, - писал он Дженнеру из Милана 25 марта 1803 года, - что причиной вакцины является жир, и мы не можем слишком быстро изменить обозначение на equine".

Было ли изменено обозначение на equine? Не было, да и попытка не предпринималась. Те, кто в основном занимался продвижением вакцинации в Англии, и слышать не хотели о лошадином жире, а многие готовы были поклясться, что в вопросе оспы лошадь и корова не имеют никакой связи, и что Дженнер слишком поспешно принял за истину вульгарное мнение западной страны.

Доктор де Карро из Вены, который называл себя другом и первым апостолом Дженнера, осуществившим первую вакцинацию на континенте и передавшим первый заряд вакцины в Индию, также был приверженцем лошадиной оспы. В то время как Дженнер благоразумно держал язык за зубами по поводу конского гриппа в Англии, он писал де Карро, поздравляя его с успехом в распространении коровьей оспы на Востоке и приписывая неудачу английских попыток абсурдному предубеждению против конского гриппа, которое доктор Лой, однако, полностью уничтожил. Вот его слова под датой, 28 марта 1803 года.

Я уверен, что если бы противники моих идей о происхождении болезни не были столь абсурдно крикливы, особенно *par nobile fratrum* [Пирсон и Вудвилл], азиаты давно бы уже пользовались благами вакцинации, и многие жертвы были бы спасены от безвременной могилы". Решительные эксперименты доктора Лоя навсегда заставили замолчать языки этих джентльменов.[146]

Как шумное противодействие Horsegrease лишило индусов прежнего благословения вакцинации, нам остается только догадываться. Возможно, он имел в виду, что Horsegrease перенесла бы транспортировку в Индию лучше, чем коровья оспа, или что сами индусы могли бы прибегнуть к помощи лошадей с жирными пятками.

В ответ 22 апреля 1803 года де Карро написал Дженнеру, похвалив его за умеренность в молчании по отношению к своим антагонистам, но не понимая мотивов этого молчания. Поведение Пирсона, по его мнению, граничило с безумием. "Я чрезвычайно рад, - продолжал он, - что вы отнеслись к нему с презрением, которого он заслуживает, хотя я счастлив видеть, что ваши друзья разоблачили его нелепые и злобные замыслы".

Де Карро был в близких отношениях с Сакко из Милана и получил от него вирус, полученный из конского жира, который он использовал без разбора вместе с коровьей оспой, пока в Вене не стало известно, кто вакцинирован, а кто привит.[147]

Де Карро также состоял в переписке с доктором Лафонтон, французским врачом, обосновавшимся в Салониках, который также был конокрадом. Он выяснил, что македонские кузнецы признают три вида жира у лошадей, называемых в целом *javart* и различаемых как *l'écrouelleux*, *le phlegmoneux* и *la variolique*. [148] С помощью вариолитической смазки Лафонт привил двух мальчиков, а от них - других детей, воспроизведя опыт Лоя из Уитби и Сакко из Милана. Де Карро, сообщая Дженнеру об успехе Ла Фонта 21 июня 1803 года, заметил: "Эти сведения, я надеюсь, заставят замолчать всех тех, кто все еще сомневается в истинности вашей доктрины о связи жира, коровьей оспы и оспы" - Дженнер считал, что оспа - это злокачественная разновидность коровьей оспы, а коровья оспа появилась из конского жира.

Несмотря на эти подтверждения и хвастовство тем, что оппозиция Пирсона и Вудвилла замолчала навсегда, Дженнер смирился с тем, что суд пойдет против него. Он признал, что связь между конским жиром и коровьей оспой должна быть опровергнута. У него был свой счет к английской публике, и не ему было создавать трудности. Любопытным свидетельством того, как тщательно подавлялась непопулярная истина, служит трактат доктора Уиллана "Вакцинация", опубликованный в 1806 году. В нем нет ни слова, ни намек на Horsegrease.

Трактат был работой компетентного врача, который полно и ясно изложил все, что было известно о вакцинации (с точки зрения убеждений), снабдив его приложением писем и отчетов самого Дженнера, Пирсона и других экспертов по новой практике - но что касается Horsegrease, то здесь царило абсолютное молчание. Как удалось так эффективно скрыть неприятную правду, я не могу объяснить. Она не упоминалась ни в дебатах в парламенте, ни в отчетах Коллегий врачей и хирургов, и противники вакцинации не использовали ее с той силой, которую можно было бы ожидать. Одно из объяснений заключается в том, что "Исследование Дженнера" так и не вышло в широкое обращение, что не появилось ни одного популярного издания, и что о нем знали в основном из вторых рук. Кроме того, ведущие представители вакцинации так смело отрицали авторитет Хорсгриза и Дженнера, приписывая ему происхождение коровьей оспы, что обвинять их в этом было бесполезно; в то же время Дженнер не оказывал открытого сопротивления тем, кто осуждал его за одну ошибку, а исчерпывал язык преклонений перед его вменяемыми заслугами. Таким образом, мы полагаем, что по истечении двадцати лет доктор Мейсон Гуд, как выразитель ортодоксальной медицинской веры, считал себя вправе заявить, что мнение о том, что коровья оспа произошла от лошадиной, не имеет под собой никаких оснований и что между этими болезнями существует какая-либо связь, и что Дженнеру и триумфу его открытия повезло, что дело обстоит именно так.

Дженнера заставили замолчать, но был ли он убежден? Как его можно было убедить? Конский грипп как источник коровьей оспы можно было бы назвать отвратительным и невозможным, но были свидетельства деревенских жителей, подтвержденные Таннером, Лоем, Сакко, Де Карро и Ла Фонтом; и хотя слабого человека можно опустить или счесть за ошибку, но в глубине души он знает, что факты есть факты, что бы ни говорили об обратном. Поэтому, когда Дженнер пополнил свой кошелек, получив все, на что мог рассчитывать, и избавился от Лондона и притеснений его знатоков, он вернулся к своему первому мнению как к истинному - истинному и неистинному, истинному с различием, которое я сейчас определяю. В письме Джеймсу Муру, директору Национального института вакцин, написанном из Беркли 23 июля 1813 года, он заметил

Вы, кажется, не вполне удовлетворены тем, что происхождение вакцины четко определено. Со своей стороны, я считаю, что эксперименты Лоя были достаточны для того, чтобы установить это, не говоря уже об экспериментах Сакко и других ученых на континенте. Однако теперь у меня есть новые доказательства, частично иностранные, частично отечественные. Последнее исходит от мистера Мелона, известного хирурга из Личфилда. Он прислал мне немного своего конского вируса, который я применяю от руки к руке уже два месяца, не замечая ни малейших отклонений в развитии и появлении пустул от тех, что возникают при использовании вакцины".[149]

А в последующей записке от 1 августа он повторяет

Дорогой Мур, - я постоянно приравниваю гнойники в течение нескольких месяцев и не вижу ни малейшей разницы между гнойниками, полученными таким образом, и вакциной. Оба они похожи, потому что происходят из одного и того же источника".[150]

Муру он снова писал из Челтнема 27 октября 1813 года.

Мне жаль, что вам не удалось заразить корову. Я уже говорил вам, *что вещество, которое вытекает из трещин в пятках лошади, ничего не даст*". [Вирус содержится в везикулах на краях и окружающей коже.

Я когда-нибудь сообщал вам о любопытном результате вакцинации возчиков? С юности эти люди ухаживают за лошадьми, используемыми для вспашки наших кукурузных земель; и многие из них приходили ко мне с холмов, чтобы получить прививку, но половина оказалась невосприимчивой. При расспросах многие из них вспомнили, что у них были язвы на руках и пальцах, когда они одевали лошадей с больными пятками, и они были настолько больны, что не могли работать; и на руках нескольких из них я обнаружил цикатрикс, такой же совершенный и характерный, как если бы он возник после моей собственной вакцинации".[151]

Далее мы имеем меморандум Дженнера, датированный 1 апреля 1817 года, в котором он прослеживает ход развития вируса.

Возникновение и развитие лошадиной болезни на ферме Аллена в Уэнселле. От лошади к Аллену; от Аллена к двум или трем его дойным коровам; от коров к Джеймсу Коулу, молодому человеку, который доил на ферме; от Джеймса Коула к Джону Пауэллу путем прививки из пузырька на руке Коула; и к Анне Пауэлл, младенцу; от Пауэлла к Сэмюэлю Раддеру; от Раддера к Софии Орпин и Генри Мартину; от Г. Мартина к Элизабет Мартин. Все это продолжалось с идеальной регулярностью в течение восьми месяцев, когда вирус смешался с другими веществами, так что после этого журнал не велся. Было получено доказательство того, что пациенты были должным образом защищены[152].

Это означало, что впоследствии они были привиты оспой без эффекта. Среди бумаг Дженнера были и другие записи с той же целью, а именно

17 мая 1817 г. - Взял материал у Джейн Кинг (прямая лошадь) для Национального учреждения вакцин. Пустулы очень правильные.[153]

Этот конский вирус, полученный от Джейн Кинг, был широко распространен. Его отправляли в Лондон, в Эдинбург;[154], а доктор Барон говорит, что у него были поставки для использования в Глостерском лазарете. Барон рассказывает, что в следующем году он смог вернуть подарок, получив вирус из рук мальчика, заразившегося непосредственно от лошади. Вот признание Дженнера в получении подарка, датированное 25 апреля 1818 года

Мой дорогой барон, - вчера Г. Шрапнелл принес мне лошадиный вирус и ваш рисунок, который дает такое хорошее представление о болезни, что никто из видевших его не может сомневаться в том, что везикулы содержат истинную и настоящую жидкость, сохраняющую жизнь. Я ввел немного этой жидкости в руку ребенка; но мне будет досадно, если кто-нибудь из ваших молодых людей в лазарете не сделает то же самое с жидкостью, взятой из руки мальчика.[155]

Нет необходимости приводить другие доказательства зрелой веры и сознательной практики Дженнера. Кроме того, очевидно, что до конца своей карьеры он считал, что коровья оспа не только происходит от лошадиной, но и исключительно от лошади, и что без лошади коровья оспа перестала бы существовать. В связи с участвовавшими случаями неудач при вакцинации стали высказываться предположения, что вакцина может износиться в результате передачи от руки к руке и что возврат к коровьей оспе может быть целесообразен; обсуждая этот вопрос в письме к Муру от 5 марта 1816 года, Дженнер выдвинул следующее возражение

Если бы возникла реальная необходимость в обновлении, я не знаю, что бы мы сделали; ведь меры предосторожности фермеров в отношении своих лошадей изгнали коровью оспу из их стад".[156]

Почему бы Муру не ответить: "В чем трудность? Предположим, оспа изгнана из стад, но какая может быть причина для беспокойства, когда корова стала очевидным излишеством, когда, по словам самого Дженнера, "настоящая и подлинная жидкость, сохраняющая жизнь", может быть получена прямо из пяток лошадей? Кроме как для увековечивания самозванства, корова в данном случае перестала иметь какую-либо ценность. Но, как это часто случается с шарлатанами, их разум настолько пропитывается их собственным вздором, что в нем не остается ничего от здравого смысла.

Доказав таким образом мои утверждения относительно Дженнера, можно резонно спросить: как получилось, что одни заразились коровьей оспой через лошадиный жир, а другие не смогли? Ведь можно возразить, что если бы коровья оспа выходила прямо и неизменно из привитого лошадиного жира, то даже самые решительные предубеждения против лошадиного жира не смогли бы долго сдерживать истину.

Ответ заключается в том, что коровья оспа никогда не выходила из того, что принято называть лошадиным жиром. Дженнер в своем исследовании 1798 года утверждает, что...

Жидкая жидкость, вытекающая из маленьких трещин или расщелин в воспаленной и опухшей пятке лошади...

заражает коров и порождает оспу, была ошибкой, которую он недвусмысленно опроверг пятнадцать лет спустя в уже цитировавшемся письме к Муру от 27 октября 1813 года.

Мне жаль, что [писал он] вам не удалось заразить корову. Я уже говорил вам, что вещество, которое вытекает из трещин в пятке лошади, ничего не даст. Она содержится в везикулах и окружающей их коже.^[157]

Дженнер, как мы всегда помним, был неряшливым исследователем, не склонным к тщательности, а склонным подкреплять наблюдения изобретениями. Его друг, "честный Джек барон Глостерский", который сам прививался лошадиным вирусом, не модифицированным коровой, фактически написал жизнь Дженнера в двух томах, и только когда работа была готова к переплету, он обнаружил, что заблуждался вместе со своим хозяином, приписывая коровью оспу лошадиному жиру! Такова была интеллектуальная путаница, в которой действовали эти пророки вакцинации! В примечании, приклеенном в конце второго тома, мы находим следующее удивительное признание, сделанное, напомним, в 1838 году, через пятнадцать лет после смерти главного фокусника.

Пользуясь случаем, я выражаю сожаление, что использовал слово "жир", говоря о болезни лошади. Правильное обозначение - *Variolæ Equinæ*. Она не имеет необходимой связи с жиром, хотя эти расстройства часто сосуществуют. Это обстоятельство поначалу ввело доктора Дженнера в заблуждение, и оно же стало причиной многих недоразумений и путаницы.^[158]

Здесь мы находим тайное и желанное объяснение. Именно из конской оспы, а не из конского жира, была получена коровья оспа, и, путая жир с оспой, Дженнер запутал себя и других и затуманил всю доктрину вакцинации. Македонские кузнецы, которые в 1803 году сообщили Лафонту, что они различают три вида смазки, и один из них вариолитный, были более точными наблюдателями, чем глостерширские кузнецы и фермеры, чье мнение Дженнер лениво пересказал. Был ли он в полной мере осведомлен о своей собственной ошибке, не ясно. Мы видели, сколько времени понадобилось его биографу, Барону, чтобы понять это. С уверенностью можно сказать, что он не сделал ни одной публичной попытки исправить то, что он так вопиюще неправильно сделал, ни отозвать заявление в своем расследовании о

том, что лошадиный жир приобрел свою эффективность против оспы только после прививки корове.

Наконец, мы можем поинтересоваться, каково современное состояние мнений относительно конского жира и коровьей оспы? Когда задаются сложные вопросы, мы обычно обращаемся к нашим циклопедии, и, взяв в руки Hooper's Lexicon Medicum, 8th ed. 1848, Art. Коровья оспа, мы читаем

В настоящее время установлено, что лошадь и корова независимо друг от друга выделяют вирус, способный передавать настоящую коровью оспу человеку.

Подлинная коровья оспа, переданная лошастью, - это, несомненно, бык первой величины! Британская энциклопедия, 8-е изд. 1860 г., ст. Вакцинация, освещает нас следующим образом.

В настоящее время считается установленным фактом, что лошадиная и коровья оспа - это одна и та же болезнь, измененная в зависимости от конституции животных, у которых они встречаются.

Действительно, установленный факт! Установленный в зыбучих песках!

Некоторые утверждают, что фермеры из Глостершира и Дженнер были правы, приписывая коровью оспу лошадиной болезни, и, что их можно обвинить только в ошибке в номенклатуре. Когда они говорили Horsegrease, они имели в виду Horsepox, не делая различия между болезнями, которые иногда встречаются вместе. Теперь никто не верит, что поражение, признанное ветеринарами как "сало", когда-либо происходило от коровьей оспы. Те же сельские власти, включая Дженнера, считали, что там, где нет лошадиной оспы, не может быть и оспы коровьей; но, насколько я могу судить, от этого вывода отказались. Оспа на лошади может вызвать оспу на корове, но корова может заболеть и без лошади.

Только в этом отношении Дженнер ошибался [говорит мистер Джордж Флеминг, ветеринарный инспектор армии]. Эти две болезни совершенно независимы друг от друга. Коровья оспа появляется там, где нет лошадей или возможного контакта с ними; она может поразить несколько коров в молочном хозяйстве, в то время как лошади совершенно свободны от лошадиной оспы.^[159]

В этот момент возникает спорный вопрос. Если коровы болеют оспой, то как они заражаются этой болезнью? Выступая на Лондонской конференции по вакцинации животных в декабре 1879 года, профессор Дж. Б. Саймондс, директор Королевского ветеринарного колледжа, сказал.

Я считаю, что существование коровьей оспы должно быть доказано. Рассказ Дженнера об этой болезни был иллюзией. За сорок лет работы среди животных я ни разу не видел случая коровьей оспы и не верю, что какая-либо форма ветряной оспы относится к бычьей расе. Овцы болеют оспой, но не крупный рогатый скот. Мы слышим о коровьей оспе, но кто когда-нибудь слышал о бычьей оспе? И можно ли считать правдоподобным, что болезнь должна быть присуща только коровам и никогда не поражать быков и бычков? Пусть кто угодно укажет на привязанность самок, которая не распространяется на самцов того же вида.

Профессор Саймондс и другие считают, что коровья оспа, описанная Дженнером, была паразитарным заболеванием оспы, вероятно, переданным доярками; и что Сили, Бэдкок и другие сделали намеренно то, что доярки сделали непреднамеренно, когда прививали оспу крупному рогатому скоту, чтобы создать вирус для вакцинации. С другой стороны, те, кто

утверждает независимое существование коровьей оспы, не согласны с этой ересью. Как говорит доктор Камерон, "мы не сможем превратить оспу в коровью оспу в большей степени, чем, обкорнав дуб, мы сможем сделать из него куст крыжовника". К счастью, я не имею права выносить суждения по поводу этого спора. Чем больше он бушует, тем больше мне нравится, и если бы участники спора расправлялись друг с другом, как килкеннийские коты, я бы не очень сожалел.

И последнее слово о конской оспе. Кажется, мало кто сомневается, что при прививке человеку она приводит к появлению везикул, неотличимых от тех, что образуются при коровьей оспе. В 1863 году профессор Боули из Альфорта вызвал оспу у коровы, прививая ей оспу лошади, и дети были успешно привиты этим вирусом. В журнале "Transactions of the Clinical Society", Vol. X., мистер Джон Лэнгтон описывает случай с конюхом, который поступил в больницу Святого Варфоломея 20 марта 1877 года с высыпаниями, полученными от лошади, точно такими же, как те, что были вызваны прививкой; и не может быть никаких сомнений, говорит мистер Лэнгтон, что болезнь была такой же, как та, что описал Дженнер в качестве смазки.

В валюте как вакцине есть много вируса, который является лошадиным, и многие из нас, считающих себя привитыми, являются привитыми; и можно утверждать, что мы были спасены от оспы благодаря нашей привитости. Почему при всех известных неудачах вакцинации и ревакцинации некоторые из самых дерзких медицинских шарлатанов не рекомендуют конскую оспу в качестве безошибочной альтернативы, понять нелегко. Это был бы наполеоновский удар; не исключено, что до того, как вакцинация сдастся, такая попытка будет предпринята. Как легко можно утверждать, что вакцинация не удалась, поскольку она утратила изначальную добродетель уравниловки, что средство - уволить корову и вернуться к лошади, из чьих оспинных пяток, как заметил бессмертный Дженнер, выходит "истинная и подлинная жидкость, сохраняющая жизнь". С оракулом можно поступить следующим образом.

"Давайте больше не будем слышать о чистой лимфе теленка, слишком часто, увы, это иллюзия. Уверенное и надежное спасение от оспы может быть гарантировано только тем, кто привит чистой оспиной от лошади. Тогда идите к лошади, к лошади с оспой! Приходите скорее! Приходите сами! Приходите с вашими женами! Приходите с детьми! Приезжайте, чтобы спастись благодаря лошадиной оспе от отвратительной язвы, которая уничтожает человеческий род и сводит в могилу мириады людей!"

ССЫЛКИ:

[142] Однако как торговец Дженнер не был честен. Он продавал на рынке то, что ему не принадлежало. Введение коровьей оспы для прививок (заклейменное в "The Inquiry" как подделка, не полученная из лошадиного жира) было осуществлено Пирсоном, и притязания Дженнера на нее были актом пиратства.

[143] Исследование медицины, т. iii. с. 59.

[144] Жизнь Дженнера, т. I. стр. 248.

[145] Трактат о коровьей оспе. Автор Джон Ринг. Р. 336.

[146] Baron's Life of Jenner, vol. i. p. 428.

[147] Медицинский словарь Коупленда. Вакцинация.

[148] Histoire de la Vaccination. Жан де Калпо. Вьенна, 1804.

[149] Baron's Life of Jenner, vol. ii. p. 388.

[150] *Ib.* p. 388.

[151] Baron's Life of Jenner, vol. ii. p. 390.

[152] *Ib.* p. 226.

[153] *Ib.* p. 226.

[154] Рассказ об эпидемии вариолоида в Эдинбурге. Джон Томсон. Лондон, 1830 г.

[155] Baron's Life of Jenner, vol. ii. p. 227.

[156] *Ib.*, p. 399.

[157] Baron's Life of Jenner, vol. ii. p. 390.

[158] Baron's Life of Jenner, vol. ii. p. 456.

[159] Lancet, 29 May, 1880, p. 834.

ГЛАВА XIX.

ДЖОН БЁРЧ.

Дженнеровская легенда гласит, что введению вакцинации противостояли предрассудки, ярость и фанатизм и что эта практика пробила себе дорогу благодаря доказанной эффективности. Это утверждение сильно расходится с фактами. Вакцинация была мгновенно принята медиками, королевской семьей и общественностью как безошибочное и безвредное средство профилактики оспы, а последующий опыт опроверг ее безвредность и безошибочность. То, что в некоторых случаях вакцинация встречалась с абсурдом и насилием, - это в природе вещей, так же как и то, что ее пропагандировали с абсурдом, насилием и уклончивостью. Всегда легко вызвать смех, продемонстрировав экстравагантность одной из сторон в жарком споре, но с какой целью? Не было бы ничего удивительного в том, что некоторые были презираемы легковерием, с которым так поспешно был принят магический рецепт Дженнера, но мир, к которому он обращался, не был научно знаком с законами здоровья, и ничуть не удивительно, что, будучи убежденными в профилактике привитой оспы, они должны были быть побеждены правдоподобностью привитой коровьей оспы. Однако не все были побеждены, и не все, кто сопротивлялся народному безумию, были в ярости. Например, Джон Берч, хирург больницы Святого Фомы, , спокойно и убедительно протестовал против введения "новой болезни, называемой коровьей оспой"; мы можем прочитать его письма и памфлеты и не найти ни одного яростного эпитета или недоброжелательного обвинения. Люди, которые говорят, будто все, кто выступал против Дженнера, погрязли в невежестве и извращенности, ничего не знают о Джоне Берче.

Хотя его устраивала вариолитная прививка, он не возражал против вакцинации как таковой. Он считал справедливым, что эксперименты с коровьей оспой должны быть опробованы, а

вердикт вынесен опытом; но он жаловался, что опыт был предвосхищен и успех провозглашен до того, как стало возможным узнать правду, в то время как каждый возражающий был ошеломлен оскорблениями. В качестве иллюстрации необоснованного убеждения, которое возобладало в пользу новой практики, прежде чем появилось время для ее обоснования, Берч упоминает, что на юбилейном обеде в Гайской больнице в 1802 году он с удивлением обнаружил, что обычные дела были отложены, чтобы собрать подписи под петицией Дженнера о выделении денег из парламента, и что после обеда тосты, песни и комплименты в честь вакцины были в порядке вещей. Книготорговцы, по его словам, отказывались публиковать что-либо против вакцинации, а редакторы газет и журналов не пропускали ни одного слова в ее защиту. Даже почта перевозила коровью оспу и корреспонденцию Королевского Дженнерианского общества безвозмездно вплоть до краха концерна в 1806 году. Те, кто обращался к врачам и в больницы за прививкой от оспы, получали вместо нее коровью оспу, несмотря на утверждения об обратном. Церковь наравне с церковью рекомендовала новую практику. Архиепископ Кентерберийский был призван издать письмо, предписывающее духовенству рекомендовать вакцинацию с кафедры, но, проявив служебную осторожность, послал своего капеллана в Берч, чтобы выслушать другую сторону, и капеллан удалился с благоразумным замечанием: "Его Светлость не должен предавать Церковь". Однако многие священнослужители не только проповедовали вакцинацию, но и практиковали ее с неустанным усердием. Эразм Дарвин не терял надежды, что крещение и вакцинация могут быть связаны. Он писал Дженнеру из Дерби 24 февраля 1802 года.

Поскольку, по свидетельству бесчисленных примеров, вакцинная болезнь так благоприятна для маленьких детей, через некоторое время может случиться так, что крещение и вакцинация детей всегда будут проводиться в один и тот же день.

Вакцина настолько благоприятна для маленьких детей! Это утверждение дает яркое представление о распространенном очаровании. "Идея соединить религиозные службы с вакцинацией, - пишет Барон, - приходила в голову нескольким людям в этой стране, а также на континенте".^[160]

Я с возмущенным презрением смотрел [писал Берч] на неблагородную уловку Дженнерианского общества, которое вывешивало в каждом здании вокзала, в ризницах фанатичных часовен и в воскресных школах ложный *сравнительный обзор последствий оспы и коровьей оспы*, представляя зияющей толпе ужасающую картину прививки с предполагаемыми страданиями, сопутствующими ей; и выставляя столь же ложные и преувеличенные представления о благодеяниях вакцинации.

Женщины не отставали от духовенства в распространении спасительной вакцины. Они были самыми преданными союзниками Дженнера. Он старался научить дам оперировать "легкой рукой", чтобы не брать кровь, и хвастался, что на счету одной из его учениц десять тысяч пациентов, спасенных от ужаса и опасности оспы!

Как заметил Берч, ему и другим пришлось иметь дело не с вопросами медицины или хирургии, а со вспышкой энтузиазма, в ходе которой методы и аргументы науки были бездумно сметены. Любое свидетельство в пользу вакцинации принималось с готовностью, в то время как факты, порочащие ее, отрицались или объяснялись. Эта безрассудность процедуры наиболее болезненно проявилась в поведении комитета Палаты общин, который рассматривал первое прошение Дженнера о выделении денег в 1802 году.

Число свидетелей в поддержку прошения [пишет Бёрч] было 40, но из этих сорока 28 говорили только по слухам, а не на основе знаний, полученных на практике; в то время как

трое, выступавших против, были выслушаны с нетерпением, хотя они подкрепляли свои показания доказательствами.

Берч хотел узнать, что такое коровья оспа. Дженнер говорил, что она происходит от лошадиного жира, но "это происхождение доказано как ошибочное, и теперь от него отказываются даже его лучшие друзья. Все признают, - продолжал Берч, - что это не коровья болезнь, а передается корове от доярки. Ни одна корова, которой разрешают сосать собственного теленка, никогда не страдает этой болезнью". Чем же тогда болеет доярка? спросил Берч. Это оспа? Это *lues venerea*? Чесотка? В больницу Святого Томаса поступил мужчина с соседнего молокозавода с рукой и кистью, покрытыми язвами. Он сказал, что несколько доярок и соски коров были поражены таким же образом, и ему сказали, что они заболели коровьей оспой. Берч позвал одного из своих деревенских учеников и спросил его, что с человеком. "Это зуд - сильный зуд", - ответил он. Ему дали коробку мази Джексона от чесотки, и через неделю он снова появился в больнице, вылечившись. Если коровья оспа - это чесотка, - возразил Берч.

Тогда, если пациенту сделать прививку от этого заболевания, хотя она и приостановит на время способность организма к оспе, но в конечном итоге не обеспечит никакой безопасности.

Это означало, что маловероятно, что оспа и чесотка могут встречаться вместе, и что человек, привитый от чесотки, успешно пройдет через вариолитическое испытание. В этой связи можно вспомнить тот факт, что Дженнер не смог привить полк в Колчестере: мужчины, их женщины и дети были больны чесоткой.

Еще больше усложняя загадку коровьей оспы, Дженнер начал описывать ее как подлинную и поддельную, но что было одним, а что другим, он оставлял в недоумении. Сказал Берч.

Хотя доктор Дженнер не мог сказать нам, что такое коровья оспа, вскоре он сообщил нам, что она бывает двух видов: одна - подлинная и безвредная, другая - поддельная и вредная.

Поддельная оспа - это термин, который я не признаю. Я не знаю таких понятий, как поддельная оспа, поддельная корь, поддельная Lues Venerea, поддельная золотуха".

Возражения Берча против поддельной коровьей оспы были убедительными, но то, что он в невинности сердца принял за ошибку, в 1807 году было доказано из уст самого Дженнера как преднамеренное уклонение. Комитет Коллегии врачей потребовал от Дженнера объяснить, что он имел в виду под "поддельной коровьей оспой", и ему пришлось признать, что он ничего не знал о таком заболевании и что он лишь хотел описать нерегулярное воздействие коровьей оспы на руки привитых! Другими словами, когда вакцинация обернулась неудачей, он счел удобным приписать это бедствие поддельной вакцине! Политика, раскрытая в этом бесстыдном заявлении, была цинично оправдана доктором Маунселлом, который в хорошо известном томе написал

Термин "несовершенная" или "поддельная" вакцинация часто встречается в книгах и является причиной немалой путаницы на практике, хотя в то же время он часто дает практикующему врачу прекрасное убежище от бурь, то и дело возникающих из-за неудач в защитной силе вакцины от болезней".[161]

Выпутавшись из путаницы с происхождением коровьей оспы и ее подлинных и поддельных разновидностей, Берч спросил, что же открыл Дженнер? Не то, что коровья оспа предотвращает оспу; ведь это утверждали молочники на протяжении многих поколений, а врачи игнорировали, поскольку доказали, что это неправда. Что же это такое? Пусть он даст

определение своему открытию, чтобы мы знали, как его уважать. Пусть он объяснит, почему запрещено делать прививки непосредственно от коровы. Неужели настоящая коровья оспа невидима и ее нужно принимать на веру? Или же болезнь настолько вирулентна при первом заражении, что должна пройти мелиорацию в организме какой-нибудь жертвы, прежде чем она станет пригодной для общественного использования? Бёрч задавал эти вопросы, как и мы продолжаем задавать вопросы. Что такое коровья оспа? Является ли она болезнью коровы? Или она передается корове от человека или лошади? Какими бы определенными ни были ответы, противоречия столь же определены, а авторитеты столь же достоверны.

Практичные люди отвечали Дженнеру, как отвечают и сейчас: "Каково бы ни было происхождение коровьей оспы, мы знаем, что прививка безвредна и что она предотвращает оспу; а большего мы не требуем и не заботимся о том, чтобы спрашивать". Легковерие и самомнение таких практичных людей - это та глупость, против которой, по словам Гете, бессильны даже боги. Именно практичные люди "под предлогом разума" приняли вакцинацию до того, как она была проверена, и на основании самых поверхностных доказательств, говорит Берч.

Рекомендовали д-ру Дженнеру обратиться к Парламенту за открытием, которое на практике никогда не должно было оказаться смертельным; которое не должно было возбуждать никаких новых гуморов или расстройств в конституции; которое должно было стать не только совершенной защитой от оспы, но и, если бы было принято повсеместно, навсегда предотвратить ее повторение.

Вскоре безвредность этой практики была опровергнута.

Она порождала [пишет Берч] новые и болезненные расстройства. Иногда за ней следовали зудящие высыпания, иногда - необычные язвы, а иногда - набухание желез, совершенно отличное от золотухи или любого другого известного железистого заболевания. Высыпания на коже наиболее часты, о них можно услышать в каждом лондонском приходе; и будет ли вакцинация называться "коровьим злом" или "дженнерианским злом", предстоит определить потомкам.

Нелетальность этой практики также была быстро опровергнута. Расстройства, которые она вызывала, приводили к многочисленным смертям - особенно от эризипелаза. Тогда говорили, как говорят и по сей день: "Да, но пациент умер не от прививки, а от эризипелаза" - форма слов, которая, кажется, удовлетворяет многие рациональные умы. Берч упоминает три или четыре случая смерти в результате вакцинации и добавляет.

Эти случаи были настолько благоприятно смягчены и гениально оправданы, насколько это вообще возможно; но признано, *что каждый пациент был проколот ланцетом, зараженным так называемой коровьей оспой; каждая рука, проколота таким образом, воспалилась и изъязвилась, и каждый пациент умер.*

Вариолиновый тест, который так недобросовестно используется для привлечения новообращенных к вакцинации, был доказан инокуляторами как недостоверный. Им не составило труда подвергнуть вакцинированных вариоляции. Когда выяснилось, что прививка не защищает от оспы, многие из привитых прибегли к прививке оспы, и они "приняли" ее так же легко, как и их непривитые знакомые. Пятеро из одной семьи, Хигнеллы из Челтнема, привитые Дженнером, были вариолированы мистером Фрименом, и оспа прошла обычным путем. Ничто не стало более очевидным, чем то, что хваленый вариолиновый тест был простым фокусом, и более благоразумные вакцинаторы перестали ссылаться на него.

Обещание, что привитые навсегда будут защищены от оспы, Берч воспринял без труда. Лондонцы, привитые самыми проверенными операторами, заражались оспой и умирали точно так же, как и непривитые. "Каждая почта, - писал Берч в 1804 году, - приносит мне отчеты о неудачах вакцинации". По мере того как множились неудачи, множились и оправдания. Главным оправданием была подлинная и поддельная коровья оспа. Если вакцинация не удалась, то это могло произойти только из-за случайного использования поддельной вакцины. Дженнер учил, что одного прокола достаточно для защиты, но поскольку один прокол не был признан эффективным, утверждалось, что для абсолютной безопасности необходимо два или три. Утверждалось, что многие были прооперированы некачественно, а практика женщин, духовенства и других занятых людей была поставлена под сомнение, хотя с самого начала их заслуги и свидетельства преподносились за рубежом как неоспоримые; но Берч дал такой неоспоримый ответ:...

Нельзя отнести мистера Вакселя, аптекаря оспенной больницы, или мистера Бинга, акушера, к невежественным и двусмысленным врачам; и все же из пациентов, привитых этими двумя людьми, я мог бы привести примеры большего количества неудач, большего количества смертей и большего количества болезней, чем в практике любых других двух человек, которые были мне известны".

Кроме того, многие из тех, кому Дженнер сделал прививку, стали жертвами болезни, а его самого так донимали неудобными вопросами, говорит Берч, "что, чтобы избежать недоуменных обращений, которые поступали к нему ежедневно, и постоянно присылаемых сообщений с требованием посетить неблагоприятные случаи, он удалился из Лондона". Впоследствии ему пришлось оставить Челтнем по той же причине. Обвинения в шарлатанстве были слишком многочисленны, чтобы он мог их вынести.

Доказав, что вакцинация не предотвращает оспу, хотя и является частой причиной болезней и смертей, Берч выставил на посмешище прекрасные обещания, которыми ее сторонники завлекали людей.

Если бы архитектор взялся построить здание, которое должно быть прочным в своем фундаменте, все его помещения ветро- и водонепроницаемыми, и в нем можно было бы жить в полной безопасности; если бы, прежде чем здание было закончено, обнаружилось, что фундамент сгнил; и если бы менее чем через семь лет несколько квартир обрушились и убили тех, кто их занимал, а в большом количестве комнат постоянно бил ветер или дождь, можно ли обвинить меня в том, что я заявил, что архитектор нарушил свой контракт, и что здание больше не должно быть жилым? Конечно же, нет. Почему же тогда мне говорят, что я веду себя извращенно, когда я выступаю против практики коровьей оспы? Ведь такое здание, как я описал, настолько гнилое в своих основаниях, настолько плохо построенное, настолько разрушительное, - это вакцинация.

Те, кто считает успех критерием истины, могут сказать, что Берч не добился успеха в своем споре; но он не был неудачлив. Вакцинация в Лондоне была дискредитирована, а самозванство прекратилось, о чем свидетельствует отчет Коллегии хирургов в 1807 году. В тех случаях, когда вакцинация сохранялась, она была не столько профилактикой, сколько смягчением оспы; ее сторонники довольствовались тем, что занимали безопасную позицию: она делала более мягкой болезнь, тяжесть которой была неизвестна.

Берч умер в 1815 году. Его сестра перепечатала его статьи против вакцинации (из них я взял свои цитаты^[162]) и установила памятник в церкви Святой Маргариты, Руд-Лейн, Фенчерч-стрит, надпись на котором заслуживает внимания.

СВЯТОЕ

В память о

ДЖОН БИРЧ, эсквайр,

Много лет выдающегося хирурга этой метрополии;

умершего 3 февраля 1815 года,

в возрасте 69 лет,

и чьи земные останки покоятся под кафедрой и столом.

Его профессиональный характер,

Он был столь же гуманен, сколь и искусен,

Он не позволял ежедневно видеть раны и язвы,

страдания и несчастья любого рода,

притупить остроту его естественных чувств,

к страданиям своих собратьев:

Но, предостерегая от слишком поспешного доверия к хваленым теориям,

щадя нож, ненавидя ненужные пытки.

Противник необдуманных, жестоких и опасных экспериментов,

Отказывається от необдуманных операций и разрушения частей тела,

Искупимый терпеливым и разумным уходом.

Он воздвиг для себя высокую и выдающуюся репутацию,

На прочной и единственно надежной основе

ПРОСВЕЩЕННОГО ОПЫТА:

На протяжении всей жизни его стимулировало мудрое и христианское

стремлением лечить, а не калечить, сохранять, а не разрушать.

Человечество в долгу перед ним

за более близкое знакомство с возможностями

МЕДИЦИНСКОГО ЭЛЕКТРИЧЕСТВА;

Его собственное изобретательное и усовершенствованное применение

он осуществил множество замечательных и почти не ожидаемых исцелений.

Но практика выкалывания коров,

которая впервые стала общепринятой в его время,

не смотря на подавляющее влияние

Власть и предрассудки, а также голос народов,

Он единодушно и до самой смерти упорно выступал против нее;

сознательно полагая, что это общественное увлечение,

чреватое опасностью самых пагубных последствий для человечества.

Правильно ли это или нет, наверняка определит время.

ПРОСТОЕ МНЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА ВСЕГДА МОЖЕТ БЫТЬ ОШИБОЧНЫМ;

НО ПО МОТИВАМ, КОТОРЫЕ ДВИЖУТ ЕГО СЕРДЦЕМ.

БУДЕТ СУДИТЬ ТОЛЬКО ОН САМ.

Чтобы увековечить память о столь превосходных качествах,
ПЕНЕЛОПА БЕРЧ,
его нежная и единственная оставшаяся в живых сестра,
воздвигла этот памятник:
Не из мирской и тщеславной
гордости родства;
но для того, чтобы передать пример, достойный подражания
последующим векам".

Дженнер считал Берча опасным антагонистом и вел себя по отношению к нему со свойственной ему подлостью. В письме из Беркли от 11 октября 1812 года Муру в Лондон, где была распространена оспа, он заметил

В последнее время я не слышал, утихла ли ярость оспы в городе. Полагаю, что да. Если бы я мог проводить вакцинацию по своему усмотрению, то через две недели эта ужасная работа смерти полностью прекратилась бы. Какой печальный злодей этот Берч! О Мозли я теперь ничего не слышу, но Берч все еще нанимает своих агентов для распространения моровой язвы.[163]

Бёрч - печальный нечестивец, нанимающий агентов для распространения моровой язвы в Лондоне, в то время как добрый Дженнер, способный остановить мрачную работу смерти, бездействует в Беркли! Комментарии излишни. Шарлатан, злобный и наглый, написан с большой буквы.

ССЫЛКИ:

[160] Жизнь Дженнера, т. I. с. 541.

[161] Практический трактат о лечении и болезнях детей. Ричард Т. Эвансон, доктор медицины, и Генри Маунселл, доктор медицины, профессора Королевского колледжа хирургов Ирландии. Дублин, 1838.

[162] Призыв к общественности об опасности и вреде вакцинации, иначе коровьей оспы, написанный покойным Джоном Бирчем, эсквайром, *вместе с его серьезными доводами в пользу единодушного возражения против вакцинации: и другие трактаты того же автора*. 3rd Edition. London, 1817.

[163] Baron's Life of Jenner, vol. ii., p. 382.

ГЛАВА XX.

ГОЛДСОН И БРАУН.

Уильям Голдсон, член Лондонского колледжа хирургов, практикующий в Портси, опубликовал в 1804 году памфлет[164], в котором привел ряд примеров из собственного

опыта, когда оспа возникала после вакцинации путем заражения или прививки. Он не стал выступать против вакцинации, но предположил, что ее профилактика не может быть ни такой надежной, ни такой долговечной, как утверждалось вначале. Вакцинация, отметил он, была внедрена в практику на волне энтузиазма, и было бы неразумно ожидать, что при более близком знакомстве некоторые из утверждений, сделанных в ее пользу, будут подвергнуты изменениям. В самом деле, многое уже было признано; ведь неудачи привели к дискриминации поддельной и подлинной коровьей оспы, и к выпуску новых инструкций относительно периода приема вакцины, "от которого, как теперь говорилось, зависел весь успех операции". Таким образом, то, что изначально было заявлено как операция, в которой был компетентен любой новичок, превратилось в операцию, требующую значительной деликатности и чреватую серьезными выкидышами. Поэтому Голдсон имел все основания полагать, что его собственные наблюдения и предложения встретят искреннее внимание и, если подтвердятся, послужат общим руководством в практике вакцинации.

Нет необходимости перечислять случаи, описанные Голдсоном. Интересные в то время, сейчас они стали обыденностью. Он обнаружил, что прививка оспы возможна через некоторое время после вакцинации и что заражение оспой также возможно при аналогичных обстоятельствах. Один случай примечателен тем, что связан с Дженнером. Моряк по фамилии Кларк был успешно привит 4 ноября 1800 года и, вернувшись из плавания в Вест-Индию, 24 марта 1802 года подвергся испытанию вариолитом, когда заболел оспой и был отправлен в Хаслар. Чтобы доказать, что его болезнь действительно была оспой, несколько человек были привиты от него. Комитет Палаты общин рассматривал первое требование Дженнера о получении государственных денег, и Голдсон написал Дженнеру, чтобы тот приехал в Хаслар и лично осмотрел Кларка; но Дженнер был слишком проникновен, чтобы связывать себя трудностями в то время, когда речь шла о такой большой сумме денег. Дело было упомянуто в Комитете, но было расценено как не имеющее значения в присутствии того, что они с удовольствием рассматривали как неопровержимые доказательства непреходящей пользы вакцинации.

Памфлет Голдсона был скромным, скорее умозрительным, чем доказательным. Он рискнул предположить, что эффективность вакцины может быть ослаблена передачей от руки к руке и что безопасность может быть восстановлена путем возвращения к коровьей оспе.

Случайная коровья оспа производится вирусом непосредственно от животного; в то время как привитая болезнь - это эффект *новой материи*, созданной действием другого вируса на человека. Обладает ли эта *новая материя* способностью производить те же *постоянные* свойства, что и *родительский* вирус, может решить только время".

Он также предположил, что лошадиный жир можно прививать к соску дойной кобылы, а вирус использовать для приучения лошадей. Эти и другие соображения были высказаны с философским изяществом, которое должно было вызвать уважение; но, напротив, его памфлет был принят с воем ярости, а его автор осужден как невоспитанный человек - невежественный, предвзятый, свиноголовый. Безопаснее было прослыть антивакцинистом, чем вакцинатором и вынашивать сомнения в любом пункте дженнерианской веры. Ринг обрушил свою дубину на еретика, а Дженнер писал о нем со злобной наглостью: "Все его рассуждения ошибочны"; "его высокомерие усиливается от внимания"; "он упрямо держит пелену перед глазами и не желает видеть свет вакцины"; "с таким же успехом можно спорить со слепым о природе призмы" и так далее. Обида Голдсона заключалась в том, что он указал на некоторые слабые места вакцинации; что его зрение было слишком острым, а рассуждения - слишком убедительными. В настоящее время вопросы между ним и Дженнером решаются самими вакцинаторами в пользу Голдсона.^[165]

Пожалуй, наиболее сильную атаку на практику вакцинации предпринял Томас Браун, хирург из Мюссельбурга; и приходится сожалеть, что его книга, опубликованная в Эдинбурге в 1809 году,^[166] так мало известна в настоящее время. Браун принял вакцинацию, увлекшись, по его признанию, общим энтузиазмом и безоговорочной смелостью, с которой утверждались ее преимущества.

Автор ввел эту практику и рекомендовал ее общественности как идеальное противоядие и защиту от оспы без каких-либо исключений и резервов, способную изгнать Variola из каталога человеческих несчастий. Я без колебаний признаюсь, что рано стал сторонником новой практики; и вот уже восемь с половиной лет, как я единодушно советую и практикую вакцинацию; за это время я могу с уверенностью сказать, что привил более двенадцати сотен пациентов, и только троим сделал прививку по настоятельной просьбе родителей. Этого курса я придерживался до настоящего времени, несмотря на то, что встретил несколько случаев, когда он, казалось, не обеспечивал безопасности; некоторые из них произошли примерно через три года после введения этой практики, еще несколько - около двух лет назад, а те, которые вошли в настоящий том, - в течение последних шести месяцев.

Эпидемия, во время которой его собственные идеально привитые пациенты стали жертвами оспы, наконец, открыла ему глаза на заблуждение, в котором он пребывал, и на извращенность, с которой он и другие сопротивлялись свету истины.

Я убежден в том, что происходило под моим личным наблюдением в течение последних трех или четырех лет, что все мы были виновны в том, что отвергали доказательства, заслуживающие большего внимания, вследствие сильной предрасположенности, которая существовала, вследствие очень убедительных доказательств того, что вакцинация противостоит прививке и воздействию инфекции, и вследствие того, что наши суждения были навязаны и подавлены *позитивными* и *произвольными* мнениями ее пособников. Теперь я совершенно убежден, что, находясь под влиянием предрассудков и будучи слепым к впечатлению от самых достоверных доказательств, в последний раз, когда оспа была распространена, я отверг и объяснил многие случаи, которые заслуживали самого серьезного внимания, и показал себя таким же жестоким и неразумным сторонником, как и любой из моих братьев, пропагандируя практику, от которой, как я теперь почти не сомневаюсь, мы должны вскоре отказаться по своему усмотрению".

Когда Браун впервые увидел привитых, лежащих на земле с оспинами, он пришел к выводу, что в их вакцинации, должно быть, была какая-то ошибка, "ибо после вакцинации заразиться оспой невозможно"; но свидетельства его чувств постепенно победили навязанную ему фантазию, и, как честный человек, он объявил о своей ошибке и подтвердил опыт, на котором его неохотно поправили. Он со всеми подробностями описал сорок восемь случаев заболевания оспой после вакцинации в пределах своей непосредственной компетенции, и хотя ему было известно о многих случаях за пределами этой компетенции, он ограничился тем, что мог засвидетельствовать с личной уверенностью. Он знал, что ему скажут, что вакцинация была несовершенной или что то, что он принял за оспу, было каким-то другим высыпанием.

Почти все авторы и почти все практикующие врачи решительно утверждают, что вакцинация является прекрасным противоядием против оспы, если болезнь передается должным образом; а доктор Дженнер и его родственник, мистер Г. Дженнер, утверждают, что в их практике не было ни одного случая неудачи. Поэтому все они, не колеблясь, относят всю серию неудач, которые были выдвинуты, на счет сметающей силы несовершенной

вакцинации или на счет слепоты и глупости врача, который не может отличить оспу от ветрянки, сыпи или укусов клопов.

Браун также не ограничился доказательством того, что вакцинация не предотвращает оспу. Он также показал ошибочность вариологического теста. Он привел двенадцать случаев, когда вакцинированные люди болели оспой так, как если бы они никогда не были привиты. Кроме того, в четырех случаях вакцинация и вариоляция проводились одновременно, болезни протекали параллельно, что доказывало отсутствие антагонизма между ними; а раз они могли протекать вместе, то какие основания предполагать, что одна не может сменить другую?

Обретя свободу в истине, он вернулся к трудам Дженнера и, читая их с открытыми глазами, не замедлил обнаружить и продемонстрировать вялость изложения, противоречия и нелепости, которыми они были пронизаны. На это не было сделано ни одной попытки ответить: да и невозможно было ответить. Хирурги Эдинбургского института вакцинации выпустили "Экспертизу мнений и заявлений мистера Брауна" (An Examination of Mr. Brown's Opinions and Statements,[\[167\]](#)), но они лишь придирались к несущественным деталям, оставляя основные вопросы совершенно незатронутыми. Им нужно было доказать, что пациенты Брауна были либо невакцинированы, либо не болели оспой; а не сумев этого сделать, они ничего не смогли сделать.

Браун остался победителем. Он не отменил вакцинацию и не восстановил вариоляцию, но он положил конец в Шотландии вере в вакцинацию как во всемогущую защиту от оспы. Обряд продолжали практиковать на более скромных условиях: "она не причиняет вреда": даже мистер Браун допускал, что она может на некоторое время предотвратить появление оспы, и "есть основания полагать, что она делает болезнь более легкой, когда она все же появляется". Через 30 лет после первой публикации, в 1842 году, Браун подтвердил свою позицию в серии писем[\[168\]](#) доктору Джорджу Грегори, сочувствующему другу, и посоветовал вернуться к вариоляции ввиду "признанных недостатков дженнерианской практики" - удручающая альтернатива. Но напрасно ожидать от человека, что он *намного* опередит свое время: для почетного отличия достаточно, чтобы он *был* впереди. Когда Браун начал практиковать, оспа и другие лихорадки считались такой же неизбежностью, как ураганы и землетрясения, а знание, с которым мы сейчас так хорошо знакомы, о том, что они возникают в результате дурных привычек и обитания, в практических целях было неизвестно. Мы упрекаем себя в том, что, зная гораздо больше, мы предаемся суеверному наблюдению, зародившемуся во времена тьмы.

ССЫЛКИ:

[\[164\]](#) Случаи оспы после вакцинации, с фактами и наблюдениями, прочитанные в Медицинском обществе в Портсмуте 29 марта 1804 года: адресовано директорам Института вакцины. Уильям Голдсон. Portsea, 1884.

[\[165\]](#) Baron's Life of Jenner, vol. ii. pp. 338, 346, 348.

[\[166\]](#) Исследование антивариолитической силы вакцинации; в котором, исходя из состояния явлений и возникновения большого количества случаев, высказываются самые серьезные сомнения в эффективности всей практики, а ее сила в лучшем случае оказывается лишь временной. Из чего также следует необходимость и надлежащий период для повторной прививки вариоливируса. Томас Браун, хирург из Мюссельбурга. Эдинбург, 1809. Рр. 307.

[167] Отчет хирургов Эдинбургского института вакцинации, содержащий анализ мнений и заявлений мистера Брауна из Мюссельбурга о вакцинации. Эдинбург, 1809 г.

[168] Исследование нынешнего неудовлетворительного и дефектного состояния вакцинации и несколько мер, предложенных для устранения признанных в настоящее время недостатков дженнерианской практики. В серии писем, адресованных доктору Джорджу Грегори, врачу больницы оспы и вакцинации в Лондоне; которые также предназначены в качестве ответа на вопросы Академии наук в Париже, предложенные в качестве темы для премиального эссе. Томас Браун, бывший практикующий врач в Мюссельбурге. Edinburgh, 1842, pp. 139.

ГЛАВА XXI.

МОЗЛИ, РОУЛИ И БЕЛКА.

Возможно, стоит посвятить отдельную главу тем антагонистам вакцинации, которые, хотя и были правы в своих утверждениях против коровьей оспы, в большей или меньшей степени дискредитировали свое дело грубостью и экстравагантностью. Недостатки этих людей часто приводятся в качестве доказательства абсурдного и жестокого сопротивления, с которым столкнулась вакцинация, но при этом забывается, насколько интенсивной была их провокация, и как плохое с одной стороны сочеталось с плохим с другой. Это было состязание между больными оспой и больными коровьей оспой, одинаково не знающими условий физического благополучия. Однако в свете нашего последующего опыта становится очевидным, что многое из того, что утверждали оспопрививатели о бесполезности и вредности коровьей оспы, должно было быть точной и болезненной правдой, хотя упорно и яростно отрицалось.

В "Эдинбургском обозрении" за октябрь 1806 года появилась статья под названием "Памфлеты о вакцинации", которую можно рассматривать как отражение состояния споров на ту дату и как указатель главных нарушителей правил приличия. Статья была написана редактором Фрэнсисом Джеффри и являлась продуктом того пронизательного интеллекта, который приводит в порядок все, что подвергается его воздействию, подобно тому, как горничная "приводит в порядок" библиотеку, расставляя книги по размеру и переплетам и сортируя бумаги, чтобы они лежали аккуратно. Как и положено умелым редакторам, был выработан такой взгляд на разноречивую полемику, который мог бы быть легко принят и уверенно повторен читателями - эволюция такого рационального миража в то время считалась достоверной материей факта.

Прежде всего, мы можем принять свидетельства рецензента о масштабах и ярости спора.

Обширные и публичные свидетельства в пользу вакцинации, казалось, на некоторое время поставили вопрос ребром; и, за исключением нескольких неясных памфлетов и сообщений в медицинских журналах, мало что было слышно против нее до 1804 года, когда мистер Голдсон из Портсмута опубликовал шесть случаев оспы, произошедших после вакцинации, сопровождаемых наблюдениями, призванными поколебать уверенность, которая теперь была очень распространена в безопасности прививки Дженнериана. На них ответили мистер

Ринг и другие, которые попытались показать, что в некоторых случаях пациенты мистера Голдсона не болели настоящей коровьей оспой, а в других - не болели настоящей оспой впоследствии. Эта часть спора велась сдержанно и с достаточной степенью откровенности. Однако в конце того же года доктор Мозли опубликовал свой трактат о коровьей оспе, в котором бредни Бедлама, казалось, смешивались с тропами Биллингсгейта. Доктор Роули выступил на той же стороне и в том же духе, представив 500 случаев "новых звериных болезней, вызванных коровьей оспой", и привлек покупателей двумя цветными гравюрами в главе своего труда, изображающими "мальчика с бычьим лицом, зараженного коровьей оспой" и "девочку с лишаем, зараженную коровьей оспой". Теперь битва стала всеобщей. Преподобный Роулэнд Хилл выступал в защиту вакцинации - доктор Белка выпрыгнул из клетки на все стадо вакцинаторов - мистер Берч настаивал на изложении серьезных причин, по которым он возражает против коровьей оспы - доктора Торнтон и Леттсом воспевали хвалебные песнопения в ее честь - мистер Липскомб выскочил вперед. Липскомб выступил с многословной диссертацией о ее неудачах и вреде; а господа Ринг, Мерриман и Блэр отвечали всем и каждому, приводя в ярость всех своих оппонентов своей несдержанностью и индивидуальностью. Обвинения в убийстве и лжи обменивались между спорящими без малейших церемоний; медицинские журналы пенились от жестокости их споров; они бушевали в больницах и больничных палатах и оскверняли своей злобой святость кафедры и гармонию дружеского филантропического общения.

За все время нашей цензурной работы нам ни разу не доводилось наблюдать сцену, столь отвратительную и унижительную, как та, что представлена в большей части этой полемики; и мы не верим, что ярость политической вражды, личного соперничества или мести когда-либо порождала среди самых низких и prostituiрованных писак столько грубости, безнравственности, насилия и нелепости, сколько здесь демонстрируют джентльмены, обладающие здравым смыслом и образованием и обсуждающие вопросы профессиональной науки с целью блага человечества. В какой-то момент мы были настолько подавлены и сбиты с толку шумом и яростными противоречиями спорящих сторон, что у нас возникло искушение отказаться от взятой на себя задачи и поручить какому-нибудь более спортивному критику собрать те немногие факты и доводы, которые можно было бы обнаружить в этой буре, разразившейся в мире медицины.

Спор был яростным, но почему он был яростным? Часто случаются большие ссоры из-за мелочей, но причина в том, что эти мелочи жизненно связаны с самолюбием участников; так было и в случае с коровьей оспой и оспопрививателями. Ковпоксеры выступили с абсолютным утверждением, что тот, кто подчинится их рецепту, будет защищен от оспы на всю жизнь. Без доказательств или с мощными фиктивными доказательствами это утверждение было поддержано массой медиков, и последовало обращение общества в тот вид веры-паники, который Карлайл назвал *Swarmery*.

Весь мир соглашается, постоянно повторяя и повторяя, и вскоре наступает то необычное явление, которое называется *Swarmery*, или собирание людей в стаи; и какие чудеса они имеют привычку делать и верить, когда их бросают в это чудесное состояние! В случае с человеческими стаями удивительно, с каким совершенством единодушия и квазирелигиозной убежденности самые глупые нелепости могут быть приняты как аксиомы Евклида, а то и как статьи веры, в которые не только следует верить, если только вы не злостный безумец, но и (если у вас есть хоть капля чести или морали) переходить к практике и, не откладывая, *выполнять ее*, если ваша душа будет жива.^[169]

Очарованные таким образом люди не любят, когда их приводят в чувство; и медики, которые в 1800 году подтвердили вечную профилактику коревой оспы, естественно, очень не хотели быть уличенными в обмане и обманутыми. Когда сообщалось о случаях заболевания оспой после прививки, они сначала отрицали такую возможность, говоря, что либо прививки не было, либо оспа не была оспой. С другой стороны, оспопрививатели, которые были уничтожены оспопрививателями, оживились, когда обнаружилось бессилие новой практики, и упорно утверждали и жестоко доказывали, что за неоспоримыми прививками следовала неоспоримая оспа. Не нужно быть знакомым с человеческой природой, чтобы увидеть в этих условиях безграничные элементы ожесточения. Обвинение в самозванстве не породить спокойствия, как и противоречия в отношении простых фактов; и таким образом были осуждены "коровья оспа" и таким образом были опровергнуты "оспы".

Эдинбургский рецензент описал трактат доктора Мозли о коревой оспе как смесь "брета Бедлама с тропами Биллингсгейта". Немного Биллингсгейта я допускаю, но никак не Бедлама. Однако многое зависит от точки зрения. Если рассматривать вакцинацию как благословение, в котором небесное вдохновение воплотилось в спасение человеческой расы от оспы, то сопротивление ей^[170] может показаться, как замечает Карлайл о существах, находящихся под действием чар, "злым безумием".

Книга доктора Мозли,^[171] следует признать, была необычайно раздражающей. Он с самого начала выступал против коревой оспы, и его обвинили в осуждении того, о чем он ничего не знал; на что он убедительно ответил, что вряд ли мог знать меньше, чем шайка медиков, которые в 1800 году в газетах доказывали ее непреходящую эффективность, прежде чем у них появился хоть какой-то опыт в этом деле. Если его скептицизм был преждевременным, то каково же было их легкоеверие? Мозли набрался терпения: в ярости, охватившей новое спасение, нельзя было услышать никаких аргументов. "Коровья оспа, признаю, не заразна, - говорил он, - а вот коровья мания - да". Однако когда со временем на сотнях случаев выяснилось, что коровья оспа не дает иммунитета от оспы, он опубликовал в 1804 году "Lues Bovilla" - несколько напыщенный трактат, с частыми штрихами излишней образованности и пронизанный раздражающим превосходством истинного пророка: "Вы видите, что все получилось так, как я предсказывал". Он не ограничился общими утверждениями: он указал имена и адреса тех, кто был правильно привит или принял коровью оспу от коровы, а впоследствии заболел оспой вместе со своими соседями; а также случаи тяжелых заболеваний, травм и смерти в результате прививки. В присутствии таких фактов пустословие было бесполезным. Даже королевским дженнерианцам пришлось съесть скромный пирог, ведь в их отчете, датированном 2 января 1806 года, мы читаем

Комитет признает, что на его рассмотрение было представлено несколько случаев заболевания людей оспой, которые, по-видимому, прошли через коровью оспу обычным путем".

Что можно было бы предположить, если бы столь яростные фанатики признали столь многое!

Мозли пользовался большим уважением как у специалистов, так и у общественности, и его суждение, подкрепленное столь серьезными доказательствами, в значительной степени способствовало дискредитации вакцинации и, к сожалению, возобновлению вариолитной прививки. То, что реакция была обширной, особенно в Лондоне, следует из многочисленных свидетельств современников, которые подтверждает Мозли, говоря: "...

Людей в целом нельзя упрекнуть в том, что они поверили в это великолепное навязывание человечеству; и, к чести их проницательности и родительских чувств, средние и низшие классы первенствовали в отказе от этого заблуждения. На данный момент в Лондоне и

прилегающих деревнях не найдется ни одного человека, который бы подверг своих детей прививке от коровьей оспы, если только на него не нападут неожиданно, не угрозами, не хитростью (все это уже практиковалось в отношении них).

Роуланд Хилл был религиозным и филантропическим деятелем тех времен и, как и многие ему подобные, был энтузиастом вакцинации. Будучи одним из лидеров Королевского Дженнерианского общества, он организовал в школьном зале часовни Суррея пункт вакцинации, в котором служил доктор Уокер. Он также не ограничивался покровительством этой практики, но и сам был энергичным оператором. Выступая на ежегодном собрании Дженнерианского общества 17 мая 1806 года, он сказал.

"Своими руками я привил более 5000 человек", и, подняв глаза к небу, воскликнул: "Я торжественно заявляю перед Богом, что ни в одном случае у меня не было неудачи". Что же тогда мы скажем о лживых и дерзких публикациях тех, кто осуждает эту благотворную практику, и как они ответят за свое поведение перед своим королем, своей страной и своим Богом!"

Хилл и Дженнер были большими друзьями. Хилл навещал Дженнера в Беркли, а Дженнер слушал Хилла, когда тот проповедовал в Челтнеме. Представляя Дженнера одному дворянину, Хилл сказал.

"Позвольте представить вашей светлости моего друга доктора Дженнера, который спас больше жизней, чем любой другой человек".

На что Дженнер, будучи набожным человеком, кротко вздохнул.

"Ах! Если бы я, как и вы, мог говорить о *душах*".^[172]

Такой преданный и одержимый, Хилл, естественно, возмущался растущим недоверием к вакцинации. Его глубоко ранило, когда его считали шарлатаном; и в 1806 году он выпустил памфлет^[173], в котором рассказал о своем опыте Дженнерита, защитил свою практику и обличил тех, кто относился к ней с пренебрежением. Особенно суровому и презрительному осуждению подвергся Мозли. Ханжество и язвительность Хилла, его энергичность и яд составляют пикантную смесь, и если бы мы могли задержаться, чтобы развлечься, то могли бы в изобилии извлечь ее из множества изящных экстрактов. Возьмем, к примеру, вот это его присловье и его жалкий объект -

О, благословение Дженнеровской прививки! Разве когда-либо человек, подобно Дженнеру, был так похож на ангела Божьего, орудие в руках Божественного провидения между живыми и мертвыми, пока чума не была остановлена!

Скрытое предположение Хилла на протяжении всех его рассуждений заключалось в следующем.

Во-первых, что все должны болеть оспой; и

во-вторых, что все привитые, избежавшие оспы, обязаны своим спасением Дженнеризации.

Ему не приходило в голову, что до того, как о Дженнере узнали, многие прошли через всю жизнь, освободившись от оспы; следовательно, он не спрашивал, *как* им удалось спастись, и *почему*, когда была введена вакцинация, спасение должно быть поставлено ей в заслугу.

Вера в заместительное влияние вакцинации также сильно проявляется в памфлете Хилла. В то время в Лондоне проживало более 1 000 000 человек, и из них, по его словам, по меньшей мере 100 000 были привиты, причем с таким эффектом...

Вакцинация сократила количество смертей от оспы в Лондоне до 10 в неделю; но после того, как инокуляторы подняли шум, желающих сделать прививку поубавилось, и количество смертей вскоре возросло до 100 в неделю".

Можно ли с наглостью отрицать, что введение вакцинации стало единственной причиной снижения смертности от оспы?

Таким образом, каждый десятый вакцинированный, заболевший оспой, сократил число невакцинированных 9-10%; и как только число викарных операций сократилось, смертность возросла! В этом убеждении Хилл также не был исключением. Он ссылается на своего друга доктора Леттсума, который писал ему 25 марта 1806 г..

Вакцинация постепенно снижала смертность в 1804 году, когда примерно в середине 1805 года ложные сообщения против вакцинации получили всеобщее признание, и вакцинация была почти приостановлена; следствием этого стала смерть 1286 детей за четыре месяца (с сентября по декабрь), или по десять каждый день, каждый из которых мог бы сейчас быть жив, если бы благословение вакцинации было принято".

И снова Леттсом пишет Мозли в ноябре 1808 года.

Увеличение числа рождений и уменьшение числа смертей ежегодно прибавляло 3000 жизней к населению Лондона в течение того периода, когда проводилась вакцинация".

Высказывание, очевидно, искреннее и широко повторяемое, но как мало внимания уделяется истине!

Вернемся к Мозли. Он был не тем человеком, чтобы покорно сносить агрессию Хилла, и в памфлете под названием "Оливер для Роуланда" (An Oliver for a Rowland,^[174]) он выступил с потрясающей репрессией. Публика была в восторге от этой книги, и за несколько месяцев она разошлась десятью изданиями. Хилл, как правило, считался клерикальным гопником, в котором было больше наглости, чем благочестия, и видеть, как его опрокидывают, пинают и валяют в трясине, было спортом, который привлекал многих сочувствующих. Вступительное слово Мозли дает ключ к разгадке всего представления.

Роуланд, я купил вашу брошюру под названием "Прививка от коровьей оспы доказана", датированную 25 марта 1806 года.

Я заплатил за нее шиллинг. Роуленд, она не дорогая. Такое же количество глупости, лжи и наглости нельзя было бы купить за вдвое большие деньги у любого другого коровьего прививальщика от Ганга до Миссисипи.

Но позвольте спросить вас, Роуланд, что могло побудить вас взяться за перо, чтобы напасть на меня в области физики, которая никогда не нападала на вас в области религии? Не благоразумнее ли с вашей стороны было бы продолжать заниматься своим ремеслом в своем магазине?

Что касается того, что мой ученый друг доктор Леттсом (который никогда не остается в стороне, когда нужно сделать что-то хорошее) был вынужден подстрекать вас, методистского пастора, вступить в медицинскую полемику, то это можно объяснить только предположением, что он задолжал вам и передал вас в мои руки для расплаты.

Он заплатил с процентами - грубыми и раблезианскими; а Хилл, взяв себя в руки и придя в себя, благоразумно вышел из боя.

Несмотря на помпезность и шутовство, Мозли обладал здравым смыслом и юмором, и его сопротивление дженнерианской мании не было безрезультатным. Как он писал в 1808 году

Прошло десять лет с тех пор, как я начал эту троянскую войну против Вакцинии; и если она еще не закончилась, то я, по крайней мере, имею удовлетворение видеть, что ее первоначальные войска больше не в состоянии защищать ее трон; и что толпа королевы с "ударом по голове, где раньше стояла диадема", попала в руки новой династии наемников".[175]

В "Списке Королевского колледжа врачей" доктора Манка мы читаем, что доктор Мозли был назначен врачом в госпиталь Челси в 1788 году, "должность, которую он занимал с высочайшим *шиком* более тридцати лет" - вплоть до своей смерти в 1819 году.

Хотя доктор Мозли был проницательным врачом и, несомненно, человеком с широкими умственными способностями и весьма значительными достижениями, он был яростным противником вакцинации, о чем непрерывно писал в прессе. Они не оправдали ни его медицинской проницательности, ни его квалификации как беспристрастного искателя истины и, к счастью для его репутации, сейчас почти забыты.[176]

Так ли это? Чем еще запомнился доктор Мозли? Если человек выполняет свой долг в этом мире, не стоит думать, забудут его или будут помнить; но раннее и стойкое сопротивление Мозли самозванству против коровьей оспы надолго закрепит за ним право на благодарную память.

Доктор Уильям Роули, врач Мэрилебонского лазарета, также оставил свой след в истории медицины как убежденный противник вакцинации. Он видел, как профессия и публика сходят с ума от стольких абсурдных новинок, что его не удивило, что они должны сходить с ума от коровьей оспы: после должного опыта и исследований он вынес приговор этому увлечению и его пагубным последствиям в памфлете под названием "Коровья прививка - не защита от оспы",[177], содержащем две цветные гравюры, изображающие мальчика с коровьей оспой и девочку с коровьей оспой. Эти картинки вызвали много насмешек, и по сей день желающие пошутить и похихикать над ранним сопротивлением вакцинации рассказывают, как некий доктор Роули утверждал, что доброкачественный вирус Дженнера вызвал появление лица быка у мальчика; но, как и большинство комических анекдотов, это не соответствует действительности. На гравюре изображен симпатичный мальчик с припухлостью в верхней части левой щеки, которая, как считалось, придавала этой стороне его лица выражение, похожее на бычье. В наши дни многие практикующие врачи из числа бедняков без труда представили бы живые примеры недугов, соответствующих картинам Роули и даже хуже. Кроме того, многие в то время боялись или фантазировали, что прививка коровьей оспы может породить бычьи черты в человеке, и этот страх или фантазия были обращены в неизбежный счет в шутку и всерьез. Шутка видна в некоторых карикатурах Роуландсона, а в обращение попали такие истории: "Ребенок из Пекхэма.

Ребенок в Пекхэме после прививки коровьей оспы совершенно изменил свой прежний естественный нрав на жестокий, так что он бегал на четвереньках, как зверь, ревел, как корова, и брыкался, как бык".

Чтобы дискредитировать Роули, считается честной политикой связывать его с подобной чепухой и заставлять предполагать, что он опирался в своем деле на "мальчика с бычьим

лицом, больного коровьей оспой": все было далеко не так. Он старательно отслеживал вакцинаторов и насчитал 504 случая заболевания оспой и травмы после прививки с 75 смертями, причем подробности были точно указаны. Он также не ограничивался сообщением о том, что ему удалось выяснить. "Подойдите и посмотрите", - таков был его убедительный аргумент. "В последнее время под моим наблюдением, - писал он, - в лазарете Мэрилебон находились некоторые из самых тяжелых видов злокачественной оспы, которые многие из преподавателей осматривали и знали, что они были привиты". Свое доверие к "Придите и посмотрите" он еще более убедительно продемонстрировал на выставке повреждений, нанесенных прививкой, в своем лекционном зале на Сэвил-Роу в октябре 1805 года. "Зная, - сказал он, - бесцеремонный характер коровьих оспин, я решил не оставлять им пути к отступлению"; и поэтому он собрал Джоулза, "мальчика с бычьим лицом, у которого к тому же был ужасно больной локтевой сустав"; Марианну Льюис, девочку с лишаем, "которая была покрыта пятнами, как леопард"; "куча детей в тележке с юга Лондона" и другие в сопровождении родителей, которые, демонстрируя свои различные недуги, говорили: "Вот последствия новой болезни, которая была взята у коровы и внедрена в человечество!" Эта болезненная экспозиция продолжалась в течение двух дней, и, как он пишет, "сцена была поистине впечатляющей и огорчительной для всех, кто был ее свидетелем". Такой антагонист, как Роули, является серьезным фактором в любом споре, и мы можем оценить разрушения, которые он вызвал, по крайней тревоге дженнеритов, которые хотели, чтобы его оценили по предполагаемой нелепости мальчика с бычьим лицом.

Для такого практичного человека, как Роули, энтузиазм, с которым поначалу пропагандировалась вакцинация, казался сродни бреду.

Я участвовал в некоторых бурях, связанных с вакцинацией, и у меня отрывали пуговицы от пальто, ткань и все остальное, чтобы убедить меня в великом и непогрешимом преимуществе коровьей оспы. Я видел, как некоторые ярые вакцинаторы краснели как пламя от ярости, их губы дрожали, глаза вылезали из головы, изо рта шла пена, язык срывался с крепких слов, а кулаки сжимались как у драчунов, готовых сопроводить свой яростный гнев другими сбивающими с ног аргументами. В таких обстоятельствах мягкая, рассудительная философия покидает сцену и оставляет поле битвы бедламитами.

Ярость утихла в 1805 году, и Роули заявил, что многие медики глубоко стыдятся расточительности, в которую они впали, но у них не хватает смелости сделать откровенное признание.

Роули умер в 1806 году, и о том, каким уважением он пользовался, свидетельствовали толпы людей, стекавшиеся на его похороны. В книге "Список врачей" доктор Мунк отмечает.

Доктор Роули был убежденным противником вакцинации и приобрел незавидную славу благодаря тому, что вместе с доктором Мозли противостоял всем мыслимым препятствиям на пути к получению и распространению этого бесценного открытия.

Препятствия были фактическими, и как фактические они были признаны и преодолены.

Споры, последовавшие за внедрением вакцинации, "породили, - пишет эдинбургский обозреватель, - бесконечное количество публикаций самого разного характера", из которых он смог выбрать только самые характерные. Среди них мы находим доктора Белку, чья книга описывается "как самая занимательная из всех".

Мы рискнем сказать, хотя и знаем, что это смелое утверждение, что никогда прежде не было ничего столь плохо написанного или столь вульгарного и абсурдного, созданного человеком,

называющим себя доктором медицины. Однако в нем есть некая ловкость и проворство, которые поддерживают нас в хорошем настроении, и он носится с такой самодовольной пружинистостью и активностью, что смотреть на него действительно оживляет.

Развернув памфлет Белки^[178], я не нахожу почти ничего, что оправдывало бы это описание. Она не плохо написана, если судить по стандартам медицинской литературы, а "пружинистость" - это выдумка рецензента, чтобы поспорить с именем доктора. Мое собственное впечатление таково: Белка был скучным человеком, ревновал к коровьей оспе как к вреду для торговли прививками от оспы и воспользовался депрессией в прививочном бизнесе, чтобы утвердить свое превосходство. Он признает, что хранил молчание во время дженнеровского фурора, "но, когда поток постепенно уменьшился до слабого течения", он посчитал, что "теперь может обнародовать свое мнение с разумной надеждой на успех". Он ссылается на рассказ Дженнера о происхождении коровьей оспы от жирных пяток лошадей и доказывает, что эта болезнь - золотуха, которую прививка обязательно распространит, не давая при этом никакой защиты от оспы. Затем он приводит ряд случаев в доказательство того, что привитая коровья оспа не предотвратила оспу, а в нескольких случаях привела к серьезным и смертельным заболеваниям.

Дженнер в письме к Муру из Беркли от 28 февраля 1810 года так отзывается о Сквирле.

Джону Гейлу Джонсу, как я вижу, наконец-то удалось получить должность, на которую он давно претендовал. Этот парень однажды имел наглость попросить одного человека вызвать меня на Бедфорд-плейс и сказать, что он, Джонс, советует мне немедленно покинуть Лондон, ибо неизвестно, что может сделать разъяренное население. Он был автором книги "Белка", длинных антивакцинальных колонок в "Индепендент уиг" и многих самых яростных статей в "Медицинском обозревателе". В течение нескольких ночей я был выставлен на его форуме как объект насмешек; но я заставил его замолчать тем же оружием, что и других, - презрением.^[179]

Презрение Дженнера обладало чудесным свойством, неощутимо действуя на тех, к кому оно применялось. Кто-то мог подумать, что это его безделье, кто-то - трусость; но он знал, что это *его презрение*, и оно уничтожало его противников примерно так же, как вакцинация уничтожает оспу.

В этих старых памфлетах есть удручающее однообразие правды, и не только в том, что оспа возникает после вакцинации, но и в более печальных историях об острых и хронических заражениях крови. Мы признаем эти истории правдивыми, потому что они постоянно воспроизводятся среди нас теми же средствами, с теми же страданиями и мучениями, с той же смертью за благодарное освобождение.

Из показаний Мозли, Роули и Белки, подтвержденных другими людьми и самими дженнеритами, становится ясно, что распространение вакцинации встретило решительный отпор в Лондоне. Многим было убедительно доказано, что вакцинация не дает никакой защиты от оспы, а несет в себе опасность для здоровья, определенную, но пока не поддающуюся определению. К вариолитной прививке снова вернулись, но уже в меньшем количестве; ведь эта практика никогда не преобладала по доброй воле народа, а была обусловлена тщательными медицинскими уговорами, как долг суровой необходимости. Вакцинация давала повод для колебаний, и в перерывах между соперничеством многие умудрялись избегать любой из форм загрязнения. Так, косвенно, прививка вакциной отошла на второй план, и когда в 1840 году последняя была запрещена законом, от этой практики

почти ничего не осталось, в то же время большинство населения существовало без дженнеровской защиты.

Не стоит забывать, что раннее сопротивление вакцинации исходило исключительно от привитых от оспы. Тогда еще не представлялось, что оспе и другие лихорадки можно предотвратить, что их причины находятся под контролем и что здоровье - лучшая защита здоровья. Мир еще находился во тьме относительно тех истин, которые мы сегодня признаем как законы здоровья, гигиены и санитарной науки; тьма не рассеялась, но рассеивается, и не за горами то время, когда вакцинация для того, чтобы быть в безопасности от оспы, будет считаться самым смешным из абсурдов.

Возвращаясь к "Эдинбургскому обзору", мы с любопытством отмечаем, что главной позицией, которая тогда утверждалась, была неизменная эффективность вакцинации. Инокуляторы были готовы признать, что она может обладать временной профилактикой, поскольку, пока не утихнет одна лихорадка с кровью, другая вряд ли наступит; но Джеффри отказался от этой точки зрения.

Кажется, противоречит всей аналогии и всем правилам рассуждения, чтобы предположить, *a priori*, что иммунитет, который, как выяснилось, существует в течение определенного времени в обычном и здоровом состоянии системы, будет постепенно и неощутимо исчезать без какой-либо очевидной причины или каких-либо ощутимых изменений, чтобы указать на его исчезновение; и факты, которые вообще имеют отношение к этому вопросу, так далеко от предположения или поддержки такого предположения, кажется, по нашему мнению, полностью опровергают и дискредитируют его.

Однако то, что в 1806 году считалось "противоречащим всякой аналогии" и "полностью опровергнутым и дискредитированным фактами", сегодня признают именно вакцинователи. Отсюда их крики о необходимости повторной вакцинации - раз в семь лет, раз в три года, раз в год. Доктор Лайонел Бил, большой авторитет в этом вопросе, недавно признался, что был вакцинирован десять раз, и в страхе перед эпидемией собирался сделать прививку еще раз - яркий пример современной теории и практики. Предвидение такой проблемы привело бы в замешательство первых вакцинователей. Когда о повторной вакцинации заговорили с доктором Пирсоном, он отрицал ее возможность, "потому что, - сказал он, - вакцинация эквивалентна оспе, которая не может повториться. Если ребенок может быть повторно привит, значит, он может перенести оспу; следовательно, прививка не является эквивалентом оспы, и где же тогда польза от нее?" Действительно, где!

Эдинбургский рецензент был достаточно беспристрастен, чтобы признать насилие как среди приверженцев коровьей оспы, так и среди оспопрививателей, и назвал Джона Пинга, обидчика Дженнера, преступником, описав его "Трактат о коровьей оспе" как "тысячу сорок хаотичных страниц в защиту новой практики". Ринг подтвердил критику, выпустив памфлет "Прелести "Эдинбургского обзора", или "Вонючий горшок литературы""; он напомнил нам о человеке, который писал своей жене из трактира: "Я должен сделать вывод, потому что невоспитанный ирландец заглядывает мне через плечо и читает каждое мое слово"; замечание, которое было немедленно подхвачено: "Вы - лжец, сэр, лжец!"

[ФУТБОЛЬНЫЕ ССЫЛКИ:](#)

[169] Стрельба по Ниагаре.

[170] "Не пренебрегайте, увещаю я вас, таким благословением. Оградите себя от опасности, берегите своих детей и воздайте благодарность Всемогущему Богу, который так

предусмотрительно предоставил человеку это средство защиты от моровой язвы, которая ходит во тьме, и болезни, которая уничтожает в полуденный день" - Обращение преподобного Т. А. Уоррена к своим прихожанам, переизданное Королевским Дженнерианским обществом, 1803 г.

[171] Трактат о бовилье или коровьей оспе. Бенджамин Мозли, доктор медицины. Второе издание. London, 1805. Pp. 142.

[172] Sidney's Life of Hill, p. 225.

[173] Cowpox Inoculation Vindicated and Recommended from Matters of Fact. By Rowland Hill, A.M. London, 1806. Pp. 72.

[174] Оливер для Роуланда; или Послание о коровьей оспе преподобному Роуланду Хиллу под крылом часовни Суррея. Бенджамин Мозли, доктор медицины. Десятое издание. London, 1807. Pp. 102.

[175] Обзор отчета Лондонского королевского колледжа врачей о вакцинации. Бенджамин Мозли, доктор медицины. Лондон, 1808. Pp. 86.

[176] Список Королевского колледжа врачей, включающий биографические очерки. Уильям Мунк, доктор медицины, Лондон, 1878.

[177] *Прививка от коровьей оспы - не защита от заражения оспой. К этому добавлены способы лечения новых чудовищных болезней, порождаемых коровьей оспой, объясненные двумя цветными гравюрами на медной пластинке, как...*

Коровья оспа Зло или абсцесс коровьей оспы
Язвы коровьей оспы Умерщвление коровьей оспы.

С разработанным автором определенным, опытным и успешным способом прививки оспы, которая теперь становится необходимой из-за неудачи с коровьей оспой, и т. д. Уильям Роули, доктор медицины, член Оксфордского университета, Королевского колледжа врачей в Лондоне и врач лазарета Сент-Мэрилебон. London, 1805. Pp. 82. Первое издание вышло 4 октября 1805 года, третье - 27 января 1806 года.

[178] Наблюдения над коровьей оспой, показывающие, что она происходит от Scrophula, обычно называемой злом; иллюстрированные случаями, доказывающими, что она не является защитой от оспы. Также указывая на ужасные последствия этой новой болезни, так недавно и необдуманно внедренной в человеческую конституцию. Р. Сквиррел, доктор медицины, бывший аптекарь больницы оспы и прививок. London, 1805. Pp. 76. Второе издание появилось в 1806 году.

[179] Baron's Life of Jenner, vol. ii., p. 367.

ГЛАВА XXII.

УИЛЬЯМ КОББЕТТ.

Все взывают к здравому смыслу, но что такое здравый смысл? На этот вопрос трудно ответить; и все же, поскольку я собираюсь показать, что противодействие Коббетта вакцинации было оправдано здравым смыслом, я обязан дать некоторое определение этому термину.

Здравый смысл - это разум, сформировавшийся на основе обычного опыта. То, что множество людей в течение жизни считают истиной, и есть здравый смысл, оспаривать который или сопротивляться ему - глупость или фанатизм. Этот вульгарный и энергичный рационализм часто призывают на службу там, где у него нет призвания. Например, когда впервые узнали, что Земля - шар и что у ее обитателей есть антиподы, это откровение было осуждено как противоречащее здравому смыслу; но очевидно, что в таком случае (а таких случаев - мириады) на него ссылались ошибочно: форма Земли в то время была за пределами общепринятых представлений. Однако, как только опыт показал, что Земля шарообразна и обитаема во всех своих четвертях, ее ротондированность вошла в конституцию здравого смысла.

Поэтому я считаю, что сфера здравого смысла ограничена его происхождением из общего опыта, а в вопросах, выходящих за рамки этого опыта, его сентенции нелегитимны и являются синонимами предположения и предрассудка".

Уильям Коббетт был, по сути, человеком здравого смысла. Его сила заключалась в его общности с опытом и разумом его соотечественников; и, как и у всех нас, у него были недостатки, свойственные его добродетели. Он постоянно применял свои вульгарные суждения к критике людей и вопросов, выходящих за рамки его компетенции, и результатом этого стала пышность высокомерия и презрения, за параллель с которыми в наши дни приходится обращаться к мистеру Рёскину.

Как бы то ни было, мы должны спросить, чего стоило мнение Коббетта в вопросе вакцинации? Вакцинаторы иногда пытаются вывести свою практику из обсуждения в обществе. Они говорят, что это медицинский вопрос для медиков, но такое утверждение вызывает скорее подозрение, чем доверие, ведь тайна - это неизменный признак самозванства. О любом заумном знании справедливо сказать, что оно может быть постигнуто только теми, чьи способности подготовлены для его постижения; но что заумного в вакцинации? Без особого труда каждый может знать о ней столько же, сколько и все остальные. Это самая простая хирургическая операция. Это почти так же просто, как принимать таблетки: вместо того чтобы вводить яд в горло, его вводят под кожу. Операция может привести к любому количеству патологических осложнений, но независимо от того, признаются или отрицаются такие осложнения, то, для чего назначается вакцинация, а именно для профилактики оспы, находится в пределах общего наблюдения. Поэтому я должен ответить, что здравый смысл Коббета был компетентен выносить суждение о вакцинации.

Более того, обстоятельства того времени вынуждали высказать свое мнение: молчание или нейтралитет были невозможны. Англия кишела вакцинаторами. Все суежливые люди, которым нравилось приносить много пользы малыми затратами, наставляли ланцеты против коровьей оспы. Поощряемые Дженнером, они получали вакцину, прививали жертву и распространяли вирус от руки к руке. Здесь я могу позволить Коббетту говорить за себя.

Эта нация любит всякого рода шарлатанство; и это конкретное шарлатанство, получив одобрение короля, лордов и общин, распространилось по стране, как мор, разносимый ветрами. Быстро возник Королевский Дженнерианский институт, и филиалы, выходящие из материнского ствола, тут же принялись за работу, пропитывая вены подрастающего поколения чудовищной материей. Джентльмены и леди сделали этот товар своим карманным спутником; и если ребенок дачника попадался им на глаза на просторе (по крайней мере, в Хэмпшире) и не уносился быстро по пятам, он непременно переносил большую или меньшую часть коровьей болезни. Можно было подумать, что половина коров в стране была заражена, чтобы получить такое количество материала.^[180]

Вакцинация не была просто навязана Коббетту как популярное увлечение. Ему пришлось столкнуться с ней как с возможным принудительным введением. На публичном собрании в 1803 году Уилберфорс и доктор Кларк выступили за запрет прививок от оспы и принудительную вакцинацию; Коббетт в письме, адресованном Уилберфорсу, осудил этот произвольный проект в напряжении, впечатляющем и достойном, как у самого Берка. Он писал

Похоже, существуют предрассудки против коровьей оспы, которые необходимо уничтожить силой. То, что предрассудки существуют, и очень сильные, я готов допустить, но я не могу согласиться с тем, что эти предрассудки должны быть искоренены силой; и, возможно, справедливо использовать этот унижительный термин для выражения неприязни, которую столь значительная часть общества испытывает к практике, которую вы так стремитесь заставить их принять. Обвинение в предрассудках слишком часто и с фатальным успехом выдвигалось против каждого, кто выступал против перемен. Дело в том, что кто бы ни возражал против нововведений, какими бы дикими они ни были, какими бы разрушительными ни были их последствия, его постоянно обвиняют в предрассудках; а поскольку предрассудки подразумевают смесь *невежества* и *извращенности*, и так как мало кто хочет, чтобы его считали невежественным и извращенным, это обвинение используется для принуждения к согласию там, где разум колеблется".

Затем он метко применил отвергнутую рекомендацию о прививке от оспы в качестве причины для колебаний в пользу прививки от коровьей оспы.

Вы, должно быть, хорошо помните, что долгое время существовало сильное и общее возражение против прививки оспы; и вы не можете забыть, что это возражение называлось *предрассудком*, а люди, придерживающиеся его, считались *неграмотными*, *невежественными* или *порочными*; Однако теперь из обращения вашего Королевского Дженнерианского общества следует, что для человеческой расы было бы хорошо, если бы предрассудки этих неграмотных, невежественных или порочных людей получили всеобщее распространение; ибо теперь вы говорите нам, что "прививка, распространяя заразу, значительно увеличила смертность от оспы." Имея перед глазами подобный пример, не должны ли мы быть очень осторожны, принимая вашу новую систему прививки коровьей оспы?

Затем, обратившись к Уилберфорсу в своем любимом образе конституционного англичанина, он продолжил.

Позвольте спросить вас, сэр, как вы согласуете предложение о введении этой новой практики с духом Конституции, поклонником которой вы являетесь, и со свободой, одним из главных сторонников которой вы хотите считаться? Против чего я выступаю и что меня настораживает, так это предложение принять закон о парламенте, который по своему действию будет не чем иным, как принуждением каждого человека к тому, чтобы вены его

ребенка были пропитаны болезнью зверя - мера, которая не будет принята ни в одной стране, где народ не является вассалом или рабом".

И наконец, эти замечания, которые в наши дни имеют большую силу и применение, чем тогда, когда они были написаны.

Мне не нравится это бесконечное повторение парламентских актов. Что-то должно быть оставлено, и что-то *должно* быть оставлено на усмотрение здравого смысла, разума, морали и религии народа. В этой стране есть ряд *благонамеренных людей*, которые приняли бы законы, регулирующие и сдерживающие каждое чувство человеческой груди и каждое движение человеческого тела: они бы связали нас, волосок за волоском, как лилипуты связали Гулливера, пока однажды, проснувшись ото сна, мы не стали бы удивляться, кем мы были поработаны. Но я верю, сэр, что парламент не находится и никогда не будет находиться под таким влиянием этих мелочных и вмешательских политиков, чтобы побудить его принять законы, отнимающие у человека право управлять своим хозяйством, выбирать врача и заботиться о здоровье своих детей; ведь при таком домашнем рабстве говорить о свободе страны было бы самой жестокой насмешкой, которой когда-либо оскорбляли смиренный и подчиненный народ".^[181]

Коббетт, надо заметить, обратился к Уилберфорсу в 1803 году, когда вакцинация была еще несовершенна и ее сторонники с энтузиазмом убеждали его, что быть Дженнеризированным - значит быть навсегда защищенным от оспы. Когда Коббетту снова довелось писать о коровьей оспе, прошло уже шесть лет, и они унесли с собой призрачную уверенность, с которой прививка была навязана общественному легковерию. Тем не менее от этой практики не отказались: шарлатанство, ставшее живым и прибыльным, умирает с трудом, но оно было дискредитировано, а его апологеты проявили изобретательность, придумывая объяснения и оправдания его очевидным неудачам. Королевское Дженнерианское общество разделилось между Дженнером и Уокером, и обращение в парламент было принято с двумя целями: во-первых, чтобы спасти Дженнера от нищеты, а во-вторых, чтобы обеспечить средства для поддержания вакцинации, поскольку добровольные подписки безвозвратно сократились. Короче говоря, вакцинация пришла в упадок, и Палата общин была призвана спасти ее от вымирания. В палате и вне ее были проволочники, скомпрометировавшие себя покровительством Дженнеру и его самозванству, и у них хватило ума и сил переложить ответственность, от которой они были больны, на национальный казначейство. С таким объяснением мы пойдем следующую статью из "Реестра" от 18 июня 1808 года. Коббетт писал

Этот эксперимент с коровьей оспой, стоивший нации 30 000 фунтов стерлингов доктору Дженнеру, теперь, похоже, получит акт парламента, чтобы придать ему силу. Мистер Роуз внес законопроект о создании в Лондоне центрального учреждения по распространению коровьей оспы, который, судя по всему, пройдет; и это отвратительное и унижительное средство будет обходиться нации еще в 4 или 5 тысяч фунтов стерлингов ежегодно, хотя было ясно доказано, что оно не отвечает поставленной цели. Это, однако, я считаю дешевой по сравнению с угрозой мистера Фуллера, который в ходе дебатов предложил обязательный закон по этому вопросу. Он подхватил старую идею мистера Уилберфорса, который выступал за закон, запрещающий родителям прививать своих детей от оспы, если только они не решат отправить их в очаги или в места, находящиеся на значительном расстоянии от других мест обитания. Против этого жестокого и тиранического предложения я выступал в то время; и я рад видеть, что теперь оно почти повсеместно отвергнуто".

Хотя Коббетт не мог остановить действия парламента, он был недалёковиден, считая, что предлагаемое введение вакцинации - это всего лишь вопрос потери нескольких тысяч в год. Мы по сей день несем ответственность за вакцинацию, ее расходы и беды, благодаря голосованию за Национальное учреждение вакцин в 1808 году. Как только в смету закладывается ежегодная субсидия, возникают интересы, которые не только сохраняются, но и постоянно стремятся к расширению; а от таких интересов, однажды возникших, можно избавиться только тогда, когда они окажутся бесполезными благодаря агитации за дверями и настойчивому давлению на Палату общин.

Говоря о печально известной вспышке оспы среди вакцинированного населения в Рингвуде в Гемпшире, Коббетт продолжал: "Я хотел бы услышать мистера Коббета.

Я хотел бы услышать рассказ мистера Роуза об обстоятельствах в Рингвуде, откуда, по его словам, очевидно, что неудача произошла "из-за использования *неподходящего вещества*". То, что многие люди, привитые коровьей оспой, заразились оспой и умерли в Рингвуде, - факт, который не может отрицать даже Королевское Дженнерианское общество; и если это так, то какой человек в здравом уме будет верить в эффективность коровьей оспы как средства профилактики оспы? *Дело сделано. Она потерпела неудачу*, и напрасно пытаться поддержать ее репутацию; ведь через несколько лет она превратится в поговорку.

Пророчество, скажут, которое не исполнилось. Верно: но во времена Коббета оно далеко продвинулось к исполнению. Все безоговорочные обещания, под которыми вакцинация была введена в практику, один за другим сдавались под давлением опыта. Масса людей осталась непривитой, рвение к вакцинации бедных угасло, а среди среднего и высшего классов эта практика продолжалась под самыми скромными предложениями - как нечто, что может помешать или смягчить оспу, и в любом случае не причинит особого вреда. Мы должны помнить, что мания к вакцинации, которая сейчас преобладает, - это возрождение рецепта, который наши предки испытали и нашли несостоятельным. Вакцинация оказалась в забвении не потому, что к оспе относились равнодушно, а потому, что она не предотвращала эту болезнь.

Оправданием первых неудач вакцинации было то, что, должно быть, использовалась поддельная коровья оспа - поддельная коровья оспа была искусным изобретением Дженнера для прикрытия бедствий; искусным, но абсурдным, ибо как может коровья оспа существовать поддельной в большей степени, чем оспа? Точный факт, что коровья оспа была уловкой беспринципного шарлатана, был неизвестен Коббету, но он был достаточно острым, чтобы распознать самозванство, и поэтому писал

Предлог *в виде поддельной материи* - самая слабая защита, которую когда-либо выдвигали, потому что очевидно, что это всегда будет оправданием. Методистская шука, сказавшая своему косяку пескарей, что *если у них есть вера*, то они могут прыгнуть в меловую яму, не вывихнув себе лодыжки, на все их упреки отвечала, что их сломанные кости - следствие их собственного греха, заключавшегося в отсутствии веры, и в доказательство приводила одного из них, который случайно спасся невредимым. Все, кто заразился оспой и умер, были привиты поддельной материей, а все, кто еще не заразился оспой, после прививки были привиты чистой материей; и так будет до конца этой главы.

Кто должен собирать эту чистую материю и *откуда* она должна поступать? Кто скажет, прививать ли ему коровью оспу или королевскую болезнь? Или от многих других болезней, одну из которых я не буду называть, но надеюсь, что отцы и матери, давшие своим детям величайшее благословение - чистую кровь, не забудут, когда им предстоит пропитать эту кровь материей, взятой из язвенных тел других людей.

В этом последнем предупреждении мы должны отметить прозорливость Коббета. Он знал, что невозможно передать органический вирус от руки к руке, не передав больше, чем предполагалось, включая ужасную болезнь, на которую он указывал. Вакцинаторы, естественно, отрицали возможность такой дополнительной передачи; ведь если бы они признали такую возможность, они должны были бы прекратить вакцинацию. М. Рикорд ясно изложил альтернативу: "Очевидный факт заключается в том, что если когда-либо в мире будет существовать дополнительная передача инфекции.

Очевидным фактом является то, что если когда-либо будет четко доказана возможность передачи этого заболевания с лимфой вакцины, *вакцинация должна быть полностью прекращена*".

Ясная демонстрация, которую требовал М. Рикорд, была предоставлена в изобилии; и то, что в свое время считалось сомнительным, теперь открыто признается. Мистер Бруденелл Картер, пишущий в "Медицинском экзаменаторе" от 24 мая 1877 года, свидетельствует: "Я считаю, что сифилитическое заражение - это не просто болезнь.

Я думаю, что сифилитическое заражение лимфой вакцины ни в коем случае не является необычным явлением, и что на него обычно не обращают внимания, потому что люди не знают, когда и где его искать. Я думаю, что значительная часть случаев наследственного сифилиса на самом деле является вакцинальным; и что сифилис в этих случаях не проявляется до возраста от восьми до десяти лет, а к этому времени связь между причиной и следствием, как правило, теряется из виду.

И мы имеем памятное заявление сэра Томаса Уотсона в "Девятнадцатом веке", июнь, 1878 год.

Я с готовностью сочувствую и даже приветствую отца, который с предполагаемым страхом или опасениями в голове готов подчиниться многочисленным судебным наказаниям, чем подвергнуть своего ребенка риску заражения столь ужасной инфекцией".

Так запоздало, так после бесконечных бед, причиненных здоровью населения, появляется Нестор медицины и торжественно разрешает, что предупреждение Уильяма Коббета, сделанное за семьдесят лет до этого, было истинным предупреждением, и что достойны похвалы мудрые родители, которые прислушались к нему.

Коббетт, благодарный за избавление от принудительной вакцинации, упустил из виду опасность, которая увековечилась в результате введения этой практики. Его обрадовало категоричное заявление Каннинга, что "он не может представить себе никаких обстоятельств, которые побудили бы его подкрепить самый благоприятный отчет о непогрешимости вакцинации какими-либо мерами по ее принудительному применению". И далее он продолжал: "Я рад, что вижу, что доклад о непогрешимости вакцинации побуждает его следовать за мерами по ее принудительному применению.

Я рад узнать, что министерство позаботилось о том, чтобы выразить свою решительную враждебность любому закону о распространении коревой оспы *силой*, с помощью *мучений и наказаний*. Учитывая это, меня мало волнует мистер Роуз и его институт коревой оспы. Те, кто решит оплодотворять своих детей из этого цеха, будут вольны делать это; а те, кто захочет избежать этого, смогут. Все это правильно, хотя, возможно, со стороны правительства было бы очень глупо вмешиваться в этот вопрос. Думаю, мы можем поблагодарить события в Рингвуде за то, что министерство выразило протест против принудительных мер. Было бы

достаточно любопытно увидеть, как люди платят штрафы за то, что они так упрямо не желают заботиться о своем здоровье или здоровье своих детей.

То, что, по мнению Коббета, было бы "достаточно любопытно", мы наблюдаем ежедневно. Английская свобода, если она и продвинулась в некоторых направлениях, то в других вернулась назад со времен Коббета. Родителей теперь привлекают к суду, штрафуют и сажают в тюрьму за то, что они (зная, что прививка не может предотвратить оспу, но может серьезно повредить здоровью их детей и даже стоить им жизни) отказываются подчиниться ее проведению. Никогда, пожалуй, не было более нечестивого посягательства на свободу, чем обязательная вакцинация, и все же у нас есть свободные и просвещенные англичане, которые оправдывают и защищают ее! Это фарисеи либерализма, вопиющие о тирании, исчезнувшей или чужой, но тупые к подобной тирании в своих собственных владениях. Они украшают могилы пророков свободы, но (по своей ничтожной мерке) повторяют деяния тех, кто их преследовал и убивал.

Наконец, в статье, из которой я привел цитату, Коббетт предположил, что обращение в Палату общин за деньгами свидетельствует о том, что энтузиазм в отношении вакцинации ослабевает. Он писал: "Я не знаю.

Нынешнее обращение в парламент - веское доказательство того, что коровью оспу начинают *раздувать*. Королевскому Дженнерианскому обществу *нужны средства*. Подписчиков стало меньше, поэтому пришлось обратиться к общественному кошельку. *Почему* отпали подписчики? Их *человечность* не остыла. Было бы клеветой, конечно, предполагать это. Но я подозреваю, что их *вера* остыла; а когда это так, рвение вскоре ослабевает, особенно когда эти действия заключаются в основном в расходовании денег.

Дело в том, что по мере того, как неудачи с вакцинацией множились, Дженнер попытался сделать козла отпущения из Уокера, резидента-изолятора Королевского Дженнеровского общества. Произошла ужасная ссора, и большая часть членов отделилась от Уокера, который основал Лондонский институт вакцин. Приверженцы Дженнера не были филантропами и подписчиками, но у них было политическое влияние, и они использовали его, чтобы избавиться от своих обязательств, во-первых, добившись голосования за Дженнера в размере 20 000 фунтов стерлингов, а во-вторых, создав Национальное учреждение вакцин с субсидией в 3 000 фунтов стерлингов в год.

На этом Коббетт остановился в своем "Регистре", где у него не было случая снова обсудить вакцинацию; но под конец своей жизни, в 1829-30 годах, он опубликовал серию статей под названием "Советы молодым людям", в которых он повторил и усилил свой протест против дженнеровского самозванства.

Я утверждаю [писал он], что применение зверя не может быть эффективным в природе для предотвращения оспы, и истинность этого утверждения теперь доказана тысячами и тысячами случаев. Долгое время, в течение десяти лет, смело и нагло утверждалось обратное [...]. Но оспа в ее худшей форме вспыхнула в Рингвуде и унесла, как я полагаю (у меня нет под рукой отчета), более сотни человек, молодых и старых, *каждый из которых перенес коровью оспу "так мило"*. И что же тогда было сказано? Было ли шарлатанство взорвано? Вовсе нет: неудачу приписали *неумелым операторам: застывшему веществу: его ненастоящему качеству*. Признавая все это, схема была осуждена; ведь огромные преимущества, о которых говорилось, заключались в том, что операцию мог выполнить *любой человек*, а вещество было в изобилии и стоило недорого.

Но это были жалкие оправдания: просто шарлатанство; ведь что мы знаем сейчас? А то, что в сотнях случаев люди, привитые Дженнером, заражались впоследствии настоящей оспой и либо умирали от этой болезни, либо едва спасали свою жизнь! Я приведу два примера. Первый - сэр Ричард Филлипс, чей сын, спустя несколько лет после того, как Дженнер сделал ему страховку, очень тяжело боролся за жизнь под руками старомодной, дающей швы и ямочки оспы. Второй - Филипп Кодд, эсквайр из Румстед-Корт, близ Мейдстона, чей сын очень тяжело перенес настоящую оспу, а также коровью оспу, привитую *самим Дженнером*. Мистера Кодда я знал и искренне уважал с тех пор, как нам обоим исполнилось по восемнадцать лет. Когда этот джентльмен, его сын, был совсем маленьким, я, посадив его однажды к себе на колени, спросил его добрую и прекрасную мать, была ли ему *сделана прививка*. "О, нет!" - ответила она, - "мы собираемся сделать ему *прививку*". Тогда я, выйдя в сад к отцу, сказал: "Я надеюсь, Кодд, что вы не собираетесь вводить в этого прекрасного мальчика этот звериный коровий фарш". "Почему, - сказал он, - видите ли, Коббетт, это должен сделать *сам Дженнер*". Какой ответ я дал, какими именами и эпитетами осыпал Дженнера и его шарлатанство, я предоставлю читателю самому догадаться.

Итак, примеров достаточно, но каждый читатель если не видел, то слышал о десятках других. Молодой мистер Кодд заразился оспой в школе; и, если я правильно помню, было еще несколько привитых молодых людей, которые сделали то же самое в то же самое время. Шарлатанство, однако, всегда остается в стороне. Теперь, когда доказано, что коровья оспа не является гарантией от оспы, она *становится более мягкой*, когда приходит! И в самом деле, нехилый такой переполох! Вы должны всю жизнь бояться ее, утешаясь лишь тем, что, когда она придет (а она может настигнуть вас в лагере или на море), она будет более мягкой! В Рингвуде она была не слишком мягкой, чтобы убить, а в случае с молодым мистером Коддом ее мягкость не помешала ослепить его на соответствующее количество дней.

Мне нелегко забыть тревогу и беспокойство мистера и миссис Кодд по этому поводу - оба они были лучшими родителями, и оба они были наказаны за то, что поддались модному шарлатанству. Я не скажу, что *справедливо* наказаны; ведь любовь к своим детям, в которой их не превзошел ни один родитель на земле, была причиной того, что они прислушались к избавляющему от опасности шарлатанству. Так бывает и с другими родителями; но родители должны находиться под влиянием *разума* и *опыта*, так же как и под влиянием привязанности; и *теперь*, во всяком случае, они должны пресечь это действительно опасное шарлатанство.

Такова была аргументация Коббетта против вакцинации, и я спрашиваю, не был ли он оправдан в своей оппозиции? Он видел, как вакцинация была представлена миру как безошибочная профилактика оспы, и дожил до того момента, когда это требование постепенно сводилось к тому, что оспа становилась более легкой! Но даже в таком виде он был вынужден заклеить это утверждение как последнее шарлатанство. И по сей день утверждается, что вакцинация делает оспу более мягкой, но это притворство разрушается, когда мы спрашиваем: "Откуда вы знаете? В любом случае или в любом количестве случаев оспы кто может определить степень тяжести, уменьшенную вакцинацией? В большей степени, чем если бы я утверждал, что вакцинация усиливает оспу, меня было бы невозможно опровергнуть. Мы можем лишь встретить непроверяемое утверждение с безразличием или презрением. Если людям нравится верить в метемпсихоз или конституцию луны в зеленом сыре, мудрые оставляют их наслаждаться своим юмором. С другой стороны, я должен заметить, что оспа - это болезнь с широким диапазоном интенсивности, от почти тривиального недомогания до неизменно смертельного случая; и этот широкий диапазон интенсивности был характерен для болезни как до, так и после

введения вакцинации. Под каким же предлогом легкие случаи оспы приписываются влиянию вакцинации? Легкие и злокачественные случаи оспы встречаются как среди привитых, так и среди непривитых, и нередко, когда привитые и непривитые находятся в сходных условиях, например, в одном и том же доме, именно непривитые страдают легче или выздоравливают быстрее.

Часто помогает лучше понять позицию, если мы попытаемся представить себе ее противоположность. Мы видели Коббета как противника вакцинации: давайте попробуем представить его как ее защитника. Предположим, что он вместе с вежливой и образованной толпой приветствовал Дженнера как спасителя человечества от оспы и уверял читателей "Реестра", что они навсегда избавятся от этой болезни, если сделают прививку коровьей оспой - легкую и безвредную операцию. Затем, через некоторое время, представьте, как он сообщает, что его ввели в заблуждение - что операция не так проста, как ее представляют, и не всегда так безвредна. А через некоторое время он станет носителем более серьезного откровения. Некоторые из вакцинированных, гарантированно защищенные, заразились оспой, но такие злоключения, объяснял он, происходили из-за использования неправильного сорта коровьей оспы, которая была поддельной. Но если бы предположение о поддельной коровьей оспе вызвало тревогу и отторжение от вакцинации, ему пришлось бы парировать это заявление заверением, что под поддельной коровьей оспой подразумевается не поддельная коровья оспа, а просто нарушения в действии подлинного вируса на руки привитых. Но даже этих оправданий было бы недостаточно. Нетрудно было приписать оспу после прививки небрежной практике или вирусу, который не был подходящим сортом коровьей оспы; но когда было обнаружено, что оспа возникает в многочисленных случаях после прививок самого Дженнера и самых опытных врачей, что было сказать? А то, что прививка не предотвратила оспу, а сделала ее более легкой!

Представьте себе, что честный и энергичный интеллект Коббетта отступает в этой слякоти извинений и умолчаний! А ведь через такую слякоть приходилось пробираться каждому последователю Дженнера.

Я не собираюсь ставить Коббета в пример как образец мудрости. Я просто утверждаю, что его здравый смысл был адекватен суждению о вакцинации, и что он правильно его использовал. В вопросах физиологии и гигиены он был столь же невежественен, как и его современники; но если бы продавался лосьон для предотвращения зубной боли, а он не предотвращал ее, можно было бы смело объявить его продавцов шарлатанами, даже если бы продавцами оказались Королевский колледж врачей и Королевский колледж хирургов. Во времена Коббета не задумывались о причинах болезней. Не спрашивали, почему люди страдают от оспы и других лихорадок, и можно ли их избежать. С такими недугами мирились, как с плохой погодой, и боролись с ними с помощью врачебных уловок, или с помощью чар, таких как вакцинация, причем более иррациональное и неприятное принималось за более эффективное. Сам Коббетт, если и не верил в вакцинацию, то верил в прививку от оспы. Его дети болели оспой в младенчестве, и когда он выступал против вакцинации, то был уверен, что обладает более надежным средством профилактики. Принимая оспу за вероятное бедствие, которое может случиться лишь раз в жизни, он считал целесообразным переносить болезнь, когда это удобно, и покончить со страхом перед ней. Насколько он заблуждался в этом вопросе, я не берусь обсуждать. Достаточно сказать, что он считал себя уверенным в том, что оспа - это оспа, в то время как чем может быть коровья оспа, никто не мог сказать, особенно после передачи через руки и телосложение, число которых неизвестно.

Причины оспы, сказал я, не рассматривались во времена Коббета. Дженнеру и в голову не приходило, что болезнь может быть следствием плохих условий жизни; он и не пытался объяснить, почему болезнь пошла на убыль до того, как он появился со своим волшебным рецептом. Снижение заболеваемости было отнесено на счет вакцинации, но болезнь началась еще до того, как о ней узнали, и продолжалась среди тех, кто никогда ее не получал. Не было проведено никаких санитарных улучшений, чтобы объяснить ослабление болезни. Чем же оно было вызвано? Я отвечу, что, по крайней мере, частично, прогрессивным изменением в питании людей - заменой чая солодовыми напитками и вытеснением засушливых блюд картофелем. Вплоть до конца прошлого века питание горожан было схоже с питанием людей в море, а их привычка к скорбутическому образу жизни была известна - привычка, которая делала острыми или хроническими любые расстройства, которым они были подвержены. Лекарства от них появлялись скорее по склонности и необходимости, чем по намерению. Женщины инстинктивно предпочитали чай, а дороговизна провизии заставляла прибегать к картофелю, который легко выращивался и был приятен на вкус как смягчающее средство против солёности говядины, бекона и рыбы. Если кто-то захочет оспорить факт этой революции в народном питании, его можно отнести к Коббетту. Он был свидетелем этих перемен и настойчиво их осуждал. Чаепитие было для него отвратительным. Это было рабское потворство, дорогостоящее для бедных и непитательное. Картофель вызывал такое же отвращение. По сравнению с хлебом они были отбросами; расточительными, грязными и непригодными для удовлетворения мужского аппетита. Правда, чай и картофель - плохие виды пищи, но один из них заменяет пиво, а другой - противоядием, что было очень полезно. Нельзя сказать, что оспа вызывается или предотвращается пищей, правильной или неправильной, но характер пищи может predispose к болезни и усиливать ее, что проявляется на корабле. Таким образом, это (в отсутствие других адекватных влияний), что я склонен приписывать сокращение оспы, которые установили в конце прошлого века лучше кровь людей, улучшенных тем, что увеличение потребления чая и картофеля, против которого Коббет так слепо и напрасно свидетельствовал.

И последнее слово о Коббете. Его предрассудки почти всегда имели под собой почву. Он ненавидел картофель, потому что его настойчиво рекомендовали Уилберфорс и другие хорошие и добрые люди в качестве дешевой пищи для бедных. Коббетт утверждал, что не дешевая еда, а политическая справедливость является истинным средством от народных бед. Со стороны Уилберфорса и его друзей было очень мило быть добрыми к бедным, но, говорил Коббетт, если бы они сначала были справедливыми, бедные могли бы отказаться от их доброты. Если бы у бедняков было свое, они могли бы пить пиво вместо чая, есть хлеб, говядину и бекон вместо картофеля и многое другое. Коббетт достаточно часто ошибался, но за всеми его пороками скрывалась горячая добрая воля к благополучию наибольшего числа его соотечественников; и то внимание, которым сейчас пользуются рабочие классы, в значительной степени объясняется его бесстрашным духом и неустанными усилиями в условиях, как казалось в то время, всемогущего противодействия.

ССЫЛКИ:

[180] Советы молодым людям. Лондон, 1837. Сек. 262.

[181] Политический реестр, 22 января 1803 года.

ГЛАВА XXIII.

ДЕЛО ГРОСВЕНОРА.

Можно спросить: почему, если вакцинация оказалась бесполезной и вредной, она не была полностью прекращена? Но этот вопрос подразумевает логическую последовательность, которая редко встречается в человеческом опыте. Вакцинация была отменена, но не полностью: она продолжалась в основном среди высшего и среднего классов, где за ее проведение требовалась плата. Признавалось, что этот обряд может и не предотвратить оспу, но сделать ее более мягкой. Последнее, что признает знахарь, - это то, что он беспомощен и не может ничего сделать. Даже при наличии того, от чего нет средства, он стремится к своей значимости, а также к удовлетворению пациента и окружающих его людей, чтобы заставить поверить, что можно что-то сделать. Так, для оспы не существовало профилактического средства. Ее причины были неизвестны. Она вспыхивала и исчезала, никто не знал, как. Домашние Дженнера были опустошены лихорадкой, но он никогда не спрашивал, почему? По его наблюдениям, болезнь принималась как плохая погода. Можно ли избежать лихорадки или она является следствием плохого образа жизни - эти вопросы пока оставались за пределами понимания. В отношении оспы преобладало мнение, что от нее можно уклониться, будь то от Бога или дьявола. Прививка от оспы была уловкой с неприятными последствиями: прививка от коровьей оспы была уловкой на более легких условиях: с помощью хитрости, которая оставляла незатронутыми все дурные обстоятельства, от оспы можно было избавиться. В природе вещей эта уловка была неэффективна - чудовищно неэффективна; ведь кто из мудрых захочет, чтобы последствия зла смягчались только путем избавления от него? Уловка оказалась иллюзорной в присутствии тех, кто ее рекомендовал, но, несмотря на явный провал главного намерения, им хватило хитрости свести ее эффективность к смягчению болезни - утверждение, которое не поддавалось немедленной проверке. Кроме того, у вакцинации было достоинство действия, на котором шарлатан, будь то дилетант или профессионал, настаивает при любой опасности. Признаться в невежестве и неспособности - это самоотречение, на которое разум шарлатана не способен, как может заметить тот, кто болен и имеет друзей. Все приходят с советами и рецептами по контролю над природой, когда при простом бездействии и правильном стечении обстоятельств природа мгновенно выздоравливает.

Неудачи вакцинации в предотвращении оспы были заметны в основном среди бедняков, поскольку оспа - это преимущественно болезнь бедности; но в 1811 году в аристократической среде произошел случай, который вызвал больше разговоров и тревоги, чем десятки подобных случаев среди торговцев и ремесленников. Роберт Гросвенор, сын графа Гросвенора, привитый Дженнером в 1801 году, когда ему было всего 1600 месяцев от роду, заболел 26 мая 1811 года; через несколько дней оспа развилась, перешла в тяжелую форму, и мальчик едва избежал смерти. Ошибки в прививке не было; отметка на руке мальчика свидетельствовала о "совершенной болезни"; его посещали сэр Генри Хэлфорд и сэр Уолтер Фаркухар, а также Дженнер, случайно оказавшийся в городе; словом, доказательства бессилия прививок предотвратить оспу были полными и неоспоримыми. Волнение было сильным, и в письме Дженнера к Барону мы видим, как оно повлияло на его мысли. Он писал: "У нас тут

Кокспур-стрит, Чаринг-Кросс,
11 июня 1811 года.

Мой дорогой друг, - вероятно, мне предстоит задержаться в этом ужасном месте еще на несколько дней. К сожалению, случилось так, что в семье одного здешнего дворянина произошел сбой в вакцинации, и, что еще более прискорбно, у ребенка, привитого мной. Шум и неразбериха, которые вызвал этот случай, не поддаются описанию. Вакцинный ланцет убрал в ножны, а долго скрываемое вариолиновое лезвие приказано вынуть. Очаровательно! Это скоро излечит манию. Город - дурак, идиот, и он будет пребывать в таком раскаленном состоянии по поводу этого дела, пока не появится что-нибудь другое, что отвлечет его внимание. Я твердо решил запереть свои мозги и больше не думать о *pro bono publico*; и вам, друг мой, советую поступить так же, ибо мы наверняка не получим за это ничего, кроме оскорблений. Я намерен собрать все случаи заболевания оспой, какие только смогу, после предполагаемого избавления от этой болезни. В этом деле я надеюсь получить от вас большую помощь. Лучшим планом будет как можно скорее изгнать некоторых из них. В этом нет необходимости в связи с нынешним случаем, но это окажется лучшим щитом, который защитит нас от прошлого и от грядущего.- Всегда Ваш, Эдвард Дженнер.[182]

Таким образом, защита заключалась в том, что, поскольку приступ оспы не всегда предотвращает второй приступ, неразумно ожидать, что вакцинация будет более эффективной; и чтобы оправдать эту позицию, был начат тщательный поиск случаев повторной оспы. Их было найдено много, хотя они считались редкостью, а их реальность часто оспаривалась; но каково бы ни было их количество или подлинность, они были незначительны сравнению со случаями оспы после вакцинации. Более того, дженнеритов дразнили тем, что они поздно обнаружили оспу после оспы. Почему они с самого начала не заявили, что оспа может последовать за вакцинацией, как оспа последовала за оспой? Почему, напротив, они утверждали, что вакцинация - это абсолютная и пожизненная защита от оспы? Почему они считали глупцами или лжецами всех тех, кто сообщал о случаях заболевания оспой после вакцинации? И почему потребовались доказательства, от которых невозможно отмахнуться, чтобы заставить их признать правду?

Но даже при наличии таких доказательств Дженнер продолжал упорствовать в своих утверждениях, словно утратил само чувство истины. В письме к мисс Калкрафт от 19 июня 1811 года он фактически утверждал, что предвидел и предсказал такие катастрофы, которые произошли в семье Гросвеноров! Вот его слова.

Взгляните на вакцинацию со всех сторон, а затем спросите себя, что это за случай? Вы обнаружите, что это всего лишь пятнышко, микроскопическое пятнышко на странице, где изложена история открытия вакцин. В самой первой статье, которую я написал по этому вопросу, и много раз с тех пор я говорил, что появление такого события не должно вызывать удивления; потому что коровья оспа должна обладать сверхъестественными способностями, чтобы обеспечить единую безопасность конституции, в то время как хорошо известно, что оспа не может этого сделать; ведь мы имеем более тысячи случаев, доказывающих обратное, и, к счастью, семнадцать из них в дворянских семьях.

Очевидно, что если бы его показания были единообразны, то инцидент с Гросвенором не вызвал бы ни удивления, ни тревоги; и отметьте еще одно твердое намерение...

Действительно, я часто говорил, что это удивительно, что я в течение нескольких лет вакцинировал столько тысяч человек, причем при очень неблагоприятных обстоятельствах, не встречая никаких препятствий для своего успеха. А теперь, когда произошел этот единственный случай, все мои прошлые труды забыты, и многие, возможно, большинство высших классов, считают меня объектом насмешек и презрения..... А если произойдет

десять, пятьдесят или сто таких случаев? Они будут во сто крат уравновешены аналогичными случаями после оспы".

В то время как он утверждал, что гораздо более необычно, что юный Гросвенор заболел оспой после прививки, чем то, что другие должны заболеть оспой после прививки, он продолжал утверждать, что прививка спасла жизнь мальчику!

Ребенок умер бы (это общепризнанно), если бы не предыдущая вакцинация. Вторичная лихорадка была незначительной; пустулы сходили быстрее, чем в обычных случаях; да и вообще все течение болезни было иным. Оно было изменено и смягчено, и мальчик был спасен.^[183]

Таково было *предписание*. Если бы Гросвенор не был привит, он бы погиб! Национальный совет по вакцинам сообщил об этом случае то же самое, и верующие вновь обрели уверенность.

В связи с 1811 годом и лондонской оспой сохранилось письмо доктору Леттсому, которое еще больше проливает свет на нрав и философию Дженнера. Он писал: "Я не знаю.

Челтнем, 22 ноября 1811 года.

Я рассматривал Лондон как центр оппозиции практике вакцинации; но даже там, несмотря на подлые и убийственные замыслы нескольких дурно мыслящих людей, оспа значительно уменьшилась; а в провинциях смертность от нее снизилась еще больше. Для того чтобы увидеть великие и грандиозные эффекты вакцинации, необходимо покинуть этот маленький уголок и исследовать другие европейские страны, а еще больше - огромные империи Азии и Америки. В Мексике и Перу болезнь почти исчезла. Документы, которые поступают ко мне из этих далеких регионов, приводят меня в неописуемый восторг. Вы получите копии, когда я смогу их переписать.

Главными препятствиями для всеобщего внедрения вакцинации в Англии, я уверен, являются наши газеты и некоторые из наших журналов. Всякий раз, когда возникает случай, который называют неудачей, он попадает в газету, со всеми преувеличениями, которыми зависть и злоба могут его украсить.^[184]

Было ли когда-нибудь более восхитительное саморазоблачение! Злые газеты! Подлые, убийственные и дурные враги вакцинации! Лондонская оспа, уменьшенная благодаря заместительной вакцинации, несмотря на всю ее неблагодарность! Утешение, полученное от осмотра стран Европы и огромных империй Азии и Америки с невыразимым восторгом от Мексики и Перу! Ни одна миссис Джеллиби, затерявшаяся в атмосфере Борриоболо-Га, не может быть более пикантной.

ССЫЛКИ:

^[182] Baron's Life of Jenner, vol. ii. p. 161.

^[183] Baron's Life of Jenner, vol. ii. p. 158.

^[184] Pettigrew's Memoirs of J. C. Lettsom, M.D. London, 1817. Vol. iii. p. 405.

ГЛАВА XXIV.

DR. JOHN WALKER.

Ссылки Дженнера на положительный эффект вакцинации в Лондоне были любопытно непоследовательны. Вакцинация, которой он радовался, была в основном делом рук доктора Джона Уокера, чью практику он осуждал как настолько сильно расходящуюся с тем, что он считал правильным, что даже крушение Королевского общества Дженнера не считалось слишком тяжелой ценой за избавление от соучастия с ним. Лондонский институт вакцин, основанный в 1806 году Уокером и его друзьями, отвечал за подавляющее большинство прививок, сделанных в метрополии. Уокер был чистым энтузиастом, с безграничной энергией и страстью к вакцинации. Неблагоприятные результаты не оказывали на него никакого влияния: он не отрицал, а просто не признавал их и продолжал пророчествовать и практиковать с механическим упорством. Тем не менее он сел на мель. Доход института сократился до менее чем 100 фунтов стерлингов в год, когда на помощь ему пришел Эндрю Джонстон, камберлендец, школьный товарищ Уокера. Коммерческим взглядом он оценил ситуацию. Он понял, что, несмотря на то, что вакцинация стала немодной, осталось много верующих, которых нужно было только разбудить и привлечь, чтобы обеспечить средства для продолжения работы Уокера и выплатить коллекционеру удовлетворительные комиссионные. Поскольку Королевское Дженнерианское общество прекратило свое существование в 1810 году, и от него остались лишь "патронаж, президентство и неорганизованный корпус подписчиков и управляющих", ему пришло в голову, что было бы хорошей политикой присоединить их к возрожденному предприятию, и со временем союз был осуществлен, а Лондонский институт вакцины и Королевское Дженнерианское общество стали называться так, как и следовало. Была предпринята попытка назначить Дженнера президентом, но это оказалось слишком смелым шагом. Он ответил на заявление следующим образом.

Челтнем, 3 сентября 1813 года.

Хотя должно быть очевидно, что каждое учреждение, целью которого является распространение прививок, должно иметь мои наилучшие пожелания успеха, тем не менее, по причинам, которые, по размышлении, должны быть очевидны, вы должны видеть невозможность моего принятия предложенного назначения.

Очень впечатляющими были отчеты воссозданного института под патронажем корпорации лондонского Сити с городским гербом на обложках. Впоследствии король, Георг IV, стал патроном, а городские гербы сменились королевскими. Среди президентов были архиепископ Кентерберийский, четыре или пять герцогов (один из них Веллингтон), полдюжины маркизов и столько же епископов, около десятка графов, а также члены парламента и многие благочестивые и филантропические деятели. Во многом благодаря такту Эндрю Джонстона, понимавшего толк в именах, не упускавшего ни одного, имеющего хоть какое-то влияние, и, несмотря на недоброжелательность Дженнера, обращавшегося с его почестями и ликом так, словно они принадлежали Институту. Бизнес есть бизнес, сказал бы он, и он не считается с раздражением и неприязнью. Тем не менее финансовые результаты не соответствовали всепоглощающему покровительству. Доход учреждения никогда не достигал 1000 фунтов стерлингов в год, в то время как счета за рекламу и печать иногда приближались к 500 фунтам. В отчете за 1827 год мы находим краткое описание деятельности.

Вакцинировано в течение 1826 года доктором Уокером,	4,217
С начала, 1803 г,	65,750
Назначенные инокуляторы в Лондоне и окрестностях в 1826 г,	16,999
С начала,	237,119
Назначенные инокуляторы в стране в 1826 г,	21,261
С начала,	548,430

Доход учреждения в 1826 году составил 620 фунтов 15 шиллингов, а расход - 715 фунтов 12 шиллингов, в результате чего дефицит составил 94 фунта 17 шиллингов.

Эти цифры интересны, поскольку позволяют получить некоторое представление о масштабах вакцинации в Лондоне на протяжении четверти века. Операции Института вакцины проводились в основном среди бедняков - подавляющего большинства в Лондоне, как и в любом другом городе; и если мы допустим, что за пять с половиной лет было прооперировано 350 000 человек из более чем 1 000 000 населения, находящегося в потоке жизни и смерти, мы дадим либеральную оценку в пользу вакцинации. То, что даже такое количество могло оказать значительное влияние на распространенность оспы (за исключением обострения), невероятно, если только не утверждать всерьез о викарном действии вакцинации. Перелистывая отчет Уокера, забавно наблюдать, как любое сокращение заболеваемости оспой в Лондоне приписывалось вакцинации, а любое увеличение - ее игнорированию - гениальный пример басни о мухе и колесе.

Назначенные Институтом прививки были многочисленны - 250 имен и адресов указаны в одном из отчетов. В основном это были лондонские торговцы, любившие делать то, что они считали "хорошим". Поскольку вакцинация стала рассматриваться как профессиональная работа, эти "неквалифицированные практикующие врачи" давали повод для обид, но Уокер твердо придерживался своего мнения, которое он разделял с Дженнером, что вакцинацию может проводить любой мужчина или женщина. По словам Уокера, "выполнить всю работу по вакцинации легче, чем вдеть нитку в иголку - да, легче".

Присоединение Уокером остатков Королевского Дженнерианского общества очень не понравилось Дженнеру и его соратникам, а когда возрожденное предприятие стало процветать, их неприязнь переросла в открытую вражду, и потребовались услуги Джона Ринга как браво и сатирика. Впервые он попробовал свои силы анонимно в том доггере, опубликованном в 1815 году, под названием "Бич вакцины",^[185] в котором Уокер изображен поющим.

Я веселый нищий,

Из Кокермута я приехал;

Я притворяюсь другом,

Джон Уокер - мое имя;

И просить милостыню мы пойдем, пойдем, пойдем,

И просить мы пойдем.

Стихи, занимающие более ста страниц, - жалкий материал, вульгарный и злобный, и несколько выдержек из "Предисловия" укажут на враждебность всего спектакля. Ринг исходит из того, что, во-первых, Уокер - негодяй, от которого общественность нуждается в защите; во-вторых, что его учреждение излишне; в-третьих, что если в Лондоне нужны более широкие возможности для вакцинации, то их должно предоставить правительство.

Эти намеки могут послужить предостережением для общественности. Доктор Уокер - искусный, скупой и честолюбивый человек; но пусть он будет осторожен в своих действиях, когда пытается использовать свое искусство, насытить свою скупость и удовлетворить свои амбиции. Пусть он вспомнит, что было начертано на надгробном камне одного отъявленного негодяя.

"Лежи спокойно, если ты мудр;

Ты будешь проклят, если поднимешься".

Мы рекомендуем ему и его сообщникам не пытаться получить деньги под ложным предлогом. Законодательное собрание уже давно учредило Институт вакцины, где, как и в других учреждениях, можно бесплатно получить материал; и никто из тех, кто с большим рвением относится к делу вакцинации, не найдет особых трудностей в его приобретении. Если необходима дополнительная помощь, пусть она будет предоставлена парламентом, а не группой мошенников. Не следует брать хлеб детей и бросать его собакам.

Многие из агентов Лондонского института вакцин были аптекарями и фармацевтами, а они, по словам Ринга, были заинтересованы в распространении оспы.

Уничтожать оспу с помощью химиков и аптекарей, величайших друзей оспы, - это все равно что изгонять чертей с помощью Вельзевула, князя чертей. С таким же успехом можно ожидать, что охотник на лис уничтожит породу лисиц или крысолов истребит расу крыс.

Вакцинный бич не произвел должного эффекта, и в следующем, 1816 году, Ринг вновь взялся за дело, выпустив книгу "Предостережение против мошенников и самозванцев, торгующих вакцинами".^[186] Предостережение" представляет собой серию пасквилей, легкомысленность и экстравагантность которых сами собой сводят на нет все усилия. Для титульного листа был взят девиз из журнала New Monthly Magazine, который звучит следующим образом.

Дженнерианское открытие пролило яркий свет на нашу эпоху; но, к сожалению, это открытие в значительной степени было прервано *ублюдочными институтами*, созданными для того, чтобы набить карманы *кучки авантюристов, лишенных образования и принципов*. Можно назвать несколько несчастных, которые наживались и продолжают наживаться на такой работе.

Ринг высказал свое мнение однозначно. Уокер был самозванцем, а Лондонский институт вакцин процветал благодаря его мошенничеству.

В этой метрополии существует общество [писал он], ложно называющее себя Королевским Дженнерианским обществом, которое собирает подписку на значительную сумму под этим вымышленным именем; таким образом, деньги собираются под ложным предлогом.

Один выдающийся врач, говоря об этом Обществе и его успешном состоянии, назвал его успешным злодейством; и злодейство не менее злодейское оттого, что оно успешно.

Оно также организует полную систему шарлатанства, выдавая дипломы лицам, совершенно не знающим первых принципов медицинской профессии, что добавит к нынешнему сонму эмпириков.

Теперь никто не может пройти по улице, чтобы не столкнуться с надписью: "Вакцинация Гратис под санкцией Лондонского института вакцины" на одном стекле, "Макассаровое масло" на втором и "Патентное чернение" на третьем. Короче говоря, вакцинация теперь *вполне себе лекарство*.

Это были слова зависти и злобы, и они прозвучали с одиозной непоследовательностью из уст представителя Дженнера, который наставлял и поощрял своих знакомых, мужчин и женщин, практиковать вакцинацию. Однако мы можем принять свидетельство Ринга о деятельности Уокера в Лондоне.

Доктор Уокер гордится своими химическими, галеновыми, фармацевтическими и дентифициальными инокуляторами и хвастается, что их количество превышает количество инокуляторов любого другого учреждения, занимающегося вакцинацией; но он гордится своим позором. *Non numerentur, sed ponderentur*. Они появляются под каждым пестиком, ступкой и парикмахерским столбом, как грибы на горячей грядке, от Гайд-Парк-Корнер до Уайтчепела и от Уайтчепела до Блэкуолла. Разоблачать таких самозванцев и поощрять их разоблачение - долг каждого регулярно практикующего врача. Это, по сути, спасение жизни от мошеннических и хищных рук.

Один из инокуляторов - мистер Кэмпбелл, который лечит всевозможные неизлечимые болезни *Слоновьим молоком*. По его словам, недавно он отправил в Россию 20 000 бутылок по 11 с. за штуку. Он также продает молоко в таблетках по 2s. 9 д. за коробку. Бедняки получают молоко за полцены; при этом соблюдается строгая секретность.

В плане Уокера на 1814 год говорится, что он выдает дипломы тем, кто *не принадлежит* к медицинской профессии, а также тем, кто *принадлежит к ней*, и что инокуляторам в стране предлагается и *разрешается* вывесить доску со следующей надписью: "Защита от оспы под санкцией Лондонского института вакцины". Далее следует имя кузнеца, сапожника, цирюльника, парикмахера-хирурга, аптекаря, акушерки, зубного мастера, фармацевта, аптекаря, маслобойщика, сыровара, солевара или бакалейщика, которые безвозмездно раздают благословение вакцинации.

Разношерстной команде, назначенной таким образом, предписано составлять ежегодный отчет о количестве прививок, сделанных ими, чтобы пополнить список доктора Уокера; и такие прививальщики, как правило, не слишком аккуратны в своих расчетах. Многие из них, как и другие шарлатаны, выдают за действительное в сто раз больше, чем делают на самом деле.

Те, кто продолжал верить, что вакцинация - легкая и безвредная операция, не видели ничего, кроме хорошего управления, в умножении агентств Уокера, и ничего, кроме подлости, в насмешках Ринга над торговцами. Его утверждение о том, что использование названия Королевского Дженнерианского общества было мошенничеством, не имело под собой никаких оснований, однако это был его постоянный упрек.

Честность - лучшая политика. Поэтому я искренне советую доктору Уокеру и его правлению больше не брать на себя титул Королевского Дженнерианского общества, на который, как они должны знать, они не имеют ни малейшего права, чтобы не предстать перед лорд-мэром как мошенники и не быть привлеченными к ответственности за получение денег под

ложными предложениями. Мне сообщили, что их уже заставили вернуть наследство в 100 фунтов стерлингов, и можно надеяться, что они будут вынуждены вернуть и остальную часть своего незаконно нажитого имущества".

Наконец, он обратился к членам Дженнерианского общества, требуя.

До каких пор они будут терпеть, чтобы их имя продавали, а общественность вводили в заблуждение мошенники и самозванцы; люди, которые не имеют ни достоинства, ни таланта; дерзкие авантюристы и презренные выскочки! Это грубое оскорбление и унижение, которому не подчинился бы ни один человек, обладающий хотя бы малейшим чувством чести или стыда.

Но они подчинились, и почему бы и нет? Энтузиазм по поводу вакцинации прошел. Она была обнаружена, ей повсеместно не доверяли, а те, кто ее придерживался, вынуждены были видеть, что ее проталкивают на тех же условиях, что и любой другой шарлатанский рецепт. Что же тогда можно было возразить против процедуры Уокера? Причина пасквилей Ринга заключалась в зависти Дженнера. Уокер вызывал у Дженнера отвращение. Он участвовал в заговоре с целью изгнания Уокера из Дженнеровского общества в 1806 году, но эта операция оказалась фатальной для общества, в то время как Уокер передал доверие и подписку верующих своему новому институту. Неудивительно, что Дженнер невзлюбил эксцентричного квакера! Хуже того, Уокер точно оценил долю Дженнера в "открытии вакцины", которое, по его словам, исходило от Дженнера в виде намека и было развито Пирсоном и Вудвиллом на практике - факт, который был для Дженнера как желчь и полынь. Более того, Уокер написал оперу о Дженнере, в которой Дженнер был представлен как деревенский аптекарь, приехавший в Лондон на корове и ходивший по кругу, выпрашивая милостыню у дворян и джентри. Поэтому, говорит Ринг.

Что касается клеветы и оскорблений, которые доктор Дженнер и его друзья получили от рук этого отчаянного авантюриста в его "Дженнеровской опере" и других изданиях, то они готовы терпеть их, если он не будет больше использовать язык лести по отношению к ним, не будет осыпать их похвалами в этом загрязненном канале, "Медицинском журнале". Его негодование может принести очень мало вреда, чего не скажешь о его преклонении.

"Убивает раб, а не укус!"

Ринг был неловким чемпионом. Он с насмешкой отозвался о дипломах Уокера, подтверждающих пригодность к работе вакцинатором.

Они будут иметь тот же авторитет [говорил он] и ту же силу, что и диплом Сент-Эндрюсского университета; и, по всей вероятности, в скором времени будут продаваться по той же цене...

Забыв, что именно в Сент-Эндрюсе Дженнер приобрел свой диплом доктора медицины!

С такой же безрассудностью он осудил Уокера как вакцинатора, заявив.

В своем обращении он говорит публике, что "вакцинация прольет утешение в лоно каждой семьи"; но, увы! Я знаю много семей, у которых есть повод пожалеть о том дне, когда они поверили ему, когда он рассказал им эту лестную историю..... Очень важно, чтобы его последователи молились о том, чтобы Господь помиловал их, если у них нет другого руководителя, кроме доктора Уокера".

Что касается последствий операций Уокера, то Ринг, без сомнения, свидетельствовал правдиво. Многие продолжают жалеть о том дне, когда они слушали льстивые рассказы о вакцинаторе. Но показания, как ни странно, исходили от дженнерианца, который готов был поклясться, что любое сокращение оспы в Лондоне было вызвано прививками, сделанными в значительной степени "этим отчаянным авантюристом" Уокером!

Ринг был непримирим, тем более, что Уокер и его друзья были явно равнодушны к его оскорблениям. Он вновь разразился в "Лондонском медицинском репозитории" за 1821 год, где среди многого другого мы находим следующее

Ганновер-стрит, 11 октября 1821 года.

Насмешливое Королевское Дженнерианское общество расширяет свои посягательства и грабежи. Эмиссары этого ублюдочного учреждения, равно как и его руководители, должны пострадать от транспортировки, если среди нас есть хоть немного общественного духа.

Я прошу разрешения добавить, что нынешнее общество отвергается доктором Дженнером, который предостерегал от него императора России, когда его величество был в Лондоне в 1814 году.

В своем "Предостережении против мошенников и самозванцев, использующих вакцины", опубликованном в 1816 году, я привел несколько примеров дурного влияния практики доктора Уокера, а в некоторых случаях она оказалась смертельной. Отчасти за свою недобросовестную практику, а отчасти за неправильное поведение его собирались исключить из Королевского Дженнерианского общества, но после его хитроумных и нечестивых уловок ему разрешили уйти в отставку; однако теперь он имеет наглость называть себя директором этого общества и выдавать свои продажные дипломы от его имени. Если доктор Уокер должен подражать университетам Сент-Эндрюса и Абердина, пусть он, по крайней мере, имеет, как и они, свидетельство о квалификации. Если он намерен *богатеть по степеням*, пусть также старается стать мудрым и честным".

Дипломы, вызвавшие гнев Ринга, представляли собой внушительные документы, удостоверяющие право владельца на вакцинацию, предназначенные для оформления в рамку и выставления в магазине или салоне. Там было изображено нечто вроде арки моста Ватерлоо с Лондоном на заднем плане и королевскими гербами над головой; Дженнер стоял на пирсе с мертвой змеей, свисающей в хромых складках через его руку, с надписью "*Per omnia littora vincitur variola*"; женщина, доящая корову, и группа детей вокруг нее, пьющих молоко из поррингеров, как будто молоко - это коровья оспа; а дно Темзы было перегорожено именами великих и добрых людей, которые свидетельствовали в пользу вакцинации - аллегорический стиль изображения, который тогда был в моде и считался впечатляющим.

Чтобы создать предрассудки, Рингу пришлось многое рассказать о религиозных и политических принципах Уокера. Он был квакером по образцу Томаса Пейна и, как Пейн, сотрудничал с французскими революционерами; но, хотя он одевался как Друг и общался с Друзьями, он был слишком неконформной личностью для их Общества, и его никогда не принимали в члены. Обвинения Ринга в хищничестве и скупости были до крайности абсурдны применительно к Уокеру. Он не заботился ни о чем, кроме поддержки в своей работе вакцинатора. Говорили, что он брал купюру в пять фунтов стерлингов, складывал ее, втыкал в нее булавку, писал на обороте адрес и отправлял по почте. Он редко делал прививки состоятельным людям. Если они приходили к нему в кабинет, он спрашивал: "Кто ваш фельдшер?" и, завернув свежую материю в очки, говорил: "Отнесите это с моим

почтением вашему фельдшеру, и он сделает все необходимое не хуже меня". Когда он заходил в дом, чтобы сделать прививку, он никогда не просил платы, а его биограф, доктор Эппс,^[187] отмечает, что он только в одном случае выразил желание получить вознаграждение. Встретив на церковном дворе Святого Павла торговца, чьим домочадцам он сделал прививку, причинив некоторые неудобства, он заметил: "Друг, если ты послал своему слуге черновик за мои услуги твоей семье, то он либо ограбил меня, либо обманул тебя". Когда ему приносили деньги, он обычно звал свою жену, чтобы она получила их, поскольку она безраздельно заботилась обо всем, что касалось его, помимо вакцинации. Об этой доброй женщине, Энни, он имел привычку говорить с восхищением и беззастенчивостью, что составляло одну из его многочисленных странностей. Например, когда доктор Мур в своей "Истории вакцинации" несколько злорадно заметил.

Джон Уокер, как говорят, получил медицинский диплом в Лейденском университете; и более прекрасная работа, чем работа Уокера, редко выполнялась более скромным инструментом...

Уокер с добрым юмором ответил, что Мур, как человек из Глазго, естественно, предпочитает Лейденскому университету свой собственный, но у него тоже есть причины любить Глазго.

"Глазго - прекрасный город, и в нем живут прекрасные девушки".

На поверхности земного шара нет другого места, где я испытал бы столь полное счастье, как в этом городе в 1799 году. Пусть любой холостяк, который не может понять, что означает это утверждение, будет проинформирован, что именно тогда и там я вступил в брак; и завет был ратифицирован в канцелярии мирового клерка графства Ланаркшир.^[188]

Уокер был упрям, но не злопамятен. В 1806 году доктор Джеймс Симс предложил ему 1000 фунтов стерлингов для преследования его противников за заговор, но он оставил их на произвол судьбы и доказал свое качество, переиграв и превзойдя их. Он ответил на легкомысленную версию Мура о причинах, которые привели к расколу и разрушению Королевского Дженнеровского общества, с совершенным самообладанием и явной правдивостью, но в то же время с простотой не от мира сего.^[189] Злоба Дженнера, оскорбления Ринга и насмешки высокопоставленных лиц не причинили ему особого вреда; и если бы вакцинация принесла пользу, я бы только похвалил добрых людей, которые, признавая искренность его работы, не обращали внимания на мелочи манеры и поддерживали его преданно, как верного слугу.

Уокер был не кем иным, как вакцинатором. День за днем, в дождь или солнце, его худощавую фигуру и самодовольное выражение лица под белой широкополой шляпой можно было увидеть, обходя вакцинальные пункты. Войдя в комнату, он первым делом бросал взгляд на стол, на котором ожидал найти свои книги. Если матери клали на него чепчики или одежду своих детей, их тут же сметали. Затем он расставил всех по порядку у стены, как школьный учитель, и произнес короткую речь о защите, которую собирался предоставить. Имена детей записывали, предварительно предупредив, чтобы они говорили отчетливо. Когда женщины бормотали или тараторили, доктор становился раздражительным и иногда заставлял проблемную женщину произносить имя своего младенца по полдюжины раз, добавляя: "Теперь ты будешь знать, как говорить четко". Получив имена, он должен был позаботиться о вирусе. Те немногие матери, которые решались вернуться со своими привитыми детьми на осмотр, теряли мужество и пытались убежать, но Уокер бросался к двери и арестовывал беглянку, говоря: "Глупая женщина! Если ты не хочешь делать добро другим, я благословлю твоего малыша", - и продолжал собирать то, что он называл своими "вакцинными розами". Он спокойно продолжал свои операции, не обращая внимания на крики детей и жалобы

матерей, и, разбирая каждый случай, произносил иллюзорное благословение: "Твой ребенок в безопасности, не бойся, счастливо оставаться".

Уокер умер в 1830 году, в возрасте семидесяти одного года, после непродолжительной болезни, во время которой "он отказался принимать какие-либо лекарства, хотя сам был врачом". В отчете Лондонского института вакцинации за 1831 год мы читаем...

Это был человек, который день за днем, месяц за месяцем и год за годом с заботой родителя следил за делом, защитником которого он был так опытен; который не желал знать ничего, кроме предмета своей ранней любви - вакцинации; который на протяжении четверти века не пропускал ни одного законного дня, совершая обход многочисленных пунктов учреждения; и который, можно сказать, закончил свою жизнь с ланцетом в руке, поскольку за два дня до смерти он обошел все пункты.

Под конец жизни он хвастался, что сделал около ста тысяч прививок. Пока вакцинация преобладала в Лондоне, это происходило в основном благодаря усилиям Уокера; и он был именно тем человеком, который, начав дело, продолжал его, невзирая на негативные свидетельства или недоброжелательность. У него были свои планы и свои методы, и те, кто пытался их изменить, ничего не добились своими усилиями. Он был человеком, у которого был свой путь, и те, кому он не нравился, могли покинуть его. То ли от неумения, то ли от жеманства, он не делал никаких попыток проявить вежливость и говорил именно то, что думал, без всяких уступок. Он был скорее механизмом, чем гениальной человечностью.

ССЫЛКИ:

[185] Бич вакцины, содержащий Новую оперу нищего, она же *Уолкеровский фарс*, она же *Лондонская вакцинальная мистификация; в ответ на Дженнеровскую оперу доктора Уолкера. Жезл для спины дурака*. Лондон, 1815. Рр. 122. Цена 3s.

[186] Предостережение против мошенников и самозванцев, торгующих вакцинами. Джон Ринг. Лондон, 1816. Рр. 140.

[187] Жизнь Джона Уокера, доктора медицины, выпускника Лейденского университета, лицензиата Лондонского королевского колледжа врачей, директора Королевского Дженнерианского и Лондонского институтов вакцин. Джон Эппс, доктор медицины, Лондон, 1831. Рр. 342.

[188] Ответ Джона Уокера Джеймсу Муру. Лондон, 1818. Рр. 16.

[189] John Walker's Reply to James Moore on his Mis-Statements respecting the Vaccine Establishments in the Metropolis and their Officers and Servants both Living and Dead. Лондон, 1818. Рр. 114.

ГЛАВА XXV.

ПОЗДНИЕ ТРУДЫ ДЖЕННЕРА.

Поздние работы Дженнера были в основном извинениями за неудачи вакцинации. Его положение было очень сложным, и его особенность редко, если вообще когда-либо, признается. Например, мало кто знает, что его "Расследование", опубликованное в 1798 году, "это шедевр медицинской индукции", по словам мистера Джона Саймона, после 1801-2 годов не печаталось и упоминалось как можно реже.

"Почему?"

Ответ на этот вопрос настолько важен, что, рискуя повториться, я даю его в явном виде.

Исследование было подавлено из-за того, что в нем коровья оспа приписывалась лошадиному жиру.

Молочницы в Глостершире считали, что переболеть коровьей оспой - значит обезопасить себя от оспы. Дженнера очень впечатлило это деревенское суеверие, и он так настойчиво доводил его до сведения своих коллег-медиков на их дружеских собраниях, что те пригрозили изгнать его, если он еще долго будет надоедать им этой темой. "Это правда, - говорили они, - что служанки верят, будто приступ коровьей оспы избавляет от оспы, но мы знаем, что они ошибаются; ведь всем нам известны случаи оспы после коровьей оспы".

Потерпев неудачу, изобретательность Дженнера получила новый толчок. Кузнецы были убеждены, что если заразиться при одевании жирных пяток лошадей, то они тоже будут защищены от оспы. Область распространения этого убеждения была более узкой, чем у доярок: фарцовщики были не так многочисленны и не так следили за своей красотой: но Дженнер принял их веру и обратил ее в свою пользу.

Конский жир защищал от оспы, а коровья оспа - нет. Но не может ли быть так, что один вид коровьей оспы отвечает вере доярок, а другой - нет? Счастливая мысль! Защитная разновидность была получена из лошадиного жира, который защищал кузнецов: не защитная возникла на коровах спонтанно. Мужчины, только что обработавшие жирные пятки лошадей, доили коров и передавали им лошадиную болезнь. Доярки, которые в свою очередь заражались от коров этой разновидностью оспы, были, как и фарцовщики, защищены от оспы, да еще как защищены; доярки же, которые заражались оспой, самопроизвольно развившейся на коровах, не были защищены. Поэтому суеверие доярок было оправданным: они были правы и неправы - правы, когда заражались оспой через корову от лошади; неправы, когда заражались оспой просто от коровы.

Почему же тогда, спросите вы, Дженнер не исключил корову из рассмотрения? Почему он не основывал свой рецепт на опыте кузнецов, а использовал и рекомендовал для прививок исключительно лошадиную смазку? Вопрос очевиден, но нелегко точно ответить на него. Он утверждал, что...

На вирус, полученный от лошади, нельзя полагаться как на средство, обеспечивающее безопасность системы от вариолитной инфекции, но вещество, полученное от него на соске коровы, совершенно безопасно...

Это означало, что лошадиный жир достигает наивысшей степени профилактики после передачи через корову.

Такова была доктрина Дознания, "шедевр медицинской индукции".

Когда доктрина стала применяться на практике, возникли трудности. Коровья оспа считалась полезной и достоверной, а лошадиный жир - отталкивающим и невероятным. Но факт остается фактом, и многие были готовы принять лошадиную оспу через корову или без нее, если бы она действительно была источником нового спасения. Коровья оспа оказалась редким товаром, в то время как лошадиный жир был распространен, и было предпринято множество попыток получить коровью оспу с помощью жира, но безрезультатно. На некоторых попытках присутствовал Дженнер. Маршалл пишет, что...

Мистер Сьюэлл, доцент Королевского ветеринарного колледжа, сообщил мне, что он был свидетелем серии экспериментов, дважды повторенных в колледже в присутствии доктора Дженнера, доктора Вудвила, мистера Вакселя и мистера Тернера, с целью вызвать болезнь вакциной на сосках коровы. Мазь была немедленно взята у лошади и нанесена различными способами путем длительного трения, проколов, скарификаций и царапания поверхности иглой; но в результате этих опытов не возникло ни воспаления, ни какого-либо заболевания, напоминающего язву.^[190]

Дженнеру пришлось смириться с этим разочарованием. Его приписывание коровьей оспы лошадиному жиру было заклеено как ошибка, о которой чем меньше говорить, тем лучше. Правда, другие экспериментаторы были более успешны, и Лой из Уитби и Сакко из Милана отказались от коровы как от излишества и использовали для прививки вещество, полученное непосредственно от лошади, передавая вирус из рук в руки в общее обращение, пока лошадиное не было потеряно из виду и неотлично от вакцинного; но Дженнер не хотел быть оправданным, рискуя своей популярностью и деньгами, на которые он положил свое сердце. Он видел, как дует ветер общественной благосклонности, и пошел с ним. Поскольку лошадиный гриз был нелюбим, он согласился на его забвение. Пирсон, главный пропагандист и организатор вакцинации, насмеялся над конским жиром и использовал спонтанную коровью оспу, которая, как знал Дженнер, была бесполезна против оспы; но он не выразил никакого протеста по этому поводу. Напротив, он позволил бесполезной практике продолжаться; он утверждал, что это его собственная практика; и он начал придумывать оправдания для неудач, которые были неизбежны.

Поддельная коровья оспа была одним из самых ловких оправданий. Если после вакцинации наступала травма или оспа, то бедствие приписывалось поддельной коровьей оспе. Книга Дженнера "Дальнейшие наблюдения", опубликованная в 1799 году, была призвана научить, "как с точностью отличить тот особый пустулез, который является *истинным* коровьим оспином, от того, который является *поддельным*"; а в книге "Происхождение прививки" в 1801 году на этом различии был сделан еще больший акцент. Однако со временем это оправдание принесло больше вреда, чем пользы. Люди были напуганы теми бедами, которые приписывали поддельной коровьей оспе, а поскольку о том, какая оспа подлинная, а какая поддельная, можно было судить только по ее последствиям, они стали отказываться от прививок. Тогда стало целесообразно отрицать поддельную коровью оспу, что Дженнер и сделал. Он признался Королевскому колледжу врачей, что не существует истинной и ложной коровьей оспы, и что под ложной коровьей оспой он "имел в виду не что иное, как неправильную форму и развитие пустулы вакцины, на основании которой делается вывод о ее эффективности".

Учитывая подобные факты, вряд ли стоит удивляться тому, что публикация "Расследования Дженнера" с двумя дополнениями не была продолжена. То, что он излагал на сайте как существенное, считалось иллюзорным, в то время как коровья оспа, в которой, по его словам, не было никакой безопасности, была введена в употребление повсеместно. Зачем же смущать себя провозглашением собственных ошибок? Верующие в вакцинацию были добродушны и нелюбопытны, и он пользовался их почетом, который был приятен и выгоден, и зачем же ему его расточать? В 1801 году "Расследование" было напечатано в третий раз, но "этот шедевр медицинской индукции" никогда не переиздавался; и есть вероятность, что если его когда-нибудь и воспроизведут, то только для того, чтобы доказать всему миру пустоту притязаний его автора.

Первоначальные обещания Дженнера об иммунитете от оспы путем прививки коровьей оспы лошадиным жиром были абсолютными. Так он писал

Человек, заразившийся вирусом коровьей оспы, навсегда защищен от заражения оспой".[191]

Очевидно, что эта болезнь, коровья оспа, оставляет конституцию в состоянии полной безопасности от заражения оспой.[192]

Коровья оспа может быть привита человеку с наибольшей легкостью и безопасностью, и она обладает необычайно благотворным эффектом, делая человека, привитого таким образом, совершенно защищенным от заражения оспой, на всю жизнь.[193]

Опыт не замедлил продемонстрировать тщетность этих заверений. Сначала факты категорически отрицались: невозможно, чтобы оспа сменилась коровьей оспой. Однако доказательства становились все более убедительными, и тогда говорили, что коровья оспа, должно быть, поддельная. По мере того как накапливались неудачи в работе самого Дженнера и его избранных учеников (которые, естественно, должны были знать и избегать поддельной коровьей оспы), стали делать большой акцент на том, что сама оспа не всегда предотвращала последующий приступ; и если оспа не спасала от оспы, почему, спрашивали они, следует ожидать, что коровья оспа сделает больше?[194] Действительно, почему! И все же случаев оспы после коровьей оспы было столько же, сколько случаев оспы после оспы, и тогда спор свелся к соревнованию между вариоляцией и вакцинацией. "Вы, прививающие оспу, - говорили вакцинаторы, - постоянно заболеваете оспой после вариоляции, и почему мы должны ожидать большего успеха?" Действительно, почему! В свою очередь, прививальщики оспы отрицали, что после эффективной вариоляции оспа когда-либо возникала или могла возникнуть; и таким образом борьба продолжалась. Одно было ясно и определено: первоначальное утверждение Дженнера об абсолютной непогрешимости коровьей оспы как средства профилактики оспы уменьшалось и сдавалось постепенно, пока, наконец, дело не дошло до этого - она делала оспу более мягкой!

Однако эти неоднократные капитуляции никогда не были бесхитростными. Ошибки неизбежны, и их прощают, когда откровенно признаются в них; но откровенное признание не входило в привычку Дженнера. Когда в 1808 году стали известны неудачи вакцинации, он имел смелость утверждать, что с самого начала понимал, что, поскольку оспа не всегда предотвращает оспу, он также не ожидал, что это сделает коровья оспа; и привел в качестве доказательства своего предвидения отрывок из "Дальнейших наблюдений" в 1799 году.

Следует помнить, что конституция не может быть *полностью* невосприимчива к яду оспы путем предыдущего заражения; ни случайная, ни привитая оспа, будь то легкая или сильная форма болезни, не может *полностью* уничтожить восприимчивость".[195]

Здесь Дженнер сделал смелый расчет на невежество своего читателя. Он утверждал, что коровья оспа дает абсолютную защиту от оспы без каких-либо оговорок. Предполагаемая прозорливость 1799 года полностью опровергается, когда мы обращаемся к его высокомерному манифесту 1801 года. Вот его слова

Скептицизм, который проявился среди самых просвещенных медиков, когда мои взгляды на коровью оспу были впервые обнародованы, был весьма похвален. Признать истинность доктрины, одновременно столь новой *и столь непохожей на все, что когда-либо появлялось в "Летописях медицины"*, без проверки самым строгим образом, было бы граничить с безрассудством; Но теперь, когда это исследование было проведено не только среди нас, но и в первых профессиональных кругах Европы, и когда оно было единообразно обнаружено в таких многочисленных случаях, что *человеческий организм, когда он однажды почувствовал влияние настоящей коровьей оспы* таким образом, как это было описано, *никогда впоследствии, ни в какой период своего существования, не подвергается нападению оспы*, могу ли я с полной уверенностью не поздравить мою страну и общество в целом с тем, что они увидели в мягкой форме коровьей оспы противоядие, способное изгнать с земли болезнь, которая ежечасно пожирает свои жертвы; болезнь, которая всегда считалась самым жестоким бичом человеческой расы!^[196]

Таким образом, коровья оспа была представлена как профилактическое средство с доселе неизвестной и уникальной силой, так что Дженнер был отстранен от утверждения о ее эквивалентности оспе по характеру и последствиям. В 1799 году, как мы видели, он знал, что заражение оспой не делает конституцию устойчивой к последующему влиянию болезни; но в 1801 году, как мы видим, он прямо утверждал, что то, чего не смогла сделать оспа, сделала коровья оспа - она прекрасно и навсегда защитила конституцию от оспы, и в "Анналах медицины" никогда не появлялось ничего, что могло бы с ней сравниться. Только под давлением разоблачений и поражений он смирился и написал Даннингу 1 марта 1806 года

Безопасность, которую дает конституции прививка вакциной, *в точности равна* той, которую дает вариолитическая прививка. Ожидать от нее большего было бы неправильно. Поскольку неудачи в последней постоянно дают о себе знать, мы должны ожидать, что они будут и в первой.^[197]

К такому переходу привел безошибочный консервант от оспы, не имеющий ничего, что могло бы сравниться с ним в Анналах медицины, уменьшенный в течение семилетнего опыта!

Самым основательным и далеко идущим из оправданий Дженнера за неудачи с вакцинацией были герпетические поражения кожи. В его дневнике мы читаем

Привил К. Ф. во второй раз. Совершенно очевидно, что поражение кожи, называемое красной камедью, ослабляет действие вакцинного вируса. Этот младенец был покрыт им, когда ему делали прививку четыре дня назад. То же самое произошло и с младенцем миссис Д.^[198]

Мистеру Даннингу он писал из Челтнема 25 октября 1804 года.

Как часто вакцинная болезнь переплетается с герпесом! Я вижу, что герпетическая жидкость - это один из тех болезнетворных ядов, которые вырабатывает человеческое тело, и когда они вырабатываются, то могут быть закреплены при контакте. Дети, питающиеся отбросами в это время года, склонны к вздутию живота, и на них часто появляется герпес на губах. Это самый известный пример, который я знаю. *Одна везикула способна нарушить действие вакцинного пустула*. Подавите ее, и все пойдет как по маслу".^[199]

И снова тому же корреспонденту, 23 декабря 1804 года.

Я считаю, что главным препятствием для успешного проведения вакцинации является герпес в той или иной форме. Я обнаружил, что это очень протей, принимающий, как ему кажется, характер большей части раздражительных высыпаний, которые нас атакуют.[200]

Обнаружив таким образом вполне достаточное объяснение неудачи вакцинации в предотвращении оспы, он сообщил о своем открытии в "Медицинском и физическом журнале" в августе 1804 года в статье под названием "О разновидностях и модификациях вакцинного пустулеза, вызванного герпетическим состоянием кожи", но пожаловался Даннингу, "что она, похоже, не вызвала ни малейшего интереса". Чтобы вновь привлечь внимание к этой теме, он перепечатал статью в виде памфлета в Челтнеме в 1806 году и в Глостере в 1819 году, но тщетно. В 1817 году он пожаловался Барону, что не может заставить Совет Национального учреждения по вакцинации обратить внимание на его предостережения, касающиеся вмешательства кожных заболеваний в развитие вакцинной пузырька. "Я боюсь, - заметил он, - что крайнее невежество медиков в этом вопросе уничтожит преимущества, которые мир должен извлечь из этой практики".[201]

Разумеется, медики с наименьшим здравым смыслом понимали, что оправдание неудач вакцинации было слишком либеральным, чтобы быть хоть сколько-нибудь стоящим. Если малейшего кожного высыпания было достаточно, чтобы сорвать вакцинацию, то какая операция может считаться эффективной? Ведь вряд ли предполагалось, что каждый пациент должен быть раздет до гола и тщательно обследован на предмет герпетических пузырьков. Во взглядах Дженнера на герпес не было ничего преходящего: он твердил о его вреде и вездесущности до конца своей жизни. Уильям Дилвин из Уолтхэмстоу попросил его высказать свои соображения по поводу практики вакцинации в пользу друзей в Филадельфии, и Дженнер ответил ему письмом из Беркли от 19 августа 1818 года, в котором мы находим следующие замечания

Я должен откровенно признать, что меня нисколько не удивляет, что частичное предубеждение время от времени поднимает голову против вакцинации. Оно возникает не из-за каких-то недостатков в самом принципе, а из-за его неправильного и непродуманного применения. Например, ребенок или семья детей могут находиться в таком состоянии, что действие вакцинной жидкости при нанесении на кожу будет либо полностью, либо частично сопротивляться. Она может либо вообще не дать никакого эффекта, либо вызвать пустулы, значительно отличающиеся по своему росту, развитию и общему виду от тех, которые были названы *правильными*. Примерно в 1804 году мне посчастливилось обнаружить общую причину этих отклонений, и не успела она полностью овладеть моим разумом, как я опубликовал ее для всего мира. И все же немногие, очень немногие, среди тех, кто занимается вакцинацией, обратили на это внимание; однако я уверен, основываясь на обзоре практики в огромных масштабах, что это вопрос, который больше претендует на наше внимание, чем любая другая вещь, связанная с вакцинацией - более того, я могу сказать, что больше, чем любая другая вещь. То, о чем я говорю, - это совпадающее с вакцинацией состояние кожи, в основном имеющее так называемый герпетический или эруптивный характер. Если мы вакцинируем ребенка под его влиянием, мы склонны создавать путаницу. Пустула приобретает характер герпетического пятна, и они смешиваются, образуя вид, который не является ни вакцинным, ни герпетическим; но хуже всего то, что пациент не получает той *совершенной* защиты от заражения оспой, которую дает совершенная пустула.[202]

Эти жалобы на безразличие медицинского мира к его предсказаниям показывают, насколько полностью ушло из рук Дженнера дело вакцинации. Влияние герпеса на вакцинацию, хотя он и объявил его чрезвычайно важным, вплоть до того, что оно может свести на нет все преимущества этой практики, было проигнорировано как недостойное серьезного внимания.

Еще одной апологетикой Дженнера стал памфлет 1808 года [203], призванный объяснить неудачу вариолитического теста - теста, который обманул столь многих в первые дни вакцинации. Привитым коровьей оспой прививали оспу, а когда оспа не "приживалась", говорили: "Вот совершенная защита!". Те, кто прививал оспу, горько жаловались на этот фокус-покус. "Неудивительно, - говорили они, - что, когда система находится в лихорадке звериного разложения, человеческая оспа не "берет", а пробует через некоторое время". И они действительно попробовали, и оказалось, что вакцинированные могут быть привиты от оспы так же, как и невакцинированные. И действительно, когда стало ясно, что привитые падают жертвами оспы, многие привитые прибегли к оспенным инокуляторам за их якобы превосходной защитой и получили ее без помех от своей предыдущей прививки. Поэтому было разумно отказаться от оспенного теста; но и в этом случае отказ был сделан не откровенно, а с уклончивостью, лишаящей его всякого изящества. То, чего придерживались прививальщики оспы, Дженнер вынужден был допустить, но после того, как это было сделано.

Моя главная цель - уберечь от ненужных тревог тех, кто сочтет нужным делать прививку вариолином после вакцинации; пустила иногда может быть возбуждена, как у тех, кто ранее перенес оспу; может последовать лихорадочное действие в конституции, и, как уже было показано на примере, небольшая эрупция".

Вместо вариолитического теста он рекомендовал использовать вакцинный тест, говоря: "В начале вакцинации

В начале вакцинации я считал вариолитический тест необходимым; но теперь я уверен, что у нас есть такой же эффективный и бесконечно менее опасный метод повторного введения вакцинной лимфы.

Это означало, что вакцинация сразу после прививки была бы невозможна - последующая практика периодической ревакцинации была непредвиденной.

Дженнер мог понять, что после его заявления о влиянии герпеса на вакцинацию, вариолитическому тесту уже ничего не поможет. Согласившись проводить вакцинацию на тех же условиях, что и вариоляцию, и признав, что было бы неправильно ожидать от одной практики большего, чем от другой, он должен был последовательно допустить, что если вакцинация срывается из-за высыпаний на коже, то вполне естественно, что вариоляция должна срываться из-за лихорадки, вызванной прививкой. Он сообщил Дилвину, что уничтожил кожные высыпания нанесением *unguentum hydrargyri nitrati*, а затем с успехом провел вакцинацию. Аналогичным образом поступали и прививальщики оспы. Когда раздражение, вызванное прививкой, успевало утихнуть, они тоже с успехом занимались вариоляцией.

В письме к Дилвину от 1818 года содержится еще несколько моментов, на которые полезно обратить внимание. Например, следующий отрывок доказывает две вещи: во-первых, насколько известными стали неудачи при вакцинации; и, во-вторых, как вакцинация из

простого искусства, которым может заниматься любой человек, превратилась в тайну, с которой не справится даже "выдающийся хирург". Дженнер говорит.

Еще одно слово о предрассудках. Как часто мы видим в публичных газетах статьи такого содержания: "Семья джентльмена, состоящая из трех-четырех или полудюжины детей, была привита выдающимся хирургом, и все перенесли болезнь самым благополучным образом и были объявлены невредимыми; однако, подвергшись заражению оспой, все они заболели, но, к счастью, выздоровели". Здесь, сэр, разум запутывается в ложных ассоциациях. Публика считает, что *выдающийся хирург* должен быть совершенным мастером в этой маленькой отрасли нашего искусства; но часто случается, что он не опускается до того, чтобы взглянуть на что-либо дальше его очертаний; и когда возникают отклонения в развитии пустул [как от герпеса] до той степени, которую я указал как важную, они проходят мимо, не привлекая особого внимания.

За границей распространилось сообщение о том, что Дженнер отказался от своей веры в вакцинацию, и он ответил Дилвину.

Моя уверенность в эффективности вакцинации для защиты конституции от оспы ничуть не уменьшилась. То, что исключения из правила уже появились, и то, что они еще появятся, я готов признать. Они случались после прививки оспы; и по тому же правилу, поскольку эти две болезни так похожи, они будут случаться и после прививки вакцины".

При наличии такого заявления легко понять, почему "Расследование" с его дополнениями не было напечатано и на него никогда не ссылались. Его уверенность в вакцинации ничуть не уменьшилась! В приведенных словах он заново отказался от утверждения, с которого начал и за которое ему заплатили, а именно, что прививка коровьей оспой делает конституцию пожизненно защищенной от оспы и что такая защита не имеет прецедентов в медицинском опыте.

Таким образом, в условиях крайней необходимости он низвел вакцинацию до уровня вариоляции и попытался скрыть неудачи одной практики под неудачами другой, сохранив дух старого шарлатана, он продолжил пророчество в привычной для него манере.

Это любопытный и самый восхитительный факт, что оспа разлетается перед вакцинацией во всех направлениях. В обширном районе вокруг меня, охватывающем самую густонаселенную часть графства Глостер, об оспе почти ничего не слышно; а если она и появляется от инфекции, принесенной бродячим нищим, то либо оказывается изолированной, либо становится неспособной распространяться, немедленно предоставляя вакцину тем, кто находится в ее атмосфере и может остаться незащищенным".

Учитывая романтичность Дженнера, нет необходимости серьезно относиться к подобным заявлениям, иначе мы могли бы спросить, какова была распространенность оспы в Глостершире до вакцинации и в какой степени она культивировалась прививочниками? По всей Англии наблюдалось значительное снижение заболеваемости оспой до введения вакцинации (в чем заслуга вакцинации), которое, несомненно, было ускорено прекращением вариоляции. Дженнер продолжает.

Там, где *повсеместно* практикуется вакцинация, оспа прекращает свое существование. Неважно, насколько широк район или насколько густонаселен город, результат будет, и, исходя из природы вещей, должен быть одинаковым. Вряд ли найдется хоть одна часть цивилизованного мира, которая не подтвердила бы истинность этого положения. Если говорить о масштабах территории, то мы можем обратить внимание на наши владения на

Востоке и различные части Южной Америки, а также на города и поселки, многие из которых являются наиболее заметными в Европе.

На острове Цейлон свирепствовала страшная оспа, хотя было предпринято немало усилий, чтобы уменьшить ее смертность с помощью вариолитической прививки. Везде, где ее применяли, она приводила к распространению болезни и ухудшала ситуацию, так что люди не хотели иметь с ней ничего общего. Но через некоторое время они с готовностью перешли на прививку вакциной, и оспа полностью исчезла.

Из Швеции также пришло сообщение, подтверждающее исчезновение оспы во всем королевстве. Так как здравый смысл шведов привел к этому счастливому событию, почему бы Британии не воспользоваться этим великим даром и не применить его для того же самого эффекта? Здесь же благодеяние распределяется неполной и скупой рукой, и поэтому оспа все еще существует в некоторых частях нашего острова.

Дженнера было не проверить, когда он разразился родомонтаной о мириадах Азии и просторах Америки, но, спустившись к конкретике на Цейлоне и в Швеции, мы можем проверить его с точностью, и в обоих случаях обнаружим, что его заявления сильно расходятся с фактами. Однако в настоящий момент давайте ограничимся нашей собственной страной и обратим особое внимание на то, что он утверждал о Лондоне в 1818 году.

Тем не менее я имею счастье сказать, что со времени первого обнаружения моего открытия в 1798 году количество смертей от оспы в Британских королевствах, согласно лучшим оценкам, которые я могу составить, сократилось с более чем 40 000 до менее чем 6 000 в год. В метрополии за последние десять или двенадцать лет смертность сократилась примерно наполовину; но в течение последних двух лет вакцинация практиковалась более широко, чем когда-либо, как благодаря благожелательности частных лиц и факультета, так и с помощью государственных учреждений; и этот год, 1818, обещает гораздо большее сокращение числа смертей, чем все предшествующие ему.

В Лондоне в 1818 году число умерших от оспы было невелико (421 человек); но один год не имеет большого значения, и его следует рассматривать в сравнении с предыдущими годами. Здесь мы приводим данные за десятилетие 1811-20 годов, взятые из столичных счетов смертности.

Годы.	Погребения от всех болезней.	С От оспы.	От Лихорадки.	От Корь.
1811	17,043	751	906	235
1812	18,295	1287	783	427
1813	17,322	898	714	550
1814	19,783	638	908	817
1815	19,560	725	1309	711
1816	20,316	653	1299	1106
1817	19,968	1051	1299	725
1818	19,705	421	1170	728
1819	19,228	712	1150	695

1820	19,348	792	1156	720
	---	---	---	--
	190,568	7928	10,694	6714
1801-1810	185,737	12,534	16,204	5680
1791-1800	196,801	18,477	19,880	2707

Из этих данных видно, что снижение заболеваемости лондонцев оспой, наметившееся к концу XVIII века, сохранялось; но в то, что вакцинация имела какое-то отношение к этому снижению, нет никаких оснований верить - разве что в той мере, в какой новая практика препятствовала вариоляции. Как, спрашивается, вакцинация одной десятой части лондонцев (если их так много) могла снизить заболеваемость оспой среди девяти десятых? Мы также должны заметить, что смертность от лихорадки уменьшилась вместе с оспой; и нельзя делать вид, что это уменьшение также было вызвано вакцинацией! Рационально предположить, что то, что уменьшило лихорадку в Лондоне, также уменьшило и оспу. Мы также не должны упускать из виду тот факт, что по мере снижения смертности от оспы увеличивалась смертность от кори; не следует также забывать о вероятности того, что многие случаи смерти, ранее приписываемые оспе, были вызваны корью, и что часть снижения в одной колонке объясняется увеличением в другой.

Утверждение Дженнера, что национальная смертность от оспы сократилась с более чем 40 000 до менее 6000 в год, не имело под собой никакой реальной основы. Как мы знаем, 40 000 смертей были получены путем умножения числа умерших в неблагоприятный год от оспы в Лондоне на численность населения Соединенного Королевства - как если бы Лондон был эталоном Англии, Ирландии и Шотландии! Как он получил уменьшенное число 6000, остается только догадываться. Просматривая труды Дженнера, мы поражаемся его непоследовательности, а также беспечности и легковерию его приверженцев. Он начал свою работу, зная, что коровья оспа *не* предотвращает оспу, и по этой причине заменил оспу, вызванную лошадиным жиром на корове. Однако коровью оспу на лошадиной жире нельзя было достать по первому требованию, к тому же ее не любили из-за ее происхождения; к коровьей оспе прибегли Пирсон и Вудвилл и распространили ее повсюду с одобрением; Дженнер не только не возражал, но и поставил себе в заслугу, и ему фактически разрешили поставить в заслугу оспу, которую он описал как неэффективную для поставленной цели! Коровья оспа из лошадиного жира, или конская оспа, по оригинальному рецепту, была получена и введена в обращение при сочувствии Дженнера, хотя и без его открытого одобрения - он понимал, что похвалы и вознаграждения от такого представления не дождешься. Через некоторое время для прививок стали использовать лошадиный жир, или лошадиную оспу, без участия коровы; и это тоже вошло в оборот в качестве вакцины, причем Дженнер сам использовал и распространял ее, хотя, согласно его дознанию, ей нельзя было доверять для предотвращения оспы.

Я повторяю эти факты, даже рискуя утомиться, потому что очень важно, чтобы они были ясно осознаны. Дженнер несет ответственность, по крайней мере, за три описания вируса, а именно

I.- Коровья оспа - вирус, обоснованный в его расследовании.

II.- Коровья оспа, о которой Дженнер знал, что она неэффективна для предотвращения оспы, но которой отдавали предпочтение медики и общественность.

III.- Лошадиная оспа (говорят, что это была лошадиная оспа), также описанная Дженнером как неэффективная, но впоследствии использованная и распространенная им.

Кому из них он приписывал успех, заявленный для вакцинации? По-видимому, всем в равной степени; но если бы одна из них была так же хороша, как и другие, почему он не сказал об этом и не объяснил, как получилось, что коровья оспа не спасла глостерширских молочниц, а лошадиный жир - кузнецов от оспы? Может быть, дело в том, что способность задавать такие вопросы и отвечать на них не входит в интеллект шарлатана и что он довольствуется своей корыстью? Обратите также внимание, как в случае, когда нужно было поставить в заслугу лондонскую вакцинацию, Дженнер взял ее на себя, хотя и находился в смертельной вражде с главным агентом в этой работе, отвергая практику Уокера как подрывающую принципы, которые он считал важными для успеха.

Последняя публикация Дженнера в 1822 году не имела никакого отношения к вакцинации, но была попыткой прославиться в новом направлении.^[204] Это была попытка разработать новый метод лечения путем раздражения кожи тартратом сурьмы. В молодости он уже пробовал использовать это химическое вещество, и Джон Хантер предложил продавать его препарат под названием Jenner's Tartar Emetic. В последние годы жизни он вернулся к этой теме и привел ряд случаев, доказывающих, как много болезней можно облегчить и устранить, используя ее в качестве противовоспалительного средства - точно так же, как в ходе расследования он рекомендовал прививку коровьей оспы с тем же намерением. Этот вопрос нас не касается, и мы можем лишь заметить, что везикулы и рубцы, образующиеся под действием сурьмы, почти неотличимы от тех, что образуются при вакцинации; и что Хуфеланд, немецкий Нестор медицины, учил и доказывал, что тартаровый эметизм был ничуть не менее эффективен против оспы, чем коровья оспа - мнение, с которым я не вижу причин не соглашаться.

ССЫЛКИ:

^[190] Популярный обзор вакцинации с указанием ее эффективности и вероятных причин неудач. Джон Маршалл, магистр и окружной вакцинатор Национального учреждения вакцинации. Лондон, 1830. Рр. 96.

^[191] Inquiry, 1798, p. 7.

^[192] Там же, p. 58.

^[193] Петиция в Палату общин, 1802 г.

^[194] Дженнер - Даннингу, 23 декабря 1804 г. Baron's Life of Jenner, vol. ii. p. 26.

^[195] Факты, по большей части незамеченные или не замеченные должным образом в отношении вариолитной инфекции. Лондон, 1808, 4to, pp. 17.

^[196] Продолжение фактов и наблюдений относительно коровьей оспы. Эдвард Дженнер, доктор медицины. Лондон, 1801.

^[197] Baron's Life of Jenner, vol. ii. p. 28.

^[198] Baron's Life of Jenner, vol. i. p. 449.

^[199] Там же, том ii. p. 344.

[200] *Ibid.*, vol. ii. p. 26.

[201] Жизнь Дженнера, т. ii. p. 223.

[202] Письмо д-ра Эдварда Дженнера Уильяму Дилвину, эсквайру, о действии вакцинации для предохранения от оспы. Филадельфийское общество вакцинации. Филадельфия, 1818. С. 20.

[203] Факты, по большей части незамеченные или не замеченные должным образом, касающиеся вариолитной инфекции. Лондон, 1808. 4to, pp. 17.

[204] Письмо Чарльзу Генри Парри, доктору медицины, о влиянии искусственных излучений на некоторые болезни, связанные с человеческим телом; с запросом относительно вероятных преимуществ, которые могут быть получены в результате дальнейших экспериментов. Эдвард Дженнер, доктор медицины, доктор права, доктор философии, доктор медицины, доктор медицины, доктор медицины и т. д., врач короля. Лондон, 1822. 4to, pp. 68.

ГЛАВА XXVI.

ЖИЗНЬ ДЖЕННЕРА БАРОНА.

Мы многим обязаны "Жизни Дженнера" Барона, но скорее как собранию свидетельств, чем как органичной биографии. Она многословна и нечетко составлена, и ее не прочтет разве что человек, ищущий информацию или не имеющий ничего лучшего. К счастью, Барон был благоговеен и не критичен. Дженнер был для него святым существом, достойным восхищения во всех отношениях, единственным предметом спора которого была "слепота и злость его подстрекателей". Жизни, написанные в таком духе, часто бывают очень поучительными. В благочестивой простоте рассказываются истории и пишутся письма, которые биографы благоразумного порядка благоразумно умалчивают.

Барон познакомился с Дженнером летом 1808 года, когда тот жил в отеле "Фладонг" на Оксфорд-стрит, радуясь тому, что его значение в создании Национального института вакцинации было велико. Барон недавно приехал из Эдинбурга и рассказывает, что

Я собирался приступить к практике: весь мир был передо мной. На поиски знакомства с Дженнером меня подвигло главным образом желание оказать почтение человеку, чей общественный и личный характер уже вызвал у меня самое горячее восхищение. Я мало думал, что это так быстро приведет к близости и, в конечном счете, к дружбе, которая закончится только после его смерти и поставит меня в такое отношение к его памяти, какого никто не мог предвидеть. Величие его славы, его возвышенные таланты и почести, воздаваемые ему всеми самыми выдающимися общественными организациями цивилизованного мира, хотя и вызывали у меня желание выразить ему свое почтение, не позволяли рассчитывать на большее, чем такое признание, на которое мог рассчитывать юноша, находящийся в таком положении, как я. Однако вскоре я убедился, что имею дело с человеком, который не подгоняет свои манеры под холодные формальности мира. Он был снисходителен, как к равному; сдержанность и неловкость, которые, естественно, могли бы

возникнуть в присутствии столь выдающегося человека, исчезли в одно мгновение. Простое достоинство его облика, любезный и привычный тон его речи, совершенная искренность и добросовестность, проявлявшиеся во всем, что он говорил и делал, не могли не покорить сердце любого человека, невосприимчивого к подобным качествам. Хотя с момента этой беседы прошло уже более двадцати лет, я помню ее и все сопутствующие ей события с совершеннейшей точностью. Он был одет в синее пальто, белый жилет, нанкиновые бриджи и белые чулки. Все столы в его квартире были завалены письмами и бумагами на тему вакцинации и создания Национального института вакцины. Он рассказал мне о прекрасной статье, которая недавно появилась в "Эдинбургском обозрении", посвященной спорам о вакцинах. Он с большим юмором рассказал о поведении антивакцинистов и подарил мне несколько брошюр, иллюстрирующих ведущуюся в то время полемику. За день до этого у него была беседа с принцессой Уэльской, и он показал мне часы, которые ее королевское высочество подарила ему по этому случаю.[205]

Отрывок получился длинным, но он имеет определенную ценность и демонстрирует привычное отношение Барона к своему герою. В личных отношениях Дженнер был приветлив, но именно его общественная жизнь вызывает у нас озабоченность и находит столь предосудительной. Озорные руководители и учителя часто отличаются личной благосклонностью, а строгая личная добродетель часто ассоциируется с безразличием к общепринятым аморальным поступкам; и нам не нужно далеко ходить, чтобы обнаружить аналоги Дженнера в обычной жизни. Нет ничего более распространенного, чем благородство в сочетании с самолюбием, которое, когда ему мешают, становится злобным и лживым. Все приятно, пока преобладает восхищение, но при несогласии или сопротивлении солнечный нрав исчезает, и тучи презрения и ярости застилают духовное небо. Острая проверка характера - это отношение человека к своим противникам; а Дженнер никогда не был великодушным. Его поведение по отношению к Пирсону, Вудвилу и Уокеру было достаточно описано; такую же ревность и злобу он проявлял к тому, кто осмеливался усомниться в его непогрешимости в деле предотвращения оспы. Никто, например, не смог бы с большей добросовестностью, чем Голдсон, доказать тот факт, что оспа иногда сменяется вакцинацией; однако Дженнер писал о нем с невыносимой наглостью - наглостью, которая становится еще более рельефной, если знать, что то, о чем свидетельствовал Голдсон, принимается и по сей день, даже вакцинаторами, как неоспоримый факт. Его обидчик, Джон Ринг, тоже напал на Голдсона, а Дженнер в письме Даннингу от 23 декабря 1804 года оправдывал свою жестокость.

Вы говорите о Ринге и Голдсоне. Вспомните, что у нас не было времени, чтобы быть спокойными. Какой любитель вакцинации, какой человек, хорошо знакомый с ее природой и природой оспы, мог прочитать книгу Голдсона и спокойно отнестись к ней? Ринг, как только он ее прочитал, и что действительно было бесконечно хуже самой книги, ее убийственного предвестника - рекламы, мгновенно зарядил свой мушкетон и выстрелил в лицо автору. Признаюсь честно, я отношусь к этому мистеру Голдсону не так спокойно, как вы. Его книга отправила в преждевременную могилу многих жертв; и отправила бы еще многих, если бы не гуманность и рвение вас и других, которые выступили против ее ужасной тенденции".[206]

В том же духе он писал барону 6 ноября 1810 года о Брауне из Муссельбурга, который сообщил в лондонской газете о некоторых случаях оспы после вакцинации.

Необходимо обратить внимание на сообщение мистера Брауна; но если он думает, что сможет втянуть меня в полемику, то он ошибается. Его письмо, прикрытое искренностью и либеральностью, полно обмана и хитрости; ведь он знает, что все инсинуации и аргументы, которые он выдвинул, были опровергнуты первыми медиками Эдинбурга и Дублина. Но с

мягким, нежным, покладистым антагонистом сложнее иметь дело, чем с тем, кто смело демонстрирует свою свирепость.[207]

В отношении Брауна, проницательного и искреннего, это был самый настоящий экстаз оскорблений. Даже противники Брауна в его собственном районе в конце концов уступили его утверждениям. В "Эдинбургском медицинском и хирургическом журнале" за июль 1818 года мы читаем следующее.

Прежде чем закончить, мы должны по справедливости *отдать дань уважения* мистеру Брауну из Муссельбурга, чьи мнения мы упорно оспаривали в 1809 году, и к которым мы теперь, в 1818 году, признаем себя частично обращенными в силу возросшего опыта и наблюдательности.

Одним словом, спокойное обсуждение вакцинации с Дженнером было невозможно. На его расспросы обрушивался шум, а скептицизм осуждался как недоброжелательность. "Он не мог полностью избежать, - говорит Барон, - раздражения, вызванного *слепотой и нечестием* его обманщиков"[208] - а обманщиками были все, кто не был верующим. Действительно, Барон мог объяснить извращенность тех, кто не признавал Дженнера спасителем человечества от оспы, только обращением к доктрине врожденной испорченности, говоря

Мы вынуждены верить, что в нашей природе есть принцип, который слишком сильно привязан к тому, что не соответствует действительности, чтобы позволить пониманию различить или признать противоположный принцип, пока не очистится и не укрепится как моральное, так и интеллектуальное зрение.[209]

Очистившись и окрепнув, растворив сродство с ложью, понимание стало способно оценить добродетель коровьей оспы и правдивость ее рекламодателя!

Дженнер, можно сказать, инстинктивно возмущался расследованиями. Ему было не по себе от сознательного двуличия. Он знал, что вакцинация в том виде, в каком она практикуется, небезопасна; ведь применяемая коровья оспа была не той коровьей оспой, которую он превозносил как эффективную. То, что он предписал, было проигнорировано; то, что он осудил, было одобрено; но, как ни странно, мир восхвалял и награждал его, как будто коровья оспа была его особенностью! Дженнер смирился с ситуацией и, возможно, поверил (после некоторой моды), что получает удовольствие не больше своего; но при таких обстоятельствах неудивительно, что он сторонился критики, держал свои ранние публикации подальше от посторонних глаз и прибегал к ругани и крикам всякий раз, когда казалось, что проверка неизбежна.

Хуже, чем его поведение по отношению к следователям и оппонентам, было его отношение к тем, кто внедрял вакцинацию в практику. В "Дознании" не было справочника, и Пирсону, Вудвилу и другим ранним вакцинаторам пришлось прокладывать свой собственный путь, причем не только без посторонней помощи, но и с Дженнером, готовым присвоить их успехи и упрекнуть их в неудачах. Барон утверждает, что в искусстве вакцинации никто не был обязан никому, кроме самого Дженнера, и уточняет эту похвалу небольшим исключением в пользу доктора Брайса из Эдинбурга, который сделал открытие, что если вакцинируемый объект повторно вакцинируется, то последующая прививка подхватывается и доводится до зрелости предыдущей - явление, которое как тест Брайса использовалось для определения того, действует ли настоящая вакцинная лихорадка. Но даже Брайс получил скудное признание, и Барон пытается представить, что Дженнер был в курсе этого факта еще до того, как он был объявлен.[210] Подлость Дженнера по отношению к тем, кто проявил хоть

немного разумной независимости в сотрудничестве с ним, широко описана в биографии Бэрона, но с такой невинностью, что было бы нелепо называть ее непристойной. Его добросовестность безупречна, и только критически настроенный читатель обнаруживает, как он отождествляет себя с Дженнером, не видя заслуг нигде, кроме как в его презренных слугах и женоподобной *клике*.

Вакцинаторы в наши дни допускают, что влияние прививок изнашивается и должно быть возобновлено; но Дженнер ни на минуту не прислушался бы к такому изменению своей вечной профилактики. Барон пишет.

1804 год, по мнению Дженнера, стал эпохой в истории вакцины Variolæ. Тогда настаивали на утверждении, что коровья оспа дает лишь временную защиту. Если бы оно было верным, то лишило бы открытие почти всей его ценности. Это утверждение было сделано очень легко, а в период становления практики не могло быть хорошо опровергнуто. Именно благодаря этим обстоятельствам грубые и ничем не подкрепленные заявления мистера Голдсона приобрели хоть какое-то влияние. Сам доктор Дженнер с самого начала понял, что в его неудачных случаях коровья оспа никогда не принималась должным образом.[\[211\]](#)

Когда в 1813 году лорд Борингдон представил в парламент свой законопроект об ограничении вакцинации, лорд Элленборо заметил

Несомненно, вакцинация приносит определенную пользу, но если благородный лорд считает ее полной профилактикой оспы, то я расхожусь с ним во мнении. В то же время я доказал свое уважение к этому открытию, сделав прививки своим восьми детям. Я верю в эффективность вакцинации до определенной степени. Она может предотвратить заболевание на восемь или девять лет; а в таком большом городе, как этот, с многочисленной семьей детей, даже такая ограниченная защита желательна".

В этом заявлении верховный судья не был единственным, а выражал общее убеждение общества, которое придерживалось вакцинации, несмотря на очевидную несостоятельность ранних обещаний, данных в ее пользу. Тем не менее Дженнер был крайне раздосадован: для него это было как официальное вынесение приговора. Барон говорит.

Я редко видел Дженнера более взволнованным, чем он сам; не потому, конечно, что он опасался, что ничем не подкрепленное утверждение его светлости окажется верным, а потому, что оно, к несчастью, совпадало с народными предрассудками и, произнесенное таким человеком, в таком собрании, было рассчитано на то, чтобы причинить невыразимое зло, подорвав доверие множества встревоженных родителей и попытавшись лишить вакцинацию более половины ее достоинств".[\[212\]](#)

Барон тщательно защищал Дженнера: никакая непоследовательность его не ужасала. Он записывает прописными буквами (в том виде, в котором они были сделаны) следующее торжественное и окончательное свидетельство Дженнера, написанное за несколько дней до его смерти на обороте письма с почтовым штампом 14 января 1823 года.

Мое мнение о вакцинации точно такое же, каким оно было, когда я впервые обнародовал это открытие. Оно ничуть не укреплено никакими произошедшими событиями, ибо не могло укрепиться; оно ничуть не ослаблено, ибо если бы не случились неудачи, о которых вы говорите, истинность моих утверждений относительно тех совпадений, которые их вызвали, не была бы доказана.[\[213\]](#)

Самообман такого рода - далеко не редкость, и является доказательством против доказательств и самой смерти; но Дженнер не был настолько безумен, как следует из его

слов. От своего первого мнения о прививке и ее абсолютной эффективности против оспы (в отличие от всего, что до сих пор было известно в медицинском опыте) он значительно отступил. Даже уже в 1804 году он свел свои притязания на вакцинацию к равенству с вариоляцией. В том же году он заметил

То, что я сказал о вакцинации, - правда. При правильном проведении она защищает конституцию настолько, насколько это возможно при вариолитической прививке. Это оспа в более чистой форме, чем та, которая была распространена среди нас на протяжении двенадцати веков".[214]

И снова Барон цитирует его слова: "...

Правильно и эффективно проведенная вакцинация защитит конституцию от последующих приступов оспы в той же степени, что и сама болезнь. *Я никогда не ожидал, что она сделает больше, и, полагаю, не сделает меньше*".[215]

Дженнер свободно полагался на забывчивость тех, к кому обращался. В столь известном документе, как его петиция в Палату общин в 1802 году, он прямо утверждал, что человек, привитый коровьей оспой, тем самым "становится совершенно защищенным от заражения оспой на всю жизнь"; не было бы и того фурора, который произвело введение этой практики, если бы она была представлена не более чем как более мягкая форма вариоляции. Над тем, что коровья оспа эквивалентна оспе для прививки, смеялись вариолаторы; но то, что привитый человек так же защищен от оспы, как и тот, кто прошел через эту болезнь, было правдой не иначе как в том смысле, что Дженнер желал, чтобы это было правдой, и пророчествовал соответствующим образом. Именно с помощью таких ухищрений он прервал свое собственное падение и облегчил разочарование доверчивых людей.

Как ни странно, вымысел Дженнера о том, что вакцинация так же хороша против оспы, как и сама оспа, был воскрешен в невинном невежестве сэром Уильямом Гуллом перед комитетом Палаты общин в 1871 году. "Вакцинация так же защищает от оспы, как и сама оспа", - заявил модный врач. Однако опровержение было уже близко. Мистер Марсон (в течение тридцати пяти лет хирург-резидент оспенной больницы в Хайгейте) подтвердил, что случаи оспы после оспы были сравнительно редки - не более 1 процента; в то время как 84 процента, поступивших в больницу в 1864 году, были привиты. Поучительный контраст между логикой фантазии и фактами!

Барон, бессовестно пренебрегая доказательствами, жалуется на то, что вакцинацию когда-либо представляли как безошибочную профилактику оспы; так что, как указывается в отчете Королевского колледжа врачей в 1807 году, "судьба новой практики зависела от одного случая оспы"; и далее замечает: "...

Это, к моему сожалению, было большим заблуждением; противники вакцинации пытались поставить судьбу вакцинации в зависимость от такого случая; но если должным образом рассмотреть принципы Дженнера, то он никогда не одобрял такую идею; задолго до того, как практика вакцинации стала общей, он предвидел неудачи и объяснял обстоятельства, при которых они могут произойти с наибольшей вероятностью".[216]

Краткий ответ на это утверждение заключается в том, что оно не соответствует действительности. Дженнер не предвидел никаких неудач. Напротив, он горячо отрицал их; а когда отрицание уже не помогало, он придумывал различные оправдания, такие как поддельная коровья оспа и вездесущий герпес, чтобы объяснить их возникновение; хотя всегда был готов (как мы видели) вернуться к своему первоначальному утверждению, что

вакцинация является "безошибочным средством профилактики оспы". Барону не нравилось слово "непогрешимость". Он пишет

Я не уверен, что это выражение когда-либо использовал сам доктор Дженнер. Если он и использовал его, то, конечно, очень скоро сопровождал его необходимой оговоркой. Возможно, в самом начале он высказал свое мнение несколько слишком решительно; но никто, имеющий право судить, не может сомневаться в том, что с самого начала он обладал мерилom, с помощью которого можно было измерить достоинства вакцинации.[\[217\]](#)

Употреблял ли он слово "непогрешимый", не имеет особого значения. Есть разные способы передачи одного и того же смысла, и Дженнер выразился однозначно. Именно в 1801 году, обращаясь к жесткой проверке, которая проводилась в первых профессиональных кругах Европы, он намеренно провозгласил, что это несомненно.

Что человеческий организм, однажды испытавший на себе влияние настоящей коровьей оспы, как это было описано, никогда впоследствии, ни в какой период своего существования, не подвергается нападению оспы".[\[218\]](#)

Когда лорд Элленборо в 1813 году назвал вакцинацию не более чем временной защитой от оспы, он просто выразил ослабление доверия общества к этой практике; но авантюристы имеют привычку приписывать негативные проявления общественных чувств мелким причинам; так, Дженнер считал, что верховный судья потакает личной неприязни, когда тот ставит под сомнение вечную эффективность его рецепта. Однажды, как гласит история, Элленборо рассказывал в компании в Сент-Джеймсе, как Дженнер так мало верил в коровью оспу, что использовал ее для прививки собственному ребенку, как вдруг перед ним возник раздраженный человек, который воскликнул: "Я доктор Дженнер, и то, что вы заявили, неправда!", после чего Элленборо в замешательстве отступил в сторону. Факту встречи в сенсационной форме мы можем верить как угодно; но насчет вариоляции ребенка Дженнера нет никаких сомнений. Мы имеем дело с обстоятельством, записанным самим Дженнером, с такими объяснениями, которые он счел адекватными.

Обращаясь к расследованию, мы находим в примере XXII, что Роберт Ф. Дженнер, в возрасте одиннадцати месяцев, был привит 12 апреля 1798 года, и что он не получил инфекции. Операция не была повторена, и он остался непривитым. Через некоторое время после этого, когда Дженнер жил в Челтнеме, к нему зашел хирург мистер Котер и, взяв ребенка на руки, в ходе разговора упомянул, что только что покинул семью, страдающую от оспы. "Сэр, - воскликнул Дженнер, - вы не ведаете, что творите! Этот ребенок не защищен". Что же делать? "У меня не было никаких сомнений, - говорит Дженнер, - что мальчик заражен"; не имея в своем распоряжении драгоценной коровьей оспы, он решил, что у него нет другого выхода, и мистер Котер немедленно сделал мальчику прививку от оспы.

Со временем этот факт получил широкую огласку, и, как рассказывает Барон, противники вакцинации использовали его по максимуму.

Один из них заметил: "Доктор Дженнер может говорить что угодно о вакцинации, но мы точно знаем, что он привил оспу своему собственному сыну". Другой повторил это утверждение с добавлением, что он сделал это из-за недоверия к вакцинации. Третий добавил еще один оттенок, чтобы усилить окраску, утверждая, что он знает, что доктор Дженнер отказался от доверия к вакцинации, и доказательство неопровержимо, поскольку он сам привил своего ребенка от оспы. Эти истории передавались из уст в уста, а затем появились в печати с любой злонамеренной интерпретацией.[\[219\]](#)

Такие разговоры были вполне естественны и не лишены оснований. Дженнер должен был доказать свою искренность прививкой сына; а тот, кто с такой горечью осуждал вариоляцию и вариоляторов, мог бы принять риск заражения от мистера Котера, а не подвергать себя столь пагубному риску. Более того (как спрашивали в то время), если ребенок заразился, что толку в прививке? Вариоляция и вакцинация (утверждалось) могут быть полезны для предотвращения оспы, но бесполезны после заражения.

Вакцинацию называли удивительным выживанием суеверий в гигиене - многие, кто отрекался от всех других способов поддержания здоровья, придерживались именно ее. Конечно, Дженнер ничего не знал о гигиене в научном смысле - это было открыто уже после него; но примечательно, что ни в одной из его публикаций или писем нет ни малейшего предвосхищения истины, которая оказалась столь плодотворной в нашем опыте, а именно, что плохое здоровье указывает на плохой образ жизни, и что страдания болезни можно исправить только в той мере, в какой мы выходим из условий болезни. Хотя он ничего не знал о такой истине, он мог кое-что знать. Ему было ясно, что оспа - это беда бедняков, а процветающих - в той мере, в какой они разделяют условия жизни бедняков, но он никогда не признавал этого факта. Напротив, он лелеял фантазию, что различные болезни происходят от связи с животными, и что, таким образом, оспа произошла от коровьей оспы, которая, в свою очередь, произошла от лошадиного жира. "Вот, - говорил он своему племяннику, указывая на лошадь с жирными пятками, - вот источник оспы".^[220] Придерживаться такого мнения означало быть слепым к истинным причинам болезней, и поэтому у нас нет причин удивляться тому, что семья Дженнера жила в хроническом нездоровье, благочестиво подчиняясь тому, что они считали божественной волей. Лихорадка тифа периодически повторялась в семье, не вызывая подозрений, что что-то не так с человеческой стороны. В семье был гений по имени Доуз Ворган, которого Дженнер взял в качестве воспитателя своего сына, но не прошло и года, как бедняга перенес два приступа тифа и в конце концов скончался от легочной чахотки в 1809 году, на девятнадцатом году жизни. Чантри-коттедж, резиденция Дженнера в Беркли, не был храмом Гигиены: напротив, в наши дни такое место наводило бы ужас на уважаемых соседей и стало бы объектом внимания санитарного инспектора.

Принцип вакцинации допускает, что здоровье можно купить за счет болезни, поэтому неудивительно, что считалось, что корь и скарлатина могут быть уничтожены с помощью аналогичного лечения. Сэр Хамфри Дэви предположил, что гидрофобия может быть предотвращена прививкой другого животного вируса, но Дженнер придерживался мнения, что следует попробовать коровью оспу - "нет ничего лучше кожи". Из Константинополя пришло сообщение, что чума была остановлена вакцинацией, и что эксперименты, точно такие же, как те, что использовались для демонстрации ее силы против оспы, были повторены с полным успехом. Однако на Востоке не было для развития шарлатанства.

Дженнер учил, что чуме у собак можно предотвратить прививкой, и собрал множество "первоклассных доказательств" в доказательство. Это не было преходящей прихотью. В 1801 году он привил двадцать королевских стаффаундов, а в 1809 году представил Медико-хирургическому обществу доклад на эту тему, в котором выразил мнение, что эта болезнь существует в Англии только последние полвека. Несколько великих охотников на лис вакцинировали своих гончих, и результаты были признаны удовлетворительными.^[221] Почему же тогда эта практика не была продолжена? Почему дистемпер не истреблен? Разве мы не можем сказать, что причина очевидна? Первоклассные доказательства были иллюзорными. Люди склонны создавать желаемые факты, но когда желание утихает, они восстанавливают нормальное зрение. Коровья оспа, как мы убеждены, была так же хороша

против чумы у собак, как и против оспы у людей, и, если бы не посторонние причины, от нее отказались бы как в одном, так и в другом случае.

В отношении Дженнера следует сказать, что если он и был обманут, то ему было чем оправдать свой самообман. Есть люди, обладающие убеждениями, которые они сохраняют перед лицом равнодушного или антагонистического мира, но Дженнер не был таким человеком. Если бы его доводы пошли по пути макулатуры, он не стал бы сопротивляться; но вместо этого Пирсон объявил их достойными всеобщего внимания, и, когда настал благоприятный час, деревенский врач средних лет вдруг оказался в роли избавителя человечества от оспы, а Пирсон, его пропагандист, был отброшен в сторону как полусерьезный поклонник нового божества. Поклонение было безмерным, и если Дженнер принимал его за истину, и ему внушали, что в нем есть нечто большее, чем он когда-либо себе представлял, то что за чудо! Он стал центром европейского помешательства, характер и интенсивность которого, пожалуй, не имеют аналогов. Императоры и короли, государственные деятели и филантропы, ученые, в общем, весь образованный мир сговорился оказать ему благоговение. Постепенно ажиотаж утих, и наиболее заметным он был в стране его возникновения, и в первую очередь в Лондоне, где коровья оспа и ее рекламодатель подвергались самому пристальному изучению. Дженнер ненавидел Лондон. Там он предполагал процветать как врач из Вест-Энда, и там его постигла печальная неудача. Там же активно действовали его антагонисты, и их демонстрация бесполезности его утверждений была наиболее убедительной. О его отношении к Лондону можно судить по следующему отрывку из письма Даннингу, датированному Челтнемом 21 февраля 1806 года.

Какой хаос устроили в городе антивакцинисты, вновь введя вариолиновую прививку! Подсчитано, что не менее 6000 человек в метрополии и прилегающих деревнях стали жертвами оспы с апреля прошлого года. Вряд ли можно представить, что такое возможно, но эти убийства по большей части объясняются абсурдными постановками Мозли, Роули и этой пронырливой белки, не говоря уже о Голдсоне. Яд этих смертоносных змей в основном вытекает именно из Лондона.[\[222\]](#)

В то время как двери почти всех научных корпораций мира были открыты для его приема, Лондонский королевский колледж врачей сохранял благородную сдержанность; и когда в 1814 году его требование о приеме было решительно заявлено, большинство настояло на том, что в случае приема он должен пройти обычное обследование - достаточная проверка в случае Дженнера.[\[223\]](#) Колледж упрекали за отношение к "бессмертному благодетелю человеческой расы", но при этом забывали, как близко ведущие члены были знакомы с его бессмертием и с каким отвращением они, должно быть, восприняли его признание в 1807 году о несуществовании поддельной коровьей оспы.

Ближе к концу жизни Дженнер редко появлялся в Лондоне. Его последний визит состоялся в 1814 году, когда он был представлен императору России. "Мне приятно думать, - сказал Александр, - что вы получили благодарность, аплодисменты и признательность всего мира"; на что Дженнер ответил: "Я получил благодарность и аплодисменты, но не признательность всего мира" - отсутствие признательности было перифразой отсутствия денег и намеком царю, что он мог бы повторить великолепную щедрость своей бабушки, Катарины, по отношению к ее прививочному врачу Димсдейлу. Император, однако, ничего не дал, и Дженнер удалился в глубоком разочаровании. Каким бы ни было расположение императора, Дженнер мало что сделал для того, чтобы сделать его более благоприятным, используя свою аудиторию для обличения Уокера и Друзей, которые в то время в основном пропагандировали вакцинацию; ведь, как сказал Александр, "я люблю добрых квакеров: они мои друзья", и тот, кто оклеветал их, вряд ли продвинулся бы в его пользу.

При всем том, что он получил, Дженнер считал себя плохо оплачиваемым; и, принимая слова своих поклонников за искренние, он был плохо оплачиваемым. Многие успешные истребители ему подобных получали от Палаты общин гораздо больше и с меньшей суетой, чем их идеальный хранитель; но в неискренности часто есть доля искренности, и многие из тех, кто восторженно восхвалял Дженнера, считали, что с ним поступили не так жестоко, как с рекламодателем коровьей оспы.

Жена Дженнера умерла в 1815 году, больная, набожная, ласковая женщина, и с тех пор он жил в затворничестве, пока не умер 26 января 1823 года в возрасте семидесяти четырех лет. "Никогда, - писал он своему другу Гарднеру 13 января, за неделю до кончины, - никогда я не был вовлечен в такое количество недоумений". Провозглашенный в 1800-2 годах спасителем человечества от оспы, в течение оставшихся двадцати лет своей жизни он постоянно дискредитировал себя, поскольку неудачи за неудачами фиксировались и свидетельствовали против вакцинации. Поэтому уместным было его прощание с миром в 1823 году: "Никогда я не был вовлечен в такое количество недоумений". Для погребения его останков в Вестминстерском аббатстве не хватило энтузиазма, и похороны состоялись в Беркли. Была предпринята попытка получить грант от парламента на возведение памятника, но предложение провалилось. Тогда Барон начал подписку на памятник, но она не встретила поддержки. Единственными общественными организациями, которые внесли хоть какой-то вклад, были Эдинбургские колледжи врачей и хирургов: первый прислал 50 фунтов стерлингов, а второй - 10 фунтов. С большим трудом удалось собрать достаточную сумму, чтобы заказать у Севьера статую, которая была установлена в западном конце нефа Глостерского собора. На передней панели пьедестала первоначально были указаны даты рождения и смерти, но Барон убрал их, посчитав слово "Дженнер" значимым.

В более поздние времена, в 1859 году, в память о нем была установлена статуя на Трафальгарской площади в Лондоне, рядом с Колледжем врачей, но в ней чувствовался оттенок возможного шарлатанства, и со временем ее тихо убрали в уголок Кенсингтонского сада. Как я уже отмечал, даже в неискренности есть доля искренности; и невозможно, чтобы кто-то, обладающий живым чувством правдивости, *знал* Эдварда Дженнера и питал к нему хоть какое-то уважение.

ССЫЛКИ:

[205] Vol. ii. p. 136.

[206] Vol. ii. p. 24.

[207] *Ibid.* p. 47.

[208] Vol. ii. p. 148.

[209] Vol. ii. p. 110.

[210] Vol. i. p. 450.

[211] Vol. ii. p. 18.

[212] Vol. ii. p. 197.

[213] Vol. ii. p. 311

[214] Vol. ii. p. 15.

[215] Vol. ii. p. 135.

[216] Vol. ii. p. 135.

[217] Vol. ii. p. 134

[218] Продолжение фактов и наблюдений, с. 181.

[219] Vol. ii. pp. 43-49 и 198.

[220] Vol. i. p. 135.

[221] Vol. i. pp. 444, 450; Vol. ii. p. 148.

[222] Vol. ii. p. 352. В лондонских счетах смертности зарегистрировано 1685 смертей в 1805 г. и 1158 в 1806 г. от оспы - цифры ни в коем случае не экстраординарные.

[223] Vol. ii. p. 191.

ГЛАВА XXVII.

ПОЛОЖЕНИЕ МЕДИЦИНЫ В 1823 ГОДУ.

Когда Дженнер умер в 1823 году, большинство людей высказалось против прививки коровьей оспы; но медики, от которых ожидают, что они что-то *знают* и что-то *делают* против каждого недуга, редко отказываются от своего рецепта, пока его не заменит другой. Поэтому врачи придерживались вакцинации, но на измененных условиях; положение, в которое они попали, изложено в статье в "Эдинбургском обозрении" за ноябрь 1822 года, по поводу которой Дженнер писал Гарднеру 13 января 1823 года, за неделю до своей смерти

На меня напали из квартала, которого я не ожидал, - из "Эдинбургского обозрения". Эти люди разбираются в литературе лучше, чем в медицине. Это принесет неисчислимый вред. Я оцениваю его как минимум в 100 000 смертей. Никогда еще я не был вовлечен в такое количество недоумений.

Какая необыкновенная статья! Вред неисчислимый, а смертей не менее ста тысяч! Критика в "Квартале", как говорят, убила Китса, на что Байрон заметил

"Странно, что разум, эта огненная частица,

Должен был позволить задушить себя статьей.

Однако если Дженнер был прав, то, думаю, можно допустить, что убийство поэта превзошло по жестокости по меньшей мере сто тысяч простых смертных. Поэтому, чтобы выяснить, каким образом было совершено великое беззаконие, я заглянул в "Эдинбургское обозрение" и обнаружил дьявольскую статью. Она озаглавлена "Вакцинация и оспа", написана, очевидно, редактором Джеффри, и порода оскорбления сразу же стала очевидной. Ставится под сомнение эффективность вакцинации для предотвращения оспы; *следовательно*, дискредитированная таким образом вакцинация будет игнорироваться; *следовательно*,

игнорируемая вакцинация расширит область распространения оспы; *следовательно*, по меньшей мере сто тысяч человек погибнут. Q.E.D. Но спросят: "А что сказал Джеффри?". Статья открывается следующим образом.

Мы совершенно убеждены, что вакцинация - это очень большое благо для человечества, но не такое уж большое благо и не такая уж полная защита, как представляли себе ее первые защитники. Доказательства этого признавались с большой неохотой; но, к сожалению, они стали слишком сильными для отрицания или сопротивления. Первые ответы на случаи неудач, с которыми столкнулись друзья вакцинации, сводились к тому, что болезнь, возникшая после прививки, была ветрянкой, а не оспой; или что процесс вакцинации был проведен неумело или несовершенно; или что это был один из тех очень редких случаев, которые происходили во времена прививок и от которых сама вакцинация не претендовала на полное освобождение.

Чтобы показать, насколько абсолютной была уверенность в вакцинации во времена неопытности, можно привести отчет Института вакцины Пока за 1803 год.

Два или три раза мы были встревожены сообщениями о том, что оспа появилась через несколько недель или месяцев после того, как наши пациенты перенесли коровью оспу. Мы считали своим долгом посетить и осмотреть этих пациентов, а также выяснить историю болезни у их сопровождающих, и с помощью этих средств мы получили полное удовлетворение тем, что притворная оспа обычно была ветряной оспой.

Время шло, случаи оспы после вакцинации множились, и различные отговорки, объясняющие их появление, хотя и упорно утверждались, полностью разрушились. Не оставалось никаких сомнений в том, что вакцинация, сделанная в соответствии с принятым порядком, не дает никакой гарантии от оспы. В 1820 году, говорит Джеффри, Совет Национального учреждения по вакцинации был вынужден сделать следующее печальное признание.

Мы действительно получаем сообщения из разных частей страны о многочисленных случаях заболевания оспой после вакцинации; и мы не можем сомневаться, что предубеждение людей против этого профилактического средства объясняется (и, возможно, не совсем необоснованно) этой причиной. Эти случаи Совет старательно расследовал; и хотя выяснилось, что многие из них основаны только на слухах, а другие, похоже, подверглись несовершенному процессу вакцинации несколько лет назад, когда он был менее хорошо изучен и применялся менее умело, чем следовало бы; И все же, после всех разумных умозаключений, мы вынуждены признать, что слишком многие из них все еще остаются неоспоримыми доказательствами, чтобы оставить хоть какие-то сомнения в том, что претензии вакцинации на заслугу совершенной и исключительной безопасности во всех случаях против оспы, были приняты сначала слишком безоговорочно.

Значение признания, подобного вышеприведенному, не следует оценивать буквально. Оно было сделано под непреодолимым давлением фактов, многочисленных, определенных и неоспоримых, после того как были исчерпаны все способы оправдания и уклонения. Короче говоря, это было авторитетное опровержение пламенных медицинских свидетельств, с помощью которых вакцинация была представлена общественности в 1800 году, когда главы профессии сочли своим долгом заявить в газетах

Что люди, переболевшие коровьей оспой, совершенно защищены от заражения оспой в будущем".

А Дженнер категорически заверил.

Что человеческий организм, однажды испытавший на себе влияние настоящей коровьей оспы, никогда впоследствии, ни в какой период своего существования, не подвергнется нападению оспы".

Поводом для статьи Джеффри послужила публикация доктором Джоном Томсоном трактата о сильной эпидемии в Эдинбурге и других частях Шотландии в 1818-19 годах.^[224] Болезнь отличалась от обычной оспы малочисленностью пустул, которые содержали молочную жидкость и начинали подсыхать на четвертый или пятый день. По словам Томсона.

Эпидемия, казалось, демонстрировала все разновидности оспы от самой легкой до самой злокачественной; и было любопытно наблюдать, что самые легкие формы, как и самые злокачественные, были строго везикулярными высыпаниями, в которых едва ли можно было увидеть следы гноя от их начала до их окончания.

Вопрос о том, была ли эта эпидемия оспой или ветрянкой, был открытым. Одни говорили, что это ветрянка. Другие говорили, что это модифицированная оспа. Томсон считает, что это, скорее всего, ветрянка, а если так, то, по его мнению, ветрянка должна считаться разновидностью оспы. Главная причина неопределенности заключалась в том, что большинство заболевших составляли вакцинированные.

Если бы нападению подвергались только непривитые [писал Томсон], ничто, как мне кажется, кроме самого необоснованного скептицизма, не могло бы вызвать сомнений в том, что эта болезнь - настоящая оспа".

Томсон сообщил о 556 случаях в Эдинбурге, из которых

310 были вакцинированы;

41 заболел оспой; и

205 не были ни вакцинированы, ни болели оспой.

Уильям Гибсон, хирург на мельницах Роберта Оуэна в Нью-Ланарке, сообщил о 322 случаях, из которых...

251 был вакцинирован.

11 заболели оспой, спонтанной или привитой.

57 не были ни вакцинированы, ни болели оспой.

У троих одновременно были оспа и коровья оспа.

Как обычно бывает при эпидемиях оспы, большинство страдальцев составляли молодые люди; Томсон говорит

Эпидемия, по наблюдениям, поражала в основном тех, кто был моложе десяти лет; с годами восприимчивость к заражению оспой снижается".

Томсон подкрепил свое мнение о том, что ветряная оспа и оспа - это взаимозаменяемые разновидности ветряной оспы, множеством убедительных доказательств и аргументов. Он приводил примеры, когда они встречались вместе: одна конституция приводила к ветрянке,

а другая - к оспе, при этом инфекция одной из них иногда проявлялась в виде другой. В этом споре нет необходимости высказывать свое мнение, не говоря уже о том, что весь ход философской патологии сейчас в пользу Томсона; и действительно, в то время, когда он писал, его позиция не была бы серьезно оспорена, если бы не дискредитация, которую она накопила на вакцинацию. Один из корреспондентов Томсона, П. Муди, доктор медицины, из Сент-Эндрюса, изложил эту трудность с бесхитростной силой. Он писал 18 октября 1818 года

В последние годы я заметил, что болезнь, называемая ветрянкой, протекает гораздо тяжелее, чем раньше; и многие случаи, возникающие после вакцинации, так похожи на оспу, *что если бы мой разум не был предубежден против возможности такого развития событий*, я бы объявил, что высыпания носят вариолитный характер".

Несмотря на свой опыт, Томсон твердо придерживался идеи вакцинации. Вынужденный признать, что она не предотвращает ни одну из форм ветряной оспы, он с любопытной горячностью утверждал, что она делает болезнь более легкой, как бы оправдывая свой частичный отказ от веры. Все мы видим больше или меньше в соответствии с нашими предрасположенностями, и мы не должны винить Томсона, если с его проницательностью он не был способен понять всю правду. Вакцинированные принадлежали к классам, которые были лучше обеспечены жильем, питанием и уходом, чем невакцинированные; и если бы их болезнь была корью или пневмонией вместо ветрянки, они бы все равно выздоравливали лучше. Точно такая же ошибка совершается и в наши дни: то, что обусловлено более благоприятными условиями жизни, приписывается вакцинации.

Некоторые пытались объяснить явный провал вакцинации предположением, что первоначальный вирус утратил свою силу при передаче от руки к руке, но Томсон не допускал, что она ухудшилась. Он сказал.

Вакцинный вирус, используемый в Эдинбурге в течение восемнадцати лет, вызывает точно такие же проявления, которые доктор Дженнер описал как характерные для коревой оспы. Я также знаю, что внешний вид везикул вакцины, созданной этим веществом, которое должно было пройти через череду по меньшей мере 900 особей, в точности совпадает с тем, что демонстрируют везикулы, созданные с помощью прививки, *с более поздним веществом лошади, которому я в последнее время отдавал предпочтение д-р Дженнер*".

Последние слова заслуживают внимания. Когда ссылаются на то, что Дженнер приписывает происхождение коревой оспы лошадиному жиру, часто отвечают, что Дженнер ошибался и что он не придерживался своего мнения. Правда, он хранил благоразумное молчание о лошадином жире, когда видел, что это скорее испортит, чем сделает его состояние. Но когда он получил все, что мог получить, он вернулся к своему первоначальному мнению, использовал и распространял то, что он описывал как лошадиный жир; а везикулы, образованные вирусом, и оставшиеся цикатриии были идентичны тем, которые вызываются так называемой коревой оспой.

Еще одним моментом, на который опирался Томсон в своих доказательствах, была ошибка, когда вакцинацию приписывали предотвращению оспы там, где ее не было. Победы, приписываемые вакцинации, были победами либо над воображаемым, либо над отступающим врагом. Мы не можем слишком твердо настаивать на этом моменте, учитывая постоянно выдвигаемые претензии на покорение оспы с помощью вакцинации. По какой-то неопределенной причине, и, вероятно, в полном объеме, не раскрытой, спад оспы во всей Европе наступил к концу прошлого века и продолжался в первые годы нынешнего; и этому спаду в значительной степени обязана благосклонность, с которой встретила вакцинация. Снижение заболеваемости одновременно с введением вакцинации было приписано

вакцинации, хотя это снижение преобладало среди подавляющего большинства людей, которые никогда не получали прививок. Чтобы оправдать утверждение о вакцинации, необходимо было бы утверждать, что обряд вакцинации, примененный к 2-3 процентам европейцев, привел к спасению 98 или 97 процентов. Так, например, Дженнер и его друзья очень много говорили об исчезновении оспы в Вене, согласно следующей таблице.

Годы.		Всего Смертность.	От оспы.		
1791-1800	в среднем	14,600	835	или один на	17½
1801		15,181	164		93
1802		14,522	61		238
1803		14,383	27		582
1804		14,035	2		7,017

Однако никогда не утверждалось, что в эти годы было привито более половины жителей Вены или что смертность в городе снизилась благодаря исчезновению оспы. Подобная фатумность характеризовала всю статистику вакцинаторов. Оспа уменьшилась, *поэтому*, утверждали они, вакцинация является причиной этого уменьшения, и многие люди были убеждены в этой незаконной логике. Однако когда вакцинация была испытана эпидемической оспой, ее неэффективность стала очевидной, и Томсон был вынужден заявить, что в результате опыта, полученного во время эпидемии в Эдинбурге в 1818-19 гг.

Я убежден, что суровость этой эпидемии следует приписать огромному числу вакцинированных, подвергшихся нападению, а не ухудшению свойств вируса коровьей оспы или каким-либо недостаткам в способе его применения. *Если бы в то время, когда доктор Дженнер представил свое открытие, в атмосфере существовала вариолитная конституция*, подобная той, что мы наблюдаем в последнее время, *можно сомневаться, что оно когда-либо смогло бы завоевать доверие публики.*

Такова была статья, которую Дженнер "отнес к 100 000 смертей по меньшей мере". Однако ни Джеффри, ни Томсон не отказались от вакцинации. Они согласились с тем, что, хотя на нее больше нельзя положиться в плане предотвращения оспы, она делает болезнь более легкой у тех, кого она атакует. Когда отказываются от заветной веры, это редко бывает безоговорочно: лишь постепенно происходит полная уступка истине.

ССЫЛКА:

[224] An Account of the Varioloid Epidemic that has recently prevailed in Edinburgh and other Parts of Scotland; with Observations on the Identity of Chickenpox with Modified Smallpox. Джон Томсон, доктор медицины. Лондон, 1820. Pp. 400.

ГЛАВА XXVIII.

ВВЕДЕНИЕ ВАКЦИНАЦИИ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ.

Оставив на время Англию, давайте посмотрим, как обстоят дела с вакцинацией в некоторых других странах.

Как уже отмечалось, введение вакцинации в практику иногда описывается как трудная работа, борьба с предрассудками, победа света над тьмой; но в реальности не было ничего, что отвечало бы такому великолепию. Битва за вакцинацию была выиграна благодаря вариоляции, для которой она была представлена как безвредная и более эффективная замена. Если не признать, что вакцинация пришла на смену вариоляции, ее быстрый и легкий триумф будет необъясним. Новинка, которую король Георг и королева Шарлотта, принц Уэльский и королевские герцоги приняли без колебаний и оговорок, по природе вещей не могла потребовать большого ума. Серьезное сопротивление исходило от вариолаторов, которые считали, что их ремесло в опасности, когда пасторы, женщины и торговцы были одобрены в качестве вакцинаторов самим Дженнером. Такое противодействие вакцинации, как сейчас, было невозможно в начале нынешнего века. Мы знаем, что здоровье - лучшая защита здоровья, и что болезнь - доказательство плохой жизни; но для наших предков болезнь была таинственным предписанием, которое нужно было встретить с покорностью, облегчить с помощью рецептов, магических и естественных. Поэтому не только скучные королевские особы были вовлечены в эпидемию коровьей оспы, но и такие ученые, как Дэви, Волластон и Дарвин, а также целая плеяда литераторов, представителем которых можно считать сэра Вальтера Скотта. Описывая королеву Каролину в "Сердце Мидлотиана", он говорит: "У этой дамы были удивительно хорошие черты лица.

У этой дамы были замечательно хорошие черты лица, хотя и несколько пострадавшие от оспы, этого ядовитого бича, который каждый деревенский Эскулап (благодаря Дженнеру) теперь может укротить так же легко, как его божество-покровитель укрощает питона".

Для легковерия, выраженного таким образом, было много оправданий. В самом деле, во что еще можно было поверить человеку в положении Скотта? Только благодаря жесткому разочарованию в том, что вакцинация не предотвращает оспу, не смягчает ее тяжесть и сама по себе безвредна, ранний бред ослаб, и на смену ему пришло менее яростное убеждение.

Волна убежденности распространилась из Англии по всему миру, и нигде замена вакцинации на вариоляцию не была встречена с таким энтузиазмом, как в Новой Англии. Как в 1721 году Бостон возглавил практику прививок от оспы, так в 1800 году из Бостона был объявлен проект уничтожения оспы коровьей оспой. Но прежде чем двигаться дальше, стоит сказать несколько слов о бостонской оспе.

Бостон был крайне нездоровым городом. В течение пятидесяти лет, с 1701 по 1750 год, число рождений превышало число смертей. При населении около 15 000 человек ежегодная смертность составляла от 30 до 70 человек на тысячу. Были эпидемии лихорадки и оспы; последние происходили с интервалом в десять лет, когда умирало большое количество людей, причем оспа, как правило, вытесняла другие формы лихорадки, но тем не менее повышала смертность в течение года. Самой смертоносной вспышкой оспы был 1721 год, когда Коттон Мазер и Забдиэл Бойлстон ввели вариоляцию. Смертность в тот год составила 1102 человека, из которых 884 были вызваны оспой. В 1752 году случилась необычайная эпидемия, но сколько в ее распространении было обстоятельств, а сколько - ухищрений, предсказать невозможно. Вот цифры, которые представляют особый интерес.

Бостон в 1752 году. Население 15 684 человека.

Имеется оспа.	Умерло.	Были Заболели вариоляцией.	Умерли в кон... последовательн ости Вариоляция.
------------------	---------	----------------------------------	--

Белые,	5060	470	1985	24
Черные,	485	69	139	6
	--	--	--	-
Итого,	5545	539	2124	30
Уехал из Бостона ради безопасности.		У него не было ни ни оспой ни от природы, ни от искусства.		Не болел оспой либо по природой или искусством.
1843		174		5998

Под этими заголовками было учтено все население в 15 684 человека, за важным исключением разделения 5998 человек, чей иммунитет предполагался, на больных индуцированной и спонтанной оспой. Число умерших, 569 человек, было меньше, чем в 1721 году, когда умерло 884 человека, но болезнь распространялась более широко, поразив до трети жителей, 5545 человек. Эпидемия исчерпала себя в течение четырех месяцев.

Январь,	умерло,	1	июнь,	умер,	203
Февраль,	"	2	Июль,	"	31
Март,	"	2	Август,	"	5
Апрель,	"	119	Сентябрь,	"	1
Май,	"	205		--	
				569	

Распространение эпидемии во многом объясняется обширной вариоляцией: не менее 2124 человек были привиты во время паники, и они, свободно передвигаясь в уверенности в безопасности, распространяли оспу со всех сторон. На каждые пять человек, заболевших оспой, так сказать, естественным путем, двое заболели искусственно, причем один вид был почти таким же "уловистым", как и другой. Это был случай, когда община (за исключением 1843 человек, которые бежали) бросилась в оспу, чтобы спастись от нее. Смерть 24 белых и 6 черных от вариоляции вызвала большое беспокойство, и некоторые говорили о ней как о множестве убийств. Однако на фоне этого количества смертей выделяется низкий уровень смертности среди обычных больных - 539 из 5545, или менее чем 1 из 10. Преподобный Т. Принс, опубликовавший отчет об эпидемии в "Джентльменском журнале" за 1753 год, стр. 413, был озадачен тем, как объяснить отклонение от лондонской нормы.

Д-р Юрин подсчитал, что в Лондоне при естественном способе умирает 2 из 11 или 18 человек из 100; но в Бостоне мы видим, что умерло не более 1 из 10; в то время как при привитом способе смертность была более высокой, чем принято считать". Каковы были естественные причины того, что при Божественном Управителе оспа естественным путем была менее смертоносной в Бостоне, чем в Лондоне, и более смертоносной в Бостоне, чем в Лондоне при прививочном способе, может быть достойно нашего скромного расследования.

Разница оказалась более значительной, чем представлялось Принсу. Вспышка оспы, в которой пострадала бы треть населения, никогда не случалась в Лондоне, а смертность, соразмерная бостонской, среди трети лондонцев выглядела бы как рецидив чумы. Я ни в коем случае не хочу преуменьшать разрушительные последствия оспы, когда для ее развития созданы все условия; но я настаиваю на их точном определении. Бостон сильно

пострадал, но ни в коем случае не был "уничтожен" - неизменная риторическая фраза. Смертность составляла 1 к 27, и, как было замечено, оспа вытеснила другие формы лихорадки. 539 смертей от оспы не были лишними; превышение составило менее половины этого числа и может быть справедливо объяснено чрезвычайной энергией, проявленной при распространении болезни путем прививок.

Несмотря на столь негативный опыт, вариоляция продолжала оставаться распространенной, хотя и периодической, практикой в Америке, особенно в Новой Англии, где привычка лечить настоящие болезни и предотвращать ожидаемые была укоренившейся и неискоренимой. В Бостоне эта практика стала систематизированной, и привитых на три недели помещали в больницу, расположенную на мысе в реке Чарльз, где с ними обращались как с настоящими очагами инфекции - курс, значительно отличавшийся от того, который применялся во время эпидемии 1752 года. Тем не менее, не стоит полагать, что оспа была когда-либо эндемичной в Новой Англии, как и в Лондоне. Доктор Уотерхаус, писавший в 1787 году, заметил

Я не думаю, что в настоящее время во всех четырех правительствах Новой Англии есть хоть один человек, зараженный оспой, то есть ни одного на миллион жителей.

Болезнь вспыхивала время от времени, и всегда ее причиной был какой-нибудь путник, или корабль, или посылка с товаром - и никогда это не было связано с плохим дренажем, или отсутствием дренажа, или зловониями, которые пронизывали домашние интерьеры прошлого века, будь то в Америке или Европе. В этом вопросе необходимо проявить немного воображения, чтобы осознать исторические факты: они неприятны; но если люди будут настаивать на сравнении оспы XVIII века и XIX, то, возможно, придется уточнить некоторые бытовые детали, относительно которых существует общепринятый запас.

Именно доктор Бенджамин Уотерхаус, профессор теории и практики физики в Кембриджском университете (штат Массачусетс), ввел вакцинацию в Америке. Он описал новый обряд в газете *Columbian Centinel* от 12 марта 1799 года как "нечто любопытное в области медицины", а официально обнародовал новинку через год после этого в памфлете под названием

Перспектива истребления оспы; история вакцины *Variolæ*, или коровьей оспы, обычно называемой коровьей оспой, как она появилась в Англии: с рассказом о серии прививок, сделанных от коровьей оспы в Массачусетсе. Напечатано для автора в Кембриджской типографии Уильямом Хиллиардом и продается им и другими книготорговцами в Бостоне. 1800.

Кинетоз! Почему именно оспа? Причина указана доктором.

От *kine* - множественного числа коров; так в Писании: "И взяли они двух дойных коров, и закрыли телят своих дома"; слово столь же выразительное и, по мнению некоторых, более деликатное.

Вот оно: *Более деликатное!* Если бы это была бычья оспа, возражения были бы непреодолимы. В письме к Дженнеру от 24 апреля 1801 года Уотерхаус пишет

Можете ли вы поверить, что в Филадельфии до сих пор не было сделано ни одной прививки от коровьей оспы? Похоже, что ведущий врач считает ее слишком зверской и непристойной для светского общества. [225]

В памфлете о коровьей оспе излагалась тайна новой прививки, полученной из Англии, с существенным упущением - в нем не было ни слова о конском жире! Уотерхаус состоял в

переписке с Пирсоном, и Пирсон, возможно, рассказал ему, что не только утверждение о возникновении коровьей оспы в Хорсгризе было опровергнуто, но и "как бы проклято все дело"; это могло быть правдой, но если это правда, то где тогда Дженнер? Он знал, что коровья оспа не предотвращает оспу: этот факт был общеизвестен среди медиков в районах распространения коровьей оспы; и он прямо обязался в своем расследовании верить в коровью оспу, полученную от Horsegrease, и ни в какую другую. Но коровья оспа из лошадиного жира не устраивала рынок, и она была изъята с молчаливого согласия Дженнера, а вместо нее была предложена спонтанная коровья оспа, которая была принята как подлинное открытие Дженнера. Возможно, было бы неплохо вывести лошадь из дела, но что еще оставалось делать?

Коровья оспа, свидетельствовал Уотерхаус, была неизвестна в Новой Англии, но он сразу же получил откровение о ней, но не откровение Дженнера: его он подавил. Он давно подозревал, что оспа передается от животных к человеку, и теперь его подозрения подтвердились. И если таково было происхождение оспы, то ему казалось небезосновательным, что болезнь, существующая в легкой форме у коров, может быть использована для прививок со всеми преимуществами, присущими оспе, и при этом не причинять вреда ни прививаемым, ни риску заражения окружающих.

Что делает эту вновь открытую болезнь столь любопытной и чрезвычайно важной, так это то, что каждый человек, пораженный таким образом, всегда после этого защищен от обычной оспы, пусть он хоть сколько-нибудь подвержен ее воздействию или пусть хоть сколько-нибудь зрелой оспенной материи будет введено в кожу путем прививки. Другими словами, человек, перенесший местное заболевание и специфическую лихорадку, вызванную заражением коровьей оспой, тем самым становится невосприимчивым к оспе.

Насколько неосторожным, по меньшей мере, было принятие этого пророчества о вечной безопасности! Не прошло и трех лет, как абсолютное предсказание было передано, принято и повторено по всей земле, словно попугаи. Такова, однако, привычка человечества, когда им овладевает сильное заблуждение.

Справедливости ради следует сказать, что Уотерхаус не стал открыто заявлять о себе, пока не прошел через иллюзорные эксперименты, которые были тогда в моде в Англии. Ему с большим трудом удалось получить запас активного вируса. Несколько переводов оказались неудачными, но в конце концов он получил от доктора Хейгарта полтора дюйма зараженной нити, которая, как считалось, оказалась эффективной.^[226] Первым пациентом стал его сын Дэниел Оливер в возрасте пяти лет, затем еще один ребенок в возрасте трех лет, затем мальчик-слуга в возрасте двенадцати лет, затем отлученный от груди младенец в возрасте одного года - все пятеро успешно, в то время как двое домашних не смогли "принять" - семь экспериментов в его собственном доме. Затем он отвез детей в оспенную больницу, где доктор Аспинуолл сделал им прививку, и, выйдя на свободу после испытания, они были признаны истинными, и дальнейшие колебания были излишни. Четыре джентльмена, включая врача, предложили себя для общественного поощрения.

Один из них [говорит Уотерхаус] решил жить довольно свободно в порядке эксперимента, и лихорадочные симптомы, особенно головная боль, были настолько сильны, насколько он мог их переносить и ходить. Это убедило меня в том, что кинетоз - болезнь, с которой не стоит шутить".

Затем Уотерхаус воззвал к гордости своих соотечественников.

Жители Новой Англии, особенно Бостона, подали благородный пример своим старшим братьям из Старой Англии, приняв в 1721 году турецкую практику прививок от оспы. Теперь же англичане, в свою очередь, стали лидерами в применении еще более полезной практики. Ибо хотя прививка, начатая здесь в 1721 году, лишила эту ужасную болезнь, оспу, более чем половины ее ужасов, но именно кин-оспой она будет истреблена".

Вслед за этим пророчеством последовала откровенная просьба о бизнесе.

Доктор Уотерхаус сообщает тем, кто обратился к нему из Кембриджа с просьбой сделать прививку их семьям, что он отказывался от этого только до тех пор, пока болезнь не прошла через его собственную семью, и пока некоторые из них не были привиты доктором Аспинуоллом и не подверглись другим видам воздействия оспы. Но теперь, подтвердив честным экспериментом свое утверждение о том, что кинетоз защищает конституцию от заражения оспой, он готов посещать их, когда они пожелают. Те, кто живет в Бостоне, могут быть уверены, что из-за близости его резиденции к столице, он примет такие меры, чтобы иметь возможность посещать их так же пунктуально, как если бы он жил там. - Кембридж, 18 августа 1800 года.

По английскому образцу он опубликовал следующую таблицу.

Естественная оспа.	Инокулированная оспа.	Кине-пок.
Заразная болезнь.	Заразный.	Неконтагиозный.
		Никогда не приводит к летальному исходу.
Каждый шестой, кто принимает его, умирает. Это как попытка переплыть опасный поток вплавь, где погибает каждый шестой.	Каждый третий умирает. Это все равно что переплыть поток на старой, дырявой лодке, где погибает один из 300.	Это все равно что переплыть ручей по новому и безопасному мосту.

Операции, начатые с такой надеждой, быстро закончились плачевно. В письме Уотерхауса к Дженнеру от 24 апреля 1801 года мы читаем: "...

Полтора дюйма зараженной нити от доктора Хейгарта - вот и весь запас, из которого, возможно, было привито 3000 человек, *но я боюсь, что большая часть из них была поддельной*. Я сообщил, что зима - неблагоприятный сезон для этой новой прививки, и тем самым приостановил практику по всей стране до прибытия свежего материала и вашего письма. Теперь мы снова продолжаем, но не с той верой и духом, что в прошлом сезоне. Несколько неудачных случаев умилили пыл людей, которые приняли эту новую прививку с искренностью, либеральностью, и даже щедростью, что очень им идет на пользу. Первые политические и литературные деятели нашей страны до сих пор горячо поддерживают эту практику.^[227]

Уотерхаус продолжал переписываться с Дженнером и считался его аккредитованным представителем в Новой Англии. В письме к доктору Леттсому от 16 ноября 1802 года он пишет

Доктор Дженнер только что прислал мне подарок, который я очень ценю, - серебряную шкатулку, инкрустированную золотом с изысканным вкусом и мастерством, с такой надписью: "Эдвард Дженнер - Бенджамину Леттсому".

Эдвард Дженнер - Бенджамину Уотерхаусу".

Но мистер Ринг приложил к ней надпись в довольно гиперболическом стиле.

От Дженнера из Старого Света

Дженнеру из Нового Света.

Она надолго останется среди священных реликвий моей семьи.[\[228\]](#)

Уотерхаус был человеком изобретательным. Когда в конце 1800 года он столкнулся с плохими результатами своих операций, он попробовал то, что с тех пор называется ретровакцинацией, возможно, впервые. Вот его слова из письма Дженнеру от 24 апреля 1801 года.

Я привил одну из моих коров вирусом вакцины и получил от нее на девятый день урожай вещества, которое в совершенстве воспроизвело болезнь у человека. Известен ли этот эксперимент среди вас? Поскольку я оперировал сам, во всем эксперименте не было ни малейшей возможности для обмана.

Следующее предложение слишком характерно, чтобы его пропустить. Говорит Уотерхаус.

Я неизменно обнаруживал, что прививка вакциной помогает слабым детям, а некоторых она излечивает от хриплого кашля.

И это после менее чем двенадцатимесячного опыта!

Уотерхаусу также пришлось рассказать о случае заболевания коров оспой.

Во время одной из наших периодических прививок, которые проводятся в Новой Англии раз в восемь или девять лет,[\[229\]](#) несколько фермеров пригнали своих коров в больницу, расположенную недалеко от густонаселенной деревни, чтобы больные могли получить пользу от их молока. Коров доили люди, находящиеся на всех стадиях оспы; в результате на сосках и вымени у них появились высыпания, которые все в больнице, а также врач, который мне об этом рассказал, объявили оспой. С тех пор как о коровьей оспе заговорили, этот рассказ был возрожден и подтвержден. Нашли ли вы что-нибудь подобное в Англии?

Уотерхаус получил запрос из Вирджинии и попросил Дженнера дать ему, если возможно, фотографию пузырька вакцины на негре.

Если бы я мог раздобыть две или три цветные пластинки с изображением проявлений на коже негра, я бы послал их в те наши южные штаты, которые чернеют от этих деградировавших существ".

"Некоторые в этой стране, как и в Англии, - заметил Уотерхаус, - получив все возражения против оспы, упорно спрашивают: "Кто может сказать, каковы могут быть последствия введения звериного нрава в человеческий организм с течением лет?". Я отвечаю им, как и мистер Ринг, с духом и остроумием, достойным Франклина: "Кто может сказать, каковы могут быть последствия через несколько лет введения молока, говяжьих стейков или бараньих отбивных в человеческий организм?"

Упорство, с которым ранние вакцинаторы использовали это "остроумие", заставляет нас предположить, что они считали его эффективным; но разве когда-нибудь аргументы по аналогии применялись более абсурдно? Молоко или бифштекс от коровы, или отбивная от овцы, которая, как известно, болела оспой, были бы отвергнуты с отвращением; никогда не

предлагалось готовить и есть коровью оспу; и все же коррупция, одна только связь с которой сделала бы молоко, или бифштекс, или отбивную отвратительными, не считалась отвратительной для вливания в кровь!

"Первые политические и литературные персонажи нашей нации - горячие сторонники этой практики", - говорит Уотерхаус; так оно и было. Президент Адамс был совершенно согласен с королем Георгом в этом вопросе; а Джефферсон не только одобрил эту практику в содружестве с королевой Шарлоттой, но и, как только смог получить вирус, приступил к работе вместе со своими зятями и сделал прививки их семьям и соседям в количестве двухсот человек. Существует письмо Джефферсона к Дженнеру, написанное в 1806 году, которое примечательно как абсолютное исповедание веры в то время, когда многое в ней пошатнулось. Президент писал

Монтичелло, Вирджиния, 14 мая 1806 года.

Сэр, - я получил копию подробных доказательств открытия прививки вакциной, которую вы сообразовали прислать мне, и за которую я выражаю вам свою благодарность. Будучи одним из первых, кто в этой части земного шара убедился в ее эффективности, я принял участие в рекомендации ее своим соотечественникам. Пользуясь случаем, я хочу выразить вам свою долю благодарности от всей человеческой семьи. В медицине еще не было ни одного столь полезного усовершенствования. Открытие Гарвеем циркуляции крови было прекрасным дополнением к нашим знаниям о животном мире; но, анализируя медицинскую практику до и после этой эпохи, я не вижу никаких значительных улучшений, которые были бы получены благодаря этому открытию. Вы вычеркнули из календаря человеческих несчастий одно из величайших. Вы с комфортом отражаете то, что человечество никогда не сможет забыть, что вы жили. Будущие народы будут знать из истории только то, что отвратительная оспа существовала и благодаря вам была истреблена. Примите самые горячие пожелания здоровья и счастья, а также заверения в величайшем уважении и почтении.

Th. Джефферсон.

То, что оспа будет вычеркнута из календаря человеческих бедствий и останется в истории только как уничтоженная Дженнером, было напрасным ожиданием; но признать их тщетность не входило в возможности Джефферсона. Он был воспитан в убеждении, что прививка оспы предотвращает оспу, и из этого следовало, что, поскольку коровья оспа является эквивалентом оспы, если все будут привиты коровьей оспой, болезнь должна быть уничтожена. Таким образом, его ожидания были не лишены правдоподобия. В свете своего времени Джефферсон также не мог понять, что оспа - это не конкретная сущность, от которой можно избавиться *как таковой*, в то время как все остальные остаются незатронутыми. Мы знаем, что если бы даже вакцинация покончила с оспой и не принесла бы никакого вреда, мы бы не уменьшили ни заболеваемость, ни смертность (при условии, что не произошло бы никаких других изменений в условиях существования), но получили бы должное количество болезней в других формах. Бороться с оспой как с оспой и полагать, что в случае ее подавления мы в любом случае окажемся в выигрыше, - чистая иллюзия. Зимородки, чтобы с ними эффективно бороться, должны рассматриваться как формы общей болезни; чтобы избавиться от одного, мы должны избавиться от всех; и, более серьезно осознавая трудности, с которыми придется столкнуться, мы тоже верим вместе с Джефферсоном, что оспа может быть уничтожена, но в компании со многим другим, и с помощью практики, которая не имеет ничего общего с созданием болезни, подразумеваемой при вакцинации.

Из всех народов англичане больше всего подвержены медицинскому шарлатанству, говорила леди Мэри Уортли Монтагу; и эта английская особенность была воспроизведена и преувеличена в Новой Англии. Когда первое сопротивление вакцинации было преодолено, на нее набросились.

Рвение американских медиков [говорит Барон] было возбуждено до беспрецедентной степени; но, к сожалению, их благоразумие не шло в ногу с ним. Они пренебрегали предостережениями доктора Уотерхауса и не обращали внимания ни на состояние вещества, которым делали прививку, ни на прогресс гнойника. Судя по всему, это также стимулировало скупость людей, не принадлежащих к медицинской профессии, а то, как они вели свой бизнес, свидетельствовало в равной степени как об их скупости, так и о невежестве. Последователи этого ремесла получали рукава рубашек пациентов, которые были затянuty гнойными выделениями из язвы в результате вакцинации. Они разрезали их на полоски и продавали по всей стране как пропитанные настоящим вакцинным вирусом. Несколько сотен человек на самом деле были привиты этим ядом, который в нескольких случаях вызвал сильное расстройство конституции. Из Лондона в Марблхед прибыло судно с матросом на борту, который, как предполагалось, был болен коровьей оспой: у него взяли вещество, которое широко использовалось. Вскоре выяснилось, что использовалась материя от оспы, и болезнь быстро распространилась по окрестностям. Следует опасаться, что эти промахи совершались не только бродячими шарлатанами, поскольку и медики были не совсем безупречны.[\[230\]](#)

Хотя такие поступки дискредитируют вакцинацию с одной стороны, они служат ей с другой: они позволяют легко скрыть ее неудачи и повреждения, приписав их использованию поддельного вируса. В вопросе о вакцинации можно добиться всего, если принимать ее в той форме, которую верующие считают безупречной, чтобы не оставлять места для уклонений. Оспа в Америке, как и в Англии, вскоре показала свою безразличность к искусству вакцинатора, а затем было решено, что она, по крайней мере, делает болезнь более мягкой; и под прикрытием удобной фикции ее продолжали практиковать там, где за это требовалась плата.

Отношение медицинского ума к эпидемиям и незнание того, что мы сегодня считаем первыми элементами санитарной науки, с трогательной искренностью показано в письме, адресованном доктором Уотерхаусом в 1817 году хирургам армии Соединенных Штатов. Говорит Дженнер из Нового Света.

Вам не нужно тратить время или отвлекать свое внимание догадками об отдаленных причинах дизентерии или эпидемических лихорадок. Мы узнаем из самых высоких авторитетов, что мор "ходит во тьме". Враг приближается незаметно. Мы совершенно убеждены, что эпидемические лихорадки не зависят ни от одного из тех изменений в воздухе, на которые указывают термометр, барометр или гигрометр. Эти широко распространяющиеся болезни, а также эндемии, или местные расстройства, кажутся такими, как если бы они возникали из-за каких-то тайных движений или изменений в земле или на ее поверхности - то есть из-за каких-то новых сочетаний в почве или каких-то выделений из более глубокой ситуации, влияющих не только на воздух, которым мы дышим, но и на воду, которую мы используем для всего. Эпидемии, по-видимому, сопровождают или следуют за ухудшением состояния растительности. Похоже, что они также сопровождают обильный урожай; но так ли это в ряду причин и следствий, до конца не известно. Что касается меня, то я устал от догадок.

Как же он устал! Он не говорит этого, но и не делает никаких оговорок в пользу вакцинации; и после семнадцати лет ее испытания старый врач должен был включить ее в свой клич *Vanitas Vanitatum!*

ССЫЛКИ:

[225] Baron's Life of Jenner, vol. i. p. 442.

[226] "Именно доктор Леттсом первым отправил вакцину лимфы через Атлантику и передал ее на попечение своего друга доктора Уотерхауса" -Pettigrew's Life of Lettsom, vol. i. p. 121. "Доктору Уотерхаусу удалось получить немного вещества для лечения коровьей оспы от доктора Хейгарта из Бата, который переправил его из Бристоля" - Baron's Life of Jenner, vol. i. p. 386.

[227] Baron's Life of Jenner, vol. i. p. 440.

[228] Pettigrew's Life of Lettsom, vol. iii. p. 405.

[229] Как советовал Димсдейл, жители деревни или района прививались от оспы одновременно, чтобы все были заражены, и никто не мог заразиться по своей воле!

[230] Baron's Life of Jenner, vol. i. p. 387.

ГЛАВА XXIX.

ВНЕДРЕНИЕ ВАКЦИНАЦИИ В ИНДИИ И НА ВОСТОКЕ.

Энтузиазм по поводу коровьей оспы в Англии был с яростью воспроизведен англичанами в Индии. Так всегда бывает. Что модно дома, то еще более модно за границей.

Когда мы говорим об Индии, мы говорим как о стране, когда имеем дело с континентом, где проживает не один, а множество народов, многочисленные расы и различные языки: поэтому, называя Индию, я должен понимать, что ограничиваю свои замечания обозначенной частью и населением, подвергшимся английскому влиянию. В некоторых частях Индии оспа эндемична - она зарождается в постоянных неблагоприятных условиях жизни, культивируется и распространяется с помощью прививок. Поэтому, когда стало известно, что коровья оспа может быть заменена на оспу, и что легкая форма служит всем целям тяжелой болезни, среди англичан возник спрос на этот вирус, как для собственного, так и для местного использования. Доктор Андервуд, пишущий Дженнеру из Мадраса 28 февраля 1801 года, отмечает

Я с большим удовольствием прочитал ваши публикации о коровьей оспе и с особым трепетом отношусь к внедрению и распространению этой болезни в нашей стране, будучи совершенно уверенным, что она спасет множество жизней. До сих пор я использовал любую возможность сделать прививку от коровьей оспы, но потеря прекрасной маленькой пациентки смирила меня, и, признаюсь, теперь я никогда не берусь за ланцет только со страхом и трепетом.[231]

Просить было легче, чем получить. В Индии не было слышно о коровьей оспе, а долгое путешествие вокруг мыса и тропическая жара были губительны для ее передачи. Были предприняты неоднократные попытки, но все они закончились неудачей. Дженнер предложил поместить несколько отобранных мужчин на борт ост-индского судна и последовательно вакцинировать их во время плавания, чтобы высадиться со свежим вирусом в Бомбее или Калькутте; , но Ост-Индская компания отклонила это предложение. Тогда была предпринята попытка собрать подписку для этой цели, Дженнер предложил свою кандидатуру за 1 000 гиней; хотя трудно представить, откуда должны были взяться эти 1 000 гиней, разве что из карманов некоторых его поклонников.[232]

Однако эти усилия были превзойдены энергией и изобретательностью доктора де Карро из Вены. Лорд Элгин, британский посол при Порте, был знаком с де Карро и получил от него вирус, которым его сын-младенец и другие были привиты в Константинополе. Весть об этом распространилась за границей, и лорда Элгина попросили удовлетворить индийский спрос, отправив вакцину по суше в Бомбей через Багдад и Буссору. Он предпринял несколько тщетных попыток, после чего решил передать дело в руки де Карро; с этой целью он обратился к почтенному Артуру Паджету, британскому послу в Вене, со словами

У меня так много заявок на вакцину против вируса из Буссоры, Ост-Индии и Цейлона, что я прошу вас немедленно обратиться к доктору де Карро и попросить его прислать несколько штук каждому курьеру".[233]

Де Карро с готовностью принял поручение. Он уже получил заявку из Багдада и, отказавшись от испробованных и неудачных средств, таких как ланцеты из стали, серебра, золота и слоновой кости и нити, вложенные в перья, пропитал ворс вирусом и, поместив его между стеклами, в одном из которых было углубление для его приема, связал их вместе, запечатал края и, отнеся их к воскобойнику, обмакнул в воск, пока они не оказались заключены в шар из воска, который был упакован в ящик, набитый клочьями бумаги. Таким образом вирус был доставлен через Константинополь, через пустыни в Багдад, где он был получен 31 марта 1802 года, еще жидкий, и был использован "с полным успехом". О таком же успехе сообщалось из Буссоры, Маската и Бушира. Из Буссоры вирус был доставлен в Бомбей, куда прибыл после трехнедельного плавания в начале июня. Двадцать или тридцать человек были привиты венским вирусом, но только один "заболел", а именно Анна Дастхолл, ребенок в возрасте около трех лет, которая была прооперирована доктором Хеленусом Скоттом. За ходом болезни следили с сильной тревогой и с соответствующим удовлетворением, когда симптомы развивались в соответствии с признанным описанием. На восьмой день пять детей были привиты из руки Дастхолла, и было шумное ликование, когда стало известно, что для Индии была получена настоящая вакцина *Variolæ Vaccinæ*. Из Бомбея "драгоценная жидкость" со временем была доставлена на Цейлон, в Мадрас, Калькутту и везде, где преобладало английское влияние. Де Карро, естественно, был воодушевлен своим успехом. Вирус, который он передал, был первоначально получен от миланского доктора Сакко, который получил его от нескольких ломбардских коров.[234]

Дженнер написал де Карро письмо с поздравлениями, 28 марта 1803 года.

С начала нашей переписки, как ни велико было мое удовлетворение от чтения ваших писем, я не припомню случая, чтобы вы одарили меня таким письмом, которое доставило бы мне удовольствие, равное предыдущему. Сожаление, которое я испытал, обнаружив, что все попытки отправить в Индию вирус вакцины в совершенстве снова не увенчались успехом, едва ли можно описать вам; судите сами, какое удовольствие вы доставляете мне, заверяя, что мои желания выполнены.[235]

Импортная коровья оспа распространялась и рекомендовалась с энергией и обманом. Дженнер в письме Даннингу от 2 ноября 1804 года заметил

Полагая, что вам будет приятно увидеть, как систематически управляют делами вакцины в Индии, я послал вам копию документа, только что переданного мне из Дома Индии. Если бы, Господи, мы могли похвастаться подобной организацией у нас!

Вот документ, в котором излагается энергичная политика, проводимая...

Форт-Вильям, 15 января 1804 года.

С целью распространения практики вакцинации по всей территории Индии, принадлежащей Ост-Индской компании, генерал-губернатор Бенгалии назначил генерального суперинтенданта по вакцинации в президентстве и учредил подчиненные суперинтенданты на нескольких внутренних станциях страны, а именно: в Декке, Муршедабаде, Патне, Бенаресе, Аллахабаде, Коунпоре и Фаррукабаде. Эти суперинтенданты являются хирургами станций и должны действовать по приказу генерального суперинтенданта во всем, что касается вакцинопрофилактики. Гражданские хирурги на нескольких судебных и доходных станциях также должны сотрудничать с этими суперинтендантами для достижения общей цели.

Вакцинопрофилактика также успешно внедрена на острове Принца Уэльского, и предполагается распространить эту практику на Малакку и другие места к востоку; и есть уверенность, что преимущества этого ценного открытия распространятся по всей Азии. Предполагается даже распространить ее на Китай; но поскольку подозрительный нрав китайцев может приписать любую попытку внедрения этой новой практики зловещим мотивам, ее отложили до тех пор, пока не будет получено мнение служащих Компании.

Во многом эта политика была обусловлена генерал-губернатором маркизом Уэлсли, чьей привычкой было безотлагательно воплощать убеждения в жизнь. В какой степени оказалось целесообразным заменить вакцинацию вариоляцией среди туземцев, точно не известно. Было сравнительно легко воздействовать на тех, кто находился в непосредственной зависимости от своих завоевателей; но совсем другое дело - снять отвращение внешних мириад. Если предположить, что вариоляторы предпочитали свою древнюю практику, потому что она была более прибыльной, то несколько из них привезли в Калькутту и навели справки о размере их прибыли, а когда выяснили, то предложили им двойную оплату, если они примут вакцинацию. Предложение было с готовностью принято, и другие вариоляторы, узнав о нем, вызвались помочь на аналогичных условиях, были проинструктированы и зачислены в официальные вакцинаторы. Двадцатью шестью из этих обращенных вариоляторов была составлена и подписана декларация, рекомендуемая вакцинацию всему восточному миру. Декларация была опубликована в "Калькуттском вестнике", напечатана на четырех языках и широко распространена по всей Индии.^[236]

Правительству удалось добиться многого, но не были оставлены без внимания и другие средства убеждения. Сначала предполагалось, что коровья оспа точно подойдет людям, почитающим это животное; но, напротив, этот факт был превращен браминами в аргумент против ее использования: они утверждали, и справедливо, что коровья оспа нечиста. Чтобы справиться с этой трудностью, были предприняты различные благочестивые махинации. Делался вид, что вакцинация не была новинкой в Индии, что она была известна,

санкционирована и практиковалась с незапамятных времен. Барон, биограф Дженнера, рассказывает об этих деталях без всякого отвращения.

Туземный врач из Барейли передал в руки мистера Гиллмана, который был хирургом на этой станции, несколько листов, выдаваемых за выдержки из санскритского труда по медицине, озаглавленного "Суд'ха Сангреха", написанного врачом по имени Махадева, следующего содержания

"Возьмите вещество пустул, которые естественным образом образуются на сосках коров, тщательно сохраните его, и перед началом оспы сделайте тонким инструментом небольшой прокол (подобный тому, который делает мошка) в конечности ребенка, и введите в кровь столько этого вещества, сколько измеряется четвертью ратти". Таким образом мудрый врач обезопасит ребенка от вспышки оспы".

Санскритский труд, из которого, как утверждается, взят этот отрывок, так и не был найден, и компетентными органами был признан "не более чем благонамеренным приемом для уменьшения невежественных предрассудков", а туземный врач, который передал листки в руки мистера Гиллмана, был включен в этот вымысел. Барон продолжает-

Чтобы преодолеть эти туземные предрассудки, покойный мистер Эллис из Мадраса, хорошо знавший санскритскую литературу, написал на этом языке короткую поэму о вакцинации. Поэма была написана на старой бумаге и, как говорят, была *найдена* для того, чтобы впечатление ее древности помогло произвести эффект на умы браминов, когда они будут искать способ предотвратить болезнь у своей священной коровы.

Покойный мистер Андерсон из Мадраса использовал тот же прием, чтобы обмануть индусов, заставив их поверить в то, что вакцинация - это древняя практика их самих. Вряд ли стоит говорить о том, что если бы существовали какие-либо достоверные сведения о подобной практике, эти джентльмены никогда бы не прибегли к подобным уловкам для достижения своей цели.[\[237\]](#)

Эти самозванцы были не священниками, а медиками; не иезуитами, а протестантами; не левантинцами, а англичанами, состоящими на службе у уважаемой Ост-Индской компании. Насколько действенными были их махинации, неизвестно. Возможно, они слишком пренебрежительно относились к туземной смекалке. К добру и злу индусы прислушиваются к советам англичан вежливо и без противоречий, но продолжают вести привычный образ жизни с невозмутимым безразличием. В то, что вакцинация была древней практикой в Индии, в Европе стали повторять и всерьез поверили, когда, когда оригинальность Дженнера была поставлена под сомнение, выяснилась правда, что старая индийская вакцинация была приемом, ограниченным индийскими обстоятельствами, и никогда не предназначалась для западного принятия.

В Мадрасе вакцинация проводилась с большой энергией. Дженнер, написав 7 мая 1808 года, отметил: "Удивительно, но число привитых в этом президентстве в течение прошлого года составило 243 175 человек".[\[238\]](#) В Бомбее утверждали, что оспа была искоренена; доктор Хеленус Скотт сообщал 5 декабря 1806 года, что "на этом острове, кишасщем людьми, не было никаких потерь от оспы в течение нескольких лет после введения прививок".[\[239\]](#) Не утверждалось, что все жители Бомбея были привиты, или даже значительная их часть; но первые вакцинователи, похоже, рассматривали прививку как своего рода талисман, обладание которым предохраняет от оспы; что прививка, скажем, одной десятой части

населения, защищает девять десятых невакцинированных. Эта вера в заместительную эффективность вакцинации не была открыто выражена, но подразумевалась в многочисленных сообщениях об уничтожении оспы в условиях, когда не было предпринято никаких попыток, да и вообще было возможно, провести всеобщую вакцинацию.

Обескураженный и разочарованный в Англии, Дженнер по привычке вздыхал и обращался от своей неблагодарной страны к обширным пространствам Европы, Азии и Америки. В письме Даннингу от 23 декабря 1804 года он заметил

Иностранцы с величайшим изумлением слышат, что в некоторых частях Англии есть люди, которые до сих пор делают прививки от оспы. Это должно, действительно, вызвать их удивление, когда они увидят, что эта болезнь полностью истреблена в некоторых из их крупнейших городов и в обширных районах вокруг них".

Запомните эти слова: оспа полностью истреблена в некоторых крупнейших городах в 1804 году, то есть *максимум* через пять лет после знакомства с вакцинацией! Чудесное время, не правда ли? Дженнер продолжал.

Друзья мои, давайте не будем слишком сильно переживать из-за того, что мы здесь видим. Давайте считать эту страну всего лишь пятнышком по сравнению с широкой поверхностью нашей планеты, над которой, слава Богу! Вакцина повсеместно распространила свое влияние. В любой стране, кроме этой, ее принимают с благодарностью и распростертыми объятиями - от правителя до крестьянина. Каким восхитительным является соглашение, заключенное маркизом Уэлсли, генерал-губернатором Индии, об уничтожении оспы в этой части земного шара! По сравнению с нашими усилиями здесь мы выглядим просто свиньями.[240]

Omne ignotum pro magnifico est. Какой вывод, стоящий соломинки, мог сделать Дженнер или кто-либо другой из введения вакцинации в Индии? Неизвестна была численность различных индийских народов, периоды и распространенность оспы среди них, а также степень, в которой они практиковали вариоляцию. В отсутствие такой элементарной информации рассказы о триумфах вакцинации в Индии были сплошной романтикой.

Поскольку вакцинация вытеснила вариоляцию, ее можно рассматривать как замену меньшего зла большим; и это многое объясняет в некоторых ранних записях о вакцинации, если вспомнить, что новая практика приветствовалась как избавление от неудобств и ужасов старой, и что от дискредитировавшей себя практики часто отказывались, не прибегая к ее преемнице. Прекращение вариоляции означало прекращение культивирования и распространения оспы; и вакцинации часто приписывали уменьшение оспы, когда эта заслуга была связана с прекращением вариоляции. Что касается распространения оспы путем вариоляции, то никто не был более категоричен, чем Дженнер, как, например.

Там, где вариолитная прививка применяется на практике, оспа обязательно распространяется.[241]

Оспа никогда не будет побеждена до тех пор, пока можно будет нанимать людей для распространения заразы с помощью прививок".[242]

Если признать, что вариоляция распространяет оспу, где бы она ни практиковалась, то справедливо ли будет опустить рассмотрение последствий ее сокращения при оценке результатов введения вакцинации? И все же едва ли сторонник вакцинации допускает этот факт в свои расчеты!

Благодарность англичан в Индии Дженнеру не исчезла без существенного выражения. Была организована подписка, и в период с 1806 по 1812 год он получил денежные переводы на сумму 7 383 фунта стерлингов, причем вкладчиками были...

Бенгалия, £4,000

Бомбей, 2,000

Мадрас, 1,383

Забавный пример невежества Дженнера в отношении Индии можно найти в письме Даннингу от 14 марта 1807 года, где он приписывает свои английские деньги из Индии благодарности индусских женщин.

Вам будет приятно услышать, что *грязные* индусские дамы убеждают меня в своей благодарности не только словами, но и *ощутимыми* подношениями, в то время как мои *честные* христианские соотечественницы проходят мимо меня, не обращая внимания".[243]

Дженнер, выражая благодарность доктору Флемингу из Калькутты за первый денежный перевод в 1806 году, воспользовался случаем, чтобы сообщить некоторые английские новости, которые не лишены интереса и в наши дни. Он писал: "По правде говоря, эта страна

По правде говоря, эта страна до сих пор была ужасно сдержанной в вопросе вакцинации. Распространялись памфлеты, полные грубейших искажений и подделок; и простые люди пришли в такой ужас, особенно когда им сказали, что их дети, если их вакцинировать, примут облик быков и коров, что среди них возникла большая неприязнь к этой практике; и эти рассказы распространялись по стране с особой тщательностью. Следствием этого стало повторное введение вариолитной прививки, которая вызвала эпидемию оспы в метрополии и на всем острове, за исключением тех мест, где вакцинация была принята настолько широко, что не допускала ее. Это, теперь уже слишком поздно, открыло им глаза, и они увидели силу коровьей оспы. Глупость оппонировщиков дошла до того, что они выставили на всеобщее обозрение отпечатки детей, подвергшихся превращению из человека в животное.[244]

Многие из них были предназначены для развлечения и не могли оказать серьезного влияния. Упадок веры в вакцинацию был вызван всеобщим открытием, что она *не* предотвращает оспу, а возбуждает другие болезни. "Она сделала оспу более легкой" - таково было извинение, вошедшее в моду уже тогда. Что же касается эпидемии оспы, поднятой в Лондоне и на всем острове пренебрежением к вакцинации и возвращением к вариоляции, то она была порождением фантазии Дженнера. В 1806 году в Лондоне было меньше оспы, чем в 1805-м; но если ее не было больше, ответит смелый дженнерианец, то она должна была быть, и только по милости Провидения ее не было.

На протяжении всего столетия англичане в Индии не жалели усилий, чтобы распространить и внедрить вакцинацию среди жителей, а многочисленные медики находили место и зарплату в этом бесполезном занятии. Победить оспу можно только с помощью систематической санитарии, что трудоемко и сложно; а среди народов, чьи условия и привычки жизни свободно порождают зимозную болезнь, вакцинация так же эффективна, как и любое другое заклинание. Сэр Ричард Темпл описывает положение дел на сегодняшний день в таких словах

Оспа повсеместно распространена в Индии, из года в год унося десятки тысяч жертв, особенно детей, почти во всех провинциях, а других уродуя или обезображивая на всю жизнь. В течение многих лет правительство предпринимало настойчивые усилия, чтобы

остановить болезнь с помощью вакцинации, с заметным успехом в некоторых районах, таких как Кумаон в Гималаях, но в целом с безразличным успехом, и часто без каких-либо ощутимых результатов. Практика вакцинации не в моде, поэтому во многих районах местные жители часто прибегают к инокуляции, но теперь она запрещена, хотя и не всегда предотвращается. Государство повсеместно проводит или поощряет вакцинацию. Сотни туземных вакцинаторов работают в штате, и в отчетах сообщается о большом количестве людей, успешно прошедших вакцинацию. Тем не менее, оспа снова и снова появляется с ужасными проявлениями перед людьми и заставляет их не верить в эффективность вакцинации.[245]

Теперь мы переходим к Цейлону, на котором вакцинация, как считается, одержала полный триумф. "На Швецию и Цейлон, - говорит Барон, - доктор Дженнер имел привычку указывать, когда хотел доказать, чего может достичь его открытие; или когда он сетовал на то фатальное упрямство своих собратьев, которое, имея перед собой такие примеры, могло побудить их отвергнуть благословения в пределах их досягаемости".[246] О Швеции мы поговорим в другой главе, а о Цейлоне я могу заметить, что часть острова была отнята англичанами у голландцев в 1795 году, и что в некоторых частях он был крайне нездоровым. Эпидемии оспы были частыми и смертоносными, но в какой степени - нет никаких свидетельств, кроме слухов и оценок на основе слухов. Голландцы не заботились о здоровье туземцев, но когда в 1800 году, в разгар сильной эпидемии, их поселения заняли англичане, они открыли больницы для лечения оспы и прививок от нее под руководством доктора Кристи.[247] Услышав радостную весть о вакцинации, он решил внедрить эту практику и, получив в 1802 году вирус от доктора Скотта из Бомбея, принялся за дело с систематической энергией и настойчивостью. Опираясь на авторитет сменявших друг друга губернаторов, он закрывал больницы, запрещал вариоляцию, организовал штат вакцинаторов и держал их на работе, пока большая часть населения, находящегося под английским влиянием, не была привита. По словам Мура, написанным в 1816 году.

В конце концов священство подчинилось вакцинации, последним приняв это новшество в своих древних обычаях; и остатки оспы были счастливо уничтожены во всей той части острова, которая принадлежала Великобритании".[248]

То, что оспа на Цейлоне была истреблена вакцинацией, утверждалось вакцинаторами как нечто неоспоримое; но здесь необходимо сделать два замечания: во-первых, оспа часто подавлялась в том смысле, что на какое-то время в определенной популяции не было оспы, особенно после сильной эпидемии; и во-вторых, подавлялась вариоляция. Если учесть, что оспа на Цейлоне прекратилась одновременно с введением вакцинации, можно с полным основанием утверждать, что истощение, вызванное предшествующей эпидемией, и прекращение вариоляции были достаточными причинами для объяснения этого явления. Что остается сказать о Цейлоне, я предоставлю сказать за меня доктору Джорджу Грегори, врачу Лондонской больницы оспы и вакцинации. Он писал: "Цейлон был британской колонией.

Цейлон был британской колонией, где правительство больше всего вмешивалось и энергичнее всего поощряло практику вакцинации. По всему острову были разбросаны наемные вакцинаторы. Их труд был настолько успешным, что вплоть до начала 1819 года часто говорили, что эксперимент по уничтожению оспы был проведен и успешно осуществлен на Цейлоне. Однако в июле 1819 года там вспыхнула сильная эпидемия оспы. В 1830 году остров охватила вторая эпидемия, в 1833-м - третья, а в 1836-м - четвертая. Во время этих четырех эпидемий пострадали 12 557 человек, из которых умерли 4 090, что составляет 33 процента, или каждый третий.

В каждой из этих эпидемий определенное количество привитых заболело оспой. Соотношение привитых и непривитых было разным. Во время третьей эпидемии из 460 пострадавших 341 человек представлялся привитым.[249]

Вакцинация была завезена в Китай с английской фабрики в Кантоне, а сэр Джордж Стонтон перевел на китайский язык трактат о коровьей оспе и напечатал его в Кантоне в 1805 году, при этом имя переводчика и иностранное происхождение практики были замалчиваться. Дженнер, написав Даннингу 10 декабря 1806 года, сказал.

Из Кантона я получил любопытнейшее произведение - памфлет о вакцинации на китайском языке. Мало думал я, мой друг, когда началась наша переписка, что Небеса уготовили мне столь обильное счастье. Да буду я благодарен!

У китайцев была своя собственная система вариоляции, а именно использование растертых оспенных струпьев в качестве нюхательного табака; но некоторые из них приняли вакцинацию, попробовали ее и отказались от нее, когда обнаружили, что она не предотвращает болезнь, как того требовалось. В Китае оспа - почти исключительно детская болезнь, и ее мало кто боится. Доктор Д. Ф. Ренни, медицинский работник британского посольства в Пекине в 1861-62 годах, говорит об этом городе следующее

С 1820 года вакцинация (завезенная из Кантона) практикуется в ограниченной степени среди населения - вероятно, одна пятая часть может быть вакцинирована. Одно время считалось, что она обеспечивает защиту, поскольку оспа не была столь распространена сразу после ее введения. Однако в последние годы уверенность в этом значительно снизилась из-за частоты нападений на тех, кто был привит.[250]

В бредовых рассказах о триумфах вакцинации на Востоке иногда упоминалась Персия; но что известно о Персии? Эта практика была введена там, где жили европейцы, но она так и не стала всеобщей. Доктор К. Дж. Уиллис недавно описал хирургию и медицину в Персии как чрезвычайно грубую и суеверную, и что "вакцинация не в фаворе, в то время как прививка, или прямая передача заболевания, путем помещения пациента в одну постель с больным оспой самого вирулентного типа, является преследуемым методом".[251]

Вполне естественно, что Дженнер, столкнувшись с неудачей и презрением в Англии, апеллировал к успеху на Востоке и пытался ошеломить своих противников доказательствами, которые они не могли обойти; но любой человек с судейским нравом должен был понять, что для того, чтобы оправдать вакцинацию, необходимо получить данные совершенно иного порядка. Если численность населения в отдаленном регионе неизвестна, обычная распространенность оспы среди людей не определена, степень искусственной вариоляции не установлена, а существование и интенсивность сопутствующих форм зимозной болезни не описаны, какой вывод об эффективности вакцинации может сделать человек науки, который обязан уважать ее? Почему определенные знания, полученные в Англии, должны быть отданы на откуп зарубежным утверждениям?

ССЫЛКИ:

[231] Baron's Life of Jenner, vol. 1. p. 410.

[232] Baron's Life of Jenner, vol. i. p. 409.

[233] *Ibid.* vol. i. p. 419.

- [234] Histoire de la Vaccination en Turquie et l'Orient. Жан де Калпо. Vienne, 1804.
- [235] Baron's Life of Jenner, vol. i. p. 428.
- [236] История и практика вакцинации. Джеймс Мур. London, 1817. P. 236.
- [237] Baron's Life of Jenner, vol. i. pp. 556-559.
- [238] Baron's Life of Jenner, vol. ii. p. 359.
- [239] *Ib.*, vol. ii. p. 92.
- [240] Baron's Life of Jenner, vol. ii. p. 24.
- [241] Письмо Даннингу, 23 декабря 1804 года.
- [242] Письмо Уортингтону, 4 мая 1810 года.
- [243] Baron's Life of Jenner, vol. ii. p. 356.
- [244] Baron's Life of Jenner, vol. ii. p. 89.
- [245] Индия в 1880 году.
- [246] Жизнь Дженнера, т. i. p. 426.
- [247] An Account of the Introduction, Progress, and Success of Vaccination in Ceylon. Томас Кристи, доктор медицины. Лондон, 1811.
- [248] История и практика вакцинации. Джеймс Мур. London, 1817. P. 242.
- [249] Лекции о вспышечных лихорадках. Лондон, 1843. P. 210.
- [250] Пекин и пекинес. Лондон: 1865.
- [251] Британский медицинский журнал, 26 апреля 1879 г.

ГЛАВА XXX.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ВАКЦИНАЦИИ В ЕВРОПЕ.

Вакцинация была принята как откровение, распространилась как религия и почти везде была принята с радостью. Однако мы должны помнить, что путь к ней был проложен практикой прививки оспы; эта практика после многолетней борьбы стала неотъемлемой частью медицинского искусства и была ограничена в своем применении только неудобствами и рисками, которые ей сопутствовали. Примитивные вакцинаторы обещали, что безопасность, которую дает прививка от оспы, можно получить от прививки коровьей оспы, с абсолютной уверенностью, абсолютной безопасностью и абсолютным постоянством. Аргумент заключался в том, что, поскольку никто не может заболеть оспой дважды (каким бы легким ни был приступ), а коровья оспа является легкой формой оспы, достаточно сделать прививку коровьей оспой, чтобы быть защищенным от оспы на всю жизнь; и если бы только прививка коровьей оспы стала всеобщей, оспа была бы уничтожена. Такова была правдоподобная доктрина; настолько правдоподобная, что ее нужно было

только изложить, чтобы получить согласие; и настолько велико было воодушевление от этого открытия (возможно, не меньше, чем от избавления от прививки оспы), что священным долгом считалось распространить его преимущества по всей земле. Большого блага на более легких условиях трудно было себе представить. Одним уколом иглы можно было избежать одного из самых страшных наказаний, связанных с перенаселенностью, грязью и плохой жизнью, и навсегда покончить с ними.

Как приятна такая подслащенная ложь,
обманывающая своей сладостью!

Первыми миссионерами коровьей оспы были доктор Маршалл и доктор Уокер. 100 фунтов стерлингов было вычтено из Адмиралтейства и 100 фунтов из Военного министерства на их расходы, и, разместившись на борту "*Эндимиона*", они 1 июля 1800 года отправились в Средиземное море. В Гибралтаре, на Минорке и Мальте они делали прививки солдатам и матросам, сначала оперируя сирот и подкидышей, чтобы придать храбрости доблестным парням. Затем Уокер сопровождал сэра Ральфа Аберкромби в Египет, откуда, после множества приключений, вернулся в Лондон, чтобы служить домашним апостолом и досаждать Дженнеру до конца его жизни. Далее Маршалл отправился на Сицилию и в Неаполь. В Палермо в предыдущем, 1799 году, была эпидемия, от которой, как говорили, погибло 8000 человек, и Маршалл появился на сцене как запоздалый вестник спасения. В Неаполе его радушно приняли несчастный Фердинанд IV и его жалкий двор, которые при общем равнодушии или враждебности ко всему хорошему были готовы проявить милость к коровьей оспе. Маршалл провел обычную процедуру проверки на наличие оспы и подверг привитых заражению; без лишних слов был открыт госпиталь, и всех, кто хотел спастись от оспы, просили поспешить сделать новую прививку.

Нередко [писал Маршалл Дженнеру] по утрам можно было видеть процессию мужчин, женщин и детей, которых вел по улицам священник с крестом, направляясь в больницу, чтобы сделать прививку". Благодаря таким народным средствам практика не встретила противодействия; простые люди выражали уверенность, что это благословение, ниспосланное Небесами, хотя открыто одним еретиком и практикуется другим.

Когда Маршалл находился в Гибралтаре, лорд Кит направил флоту следующий меморандум
Корабль "*Фудройант*",
Гибралтарская бухта, 19 октября 1800 года.

Все солдаты, матросы и морские пехотинцы флота, которые не болели оспой и желают избежать этой страшной болезни, могут, обратившись к доктору Маршаллу на борту флагманского корабля, получить прививку коровьей оспы, которая, не причиняя боли, не требуя особого питания или состояния организма, не оставляя никаких следов, исключает всякую возможность того, что пациент когда-либо заболеет оспой.

По распоряжению вице-адмирала Филиппа Бивера.
Соответствующим капитанам флота.

Позволю себе мимоходом заметить, что введение вакцинации в британском флоте не заставило себя ждать. Сэр Гилберт Блейн настаивал на этом, граф Спенсер, первый лорд Адмиралтейства, соглашался, а доктор Троттер, врач флота, был полон энтузиазма. Уже 9 декабря 1800 года Троттер пророчествовал

Прививка Дженнериана будет заслуженно считаться одним из величайших благодеяний для флота Великобритании, которые когда-либо были ему оказаны".

Оспа была одним из вредителей службы. Троттер в письме от 20 февраля 1801 года пишет

За последние семь лет было более ста случаев заражения моряков; двадцать из них произошли за последние шесть месяцев только на флоте в Ла-Манше.

Эти вспышки неизменно объяснялись внешним происхождением корабля; как будто где-нибудь у оспы могло быть более благоприятное место для размножения, чем команда военного корабля! Как заметил доктор Джонсон: "Когда смотришь с квартердека на пространство внизу, то видишь крайнюю степень человеческого страдания; такая теснота, такая грязь, такое зловоние!"^[252] Подстрекаемые энтузиастом Троттером, офицеры-медики флота подписались на золотую медаль и вручили ее Дженнеру. На аверсе был изображен Аполлон, представляющий молодого моряка, выздоровевшего от коровьей оспы, Британии, которая в ответ протягивала ему гражданскую корону, на которой была надпись *Jenney*; выше были слова *Alba nautis stella refulsit*, а ниже дата - 1801. На реверсе был изображен якорь, над ним *Georgio Tertio Rege*, а под ним *Spencer Ducis*. Медаль была вручена Дженнеру в феврале 1801 года.

Даты стоит отметить заново. Исследование Дженнера было опубликовано летом 1798 года; таким образом, мы видим, что в течение трех лет его рецепт по предотвращению и уничтожению оспы был принят в той сфере государственной службы, где господствовал упрямый консерватизм, а утверждение, которое могло проверить только время, было принято без колебаний как проверенное и несомненное. Если бы вакцинация отвечала предъявляемым к ней требованиям, поспешность, с которой она была признана, была бы неоправданной и совершенно не похожей на борьбу, через которую обычно приходится проходить истине, чтобы получить превосходство в интеллекте и практике человечества.

Первые попытки сделать прививку от коровьей оспы во Франции оказались тщетными, и в 1800 году доктор Вудвилл отправился в Париж, чтобы на практике продемонстрировать этот метод. Его ждал теплый прием, и квакер был ошеломлен пышным вниманием, которому он подвергся. В газете *Moniteur* его описывали как "ученого человека, одушевленного щедрым рвением и достойного благодарности и похвалы", который с неизменным успехом сделал прививки шести тысячам детей, и что о коровьей оспе как о средстве профилактики оспы можно говорить только как о чем-то чудесном. В одном из домов была открыта прививочная станция, и мужчины, женщины и дети стекались туда, чтобы получить благотворную жидкость и на всю жизнь защититься от страшной болезни.

Когда шли переговоры об Амьенском мире 1802 года, медицинский комитет на Сомме с большой помпой представил маркизу Корнуоллису обращение, в котором утверждалось братство с врачами Англии, восхвалялся Дженнер, осуждались его хулители, клеймились вариолаторы, действующие не из любви к истине и не во славу своей профессии, а из алчности и ненависти к улучшениям; В то время как в результате многочисленных экспериментов "открытие, сделанное в Англии, было скреплено печатью непогрешимости во Франции".

Сначала вакцинация во Франции была предоставлена добровольным усилиям и не достигла значительного прогресса перед лицом упорного сопротивления со стороны встревоженных вариолаторов; но сильная эпидемия оспы в 1802 году побудила правительство к действию.

Была назначена медицинская комиссия для расследования и составления отчета, и в 1804 году было решено не жалеть усилий для распространения вакцинации на всю Францию. Был создан Центральный комитет по вакцинации, а к духовенству и чиновникам всех орденов были направлены призывы и распоряжения прививать коровью оспу тем, кто находится под их властью и влиянием. Некоторые префекты ограничились рекомендациями и предупреждениями, но другие приняли более решительные меры, такие как исключение невакцинированных из школ, с работы, из благотворительных организаций - словом, предвосхитив многие законы, которые уже вступили в силу или которые фанатики хотят ввести в действие. Тем не менее, достигнутый прогресс не удовлетворил Наполеона, и, видя, что пока вакцинация не будет повсеместно оплачиваться государством, ее проведение должно оставаться нерегулярным и отрывочным, был издан манифест о том, что Его Величество Император и Король узнал из отчетов Центрального комитета, что сохранение и увеличение его обширных владений напрямую связано с систематической и всеобщей вакцинацией; Поэтому Его Величество, желая дать знак своей отеческой заботы о своих подданных, предоставил Его Превосходительству Министру внутренних дел ежегодный специальный кредит, предназначенный для покрытия расходов, необходимых для распространения новой практики и для создания центров выдачи вакцинного вируса в двадцати четырех главных городах Империи - в том числе в Брюсселе, Флоренции, Парме и Турине. Кроме того, Его Величество из отеческой благосклонности учредил ежегодные премии в качестве стимула для подражания в распространении вакцинации, чтобы бич оспы был полностью изгнан с его территории.

Было бы глупо рассуждать о том, сколько серьезной веры скрывалось в этом очевидном рвении к вакцинации; ведь, как замечает профессор Сили, "Наполеон, казалось, не заботился ни о каком мнении, хотя и принимал, с искусственным искусственным рвением, каждое модное мнение по очереди". Смею предположить, что его театральному гению было бы интересно противопоставить свое одиозное презрение к человеческой жизни неукоснительному исполнению того, что считалось высшим предписанием для ее сохранения. Дженнер воспользовался гистрионным инстинктом императора, добиваясь освобождения английских путешественников, задержанных во Франции. Одному из таких случаев мы обязаны бесхитростным анекдотом об остановке отказа Наполеона вмешательством Жозефины, которая воскликнула "Дженнер!". Император сделал паузу и сказал: "Дженнер! Ах, мы ни в чем не можем отказать этому человеку!" Как ни печально это констатировать, благосклонность не была взаимной. Когда Дженнер, по предложению барона Корвисарта, обратился к британскому правительству с просьбой о подобном снисхождении к французу, ему пришлось сообщить, что его вмешательство не нашло отклика среди соотечественников.

То, что вакцинация была принята в Испании, неудивительно после того, как она была принята в Неаполе. Помешательство было всеобщим и распространялось среди самых низких слоев населения. Коровья оспа была введена в Мадриде по сертификату Франции, выданному Англией, и, несмотря на рассеянность того времени, вызвала большое внимание. Мистер Аллен, секретарь лорда Холланда, писавший Дженнеру из Мадрида в 1803 году, заметил

Нет страны, которая могла бы получить больше пользы от ваших трудов, чем Испания; потому что, с одной стороны, смертность среди детей от оспы всегда была очень велика; с другой стороны, прививка от коровьей оспы была принята здесь с таким же энтузиазмом, как и в остальной Европе; хотя мне жаль добавлять, что прививка поддельного сорта оказалась смертельной для многих детей в Севилье, которые стали жертвами оспы после того, как их объявили защищенными от этой болезни".[253]

В Мадриде были врачи-философы, которые не понимали, почему коровья оспа должна обладать необыкновенной эффективностью, и побудили короля в 1804 году распорядиться, чтобы всем детям в госпитале для подкидышей делали прививку козьей оспы. Они, вероятно, не знали, что Дженнер привил своего сына козьей оспой и что ребенок несколько раз безнаказанно подвергался вариолитическому испытанию.

Большим событием, связанным с Испанией, стала экспедиция доктора Франциска Ксаверия Бальмиса, врача его католического величества. Он получил концессию на введение вакцинации в колониях в Америке и Азии, а также на покрытие расходов за счет свободной торговли товарами. Он отплыл из Корунны 30 ноября 1803 года с двадцатью двумя детьми для распространения вируса. Сначала были посещены Канарские острова, затем Порто-Рико, а в Каракасе партия разделилась: дон Франсис Сальвани отправился в Перу и Чили, а Бальмис - на Кубу и в Мексику, пересек Тихий океан и добрался до Филиппин с двадцатью шестью детьми для поддержания преемственности вируса, а оттуда отправился в Макао и Кантон. Обогнув земной шар в качестве вакцинатора и торговца, Бальмис вновь появился в Мадриде с большим *шikom* и поцеловал руку королю 7 сентября 1806 года. Благотворительность и бизнес успешно сочетались, и, как отмечает Мур в 1817 году.

Почти три года этот замечательный человек благородно потратил на то, чтобы облететь земной шар с вакциной; и мне приятно узнать, что, торгуя во время своего кругосветного путешествия, он приобрел легкое состояние. Теперь он пользуется в Мадриде заслуженным уважением и покровительствует распространению вакцинации на полуострове. [\[254\]](#)

Экспедиция Бальмиса, естественно, привлекла большое внимание, а ее ход и результаты были описаны в терминах раздутой риторики. Так, в "Жизни Дженнера" Бэрона мы читаем: "Вакцинация была проведена с помощью вакцины.

Проводников экспедиции *повсюду* встречали с *величайшим энтузиазмом*. Можно было ожидать, что представители испанского монарха и всех официальных властей с радостью окажут содействие; но едва ли можно было предположить, что непросвещенные умы индейцев так скоро оценят ценность миссии. Тем не менее, очень приятно осознавать, что многочисленные орды, занимающие огромную территорию между Соединенными Штатами и испанскими колониями, приняли драгоценную жидкость с *величайшей готовностью*. Они овладели искусством вакцинации и вскоре выполняли эту операцию с большой ловкостью.

Таким образом, не только американцы испанского происхождения оказались под властью коровьей оспы, но и индейцы, да, *все* индейцы; и не неохотно, а с радостью, и стали экспертами в проведении этого обряда! Барон продолжает.

Слава предшествовала прибытию Сальвани в Санта-Фе. На подходе к столице его встретили вице-король, архиепископ и все гражданские и церковные власти. Это событие было отпраздновано с религиозной помпой и церемониями; за короткое время было привито более пятидесяти тысяч человек. Подобные почести ожидали экспедицию *на всем ее пути*. В Кито их встретили с безграничной радостью и торжеством. Такие выражения вполне им подходили. Жители Колумбии, особенно индейцы, которые не раз страдали от ужасных бедствий оспы, считали ее самым страшным недугом, который могли послать им небеса. При первом ее появлении в деревне паника охватывала все сердца; каждая семья готовила отдельную лачугу, куда изгоняли тех, кто, как предполагалось, был заражен. *Там*, без помощи, без лекарств и с очень недостаточным запасом еды, они подвергались воздействию переменчивого климата и были брошены на произвол судьбы. *Так погибали*

целые поколения. При вице-короле Толедо численность коренных индейцев составляла 7 500 000 человек, но во время экспедиции Бальмиса предполагалось, что их число сократилось до одной пятой, то есть до 1 500 000.[\[255\]](#)

Статистика индейцев и дикарей в связи с оспой и вакцинацией обычно представляет собой не что иное, как упражнения в воображаемом желании - не то, что является правдой, а то, что желают считать правдой или принимать за правду. Мы знаем, как трудно вакцинировать население, живущее в определенных пределах и под управлением высокоорганизованных правительств, и поэтому можем оценить претензии, предъявляемые к Балмису и его партнерам как к бродячим торговцам и шарлатанам на территориях, занятых испанцами и индейцами. Тем не менее, именно с помощью ярдов мифической ерунды такого рода английские вакцинаторы пытались отвлечь внимание своих соотечественников от неудач вакцинации в рамках их собственного опыта; и когда они были обеспокоены постоянно повторяющимися катастрофами у себя дома, именно в обращении к Мексике и Перу Дженнер, по его словам, находил утешение.

Доктор Сакко из Милана был назван "апостолом вакцинации в Северной Италии" и "бесспорно, величайшим вакцинатором в мире".[\[256\]](#) Его деятельность получила одобрение наполеоновской администрации, и уже в 1801 году он был назначен директором по вакцинации в Цизальпинской республике. "Были приняты решительные меры, - пишет Мур, - прокламации читались с каждой кафедры, вакцинация проводилась в каждой церкви, и духовенство оказало такую действенную помощь, что профессор и его помощники за три года вакцинировали 70 000 человек и уничтожили оспу в Ломбардии".[\[257\]](#) Другими словами, вакцинация 70 000 человек уничтожила оспу в многомиллионном населении! Барон увеличивает цифры, утверждая, что доктор Сакко и его помощники в течение восьми лет вакцинировали 1 300 000 человек; и приводит письмо Сакко, датированное 5 января 1808 года из Триеста, в котором содержится следующее необычное заявление

За восемь лет я насчитал более 600 000 прививок, сделанных моей собственной рукой, и более 700 000, сделанных моими заместителями в различных департаментах королевства. Уверяю вас, при населении в 6 000 000 человек вакцинировать 1 300 000 - это повод для гордости; и я льщу себе, что в Италии я способствовал распространению вакцинации в такой степени, в какой не сравнится ни одно другое королевство с таким же населением.[\[258\]](#)

70 000 человек Мура - это достоверная цифра, что бы ни думали о его викарном действии; но 600 000 человек Сакко, сделанных его собственными руками за восемь лет! Ах, ну да! Когда мы теряемся в сказочном, нет нужды тратить силы на то, чтобы отличать большее от меньшего в фальши. Тем не менее, принимая цифры Сакко, мы должны заметить, что вакцинация 1 300 000 человек спасла 6 000 000 от оспы. То, что Италия избавилась от оспы, - правда, и освобождение населения, как привитого, так и непривитого, растянулось почти на тридцать лет. Однако исчезновение болезни наступило еще до того, как стало известно о вакцинации, но это исчезновение было приписано Сакко, хотя оно распространялось на миллионы итальянцев, которые ничем не были обязаны новому средству профилактики. Как уже отмечалось, по какой-то неопределенной причине к концу прошлого века площадь и интенсивность распространения оспы заметно уменьшились, и это несмотря на стимул, приданный болезни вариолитной прививкой. Возможно, ее так стимулировали, что она была выработана - доведена, так сказать, до истощения, по привычке, как и многое другое, хорошее и плохое, когда развито до предела существования.

Как великий вакцинатор доктор де Карро из Вены был едва ли менее выдающимся, чем Сакко. Он был швейцарцем из Женевы, учился и окончил Эдинбург, а затем поселился в Вене. В 1799 году он провел первую вакцинацию на континенте, используя вирус, переданный на паре нитей от доктора Пирсона; а в 1802 году ему удалось передать первый эффективный вирус в Индию. Де Карро проводил свои операции с большой энергией и тактом, и в 1802 году он побудил австрийское правительство издать указ, дающий вакцинации императорскую санкцию и рекомендацию. Одновременно с этой деятельностью оспа пошла на убыль, и *post hoc* превратилось в *propter hoc*. Де Карро приписывали исчезновение оспы в Вене; но поскольку вакцинации подверглась не более чем часть жителей, Вена стала еще одним примером заместительного влияния дженнеровского обряда.

Сакко и де Карро переписывались с Дженнером, и стоит отметить, что оба были согласны с ним в том, что коровья оспа происходит от лошадиного жира, и, более того, что лошадиный жир так же хорош против оспы, как и коровья оспа от лошадиного жира. Действительно, Сакко создал запас вируса, полученного из конского жира, работал с ним и снабжал им де Карро, который так свободно использовал его в Вене, что, по его словам, не мог отличить привитых от конных. В письме Дженнеру от 21 июня 1803 года де Карро заметил

Средства для совершения вашего открытия были повсюду, но никто до вас не имел ни малейшего представления о необычной связи между конским жиром, коровьей оспой и оспой.[\[259\]](#)

Благосклонность английского двора к вакцинации способствовала ее внедрению по всей Германии; и все же можно сказать, что увлечение пошло само собой, требуя покровительства и защиты. Король Пруссии открыл в Берлине Королевский институт прививок, и в ход пошли трактаты и медали, речи и проповеди, чтобы рекомендовать новый обряд. Из-за произведенного фурора многие были вынуждены поверить, что вся Пруссия была привита, и, поскольку оспа перестала преобладать, коровья оспа была признана заслугой. Однако вакцинировать целую нацию далеко не так просто, и когда мы обращаемся к официальным отчетам, то обнаруживаем, что, несмотря на большой ажиотаж, количество привитых составило менее десяти процентов от общего числа людей. Дженнер ссылается на отчет профессора Авелина из Берлина в письме к Муру от 15 февраля 1812 года как на авторитет для этой статистики.

Годовщина изобретения прививки от коровьей оспы, или Дженнеровский праздник, была очень торжественно отпразднована в Берлине 14 мая. Судя по публичным отчетам, прививки были сделаны во всех прусских государствах.

В 1801 г.	9,772
1802	17,052
1803	50,054
1804	102,350
1805	43,585

В это время население страны составляло около 9 743 000 человек. С 1806 по 1810 год (после ужасной войны и сокращения населения до 4 338 000 человек) привито 160 329 человек. Только доктор Бремер в Королевском институте в Берлине сделал 14 605 прививок. Общее число привитых, официально и добровольно отправленных правительству, составило 402 720

человек, но, конечно, половина из них не была официально упомянута. Это, несомненно, может быть не менее 600 000 или даже 800 000.[260]

Предположим, что в течение десяти лет в Пруссии был привит миллион человек, позвольте мне еще раз спросить, как они могли спасти от оспы остальные миллионы? Однако, зная эти цифры, Мур, директор Национального института вакцин в Лондоне, не колеблясь, написал: "Король Пруссии приказал своим детям сделать прививки.

Король Пруссии приказал вакцинировать своих детей, а также издал приказ о немедленном введении вакцинации в армии, и новая практика не встретила дальнейших трудностей". Благодаря этому, а также полному отказу от вариолитической прививки по всей Германии, оспа быстро пошла на убыль; за несколько лет она была уничтожена в некоторых из крупнейших городов, из чьих ущелий инфекционные заболевания изгоняются с большим трудом. Так, даже в Вене, где от оспы ежегодно погибало около четырехсот человек, после введения вакцины смертность быстро уменьшилась, а через пять лет и вовсе прекратилась.[261]

Россия, конечно же, последовала примеру России в прививании коровьей оспы. Во время коронации Александра в Москве в 1801 году был прооперирован подкидыш, которого окрестили Вакциновым, назначили пожизненную пенсию и отправили в Санкт-Петербург, чтобы он служил источником вируса для других подкидышей. Затем последовали императорские указы, предписывающие вакцинацию, а доктору Крихтону было поручено организовать медицинский персонал для проведения обряда в каждой губернии империи. В 1811 году был издан указ, предписывающий всем россиянам пройти вакцинацию в течение трех лет. Оценивая возможности деспотизма в этом вопросе, мы узнаем от доктора Крихтона, что с 1804 по 1812 год в России было сделано 1 235 597 прививок - примерно столько же, сколько, по словам Сакко, было сделано в Северной Италии за то же время. По подсчетам, в России из каждых семи рожденных детей один умирал от оспы, и поэтому Крихтон утверждал, что благодаря вакцинации (до 1812 года) были спасены жизни 176 514 человек. Этот расчет иллюстрирует, как легко ранние вакцинователи обманывали себя, во-первых, в отношении уверенности в эффективности своей профилактики; во-вторых, в отношении ее заместительной эффективности; и, в-третьих, в предположении, что снижение заболеваемости оспой означает снижение смертности.

От Крихтона мы также узнаем, что в те дни в России были антивакцинаторы.

Несмотря на высочайшее повеление Его Императорского Величества, чтобы все его подданные были привиты в течение трех лет, мы видим, что, как ни могущественно Его Величество, это не может быть исполнено. Есть сила, превышающая суверенитет, а именно совесть и религиозные взгляды людей, и в одном или двух отдаленных правительствах существует особая религиозная секта, принадлежащая к греческой церкви, которая считает проклятым преступлением способствовать распространению любой болезни, или нанимать врачей, или глотать любые лекарства под визитами Бога. Тщетно пытались вразумить этих несчастных людей; им угрожали суровыми наказаниями, если они останутся несговорчивыми, но все без толку. Вы можете себе представить, что ни к каким наказаниям не прибегали, хотя и угрожали, и правительство пришло к мудрому выводу оставить спор на время.[262]

Чтобы завершить этот краткий обзор распространения вакцинации в Европе, осталось рассмотреть Швецию с Финляндией и Данию с Исландией; но поскольку случай Швеции особенно интересен и поучителен благодаря полноте и точности ее жизненной статистики в сочетании с утверждением вакцинователей, что Швеция представляет собой неопровержимое

доказательство эффективности их рецепта, я оставляю его для отдельной главы. Нет ничего приятнее, чем найти опорные пункты своих антагонистов, захватить их и занять.

ССЫЛКИ:

[252] Boswell (Croker's Ed.) vol. vii. p. 102.

[253] Baron's Life of Jenner, vol. i. p. 604. Аллен мало подозревал, что никогда не было никакой поддельной коровьей оспы; что она была "поддельной" только тогда, когда не предотвращала оспу.

[254] История вакцинации. Джеймс Мур. London, 1818. P. 279.

[255] Baron's Life of Jenner, vol. ii. pp. 80-2.

[256] Baron's Life of Jenner, vol. ii. p. 234.

[257] *Ib.* vol. ii. p. 112.

[258] История вакцинации, Лондон, 1817. P. 263.

[259] Baron's Life of Jenner, vol. ii. p. 432.

[260] Baron's Life of Jenner, vol. ii. p. 378.

[261] История вакцинации, p. 245.

[262] Baron's Life of Jenner, vol. ii. p. 186.

ГЛАВА XXXI.

ШВЕЦИЯ, ДЕНМАРК И ИСЛАНДИЯ.

Дженнер имел привычку указывать на Швецию и Цейлон как на доказательства того, чего может достичь вакцинация. Мы уже видели, насколько плохо Цейлон отвечал его рекомендациям; теперь я хочу узнать, насколько лучше Швеция отвечает его целям.

Снижение заболеваемости оспой в некоторых общинах, произошедшее одновременно с введением вакцинации, можно объяснить прекращением прививок от оспы - практически культивированием этой болезни; но в Швеции мало что можно объяснить подобным образом. Несмотря на настоятельные рекомендации, вариоляция применялась редко и так и не стала популярной. В тот самый год, когда была введена вакцинация, доктор Акксель из Кальмера в официальном отчете от 30 марта 1801 года заявил, "что невозможно убедить низшие классы в преимуществах прививок. Мы с доктором Коллиандером объявили людям с кафедры, что готовы безвозмездно предоставить свои услуги по прививке их детей, но ни один человек не обратился". И такое положение дел, несомненно, было во всем королевстве.

В прошлом веке Швеция сильно пострадала от оспы, и, учитывая репутацию вариоляции в других странах, удивительно, как люди воздерживались от ее хваленой защиты. Считается ужасным, что в Лондоне от этой болезни умирал один человек из десяти, а в Швеции этот

показатель достигал одного к семи. Чтобы дать представление о масштабах бедствия в самые высокие и самые низкие периоды, давайте рассмотрим восемнадцать лет во второй половине века.

Год.	Население.	Общее количество смертей.	От оспы.
1752	1,799,188	49,467	10,302
1757	1,870,372	55,829	10,241
1763	1,940,011	64,180	11,662
1768	2,006,790	54,751	10,650
1769	2,015,127	54,991	10,215
1773	1,972,407	105,139	12,130
1775	2,020,847	49,949	1,275
1776	2,041,289	45,692	1,503
1777	2,057,147	51,096	2,943
1778	2,073,396	55,028	16,607
1781	2,132,912	54,313	1,485
1784	2,145,213	63,792	12,453
1786	2,156,109	55,951	671
1787	2,163,862	51,998	1,771
1792	2,211,643	52,958	1,939
1797	2,322,814	55,036	1,733
1798	2,344,228	53,862	1,357
1800	2,347,303	73,928	12,032

Из этих цифр видно, насколько велики были колебания смертности от оспы до введения вакцинации, а также насколько безразличным было ее влияние на общую смертность: много оспы не повышало уровень смертности, а мало оспы - понижало его.

Среди факторов смертности в Швеции были скудость и голод. В наши дни, когда концы земли сходятся вместе, мы склонны забывать о борьбе, страданиях и болезнях, которые преобладали, когда недостаточный урожай в одной стране или в некоторых частях одной страны не мог быть восполнен за счет достатка в других. Население Северной Европы на протяжении нескольких столетий только и делало, что поддерживало существование вопреки суровости природы, когда пища была скудной и плохой, а одежда и кров - недостаточными. Из последних пятидесяти лет прошлого века, по крайней мере, пятнадцать лет в Швеции были годами недостатка пищи и, как следствие, повышенной смертности.

Главными страдальцами от недостатка и неподходящей пищи являются молодые люди, их страдания выражаются в различных болезнях, и среди них - оспа. Мне неоднократно приходилось указывать на то, что оспа - это особенно детское заболевание, и что, например, в Шотландии она, как и корь и коклюш, раньше была почти исключительно у молодых. То же самое можно сказать и о Швеции; ведь из всех смертей от оспы с 1774 по 1798 гг.

8-19 процентов. были в возрасте до одного года;

21-90	"	от одного до трех;
31-77	"	3 и 5;
23-74	"	пять и десять;

итого 85-60 процентов - дети. Или, говоря иначе...

В 1778 году, когда 16,607 погибло, 13,096 были младше десяти лет.

1784	"	12,453	"	11,789	"
1786	"	671	"	625	"
1798	"	1,357	"	1,207	"

и так далее.

И хотя я не хочу преуменьшать печаль и вину смертности молодых, я все же должен сказать, что ее последствия ни в коем случае не столь серьезны для государства, как в случае с главами семей и кормильцами; и что сравнивать смертность от оспы с гибелью людей в бою - это грубое преувеличение. Кроме того, мы должны вспомнить, сколько молодых людей умирает от оспы, так сказать, без необходимости, из-за невнимательности и небрежности. Это было ясно признано в королевском письме из Стокгольма в 1763 году, рекомендовавшем вариоляцию, в котором Медицинскому совету предписывалось "проинструктировать простой народ, как следует лечить детей, страдающих натуральной оспой", и приводилась убедительная причина: "Потому что гораздо больше детей умирает от отсутствия ухода, чем от самой болезни". Это утверждение можно считать неоспоримым; и, будучи верным, оно подтверждает тот факт, что смертность от оспы могла бы быть значительно снижена, если бы у родителей были знания и средства для ухода за своими отпрысками во время болезни. Они умирали не столько от оспы, сколько от невежественного и неправильного лечения во время оспы.

Я также должен отметить, что заболеваемость оспой в Швеции неуклонно снижалась к концу века, и это снижение продолжалось в нынешнем столетии. Если взять годы по десятилетиям с 1749 по 1868 год и вывести среднее значение, то мы получим следующие результаты

Десятилетие.	Население.	Смертность Ежегодно.	Ежегодно Смертность на 1000 человек.	Ежегодно Смертность от оспы.
1749-58	1,821,009	50,556	27-76	6,056
1759-68	1,946,258	53,288	27-38	5,309
1769-78	2,028,141	59,262	29-22	4,535
1779-88	2,140,315	56,766	26-52	5,179
1789-98	2,246,744	57,883	25-76	3,810
1799-08	2,394,432	63,365	26-46	3,282
1809-18	2,444,568	67,537	27-63	690
1819-28	2,787,025	63,121	22-60	373
1829-38	2,976,829	70,168	23-57	633
1839-48	3,255,604	68,080	20-91	299

1849-58	3,588,571	78,218	21-80	816
1859-68	4,016,690	79,033	19-68	861

Имея перед собой эти данные, мы можем оценить утверждение о том, что вакцинация уничтожила оспу в Швеции.

Вакцинация начала практиковаться в Швеции в 1801 году. Поначалу некоторые ведущие медицинские деятели относились к ней с недоверием, но она так быстро завоевала популярность, что медицинский совет в 1803 году осмелился внести предложения о ее повсеместном внедрении. Королевскими письмами в 1804 и 1805 годах были приняты меры по поощрению вакцинации; а в альманах на 1806 год были включены информация и советы относительно "новых и надежных средств для предотвращения и уничтожения оспы". Тем не менее, эта практика медленно входила в доверие простых людей, и только в 1812 году комитет Совета министров зашел так далеко, что рекомендовал ее обязательное применение. Принцип принуждения был подтвержден в 1815 году, что привело к принятию Королевского указа от 6 марта 1816 года, согласно которому вакцинация стала обязательной под страхом штрафа и тюремного заключения.

Впоследствии в закон вносились изменения, но он так и не был отменен. Пока обряд был обязательным, его проводили безвозмездно, а общественные вакцинаторы, обычно приходские священники и акушерки, назначались по всей стране и стимулировались к работе специальными вознаграждениями. Вакцинация стала условием поступления в школу и была поставлена духовенством в один ряд с крещением и конфирмацией. Поэтому со временем Швеция стала называться "самой привитой страной в мире".

Такому результату во многом способствовал признанный интерес шведского духовенства к медицинской практике. Они не замедлили увидеть в вакцинации новое направление деятельности. Архиепископ Линдблом, среди прочих, чрезвычайно ревностно продвигал эту практику в своей епархии, а из переписки между консисторией Упсалы и Медицинским советом следует, что конкуренция между врачами и пасторами была жесткой. Консистория жаловалась, что вознаграждения за энергию вакцинации более щедро раздают медикам, чем достойному духовенству, и что несправедливо настаивать на получении духовенством лицензии на вакцинацию, заканчивая упреком, что несчастные случаи некоторых медиков так встревожили людей в некоторых районах, что очень немногие готовы воспользоваться чудесным профилактическим средством. Совет ответил, что знает об ошибках, допущенных при использовании поддельной коровьей оспы, что подтверждается вспышкой оспы впоследствии; но, в то же время, что может быть лучшей проверкой для некомпетентных врачей, чем медицинская лицензия? Право духовенства на вакцинацию не оспаривалось, но только то, что они должны обладать какой-то признанной квалификацией. О масштабах церковных операций по борьбе с коровьей оспой свидетельствуют данные архиепископства Упсала, согласно которым с 1804 по конец 1810 года было привито 33 298 человек, из которых 7 025 были привиты духовенством, 20 000 - служителями церкви, а 6 273 - медиками и другими лицами. Именно духовенством и врачами был инициирован проект принуждения. В письме Медицинского совета королю в 1810 году содержалась жалоба на то, что "население Швеции не во всех местах проявляет заботу и усердие, которых можно было бы ожидать от благоразумных и нежных родителей, применяющих или позволяющих применять драгоценные средства спасения, предназначенные для хорошего внешнего вида и будущего здоровья их детей". В 1814 году тот же Совет писал, что "несколько епископов, которые проявляют глубочайший интерес к распространению вакцинации, выразили убеждение, что некоторые хорошо продуманные наказания стали столь же необходимы в отношении

невежественных масс, как и полезны поощрения"; и уже в 1815 году Совету пришлось свидетельствовать против "косности и безразличия, распространенных среди менее просвещенных классов".

Поэтому в 1816 году было введено принуждение, чтобы преодолеть инертность низших слоев населения, которые во все времена давали самый большой урожай оспы.

"В Швеции оспа была истреблена благодаря вакцинации", - так часто говорят. Мур в своей "Истории вакцинации", опубликованной в 1817 году, после описания различных принятых мер заметил

Излишне добавлять, что благодаря такому сочетанию добродетельных усилий оспа была быстро подавлена в Швеции.

Прежде чем перейти к вопросу о том, была ли оспа подавлена таким образом, я хотел бы обратить внимание на то, какими руками в Швеции проводилась вакцинация. В наши дни принято описывать вакцинацию как деликатную операцию и приписывать последующую оспу каким-то нарушениям или недостаткам в ее проведении; и все же здесь нам предлагается представить себе целый народ, избавленный от оспы, причем вакцинаторами были в основном священники, клерки и акушерки. Что это значит? Значит ли это, что любая вакцинация хороша, когда за ней не следует оспа, и что любая плоха, когда за ней следует оспа? Если бы оспа не прекратилась в стране, разве можно было бы сказать: "Что удивительно, учитывая характер вакцинаторов"?

На утверждение, что оспа в Швеции была истреблена вакцинацией, мы отвечаем безоговорочным противоречием. Это неправда; это явная неправда. Заболеваемость оспой в Швеции пошла на спад еще до того, как стало известно о вакцинации, и спад продолжался независимо от ее влияния. Посмотрите на цифры. Вот данные о смертности от оспы в Швеции за последние шестнадцать лет прошлого и первые шестнадцать лет нынешнего века, вплоть до того момента, когда вакцинация стала обязательной.

Год.	Смертность от оспы.	Год.	Смертность от оспы.
1785	5,077	1801	6,057
1786	671	1802	1,533
1787	1,771	1803	1,464
1788	5,462	1804	1,460
1789	6,764	1805	1,090
1790	5,893	1806	1,482
1791	3,101	1807	2,119
1792	1,939	1808	1,814
1793	2,103	1809	2,404
1794	3,964	1810	824
1795	6,740	1811	698
1796	4,503	1812	404

1797	1,733	1813	547
1798	1,357	1814	308
1799	3,756	1815	472
1800	12,032	1816	690
	---		---
Итого,	66,866	Всего	23,376
	=====		=====

Таким образом, мы видим процесс оседания, с чередованием из года в год, с сокращением на две трети, с 66 866 в первом до 23 376 в последнем ряду лет.

Конечно, скажут, что вакцинация была введена в Швеции в 1801 году. Верно, но введение вакцинации - это одно, а ее распространение по стране - другое. Вакцинацию приветствовала и практиковала часть людей, наименее подверженных заболеванию оспой; и как бы энергично и успешно они ни пропагандировали новый обряд, их усилия ограничивались тысячами среди миллионов. В то же время заболеваемость оспой снижалась, и они приняли это снижение за поощрение и стали кричать: "Смотрите! Смотрите, что мы делаем!". Введение обязательной и бесплатной вакцинации в 1816 году стало открытым признанием того, что осталось разобраться с низшими классами, то есть с теми самыми людьми, среди которых оспа имела свой оплот. Есть племена, жрецы которых утверждают, что вызывают дождь и отгоняют болезни своими чарами; но если бы ливни начали сходить и больные выздоравливать до того, как к ним обратились за помощью, было бы трудно убедить даже легковверных, что желаемое облегчение было вызвано их последующей магией. Но именно в последующую магию вакцинаторов нас просят поверить, когда говорят, что вакцинация изгнала оспу из Швеции. Она уходила до того, как была призвана вакцинация, и продолжала уходить все так же, когда вакцинаторы творили свои чары. К счастью, терпеливая природа не поддается на человеческие шарлатанские уловки. Даже для того, чтобы сбить с толку самозванцев, она ни на мгновение не отменяет своих беспристрастных действий.

Но, несмотря на стремительное снижение смертности от оспы, не произошло соответствующего улучшения здоровья населения. На смену оспе пришли другие формы заболеваний. Таким образом, уровень смертности в Швеции на 1000 человек за семьдесят лет выглядит следующим образом

Десятилетие.	Смертность.	Десятилетие.	Смертность.
1749-1758	27-76	1789-1798	25-56
1759-1768	27-38	1799-1808	26-46
1769-1778	29-22	1809-1818	27-63
1779-1788	26-52		

Более того, смертность от оспы, стремительно снижавшаяся до введения обязательной вакцинации, с тех пор медленно растет. Таким образом -

Годы до Принуждение.	Среднегодовой оспа смертность.	Годы после Принуждение.	Среднегодовая оспа смертность.
1756-1775	5,480	1816-1835	450

1776-1795	4,617	1836-1855	577
1796-1815	2,303	1856-1875	1,031

Таким образом, мы видим, что пока Дженнер и его друзья хвастались своими достижениями в Швеции, они должны были объяснить падение заболеваемости оспой до их вмешательства и ее дальнейшее снижение после их вмешательства; и, кроме того, ответить на вопрос, какая польза от спасения от оспы, если смерть наступит от других причин? Следует, однако, заметить, что такие масштабные соображения не входили в сферу компетенции Дженнера. *Была оспа, была вакцинация, его изобретение, безошибочная профилактика оспы, и он не видел ничего дальше.* Его самолюбие было замешано на защите вакцинации, и любая история в ее пользу принималась за правду и провозглашалась за границу, в то время как все, что порочило ее, вызывало негодование как личное оскорбление или осуждалось как преднамеренная и дьявольская ложь. Что касается статистики, то он не обладал никакими способностями. Барон говорит: "Ни предыдущее образование доктора Дженнера, ни его привычки не давали ему склонности ни к одной из отраслей чистой науки; он, казалось, испытывал особый ужас перед арифметическими вопросами и часто подшучивал над этим недостатком своей натуры".^[263] Эта неспособность к вычислениям объясняет абсурдность многих его заявлений о чудесном эффекте вакцинации среди населения, где только два или три процента были прооперированы, и которые, следовательно, должны были викарно избавить остальных от оспы. Для такого неполноценного интеллекта введение вакцинации в Швеции означало вакцинацию шведов; упадок оспы был ее подавлением; а ее подавление было следствием вакцинации. Но оправдание, которое можно найти для Дженнера, не подходит тем, кто не может оправдаться за свой врожденный дефект и довольствуется повторением его абсурдных утверждений.

Заболеваемость оспой в Швеции снижалась вплоть до десятилетия (1841-50 гг.), когда среднегодовое число смертей на миллион человек упало до 212. Колебания смертности в отдельные годы поразительны. Вот тринадцать лет, когда количество смертей не превышало ста.

1821	37	1843	9	1847	13
1822	11	1844	6	1848	71
1823	39	1845	6	1855	41
1829	53	1846	2	1856	52
1842	58				

С другой стороны, вот восемнадцать лет, когда число умерших превышало тысячу человек

1825	1,243	1851	2,488	1867	1,061
1833	1,145	1852	1,534	1868	1,429
1834	1,049	1858	1,289	1869	1,474
1838	1,805	1859	1,470	1873	1,122
1839	1,934	1865	1,336	1874	4,063
1850	1,376	1866	1,217	1875	2,019

Уровень смертности от оспы, упавший до 212 на миллион в 1841-50 годах, вырос до 862 на миллион в 1851-60 годах, до 867 на миллион в 1861-70 годах, а из-за эпидемии 1873-74 годов,

самой страшной в Швеции с 1801 года, последнее десятилетие, 1871-80 годы, покажет более высокий средний показатель.

При наличии этой статистики справедливо будет повторить вопрос: "Почему заболеваемость оспой снижалась до введения вакцинации; и почему оспа возродилась и увеличилась в "самой привитой стране Европы"?"

И опять же, я должен вновь обратить внимание на факт безотносительного влияния оспы на смертность в стране. Г-н П. А. Сильестрем опубликовал диаграмму смертности в Швеции с 1774 по 1878 год с указанием роли оспы в этой смертности, из которой видно (всем, кто решит воспользоваться собственными глазами), что действие оспы как разрушителя жизни было дико преувеличено.^[264] Плохие годы с оспой не являются годами высокой смертности, равно как и годы с малым количеством оспы не являются годами низкой смертности. Когда оспа распространена, она, по-видимому, заменяет другие формы заболеваний, а когда не распространена, ее заменяют болезни с большей смертностью. Поэтому, утверждает г-н Сильестрем.

Какая польза обществу от того, что меньшее число граждан ежегодно умирает от оспы (если предположить, что к такому результату привела вакцинация), если столь же большое число, тем не менее, умирает от других болезней? Мы видим в этом не больше пользы, чем в сражении, если бы никто из людей не падал под огнем артиллерии, но тем не менее погибал от огня линии. Для отдельного человека, возможно, приятнее умереть от любой другой болезни, чем от оспы, и поэтому каждому должно быть позволено спасать себя с помощью вакцинации или любого другого законного средства от случая, которого он опасается; но это само по себе не может считаться делом государства.

Швеция - большая страна, и ее болезни должны быть подвержены многим местным колебаниям; но Стокгольм, представляющий компактное население, демонстрирует во многом те же явления. В некоторые годы прошлого века город был сильно поражен оспой, о чем свидетельствуют данные о смертности за эти годы.

1778	639	1784	411	1795	447
1783	714	1787	414	1800	703

Эти годы были самыми худшими; были и такие варианты, как

1780	14	1785	20	1797	13
1782	12	1793	22	1798	12

Как и в Швеции в целом, так и в Стокгольме наступил спад заболеваемости оспой, который продолжался и в новом веке, пока не появились годы без единого случая смерти; в этом была заслуга вакцинации, и болезнь была объявлена "уничтоженной", никто и не мечтал об обратном. Вскоре болезнь начала возрождаться, и случаи смерти были зарегистрированы следующим образом.

1857	319	1866	157	1871	113
1865	273	1870	96	1873	191

Затем последовала ужасная эпидемия 1874 года, когда погибло 1 191 человек, и 317 человек в 1875 году.

Таким образом, за два года погибло 1382 человека при населении в 150 000 человек - смертность составила 7916 человек на миллион - против 2430 человек на миллион в Лондоне во время памятной эпидемии 1871 года; самая жестокая вспышка оспы в столетии среди "лучшего и наиболее привитого населения в Европе!"

При ближайшем рассмотрении доводы в пользу вакцинации в Швеции полностью исчезают. Г-н П. А. Сильестрем провел экспертизу с точностью, тщательностью и судейским нравом, которые не оставляют желать лучшего. Его трактат был переведен на английский язык мисс Фредерикой Роуэн и опубликован в 1875 году под названием "Вопрос о вакцинации: эссе по определению границ, в которых научная теория может с полным правом претендовать на придание ей силы законодательным путем"; искусное сокращение было сделано профессором Ф. У. Ньюманом; но оригинал, занимающий не более 104 страниц, должен быть изучен всеми, кто серьезно заинтересован в вопросе вакцинации. Швеция, благодаря наличию длинного ряда статистических данных о жизни населения, предлагает особые возможности для всестороннего изучения явлений оспы; и в трактате г-на Сильестрема мы имеем достоверность со здравым смыслом и науку с философией, а не неадекватную и заезженную информацию, которая в этой стране называется "правдой о прививках".

В Финляндии история вакцинации во многом такая же, как и в Швеции, с той лишь разницей, что там не было естественного спада оспы, который можно было бы поставить себе в заслугу. Поэтому, что касается Финляндии, вакцинователи обычно хранят сдержанное молчание, поскольку факты не способствуют назиданию в дженнерианской вере.

Любопытным свидетельством простого доверия, с которым в некоторых странах было воспринято откровение о коровьей оспе, является указ, изданный в Финляндии, согласно которому оспа после вакцинации считалась доказательством мошенничества со стороны вакцинователя. Ордонанс гласил следующее.

Инокулятор или вакцинователь, чьи пациенты в течение короткого или более длительного времени после того, как они были им привиты или вакцинированы, окажутся пораженными натуральной оспой со смертельным исходом или другими серьезными последствиями, должен быть без прощенья объявлен недостойным всякого дальнейшего права на вознаграждение или доверие, и более того, подвергнут импичменту для надлежащего наказания за нечестное и непрофессиональное поведение".

При таком законе (не более суровом, чем многие другие, предусматривающие наказание за то, что покупатель не получает от продавца того, за что отдал деньги) как бы он поступил с легионом тех, кто сейчас практикует вакцинацию? Но мне напомнили, что вакцинователи больше не обязуются оберегать своих пациентов от оспы, а лишь откладывают ее до тех пор, пока она не придет, а затем делают ее более легкой.

Вакцинация была введена в Дании в то же время, что и в Швеции, и стала обязательной в 1810 году. Как и в Швеции, оспа пошла на спад, и, как и в Швеции, вакцинователи громко кричали о своем успехе; но их утверждения были абсурдны. Население Дании в 1801 году составляло 925 680 человек, а до 1810 года было привито не более 118 782 человек, в то время как число родившихся за тот же период составило 283 905 человек. Таким образом, предполагалось, что вакцинация менее десятой части населения за восемь лет сократила и уничтожила оспу среди невакцинированных девяти десятых! Там, где есть склонность верить, все может сойти за достоверное.

После 1801 года в Копенгагене почти не было оспы, а с 1811 по 1823 год не было зарегистрировано ни одного случая смерти от этой болезни; но в 1824 году оспа появилась

вновь, а в 1835 году в городе умерло 434 человека; тогда стали признавать, что прививка не предотвращает оспу и что для полной защиты необходима ревакцинация; но если она необходима, то как объяснить чудесное исчезновение болезни в результате первичной вакцинации менее десятой части населения в начале века?

Вот запись копенгагенской оспы за семьдесят пять лет, 1801-75 гг.

Годы.	Смертност ь.	Ежегодно Среднее.	Годы.	Смертност ь.	Ежегодно Среднее.
1801-10	639	64	1841-50	245	24
1811-20	-	-	1851-60	160	16
1821-30	119	12	1861-70	168	16
1831-40	568	56	1871-75	518	103

Таким образом, количество смертей за пять лет, 1871-75, было почти равно количеству смертей за предыдущие тридцать лет, 1841-70; в то же время более или менее сильная оспа не оказала явного влияния на повышение или понижение общей смертности.

Исландия, зависящая от Дании, часто приводится в качестве доказательства пользы вакцинации. Выступая недавно в Палате общин, мистер Т. У. Эванс провозгласил: "Вакцинация уничтожила оспу в Исландии! На острове не было ни одного случая заболевания в течение тридцати лет". Разве может быть что-то более убедительным? И это утверждение вновь утверждается с триумфом: однако при рассмотрении мы увидим, что утверждение и вывод исчезают как дым.

Во-первых, отсутствие оспы в Исландии в течение ряда лет не было чем-то необычным. История Исландии необычайно обширна и точна, а из книги Шляйснера "Исландия с точки зрения медицинской науки", Copenhagen, 1849, мы имеем следующий список эпидемий оспы за пятьсот лет.

1347 год - большая эпидемия.
1380-Дитто.
1430 - ужасная эпидемия - 8000 смертей.
1511 - большая эпидемия.
1555-Дитто.
1574-Дитто.
1580-Вирусная болезнь.
1590 - эпидемия оспы.
1616-17-Дитто путем ввоза.
1632-Эпидемия оспы.
1636-Ditto.
1655-Ditto.
1658-Ditto.
1670-1-Вариолоид и оспа.
1707-9 - ужасная эпидемия, вызванная импортом - 18 000 умерших.
1742 г. - небольшая эпидемия из-за случая, привезенного на голландском судне.
1762-3-Легкая эпидемия.
1785 - небольшая эпидемия - 73 смерти.
1786-Эпидемия-1237 смертей.
1787-Эпидемия-113 смертей.

1839-40 - оспа снова завезена в Исландию, но ее распространению препятствует строгий карантин.

Из этого списка видно, что на протяжении многих веков Исландия имела длительный иммунитет от оспы. Так -

Даты.	Иммунитет.	Даты.	Иммунитет.
1347 - 1380 гг.	33 года.	1671 - 1707 гг.	36 лет.
1380 " 1430	50 "	1709 " 1742	33 "
1430 " 1511	81 "	1787 " 1839	52 "
1511 " 1555	44 "		

Так как вакцинация не могла иметь никакого отношения к годам иммунитета в прежние времена, то на каком основании вакцинация может быть названа причиной иммунитета в наши дни? Шляйснер замечает: "С 1306 года оспа стала причиной иммунитета.

С 1306 года оспа была эпидемией в Исландии девятнадцать раз, и всегда ее привозили либо французские, либо английские, либо голландские, либо датские корабли. В ранние времена она часто вызывала ужасную смертность, как, например, в 1707 году, когда погибло 18 000 человек из 50 000 населения; и в 1430 году, когда, как говорят, умерло 8000 человек. В последующие годы ее жестокость уменьшилась *благодаря введению вакцинации*. В 1785-6-7 годах, последнем приступе в восемнадцатом веке, умерло всего 1425 человек.

Очень хорошо; но в 1785-87 годах вакцинация была неизвестна; а поскольку эпидемии 1742 и 1762 годов Шляйснер назвал "небольшой" и "легкой", а в 1580 году одна из них была описана как "разновидность вариолитной болезни", очевидно, что вакцинация могла иметь столь же малое отношение к тому, чтобы сделать "оспу более легкой", как и к длительному иммунитету, которым пользовалась Исландия.

В обращении мистера Уильяма Морриса от имени исландцев, которым угрожал голод в 1882 году, он заметил

И наконец, Корь, которой не было в Исландии тридцать шесть лет и которая, падая на непривычный к ней народ, является смертельной и не банальной болезнью, напала на Рейкьявик, где половина людей заболела ею, и многие умерли, и теперь она распространяется по всему острову.

Корь отсутствует в Исландии уже тридцать шесть лет! Предположим, что против кори существует некая примочка, соответствующая прививке от оспы, разве не объясняется ее эффективность тем, что в каждом году вплоть до тридцать шестого от нее избавлялись?

Доктор Гарт Уилкинсон рассказывает, что в 1866 году, когда он стоял на Лавроке, где проходил альтинг, доктор Хьялталин, медицинский инспектор Исландии, сказал ему...

Когда в 1000 году нашей эры христианство впервые было введено в Исландии, язычники на альтинге приписали гнев своих богов извержению вулкана, которое произошло на соседней ферме. Великий исландский историк Снорри, присутствовавший при этом, спросил: "Что же тогда разгневало богов, когда старшая лава была в огне?" Очевидно, что тогда это было не христианство. Этим вопросом, заданным на уровне здравого смысла, он одержал победу над богами, и христианство стало законом страны.

Несколько параллельно с этой историей идет утверждение об уничтожении оспы с помощью вакцинации в Исландии. Это тот случай, когда *ante hoc* подтачивает ветряную сумку *post hoc*, и, *a fortiori*, *propter hoc*.[\[265\]](#)

Пока лопается пузырь исландской вакцинации, следует отметить, что если вакцинация и спасла исландцев от оспы, то только викарно - как и во многих других случаях подобного спасения; ведь за первую половину нынешнего века было сделано не более 17 072 прививок при населении от пятидесяти до шестидесяти тысяч человек в потоке рождений и смертей. Прививки были сделаны следующим образом

Годы -	1804-15	Прививки -	1345
"	1816-30	"	10,386
"	1831-37	"	Нет.
"	1838-50	"	5341

	Итого,		17,072 [266]

Существует множество "фактов в пользу вакцинации" подобного порядка, относящихся к другим группам населения Европы, которые проходят проверку только потому, что редко подвергаются критике; потому что вакцинация считается настолько благотворным изобретением, что ставить под сомнение ее полномочия нечестиво; и потому что считается, что если даже некоторые из утверждений, выдвигаемых в ее пользу, тронуты баснями, все же их влияние на народное сознание настолько очевидно во благо, внушая доверие и преодолевая случайные казусы, что нецелесообразно быть слишком щепетильным. Однако, каким бы поучительным и полезным ни было разоблачение подобных софизмов, необходимо сдерживать себя, и до конца моего повествования мы будем придерживаться английской точки зрения.

Из предыдущих подробностей мы видим, насколько вакцинация в Швеции, Дании и Исландии не соответствовала тем требованиям, которые предъявляли к ней Дженнер и его преемники. Дженнер, правда, умер в 1823 году, до того как были разработаны более явные опровержения его утверждений, но, как уже говорилось, сомнительно, что он когда-либо осознавал, что названия стран означают миллионы мужчин, женщин и детей, чья вакцинация может быть преодолена только организованными усилиями в течение многих лет. Поэтому его различные хвастливые заявления о вакцинированных нациях и уничтоженной оспе следует воспринимать как доказательство недостатка арифметических способностей и того научного воображения, которое работает с возможностью и фактами.

ССЫЛКИ:

[\[263\]](#) Baron's Life of Jenner, vol. ii. p. 293.

[\[264\]](#) Таблицы, касающиеся вакцинации в Швеции, 1774-1778 гг. Лондонское общество за отмену обязательной вакцинации.

[\[265\]](#) Трактаты о вакцинации, часть III. No. 14. London, 1878.

ГЛАВА XXXII.

НЬЮКАСЛСКАЯ ОСПА: ОБЫЧНАЯ ИСТОРИЯ.

Изучение статистики крупных английских городов, чтобы определить, оказала ли вакцинация какое-либо влияние на сокращение заболеваемости оспой, вовлечет нас в бесконечную дискуссию. Для нашей непосредственной цели достаточно привести три примера: 1-й - Ньюкасл-он-Тайн, как пример обычной истории; 2-й - Норвич, как пример эпидемии оспы; 3-й - Глазго, как пример вытеснения оспы и ее замены в качестве фактора смертности.

НЬЮКАСЛСКИЙ ДИСПАНСЕР.

Мы часто слышим о "статистике антивакцинаторов"; на это можно ответить, что у антивакцинаторов нет никакой статистики. Их статистика - это статистика вакцинаторов, в которой они дают материал для своего собственного осуждения; вероятно, именно поэтому так называемая статистика антивакцинаторов вызывает столь сильную неприязнь, избегание и отсутствие ответов.

В 1877 году Ньюкаслскому диспансеру исполнилось сто лет, он был основан в 1777 году, и доктор Монтейт подготовил краткую историю этого учреждения, которая была опубликована в 1878 году по распоряжению Комитета.[267] Отчет особенно ценен тем, что содержит сравнительные данные о заболеваемости крупного промышленного населения, где, как можно ожидать, оспа проявит себя в тяжелой форме. В 1781 году население Ньюкасла оценивалось в 23 000 человек, в 1821 году оно выросло до 41 794, в 1851 году - до 87 784, а в 1871 году - до 128 443; и на протяжении всех этих лет и изменений диспансер продолжал активно работать, процентное соотношение пациентов и населения сохранялось с удивительной равномерностью. Нет нужды добавлять, что большинство пациентов было из числа бедняков, среди которых оспа всегда была главным очагом. Как отмечает доктор Монтейт.

Они представляют собой класс, промежуточный между зажиточным рабочим и нищим. Состояние бедности, в котором постоянно пребывают эти люди, известно немногим. Пациент, которого посещает врач, обычно оказывается лежащим в "нищете, голоде и грязи", а лечение проводится в условиях, не способствующих успеху. Медицинские советы и лекарства - не единственное, что необходимо. Крайне необходимы хорошее питание, тепло и разумный уход, которые редко когда можно получить.

Прежде чем перейти к записи диспансера о столетии оспы, следует отметить, что вариоляция практиковалась в Ньюкасле с большим усердием, и диспансер играл ведущую роль в этом деле, а хирурги делали прививки всем, кто обращался. Доктор Монтейт рассказывает.

К 1777 году аргументы в пользу вариоляции настолько одержали победу над привычками и предрассудками профессии, что в наших отчетах нет ни одного случая, когда кто-либо из медиков в Ньюкасле выступал бы против нее. О ней всегда говорят как об одном из самых достоверных фактов медицинской науки. С широкой публикой дело обстоит иначе. Их предрассудки были так же сильны, как и раньше, и они демонстрировали такой ужас перед вариоляцией, который удовлетворил бы самого ярого антивакцинатора. Для борьбы с этими предрассудками были испробованы различные средства - проповеди с кафедры, патетические увещевания в газетах и т. д. Последний и самый убедительный аргумент заключался в денежном вознаграждении родителей, которые позволяют своим детям пройти операцию. За одного ребенка предлагалась сумма в 5 с., за двух - 7 с., за трех - 9 с., за четырех и выше - 10 с. Успех этой меры был поразительным. Родители в огромном количестве стекались сюда со своими детьми. Соблазненные вознаграждением, они подвергали своих малышей операции, которая, если только их настроения не изменились, считалась варварской и вредной в высшей степени, а также явным искушением Провидения. Вариоляция на этих условиях началась весной 1786 года; и с тех пор каждый год, вплоть до 1801-го, в диспансере оперировалось более 200 детей в год. В 1801 году всего было прооперировано 3 268 детей.

Как только вакцинация вошла в моду, вариоляция была осуждена как главная причина существования оспы. Говорили, что то, что было сделано для предотвращения болезни от отдельного человека, распространило ее среди толпы. Вакцинаторы долгое время утверждали, что они могут легко истребить оспу, если только вариоляторы воздержатся от поддержания ее жизни. Постепенно вариоляция прекратилась и была официально запрещена в 1840 году, а вакцинация стала обязательной. Тем не менее, уверенное пророчество вакцинаторов так и осталось несбывшимся, ведь оспа не уничтожена.

Переход от вариоляции к вакцинации в диспансере Ньюкасла произошел сразу же. Доктор Монтейт говорит.

Заслугой здравого смысла и просвещенности руководства диспансера является то, что они сразу же отменили прививку оспы и заменили ее вакцинацией". В 1801 году, в первый год, было привито 215 детей. Ежегодное количество быстро росло, пока не достигло максимума в 1813 году, когда было привито 1 874 ребенка, после чего количество так же быстро сократилось.

Этот спад объясняется различными причинами, такими как расширение частной практики вакцинации и склонность недооценивать любое преимущество, каким бы большим оно ни было, которое является чисто элементарным. При этом забывают, что вакцинация сходилась на нет по мере того, как ее иллюзорный характер становился все более очевидным, а обещания, данные от ее имени, раз за разом оказывались неопровержимо ложными. Когда Дженнер умер в 1823 году, он ушел на фоне безразличия, если не презрения. Его пузырь лопнул. Ажиотаж вокруг вакцинации, наблюдаемый нынешним поколением, ни в коем случае не является продолжением первоначального ажиотажа. Тот прошел. Наш фурор - это возрождение, восходящее к популярности санитарной реформы, к которой новое поколение медиков ухитрилось прикрепить вакцинацию!

За сто лет, с 1777 по 1877 год, диспансеру пришлось иметь дело с 2 616 случаями оспы, из которых 428 закончились летальным исходом, которые по годам и смертности можно классифицировать следующим образом.

Годы.	Случаи.	Смертность.	Смертность на 100 человек.
1777-1802	365	90	24-6
1808 " 1827	273	57	20-8
1828 " 1852	925	152	16-4
1853 " 1877	1,053	129	12-25
	--	--	--
	2,616	428	16-3

Постепенное снижение смертности, конечно же, объясняется тем, что вакцинация сделала болезнь более легкой; хотя в отчете сообщается, что "смертность от оспы достигла своего максимума - 33-3 процента - за пять лет с 1802 по 1807 год", то есть в то самое время, когда энтузиазм в отношении дженнеровского обряда достиг своего апогея. С другой стороны, мы, как и доктор Эндрю Комб, объясняем снижение смертности более совершенными методами лечения, даже пренебрежение которыми предпочтительнее многих старомодных способов лечения оспы. Рассматривая эти цифры, доктор Монтейт замечает: "В отношении оспы я хочу сказать следующее.

Об оспе я хочу говорить с осторожностью, поскольку в Ньюкасле свирепствуют антивакцинаторы. Цифры, однако, вещь упрямая, и их значение не так-то просто объяснить. Как и подавляющее большинство медиков, я всегда твердо верил в хорошие результаты вакцинации. Не признавая, что моя вера пошатнулась после изучения этой статистики, я должен признаться, что был сильно разочарован ею. Я ожидал, что эта ужасная болезнь будет регулярно уничтожать население каждый год вплоть до эпохи открытия Дженнера, а затем быстро и неуклонно уменьшаться почти до нуля. Эти цифры не дают нам оснований для столь сангвинического взгляда на дело.

Поэтому, хотя мы и наблюдаем значительное улучшение цифр, я считаю, что они ставят нас перед дилеммой: либо в настоящее время существует сильно преувеличенное впечатление о распространенности и смертности оспы в прежние времена, либо они начали снижаться задолго до открытия вакцинации, благотворному воздействию которой, следовательно, должны были способствовать другие причины.

Здесь мы имеем честное признание, вырванное из оков профессиональных предрассудков, и неохотное разоблачение легенды о мире, опустошенном оспой и переставшем опустошаться после появления Дженнера. Нет ничего необычного в том, что свидетельства Ньюкасла пробудили недоверие в сознании доктора Монтейта. Подобные свидетельства можно найти везде, где есть факты. Легенда об обратном утвердилась, как и многие другие легенды, путем повторения, пока к тем, кто осмеливается подвергнуть ее сомнению, не стали относиться с подозрением и неприязнью.

Отчет Ньюкаслского диспансера иллюстрирует еще одну истину, а именно, что уменьшение или прекращение оспы отнюдь не равнозначно уменьшению смертности; что при неизменных условиях жизни снижение заболеваемости оспой компенсируется повышением заболеваемости какой-либо сходной формой зимозаболевания. Так отмечает доктор Монтейт:

Противники вакцинации обычно утверждают, что после ее введения увеличилось количество других экзантем. Следует признать, что наши цифры (возможно, ненадежные как общие данные), дают некоторую поддержку этому предположению. Доля случаев заболевания скарлатиной в течение пяти лет, 1827-32, составляла 4-3 процента. С тех пор она никогда не достигала этого высокого предела; но за последние тридцать пять лет этот показатель никогда не опускался ниже 2. Смертность также возросла до угрожающих размеров. Когда-то она составляла 2-5 процентов, а за последние пять лет достигла 17 процентов. Скарлатина стала самым смертельным заболеванием, за исключением консумации.

Диспансерный учет скарлатины выглядит следующим образом

Годы.	Случаи.	Смертность.	Смертность на 100.
1777-1802 гг.	355	33	9-3
1803 " 1827	795	30	3-7
1828 " 1852	1,856	155	8-3
1853 " 1877	3,659	567	15-5
	--	--	--
	6,665	785	11-7

О кори сказано, что "число заболевших несколько возросло, в то время как соотношение числа умерших и заболевших почти не изменилось". Таким образом, рекорд остается неизменным.

Годы.	Случаи.	Смертность.	Смертность на 100 человек.
1777 - 1802	186	16	8-6
1803 " 1827	435	22	5-0
1828 " 1852	1,572	83	5-2
1853 " 1877	2,537	123	4-8
	--	--	-
	4,730	244	5-1

В отношении коклюша отмечается...

Уровень смертности в прежние годы сильно колебался. В настоящее время он, по-видимому, остается стабильным на уровне, несколько превышающем средний показатель за столетие. Бытует мнение, что коклюш - болезнь малоопасная и неважная, но следующая таблица показывает, что в последние годы он был более смертоносным, чем оспа или корь.

Годы.	Случаи.	Смертность.	Смертность на 100 человек.
1777-1802	245	22	9-0
1803 " 1827	220	23	10-4
1828 " 1852	743	112	15-0

1853 " 1877	1,716	241	14-0
	--	--	--
	2,924	398	13-6

Оспа, скарлатина, корь и коклюш могут рассматриваться как конвертируемые формы детского зимозного заболевания. При равных условиях существования одна из них может заменять другую, поддерживая тем самым общий уровень смертности. Диарею иногда относят к той же категории; как и эризипелас, она в значительной степени является следствием вакцинации. Никогда не следует забывать, что вакцинация вызывает конституциональное расстройство или лихорадку, эта болезнь предлагается природе в качестве умилоствления за оспу; этим умилоствлением, говорят вакцинаторы, природа удовлетворена и воздерживается от оспы. Вакцинация, как болезнь, однако, часто сопровождается диареей, и увеличение этого заболевания, *pari passu*, с увеличением числа прививок младенцам, заметно. Таким образом, запись диареи...

Годы.	Случаи.	Смертность.	Смертность на 100 человек.
1777-1802	1,390	67	4-8
1803 " 1827	1,529	7	-4
1828 " 1852	3,995	43	1-0
1853 " 1877	6,117	362	5-9
	--	--	--
	13,031	479	3-6

Доктор Монтейт отмечает.

Смертность от диареи, к сожалению, неуклонно растет, процент за последние пять лет, 1872-77, был самым высоким за всю историю наблюдений - 14-4. Большинство смертей происходит среди младенцев; и болезнь в большинстве случаев возникает из-за невежества или небрежности матерей, дающих им пищу, которая для них не подходит. Но почему это должно происходить сейчас в большей степени, чем двадцать или пятьдесят лет назад, я не могу понять. В качестве объяснения мне предлагают увеличить потребление алкогольных стимуляторов в более поздние времена.

Любое объяснение приветствуется, чтобы сохранить вакцинацию от упреков, но какой медик не знает, что диарея является одним из самых распространенных последствий вакцинации? Природа таким образом пытается избавиться от последствий проникновения вируса в кровь.

Если взять эти пять болезней в порядке их смертности, то они распределяются следующим образом.

		1777-1802	1803-1827	1828-1852	1853-1877	Итого.
Скарлатина,	{Случаи,	355	795	1,856	3,659	6,665
	{Смерть,	33	30	155	567	785
Диарея,	{ Случаи,	1,390	1,529	3,995	6,117	13,031
	{Смерть,	67	7	43	362	497
Оспа,	{ Случаи,	365	273	925	1,053	2,616
	{Смерть,	90	57	152	129	428

Whooping-	{ Случаи,	245	220	743	1,716	2,924
Кашель,	{Смертность,	22	23	112	241	398
Корь,	{ Случаи,	186	435	1,572	2,537	4,730
	{Смерть,	16	22	83	123	244

За столетие в диспансере Ньюкасла было зарегистрировано 250 637 случаев заболевания, из которых не более 2 616 были вызваны оспой, или примерно 1 к 96. Общее количество смертей за столетие составило 14 088, из которых не более 428 были вызваны оспой, или примерно 1 к 33; в то время как от скарлатины они составили 1 к 18, от диареи - 1 к 30, а от коклюша - 1 к 35. Могут сказать, что данные диспансера не учитывают население Ньюкасла. Верно; но он учитывает низшие слои населения и, следовательно, чрезмерную долю оспы. Полная статистика города показала бы, что оспа - еще более легкий недуг. И, повторяем, в истории с диспансером в Ньюкасле нет ничего необычного. Это обычная история. Всякий раз, когда мы выходим из области романтики и ступаем на почву фактов, мы обнаруживаем, что дикие ужасы и опустошения оспы были изначально порождены воображением и увековечены в невежестве на основе слухов.

ССЫЛКА:

[267] Отчет о работе диспансера в Ньюкасле с момента его основания в 1777 году. Напечатано по распоряжению Комитета. Ньюкасл-апон-Тайн, 1878.

ГЛАВА XXXIII.

НОРИДЖСКАЯ ЭПИДЕМИЯ-1819.

Я неоднократно предостерегал своих читателей от распространенного предположения, что лондонская оспа прошлого века была мерилom английской оспы. Это было не так. В Лондоне оспа была эндемичной, в то время как в других английских городах она встречалась в виде эпизодических эпидемий, а во многих сельских районах была почти неизвестна. Более того, болезни не давали вымереть, а старательно культивировали и распространяли путем вариоляции. С введением вакцинации практика вариоляции, соответственно, прекратилась, а с ее прекращением наступило сокращение заболеваемости оспой, которое необоснованно приписывали вакцинации. Сколько оспы в прошлом веке было вызвано вариоляцией, определить невозможно; да и небезопасно принимать утверждения первых сторонников вакцинации на этот счет. Я полагаю, что если бы оспа была чем-то желанным, чем каждый стремился заразиться, то обнаружилось бы, что ею нельзя заразиться повсеместно и что ее распространение имеет определенные пределы; и не исключено, что среди лондонцев предел распространения был вплотную приближен, так что почти все, кто был восприимчив, заразились. Однако я хочу подчеркнуть, что снижение распространенности оспы в некоторых местах, совпавшее с введением вакцинации, было в значительной степени связано с прекращением культуры оспы, и что подавление этой культуры привело бы к тому же результату. Не следует забывать и о том, что к концу прошлого века наступил почти

всемирный спад заболеваемости оспой, который вакцинаторы объясняют профилактикой, проведенной ими в XIX веке. Чудесные эффекты часто утверждаются там, где чудесные причины были бы отвергнуты.

Жизненная статистика прошлого века в значительной степени продукты умозаключений и догадок, и в большей или меньшей степени подвержены влиянию целей и предвзятости их сборщиков; Но даже если бы у нас были точные данные о смертности от оспы в главных населенных пунктах, таких как Йорк, Халл, Норвич, Честер, Ковентри, Бат, Бристоль, Эксетер и Плимут, мы все равно были бы озадачены тем, чтобы отделить то, что было вызвано антисанитарными условиями жизни, от того, что было вызвано искусственной индукцией болезни с помощью вариоляции. Говорят, что XVIII век закончился в Англии только в 1830 году, и, принимая эту вольность, мы можем прибегнуть к интересной записи о жестокой эпидемии в Норвиче в 1819 году, чтобы получить некоторое представление о характере и распространенности городской оспы до возникновения таких крупных общин, как Ливерпуль, Манчестер, Лидс, Шеффилд и Бирмингем. Рассказ об этой эпидемии был написан Джоном Кроссом, хирургом, практиковавшим в Норвиче.^[268]

В те времена население Норвича составляло около 40 000 человек. Город считался благополучным, и оспа была малоизвестна. Кросс пишет, что "в 1805 году, *после того как оспа на некоторое время почти исчезла*, она настолько распространилась в Норвиче, что вызвала определенное внимание". Привлеченное внимание привело к попытке ввести вакцинацию. 16 июля 1805 года в Гилдхолле состоялось собрание "для согласования мер по истреблению болезни", на котором были приняты резолюции, препятствующие прививкам от оспы и "заменяющие немедленную и всеобщую вакцинацию жителей города и его деревушек". Эта вспышка оспы и вакцинация, по-видимому, утихли вместе, поскольку Кросс продолжает

После отсутствия в течение года или двух, оспа снова была занесена в Норвич человеком из Лондона и распространилась так широко среди тех, чье упрямство или предрассудки заставляли их сопротивляться вакцинации, что 203 случая смерти от оспы были зарегистрированы в счетах смертности с 1807 по конец 1809 года. Оспа снова появилась в 1813 году, и в этом году произошло 65 смертей; смертность была ограничена до столь малого числа благодаря раннему и широкому внедрению вакцинации до того, как опасность действительно приблизилась. Можно сказать, что с 1813 года в Норвиче не было оспы вплоть до начала эпидемии, которую я предлагаю описать. В течение четырех лет не было замечено ни одного случая смерти от этой болезни. Действительно, единственным случаем, о котором мне стало известно за указанное время, был слуга одного известного общественного деятеля, который, заболев оспой, задержался в Норвиче, но от которого, насколько я смог узнать, зараза не распространилась.

Далее я расскажу о количестве прививок, сделанных в Норвиче, и об их влиянии на борьбу с оспой. Сейчас я хотел бы обратить внимание на сравнительную редкость оспы в Норвиче в те времена. Два, три и четыре года прошли без единого случая смерти от этой болезни! Как такой факт согласуется с расхожим утверждением вакцинаторов о том, что до появления Дженнера население Англии было истреблено оспой и что ежегодно погибало 40 000 человек? Когда мы требуем доказательств этих экстраординарных заявлений, мы либо не получаем ответа, либо обнаруживаем, что смертность одного неблагоприятного года от лондонской оспы была умножена на население Соединенного Королевства, что и дало поразительную цифру в 40 000 жертв. Мы ответим, что нет никаких оснований для пересчета лондонской смертности в национальную; что Лондон был уникален в своих обстоятельствах;

и что, если отбросить огромное сельское большинство, даже в самых крупных городах, таких как Норвич, годы проходили без смертей от оспы.

Вакцинация имела престиж моды, а ведущие граждане Норвича были филантропами и учеными по новейшим образцам, и все, что считалось "правильным", они намеревались осуществить. Однако вакцинация простого населения была делом нелегким. Многие отказывались, потому что не боялись оспы. Действительно, чего им было бояться? Более того, по мере того как опыт продвигался вперед, бесполезность и опасность новой прививки становились все более очевидными. Стало известно, что она не только не спасает от оспы, но и часто вызывает тяжелые заболевания, постоянные травмы, а иногда и смерть. Следует помнить, что в самом начале практики за симптомами вакцинации следили с пристальным вниманием, и общий вердикт, особенно матерей, был однозначно отрицательным в отношении ее безвредности. То, что таково было общее мнение, видно из быстрого спада раннего фурора в ее пользу и презрительного игнорирования ее массой людей до тех пор, пока она не была возрождена и введена в действие законодательно. Поскольку жители Норвича не хотели делать прививки, было решено испытать эффект подкупа, и хирург Ригби в 1812 году побудил опекунский суд предложить вознаграждение в 2s. 6d. каждому человеку, "который принесет свидетельство от хирурга о том, что он благополучно перенес коровью оспу". Результаты этого подкупа Кросс описывает следующим образом.

511	получил награду в 1813 году	49	получили награду в 1817 году
47	" " 1814	64	" " 1818
11	" " 1815	1402	" " 1819
348	" " 1816		

Более значительные цифры в 1813, 16 и 19 годах были вызваны паникой и давлением; но эти цифры можно принять за наглядное представление того недоверия, с которым относились к вакцинации после богатого опыта. Конечно, прививки делали многие, кто не претендовал на приходские полкроны; и в конце 1819 года было подсчитано, что 10 000 жителей Норвича подчинились дженнерианскому обряду с момента его введения в начале века. Таким образом, значительно меньше четверти жителей были так называемыми "защищенными".

Теперь мы переходим к рассказу о той великой вспышке оспы, которая, по словам Кросса, за меньшее время уничтожила в Норвиче больше жизней, чем любая эпидемия со времен чумы. Почти излишне говорить, что болезнь возникла не в Норвиче: похоже, она вообще нигде не зарождалась: она была завезена. Девочка, путешествовавшая со своими родителями из Йорка, подхватила инфекцию во время транзита в одном из рыночных городов и, как только прибыла в Норвич, слегла с болезнью.

Это случилось [говорит Кросс] в конце июня 1818 года; и самые ранние случаи оспы, которые наблюдал кто-либо из медиков, были связаны с этим происхождением. Мне удалось выяснить, в каких семьях болезнь поддерживалась в течение оставшейся части того года, но она распространилась на очень немногих и оказалась смертельной только в двух случаях. В январе 1819 года один аптекарь сделал прививки трем детям, тем самым немного поспособствовав распространению заразы, которую сезон года должен был держать в узких границах. Однако тревоги не было; только один медик был знаком с болезнью, и до конца февраля случаи оспы были настолько редки, что их почти не замечали. В это время, однако, болезнь распространилась от одной из наших величайших благотворительных школ во все кварталы города..... Сравнительно дремлющая в течение зимы, с наступлением мягкого времени года она ворвалась к нам внезапно и неожиданно, продолжая свою

опустошительную работу в течение трех или четырех месяцев с неослабевающей яростью. Приведенный ниже список захоронений, взятый из "Счетов о смертности", даст достаточно точное представление о развитии и спаде болезни...

1819.	Смерти от оспы.	Смерти от других болезней.	Всего смертей.
Январь,	3	61	64
Февраль,	0	71	71
Март,	2	68	70
Апрель,	15	61	76
Май,	73	63	136
Июнь,	156	70	226
Июль,	142	61	203
Август,	84	63	147
Сентябрь,	42	96	138
Октябрь,	10	63	73
Ноябрь,	2	62	64
Декабрь,	1	83	84
	--	--	--
	530	822	1352

Наибольшая смертность наблюдалась в июне, когда за одну неделю от оспы было похоронено 43 человека. Быстрый спад болезни с этого периода очевиден из приведенной выше таблицы; к концу года она была настолько почти вымершей, что я не смог найти вариольного пациента, от которого можно было бы получить икор для важного эксперимента. Поскольку, вероятно, каждый шестой из тех, кого затронула эпидемия, умер от нее, я убежден, что не так уж далеко от истины утверждать, что в 1819 году оспой заболело значительно более 3000 человек, или тринадцатая часть всего населения Норвича.

Всегда разумно рассматривать то, что считается делом против нас, в худшем свете; и поскольку эта ужасная эпидемия в Норвиче приводится как доказательство того, что возможно в отсутствие вакцинации, и как нечто, что противники вакцинации должны рассматривать как убедительное против них, есть причина уделить ей особое внимание; и тем более, что основные факты хорошо выяснены. Прежде всего, однако, я хотел бы отметить, что у меня нет желания преуменьшать ужасы оспы: это отвратительная и, поскольку ее можно предотвратить, дискредитирующая болезнь: но давайте и не будем преувеличивать ее ужасы, а постараемся, по крайней мере, признать факты в их истинных размерах.

Пятьсот тридцать человек умерли в Норвиче от оспы в 1819 году из 3000 предполагаемых заболевших, причем, по общепринятым оценкам, каждый пятый или каждый шестой из заболевших. Смертность от всех болезней в Норвиче в 1819 году составила 1352 человека - 30 на 1000; это высокий показатель, но отнюдь не редкий для городского населения, свободного от оспы. Далее я должен заметить, что если 3000 человек заболели оспой, то 37000 спаслись, и спросить: как они спаслись? Какими средствами они были защищены?

Можно ответить, что четвертая часть из них была привита; но как это объясняет иммунитет 30 000 непривитых? 10 000 прививок, которые, как считается, были сделаны в Норвиче с начала века, были делом почти двадцати лет, и большая их часть в 1819 году должна была быть представлена взрослыми, практически не подверженными инфекции, защищенными не прививкой, а своими годами.

"Защищенные своими годами! Что вы имеете в виду?" - воскликнет один из читателей.

Именно то, что я говорю, - что в эпидемии в Норвиче, как и в эпидемиях ветряной оспы в целом, взрослые находятся в относительной безопасности, а молодые, особенно младенцы, становятся жертвами. В Норвиче в 1819 году едва ли найдется кормилец, отец или мать, которые были бы положены в могилу, убитые оспой.

"Это невероятно!"

Это невероятно просто потому, что факты об оспе упорно замалчиваются. Вот доказательство невероятного в тщательно подготовленном Кроссом отчете о возрасте 530 человек, умерших во время эпидемии в Норвиче.

В возрасте до двух лет,	260
в возрасте от от двух до четырех лет,	132
" от четырех до шести лет,	85
" от шести до восьми лет,	26
" от восьми до десяти лет,	17
" от десяти до пятнадцати лет,	5
" от пятнадцати до двадцати лет,	2
" от двадцати до тридцати лет,	2
" от тридцати до сорока лет,	1
	--
	530

Конечно, скажут, что если бы эти дети были привиты, они бы не погибли; но ответ заключается в том, что в настоящее время основная смертность от оспы приходится на привитых молодых людей, в которых, как можно предположить, вся добродетель этого обряда остается свежей и эффективной. Кросс был энтузиастом вакцинации, но он допускает, с должным оправданием, что привитое меньшинство внесло определенную лепту в число больных и умерших, и что дурная слава о прививке заставила многих в ужасе прибегнуть к вариоляции и тем самым навлечь и распространить беду, которой они опасались. Несколько старух и аптекарь, по его словам, были ответственны за четыре или пять сотен этих творений оспы во время эпидемии, "каждое из которых стало центром заражения".

Возраст, сказал я, является главной защитой от оспы, но хорошие дома и хорошая еда образуют еще одну линию защиты. "Последствия эпидемии в Норвиче распространялись почти исключительно, - говорит Кросс, - на самые низшие слои населения". Более того, он отмечает: "Болезнь часто обострялась.

Болезнь часто усугублялась и принимала свои худшие формы в результате самого неосмотрительного лечения. Предвзвещения и невежество были главными страдальцами, к рецептам старых женщин прислушивались больше, чем к советам медиков. Практика, поддерживаемая традицией среди бедняков города на протяжении более века, была возрождена, несмотря на все протесты, следующим образом.

"В начале болезни поставить объект перед большим огнем и обильно снабдить его шафраном и бренди, чтобы вывести извержение; в течение всего следующего этапа держать его в постели, накрыв фланелью, и даже занавески приколоть, чтобы не было ни единого глотка воздуха. Не разрешать менять белье в течение десяти или более дней, пока высыпания не пройдут; и считать лучшим симптомом изнурительное состояние кишечника на протяжении всего течения болезни".

Таковы были средства, с помощью которых ужасы эпидемии усугублялись. Старые медсестры не мало торжествовали, получив возможность продемонстрировать свое мастерство после того, как оно так долго не применялось; нередко было легко убедить или заставить заблуждающихся людей, в чьих семьях случился этот недуг, принять другой план лечения.

Кросс описал несколько случаев, когда за бесспорной вакцинацией последовала бесспорная оспа. В одном случае девочка одиннадцати лет, правильно привитая на обеих руках, умерла от злокачественной оспы, в то время как ее непривитый брат шести лет выздоровел после тяжелого приступа. Такие случаи в 1819 году рассматривались как исключительные, но они уже давно перешли в разряд обыденных и перестали вызывать удивление и наблюдение.

Такой была памятная эпидемия в Норвиче. Как бы ужасна она ни была, она ни в коем случае не была необычайно ужасной. Если уровень смертности повышался в течение одного года, то в последующие годы он снижался, и средний уровень восстанавливался, что соответствовало общему повиновению общества законам здоровья. В природе последствия равны, и любое временное отклонение в долгосрочной перспективе компенсируется. Если бы вакцинация могла уберечь Норвич от оспы, граждане получили бы в другой форме ту меру болезни, которая соответствовала бы их образу жизни.

Кроме того, мы могли бы спросить, было ли бы экономически выгодно подвергать 40 000 человек мучениям и опасностям лихорадки с вакциной, чтобы избежать эпидемии, подобной той, что случилась в 1819 году. Почему для предотвращения частичной болезни необходимо подвергать себя всеобщему заболеванию, которое только для молодых людей низшего сословия. Вакцинация в Норвиче с 1801 по 1819 год стоила бы гораздо больше болезней и смертей, чем оспа тех же лет. Короче говоря, если бы вакцинация давала тот иммунитет, на который претендовали, цена спасения была бы значительно выше его стоимости.

ССЫЛКА:

[268] История вариолитной эпидемии, случившейся в Норвиче в 1819 году и уничтожившей 530 человек; оценка защиты, обеспечиваемой вакцинацией, и обзор прошлых и нынешних мнений о ветряной оспе и модифицированной оспе. Джон Кросс, член Королевского колледжа хирургов в Лондоне. Лондон, 1820. Стр. 296

ГЛАВА XXXIV.

ВЫТЕСНЕННАЯ И ЗАМЕНЕННАЯ ОСПА.

ДР. ОТКРЫТИЕ УОТТА - ГЛАЗГО, 1813 ГОД.

Выступая в Палате общин в 1878 году, сэр Томас Чемберс сказал: "Вы не можете доказать, что вакцинация уменьшила количество смертей или спасла хоть одну жизнь. Может быть, оспы и не будет, но исчезновение оспы ни в коем случае не равнозначно снижению смертности". М.П. были поражены и недоверчивы, но невежественны. Факт неоспорим, и доктору Роберту Уатту из Глазго принадлежит исключительная честь обнаружить и изложить его в 1813 году.^[269]

Уотт писал трактат о Чинкофе, иначе коклюше, и в ходе работы тщательно изучил реестры смертей в Глазго, чтобы выяснить, насколько верно, "что в некоторые годы болезнь была более смертельной, чем в другие; что она была более опасной в определенном возрасте; и что женский пол страдал от нее больше, чем мужской"; и с самого начала своего исследования "был поражен огромным количеством людей, ежегодно уносимых от оспы". Он вполне мог быть поражен; ведь Глазго был редким местом для оспы, как видно из следующего отчета, составленного на основе таблиц Уатта.

Смертность в Глазго за десять лет, 1783-1792 гг.

Год.	От Оспа.	Корь.	Коклюша Кашель.	Дети до 2.	Дети до 10.	Итого, все Возраст.
1783	155	66	153	479	719	1413
1784	425	1	13	671	877	1623
1785	218	-	34	576	744	1552
1786	348	2	173	706	941	1622
1787	410	23	57	746	1016	1802
1788	399	1	17	770	1059	1982
1789	366	23	45	794	1058	1753
1790	336	33	177	903	1236	1866
1791	607	4	117	984	1367	2146
1792	202	58	68	664	902	1848
	--	--	--	--	--	---
Итого,	3466	211	854	7293	9919	17,607

Последующие десять лет, 1793-1802, повторяют ту же историю, но с уменьшением смертности при растущем населении и уменьшением оспы при увеличении кори и коклюша: таким образом.

Смертность в Глазго за десять лет, 1793-1802 гг.

Год.	С Оспа.	Корь.	Коклюша Кашель.	Дети до 2.	Дети до 10.	Итого, все Возраст.
------	------------	-------	--------------------	------------------	-------------------	---------------------------

1793	389	5	112	807	1126	2045
1794	235	7	51	553	759	1445
1795	402	46	180	761	1048	1901
1796	177	92	60	562	797	1369
1797	354	5	76	586	884	1662
1798	309	3	98	642	864	1603
1799	370	43	95	783	1105	1906
1800	257	21	27	545	716	1550
1801	245	8	125	494	766	1434
1802	156	168	90	544	985	1770
	--	--	--	--	--	--
Итого,	2894	398	914	6277	9050	16,685

Рассматривая эти цифры, Уотт сказал

Я заметил, что от оспы умирают в основном младенцы; следовательно, смерть в возрасте до двух или трех лет составляет очень большую долю от общего числа смертей в городе. Взяв среднее значение за несколько лет, я обнаружил, что более половины человечества умирает, не достигнув десятилетнего возраста, и что из этой половины более трети умирает от оспы; таким образом, почти пятая часть всех рожденных живыми погибает от этой ужасной болезни".

Уотт, конечно, имел в виду человеческий род, представленный в Глазго, из которого более половины умерло в возрасте до десяти лет, а пятая часть - от оспы. То, что было верно в отношении оспы в Глазго, не было верно даже для Эдинбурга, не говоря уже о всей Земле.

В Глазго практиковалась вариоляция, но в какой степени - неизвестно. Однако несомненно, что оспу боялись так же мало, как и других бедствий, считавшихся обычными и неизбежными. Действительно, многие не желали подвергать свое потомство этой болезни в благоприятные сезоны по принципу "покончить с плохим делом". Кроме того, масса населения как будто специально была приспособлена к тому, чтобы порождать лихорадочные заболевания. Высокие здания, образующие узкие переулки, винд или закрома, отходили от главных магистралей, как многочисленные ренты или расщелины. Эти здания были разделены на квартиры, заполненные людьми от подвала до чердака. К воздуху и свету относились как к излишествах. Воды не было никакой, кроме той, что приносили из колодцев, а в мусорные баки попадали помои и отбросы, которые часто выбрасывали из окон. Жизнь в вайнде Глазго в прежние времена не поддается описанию, да почти и немыслима; тем не менее в таких вайндах проводили свое существование многие люди, не испытывая никаких лишений, не признавая ничего лучшего и при этом обладая многими достоинствами. Учитывая такие условия, статистика жизни в Глазго не вызывает удивления: удивительно, что уровень смертности не приблизился к истреблению. Что касается оспы, то как могла семья, проживавшая в конце прошлого века в квартире в шумном квартале Глазго, избежать оспы, если бы она была распространена? Для них оспа была уделом судьбы и принималась на тех же условиях, что ветер и погода, лето и зима.

В Глазго всегда с радостью принимали новинки, и когда было объявлено о дешевом и легком спасении от оспы, за ним поспешили. Оспа утихла: вакцинация получила признание, и вера

была оправдана. Рассматривая опустошение, которое оспа произвела среди молодежи, Уатт говорит

Я начал размышлять о том, насколько иным должно быть положение дел сейчас; и подсчитывать огромное количество человеческих жизней, которое должно было быть спасено в результате прививки вакциной". В это время [1813] более 15 000 человек были привиты публично в Факультетском зале, и, возможно, вдвое или втрое больше в частной практике. За восемь лет [1805-12] в Глазго от оспы умерло немногим более 600 человек; в то время как в 1784 году число умерших только от этой болезни составило 425 человек, а в 1791 году - 607; в обоих случаях это превышало четверть всех смертей в городе за год.

Казалось бы, разумно заключить, что раз смертность от оспы так сильно снизилась, то и детей должно было умирать меньше; но, к удивлению Уатта, факты не поддавались логике. Он пишет

Чтобы выяснить реальную величину этого спасения младенческой жизни, я обратился к одному из более поздних годов и случайно нашел 1808 год, когда, к моему полному изумлению, обнаружил, что половина, или даже больше половины, умерли до десятого года жизни! С трудом веря показаниям своих органов чувств, я стал перебирать другие годы и обнаружил, что во всех них доля погибших была меньше, чем в 1808 году; но все же, если взять среднее значение за несколько лет, она оказалась почти такой же, как и в любой другой период за последние тридцать лет. Такого открытия я никак не ожидал, и как оно могло произойти, казалось мне необъяснимым.

Мы лучше поймем недоумение Уатта по поводу того, что оспа уменьшилась, а смерть осталась незатронутой, если представим перед собой таблицу смертности за десятилетие, в течение которого в Глазго применялась вакцинация.

Смертность в Глазго за десять лет, 1803-1812 гг.

Год.	От Оспа.	Корь.	Коклюша Кашель.	Дети до 2.	Дети до 10.	Итого, все Возраст.
1803	194	45	60	610	940	1860
1804	213	27	52	583	863	1670
1805	56	90	129	616	884	1671
1806	28	56	162	517	786	1620
1807	97	16	85	595	899	1806
1808	51	787	92	1079	1775	2623
1809	159	44	259	782	1187	2124
1810	28	19	147	765	1027	2111
1811	109	267	62	769	1274	2342
1812	78	304	103	804	1278	2348
	--	--	--	--	---	---
Итого,	1013	1655	1151	7120	10,913	20,175

Для наглядности приведем результаты трех десятилетий.

Десятилетие.	С сайта Оспа.	Корь.	Коклюш Кашель.	Дети до 2.	Дети до 10.	Итого, все Возраст.
1783-1792	3466	211	854	7293	9,919	17,607
1793-1802	2894	398	914	6277	9,050	16,685
1803-1812	1013	1655	1151	7120	10,913	20,175

Прежде чем комментировать эти удивительные цифры, стоит обратить внимание на то, что хотел сказать по этому поводу Уатт. Он был уверен, что вакцинация задержала оспу, но было очевидно, что она не задержала смерть, и он чувствовал себя обязанным найти какое-то объяснение.

Исходя из всех обстоятельств, которые попали под мое наблюдение, эффективность вакцинной прививки казалась несомненной". Опыт довольно обширной практики полностью утвердил меня в этом мнении. Но все равно возникал вопрос: как объяснить то же или почти то же количество смертей в возрасте до десяти лет? Поскольку не появилось ни одной новой болезни, недостаток, вызванный отсутствием оспы, должен был быть восполнен большей смертностью от других детских болезней. Была ли она разделена между ними поровну, или же на долю одних выпало больше, чем на долю других? Разрешить этот вопрос - главная цель моего расследования.

Чтобы установить этот факт, он разделил тридцать лет, 1783-1812, на пять периодов по шесть лет каждый, и таким образом представил среднюю пропорциональную смертность.

Годы.	С Оспа.	Корь.	Коклюша Кашель.	Дети до 2.	Дети до 10.	Итого, все Возраст.
1783-1788	19-55	-93	4-51	39-40	53-48	9,994
1789-1794	18-22	1-17	5-13	42-38	58-07	11,103
1795-1800	18-70	2-10	5-36	38-82	54-48	9,991
1801-1806	8-90	3-92	6-12	33-50	52-03	10,034
1807-1812	3-90	10-76	5-57	35-89	55-69	13,354

Первые три из этих периодов, 1783-1800 годы, прошли до того, как прививка могла оказать какое-либо влияние [отмечает Уатт]; в четвертый, 1801-1806 годы, она почти достигла своего максимума; а в последний, 1807-1812 годы, можно сказать, что она уже полностью утвердилась, возможно, в такой же степени, как и в любом другом городе империи.

Вакцинация была введена в Глазго, чтобы спасти жизнь, но где же было спасение? Оспа отпала, но если ее жертвы просто переводились на другие способы смерти, где было преимущество? Уотт продолжает.

Первое, что бросается в глаза при изучении предыдущей таблицы, - это значительное уменьшение доли смертей от оспы - с 19-55 до 3-90 процентов; но еще более примечателен рост в графе "Корь" - с -93 до 10-76 процентов. Смертность от оспы сократилась почти до одной пятой от того, что было двадцать пять лет назад, в то время как за тот же период смертность от кори увеличилась более чем в одиннадцать раз. Это настолько поразительный факт, что я удивляюсь, как он не привлек внимание старых практиков.

Наибольшее количество смертей от оспы за один месяц в течение последних тридцати лет было 114 в октябре 1791 года. В декабре следующего года их было 113. Это единственные два случая за тридцать лет, когда число умерших от оспы достигало 100 человек в месяц. Но это были незначительные визиты по сравнению с теми опустошениями, которые за столь же короткое время совершались корью. В мае 1803 года число умерших от одной только кори составило 259 человек, в июне - 260, а в июле - 118. В декабре 1811 года их число составило 161, а в январе следующего года - 130. Какая поразительная разница, когда мы сравниваем эти цифры с 433, суммой всех смертей от кори за восемнадцать лет, предшествовавших 1801 году! За последние пять лет в Глазго от кори умерло 1430 человек.

Некоторые наблюдатели, естественно, отнесли этот огромный рост смертности от кори к практике вакцинации, и Уотт считал, что у него есть основания для такого предположения, поскольку, когда оспа предшествовала кори, она делала ее более мягкой.

Когда в 1808 г. корь была столь распространена и смертельна, мне часто говорили, что это произошло благодаря вакцинации; но я считал это пустой болтовней, выдумкой тех, кто враждебно относился к коревой оспе. Я охотно допускал, что от кори умирает больше людей, чем раньше; ведь некоторые из слабых и нездоровых, которые умерли бы от оспы (спасенные от оспы), пали бы жертвой кори; но дальше этого я идти не мог.

Но каким бы новым и странным ни казалось это мнение, следует признать, что пока оспа была в силе, она обладала способностью видоизменять и делать мягкой Корь; и теперь, когда оспа в значительной степени изгнана, Корь постепенно занимает ту же позицию. Мне жаль делать это заявление, но факты, по крайней мере в отношении Глазго, слишком сильны, чтобы допускать сомнения.

То, что Корь должна была быть модифицирована оспой, становится весьма вероятным благодаря тому, как вакцинная болезнь предотвращает оспу или делает ее настолько мягкой, что не представляет ни малейшей опасности. Не может ли оспа иметь аналогичный эффект по отношению к кори?

Когда оспа была в полном разгаре, немногие дети спаслись, и большинство из тех, кто болел оспой и корью, заболели сначала оспой. Я полагаю, что так было более чем с девятью десятими населения. Тем не менее, по мере приближения кори, она иногда опережала оспу, и, возможно, именно среди таких пациентов она оказывалась смертельной. Просматривая реестры за прошлые годы, я обнаружил, что от кори умирали, как правило, совсем маленькие дети".

Он даже был склонен считать, что оспа в целом оказывает благотворное влияние на ликвидацию скрытых болезней.

Среди некоторых преобладает мнение, что вакцинация приносит положительный вред, вселяя в организм вредные или порочные чувства. Я не вижу ни малейшего основания для этой гипотезы; но то, что оспа приносит пользу тем, кто пережил болезнь, делая систему невосприимчивой к другим инфекциям, или делая их более мягкими, когда они происходят, должно быть, я думаю, признано..... Я не предполагаю, что оспа улучшает конституцию, но, возможно, устраняет некоторые ненаблюдаемые отклонения от здоровья, которые, если бы не были устранены раньше присоединением какой-либо острой болезни, стали бы семенами ранней смертности, закрепившись в конституции до того, как Корь и другие эпидемии более позднего появления появились вокруг.

С этой точки зрения мы не должны рассматривать оспу как особый смертельный случай, а только как начало некоторых других болезней. Корь, зябкость, круп и скарлатина оказались бы одинаково смертельными, если бы любая из них возникла первой..... Только исходя из этого принципа можно объяснить, как получилось, что тридцать лет назад от кори не умирал ни один из ста, тогда как сейчас умирает каждый десятый. Тридцать лет назад от кори спасались так же мало людей, как и сейчас, но прежде чем они заболели, они, как правило, проходили через оспу, в результате чего вторичная болезнь настолько видоизменялась, что почти полностью лишалась опасности.

Уотт, как можно заметить, рассматривает оспу как детскую болезнь; таким образом, подтверждается наблюдение Монро в 1765 году, что "жители Шотландии обычно болеют оспой в младенчестве или детстве, и очень мало взрослых людей, страдающих этой болезнью".

Из предыдущих выдержек нетрудно понять позицию Уатта. Он был убежден в том, что вакцинация - это профилактика; он был уверен, что она уменьшила количество случаев оспы в Глазго; но, к своему изумлению, он обнаружил, что она не уменьшила общее количество смертей; и что в той мере, в какой оспа была вытеснена, другие болезни, особенно корь, сохранили тенденцию к смертности.

Открытие того, что снижение смертности от оспы компенсировалось ростом смертности от других болезней, было замечательным открытием, важность которого пока еще далеко не оценена. Однако Уатт ошибся, приписав снижение заболеваемости оспой в Глазго вакцинации, и не заинтересовался, имеет ли это явление какое-либо отношение к вакцинации. Он - лучший научный демонстратор, который наиболее полно исчерпывает возможности обратного тому, что он стремится установить. Если предположить, что вакцинация настолько сильна против оспы, как утверждали ее сторонники, то причины в Глазго были несоизмеримы с эффектом. Нигде вакцинация не применялась в большей степени. 15 000 человек были привиты в Факультетском зале, - говорит Уотт, - *и, возможно, вдвое или втрое больше в частной практике* - вольное и сомнительное утверждение. 15 000 человек, прооперированных в Факультетском зале в течение десяти лет, были бедняками, составлявшими подавляющее большинство в Глазго и других городах, и главными страдальцами от оспы. Предполагалось, что "вдвое или втрое больше" - это те, кто нанимал собственных медиков - роскошь, менее распространенная тогда, чем сейчас. Население Глазго приближалось к 100 000 человек, и очевидно, что большая его часть должна была жить за пределами укреплений дженнерианского обряда.

Но если допустить, что в Глазго были привиты все или почти все, кто не болел оспой, это все равно не будет доказательством того, что утверждалось. Уатт был осторожен и придерживался своих доказательств в Глазго, желая, чтобы их принимали за чистую монету; но если бы он расширил диапазон, то обнаружил бы, что спад оспы распространился по

всей Европе и был так же хорошо замечен в Вене, как в Глазго, в Стокгольме, как в Лондоне, в Италии, как в Дании. Как и в Глазго, заслуга в снижении заболеваемости принадлежит вакцинации, но спад начался еще до того, как о вакцинации узнали, и распространился на население, к которому вакцинация не имела никакого отношения. Действительно, Уотт допускает, что смертность от оспы начала снижаться, а от кори - расти еще до того, как Дженнерианское спасение пришло в Глазго; но он не смог понять значение этого факта. Так и в других городах, где оспа отступила: уровень смертности не упал, но, как и в Глазго, поддерживался сходными разновидностями лихорадки.

Что касается Уатта, то мы имеем возможность ознакомиться с некоторыми заметками о его "замечательном трактате", сделанными доктором Уильямом Фарром в тридцатом ежегодном отчете Генерального регистратора за 1869 год. Изложив результаты работы Уатта, доктор Фарр отмечает, что он открыл смещенную и замещенную смертность.

Это важный момент в патологии; и следует признать, что, несмотря на недостатки в его данных, доктору Уатту удалось показать, что (1) оспа была одной из самых больших причин смерти в Глазго до 1800 года, (2) что смертность от оспы была снижена до пятой части от первоначального числа благодаря вакцинации,^[270] и (3) что дети умирали почти в том же количестве, что и раньше, но от других форм болезни.

Глазго всегда славился статистикой, и она, к сожалению, свидетельствует о росте детской смертности. Так, за пять лет 1821-25 гг. смертность мальчиков до пяти лет составляла 8-08; в 1831-35 гг. она была 9-78. В 1865 году смертность мальчиков в Глазго составляла 11-48, девочек - 10-36. Эти последние данные подтверждают принцип. Оспа уже не так смертельна, как до введения вакцинации; в Глазго она вызвала в 1864 году не 20, а 2 из 100 смертей - всего 180 из 6054 смертей, то есть 3 процента смертей в возрасте до пяти лет; тем не менее смертность детей, безусловно, так же высока, а возможно, и выше, чем в последние 10 лет прошлого века.

Обязательная вакцинация в Англии еще больше снизила смертность от оспы, но с 1853 года другие болезни настолько преобладают, что уравнивают выигрыш по этой статье. Смертность детей не снизилась в соответствующей степени.

Подтверждение, полученное таким авторитетом, не требует подтверждения обоснованности и важности открытия Уатта. Доктор Фарр с удовольствием приписывает снижение заболеваемости оспой в Англии и Глазго вакцинации, но он не делает никаких попыток доказать свою правоту: действительно, эти попытки могли бы заставить его признать свою ошибку. Обращаясь к скарлатине, он показывает, как из легкой она превратилась в тяжелый недуг.

Сиденхем (ум. 1689) четко описывает простую скарлатину: он не упоминает о поражении горла и говорит, что пациент может умереть только по вине врача. Джозеф Франк описывает эту болезнь как самый страшный бич в Европе.

Если скарлатина сама по себе приобрела такую ужасную интенсивность и преобладание, то почему следует считать невероятным, что оспа сама по себе должна подвергнуться соответствующему смягчению и уменьшению? Или можно утверждать, что вакцинация уничтожила оспу, чтобы возродить ее в виде скарлатины?

Доктор Фарр продолжает наблюдать.

Необычно, что доктор Уотт, очевидно, практикующий врач с большой проницательностью, совсем не обращает внимания на то жалкое санитарное состояние, в котором жило растущее население Глазго в то время, когда он писал эту книгу.

Необычным является наблюдение доктора Фарра. В то время, когда писал Уатт, не было четкого представления о связи состояния с болезнью. Дженнер постоянно писал об оспе, но ни в одной из его работ нет и намека на то, что она развивается в грязи и зловонии. Его собственная резиденция была пестиком, но ему никогда не приходило в голову спросить: "Почему? Давайте избегать анахронизма. Те, кто помнит или читал об эпидемии холеры 1831-32 годов, знают, что она рассматривалась как непостижимое посещение, к которому следовало относиться с покорностью. Письмо художника Коллинза к преподобному Р. А. Торпу от 26 ноября 1831 года верно выражает общее мнение. Ссылаясь на холеру и законопроект о реформе, он говорит

Из двух бедствий, обрушившихся на нас сейчас, я не знаю, какое из них хуже, но я знаю, что в обоих случаях мы попали в руки Божьи, и не раньше, чем заслужили это.[\[271\]](#)

Я сам помню, какой ужас вызвали Комбы в Шотландии, когда они начали учить, что мы во многом сами виноваты в своих недугах и что болезнь и святость - нездоровый союз; и как один благочестивый врач заметил, когда распространенность тифа в Глазго была осуждена как позорная для властей: "Мы узнали истину в другой школе и содрогнулись бы, посягая на Божественную прерогативу в жизни или в смерти". О том, что Уатт действительно думал об оспе, можно узнать из отрывка его трактата, который доктор Фарр, должно быть, упустил из виду. Он говорит...

Мы можем, кажется, с позволения Божественного Провидения, лишить смерть некоторых из ее, казалось бы, наиболее эффективных средств, но, лишившись их, открываются новые средства или совершенствуются старые".

Я не могу не процитировать следующий отрывок из доктора Вулкомба как несколько пророческий в отношении этого общего результата. Он говорит.

"Разве открытие коровьей оспы, если оно в конечном итоге приведет к истреблению оспы, что может произойти, когда позволят предрассудки человечества, не следует приветствовать скорее из-за его влияния на уменьшение человеческих страданий, чем из-за его влияния на уменьшение человеческой смертности? Поскольку болезнь является одним из сдерживающих факторов чрезмерной численности населения, а план Провидения при создании человеческой жизни требует прекращения существования одной трети созданий до достижения ими двухлетнего возраста, можно усомниться в том, что уничтожение такого эффективного инструмента, как оспа, может быть допущено без замены каким-либо другим, столь же разрушительным недугом. Замененный недуг может, конечно, принести меньше побочных страданий, чем отвратительная болезнь, которую он заменил. Но если допустить, что прямой замены не возникнет, из этого не следует, что болезни в целом будут лишены своей привычной доли в проверке населения; а если нет, то разница будет заключаться лишь в доле жертв, подвергшихся другим заболеваниям. Младенец, спасенный от оспы, может быть спасен только для того, чтобы погибнуть в детстве от кори или скарлатины, или будет сохранен, чтобы пополнить список молодых жертв ненасытной пасти чахотки".[\[272\]](#)

Именно так Уатт решал проблему смертности. Санитарии не было места в его рассуждениях. Он считал, что Провидение призвано ограничить численность населения, и если детей

удастся спасти от оспы, то в противном случае они будут отсечены; и статистика Глазго подтверждала это мнение. Оспа отступила, но похороны были многочисленны, как никогда. Равномерность смертности мы признаем, но больше не приписываем ее Провидению, намеренному ограничить численность населения. Если дети умирают, то не от судьбы, а от невежества, равнодушия или злобы тех, кто несет за них ответственность.

Кто-то может возразить: "Если с помощью вакцинации или других средств избавиться от оспы, не спасем ли мы тем самым жизнь?" Ответ: "Нет. Жизнь можно продлить только в той мере, в какой улучшаются условия жизни. Формы болезней подвержены изменениям; они, вероятно, конвертируемы и взаимозаменяемы; одна форма приходит, другая уходит; но условия остаются прежними, урожай смерти одинаков. Отсюда совет мистера Эдвина Чедвика -

Следите за уровнем смертности. Пусть вас не удовлетворяет ничего, кроме ее снижения. Может не быть поразительных всплесков этой или той лихорадки, но если уровень смертности не снижается, не может быть никаких улучшений, которые должны вас удовлетворить. Уровень смертности - это критерий санитарного прогресса. Поэтому следите за уровнем смертности.

Так случилось, что хотя оспа в Глазго утихла, ни одна жизнь не была спасена; поскольку никаких изменений к лучшему в состоянии жителей не произошло, средства смерти были просто переданы другим учреждениям. Как отмечает доктор Фарр.

Жертвы Глазго были собраны со всех концов, из гор, из Ирландии и других мест; они были размещены в условиях, непригодных для человеческой жизни..... Чтобы сделать их неприступными в отношении оспы, этого было недостаточно, поскольку это оставляло их подверженными другим формам болезни. Так в саду, где цветами пренебрегают, защита от чертополоха просто оставляет землю открытой для мира окружающих сорняков.

Чтобы воздействовать на смертность, необходима защита от каждого из смертельных зимозных заболеваний; в противном случае подавление одного элемента болезни открывает путь для другого.

Доктор Фарр таким образом точно выражает то, что я хочу донести до вас. Преобладание или исчезновение оспы не имеет большого значения. Важна распространенность болезни и смерти, а не наличие или отсутствие какого-либо их особого фактора, когда общий результат постоянен и является мерой нарушенных физиологических законов. Правда, доктор Фарр признает добродетель в вакцинации, но на тех же условиях, на которых повинуются фетишу. Вакцинацию можно было бы вычеркнуть из его аргументов без ущерба для его выводов. Как, например, можно лучше изложить факты с их обоснованием, чем в этих его словах?

Из 1000 родившихся в Ливерпуле 518 детей были уничтожены в первые десять лет своей жизни; некоторые - оспой, многие - корью, скарлатиной, коклюшем, многие - тифом и кишечной лихорадкой; одна болезнь преобладала в один год, другая - в другой, *но все равно приводила к одинаковым фатальным результатам*. То же самое доктор Уатт обнаружил в Глазго давным-давно. Из 1000 детей, родившихся в Лондоне, 351 умерли в возрасте до десяти лет от зимородков и других причин; смертность на 167 человек меньше, чем в Ливерпуле. Насколько меньше потери жизни от этих болезней в здоровых районах Англии! Там из 1000 детей только 205 умирают в первые десять лет жизни. Эту огромную разницу нельзя приписать вакцинации, столь же распространенной в городе, как и в деревне; защита жизни только от оспы оставляет ее во власти опасных болезней неблагополучного города.

Смерть от болезней в неблагоприятных условиях - это лишь часть беды. Те, кто выживает, находят свои силы ослабленными и подавленными в борьбе за выживание. Непременно наступит время, когда оспа и все сопутствующие заболевания будут считаться позорными и недопустимыми, а их появление будет восприниматься как предупреждение и приказ искать и искоренять их причины. Тогда и магические средства профилактики, паллиативы и медицинские лекарства займут совсем другое место в народном воображении.

Дженнер прочитал памфлет Уатта, и, *более того*, несчастное существо не смогло понять его масштаб и значение, усмотрев в нем злобную агрессию против своего интереса к вакцинации. Он писал Муру из Челтнема 6 декабря 1813 года.

Вы, вероятно, не видели памфлет, недавно опубликованный доктором Уаттом, поскольку в его названии нет ничего, что могло бы выдать его цель или *дурную тенденцию*. Корь, похоже, была чрезвычайно смертельной в Глазго в течение последних четырех или пяти лет среди детей, и в течение этого периода вакцинация практиковалась почти повсеместно. До этого корь считалась легким заболеванием. Отсюда доктор Уотт делает вывод, что оспа является своего рода *препаратом* для кори, делая болезнь более мягкой. Короче говоря, он говорит или, кажется, утверждает, что мы ничего не выиграли от введения коревой оспы; ведь теперь корь и оспа поменялись местами в том, что касается их смертельной тенденции. Разве это не шокирует? Вот новая и неожиданная веточка, за которую тонущий антивакцинист может ухватиться.[\[273\]](#)

Заметьте, истинность доказательств доктора Уатта была пропущена! Поскольку оно не способствовало прославлению вакцинации, оно было "злом" и "шокирующим". Позднее Барон занял ту же позицию, заявив.

Несмотря на доказательства силы вакцинации в снижении смертности от оспы, возникает вопрос, снизилась ли *детская* смертность; предполагалось, что благотворное влияние вакцинации было сведено на нет большей смертностью от других болезней детей. Это очень обескураживающее утверждение было опубликовано доктором Уоттом из Глазго; и мнение, которое было поспешно принято и неразумно распространено, несомненно, оказало большое влияние на замедление прогресса вакцинации. Оно, к сожалению, дало повод для худших предрассудков тех, кто выступал против этой практики.[\[274\]](#)

И здесь мы снова не видим попытки опровергнуть заявление Уотта, в то время как его злонамеренность предполагается, потому что оно "обескураживает" и дает "почву для некоторых худших предрассудков тех, кто выступает против вакцинации!". Правда - это лучшее из всего, кроме тех случаев, когда она портит бизнес. Тогда она становится "злом", "шокирующей" и "дает повод для худших предрассудков".

ССЫЛКИ:

[\[269\]](#) An Inquiry into the Relative Mortality of the Principal Diseases of Children, and the numbers who have died under Ten Years of Age in Glasgow during the Last Thirty Years. Роберт Уотт, доктор медицины, лектор по теории и практике медицины в Глазго. Глазго, 1813. Pp. 64.

[\[270\]](#) Умозаключение оспаривается по указанным причинам.

[\[271\]](#) Мемуары Уильяма Коллинза, Р.А., написанные его сыном. Vol. ii. p. 3.

[\[272\]](#) Замечания о частоте и смертности различных болезней. 1808.

[273] Baron's Life of Jenner, vol. ii. p. 392.

[274] *Ibid.*, vol. ii. p. 248.

ГЛАВА XXXV.

НАЦИОНАЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ПО ПРОИЗВОДСТВУ ВАКЦИН-1808-40.

Теперь мы вернемся к течению нашей истории и не свернем с него, пока оно не завершится введением обязательной вакцинации.

9 июня 1808 года Палата общин учредила Национальное учреждение вакцины, на которое выделялось 3000 фунтов стерлингов в год; шестьдесят членов проголосовали за проект, а пять - против.

Причины создания учреждения были несколько сложными. Королевское Дженнерианское общество было разрушено ревностью и интригами Дженнера. Рабочие и подписчики отделились от д-ра Уокера и основали Лондонский институт вакцин; а множество декоративных и влиятельных людей, которые мало платили и мало делали, оказались с Дженнером на руках, нуждающиеся, безнадёжные и беспомощные, и они публично обязались покровительствовать и распространять вакцинацию.

Это была неловкая ситуация, и для ее разрешения потребовались две операции: во-первых, избавиться от Дженнера, а во-вторых, избавиться от поддержания вакцинации.

Первая была осуществлена путем побуждения Палаты общин отдать Дженнеру 20 000 фунтов стерлингов, а вторая - путем создания Национального учреждения вакцин. Таким образом, модный и медицинский Лондон ловко избавился от Дженнера и вакцинации на условиях, устраивающих все заинтересованные стороны.

Ранний ажиотаж вокруг вакцинации уже прошел. Скептицизм укрепился благодаря опыту. Многие из привитых переболели оспой, и объяснения и оправдания исчерпали себя. Легко было ссылаться на ошибки, когда операторами были дилетанты; но когда неудачи были делом рук Дженнера и его дипломированных помощников, вере было трудно устоять. Поддельная коровья оспа послужила причиной многих бедствий; но когда Дженнер, которого заставили дать определение поддельной оспы, был вынужден признать, что ее не существует и что, говоря о ней, он имел в виду только любое нерегулярное действие коровьей оспы на лица привитых, легко представить, как люди, уважающие себя, с удовольствием отказывались от этой связи. Возможно, им не хотелось высказывать все свои подозрения или заявлять о своем легковерии, но это было желанное избавление - больше не нести ответственности за практику и характер, ставшие столь сомнительными. На широкую спину Джона Булла легло это бремя.

В проекте Национального учреждения вакцин была явная уступка скептицизму того времени. Одной из его целей якобы было *проведение исследований*. Лорд Генри Петти, рекомендуя эту меру в Палате общин, заметил: "Доказательства непогрешимой эффективности вакцинации, по общему признанию, неполны; и очень желательно, чтобы истина была

установлена путем общественного расследования, а не обществами, чьи руководители могут быть обвинены в корыстных мотивах". Дженнер горько возмущался тем, что вакцинация стала объектом исследования. Он считал, и в некотором смысле справедливо, что слишком поздно говорить о расследовании, когда реальность его открытия была подтверждена общественными почестями и наградами, которыми он был удостоен. "Увы!" - восклицал он, - "бедная Вакциния, как ты унижена!". Еще больше его возмутило исключение из Совета Учреждения на том основании, что общественность может быть уверена в его беспристрастности. Насколько искренними были представители этой профессии, я не берусь судить; достаточно отметить, что дела с вакцинацией дошли до такого состояния, что было сочтено целесообразным примирить налогоплательщиков обещанием провести расследование за их деньги. Очевидно, что восторженная уверенность 1802 года сменилась совершенно иными настроениями в 1808 году.

Тем не менее, это были колеса в колесах. "Можно считать само собой разумеющимся, - говорил один из радикалов тех дней, - что каждое голосование за государственные деньги имеет цель, превышающую видимую, и покрывает большие или малые задачи". Так было и в рассматриваемом нами случае. Расстроенные остатки Королевского Дженнерианского общества обратились к правительству с просьбой взять под контроль их разгромленное предприятие; но их просьбы могли бы оказаться безрезультатными, если бы правительство не нашло способ обеспечить определенного претендента в ходе операции. Сэр Джон Мур служил своей стране на Апеннинском полуострове; у него были друзья во властных структурах; у него был брат Джеймс, хирург лейб-гвардии, для которого требовалась удобная койка. Давайте назначим Мура директором этого нового учреждения с жалованьем в 200 фунтов стерлингов в год, и дело было сделано. Было обещано провести исследования, Коупокс был одарен, а Мур был обеспечен.

Дженнер активно содействовал созданию Учреждения, будучи уверенным, что он должен стать его руководителем; но когда организация была раскрыта, он испытал глубокое отвращение. Управление было поручено Совету из восьми членов, состоящему из президента и четырех цензоров Колледжа врачей, а также магистра и двух губернаторов Колледжа хирургов, с жалованьем в 100 фунтов стерлингов в год каждому. Из этого совета, как было заявлено, Дженнер был намеренно исключен, "чтобы обеспечить беспристрастное расследование". Сначала было предложено подчинить Дженнера Совету, присвоив ему титул директора, а Муру - его рабочего заместителя; ведь те, кто имел опыт общения с ним во время его лондонской карьеры, ясно понимали, что для постоянной работы он не годится, а с его болезненной семьей, проживающей в Глостершире, на него нельзя было рассчитывать ни дня. Однако когда Совет проигнорировал его кандидатуры, особенно кандидатуру его приятеля, Джона Ринга, на должность "главного вакцинатора и инспектора станций", он сразу же разорвал свою связь с Учреждением, "поскольку, - по его собственным словам, - он обнаружил, что ему нечего делать и что его должность - это только название". "То, что я не являюсь членом Британского учреждения вакцин, - писал он, - поразит весь мир; и никто в нем не может быть поражен больше, чем я сам"; но, насколько можно судить, поражен был в основном только он сам. При большинстве обстоятельств удивление мира мимолетно и бесполезно, и если бы общественное мнение того времени было учтено, можно не сомневаться, что оно было бы направлено против Дженнера.

Поэтому Мур занял место Дженнера в качестве директора Национального учреждения вакцин, подчиняясь Совету врачей и хирургов. В Лондоне было открыто семь станций с семью хирургами-суперинтендантами для вакцинации всех желающих, а также для сбора и распространения вируса.

Поначалу [пишет Мур] желающих сделать прививку на различных станциях было немного, не более 3 000 в год; но благодаря постоянным усилиям и ослаблению предрассудков их число регулярно росло, и в 1816 году в Лондоне было привито 7 771 человек.[275]

Эти цифры очень важны, так как показывают, насколько разрушительной была вакцинация, и насколько малое количество случаев заболевания оспой в Лондоне было связано с ее распространением.

Мур был проницательным тактиком. У него хватило ума понять, что если в вакцинации и есть что-то важное, то вступать в разногласия с Дженнером было бы глупо; убедив его в том, что он преувеличивает вред, подразумеваемый в политике Совета, он постепенно успокоил его чувства и вступил с ним в долгую и доверительную переписку. Дженнер, в свою очередь, обнаружив, что его недовольство ни к чему не привело, расслабился и время от времени одаривал Совет светом своего лица и советов.

Национальное финансирование вакцинации пагубно сказалось на всех других предприятиях того же направления. То, что осталось от Королевского Дженнерианского общества, зачахло, а проводники Лондонского вакцинального института обнаружили, что сбор подписки практически невозможен. Те, кто обращался к ним, естественно, возражали: "Почему нас просят подписаться на то, что уже предоставлено правительством?" Но для доктора Джона Уокера, директора Лондонского института, вакцинация была фанатизмом, и он был готов жить на хлебе и воде, чем отказаться от продвижения того, что, по его убеждению, было делом спасения. Поэтому он продолжал бороться, несмотря на уныние и ничтожные средства, и по мере того, как неспособность правительственного учреждения удовлетворить требования становилась очевидной - то ли от избытка достоинства, то ли от апатии, - квакерский институт, как его называли, начал процветать, завоевывать доверие как медиков, так и общественности и соперничать в бизнесе с самим учреждением.

Что касается расследования, обещанного в Палате общин, то его даже не пытались провести. Беспокойство Дженнера было излишним. Когда сообщалось о случае оспы, травмы или смерти после вакцинации, признанной формулой было утверждать либо о каком-то дефекте в операции, либо о вирусе, либо о какой-то причине, либо о любой причине *ab extra*, а не о том, что принцип Дженнера может пострадать. В качестве иллюстрации процедуры Совета в этом отношении можно привести пример мистера Томаса Брауна, хирурга из Мюссельбурга, который приводится в книге Мура "Дерзость".

Через два года вакцина была распространена по всей Шотландии. Однако через некоторое время один скрипучий голос нарушил всеобщее согласие. Мистер Браун, безвестно прозябавший в Мюссельбурге, в 1809 году опубликовал книгу, в которой утверждал, что вакцина способна предотвращать оспу лишь на время, что через три года ее влияние ослабевает, а через пять или шесть - почти не защищает от оспы.

Браун представил свои доводы в Совет, но они не встретили никакого внимания.

В таком крайнем положении [продолжает Мур] он написал государственному секретарю гнусное обвинение в адрес Национального учреждения вакцин, которое было передано в Совет. Когда они собрались, секретарь прочитал это письмо, а затем перевязал его красной лентой среди той массы бумаг, которые отправляются на покой.[276]

Можно ли выразить большее в меньшем? Таким образом, Браун, представитель истинной науки и просвещенного и честного расследования, был поставлен на нет и опорочен Советом, созданным для проведения расследования! Говоря об этом, я также не выступаю

просто как противник вакцинации. Браун не был антивакцинистом. То, что он отстаивал, теперь повсеместно признается вакцинистами. Они допускают, что защита, обеспечиваемая вакцинацией, носит временный характер и что время от времени необходимо возобновлять профилактику. Практика ревакцинации основана на истинности утверждения Брауна, но, по словам Мура, он был тщеславным и злопамятным человеком, а Дженнер назвал его "объектом скорее сочувствия, чем негодования".

В качестве распространителей вируса "Истеблишмент" тоже отставал от "Института Уокера", а среди знатоков статьи предпочтение отдавалось язве квакеров. Дженнер писал Муру 5 марта 1816 года.

На материал, рассылаемый Национальным институтом вакцин, много жалоб. Несколько недель назад хирурги больницы в Глостере обратились ко мне за вакциной, и их просьба сопровождалась замечанием: "После использования тридцати точек, присланных из города, не было получено ни одного гнойника".

Чтобы объяснить такие неудачи, стали говорить о том, что вирус постепенно теряет свою силу, проходя через множество рук; но, продолжал Дженнер.

Медики более искусны, чем другие, в обнаружении причин, не требующих долгих размышлений, и в данном случае они все ошиблись - что неудивительно. Они объясняют ослабление активности материи и ее склонность к образованию несовершенных везикул большим временем, прошедшим с тех пор, как она была взята у коровы, и огромным количеством людей, через которых она прошла. Это предположение, и я могу опровергнуть его фактами. Материя может претерпеть изменения, которые сделают ее непригодной для дальнейшего использования при передаче даже от одного человека к другому; и это с такой же вероятностью может произойти как в первый год вакцинации, так и в двадцатый. Есть медики, которые готовы заразиться всем, что попадется им на глаза под одним лишь названием "вакцинная материя", или от гнойников с неправильным характером. Именно из-за распространения такой материи и возникло то недовольство, о котором я говорю.[\[277\]](#)

Когда мы обращаемся к истории Национального учреждения по вакцинам, нет особых причин удивляться его неэффективности. Палата общин проголосовала за выделение 3 000 фунтов стерлингов в год, и правительство поручило организацию учреждения и управление его средствами руководителем Королевского колледжа врачей. Как распорядились этими 3 000 фунтов в год, стало известно в 1822 году, когда были опубликованы отчеты. Отчет за 1821 год отражал то, что происходило в течение последних двенадцати лет.

		£	£
Врачи.	Сэр Генри Хэлфорд, барт.	100	
	Доктор Фрэмpton	100	
	Доктор Томас Хьюм	100	
	Доктор Чарльз Бэдхэм	100	
	Доктор Р. Ллойд	100	
		--	500
Хирурги.	Сэр Эверард Хоум	100	
	Сэр В. Близард	100	

	Генри Клайн	100	
		--	300
Регистратор.	Джеймс Херви, доктор медицины.	300	
Директор	Джеймс Мур	200	
Секретарь	С. Мюррей	50	
		--	550
Вакцинаторы.	Один по цене 150 фунтов стерлингов	150	
	Пять " 100	500	
	Один " 75	75	
	Шесть " 50	300	
		--	1,025
Домработница		40	
Посыльный		52	
Аренда меблированного дома, 18 Перси-стрит		260	
		--	352
Типография, канцелярские товары, уголь, свечи и т.д.		183	

	Итого		£2,910

Счета, хотя и выявили то, что предполагалось, были широко осуждены как скандальные. Парламент выделил 3 000 фунтов стерлингов в год на распространение вакцинации среди бедных, а тут несколько врачей и хирургов прикарманили 800 фунтов стерлингов, а большую часть оставшейся суммы промотали. Они считали вакцинацию избавлением человечества от бича оспы и при этом без колебаний присваивали средства, выделенные на ее распространение! Вряд ли существовала хоть какая-то видимость работы за зарплату. Совет собирался раз в неделю, но посещение его было нерегулярным и осуществлялось по усмотрению каждого члена. Восемьсот человек заглядывали туда, когда было удобно, чтобы посплетничать и спросить, как дела. Когда их поставили на защиту, они заявили, что общественность с недоверием относится к вакцинации, и чтобы внушить доверие, необходимо, чтобы Учреждение пользовалось мнимой поддержкой Коллегии врачей и Коллегии хирургов, для которых гонорар в 100 фунтов стерлингов в год каждому из их представителей был отнюдь не чрезмерным. В ответ на это было указано, что доктор Уокер, поддерживаемый добровольными взносами, собираемыми с трудом и на меньшую сумму, чем зарплата многих артизанов, сделал больше для вакцинации в Лондоне и стране, и пользуется большим уважением и доверием, чем Учреждение со всем престижем корпоративной власти.

В результате многочисленных протестов вопрос о растрате государственных средств был вынесен на рассмотрение Палаты общин Джозефом Хьюмом. Отличительной чертой мистера Хьюма было то, что он с сильным здравым смыслом и непобедимым терпением отстаивал стандарты честности в государственных финансах, утверждая, что обманывать нацию так же неправильно, как обманывать отдельного человека; и что так же глупо (чтобы не сказать более порочно) отдавать народные деньги за бесценок, как и выбрасывать свои

собственные. Этот принцип, столь очевидно неоспоримый, но столь бесстыдно нарушаемый во всех департаментах государства, мистер Хьюм проводил в жизнь с настойчивостью и успехом, которые никогда не были превзойдены и, боюсь, никогда не будут оценены по достоинству. Он показал, что патриотизм - это практическая добродетель, а не сентиментальный предлог для общественного грабежа, и научил чести тех, кому она была неведома. Поэтому мистер Хьюм возглавил борьбу против Национального учреждения вакцин, и в 1827 году ежегодное голосование было сокращено с 3 000 до 2 500 фунтов стерлингов, причем 300 из 500 фунтов были сэкономлены за счет увольнения двух бесполезных врачей и одного бесполезного хирурга. Но даже тогда оставшаяся расточительность продолжала вызывать негодование, последствия которого зафиксированы в "Отчете отдельного комитета по Совету по вакцинам, с протоколами доказательств, заказанных Палатой общин для печати, 28 августа 1833 года". Если бы позволило место, было бы легко остановиться на разоблачениях этого комитета. Достаточно сказать, что доктор Джордж Грегори, сотрудник оспенного госпиталя, считал, что вся работа Совета может быть выполнена на 1 200 фунтов стерлингов в год. Комитет, однако, отказался от столь жесткой экономии и рекомендовал выделить следующий штат и расходы

Вакцинаторы на станциях в Лондоне (сумма, которая, возможно, будет сокращена) вероятно, может быть уменьшена)	£900
Инспектор}	{ 200
Регистратор } Квалифицированный специалист по обмену	{ 200
Посыльный	55
Офисы, аренда	100
Случайные расходы	150

Итого	£1,605

Комитет отметил, что Совет может состоять из двух врачей и одного хирурга, чьи обязанности, не будучи обременительными, могут выполняться безвозмездно. Как Комитет был более свободолобив, чем доктор Грегори, так и общины были более распущенными, чем Комитет. Президент и цензор Коллегии врачей, а также президент Коллегии хирургов продолжали получать по 100 фунтов стерлингов в год каждый, а ежегодная субсидия на содержание учреждения составляла 2200 фунтов стерлингов, пока вакцинация под видом санитарии не достигла чудовищных размеров, от которых мы страдаем по сей день.

Сейчас много говорят о "финансировании научных исследований", но что может получиться из такого финансирования, если за ним не следить, видно на примере Национального учреждения вакцин. Исследования, которые предполагалось начать, так и не были продолжены; а забота об интересах общества, которую взяли на себя Коллегии врачей и хирургов, так и осталась лишь притворством. Парламенту представлялись ежегодные отчеты, подписанные главами учреждений, но от исследований в них не было и следа, а многие из них регистратор мог списать в течение часа. Лишенные каких-либо научных достоинств, эти отчеты все же позволяют получить некоторые любопытные сведения о том, что происходило из года в год, с указанием основных точек сопротивления, с которыми сталкивалась практика вакцинации; и, перелистывая серию с 1810 по 1840 год, я сделал следующие заметки, которые, возможно, будут прочитаны с интересом.

ВАРИОЛЯЦИЯ.

Главное сопротивление исходило от прививателей оспы; действительно, за исключением апатии, можно сказать, что другого сопротивления не было. Поэтому мы читаем под несколькими датами

1810 г. В течение 1809 г. хирурги привили 1 493 человека. Мы с сожалением вынуждены констатировать упадок вакцинации в метрополии и явное нерасположение к ее проведению; и выражаем сожаление, что находятся злонамеренные лица, которые пытаются сорвать намерения Его Величества, тревожа дезинформированных людей заведомо ложными историями.

1812 г. - У нас есть основания приписать рост заболеваемости оспой в Лондоне в прошлом году необдуманной и неосмотрительной манере, в которой огромному количеству людей до сих пор делают прививки от оспы, а затем требуют посещать два или три раза в неделю место прививки на каждой стадии болезни. Практика прививок является основным средством, с помощью которого оспа сохраняется, а ее инфекция распространяется среди людей и в местах, где в противном случае она не была бы замечена.

1814 г. - Совет с большим сожалением вынужден констатировать, что, хотя Софии Вантандильо было назначено наказание в виде трехмесячного тюремного заключения за то, что она носила своего ребенка, находящегося под воздействием оспы, по улицам города (который заразил многих других, восемь из которых умерли), неосторожных людей все еще соблазняют рекламными проспектами бессовестных эмпириков подвергать своих детей вариолитной прививке. Однако следует надеяться, что вышеупомянутый приговор, вынесенный Судом королевской скамьи, который Совет принял все меры для обнародования, может принести значительную пользу. Совет выбрал Софию Вантандильо в качестве примера, учитывая масштабы бед, причиненных ее проступком; и , что это судебное преследование, за которым последует мягкое наказание, может предотвратить любое дальнейшее умышленное воздействие на привитых людей, является его горячим желанием. В то же время Совет привлек к ответственности мистера Бернета, который сделал прививку ребенку и который долгое время распространял самые озорные и оскорбительные рекламные проспекты, предлагая безвозмездно прививать людям оспу и клеймя прививку как порождающую самую отвратительную болезнь. Этот практикующий врач, потерпев поражение в суде, был приговорен судом Королевской скамьи к шести месяцам тюремного заключения.

Все расходы, связанные с этим учреждением на 1814 год, были покрыты за счет прошлогоднего голосования, но Совет сожалеет, что в связи с недавними судебными преследованиями и приговорами, а также мерами, принятыми для более эффективного распространения практики вакцинации по всей империи, потребуется добавить 500 фунтов стерлингов к годовому гранту.

1815.- В Эдинбурге, Глазго и Норвиче прививки не используются, и, как следствие, оспа почти не известна. В окрестностях Аберистута в Уэльсе и Боутри в Йоркшире она полностью исчезла. Обратная ситуация, к сожалению, наблюдается в Портсмуте, Бристоле и Лондоне. Только в метрополии смертность можно оценить в 1000 человек в год; возможно, во всем Соединенном Королевстве она не менее чем в десять раз выше. Нам представляется, что предотвратить эту потерю человеческих жизней можно только с помощью таких законодательных актов, которые полностью положат конец прививкам оспы.

В том, что оспа увеличилась благодаря вариоляции, у нас нет причин сомневаться, несмотря на тот факт, что к концу прошлого века, когда вариоляция применялась в наибольшей степени, заболеваемость оспой неуклонно снижалась; но приписывать существование и сохранение оспы вариоляции - абсурд. Оспа была широко распространенной болезнью до того, как вариоляция была введена, чтобы предвосхитить и свести ее к минимуму.

1817 г. - Пагубная практика прививания оспы, от которой теперь, как правило, отказывается медицинская профессия, сохраняется лишь у очень немногих из наименее благонадежных врачей и обычно проводится подпольно; тем не менее Совет обеспокоен тем, что эта разрушительная операция теперь выполняется ради выгоды бродячими эмпириками, фарцовщиками, мытарями, медсестрами, низкими, хитрыми людьми обоих полов и различных описаний. И таково увлечение бедных и невежественных людей, что многие из них несут своих младенцев для прививки тем, кто знает только, как нанести, но не как смягчить насилие оспы. В результате многие погибли под их руководством, а болезнь в отдельных районах получила широкое распространение. Поскольку это незаконное поведение преобладало в Лондоне, в прошлом году разразилась эпидемия оспы среди тех, кто не был защищен вакцинацией, и 1051 человек умер от этой болезни.

1836 г. - В течение прошлого года в Лондоне от оспы умерло всего 300 человек; вероятно, эта смертность, хотя и сравнительно небольшая, объясняется продолжающейся частичной практикой прививки, которая способна распространять далеко и широко свое заразное влияние, подвергая неминуемой опасности всех, кто не был защищен предыдущей прививкой или уже болел оспой.

В 1840 году вариоляция была признана уголовным преступлением, и теперь она стала менее доступным оправданием для сохранения оспы вопреки вакцинации.

ПРОВАЛ ВАКЦИНАЦИИ.

Приняв откровения Дженнера, главы лондонской медицины в манифесте 1800 года заверили общественность, что "те люди, которые переболели коровьей оспой, совершенно защищены от заражения оспой в будущем". Это было опрометчивое утверждение. Доказательства его неправдивости не замедлили появиться. Сначала их отрицали, потом объясняли, а затем признавали с более или менее искусной квалификацией. Когда в 1808 году было создано Национальное учреждение вакцин, факт того, что вакцинация не оправдала своих первоначальных обещаний, был общепризнанным. Тем не менее, отчеты Учреждения демонстрируют множество хитроумных изгибов и попыток обмануть природу. Например.

1811 г. - То, что в некоторых случаях оспа поражала людей, которые были самым тщательным образом привиты, достаточно доказано; не стоит удивляться этому, если учесть, что прививка от оспы иногда не помогает, и что можно привести несколько случаев, когда люди болели этой болезнью более одного раза в течение жизни. Совет с бесконечным удовлетворением констатирует два следующих важных и решающих факта, доказывающих эффективность и безопасность вакцинации, а именно: в случаях, дошедших до их сведения, оспа после вакцинации, за очень немногими исключениями, протекала в легкой форме, и что из многих сотен тысяч вакцинированных лиц им не было сообщено ни одного достоверного случая возникновения смертельной оспы после вакцинации.

Совет с большим удовольствием заявляет, что денег, выделенных парламентом на последней сессии, было достаточно для покрытия расходов 1811 года, и они считают, что той же суммы будет достаточно для расходов текущего года.

В 1811 году Совет провел 3 148 прививок, что составило около 1 фунта стерлингов на голову.

Мур, сообщив о некоторых случаях заболевания оспой после вакцинации в Сент-Осите, в Эссексе, продолжает: "1816 год.

1816 г. - Некоторые очень редкие случаи неудач в вакцинации, как исключения из общего закона, можно ожидать, пока оспа распространена; поскольку было полностью установлено, что когда воздух сильно пропитан инфекционным паром оспы, некоторые из тех, кто перенес болезнь, подвергаются нападению во второй раз.

1818.- С момента основания этого учреждения в 1808 году до настоящего времени на лондонских станциях было привито 52 253 человека. Известно, что только четверо из них впоследствии заболели оспой, и эти люди никогда не были очень серьезно больны.

1819.- Свидетельства некоторых наших корреспондентов сходятся в том, что большое число людей, которым была сделана прививка, впоследствии заболели болезнью, представляющей все основные признаки оспы; но в подавляющем большинстве таких случаев болезнь была сравнительно непродолжительной и не сопровождалась симптомами опасности. В нескольких случаях, однако, болезнь затягивалась до обычного срока, а в восьми случаях она оказалась смертельной. Нам представляется достоверно установленным, что предрасположенность привитых к заражению оспой не зависит от времени, прошедшего после вакцинации, поскольку некоторые люди, недавно получившие прививку, подвергались такому воздействию, в то время как другие, привитые восемнадцать и двадцать лет назад, безнаказанно болели и подвергались заражению.

1820.- Правда, мы получаем сообщения из разных частей страны о многочисленных случаях заболевания оспой после вакцинации, и мы не можем сомневаться, что предубеждения людей против этого профилактического средства объясняются (и не совсем безосновательно, возможно) этой причиной. Эти случаи Совет старательно расследовал, и хотя выяснилось, что многие из них основаны лишь на слухах, а другие, похоже, подверглись вакцинации несовершенно, все же после всех разумных выводов мы вынуждены признать, что слишком многие из них все еще остаются неоспоримыми доказательствами, чтобы оставить какие-либо сомнения в том, что притязания вакцинации на достоинство совершенной и исключительной безопасности во всех случаях против оспы были изначально приняты слишком безоговорочно.

1825.- То, что значительное число людей заболело оспой после вакцинации, мы готовы признать; хотя в большинстве случаев при обследовании обнаруживается, что оспа не была успешно и эффективно проведена, что, по общему мнению, необходимо для полной безопасности. Вакцинация, следовательно, можно сказать, не обеспечивает абсолютной и совершенной безопасности. Мы не представляем ее миру с такой претензией, но мы заявляем, что она является наименее несовершенным из средств, которыми мы располагаем для борьбы с болезнью.

1827.- Правда, нам очень часто сообщают о случаях возникновения оспы после вакцинации; но у нас есть основания полагать, что число тех, кто впадает в эту безопасную, хотя иногда и тяжелую болезнь, после вакцинации, не больше, чем число тех, кто ранее умер от прививки, пока эта практика преобладала.

1833.- Из равного числа привитых и непривитых людей, только столько первых будут способны впоследствии заболеть оспой, и притом в безопасной степени, сколько умирает от последней.

1836 г. - Если 300 детей будут привиты, то один из них будет впоследствии восприимчив к оспе, но только в легкой и совершенно безопасной форме, тогда как если 300 детей будут вариолированы, то один из них непременно умрет.

Статистика вариоляции и вакцинации за 1827, 1833 и 1836 годы заслуживает внимания как развитие внутреннего сознания. Они иллюстрируют способность Совета обнаружить то, что считалось *истиной*.

РАЗВИТИЕ СКАЗОЧНОГО СПАСЕНИЯ.

1811 год. До открытия вакцинации среднее число смертей от оспы в рамках лондонских счетов смертности составляло 2 000 в год; в то время как в 1811 году от этой болезни умер только 751 человек, несмотря на рост населения.

В 1818 году в Лондоне и его окрестностях было привито 6 289 человек; Совет с большим удовлетворением приводит неопровержимые доказательства растущих преимуществ открытия Дженнери; так как из счетов смертности Лондона следует, что вместо 2 000 смертей от оспы, что было среднегодовым показателем до введения вакцинации, в 1818 году умер только 421 человек.

То, что до введения вакцинации 2 000 человек ежегодно умирали от оспы в Лондоне, - утверждение, требующее определения. В ранние годы эта цифра занижена, а в более поздние - завышена. Доктор Фарр передает истину в таких словах.

Максимальной смертности оспа достигла после введения прививок. Ежегодные случаи смерти от оспы в Лондоне, начиная с 1760 по 1779 год, составляли в среднем 2 323. В последующие двадцать лет, с 1780 по 1799 год, они снизились до 1 740. Таким образом, болезнь начала становиться менее смертоносной еще до открытия вакцинации, что, наряду с уменьшением числа лихорадок, свидетельствует об общем улучшении здоровья, происходившем в то время.

Принимая во внимание цифры доктора Фарра (и не забывая о 2 000, приведенных Советом в отчетах за 1811 и 1818 годы), что читатель думает о следующих дерзких попытках покушения на общественное доверие?

1826 г. - Судя по количеству распространенной вакцинной лимфы, можно предположить, что практика вакцинации с каждым днем становится все более распространенной; и этот вывод еще больше подтверждается тем фактом, что в 1826 г. от оспы умерло всего 503 человека, в то время как в предыдущем году было зарегистрировано 1 299 человек, ставших жертвами этой страшной болезни. Возможно, не стоит объяснять эту разницу влиянием вакцинации; ведь в 1825 году оспа приобрела особенно злокачественный характер, и случаев, когда болезнь дважды встречалась у одного и того же человека, было больше, чем когда-либо ранее. Но если вспомнить, что до введения вакцинации среднее число смертей от оспы в Лондоне ежегодно составляло около 4 000, то невозможно найти более весомый аргумент в пользу ценности этого важного открытия. Также невозможно привести более яркое доказательство отеческой заботы правительства о защите народа в стране и за рубежом от этой разрушительной болезни, чем создание и поддержка этого Совета.

Эта прыгающая ложь, пройдя проверку, была повторена с расширением через соответствующий промежуток времени.

В 1834 году было зарегистрировано всего 334 случая смерти от оспы, что значительно меньше, чем за все годы после введения вакцинации, и меньше, по крайней мере, на 4 000

случаев, чем в среднем умирало ежегодно от оспы в Лондоне до того, как было открыто и обнародовано защитное действие коровьей оспы.

И снова она появилась с новым оттенком преувеличения -

1836 г. - ежегодная гибель людей от оспы в метрополии до введения вакцинации превышала 5 000 человек, в то время как в течение прошлого года от этой болезни умерло всего 300 человек.

Безнаказанность, очевидно, была обеспечена, и басню стали рассказывать как само собой разумеющееся, таким образом.

1839 г. Раньше от оспы умирало 5 000 человек в год в рамках лондонской статистики смертности ; но с тех пор как вакцинация заменила вариоляцию, это число постепенно уменьшалось, пока в 1837 г. не составило всего 200 человек. За истекший год (в течение которого оспа преобладала эпидемически) умерло 800 человек, что, в конечном счете, не больше одной шестой части того числа, которое ежегодно умирало [то есть 4800 человек] во время преобладания вариоляции, несмотря на увеличение численности населения Лондона и его окрестностей. Таким образом, при внимательном ретроспективном анализе мы можем с полным основанием утверждать, что в Лондоне ежегодно спасается 4 000 жизней, поскольку вакцинация в значительной степени вытеснила вариоляцию.

Спад заболеваемости оспой, наступивший к концу прошлого века, не ограничился Лондоном, а охватил многие европейские народы. Он начался до того, как стало известно о вакцинации, и продолжался независимо от нее, хотя вакцинаторы охотно утверждали, что это явление - результат их ненужных усилий. В отношении Лондона это утверждение было абсурдным, поскольку очевидно, что в течение рассматриваемых лет вакцинация никогда не обгоняла и даже не приближалась к уровню рождаемости в метрополии. Вот отчет о прививках, проведенных Учреждением за пять лет

1818	1819	1820	1821	1822	Итого.
--	--	--	--	--	---
5,490	7,874	6,054	6,627	8,230	= 34,275

Все прививки за пять лет не сравнялись с количеством рождений в Лондоне за один год! Сеем утверждать, что добровольными усилиями было привито еще столько же; но эти цифры, как бы они ни были расширены, не могут охватить огромную массу лондонцев низшего класса, которые тогда, как и сейчас, были главными факторами распространения оспы. Я категорически утверждаю, что Национальное учреждение по вакцинации оказало на лондонскую оспу такое же влияние, как и Священный союз.

ЛИЦА В ПЯТНАХ.

Один из аргументов в пользу вакцинации в наши дни звучит так: "Как вы объясните отсутствие на лицах пятен? Когда я был молод, сорок лет назад, ничто не было более обычным, чем лица, обезображенные оспой". Иногда воспоминания переносятся на мать или бабушку, которая, как сообщается на сайте, говорила, что помнит, когда каждый третий или четвертый человек был в язвах.

Мы не должны серьезно относиться к воспоминаниям матери или бабушки, которые так склонны к налету лет. Ограничившись живыми воспоминаниями, их обладатели, возможно, будут удивлены, узнав, что трансформация, за которую они лично ручаются, произошла до

того, как они родились или стали квалифицированными наблюдателями; и до того, как вакцинация была достаточно практикована, чтобы вызвать изменения; вот доказательства, изложенные в отчетах Национального учреждения по вакцинам и напечатанные по распоряжению Палаты общин. Под следующими датами мы читаем

1822 г. - В качестве доказательства защитного влияния вакцинации мы с уверенностью призываем всех, кто часто посещает театры и многолюдные собрания, признать, что они больше не обнаруживают у подрастающего поколения того уродства человеческого лица, которое было очевидно повсеместно несколько лет назад.

1825 г. - В 1825 г. число умерших от оспы составило 1 299 человек, что намного больше, чем сообщалось в течение нескольких последних лет. Из этого меланхолического заявления нельзя не сделать вывод, что низшие слои общества по-прежнему предвзято относятся к вакцинации и позволяют оспе идти своим чередом.

И все же какой более весомый аргумент можно привести в пользу вакцинации, чем ежедневное замечание, которое должен делать самый малозаметный человек, что в наших церквях, театрах и при любом большом скоплении народа увидеть молодого человека со следами оспы теперь можно крайне редко.

Чему можно приписать свободу от следов столь отвратительной болезни, как не защитному влиянию вакцинации? Ведь вариоляция уже давно не используется всеми уважаемыми врачами.

1837.- Редкость примеров обезображивания от оспы, которые можно встретить в театрах, церквях или при любом большом скоплении народа, доказывает, что вакцинация не утратила своей эффективности.

Лица с отметинами от оспы отнюдь не редкость в Лондоне, хотя их число уменьшилось благодаря более тщательному уходу и использованию известных средств для предотвращения уродств; и тот, кто захочет продолжить расследование, обнаружит, что большинство отмеченных были привиты, а многие повторно - доказательство того, что не сам обряд предотвращает появление шрамов.

Общее впечатление от отчетов Учреждения за 1808-40 гг. таково: они исходили от людей, которые были приверженцами вакцинации, но не имели глубокой веры в ее эффективность; которые были против признания ее бессилия, но в конечном итоге придерживались ее как, возможно, лучшей защиты от оспы. Имея достаточно средств и возможностей для исследований, они не сделали ни одного открытия, не достигли никакого прогресса в практике и, по-видимому, не предполагали, что можно сделать какое-либо открытие или прогресс. Они приняли оспу как таинственное распоряжение природы, а коровью оспу - как вероятное противоядие, и так и остались, бездумные и беспомощные. Они даже не заметили, что оспой болеют в основном молодые и бедные, и не сделали из этого никаких выводов. Они получили свои деньги, прошли через соответствующую процедуру, и на этом их действия закончились.

ССЫЛКИ:

[275] История и практика вакцинации, с. 223.

[276] История и практика вакцинации, с. 226.

[277] Baron's Life of Jenner, vol. ii., p. 398.

ГЛАВА XXXVI.

НАЦИОНАЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВАКЦИН-1841-50.

Одновременно с запретом вариолитической прививки в 1840 году парламент принял закон об обеспечении вакцинации за счет пособия для бедных. В 1838 году Провинциальная медико-хирургическая ассоциация разработала схему и подала петицию, надеясь, что правительство сможет убедить ее создать множество мест для "регулярно обучаемых вакцинаторов с соответствующим жалованием в районах, достаточно многочисленных, чтобы охватить все бедное население страны". Палата общин, отличавшаяся в те дни бережливостью, однако, не поддержала столь грандиозное развитие места и оплаты труда в рамках Национального учреждения вакцины, и отказалась от проекта, передав обеспечение вакцинации приходским властям, которым можно было доверять в том, что они сделают все необходимое с должным вниманием к экономии. В каждом союзе и в каждом приходе, не входящем в союз, было предусмотрено, что один или несколько практикующих врачей должны быть назначены попечителями для безвозмездной вакцинации жителей, с вознаграждением от тарифов в зависимости от числа оперируемых.^[278] Это дополнение к их бремени не встретило одобрения со стороны плательщиков в целом. Контракты на вакцинацию по столько-то за голову выставлялись на конкурс, а о тех, кто принимал обряд за государственный счет, говорили как о нищих, а в некоторых местах публиковали их имена, чтобы "опозорить их". Чтобы снять клеймо нищенства с приходской профилактики, в 1841 году был принят закон, в котором объявлялось, что государственная вакцинация не носит характер "приходской помощи, милостыни или благотворительного пособия" и поэтому не лишает получателя "никаких прав или привилегий" и не подвергает его "какой-либо инвалидности или дисквалификации".^[279]

Отчеты Национального учреждения по вакцинам с 1841 по 1850 год продолжали носить тот же перфектный характер. Обычно они начинались с заявления о доверии к вакцинации, по примеру резолюции миссис Микоубер никогда не покидать Микоубер; подписать под этим заявлением президента и старшего цензора Королевского колледжа врачей и президента Королевского колледжа хирургов сопровождалась дучером в размере 100 фунтов стерлингов для каждого. Например, читаем.

1841 г. - Со времени нашего последнего доклада оспа распространилась эпидемически со значительной силой; но мы ни на йоту не ослабляем нашей уверенности в вакцинации как лучшем средстве защиты от ее вредоносного влияния.

1845.- Непокколебимая уверенность, с которой мы продолжаем относиться к вакцинации, и т. д., и т. п.

1847 г. - Не произошло ничего, что могло бы ослабить нашу уверенность в защитном влиянии вакцинации. Правда, оспа время от времени появляется вновь, и в последнее время в такой степени, что это требует дополнительных усилий со стороны всех сотрудников Учреждения; но мы считаем, что такое повторение вызвано обычными действиями тех периодических влияний, которые придают болезни ее эпидемический характер; а в некоторых местностях, как в Ирландии, - тем бедствием, с которым так неизменно связаны заразные болезни.

Журналисты, очевидно, забыли, что, согласно доктрине, представителями которой они являлись, вакцинация исключает возможность заболевания оспой при любых условиях атмосферы, грязи или лишений. Если прививка эффективна только при отсутствии обычных условий для заболевания оспой, то в чем же заключалась польза обряда?

В 1839 году Сили из Эйлсбери и Бэдкок из Брайтона в 1840-м удалось привить корову от оспы, а полученный вирус был назван коровьей оспой и использовался для вакцинации повсеместно. По всей видимости, эта процедура не была одобрена Институтом вакцин, так как в отчете читаем

1841 г. - Используемое нами вещество получено по наследству от оригинального вируса, переданного самим д-ром Дженнером, и, как мы видим, оно столь же эффективно, как и раньше. Поэтому мы надеемся, что нас оправдают, если мы будем препятствовать неосторожному распространению материала, полученного из новых источников, который не выдержал испытания богатым опытом.

Оригинальный вирус, переданный самим Дженнером! Что это было? Когда в 1808 году было создано Национальное учреждение вакцин, вирус, циркулировавший в Лондоне, был принят в качестве исходного, и он, несомненно, имел несколько происхождений. Это была коровья оспа, открытая Пирсоном; коровья оспа на лошадиной жире и лошадиная оспа, выведенная Дженнером; и есть основания полагать, что это была оспа Вудвилла и других. Таким образом, претензии на обладание конкретной разновидностью вещества, переданного Дженнером, были фиктивными.

Опять же, из-за постоянных неудач вакцинации в предотвращении оспы, Совету пришлось отказаться от утверждения, что их вирус потерял свою силу из-за длительной передачи - причина, которая заставила некоторых предпочесть свежие вариолитные запасы Сили и Бадкока.

1840.- Опыт еще одного года доказал, что при нынешнем состоянии наших знаний уместно предпочесть вакцинный материал, продукт оригинального вируса, предоставленного доктором Дженнером, который теперь счастливо прошел через несколько поколений субъектов в течение 43 лет, и который является основным источником нашего снабжения, любому, который мог быть недавно взят от коровы.

Здесь мы имеем "оригинальный вирус, предоставленный доктором Дженнером", представленный как не более чем "*основной источник питания*". Отчеты характеризуются многими подобными несоответствиями.

1845.- Мы считаем ошибочным мнение о том, что вирус вакцины портится при хранении; в доказательство этого мы готовы подтвердить неоспоримыми документами поразительный факт, что лимфа, которая была доставлена в Индию и из Индии, сохранила свои защитные свойства после 20-летнего перерыва".

Еще одним поводом для беспокойства Совета стало утверждение, что защитные свойства прививки постепенно иссякают, и что повторение обряда необходимо для сохранения спасения. В лондонской "Медицинской газете" от 2 августа 1844 года было заявлено следующее.

Мы с прискорбием сообщаем о широком распространении оспы в это время среди нас. Ревакцинируйтесь, ревакцинируйтесь, говорим мы".

Такой совет был по сути еретическим и проклятым; ведь Дженнер утверждал и утверждал.

Что человеческий организм, однажды испытавший на себе влияние настоящей коровьей оспы, никогда впоследствии, ни в какой период своего существования, не подвергается нападению оспы.

Если ревакцинация возможна, то возможна и оспа после вакцинации; и если это признать, то на каком основании защищать вакцинацию? Какими бы ни были факты, члены Совета решили лояльно придерживаться примитивной дженнерианской доктрины и в своем отчете за 1851 год заявили следующее.

Возможно, целесообразно напомнить общественности об установленном факте, на котором Совет в прежние годы с тревогой настаивал, что ограничение защитной силы вакцинации каким-либо возрастом или каким-либо сроком лет - гипотеза, опровергаемая опытом и полностью неподтвержденная аналогией.

Несмотря на запрет вариолитной прививки, Совету приходилось неоднократно выражать сожаление по поводу ее продолжения, особенно в Ирландии. Таким образом, мы читаем

1850.- Совет вновь обращает внимание правительства на тот факт, что прививки от оспы все еще продолжают; и что болезнь передается бродягами тем, кто не защищен вакцинацией в городе и деревне. Зараза разносится по всей стране бродячими ирландцами, и никакие меры, какими бы великими они ни были, не смогут привести к успеху в искоренении оспы, пока в Ирландии будут пренебрегать вакцинацией и практикой вариолитной прививки.

Дженнер всегда приписывал умышленной слепоте и врожденной испорченности любое скептическое отношение к эффективности вакцинации; и на протяжении всех отчетов "истеблишмента" эта привычка к обвинениям сохранялась. Вакцинация рассматривалась как своего рода божественное откровение, пленарное и явное, оспаривать или сопротивляться которому можно только из сознательной испорченности или, что более милосердно, из крайней тупости или невежества; и было бы легко составить катрен пикантных извещений в соответствии с этим полутеологическим убеждением. Такие наблюдения, как следующие, были в порядке вещей.

1850.- Мы с сожалением узнаем, что в нашей стране распространение вакцинации все еще существенно затруднено влиянием невежества и предрассудков в низших слоях общества, а также предрассудков многих, кто не может оправдаться невежеством.

1851 г. - Прискорбно наблюдать не только безразличие, но и активную враждебность, проявляемую обществом к вакцинации. Глубоко укоренившиеся предрассудки и абсурдные суеверия постоянно противостоят ее внедрению.

Отчеты Учреждения год за годом в полной мере демонстрировали привычное благодушие официальной рутины, где зарплата постоянна, а колеса, приводимые в движение офисными столами, плавно вращаются в пространстве: столько-то лондонцев привито, столько-то обвинений в заражении вирусом распространено, а уверенность в священной профилактике не ослабевает. Однако надвигалась революция. Отношение общества к болезням изменилось. Возникла вера в санитарии как профилактику лихорадки, и в народе появился спрос на улучшение санитарных условий. Под прикрытием этого нового энтузиазма некоторые проникательные сторонники вакцинации предположили, что можно будет осуществить ее создание в масштабах, до сих пор не применявшихся в Англии. Правда, вакцинация не имела никакого отношения к санитарии; но реформаторская и филантропическая толпа безумно поддерживала все, что сулило здоровье, и вряд ли проявила бы себя гиперкритично или обструктивно.

Первое движение к новому прогрессу можно заметить в отчете Учреждения за 1850 год, где мы читаем

Совету неоднократно приходилось привлекать внимание правительства Ее Величества к тому прискорбному факту, что очень большая часть детей из бедных слоев населения в метрополии, а также в Англии и Уэльсе в целом, но прежде всего в Ирландии, из года в год остается без вакцинации. Их показания по этой важной части санитарного состояния населения были получены из отчетов многочисленных компетентных свидетелей-медиков во всех частях Соединенного Королевства, а также из частых повторений быстрых и смертельных вторжений оспы, к которым их внимание неоднократно привлекалось срочными заявлениями о вакцинации лимфы. С удовлетворением можно констатировать, что заявления, сделанные Советом, самым недвусмысленным образом подтверждаются отчетом г-на Грейнджера, из которого следует, что число лиц в возрасте до одного года, которые были привиты в течение года, закончившегося 29 сентября 1848 года, в 627 союзах приходо-в Англии и Уэльса (за исключением тех, кто был привит за счет своих родителей), составило не более 33 процентов по сравнению с общим числом рождений, зарегистрированных за тот же период.

Эти цифры заслуживают внимания. Начиная с 1840 года, предпринимались попытки преодолеть вакцинацию населения с помощью закона о бедных; и все же к 1848 году не более трети родившихся детей были зарегистрированы как привитые Дженнером. Добавив к этой трети потомство высших и средних классов, мы можем с уверенностью заключить, что до 1850 года не половина жителей Англии и Уэльса была привита; а невакцинированная половина включала низшие классы, наиболее подверженные оспе - жертвы того "бедствия, с которым так неизменно связаны заразные болезни", цитируя слова отчета за 1847 год. Этот момент заслуживает особого внимания, поскольку спад заболеваемости оспой, наступивший в прошлом веке, постоянно приписывается вакцинации. Истинная причина, однако, должна быть соизмерима со следствием; а здесь мы видим, что предполагаемая причина снижения заболеваемости оспой не распространилась в 1848 году на половину английского народа; на эту половину, более того, приходилось девять десятых территории, на которой оспа была возможна. Отчет за 1850 год продолжается.

Совет сожалеет, что у них нет средств для принятия и обеспечения выполнения мер, которые, очевидно, необходимы для профилактики оспы. У них нет полномочий для организации посещений по месту жительства или от дома к дому; более того, до сих пор это считалось слишком большим посягательством на свободу субъекта. Они не имеют права официально наказывать за незаконную практику прививок или обнажение зараженных людей; им были предоставлены средства для судебного преследования таких преступников только в двух случаях, чтобы установить факт незаконности вариолитической прививки. Они могут только рекомендовать и помогать, но не принуждать к вакцинации.

Вакцинация развивается быстрее в тех странах, где принимаются муниципальные меры или законодательные акты, способствующие ее распространению; и они просят выразить убеждение, что если Англия хочет освободиться от оспы, то только вмешательство законодательных органов, путем мудрых и всеобъемлющих мер, может избавить мир от его ужасов и оправдать горячие надежды и молитвы друзей человечества о его исчезновении.

В этих замечаниях чувствуется движение нового духа - возрожденной решимости добиться для вакцинации силы закона. Подобные проекты время от времени выдвигались энтузиастами и отвергались государственными деятелями. Каннинг, например, заявил, что не может представить себе никаких обстоятельств, которые побудили бы его согласиться на

принудительное введение прививок; а позднее сэр Роберт Пил высказался в том же духе, заявив: "Сделать прививки обязательными, как в некоторых деспотических странах, было бы настолько противоположно умственным привычкам британского народа и свободе мнений, которой он по праву славится, что я никогда не смогу быть участником такого принуждения".^[280] Но Пил умер в 1850 году, и в обществе сформировалось сильное мнение в пользу санитарной реформы, причем без особых колебаний в отношении методов. Болезни, которые до сих пор считались сверхъестественным воздействием, были отнесены к условиям жизни, поддающимся исправлению или предотвращению; так что покорность и ужас, которые раньше внушала болезнь, сменились совершенно другими чувствами - нетерпимостью к болезням и решимостью уничтожить их заразные формы вместе с теми, кто по невежеству или умыслу будет упорствовать в их возникновении и распространении.

ССЫЛКИ:

^[278] 3 и 4 Vict., cap. 59.

^[279] 4 и 5 Vict., cap. 32.

^[280] Отчет Королевского Дженнерианского и Лондонского институтов вакцины, 1853 г.

ГЛАВА XXXVII.

ВАКЦИНАЦИЯ В ПРИНУДИТЕЛЬНОМ ПОРЯДКЕ - 1853 ГОД.

Вакцинация, возразите вы, не имела никакой связи с санитарной реформой. Верно: не имела; но тупая публика, одержимая новым энтузиазмом, не склонна к дискриминации; и те, кто был заинтересован в продвижении вакцинации, облегчили свои действия благодаря растущей вере в предотвратимость болезней; их обещания спасти страну от оспы казались созвучными многому другому, что стало правдоподобным.

И все же, как ни странно, доверие к вакцинации никогда не падало ниже, чем до ее введения. Доказательством тому служат отчеты Национального учреждения по вакцинации с 1831 по 1850 год, которые трудно прочесть, не воспринимая их как свидетельства полусерьезных чиновников перед поколением, ставшим скептиком и равнодушным. Медицинская литература того времени отражает ту же неуверенность и сомнения. Признавалось, что вакцинация не является надежной защитой от оспы: она может, скорее всего, смягчить болезнь, когда она возникает; и, за неимением ничего лучшего, ее применение было целесообразно; но на таких условиях, какие возможности были для ее пропаганды! В работах доктора Джорджа Грегори этот скептицизм настолько выражен, что он без колебаний рекомендует вернуться к прививке оспы. Подобный скептицизм в отношении достоинств вакцинации с такой же склонностью вернуться к вариолитной прививке демонстрирует доктор Копленд в своем "Словаре практической медицины" 1844-58 годов - труде с высокой репутацией и стандарте медицинского мнения того времени. Короче говоря, вакцинация вызывала всеобщее недоверие; все претензии к ней были опровергнуты; и если бы не государственное финансирование вакцинации и решимость различных авантюристов расширить это финансирование, практика постепенно сошла бы на нет.

Такое же отсутствие уверенности в вакцинации было заметно и в школе санитарных реформаторов. Суть их откровений заключалась в том, что оспу можно предотвратить так же,

как и другие лихорадки, и теми же методами. Я мог бы бросить вызов любому, кто привел бы хоть что-нибудь из высказываний ранних апостолов санитарии, в которых бы сознательно или явно восхвалялась вакцинация. Этот рецепт мог не осуждаться официально; он мог даже бегло одобряться; но он был чужд сути их доктрины, и его рекомендация должна была умереть в их горле. Доктор Саутвуд Смит прочитал в Эдинбурге в 1855 году две лекции о профилактике эпидемий, но о том, что оспу можно предотвратить с помощью вакцинации, он не сказал ни слова. Напротив, вот его свидетельство, его всеобъемлющее свидетельство.

Скученность мы можем предотвратить; накопление грязи в городах и домах мы можем предотвратить; снабжение светом, воздухом и водой, а также ряд других приспособлений, включенных во всеобъемлющее слово "чистота", мы можем обеспечить. В той мере, в какой это в наших силах, мы можем предотвратить эпидемии.

Человеческая семья живет в сообществах уже более шести тысяч лет, но так и не научилась делать свои жилища чистыми. Наконец-то мы начинаем усваивать этот урок. Когда мы его усвоим, мы победим эпидемии.

Среди высшего и среднего класса недоверие к вакцинации было всеобщим. Да и как могло быть иначе? Все были привиты, но всякий раз, когда оспа становилась эпидемией, у тех, кто прошел обряд, не было иммунитета. На сайте в одном из писем мисс Митфорд мы находим опыт и суждения, которые были далеко не редкостью. Пишет она 1 февраля 1850 года.

Около двух месяцев назад мой человек, очень надежный и уважаемый слуга, заболел оспой после вакцинации. Он был очень, очень болен, бредил почти две недели, и ни за деньги, ни за любовь нельзя было найти сиделку. Я потерял всякую веру в вакцинацию как в профилактику или смягчение оспы. Я знаю о тридцати тяжелых случаях этой зимы, пять из них со смертельным исходом, в моем ближайшем окружении, а в Рединге это был просто мор.^[281]

Вакцинация среди бедняков вызывала (как и сейчас вызывает) отвращение. Их уговаривали или заставляли принимать ее без раздумий и подготовки, как овец или скот, и они в полной мере осознавали ее вред и страдания; и, естественно, всякий раз, когда давление ослабевало, избегали знакомства с ней.

Каким же образом вакцинация была навязана обществу, подвергшемуся такому воздействию? Ответ - обычный, постоянно демонстрируемый в английской политике: организованный интерес, одержимый определенным намерением, всегда может одержать верх над публикой - беспечной, неинструктированной и не имеющей позитивных убеждений. При таких обстоятельствах вопрос о том, чего можно добиться в парламенте вразрез с общим благосостоянием, - это всего лишь вопрос управления. Там получают те, кто умеет брать.

Все профессии и ремесла выполняют закон своего бытия, стремясь к выгоде и расширению. Духовенство и клерикально настроенные миряне убеждены, что умножение церквей и выплата стипендий - это подготовка к тысячелетию, и ничто, кроме безнадежности, не мешает требовать для этой цели средств из национального казначейства. Жертвы, которые армия и флот готовы принести ради безопасности от иностранной агрессии, ограничиваются лишь недоверием общества. Коммерческие классы в принципе являются свободными торговцами; но если бы можно было получить защитное вознаграждение за какое-либо производство, оно было бы немедленно схвачено заинтересованными лицами, и были бы придуманы самые изобретательные причины, чтобы оправдать этот конкретный отход от правил справедливости. Эту тенденцию интересов к обогащению себя, *per fas et nefas*, за

государственный счет, признают все государственные деятели, и сдерживать ее можно только вечной бдительностью.

То, что верно для всех, верно и для медицинской профессии, переполненной конкурентами, жаждущими получить работу. Вакцинация как отрасль бизнеса, способная развиваться и развиваться за государственный счет, была уверена в энергичном продвижении при любой возможности; но только в 1853 году открылся путь для принудительного проведения обряда Дженнери. Затея была опасной. Оппозиция, которую выразили Каннинг и Пил, должна была быть встречена с осторожностью. Это была работа, которую можно было легко сорвать; поэтому считалось нецелесообразным, чтобы медицинские корпорации слишком открыто участвовали в этой сделке. Вместо этого в 1850 году был создан комитет под названием "Эпидемиологическое общество по исследованию эпидемических болезней" с рядом подходящих приманок и видимыми занятиями, но главным образом в качестве инструмента, с помощью которого можно было бы воздействовать на парламент для более эффективного учреждения и более либерального обеспечения вакцинации.

Было решено действовать осторожно - по возможности добиться утверждения принуждения, позволив шоку от нововведения утихнуть, прежде чем приступить к созданию эффективных средств шпионажа и преследования. Как выяснилось, осторожность оказалась излишней. От невежества и безразличия законодательной власти можно было требовать гораздо большего. Лорд Литтелтон был выбран для представления законопроекта о расширении вакцинации, и, выступая во втором чтении в Палате лордов 12 апреля, он бесхитростно отказался от какой-либо квалификации для выполнения этой задачи, сказав: "Я не обладаю никакими научными знаниями по этому вопросу.

Я сам не обладаю научными знаниями по этому вопросу, и за свою информацию я в долгу перед некоторыми способными и учеными людьми, принадлежащими к Эпидемиологическому обществу.

И добавляет в доказательство того, как он был подкован упомянутыми "способными и учеными людьми".

Мне нет необходимости говорить об уверенности в том, что вакцинация является профилактикой оспы, поскольку в этом вопросе *вся медицинская профессия пришла к полному единодушию!*

Статистические данные, которыми лорд Литтелтон подкрепил необходимость принуждения, интересны тем, что указывают на масштабы и нерегулярность вакцинации среди английского народа. Он сказал.

Нам сообщают, что число рождений, зарегистрированных в Англии и Уэльсе в году, закончившемся 29 сентября 1852 года, составило 601 839, а число привитых по Акту 1840 года - 397 128; таким образом, в круглых цифрах, 400 000 были привиты по действующему механизму, оставив только 200 000, или одну треть от общего числа, для лечения частными прививками". В этом утверждении есть несколько заблуждений. Общий результат ни в коем случае не является следствием единой системы по всей стране. У меня перед глазами подробный отчет о масштабах вакцинации в различных частях Англии в 1851 году, который показывает, что в некоторых районах очень не хватает единообразия. В городах, где людям приходится преодолевать меньшее расстояние, чтобы сделать прививку своим детям, результаты более благоприятны, чем в сельских районах. Например, в Бирмингеме в 1851

году прививки были сделаны 91 проценту от общего числа родившихся детей; в Лестере - только 41 проценту; в Лафборо - только 18 процентам. Контраст между промышленными и сельскими районами благоприятен для первых. В Бидефорде прививки были сделаны только в 11 процентах от числа родившихся; в Западном Эшфорде в Кенте - в 22 процентах; а в Уинчкомбе - только в 6 процентах. Хотя общий средний показатель в сельскохозяйственных районах ниже, чем в производственных, встречаются и противоположные случаи. Так, в Дерби прививки составляют всего 42 процента, а в Уотфорде, сельском округе, прививки составили 126 процентов от числа родившихся в 1851 году, что, конечно же, включает в себя прививки детей, родившихся в предыдущие годы. Но в Лондоне, в не менее известном приходе Сент-Джеймс, Вестминстер, сообщается, что в 1851 году на 973 рождения пришлось всего 44 прививки; в то время как в Веллингборо Юнион, где в 1851 году родилось 800 детей, не сообщается ни о каких прививках вообще!

Как ни странно, лорд Литтелтон не сделал никакой попытки завершить свой аргумент. Он должен был показать, что там, где вакцинация практиковалась меньше всего, было больше всего оспы, а там, где практиковалась больше всего, было меньше всего оспы. Если бы он сделал эту попытку, ему, возможно, открылись бы глаза на недостоверный характер "способного и ученого человека", которым он был обманчиво надушен.

Лорд Шафтсбери, поддерживая эту меру, привел следующие аналогичные примеры пренебрежения вакцинацией.

	Рождения 1851 года.	Вакцинация.
Паддингтон	1458	386
Хэмпстед	286	93
Хантингдон	805	68
Сент-Нотс	671	17
Карнарвон	929	125
Бангор и Бомарис	1025	420
Ньютон Эбботт	1563	150

Он также забыл показать, что эти места были "опустошены" (вот это слово) оспой, в то время как другие места, где вакцинация обычно практиковалась, были освобождены от нее. Напротив, с любопытной бесцеремонностью он перешел к рекомендации своего собственного верного рецепта, а именно - улучшенных жилищ для бедных. Вот его слова

Совершенно верно, что оспой болеют в основном самые низкие слои населения; и я полагаю, что *при наличии улучшенных ночлежных домов эта болезнь может быть практически истреблена.*

В этом нет сомнений; но если улучшенные ночлежные дома "полностью истребят оспу", зачем прибегать к такому излишеству, как вакцинация?

Не было никакого отрицательного обсуждения - более того, никакого обсуждения вообще. Лорд Элленборо заметил об Эпидемиологическом обществе, под руководством которого они принимали закон, что он "не стал бы приключений на необычное название, которым обозначаются его члены". Законопроект был прочитан в третий раз, *nem. diss.*, 18 апреля, и был внесен в Палату общин 5 мая, где его рассмотрение было таким же непрерывным, как и в

Лордах. Сэр Джон Пакингтон, выступая за второе чтение 20 июля, как и лорд Литтелтон, ссылаясь на собственное невежество, а также на свидетельства и авторитет Общества с "необыкновенным именем", излагая дело следующим образом.

В 1840 году был принят закон, согласно которому попечительские советы были уполномочены покрывать расходы на вакцинацию в их соответствующих союзах. Совет по делам бедных сделал все возможное, чтобы выполнить положения этого закона; но все же остается серьезный факт, что система является добровольной, что во многих местах люди предвзяты, что большая часть населения не привита, и что смертность от оспы очень велика. В году, закончившемся в марте 1843 года, из 527 325 детей, родившихся в Англии и Уэльсе, только 183 000, или 34 процента, были привиты. В последующие годы вакцинированных было больше, чем невакцинированных, в следующем соотношении:.

1844-45, 100 к 156 | 1845-46, 100 к 134

В 1846-47 годах родилось 552 000 детей, из которых только 267 000 были привиты, или около 50 процентов от общего числа. Однако в результате стимулов, примененных Советом по делам бедных, две трети рождений в 1847-48 гг. были учтены как привитые; но во многих частях страны по-прежнему царит чрезмерное пренебрежение. Например, в 1851 году в 32 союзах Бирмингема и его окрестностей родилось 17 700 детей, а привито было всего 6 174 - две трети из них были невакцинированными.

И здесь мы также отмечаем отсутствие доказательств того, что там, где вакцинацией пренебрегали, оспа была распространена, а там, где ее практиковали, оспа отсутствовала. Лорд Пальмерстон без колебаний поддержал второе чтение. Сэр Джордж Стрикленд был единственным несогласным, заявив.

Сэр Джон Пакингтон сам предоставил самую вескую причину, по которой законопроект не должен быть принят. Он показал, что вакцинация в ее нынешнем виде дает хорошие результаты, но из-за того, что некоторые матери возражают против этой практики, мы должны принять обязательный закон. Мы слишком склонны прибегать к силе, чтобы преодолеть сопротивление, которое уступит разуму, если проявить терпение. Какая необходимость в том, чтобы мы подражали законодательству Саксонии, Австрии или Пруссии в этом вопросе? В этой стране мы не можем иметь один закон для бедных и другой для богатых, и все же здесь нас просят применить к первым меры, которые мы не могли придумать для вторых. Как мы можем рассчитывать на то, что нам удастся ослабить предубеждение против вакцинации по принуждению? Если бы мы действовали в соответствии со старым английским принципом - предоставить людям самим обеспечивать свое благополучие, руководствуясь собственным здравым смыслом, - мы бы в конечном итоге достигли своей цели гораздо успешнее".

Законопроект был в третий раз прочитан в Палате общин без обсуждения 13-го числа и получил королевскую санкцию 20 августа 1853 года. Короче говоря, он прошел через парламент без сопротивления. Каковы, спрашивается, были его положения?

В соответствии с Законом (16 и 17 Vict., cap. 100) требовалось

1. Каждый ребенок, чье здоровье позволяет, должен быть привит в течение трех, а в случае сиротского приюта - в течение четырех месяцев после рождения, государственным вакцинатором округа или другим практикующим врачом.

2. Уведомление об этом требовании, а также информация о местных мерах по общественной вакцинации, должны быть предоставлены регистратором рождений родителям или опекунам ребенка при каждой регистрации рождения.

3. Каждый врач, который, занимаясь государственной или частной практикой, успешно вакцинирует ребенка, должен направить местному регистратору рождений свидетельство о том, что он это сделал; регистратор должен вести протокол всех врученных уведомлений и учет всех полученных таким образом свидетельств.

4. Родители или опекуны, которые без достаточных оснований, получив должным образом уведомление регистратора о необходимости вакцинации, либо не сделают ребенку должную прививку, либо, сделав это, не осмотрят его на предмет результатов вакцинации, подлежат штрафу в размере 1 фунта стерлингов; все штрафы могут быть взысканы в соответствии с Законом Джервиса и уплачены в счет местного налога на бедных".

Таким образом, с 1853 года каждый английский родитель, отказавшийся или пренебрегший вакцинацией своего ребенка в течение трех месяцев после рождения, должен был заплатить штраф в размере двадцати шиллингов и издержек. Может показаться удивительным, что столь произвольный закон, принуждающий к исполнению неопределенного медицинского предписания (ведь вакцинация *не* была определена, а вакцинация - это обряд, имеющий несколько разновидностей), был принят так легко; но мы должны вспомнить обстоятельства. Палата общин в те дни была палатой высших и средних классов, и предлагаемый закон затронул ее так же мало, как и Палату лордов. Это был закон, рассчитанный на вульгарных людей, на предрассудки которых нужно было бороться не аргументами, а штрафами; иллюстрация легкомыслия, с которым беспечные люди могут распоряжаться мнениями и чувствами тех, кому они не обязаны подчиняться. С тех пор рабочие классы ясно осознали, что они получают уважение в парламенте только в той мере, в какой они могут проявить свою власть в конституции парламента. Нет таких прав, которые нельзя было бы обеспечить, и нет такой справедливости, которую нельзя было бы отстаивать. Те, кто удерживает свои позиции, опираясь только на свой ум и силу, подвергаются постоянным нападениям и грабежам.

Старое доброе правило, простой план,

Кто может, тот берет,

А удерживать должен тот, кто может...

является неизменным социальным законом, каким бы завуалированным или возвышенным он ни был.

Опять же следует вспомнить, что в 1853 году не существовало развитого или научного сопротивления вакцинации. По поводу природы и ценности этой практики существовало множество различных мнений, несмотря на утверждение лорда Литтелтона о полном единодушии медиков; но, несмотря на всеобщий скептицизм, этот обряд представлял собой установленный налог на население среди респектабельных классов, от которого никогда не отказываются с готовностью. Поэтому казалось менее неразумным принуждать к соблюдению этого обряда "невежественных и предвзятых" за счет налога на бедных. Когда Каннинг отказался согласиться на принуждение в 1808 году, у коровьей оспы появился конкурент в виде прививки от оспы; а Пил в своем позднем протесте выразил предпочтение уходящего поколения живой английской свободе перед сухим послушанием. Деспотическая филантропия входила в моду, и уже не считалось нецелесообразным и непрактичным делать

людям добро вопреки им самим. Поэтому мало что можно сказать против Закона 1853 года, кроме того, что высказал сэр Джордж Стрикленд. Право предвзятых и невежественных людей на пользование своими предрассудками и невежеством устарело и стало необоснованным.

Доклад Эпидемиологического общества был принят лордами и общинами в качестве основания для принятия закона 1853 года. Обращаясь к этому докладу,[\[282\]](#) трудно в нескольких словах передать адекватное представление о его неправдивом характере. Кто, как говорится, желает цели, тот желает средств; и некоторые медики, решив сделать вакцинацию обязательной, должны были выполнить все, что требовалось, и доктор Ситон взялся за эту операцию, а Эпидемиологическое общество, "правлящим духом" которого он был,[\[283\]](#) сыграло роль гаранта. Чтобы убедить лордов и общин, было сочтено целесообразным пропагандировать вакцинацию без колебаний и оговорок, и линия была продолжена следующим образом.

Оспа - это болезнь, которой подвержен каждый человек, не защищенный предыдущей атакой или вакцинацией. В неизменном виде она смертельна для каждого четвертого или каждого пятого из тех, кого она поражает; и, если она не уничтожает жизнь, то во многих случаях обезображивает и ухудшает общее состояние здоровья. Каждый случай заболевания - это очаг заражения, а каждое невакцинированное или несовершенно вакцинированное население - это очаг, в котором болезнь может поселиться и распространяться". Именно на двух последних положениях, не допускающих возражений, по нашему мнению, должен основываться любой закон об обязательной вакцинации. Если можно сомневаться в том, насколько оправданно в этой свободной стране принуждать человека заботиться о своей жизни и жизни своего потомства, то едва ли можно оспорить тот факт, что никто не имеет права подвергать опасности жизнь своих сограждан.

Все признают авторитетность вышесказанного, столь впечатляющего там, где нет ничего лучшего; но неоспоримое утверждение, "что никто не имеет права подвергать опасности жизнь своих собратьев", удивительным образом не согласуется с верой в заявленную профилактику; ведь если привитые защищены от оспы, как могут невакцинированные подвергать опасности свою жизнь? Принятый стиль был поддержан таким образом.

Мы сами убеждены, и это совпадающее и единодушное свидетельство почти 2000 медиков, с которыми мы переписывались, что вакцинация является совершенно безопасным и эффективным профилактическим средством против этой болезни.

Это утверждение мы считаем доказанным.

1. Общим иммунитетом, с которым привитые могут смешиваться с больными оспой, - факт настолько известный, что мы не считаем нужным приводить какие-либо иллюстрации к нему.
2. Постепенным снижением смертности от оспы по сравнению со смертностью от всех причин с тех пор, как вакцинация была введена и получила всеобщее признание.

Что касается иммунитета привитых, то он был опровергнут во время каждой эпидемии оспы и в каждом оспенном госпитале, а также предосторожностями и страхами тех, кто считался в безопасности. Для подтверждения утверждения о том, что количество случаев оспы уменьшилось в результате введения вакцинации, были приведены различные статистические таблицы, английские и континентальные; но если бы лорды или общины подвергли их тщательному изучению, они бы обнаружили, что детали либо не имеют

отношения к делу, либо противоречат утверждаемому выводу. Многие статистические данные, особенно прошлого века, были не точными, а предположениями и оценками, к тому же искаженными предвзятостью их составителей. Когда говорят, что заболеваемость оспой уменьшилась в результате введения вакцинации, на это можно ответить, что заболеваемость оспой уменьшалась и до ее введения почти во всех странах Европы, и что это уменьшение продолжалось независимо от ее влияния, за исключением тех случаев, когда она могла препятствовать культивированию оспы путем прививок. Для иллюстрации этого утверждения достаточно привести таблицу лондонской оспы, составленную доктором Ситоном, в которой среднее количество смертей от оспы на каждую 1000 смертей от всех причин сравнивается по десятилетним периодам за пятьдесят лет, до и после введения вакцинации.

До вакцинации.

Десять лет конец -	Смертность от оспы.
1760	100
1770	108
1780	98
1790	87
1800	88

После вакцинации.

Десять лет заканчиваются -	Смерти от оспы
1810	64
1820	42
1830	32
1840	23
1850	16

Цифры далеко не достоверны, но если принять их в том виде, в каком они есть, и признать снижение заболеваемости, то где доказательства того, что оно было вызвано вакцинацией? Введение этой практики - одно дело, а ее применение - совсем другое. Нет никаких оснований полагать, что в 1820 году было привито больше лондонцев, чем в 1810-м, или в 1840-м, чем в 1830-м; более того, имеющиеся доказательства говорят об обратном: прививки упали в цене после фурора 1801-5 годов и демонстрации их бессилия и вредоносности. Вероятно, не десять процентов рождений в Лондоне до 1840 года были учтены как привитые; и, несмотря на то, что Акт 1840 года предусматривал вакцинацию за счет бедных, в 1850 году она не составляла и пятидесяти процентов. И все же устойчивое снижение заболеваемости Лондона оспой приписывалось столь неадекватной причине! То же самое заблуждение пронизывало статистику других стран и городов, но настолько сильным было предубеждение в пользу сделанного вывода, что его не замечали и не подозревали, хотя оно было очевидным.

Неудивительно и то, что при столь закостенелом и тупом нраве не возникало никаких расширенных или философских взглядов. "Оспа, - говорил доктор Ситон, - уменьшилась по сравнению со смертностью от других причин". Верно; но что, если смертность от других причин компенсировала снижение оспы? И если такая компенсация имела место, как, например, в Глазго, в чем заключалось преимущество? Опять же, не упоминаются болезни и смерти, вызванные вакцинацией, как будто этот обряд безвреден, как крещение. Если допустить, что эта практика каким-то оккультным образом способствовала сокращению числа случаев оспы, то оставался открытым вопрос, не может ли причинение острой специфической болезни всем видам и условиям младенчества нанести гораздо больший вред жизни, чем та оспа, которую она должна была предотвратить. Однако подобные соображения были чужды доктору Ситону и его Эпидемиологическому обществу, для которых вакцинация означала не что иное, как расширение медицинского бизнеса за государственный счет.

Не стоит забывать, что Акт 1853 года воплотил в жизнь то, чего так долго добивался торговый дух медицинской профессии. Закон 1840 года разрешил проводить вакцинацию за счет налога на бедных; но сделать этот обряд обязательным и обеспечить хорошую оплату за его выполнение было желанным завершением. Условия, на которых был принят закон 1840 года, описаны доктором Ситоном следующим образом.

Размер пошлины в Англии и Уэльсе варьируется от 1 до 2 с. 6 д., никогда не опускаясь ниже и не поднимаясь выше этих сумм. В 1842 и 1843 годах комиссары оценивали средний размер пошлины в 1s. 9d. Из наших расспросов следует, что в крупных городах-производителях плата варьируется от 1s. до 1s. 6d.; более крупные суммы - 2s. и 2s. 6d. выплачиваются в основном в провинциальных городах. В Лондоне более обычная пошлина составляет 1s. 6d.; в нескольких приходах платят 2s. 6d., а в одном - 1s. В некоторых союзах действует плохой принцип, когда за определенное количество дел, например 50, платят большую сумму, а за все остальные - меньшую. Средняя выплата за одно дело по всей Англии и Уэльсу с 1841 по 1851 год включительно составляла 1s. 5½d.

В Ирландии выплаты, по-видимому, очень низкие. Более распространенная сумма - 1s., часто 6d.; в трех или четырех случаях - 3d. и 4d. Порочный принцип, о котором мы только что говорили, - платить более высокую плату за ограниченное число дел - кажется почти универсальным. Так, если плата составляет 1s., то она выплачивается за первые 200 дел, а за все остальные - 6d. В одном случае, в Ненаге, 1s. выплачивается за 200 дел, а 1d. за все остальные. В других случаях за все случаи, превышающие определенное число, выплачивается 3 и 4 д. Пока существует такое жалкое вознаграждение, неудивительно, что во многих районах практикующие врачи отказываются от назначений, оставляя людей без вакцинации.

Согласно полученной нами информации, как и следовало ожидать, в целом вакцинация проходит более эффективно в тех районах, где платят более высокую плату в 2s. 6d.; или там, где, как в больших городах, количество и близость детей в какой-то степени компенсируют вакцинатору более низкую оплату.

Чем выше оплата, тем лучше вакцинация! Цель Эпидемиологического общества, как преследующей лошади медицинских торговых союзов, заключалась в этих сборах. Вакцинация была предлогом для всеобщего налога, установленного на как можно более высоком уровне, который по возможности должен был сменяться принудительной ревакцинацией с соответствующим тарифом в приложении. Вспоминая ранние дни вакцинации, когда операция описывалась как само простое дело, а женщины, пасторы и простолюдины делали прививки и распространяли "благотворную жидкость" под руководством Дженнера, примечательно, что этот обряд был таким образом формализован и превращен в священнодействие. Нельзя также возразить, что, когда вакцинация практиковалась таким образом, она была неэффективна против оспы; ведь всякий раз, когда ее достоинства оспариваются, нас отсылают к тем примитивным временам и той примитивной практике для наиболее успешных и неоспоримых демонстраций ее силы.

Caveat emptor - общепризнанное предостережение, избежать которого и было целью Эпидемиологического общества. Под покровом беспристрастной науки была проведена меркантильная сделка. Ни один читатель отчета Ситона не мог предположить иного, кроме того, что вакцинация повсеместно считалась безошибочным средством профилактики оспы и что, если любыми способами приучить английский народ к ее соблюдению, он получит иммунитет от этой болезни. Доказательства обратного скрывались от глаз; однако они были

известны каждому медику, и можно до бесконечности приводить доказательства из современной медицинской литературы, чтобы показать, что в этом отношении эпидемиологический отчет был составлен с целью ослепить и ввести в заблуждение парламент. В качестве свидетеля никто не сможет обвинить сэра Генри Холланда, который в 1839 году заметил

Не только в Великобритании, но и во всех частях земного шара мы видим, что оспа постепенно становится все более частой эпидемией, поражает все большую часть вакцинированных и приводит к большей смертности".

Ранний энтузиазм по поводу великого открытия Дженнера сметал сомнения; и они возвращались лишь с запозданием и под принуждением фактов..... Любое объяснение невежественного или несовершенного проведения вакцинации было признано недостаточным для удовлетворения количества и разнообразия доказательств. И хотя в одно время они были более ощутимы, чем в другое, в зависимости от большей или меньшей распространенности эпидемий, тем не менее каждый последующий год их умножал, и каждое заявление из других стран подтверждало их истинность.

Теперь уже нецелесообразно, в каком бы то ни было смысле, отстаивать нынешнюю практику вакцинации как определенную или постоянную профилактику оспы. Нужно сказать правду, что прежние прогнозы на этот счет не оправдались. Вопрос о том, удастся ли когда-нибудь полностью искоренить оспу, весьма сомнителен, и вероятность этого отрицательна.^[284]

В подобных высказываниях доктор Холланд не более чем выразил современную убежденность медицинской профессии. Вакцинация не сдавалась: хотя допускали, что на нее нельзя положиться в плане профилактики оспы, считалось, что она делает болезнь более легкой, и что, если ее профилактика исчерпала себя, ее можно возобновить ревакцинацией. Очевидно, что вакцинация, квалифицированная таким образом, никогда не могла получить законодательную санкцию; но такая санкция была настоятельно необходима, и Эпидемиологическое общество предоставило то, что считалось необходимым для парламентского убеждения.

Говорят, что вакцинация - это медицинский вопрос; но все вопросы трансформируются, когда они поднимаются до политики. Происхождение, характер и действие разновидностей животного вируса - тайна, и она может оставаться тайной при всеобщем безразличии; но когда утверждается, что прививка такого вируса предотвращает оспу и что тот, кто откажется привить своего ребенка, будет оштрафован на 20 с., тогда этот вопрос попадает под личную юрисдикцию каждого гражданина, и он получает право на информацию, на осуществление своего суждения и на выражение своего мнения. Как тайна, вакцинация принадлежит экспертам; но как парламентская профилактика оспы она находится в пределах дискриминации всех, кто может наблюдать и оценивать доказательства цифр. Для такого законодателя, как лорд Литтелтон, признаться в своем невежестве и в том, что он действует под диктовку некоторых "способных и ученых людей", значит отказаться от своей функции и предаться самозванству.

ССЫЛКИ:

^[281] Мемуары. К. Бонер. Vol. i. p. 176.

^[282] Письмо д-ра Эдварда Ситона виконту Пальмерстону с докладом об оспе и вакцинации в Англии и Уэльсе и других странах, а также об обязательной вакцинации, с таблицами и

приложениями, представленными Эпидемиологическому обществу. Приказано Палатой общин напечатать, 3 мая 1853 года.

[283] Британский медицинский журнал, 3 июля 1880 года.

[284] Медицинские заметки и размышления. Генри Холланд, доктор медицины, член Королевского общества здравоохранения. Лондон: 1839. Рр. 401, 415, 416.

ГЛАВА XXXVIII.

ВСЕОБЩЕЕ ПРИНУЖДЕНИЕ-1855.

Под страхом 20-тысячного штрафа, который повсеместно объявляли жадные до гонораров вакцинаторы, в 1854 году произошло невероятное расширение практики. Количество прививок в возрасте до одного года было увеличено более чем в два раза; и почти 300 000 детей старше одного года, на которых закон не распространялся, были загнаны в сети и "вырезаны для оспы" за государственный счет. Таким образом, число привитых в 1854 году превысило число родившихся за этот год на 75 000 человек. Впоследствии этот показатель снизился и колебался, как видно из следующей таблицы по Англии и Уэльсу.

Годы.	Рождения.	Государственная Вакцинация.	Годы.	Рождения.	Общественная Вакцинация.
1853	601,223	376,218	1857	649,963	423,421
1854	623,699	698,935	1858	654,914	468,008
1855	623,181	464,099	1859	669,834	455,349
1856	640,840	435,012	1860	689,060	494,942

Однако такое расширение практики не удовлетворило медицинских авантюристов из Эпидемиологического общества. Они указывали на необходимость всеобщей вакцинации, а эти результаты не соответствовали универсальности.

Закон 1853 года должен был применяться не к 65 процентам рождений, а к каждому ребенку, появившемуся на свет. Правда, необходимо сделать определенный вычет для тех, кто прививается в частном порядке; и хотя нет данных для точной оценки доли таких детей (которая, вероятно, значительно варьируется в разных частях Королевства), но если взять всю страну, есть основания полагать, что не более 10-15 процентов рожденных детей прививаются таким образом; так как установлено, что в тех регионах, где особое внимание уделяется общественной вакцинации, число публично оперируемых составляет от 85 до 90 процентов рождений. Если мы оценим только 80 процентов, как число, которое должно быть обеспечено общественной вакцинацией, то результаты прошлого года [1854] не дотягивают до тех, которые должны быть достигнуты, почти на 100 000.

Эта оценка заслуживает внимания, поскольку подтверждает вывод, который я неоднократно пытался подтвердить. До 1840 года вакцинация была делом почти исключительно частным, охватывая не более 10 или 15 процентов населения - или, допустим, 20 процентов, - и то в

основном хорошо питающихся, хорошо одетых и хорошо живущих людей. Однако снижение заболеваемости оспой, относящееся к периоду прошлого века, когда вариолитная прививка была в полной практике, а коровья оспа была неизвестна, упорно приписывается введению вакцинации, которая до 1840 года не распространялась более чем на одну пятую часть населения; четыре пятых, освобожденные от профилактики, как известно, являются главными факторами заболевания!

Парламент с такой готовностью согласился на закон 1853 года об обязательной , что вызвало острое недовольство тем, что не было предложено больше, в то время как можно было бы так легко получить больше; и операторы, стоящие за Эпидемиологическим обществом, принялись за работу, чтобы попытаться выяснить, нельзя ли вернуть упущенную возможность. В мемориале, адресованном президенту Совета здравоохранения от имени Общества в 1855 году, [285] мы находим разработанный проект, которому не хватало смелости и всесторонности. Во-первых, достоинства вакцинации утверждались в безоговорочных выражениях -

Оспа - самая профилактическая из болезней, отличающаяся от всех других эпидемических болезней в том замечательном отношении, что если последние можно предотвратить только путем обнаружения и устранения различных условий (скученность, отсутствие дренажа, грязь и т.п.), которые вызывают или способствуют распространению специфического яда каждой болезни, то первая может быть предупреждена и предотвращена прямой профилактической мерой. Короче говоря, от оспы есть противоядие. То же самое при современном уровне знаний нельзя утверждать ни об одной другой эпидемической болезни.

Этим противоядием является вакцинация. В той же мере, в какой она эффективно применяется на практике, уменьшились масштабы и тяжесть оспы на поверхности мира. Пренебрежение ею или ее неэффективное проведение объясняет высокую смертность от этой болезни в нашей стране.

Очевидно, что совет "*Ресса fortiter*" был принят к сердцу автором предыдущей декларации. Разумеется, схема, для которой она служила преамбулой, требовала жестокого обоснования. Это было не что иное, как учреждение Управления вакцинации с деспотическими полномочиями государственного департамента. Назначение общественных вакцинаторов, подчиненных Опекунскому совету, работающих по контракту и оплачиваемых из податей бедняков, считалось унижительной формой службы: она предрешала вакцинацию как форму милостыни и низводила медиков до ранга приходских чиновников. Хуже всего было то, что оплата труда была плохой.

Положения о вознаграждении общественных вакцинаторов не были такими, чтобы обеспечить их сердечное и ревностное сотрудничество. Это, несомненно, привело к самым пагубным последствиям, ограничив количество вакцинированных и отбив у вакцинаторов охоту следить за развитием вакцинной болезни, что крайне необходимо.

Поэтому они должны быть освобождены. Независимая организация с руководителем-медиком была необходима как для сохранения тайны и достоинства этого ремесла, так и для всеобщего и эффективного выполнения его функций. Чтобы спасти страну от оспы, требовалось два условия.

Во-первых, обязать всех лиц, проживающих в Англии и Уэльсе, независимо от того, родились они в этой части королевства или нет, предоставить свидетельство о вакцинации.

Во-вторых, чтобы для достижения этой цели были обеспечены административная наука, рвение и активность.

Соединение этих условий необходимо; одно из них без другого будет безуспешным".

Было отмечено, что закон 1853 года распространяется только на детей, родившихся в Англии и Уэльсе после определенной даты.

Он не распространяется ни на все существующее население, ни на иммигрантов. Хорошо известно, что оспа в значительной степени импортируется в эту страну и поддерживается из Ирландии. Эти ирландцы не только создают очаги болезни в городах, где они собираются в большом количестве, но и распространяют ее по всей стране во время сбора урожая и в сезон хмеля.

Чтобы бороться с оспой и побеждать ее, чтобы встречать и останавливать эпидемии, закон должен управляться квалифицированными, ревностными и "адекватно вознаграждаемыми" офицерами; но "краеугольным камнем любой эффективной системы" должен быть главнокомандующий.

Никакие обязательные законы, какими бы всеобъемлющими и строгими они ни были; никакие изменения в способе назначения государственных вакцинаторов, какими бы желательными они ни были; никакие дополнительные вознаграждения и поощрения, какими бы необходимыми они ни были, не будут достаточными для обеспечения великой цели, которую следует иметь в виду, - всеобщего распространения вакцинации и уничтожения оспы, если не будет какого-то компетентного и энергичного медицинского работника, который бы гармонизировал всю систему и поддерживал ее в постоянной активности; постоянно проверять ее работу, чтобы немедленно устранять недостатки; и в случаях, когда это необходимо, приводить в исполнение закон, будь то против тех, кто отказывается подвергнуться вакцинации, или против тех, кто, путешествуя, распространяет оспу по всему Королевству".

Далее говорилось: "Предлагаемые изменения уже *давно рассматриваются* президентом и советом Эпидемиологического общества как необходимые для создания надлежащей системы общественной вакцинации" - в этом, действительно, не было никаких сомнений; ведь осуществление указанных изменений было главной целью Общества и его руководителя доктора Эдварда Ситона. Хотя это может показаться невероятным, но тех, кто изучал привычки чистокровных шарлатанов, не удивит, что назначенным главнокомандующим, "краеугольным камнем системы", чудесным сочетанием научных и административных способностей, был не кто иной, как сам прожектёр, доктор Ситон! Именно он в своих фантазиях видел себя избранным главой Нового офиса вакцинации, в его распоряжении были место и зарплата, а также полномочия обследовать и вакцинировать каждого жителя английской земли.

Мемориал заканчивался мнением, что ввиду "сохраняющегося высокого уровня смертности от оспы" необходимо согласовать меры "для осуществления изменений, предложенных на нынешней (1855) сессии парламента".

Само собой разумеется, что проект, разработанный в Мемориале, был неосуществим; и то, что его "давно ожидали президент и совет Эпидемиологического общества", доказывает, какими мечтателями они были. Смертность от оспы в Англии и Уэльсе составляла, по их словам, 2 процента от общего числа смертей в стране; но даже сокращение этих 2 процентов

не могло примирить народ с Новым управлением по вакцинации с его правящим духом, его расходами и его инквизиторами. Как бы ни была плоха оспа, есть и хуже, чем оспа; и гораздо хуже был бы доктор Ситон с его пагубным шарлатанством и навязчивыми мирмидонами. Возрождение подобных проектов время от времени свидетельствует о существовании провидцев, которые не только не понимают нравов и традиций своих соотечественников, но и самой человеческой природы.

1855 год был годом войны и волнений, но в Палату общин был внесен законопроект, составленный по образцу "Мемориала", согласно которому с 1 января 1856 года вакцинация населения должна быть возложена на медицинского суперинтенданта с медицинским персоналом, получающим жалованье из казны, который возьмет на себя существующую местную администрацию от властей по закону о бедных, организует и разовьет ее заново. Кроме того, предусматривалось.

Каждый взрослый человек, проживающий в Англии и Уэльсе на 1 января 1856 года, который еще не был успешно привит и не болел оспой, должен быть привит надлежащим образом квалифицированным практикующим врачом или общественным вакцинатором в течение трех месяцев после этой даты, а через восемь дней после прививки должен быть подвергнут осмотру медицинским работником или общественным вакцинатором под страхом штрафа в размере 1 фунта стерлингов.

Чтобы взрослые, родившиеся не в Англии и Уэльсе и приезжающие на жительство в эту страну, были привиты (если они еще не привиты) в течение трех месяцев после их прибытия, под страхом штрафа в 1 фунт стерлингов.

Чтобы дети были взяты своими родителями для вакцинации в течение трех месяцев после 1 января 1856 года и были осмотрены через восемь дней после вакцинации, под страхом штрафа в 1 фунт стерлингов.

Чтобы дети, привезенные в Англию и Уэльс из других стран, были привиты аналогичным образом в течение трех месяцев после их прибытия.

Ревакцинация детей и взрослых должна проводиться до тех пор, пока операция не будет признана успешной. Если после повторной вакцинации пациент окажется невосприимчивым, свидетельство об этом защитит его от наказания, которое в противном случае налагается в жесткой форме.

Общественные вакцинаторы имеют право на вознаграждение в размере 2s. 6d. за каждого ребенка или взрослого, успешно вакцинированного в пределах двух миль от места жительства вакцинатора, и 3s. 6d., если за пределами этого предела. Чтобы практикующие врачи, не являющиеся общественными вакцинаторами, имели право на 1s. за каждого человека, внесенного ими в реестр как вакцинированный.

Сертификат об успешной вакцинации выдается за небольшую плату в 6 д.

Наделить суперинтенданта полномочиями проводить строгое расследование и привлекать к ответственности в тех случаях, когда он подозревает, что правила Закона были проигнорированы или нарушены".

Вот уж действительно, доза деспотизма для англичан! В 1855 году ничего не было сделано, и настало время для пересмотра. Было решено, что изъятие прививок из ведения местных

властей было слишком революционным, и в 1856 году был внесен другой законопроект под руководством г-на У. Ф. Коупера, президента Совета здравоохранения (опускающего Новое управление по вакцинации), с положениями о проверке и вакцинации детей в государственных школах и эмигрантов; о ревакцинации в случае эпидемий; и о расследовании коронарами случаев смерти невакцинированных детей от оспы. Такое законодательство не было востребовано населением. Его продвигала группа охотников за врачебными местами, действующая под маской Эпидемиологического общества. Одиночная петиция в его поддержку была представлена 26 мая 1856 года мистером Джеймсом Фернессом Марсоном, товарищем доктора Ситона по руководству Обществом. Марсон был хирургом-резидентом оспенной больницы в Хайгейте, и в качестве доказательства его беспринципности мы можем привести следующие утверждения.

За двадцать лет ваш питомец вакцинировал около 40 000 человек и никогда не видел никаких плохих результатов, связанных с вакцинацией, за исключением одного случая, когда корь возникла в то же время, и четырех или пяти примеров довольно сильных болей на руках, возникших из-за лимфы, недавно взятой у коровы. Он никогда не видел, чтобы другие болезни передавались от вакцины, и не верит в распространенные сообщения о том, что они вообще передаются.

Смертность от оспы среди невакцинированных людей составляет 35 процентов, а среди вакцинированных, подвергшихся нападению оспы, - 7 процентов.

Среди детей младше четырнадцати лет, прошедших вакцинацию, оспа почти никогда не приводит к летальному исходу.

В качестве примера того, чего можно добиться с помощью эффективной вакцинации, ваш проситель просит сообщить, что за последние двадцать лет ни один из служащих или медсестер оспенной больницы не болел оспой. Все они были либо вакцинированы, либо ревакцинированы при поступлении на работу в больницу.

Истец не упомянул, сколько из упомянутых служащих и медсестер поступили в больницу в качестве пациентов и с удовольствием остались в качестве служащих. Уклончивость во всем была отличительной чертой петиции Марсона: он мог утверждать, что все, что он излагал, было правдой - правдой в условиях и резервах, которые не были оговорены.

Часто замечают, что хитрые люди никогда не действуют так успешно, как когда у них есть искренние и бесхитростные люди в качестве инструментов; и в лице мистера Каупера, президента Совета здравоохранения, специалисты по вытягиванию проволоки из Эпидемиологического общества имели именно такой инструмент. Он верил в то, что ему говорили, и делал это искренне. Выступая во втором чтении законопроекта 31 марта, он представил его как "не более чем объединение и изменение предыдущих законов"; и далее он сказал

Каждый медик, чье мнение заслуживает внимания, признает, что вакцинация является специфическим средством против оспы; конечно, я имею в виду, когда операция проводится должным образом. Фактически, в медицинском мире решено, что вакцинация, если она проведена правильно, является гарантией от оспы, за исключением крайне редких случаев; и не было представлено никаких доказательств, оправдывающих идею о том, что она сопровождается вредными последствиями. Статистика показывает, что при распространении вакцинации смертность от оспы снижается.

И так далее; урок был прочитан со всей послушностью хорошего ребенка. Мистер Хенли затронул другую тему.

По всей стране существует значительное недовольство тем, как проводится вакцинация. В моем районе, например, бедняки жалуются, что после прививок, которым их заставляют подвергаться, на их детях появляются всевозможные высыпания; и хотя они могут быть совершенно неправы, вы не сможете убедить их в обратном. Кроме того, я не могу одобрить передачу функций вакцинации от опекунов Центральному медицинскому совету. Это изменение должно быть исключено из законопроекта".

После того как 31 марта законопроект прошел второе чтение без возражений, и больше о нем ничего не было слышно, мистер Т. Данкомб, знавший канаты парламентского корабля, начал подозревать, и 7 июля спросил мистера Каупера, может ли он назначить время, когда законопроект будет внесен на рассмотрение. Подозрения были вполне оправданы ответом мистера Каупера. Он сказал.

Этот законопроект не является тем, к которому члены парламента проявляют большой интерес. Он относится к тому классу законопроектов, которые обычно рассматриваются в позднее вечернее время; и я надеюсь, что достопочтенный член не будет возражать против того, чтобы он был рассмотрен в то же время, что и другие законопроекты подобного характера.

На что мистер Данкомб ответил

Если достопочтенные члены не заинтересованы в этом законопроекте, они совершают большую несправедливость по отношению к народу, потому что это обязательный законопроект. Против него было подано двести петиций, а в его пользу - только одна. Более вопиющей работы, чем этот законопроект, я никогда не знал, и я надеюсь, что мне будет предоставлена возможность выступить против него".

Простота мистера Коупера была очевидна в его ответе. Он сказал.

Я не хочу сказать, что законопроект не имеет значения, ведь он призван остановить распространение болезни, от которой ежегодно умирают тысячи людей. Я хотел сказать, что оппозиция, которую предлагает мой достопочтенный друг, не разделяется другими членами. Мой достопочтенный друг говорит, что законопроект сделает вакцинацию обязательной; но вакцинация уже является обязательной. Цель законопроекта - консолидировать и улучшить существующее законодательство. Было бы гораздо справедливее, если бы мой достопочтенный друг внес законопроект об отмене принуждения. Я не буду вносить законопроект после 12 часов ночи.

Обещание не вносить законопроект после полуночи решило его судьбу. Его авторы, понимая, что его положения не будут обсуждаться, рассчитывали на его беспрепятственное прохождение в час, когда членов парламента мало, они устали и безразличны. Бдительность мистера Данкомба разрушила план, который мистер Коупер неосмотрительно раскрыл. Законопроект был внесен в Комитет 10 июля, и приказ о его чтении был принят к исполнению на фоне всеобщего удовлетворения. Мистер Хенли заметил.

Я очень рад, что этот законопроект снят с рассмотрения. Попытка сделать вакцинацию обязательной была очень вредной". Вакцинация спокойно пробивала себе дорогу. Люди принимали ее все больше и больше; но с того момента, как она стала обязательной, они

начали думать, что все беды, которые случаются с их детьми, происходят от нее. Я не возражаю против того, чтобы передать этот вопрос на рассмотрение специального комитета, как было предложено, но каким бы ни был их доклад, ничто не убедит меня в целесообразности обязательной вакцинации".

Мистер Данкомб согласился с тем, что предложенный курс является разумным.

Вопрос деликатный и сложный, и его изучение должно предшествовать принятию закона". В 1853 году, в более поздний период сессии, чем тот, к которому мы пришли, закон об обязательной вакцинации был тайно пронесен через Палату представителей. К счастью, он стал недействительным из-за своих собственных недостатков, которые теперь предлагается устранить и сделать закон более строгим; но хотя я верю, что вакцинация принесла большую пользу, я не думаю, что мы должны пытаться поощрять ее путем принятия уголовного закона.

Мистер Коупер, протестуя против капитуляции, заметил: "Некоторые утверждают, будто люди никогда не должны сдаваться.

Некоторые утверждают, будто людей никогда нельзя заставлять делать то, что им не нравится; но сила этого возражения значительно ослабевает, если вспомнить, что, принуждая к вакцинации, мы не обязываем родителей делать что-то невыгодное для себя, а просто принимаем меры предосторожности против страшной и ужасной болезни.

Самые невыносимые тирании оправдывают себя теми преимуществами, которые они навязывают своим порочным подданным. Утверждение о том, что вакцинация защищает привитых от оспы, лишает привитых права жаловаться на риск пострадать от невакцинированных. Более того, те, кто был убежден, что прививка не предотвращает и не смягчает оспу, должны были подвергаться операции, которая была для них жестоким и опасным самозванством, несомненно, было ошибкой самого мучительного характера. Хорошо, что ни биллю 1855, ни биллю 1856 года не дали пройти; но если бы они прошли, то, возможно, вопрос о принуждении был бы решен раньше.

ПРИМЕЧАНИЕ:

[285] Мемориал, представленный президенту Совета здравоохранения президентом и советом Эпидемиологического общества, о надлежащем государственном обеспечении для профилактики оспы и распространения вакцинации. Приказано напечатать в Палате общин 1 марта 1855 года.

ГЛАВА XXXIX.

ПИСЬМО ДЖОНА ГИББСА - 1855 ГОД.

Как мы уже говорили, живая уверенность в вакцинации была невелика. Утверждение Дженнера о том, что "человек, привитый коровьей оспой, становится совершенно защищенным от заражения оспой", повсеместно было явно опровергнуто. Но в последнее время появилась новая вера в возможность предотвращения болезней и их подавления, и, убежденные в этом, люди были менее склонны скептически относиться к новым или

возрожденным профилактическим самозванствам. Пользуясь таким расположением общественного мнения, клика вакцинаторов, действующая под прикрытием Эпидемиологического общества, смогла добиться от парламента уступок, которые до появления санитарного евангелиста были недостижимы. И только когда они, слишком дерзкие, предложили создать Управление по вакцинации, наделенное из казны инквизиторскими и карательными функциями, их постигла неудача.

Чтобы противостоять доктрине, необходимо обладать доктриной. Люди могли не доверять или не любить вакцинацию, но они были в невыгодном положении по отношению к агрессорам, пока не были готовы обосновать свое недоверие и неприязнь в определенной и научной форме, подставив доказательства против утверждений, а достоверную статистику против фактов. К сожалению, зло принудительного законодательства было завершено до того, как организовалась оппозиция. Первым, кто составил всеобъемлющий обвинительный акт против вакцинации, был Джон Гиббс, ирландский джентльмен. Оно было составлено в виде письма на имя сэра Бенджамина Холла, датированного 30 июня 1855 года из коттеджа Мейз Хилл, Сент-Леонардс-он-Си. По предложению Джозефа Бразертон, члена парламента от Салфорда, письмо было приказано напечатать в Палате общин 31 марта 1856 года.^[286]

В начале письма мистер Гиббс обратил внимание на тот факт, что, хотя Акт об обязательной медицине 1853 года стал первым прямым посягательством на личную свободу в медицинских вопросах, "не было предмета, по которому столько хорошо осведомленных людей проявили бы такое невежество и легкоеверие, как по поводу вакцинации". Действительно, ни по одному вопросу законодатели, принявшие принудительные меры, не были столь откровенны, как в своих признаниях в невежестве и покорности медицинским инструкциям. Чем же можно было оправдать столь унижительное законодательство по отношению к своим соотечественникам?

Почему вакцинация вызывает у многих отвращение? Неужели у тех, кто ее отвергает, нет весомых причин, чтобы обосновать свое неприятие? Они не верят, что она обеспечивает эффективную и надежную защиту от нашествия оспы; они испытывают естественное отвращение к передаче отвратительного вируса от больного животного, через неизвестно сколько нездоровых человеческих посредников, в вены их детей; они испытывают страх, убеждены, что другие грязные болезни, склонные озлоблять и сокращать жизнь, часто передаются через вирус вакцины; Они не могут заставить себя поверить, что истинный путь к здоровью может заключаться в разложении крови и снижении жизненной энергии путем вливания яда и последующего распространения болезнетворных влияний; и далее, они добросовестно убеждены, что добровольно распространять болезни - значит сводить на нет Божественное Провидение и нарушать Божественную Волю.

Разве такие угрызения совести и возражения не заслуживают уважения? Неужели они не должны иметь никакой силы? Разве они не могут быть оправданы? Разве единственным ответом на них должен быть закон о принуждении? Это не самый лучший способ обезоружить враждебность и обеспечить убежденность. Кто поверит в заверения филантропа, который угрожает объектам своего благодеяния штрафом или тюремным заключением, если они не примут предложенное им благодеяние? Или кто может с радушием и уважением принять доктора медицины, который, вооружившись скабресником и ланцетом, громит двери, угрожая напасть на обитателей дома, если они не примут его услуги? Если вакцинация действительно является благословением, которое необходимо осыпать землю, то не будет ли более правильным для мудрого правительства и свободного народа довериться распространению информации, а не пытаться силой обратить необращенных в свою веру?

Если бы оспа была предотвратима с помощью вакцинации, подобные споры были бы бесполезны. Достоинство обряда, проявляющееся в его эффективности, обеспечило бы его соблюдение. Горечь принуждения заключалась в попытке навязать самозванство и подавить убеждения тех, чье восприятие было острее, а преданность праву - решительнее, чем в массе народа. Мистеру Гиббсу не составило труда привести доказательства того, что вакцинация не предотвращает оспу. Отчеты генерального регистратора и больниц содержали такие многочисленные свидетельства, что его трудность заключалась в выборе примеров, которые могли бы быть наиболее убедительными. Из журнала "Ланцет" от 21 мая 1853 года он взял следующее признание.

В широких кругах общественности и в более ограниченной степени в самой медицинской профессии существуют сомнения в эффективности и целесообразности вакцинации. Неудачи этой операции были многочисленными и обескураживающими.

Неудача в предотвращении оспы также не исчерпывает осуждения вакцинации. Неэффективная, она была далеко не безвредной. Сама являясь болезнью, она была проводником и возбудителем других болезней, а привитая, иногда приносила с собой и других. Эризипелас, как учил Дженнер, был нотой успешной вакцинации; но эризипелас, не будучи ограниченным заболеванием, часто был смертельным; и смерти от эризипеласа как последовательность вакцинации были постоянным явлением. Затем возникали кожные высыпания, карбункулярные и железистые опухоли, туберкулез, золотуха, сифилис и т.д., либо спровоцированные, либо обсемененные вакцинной болезнью. Такие результаты были настолько очевидны, что в журнале "Ланцет" от 11 ноября 1854 года было сказано

Так широко распространен страх, что вместе с профилактикой может быть привито что-то еще, что немногие практикующие врачи будут заботиться о вакцинации своих собственных детей из источника, в чистоте которого они не уверены".

Но забота, которую вакцинаторы проявляли о собственном потомстве, была невыполнима для множества людей". И снова, ссылаясь на "Ланцет" от 23 октября 1854 года, было сказано

Беднякам говорят, что они должны нести своих детей на вакцинацию к врачам, которые могут быть им незнакомы. Они опасаются - и эти опасения не совсем беспочвенны и не разделяются образованными людьми, - что используемая вакцина может нести в себе семена других болезней, не менее страшных, чем та, которую она призвана предотвратить.

Бесполезная против оспы и вредная сама по себе, оставалось проверить влияние вакцинации на здоровье общества.

Каков процент смертей от всех эпидемий среди вакцинированных и невакцинированных? Каков процент случаев заболеваний органов дыхания, кожных заболеваний, золотухи и судорог? Какова средняя продолжительность жизни среди вакцинированных и невакцинированных? Из тысячи детей, привитых в течение определенного времени после рождения, и тысячи невакцинированных, причем все две тысячи были помещены, насколько это возможно, в одинаковые условия, какой процент из каждой тысячи достигает половой зрелости?

Это статистика, с которой сторонники вакцинации никогда не сталкивались. Так не слишком ли преждевременно решать, что вакцинация - это неизменное благо, благо, которое мы

должны не только с благодарностью принять, но даже объединиться, чтобы заставить принять его других?

Если окажется, что до определенного возраста уровень смертности от всех причин будет одинаковым среди тысячи привитых и тысячи непривитых детей, то какая польза от вакцинации? Какое значение имеет для общества вопрос о том, в какой форме смерть набирает положенное ей число жертв - от оспы, скарлатины или кашля? Если же окажется, что уровень смертности среди вакцинированных выше, чем среди невакцинированных, как мы сможем избежать вывода, что вакцинация - это проклятие, а не благословение?

Взаимозависимость форм зимозной болезни, так ярко продемонстрированная доктором Уоттом в статистике Глазго, была, по-видимому, концепцией, превышающей возможности среднего медицинского ума. По обычаю вакцинаторов, оспа существовала в одиночестве, и любое ее уменьшение приписывалось соблюдению их обряда, а любое увеличение - его игнорированию, хотя соблюдение обряда не уменьшалось ни в период подъема, ни в период спада болезни. С помощью многочисленных иллюстраций из медицинской литературы мистер Гиббс настойчиво доказывал, что болезни - это не нерегулярные и обособленные бедствия, а различные проявления общего расстройства: что когда преобладает одна форма, другие формы ослабевают или исчезают; что здоровье и недостаток здоровья зависят от привычек и условий жизни; и что уровень смертности не зависит от того, является ли оспа одним из ее факторов - более того, в многочисленных случаях снижение уровня смертности свидетельствует о преобладании оспы. Короче говоря, предположить, что создание и культивирование такого недуга, как вакцинация, может каким-либо образом способствовать активизации жизни, означало перевернуть канон, согласно которому здоровье всегда и везде является лучшей защитой здоровья.

Среди сторонников его тезиса не было никого более весомого, чем доктор Джордж Грегори. Опираясь на "опыт, который дали ему двадцать лет официального сотрудничества с больницей оспы и вакцинации", он утверждал: "...

Великий принцип заключается в том, что не существует болезней, строго изолированных от других. Они являются звеньями одной цепи.

"Все они - лишь части одного огромного целого".

Их необходимо рассматривать в совокупности, если мы надеемся сформировать справедливое, расширенное и законное представление о характере и патологическом родстве каждого из них.

Давно предполагаемый, но никогда не доказанный, пока статистические исследования последнего времени не показали его правильность, доктор Грегори продолжает

Мы можем, за неимением лучшего названия, назвать эту любопытную доктрину законом викарной смертности; под ним понимается, что всякий раз, когда одна эпидемия уменьшается, другая увеличивается, так что общая сумма эпидемической смертности остается, в среднем по годам, почти одинаковой".

Эпидемическая смертность в Англии и Уэльсе в 1838, 1839 и 1840 годах.

	Год 1838.	Год 1839.	1840 год.
Оспа	16,268	9,131	10,434
Корь	6,514	10,937	9,326
Алая лихорадка	5,802	10,325	19,816
Общая смертность от экзантемы,	28,584	30,393	39,576
Затяжной кашель	9,107	8,165	6,132
Общая смертность от эпидемии	37,691	38,558	45,708
Общая смертность по Англии и Уэльсу	342,529	338,979	359,561

Из этой таблицы мы узнаем, что каждый год отличается какой-нибудь главной эпидемией. В 1838 году эпидемия оспы господствовала по всей Англии. В 1839 году за первенство боролись корь и скарлатина. В 1840 году скарлатина была настолько распространена и настолько смертельна, что смертность от нее в пятую часть превысила опустошительные последствия оспы в эпидемический сезон 1838 года, и более чем в два раза превысила смертность от этой болезни в 1839 году.....

Все учит нас, что когда закрывается один путь к смерти, открывается другой.

"Noctes atque dies patet atri janua Ditis".

Вакцинация, как бы ни были велики ее достоинства [Каковы они? - Дж. Г.], и никто не ценит их полнее, чем я, не делает и не может сделать всего того, что обещали ее слишком восторженные поклонники. Благословения вакцинации уравниваются законом смертности. Как и почему это происходит? Объяснение простое. Слабые растения в питомнике должны быть выполоты. Если слабые дети не становятся жертвами оспы, они выживают, чтобы попасть в пасть тиранов, не менее неумолимых. Алая лихорадка и корь прогрессируют в отношении смертности; а увеличение числа смертей от коклюша с начала этого века [то есть с момента введения вакцинации - Дж. Г.] совершенно необычайно.[\[287\]](#)

Уступка столь многим была уступкой всем. Если оспа была просто вытеснена, чтобы быть замененной, а смертность поддерживалась схожими болезнями, то что можно было требовать от вакцинации, даже если бы она имела влияние, неблагоприятное для оспы? Где спасенные жизни? И где слава бессмертного Дженнера?

Сторонники обязательной вакцинации привыкли приводить в пример такие страны, как Австрия, где эта практика применяется, для подражания англичанам. Давайте сравним, говорит мистер Гиббс, уровень смертности в главных центрах английского населения с уровнем смертности в главных районах Австрии и отметим, кто из них имел преимущество в 1850-51 годах.

	Уровень смертности на 1000 человек.		Смертность на 1000 человек.
Англия и Уэльс	22-0	Нижняя Австрия	35-7
Лондон	23-3	Верхняя Австрия	27-7
Ливерпуль	29-0	Штирия	30-3
Манчестер	29-0	Богемия	38-6
Бирмингем	23-3	Моравия	30-9
Лидс	24-6	Галиция	30-8
Дублин	26-8	Ломбардия	33-9
Корк	23-3	Венеция	33-3

Эти цифры не нуждаются в комментариях. Если вакцинация и остановила оспу в Австрии, она, очевидно, не снизит смертность даже до уровня самых антисанитарных английских городов.

Если предположить, говорит мистер Гиббс, что вакцинация имеет право на все те заслуги, которые на нее претендуют, давайте попытаемся оценить выгоду, если она будет введена в действие. Среднегодовое количество смертей от всех причин в Англии и Уэльсе составляет 370 000, из которых около 7 000 - от оспы.

Эти 7000, таким образом, являются пределом выгоды, которую может дать принудительная вакцинация; но из этих 7000 следует вычесть примерно одну треть для смертей от оспы среди вакцинированных; а из оставшейся части следует вычесть эквивалент для смертей, вызванных непосредственно и отдаленно вакцинацией; и еще один эквивалент для смертей, вытекающих из закона викарной смертности. Таким образом, потребуется не мало изобретательности, чтобы найти баланс в пользу вакцинации.

Рассудив таким образом, не вправе ли мистер Гиббс спросить.

Что бы подумали о лудильщике, который пробивает дырку в дне своей кастрюли, чтобы не обжечься обычным способом?

А ведь именно так поступает вакцинатор; и когда он обнаруживает - как он мог бы предвидеть, если бы руководствовался здравым смыслом, - что его кастрюля ничуть не лучше, а скорее хуже, он старается оправдать неудачу, утверждая, что, к сожалению, сделал отверстие слишком большим, или слишком маленьким, слишком большим с этой стороны, или слишком большим с той, или предлагая какое-нибудь другое столь же мудрое оправдание.

Наконец, существуют политические и моральные соображения, связанные с обязательной вакцинацией - первой попыткой в Англии придать медицинскому предписанию силу закона.

Разумеется, мудрое правительство может понять, что существуют более серьезные беды, чем случайные вспышки эпидемий. Систематическое нарушение прав человека и естественных привязанностей, выкорчевывание из человеческой груди чувства уверенности в себе, государственная религия в медицине, принуждение, которое вполне может рассматриваться как одиозное преследование, убеждение бедняков в том, что самое

дорогое для них принесено в жертву корыстным предрассудкам богачей - любое из них гораздо хуже моровой язвы.

Разве те, кто верит в вакцинацию, не могут защитить себя? Никто не пытается им помешать; никто не берется оспаривать их право применять любую медицинскую практику, какой бы сомнительной она ни была. Почему же они не могут действовать с такой же терпимостью по отношению к другим? Конечно, если свобода - это не просто название, она подразумевает право свободного человека отвергать не только то, что другие люди могут считать злом, но даже то, что они могут объединиться, чтобы внушить ему, что это хорошо.....

Как абсурдна попытка наказать за нежелание верить в научную или, скорее, ненаучную догму! Как нелепо претендовать на обладание профилактическим средством, обладающим столь неоспоримой силой, что его принятие требует угрозы применения силы! Стремясь принудить других, сторонники обязательной вакцинации демонстрируют свой собственный недостаток веры в рецепт, который, как они утверждают, обеспечивает полную безопасность от оспы.

Как уже отмечалось, заслуги мистера Гиббса заслуживают особого внимания, поскольку это была первая попытка привести аргументы против вакцинации в систематическую форму. Он продемонстрировал шарлатанство этой практики и заблуждения, с помощью которых ее защищали; и осудил тиранию законодательства, которое заставило бы тех, кто признал это самозванство, подчиниться ему. Услуга, оказанная мистером Гиббсом, послужила основой для дальнейших действий: те, кто должен был бороться с заблуждением, укрепили свои руки и увеличили силу своего нападения благодаря тому, что ему удалось совершить.

Джон Гиббс родился в Эннискорти, графство Уэксфорд, 25 мая 1811 года. Из-за неустроенной жизни его отца, капитана Королевских волонтеров Корка, его образование было неспешным - в разных школах и у разных учителей. Смышлелый, яркий, искренний и независимый, он рано проявил страсть к таким вещам, которые способствовали благополучию и улучшению человека. Воздержание от алкоголя, связанное с миссией отца Мэтью, нашло в нем горячего сторонника. Книга капитана Клариджа о лечении водой вызвала его интерес и привела к созданию Гидропатического общества Эннискорти. Стремясь овладеть тайнами этого нового метода лечения болезней, он отправился в Силезию в 1843 году и поступил под начало Приессница, оставаясь его избранным учеником до 1847 года, когда он покинул его, получив сертификат компетентности.



Wm. H.
John Gibbs.

(Джон Гиббс, с подписью)

Во время обучения искусству у Приессница он сообщал о своих впечатлениях друзьям из Эннискорта, которые публиковали их в газетах Уэксфорда, подборка из которых была воспроизведена под названием "Письма из Грёфенберга" в 1847 году. Отрывок из одного из этих писем, датированный 27 ноября 1844 года, указывает на то, каким образом его внимание было привлечено к оспе.

Приессниц только что вылечил еще один случай оспы. Пациентка - дочь крестьянина, живущего по соседству, ей около двадцати лет. Она находилась в заключении в течение восьми дней и была очень обильно покрыта высыпаниями. Итальянский врач сказал, что никогда не видел, чтобы симптомы проявлялись лучше. Сначала она получала обычное лечение - мокрые простыни, влажные обтирания и теплые ванны, а после появления высыпаний - три мокрые простыни и три теплые ванны ежедневно. У нее не останется ни малейшего следа. При лечении водой оспа, кажется, лишается половины своих ужасов; насколько я могу судить, она не лишает мужчин жизни, а женщин - красоты".

По возвращении он помог доктору Ловеллу открыть гидропатическое заведение в Баркинге, Эссекс; а в 1848 году он взял на себя медицинское руководство Гранд Шартрез в Пьемонте. Там он встретил мисс Анну Скелтон, на которой женился в Ницце в 1849 году. В конце концов он поселился в Сент-Леонардсе, Сассекс. Принятие закона об обязательной вакцинации в 1853 году побудило его опубликовать памфлет "Наши медицинские свободы" в 1854 году, который привлек внимание и вызвал одобрение многих вдумчивых людей. По предложению мистера Томаса Бейкера он составил письмо из содержания памфлета и адресовал его президенту Совета здравоохранения, которое, как мы видели, было издано в качестве парламентского документа. Более ожесточенные споры, разгоревшиеся в последние годы после ужесточения Закона о вакцинации, застали мистера Гиббса в состоянии здоровья, слишком слабом для активных действий. После смерти жены он уехал на Джерси, чтобы быть рядом со своей сестрой, миссис Дженерал Лейн, в доме которой он умер зимой 1875 года.

ССЫЛКИ:

[286] Копия письма Джона Гиббса, эсквайра, от 30 июня 1855 года на имя президента Совета здравоохранения, озаглавленного "Обязательная вакцинация, кратко рассмотренная в ее научном, религиозном и политическом аспектах". Заказано Палатой общин для печати 31 марта 1856 г. - Фолио, стр. 31.

[287] Эруптивные лихорадки, стр. 5-8. Лондон, 1843.

ГЛАВА XL.

ЗАЩИТА СИМОНА И ОСУЖДЕНИЕ ХАМЕРНИКА.

На нападки на вакцинацию, подобные тем, что были сделаны Джоном Гиббсом, необходимо было ответить, и для этой цели был выбран мистер Джон Саймон, медицинский работник Совета здравоохранения. Ответ появился в 1857 году в синей книге формата кварто под названием "Документы, относящиеся к истории и практике вакцинации"[288], 83 страницы

которой состоят из защиты вакцинации, а 188 страниц - из иллюстраций и подтверждающих документов. Как ни странно, трактат мистера Гибба ни разу не упоминается, в то время как порядок защиты явно выстроен перед его позициями. Причина такой сдержанности двояка: во-первых, считалось нежелательным превозносить или рекламировать столь опасного антагониста, а во-вторых, непрофессионально обсуждать медицинские вопросы с человеком, не имеющим медицинских предписаний.

Рассматривая защиту мистера Саймона, мы постоянно вспоминаем замечание Милля о том, что доктрину никогда нельзя оценить по-настоящему, пока она не будет оценена в наилучшей форме; и предостережение Кольриджа о том, что плохие аргументы противника не являются доказательством хорошиности наших собственных. В природе вещей заложено, что против вакцинации выдвигается множество абсурдных и нелепых возражений, но приводить их в пример и высмеивать - значит не ценить и не опровергать те возражения, которые имеют силу. Если бы Саймон был менее пренебрежительным и менее возвышенным, снисходительно относясь к своему антагонисту, он, возможно, не добился бы большего успеха, но, по крайней мере, получил бы похвалу за судебные намерения.

Следуя обычаю восхваления вакцинации, мистер Саймон открыл главу "Оспа до открытия вакцинации", состоящую из ужасных историй о разрушительных действиях этой болезни среди мексиканцев, индейцев, гренландцев, исландцев, сибиряков, готтентотов и т. д., как будто неверующие в вакцинацию обязаны их оспаривать. Не отрицается, что оспа может быть смертоносной эпидемией: утверждается, что вакцинация не уменьшит ее смертоносность. В то же время, когда рассказывают страшные истории о разрушениях, причиненных оспой, вполне справедливо требовать доказательств их подлинности. Путешественники и историки иногда предпочитают восторг удивления приверженности фактам. Когда, например, мистер Саймон серьезно сообщает, что "в Мексике 3½ миллиона человек были внезапно умерщвлены, не оставив никого, кто бы мог их похоронить", позволительно спросить, кто отвечал за перепись населения Мексики во времена Кортеса и кто считал непогребенных мертвецов? Кроме того, не стоит придавать значения отдельным высказываниям об оспе, как будто оспа - это самостоятельный губитель человечества. Она входит в группу разрушителей, и ее активность обычно совпадает с соответствующим затишьем среди ее соратников. До тех пор пока не будет собрана полная статистика жизни общества, бесполезно утверждать, кого оспа убила, а кого спасла. Именно распространенность смерти, а не ее способ, является решающим вопросом.

Опять же, когда перечисляют знакомый список великих людей, умерших от оспы в Европе в XVII и XVIII веках, возникает замечание, что, учитывая привычки и место обитания этих великих людей, их судьба ничуть не удивительна. Тех, кто считает, что оспа возникает в нездоровых условиях жизни, не смущают факты, иллюстрирующие их утверждение. То же самое можно сказать и о не менее известной истории о лондонской оспе. Вполне можно было ожидать, что горожане, которых размещали и кормили так, как размещали и кормили лондонцев, должны были страдать от оспы и ее сородичей. Отрицается тот факт, что вакцинация могла бы спасти их от оспы или снизить уровень смертности, а условия жизни остались бы прежними.

Экстравагантная демонстрация ужасов оспы - обычная прелюдия к представлению Дженнера как спасителя от них; и роль шоумена в этом отношении была исполнена с более чем обычной беспечностью Саймоном, который так изобразил ситуацию и спасение...

Медицина в замешательстве и беспомощна! Для миллионов людей нашей расы и в последующие времена будет продолжаться свирепствование этой безжалостной чумы! Более мрачная картина вряд ли могла бы опечалить человечество.

То, что это отчаяние было недолгим, - заслуга гения английского хирурга; и конец XVIII века, который многое омрачал, до конца человеческой истории будет вспоминаться как величайшее физическое благо, когда-либо дарованное наукой миру.

Затем последовала легенда о Дженнериане, изложенная в весьма сказочной форме с различными дополнениями из личной фантазии Саймона. Достаточно повторить, что Дженнер не вводил коровью оспу. Напротив, он отказался от коровьей оспы в пользу коровьей оспы с лошадиным жиром; и таково было его предписание, потому что он знал по свидетельствам своих соседей, что коровья оспа не защищает от оспы. Правда, когда Пирсон опроверг коровью оспу на лошадиной жире и рекомендовал коровью оспу, Дженнер отказался от своего рецепта и выдвинул себя в качестве первооткрывателя коровьей оспы; но правда и то, что в последующие годы он вернулся к своей первоначальной позиции и даже полностью отказался от коровы и, подобно Сакко из Милана и Де Карро из Вены, использовал и распространял лошадиную жижу или коровью оспу, описывая конский вирус как "истинную и подлинную жидкость, сохраняющую жизнь". Однако обо всем этом Симон либо не знал, либо предпочитал ничего не говорить. Он также опустил коровью оспу как болезнь коров. Ссылаясь на предположение Дженнера, что коровья оспа - это "оспа в более мягкой форме", он утверждал, что это предположение было подтверждено Гасснером в 1801 году, Тилем в 1836 году, Сили в 1839 году и коммерчески Бэдкоком из Брайтона в 1840 году. Снова и снова Бэдкок получал свежие запасы вакцинного вируса от коров, искусственно зараженных оспой; он вакцинировал таким вирусом более 14 000 человек и снабдил им более 400 практикующих врачей.

В ходе почти привычных экспериментов было установлено, что инфекция оспы может передаваться от человека к корове путем прививки; что ее результатом является высыпание пузырьков, имеющих физические признаки коровьей оспы; что лимфа из этих пузырьков, если ее имплантировать в кожу человека, вызывает обычные местные явления вакцинации; что привитый таким образом человек не распространяет никакой атмосферной инфекции; что лимфа, произведенная им, может быть передана с репродуктивной силой другим незащищенным лицам; и что по завершении этого искусственного расстройств *ни повторная вакцинация, ни прививка оспы, ни самый тесный контакт и сожительство с больными оспой не вызовут у него никаких остатков восприимчивости к инфекции.* (Р. xiv.)

Так были возрождены и подтверждены дискредитировавшие себя утверждения Дженнера о новой разновидности вируса - оспы, привитой корове! Даже ревакцинация была признана невозможной, и это логично; ведь ревакцинация подразумевает восприимчивость к инфекции. Однако было глупо прикрывать эту новую разработку авторитетом Дженнера. Когда Дженнер сказал, что коровья оспа - это оспа в более мягкой форме, он имел в виду обратное толкованию Саймона. Он имел в виду, что оспа перешла к человеку от лошади через корову, а не то, что корова заразилась оспой от человека. Показав племяннику лошадь с жирными пятками, он сказал: "Вот источник оспы".^[289] Когда запасы коровьей оспы для вакцинации закончились, Дженнер опасался, что пополнить их будет сложно. Почему? Потому что фермеры проявляли такую осторожность, узнав, что коровью оспу получают из лошадиного жира, что болезнь среди коров практически исчезла. Возможно, Дженнер ошибался: возможно, коровья оспа произошла от оспы: но то, что Саймон назвал "решенным" в 1857 году, и по сей день вызывает ожесточенные споры. Рецепт Саймона был практически новым открытием - новым шагом в вакцинации. Он напоминает практику

вариоляторов, которые брали вирус для робких пациентов от здоровых людей, привитых легкой оспой; предполагалось, что вирулентность легкой оспы в них ослабевала, и они играли ту роль, которую Сили и Бэдкок отводили корове. Таким образом, когда Димсдейл вариолизировал императрицу Катарину, оспа была смягчена в лице сильного молодого человека. Если бы Димсдейл заменил корову на мужчину, он бы не только предвосхитил Дженнера, но и более поздние открытия и практику Сили и Бэдкока - "величайшее физическое благо, когда-либо дарованное наукой миру".

Далее Саймон описал "оспу после применения вакцинации", относительно которой можно привести следующие наблюдения

1-е - до введения вакцинации оспа в Европе пошла на убыль, несмотря на стимуляцию болезни вариоляцией.

2-е - дискредитация вариоляции вакцинацией вывела оспу из культуры, и в этой степени оспа сократилась.

3-е - нелепо приписывать снижение заболеваемости оспой вакцинации в странах, где вакцинирована лишь часть населения, и обычно, как в Англии, часть, наименее подверженная оспопрививанию.

Эти соображения, достаточно подробно изложенные в предыдущих главах, сводят на нет вывод, подкрепленный искусно составленными статистическими таблицами, о том, что причиной снижения заболеваемости оспой была вакцинация. Утверждаемая причина несоизмерима со следствием.

Остается еще одно замечание, а именно: все прививки принимались Саймоном за эффективную вакцинацию, за исключением случаев, когда за ними следовала оспа, и тогда подозрение падало на вирус или время и способ его введения. Но при его собственном определении вируса, а именно оспы, привитой корове, большая часть, если не вся, проведенных прививок была сделана с вирусами совершенно разными - с коровьей оспой, не имеющей ничего общего с оспой, с лошадиной оспой, с лошадиной оспой и многими другими, известными только всезнающему. И все же именно этим разнородным прививкам, непостижимым образом изменявшимся при переходе от пациента к пациенту, приписывалось затихание оспы! Одним словом, все, что где-либо и кем-либо *называлось* вакцинацией, служило, по мнению Симона, для истребления оспы. Где найти эпитет для такого грубого заверения, которому ни наука, ни здравый смысл не придают блеска вероятности!

Следующая глава, "Предполагаемые недостатки преимуществ вакцинации и предполагаемые опасности ее применения", была столь же оскорбительной, сколь и несправедливой. Следует признать, что против вакцинации было написано много глупостей, и, если чайник можно назвать черным, гораздо больше глупостей было распространено в ее пользу. Вакцинацию рекомендовали для улучшения здоровья и цвета лица, для лечения кожных заболеваний, от чумы, от коклюша, от гнили у овец и от дистемпера у собак - сам Дженнер прививал королевских стаффаундов. Но к чему эти обвинения? Главное обвинение против вакцинации заключается в том, что это болезнь, которая не предотвращает и не смягчает оспу; а второе - в том, что она часто возбуждает и иногда переносит другие болезни.

Саймон красноречиво говорил об абсурдности отнесения вакцинации к происхождению некоторых золотушных заболеваний, описывая их как известные продолжения оспы; но где

же абсурд, если вакцинация - это (как он считал) легкая форма оспы, а легкая болезнь служит в равной степени как фермент или возбудитель злых духов. В своем яростном презрении он забыл о науке и логике и безоговорочно признал все, на что претендовали рациональные противники вакцинации.

В том же безрассудном духе он задал вопрос: "Является ли правильно проведенная вакцинация абсолютно безвредной процедурой?" и ответил: "Нет."

Вовсе нет, да и не претендует на это. Смысл его в том, что он искусственно и специально вызывает преходящее и незначительное недомогание; в течение нескольких дней младенец будет испытывать дискомфорт от болезненности руки и легкого раздражения прилегающих подмышечных желез, а также ощутимой общей лихорадочности. (P. lx.)

Здесь мы согласны, а здесь не согласны - согласны в отношении болезни, не согласны в определении ее границ. Во-первых, вирус имеет неопределенное качество; во-вторых, реципиент вируса - это комплекс неопределенных качеств; так что, как заметил доктор Мид, когда оспа использовалась для прививок, "более существенно, в какое тело она вводится, чем из какого берется". Как охотно признают патологоанатомы, невозможно предсказать превращения органических ядов в организме животного. Жизнерадостный младенец может выбросить вирус, обозначенный вакциной, и не понести никакого видимого вреда, но тот же самый вирус может действовать совершенно иначе при контакте с ослабленным и больным организмом; так что, говоря словами Иакова, мы должны сказать: "Вот как велико дело, которое разжигает маленький огонь!" Условия вакцинации - это, по сути, условия риска; вопросы - это вопросы игры случая; в лучшем случае результат - риск впустую.

Саймон тоже был уверен в невозможности инвакцинации от сифилиса - этот факт больше не подвергается сомнению, за исключением степени частоты. И здесь также в своем безрассудстве он забыл о последовательности, заявив: "Когда ребенок рождается с наследством, он не может быть привит".

Когда ребенок рождается с наследством сифилиса (очень частый случай, если его родители страдали от этой инфекции), характерные симптомы не проявляются до нескольких недель после рождения; и тогда скандал раскрывается. (P. lxvi.)

Именно так; а перед раскрытием ребенка прививают, и, выступая в роли вакцинируемого, скрытый сифилис прививается и распространяется.

Вакцинация, по словам Саймона, была легкой: "Простой ручной прием осваивается за минуту обучения и час практики". Трудности начинаются с выбора подходящих субъектов для обряда, для которого не подходит никто, кроме здоровых; а для распознавания здоровья нужен опытный глаз.

Если прививаются больные дети, дети, страдающие другими расстройствами, дети с кожными заболеваниями, дети с прорезыванием зубов и т. п., результаты должны быть по меньшей мере неудовлетворительными, а возможно, и опасными". (P. lxii.)

Если такие дети будут освобождены от вакцинации, как вакцинация сможет приблизиться к всеобщему охвату? А когда всеобщая вакцинация проводится, как это часто бывает, как она может не сопровождаться "результатами, по меньшей мере, неудовлетворительными, а возможно, и опасными"?

Более сложным, чем отбор субъектов, является отбор вируса для обряда; и многообразные опасности и необходимые меры предосторожности были указаны таким образом.

Особенно в том, что касается качества вакцинной лимфы, небрежный или необразованный вакцинатор использует опасное оружие. Лимфа вакцинной пузырька пригодна для дальнейших прививок только в течение части курса: ведь после определенного момента, когда содержимое пузырька достигает максимума простой заразности, оно все больше и больше склоняется к качеству обычных продуктов воспаления; и вещество, взятое из пузырька, уже не является простым агентом специфической инфекции, но обладает меньшей эффективностью для своей настоящей цели, и специально способно производить другие нежелательные результаты.

Сходную опасность представляет забор лимфы из везикул, которые уже были случайно разорваны, или если по какой-либо другой причине, местной или конституциональной, их специфическая жидкость, вероятно, была изменена общими раздражающими процессами.

Опасность взятия вещества из раздраженных везикул и из везикул на слишком поздних стадиях их развития - одна из тех, которые обстоятельства делают частыми; и есть основания полагать, что, по крайней мере, в очень большой части тех случаев, когда аномальные эффекты были результатом так называемой вакцинации, именно использование этого неоднозначного раздражающего вещества стало причиной бед и скандалов.

Еще более критические изменения происходят в лимфе, когда она удаляется из организма, если не принять соответствующих мер для ее сохранения; ведь под воздействием воздуха и влаги она, как и другие мертвые органические вещества, склонна к гнилостному разложению; и прививка, когда она изменяется, вряд ли может быть более полезной или менее опасной, чем случайная царапина, нанесенная в препаровочной комнате (P. lxii.).

Никто из тех, кто принимает во внимание это ограничение вакцинации здоровыми людьми и эти предписания относительно сбора и демонстрации "лимфы", не может не видеть, что обвинения в травмах и смерти, выдвинутые против общепринятой практики, были допустимы и объяснимы - более того, они были неизбежными сопутствующими факторами этой практики. Вакцинация, описанная Саймоном, была идеальной операцией, невыполнимой ни на каких обычных условиях. Его утверждение и одобрение относились только к "правильно проведенной вакцинации" здорового ребенка, с безвредным вирусом, доказательство каждого условия обнаруживалось в результате. Если прививка была неудовлетворительной, или вредной, или смертельной, то она не могла быть "правильно проведена" - либо ребенок был нездоров, либо виноват вирус.

Не приходится удивляться и тому, что люди, на собственном опыте убедившись в бесполезности и бедственности этой вирулентной практики, не успокоенные ужасом оспы, отказываются от ее соблюдения; и тому, что те, кто наживается на этом, не веря в свои силы одержать верх с помощью разума, обращаются к законодательству, чтобы принудить к самозванству, призывая полицейского поддержать врача, как в былые времена солдат поддерживал священника.

Чтобы еще больше подкрепить свои доводы, Саймон направил следующий циркуляр с вопросами примерно 500 медикам.

I.- Есть ли у вас сомнения в том, что успешная вакцинация дает людям, подверженным ее влиянию, очень большое освобождение от приступов оспы и почти абсолютную безопасность от смерти от этой болезни?

II.- Есть ли у вас основания полагать или подозревать, что привитые люди, будучи менее восприимчивыми к оспе, становятся более восприимчивыми к любой другой инфекционной болезни, или фтизиатру; или что их здоровье каким-либо другим образом подвергается неблагоприятному воздействию?

III.- Есть ли у вас основания полагать или подозревать, что лимфа, полученная из истинного пузырька Дженнера, когда-либо была проводником сифилитической, золотушной или другой конституциональной инфекции для вакцинированного человека; или что непреднамеренная прививка какой-либо другой болезни, вместо предлагаемой вакцинации, произошла в руках должным образом образованного практикующего врача?

IV.- Рекомендуете ли вы (предполагая наличие надлежащих условий для умелого проведения операции), за исключением особых причин в отдельных случаях, повсеместно проводить вакцинацию в раннем возрасте?

Хотя эти вопросы были сформулированы таким образом, чтобы получить требуемые ответы, тем не менее, как бы они ни были изменены, суть ответов была бы примерно одинаковой. Мы могли бы с уверенностью предсказать одинаковые ответы, если бы циркуляр был адресован 500 священнослужителям с просьбой высказать свое мнение о лишении церкви церковных прав, 500 нонконформистам о пользе слушания проповедей, 500 военным о целесообразности неизбежной войны, 500 морским офицерам о расширении военно-морского флота или 500 мытарям о справедливости местного выбора. Нет смысла и в том, чтобы придавать ценность свидетельским показаниям, которые могут быть получены по требованию верфи. Они даются как само собой разумеющееся, и ожидать иного - значит ожидать того, что противоречит природе.

Мне скажут: "Неужели вы хотите сказать, что медики защищают вакцинацию, потому что за нее платят?". Отвечаю: не иначе, как священнослужители или мытари защищают свои корыстные интересы. Сами медики не скрывают своей материальной заинтересованности в вакцинации, в чем может убедиться любой, кто читает их журналы; и пропаганда Саймона достигла кульминации в требовании более либеральной оплаты, как единственной гарантии "правильно проведенной вакцинации".

Мы можем взглянуть на этот вопрос с другой стороны. Если бы пятьдесят лет назад 500 медикам был разослан циркуляр о пользе кровопускания, мозолей или слюноотделения, разве ответы не были бы столь же единообразны, как и ответы Саймона в пользу вакцинации? Где сейчас эти практики? Но если бы хоть одна из них получила законодательную санкцию и одобрение, можно ли сомневаться, что она сохранилась бы до наших дней, подтвержденная как полезная и безвредная всеми представителями медицинской профессии? Давайте очистим наши умы от надуманности. Предположение о том, что убеждения людей (за исключением моральной аристократии) не контролируются их эгоистическими интересами (зачастую обратными их истинным), является ложью.

Среди допрашиваемых был доктор Йозеф Хамерник из Праги, чьи развернутые ответы составили документ, который, благодаря независимости, проницательности и философскому подходу, является отличием коллекции документов Симона.

Сначала Хамерник поинтересовался, имеют ли коровья оспа и натуральная оспа какое-либо отношение друг к другу, и решил, что это разные и независимые заболевания. Вакцинированные люди могут быть атакованы оспой во время развития везикулы коровьей оспы или через несколько дней после ее высыхания. При прививке смесью коровьей и натуральной оспы на месте прокола образуется вакцинная пузырьчатка, а на теле -

разноцветные высыпания. Нередко коровья оспа и оспа одновременно развиваются у одного и того же человека. В некоторых условиях одна болезнь, кажется, подавляет другую. Так, мощная эпидемия оспы будет препятствовать развитию коровьей оспы, иллюстрируя афоризм Гиппократ *"Duobus doloribus simul obortis-vehementior obscurat alterum"*, точно так же, как это происходит, когда другие болезни одновременно вторгаются в организм человека. Опять же, во время хорошо заметных эпидемий коровья оспа не защищает от оспы даже после многократных прививок. Под влиянием такого опыта доверие к вакцинации сильно пошатнулось в Англии во время эпидемий 1825 и 1838 годов. Вакцинация также была признана бесполезной во время эпидемий в Париже в 1825 году и Марселе в 1828 году. "Ревакцинация не может достичь того, чего не может вакцинация, - говорит доктор Браун из Мюссельбурга. Ревакцинированные умирают от оспы, как и другие люди, что подтверждается официальными отчетами армий Вюртембурга и Пруссии.

Ревакцинация среди гражданского населения в Богемии проводится крайне редко, и поэтому я не могу привести много случаев. Я видел только двух человек, умерших от ревакцинации в пражском госпитале - русского офицера в гвардии и врача из Бремена.

Утверждение о том, что эпидемии оспы сдерживаются и смягчаются благодаря быстрой вакцинации и ревакцинации, не имеет под собой никаких оснований, если только медики не смогут проверить точность своего вердикта, как это делают юристы, путем нового судебного разбирательства. Пока они не смогут этого сделать, мы должны признать, что существуют случаи и эпидемии легкой и тяжелой оспы. Так было до того, как стало известно о вакцинации, и, вероятно, так будет продолжаться дольше, чем продержится вакцинация.

Во-вторых, перейдя к изучению характера оспы до и после вакцинации, он заметил

Если вакцинация действительно обладает теми свойствами, которые ей приписывают, то уже давно должны были произойти изменения в характере оспы, как sporadic, так и epidemic. Оспа была подробно описана патологоанатомами еще до введения вакцинации, причем в такой манере, что можно было подумать, что они видели эту болезнь в палатах наших больниц. Действительно, лучшие патологоанатомы нашего времени, уделившие особое внимание оспе, сходятся во мнении, что они ничего не смогли добавить к описаниям Ражеса (умершего в Багдаде в 930 году н.э.), Сиденхема, 1675, Ричарда Мида, 1754, и Джона Хаксема, 1764. Мид признает легкую и тяжелую форму оспы, а Хакшем наблюдал такие слабые эпидемии, что за все время болезни не было ни одного случая лихорадки. В настоящее время патологоанатомы вряд ли стали бы относить такие случаи к *Variola Vera*; возможно, они назвали бы их *Variola Modificata* или позволили бы им фигурировать в своих таблицах как *Varioloid* и доказательство хороших результатов вакцинации.

Возможно, в прежние века оспа чаще переходила в злокачественную или геморрагическую форму; но это обстоятельство никак нельзя объяснить вмешательством вакцинации. Как исчезли многие представители животного и растительного царства, так и произошли большие изменения в количестве и тяжести болезней. Когда цинга, гнилостные лихорадки, дизентерия и т.д. были более распространены, оспа, скорее всего, была более злокачественной: так много было связано с распространенной бедностью и нехваткой по всей Европе. Нищета, нужда и голод всегда характеризуются пропорциональной частотой, тяжестью и распространением различных заболеваний.

Кроме того, большая часть смертности от оспы в прежние времена объяснялась неправильным лечением; и Хамерник проиллюстрировал, что возможно при хорошем лечении, приведя в пример свой собственный опыт, когда оспенные отделения в Праге

находились под его опекой. "Выздоровление наступало очень быстро, а смертность не превышала пяти процентов".

В-третьих, он утверждал, что доктрина Дженнера противоречит общепризнанным принципам патологии. Наблюдения научили нас, что две тяжелые болезни не могут поражать человека в одно и то же время. Так, тиф не может сочетаться со скарлатиной или оспой, а туберкулез - с раковыми заболеваниями. Однако это правило справедливо только для болезней, поражающих весь организм. Оно не распространяется на пустяковые или локальные поражения, к которым относится коровья оспа. Наиболее ярко выраженные заболевания протекают одновременно с коровьей оспой, и шрамы от проколов, через которые она была привита, оказывают не большее влияние на предотвращение оспы, чем аналогичные шрамы, возникающие при аналогичном поражении кожи.

Я считаю общим патологическим законом, что болезненные действия, которые полностью прошли свой путь, не могут иметь абсолютно никакого влияния на последующие патологические реакции человека. Поэтому можно неоднократно страдать от оспы, скарлатины, тифа, пневмонии, туберкулеза и т. д. Так, оспа наблюдалась пять раз у одного и того же пациента. Принимая во внимание эти неоспоримые факты, становится безразличным, какова была доктрина Дженнера в отношении коровьей оспы, идентична ли она оспе, антагонистична ли оспе или чему-либо еще. Если мы обратим внимание на один и тот же патологический закон, то не можем также отстаивать вариоляцию. Вариолитный приступ, пройдя однажды, имеет не больше влияния на будущие события, чем любая другая болезнь. От нас совершенно скрыта причина, почему многие избегают оспы, почему некоторые болеют ею дважды, почему прививка от этой болезни иногда не дает никакого эффекта, или почему некоторые могут безнаказанно вдыхать ее выделения. Поскольку коровья оспа - болезнь, чуждая человеку, дальнейшие исследования могут быть интересны именно для пастухов.

На второй вопрос, не становятся ли привитые, будучи менее восприимчивыми к оспе, более восприимчивыми к какой-либо другой инфекционной болезни или к фтизиатрии, Хамерник ответил, что из допроса следует то, что он, по указанным причинам, оспаривает, а именно, что привитые менее восприимчивы к оспе.

Это предположение совершенно необоснованно. Эпидемии оспы случаются в самые разные периоды, с разной степенью интенсивности, распространенности и продолжительности. Вакцинированные и невакцинированные люди страдают во время каждой эпидемии; и влияние вакцинации не может быть определено на основании характера и хода болезни в отдельных случаях.

Я знаю, что о благотворном влиянии вакцинации можно судить по реестрам общественных вакцинаторов; но я свободно признаюсь, что считаю эти книги совершенно бесполезными; и могу добавить, что самые умные из джентльменов, которые их ведут, полностью согласны с моим мнением. В этой стране мы прекрасно знаем, как устроены вакцинаторы; и то, что им можно доверять мало, общепризнанно.

На третий вопрос, передаются ли сифилитические, золотушные и другие конституциональные заболевания при вакцинации, Гамерник с сожалением ответил утвердительно. Правда, было написано противоположное мнение. Таупен свидетельствовал, что брал вирус у детей, больных тифом, скарлатиной, корью, оспой, чесоткой, воспалением мозга, легких и кишечника; хореей, эпилепсией, золотухой, туберкулезом и стригущим

лишаем, и никакого вреда привитым не было; и Лаунаузи согласен с Таупеном, что это простое предубеждение и необоснованное предположение, что коровья оспа, взятая у нездоровых детей, может причинить какой-либо вред.

В этой связи мне будет достаточно заметить, что для того, чтобы понять, сколько бед принесла человечеству эта доктрина, необходимо узнать, сколько получили ее пропагандисты благодаря своей неограниченной благосклонности к вакцинации.

Профессор Уоллер из Праги доказал, что сифилис может быть привит с помощью крови пациента; а поскольку кровь часто берут с вирусом вакцинации, не может быть никаких сомнений в том, что таким образом можно причинить огромное количество вреда. Монтеджио в Милане в 1814 году учил, что при вакцинации сифилитического ребенка в результате образуется пузырек, содержащий оба вида вируса; Кариоли высказал то же мнение в 1821 году. Марколини рассказывает, что 16 июня 1814 года десять детей были привиты от сифилитического младенца, который умер через несколько месяцев, а пятеро из десяти детей заразились от нее сифилисом.

Отвечая на четвертый вопрос, следует ли повсеместно проводить вакцинацию в раннем возрасте? Хамерник ответил, что, очевидно, не может рекомендовать практику, которая ставит под угрозу здоровье и даже саму жизнь без каких-либо определенных преимуществ. Любое эффективное исследование вируса не представляется возможным. Вакцинаторы могут приступать к работе с рвением и тщательностью, но их энергия вскоре остывает, и они оседают в пустой рутине. Правительство должно занять пассивную позицию по отношению к вакцинации; или, если люди будут вакцинироваться, можно сделать что-то, чтобы свести опасность к минимуму. Если поручить эту практику наемным функционерам, они обязательно создадут доказательства, чтобы оправдать и увековечить свое официальное существование. Если оставить все как есть.

С каждым годом прививок будет становиться все меньше, пока, наконец, мы с удивлением не прочитаем в старых газетах, как много внимания когда-то уделялось этой практике.

Хотя большинство корреспондентов Саймона приводили аргументы в пользу вакцинации, факты, помимо риторики, содержали много поучительного. Например, был составлен реестр смертей в лондонской больнице Христа за столетие с 1751 по 1850 год. Мальчиков в этом благотворительном интернате было около 550; за двадцать пять лет, 1751-75, от оспы умерло 22, а за двадцать пять лет, 1776-1800, - 9. За пятьдесят последующих лет, 1801-50, умер 1, и он же в 1820 году. И тут нам предлагают признать эффективность вакцинации! Но что снизило смертность с 22 в 1751-75 годах до 9 в 1776-1800 годах? И если 550 мальчиков в центре Лондона, в потоке постоянных приездов и отъездов, избежали столь незначительного числа смертельных исходов от оспы, то что можно сказать об утверждениях о вездесущности и хаосе этой болезни в Лондоне до введения вакцинации? Через дорогу от больницы Христа находится Ньюгейт, который в те же годы преследовала тюремная лихорадка; эта лихорадка была постепенно подавлена, и с помощью каких чар? Конечно же, не с помощью обряда, аналогичного вакцинации. Почему же мы должны признать, что в борьбе с оспой участвовал агент, который не сыграл никакой роли в борьбе с аналогичной болезнью? Во времена, когда оспа была частым явлением в больнице Христа, зловонию и вентилиации уделялось так же мало внимания, как и в тюрьме, расположенной напротив. В более поздние годы здесь царила более благоприятная атмосфера, а вместе с этим изменился и улучшился рацион питания учеников - изменений самих по себе достаточно для того, чтобы объяснить исчезновение оспы из школы, как и тифа из тюрьмы.

Такое же безразличие к вариациям обстоятельств витало во всех обобщениях Саймона и его корреспондентов. Предполагая, что условия жизни и характер болезней остаются неизменными, оспу рассматривали как не подверженную никакому влиянию, кроме вакцинации. Не нужно слов, чтобы осудить такую процедуру как радикально несостоятельную; и люди, в остальном здравомыслящие, упорствуют в ней, как упорствуют в подобных галлюцинациях. Даже вопрос о вакцинации они оставляли неопределенным или определяли по-другому. То, что называлось прививкой, принималось за вакцинацию, и ей приписывалось снижение заболеваемости оспой. В руках Дженнера это была сначала коровья оспа, затем коровья оспа и, наконец, лошадиная оспа. По мнению Саймона, истинная вакцинация осуществлялась с помощью оспы, привитой корове. Какой же вирус, спросим мы, стал причиной многочисленных чудес, в которые нас призывают поверить? Действительно ли в вакцинации нет ничего определенного, кроме гонорара вакцинатора? Неужели, как и в других тауматургических представлениях, добродетель находится в исполнителе, которого Саймон называет "должным образом образованным практикующим врачом?" Утверждается ли, что вакцинация - это разновидность заклинания, и что не имеет значения, что является средством проведения обряда, а его эффективность зависит от полномочий исполнителя? Или что то, во что верят, что оно хорошо против оспы, хорошо и против оспы, а очарование заключается в вере, с которой его принимают?

Вера в вакцинацию и ее доказательства во многом сродни вере в колдовство и его доказательства. Спорить о колдовстве и отвечать на его доказательства - значит становиться соучастником заблуждения. Избавление заключалось в безоговорочном отрицании самозванства; с этой твердой почвы трудности разрешались, а необъяснимое исчезало. Как только позиция абсолютного неверия становится занятой, все доводы в пользу вакцинации превращаются в элемент фантазии, такой мощный и в то же время такой неуловимый. Тогда искусство сторонников прививки проявляется во всех уловках, сознательных и бессознательных, с помощью которых закрывается свет истины и создается необходимый для видений мрак. История вакцинации - это история многих других самозванств, которые приводили человечество в недоумение и страдание, а изучение одной из них - это раскрытие других.

ССЫЛКИ:

[288] Документы, касающиеся истории и практики вакцинации. Адресовано президенту Главного совета здравоохранения и представлено обеим палатам парламента по повелению Ее Величества. Лондон, 1857. С. lxxxiii. и 188.

[289] Baron's Life of Jenner, vol. i., p. 135.

ГЛАВА XLI.

ПРИНУЖДЕНИЕ УСИЛИЛОСЬ - 1861 И 1867 ГОДЫ.

Закон о вакцинации 1853 года налагал штраф в размере не более 20 с. на любого родителя или опекуна, не сделавшего прививку ребенку в течение трех месяцев после рождения; но опыт выявил серьезный недостаток закона. В нем не было положений о преследовании

неплательщиков, и те, кто не верил в вакцинацию или считал ее вредной, пользовались иммунитетом без серьезного раздражения. Чтобы устранить этот недостаток, в 1861 году в парламент был внесен законопроект, предусматривающий, что "опекуны или надзиратели любого прихода могут назначить человека для возбуждения и проведения судебных разбирательств с целью принуждения к послушанию". Законопроект прошел через Палату общин под руководством мистера Роберта Лоу, встретив незначительное сопротивление, и еще меньшее - в лордах. Оправдывая эту меру 10 июля 1861 года, мистер Лоу отметил: "Парламент в 1853 году принял закон о принуждении к повиновению.

Парламент в 1853 году принял закон об обязательной вакцинации, но из-за недостатка в обеспечении расходов на судебное преследование он пришел в запустение. Когда нынешнее правительство было сформировано в 1859 году, в Закон об общественном здравоохранении был внесен пункт, исправляющий этот недостаток; но под давлением члена от Финсбери [мистера Томаса Данкомба] я отказался от него. Мне было горько размышлять о том, что я так поступил, ибо я убежден, что жертва этого пункта привела к потере тысяч жизней в этой стране.

Иногда задают вопрос: почему общение с лошадьми так пагубно сказывается на нравственности? К этому вопросу можно добавить и другой: "Почему пропаганда вакцинации так часто ассоциируется с романтикой и разглагольствованиями? То, что вакцинация населения пришла в упадок, не соответствует действительности. Колебания были из года в год, но темпы сохранялись без практического ослабления. То, что в 1861 году можно было сказать, что тысячи жизней были потеряны из-за того, что в 1859 году не были предоставлены офицеры прокуратуры, - романтика и разглагольствования без смягчения. В Англии и Уэльсе от оспы умерло

В 1858 г.	6460	В 1862 году	1628
1859	3848	1863	5964
1860	2749	1864	7684
1861	1320	1865	6411

Где же тысячи жизней, потерянных с момента формирования правительства в 1859 по 1861 год, и где жизни, спасенные после принятия жизненно важного положения? Но кто, зная мистера Роберта Лоу, может поверить, что он был убежден, что отказ от клаузулы привел к потере тысяч жизней, и что эта потеря была для него горьким размышлением? Разве вульгарная версия призыва "*O mihi beate Martine!*" не была бы уместна в данной ситуации?

Далее, - продолжил мистер Лоу.

С 1837 по 1840 год число умерших от оспы составляло 12 000 человек в год. С 1840 по 1863 год, в течение которого вакцинация проводилась советами по делам бедных, среднее число смертей составило всего 5200 в год. Таким образом, благодаря распространению вакцинации смертность от оспы сократилась более чем наполовину. Затем в 1853 году вступил в силу закон об обязательной вакцинации, и его первый эффект был поразительным. Количество прививок чрезвычайно возросло, а смертность уменьшилась. В 1854 году они снизились до 2 808, а в 1855 году - до 2 525. После этого они постепенно росли вплоть до настоящего времени [когда они фактически никогда не были ниже!], а закон, как я уже объяснял, пришел в запустение. Таким образом, эффективность вакцинации доказана!

До чего только не опускается умный человек! Это заявление пропитано неправдой. Было грубым искажением указывать среднюю смертность в 12 000 человек за 1837-40 годы как

постоянную смертность, которую Акт 1840 года снизил до 5200 человек. В 1837-40 годах разразилась сильная эпидемия, последовавшая за годами затишья, в течение которых вакцинаторы пели песни о своей мнимой победе. Если мы придерживаемся мнения, что оспа приходит и уходит безразлично к вакцинации (если только она не поддерживает болезнь), то цифры, приведенные мистером Лоу, так же полностью иллюстрируют наше утверждение, как и опровергают его. Никакими ухищрениями нельзя связать колебания заболеваемости оспой с большим или меньшим количеством прививок.

Вероятно, мистер Лоу был вдохновлен своим медицинским персоналом, но, если это так, он сделал это вдохновение своим собственным, развивая, как личную уверенность, такие причуды, как эта...

Из 1000 заболевших оспой без прививки умирает 350 человек; из 1000 плохо привитых умирает только 150; а из 1000 хорошо привитых умирает только 5.

На это можно было бы ответить, что смертность 7 из 20 непривитых примерно вдвое превышает смертность от оспы в то время, когда все были непривиты; и что, если не принимать во внимание фактическую классификацию, смертность во всех случаях остается такой же, как и в довакцинальную эпоху. Какой была оспа, такой и осталась - дискретной, слитной, злокачественной; каждый тип квалифицируется как легкий, опасный и смертельный; отношение вакцинации к типу совершенно неважно.

Кроме того, он без обиняков заявил, что оспа трансформируется в коровью оспу в организме коровы.

Была выдвинута теория, что эффективность вакцинации иссякает; но ценное открытие мистера Сили навсегда развеяло все опасения на этот счет. Мистер Сили доказал, что оспа, взятая из человеческого тела и введенная в тело коровы, вызывает коровью оспу. Таким образом, очевидно, что у нас есть средства для получения коровьей оспы необходимой силы в любом объеме. Кроме того, было сделано прекрасное открытие, что безопасность вакцинации может быть увеличена почти до бесконечности путем увеличения количества проколов.

Таким образом, тайна была развеяна! Коровья оспа была диверсифицирована в корове, а утраченная безопасность единственного прокола Дженнера была восстановлена в татуировке!

Апеллируя к настроениям медиков в пользу вакцинации, проявившимся в ответах на запросы Саймона в 1857 году - заблуждение в убеждении, которое мистер Лоу быстро бы обнаружил, если бы выдвигал его из каких-либо клерикальных, схоластических или других торговых интересов, - он заметил

Ужасный недуг сильно поражает маленьких детей: их защищает вакцинация". Подумайте, какая мучительная ответственность ляжет на нас, если перед лицом почти единодушного медицинского свидетельства мы оставим их погибать и распространим страшную заразу по всей стране. У этих детей нет собственного усмотрения; и это профанация свободы и самоуправления - говорить, что любой человек имеет право устанавливать свои подлые и жестокие предрассудки против такого медицинского мнения, и подвергать своего ребенка болезни и смерти.

Слова, жестокие слова; но как они переносят проверку? Почему неверие в вакцинацию должно быть заклеено как подлый и жестокий предрассудок? Почему парламентская привязанность к детям должна превзойти родительскую? Аргумент, если он обоснован, в равной степени применим к любому вопросу, в котором убеждения меньшинства расходятся с мнением большинства; и если в таких обстоятельствах меньшинство обязано подчиниться, то где же суть, отвечающая гражданской и религиозной свободе? Если четкое научное убеждение самого незначительного меньшинства в таком вопросе, как вакцинация, должно быть подчинено вульгарной медицинской диктовке грубой силой большинства, то какая форма тирании не может быть оправдана?

Законопроект [продолжил мистер Лоу], который я хочу принять в качестве закона, очень прост. Все, что он устанавливает, - это то, что Советы по делам бедных могут назначать лиц для преследования тех, кого, по мнению медиков, следует преследовать.

Законопроект был принят без разногласий. Мистер Данкомб и мистер Конингем выступили с протестом, но ни один из них не овладел вопросом настолько, чтобы предложить эффективную оппозицию. Мистер Конингем заметил, что цифрами можно доказать все, что угодно; а что касается единодушного мнения медиков, то они должны помнить поговорку: "Нет ничего лучше кожи". Если оспа и пошла на спад, то это объясняется значительными санитарными улучшениями; со своей стороны, он гораздо больше доверяет улучшению условий жизни людей, чем такому рецепту, как вакцинация.

Принятый закон не оправдал надежд его пропагандистов. Горькое сожаление мистера Лоу о тысячах жизней, потерянных в результате его уступки мистеру Данкомбу, оказалось напрасным чувством. Опекуны не использовали свои полномочия инквизиторов и преследователей с должной энергией. Сэр Мортон Пето, выступая в Палате общин 14 марта 1864 года, спросил.

Не является ли регистрация вакцинации полным провалом, как для статистических целей, так и для преследования нарушителей в соответствии с обязательным законом; и есть ли у правительства намерение изменить закон на этой сессии.

На что мистер Лоу ответил следующее.

Совершенно верно, что система регистрации, предусмотренная Законом, очень плоха, но ее усовершенствование обойдется в огромные деньги. Более того, даже если ее улучшить, она не сделает меры по принуждению эффективными в какой-либо степени. Большие трудности с принуждением связаны не столько с несовершенством законодательства, сколько с нежеланием преследовать бедных людей за неповиновение закону, пренебрежение которым поощряется слишком многими, кто должен был бы знать лучше. Поэтому, к сожалению, я не могу надеяться на улучшение системы.

Однако медицинские работники Совета по делам бедных были намерены принять принудительное законодательство; и мистер Х. А. Брюс, более уступчивый, чем мистер Лоу, представил в 1866 году законопроект по их инициативе, который, как он заверил Палату общин, "не содержал никаких новых принципов, а просто объединял положения, разбросанные по шести парламентским актам, с *несколькими поправками*". Войдя в комитет по этому законопроекту 11 апреля 1866 года, он выступил с тщательно продуманной защитой вакцинации, подготовленной для него проникательными сторонниками этой меры, начав так

В конце прошлого века доктор Дженнер совершил свое бессмертное открытие, благодаря которому, возможно, было предотвращено больше страданий благодаря облегчению боли и

сохранению жизни, чем благодаря любому другому открытию, которое когда-либо было сделано.

С какой бы высоты ни говорил этот человек, ничто не отличает его от шарлатана на сельской ярмарке. Взяв эту ноту, мистер Брюс перешел к привычной гамме утверждений, с помощью которых якобы оправдывается обряд вакцинации. Ниже приводится образец навязанной ему пропаганды.

Широко распространено утверждение, что сифилис передается с помощью вакцинации. За последние шестьдесят лет были привиты миллионы детей, но не было ни одного случая, в котором было бы доказано, что сифилис передался. Во Франции якобы произошел случай, когда ребенок был привит от другого, унаследовавшего сифилис, но хирург в этом случае, взяв лимфу у ребенка, покрытого сифилитическими пятнами, действовал с чудовищным пренебрежением к общепринятому благоразумию и медицинским знаниям. Ни одного подобного случая, насколько можно судить по самым тщательным медицинским исследованиям, в нашей стране не было.

Хотя сейчас это утверждение вызвало бы всеобщую дискредитацию, но даже в 1866 году официальные пропагандисты мистера Брюса слишком полагались на легкое доверие общественности. Было маловероятно, что то, чего вакцинаторы не хотели, они обнаружат, а если обнаружат, то провозгласят. Тем не менее, осуждение "предполагаемого" французского случая было совершенно несовместимо с утверждением, что сифилис не может передаваться от вакцинированного сифилитика, как с пятнами, так и без пятен. Утверждать это было крайне необходимо, поскольку было очевидно, что полная вакцинация любого населения должна включать в себя младенцев с латентным сифилисом, чей вирус может передать болезнь незапятнанным. Эту опасность противники вакцинации, начиная с Коббета, признавали; и поскольку ее признание вредило вакцинации, ее возможность упорно отстаивалась до тех пор, пока многочисленные и неоспоримые доказательства не заставили признать ее и не переместили вопрос на степень ее частоты.

Мистер Хенли, следуя за мистером Брюсом, высказал несколько здравых мыслей.

Мы все знаем, что когда мы хотим сделать что-то подобное, медик развлекает нас прекрасной историей о том, что нужно подождать, пока он сможет получить лимфу от здорового ребенка. Эта осторожность подразумевает риск; и хотя говорят, что за шестьдесят лет не было ни одного случая травмы, никто не убедит меня в том, что медики принимают все эти меры (там, где им хорошо платят и за ними следят), если нет оснований для проявления осторожности. Несомненно, брать вакцину у больного ребенка - это мерзость, но как общественный вакцинатор может узнать, что какой-то ребенок болен? Если он будет расспрашивать слишком подробно, то рискует получить пощечину от матери за свои проблемы.

Мистер Хенли также обратил внимание на претензии, предъявляемые к вакцинации, в сочетании с признанием того, что большая ее часть приносит мало пользы.

Было сделано одно замечательное заявление: было проведено обследование 500 000 детей, принадлежащих к более скромным слоям населения, которые в основном пострадали от обязательной вакцинации. Из всего числа обследованных детей только один из восьми был признан полностью вакцинированным, что подразумевает еще и тот факт, что семь из восьми были вакцинированы некачественно или не были вакцинированы вообще. Если только один из восьми был идеально привит, у многих возникнут большие сомнения в том, что остальные были привиты.

Многое в законопроекте было грубым и неосуществимым, и мистер Айртон выразил мнение многих в Палате, когда заметил

Представленный нам законопроект плохо проработан и несет на себе слишком много следов официального происхождения. У департамента вакцинации взяты большие полномочия, но ничего не предусмотрено для защиты населения. Мне кажется, что если вакцинация должна обеспечиваться наказаниями, то и общественные вакцинаторы должны подвергаться наказаниям за неэффективную и недобросовестную работу. Мне доверили множество петиций против законопроекта, и на меня произвело большое впечатление признание того, что существующая система вакцинации полностью не справляется со своей задачей. Законопроект должен быть передан в Комитет, и, поскольку многие считают, что вакцинация приносит столько же вреда, сколько и пользы, я надеюсь, что члены Комитета не будут ограничены в своих запросах.

Нет нужды говорить, что утверждения о неудаче вакцинации были уловкой, чтобы склонить парламент к принятию законопроекта. Вакцинация населения в 1863, 1864 и 1865 годах была столь же многочисленной, как и раньше, и сопровождалась заметным ростом заболеваемости оспой. Несомненно, вакцинация была неудачной, но в другом смысле, чем тот, в котором это слово использовалось для получения прироста силы и оплаты за применение обряда. Законопроект был передан в специальный комитет, который представил доклад; но консерваторы, вытеснив либералов, отозвали его. Мистер Корри, объявляя об этом факте в Палате общин 23 июля 1866 года, сказал

Я убедился, что эта мера, скорее всего, встретит серьезную оппозицию с обеих сторон Палаты; и поэтому очень сомнительно, что она может быть принята в столь поздний период сессии. Более того, некоторые из его положений требуют дальнейшего и тщательного рассмотрения.

Законопроект был разработан и продвигался Советом по делам бедных, независимо от либералов и консерваторов; проблема медицинских чиновников заключалась в следующем: "Насколько возможно получить согласие парламента на то, что мы считаем желательным". Как бы ни были широки пределы парламентской покладистости, и, учитывая опыт 1866 года, в 1867 году лорд Роберт Монтагу внес в Палату общин пересмотренный законопроект, который, как и его предшественники, воспроизвел инструкции своих советников с достаточным вкусом, чтобы выдать их за свои собственные. Часть его бизнеса заключалась в том, чтобы добиться признания выплаты дополнительных гонораров за успешную вакцинацию.

Когда инспектор сообщает, что определенные прививки сделаны по первому разряду, государственный вакцинатор получает 1 шиллинг сверх суммы, выплачиваемой опекунами за каждую проведенную им прививку. Если сообщается, что прививки 2-го класса, он получает 8d. За прививки третьего класса не будет выплачено ничего сверх договорного вознаграждения опекунов.

Эта градация прививок не вызвала никаких замечаний, хотя почему за прививки, не относящиеся к первому классу, должны были считаться допустимыми или оплачиваться, было далеко не очевидно. Возможная сумма, взимаемая за эти прививки, была оценена следующим образом.

Отношение числа рожденных детей к численности населения составляет около 3½ процента, что дает 700 000 детей в год при населении в 20 миллионов. Если учесть, что четыре пятых этих детей, или 560 000, прививаются безвозмездно в течение года, то расходы

составят 28 000 фунтов стерлингов, если все прививки будут 1-го класса, и 18 500 фунтов стерлингов, если 2-го класса. Будем ли мы считать, что это слишком много, если за сумму от 18 500 до 28 000 фунтов стерлингов мы гарантируем, что в стране никогда не будет случаев заболевания оспой и что мы спасем 7 000 жизней в год?

Таков был аргумент, вложенный в уста лорда Роберта Монтагу для убеждения парламента! Стоит только заплатить дополнительную цену за прививку первого и второго класса, и в Англии не будет ни одного случая оспы, а 7 000 жизней в год будут спасены! Когда мы поинтересуемся, где были потеряны эти 7 000 жизней в год, мы обнаружим, как дерзко навязывалась доверчивость парламента. В Англии и Уэльсе от оспы умерло

В 1861 г.	1,320	В 1864 году	7,684
1862	1,628	1865	6,411
1863	5,964	1866	2,977

Где же были те 7 000 жизней, которые нужно было спасти? В 1864 году смертность превысила 7000 человек; но выбор экстремального года и представление его как обычного повлекло бы за собой резкий эпитет, если бы он применялся в финансовой сфере вместо оспы.

Похожая басня о спасении от оспы была рассказана лордом Робертом Монтагу о Шотландии. Он сказал.

Мудрее спасать жизни людей, чем считаться с их предрассудками. Пример Шотландии показывает ценность закона о вакцинации. Эта мера позволила снизить смертность от оспы с 2 000 до 120 человек в год.

Закон о расширении и введении обязательной вакцинации в Шотландии был принят в 1863 году - закон не более чем излишний, поскольку люди были привиты и без него. В Шотландии от оспы умерло

В 1859 году	682	В 1863 году	1,648
1860	1,495	1864	1,741
1861	766	1865	383
1862	426	1866	200
	--		--
	3,369		3,972

В среднем за эти восемь лет ежегодно умирало 907 человек; и кто-то с изумлением спрашивает: а где же те 2 000, которых обязательная вакцинация сократила до 120? Трудно сдержать негодование по поводу такого безмерного искажения; не стоит также указывать на то, что мы имеем дело не с теологами, которые, как часто предполагается, имеют лицензию на лживость, а с медицинскими чиновниками, чьими представителями являются члены парламента. В последующие годы, о которых лорд Роберт Монтагу, выступая в 1867 году, поневоле был в неведении, были зарегистрированы следующие случаи смерти от оспы в Шотландии

В 1867 году	100	В 1870 году	114
1868	15	1871	1,442
1869	64	1872	2,488

В 1870 году было объявлено, что оспа в Шотландии искоренена, но эпидемия 1871-72 годов доказала, насколько напрасным было это хвастовство. Оспа, как и тиф, может быть истреблена, но не с помощью такой безотказной меры, как вакцинация.

Одной из целей законопроекта была реконструкция прививочных районов, чтобы обеспечить достаточное количество привитых для практики "рука к руке".

Для успешной вакцинации необходимо [сказал лорд Р. Монтагу], чтобы два класса пациентов, те, кто был привит за восемь дней до этого, встречались с теми, кто должен быть привит, чтобы врач мог взять вакцину из рук одного и перенести ее в руки другого.

Мистер Хенли, выступая против, утверждал, что тщательная вакцинация на таких условиях неосуществима, говоря

Похоже, что значительная часть вакцинации, проводимой населением, несовершенна; но рассматриваемый нами законопроект совершенно недостаточен для обеспечения надежной вакцинации. Если вакцинатор никогда не видит ребенка, пока его не приведут к нему, и ничего не знает о его происхождении, как он может судить о том, годен ли он для вакцинации или пригоден для вакцинации других? Никакие попытки не заставят мать признаться перед компанией, что ее ребенок чем-то болен. Каждый, кто хоть что-то знает о женщинах, понимает, что они скрывают на людях то, что могут открыть в домашней обстановке. Стыд, вызванный тем, что она может рассказать о своих собственных недугах или недугах своей семьи, заставит женщину молчать в толпе, а если она и ответит на неудобные вопросы, то только для того, чтобы ввести в заблуждение. Медицинские работники, следовательно, будут озадачены и перехитрили ее; и, следовательно, на предписанных условиях безопасная и эффективная система вакцинации не может быть обеспечена".

Кроме того, сказал мистер Хенли, законопроект является неполноценным, поскольку не было предпринято никаких попыток примирить предрассудки или проконсультироваться с удобством людей, которых заставляют прививать своих детей.

Законопроект представляет собой чистое принуждение, не предусматривающее никаких льгот для тех, кто попадает под его действие. Не следует забывать, что бедная мать не в состоянии сделать многое в течение месяца после заключения. Трехмесячный срок, в течение которого должна быть проведена вакцинация, очень сильно давит на низшие порядки. Нам говорят, что ни один район с населением менее 5 000 человек не будет успешно работать, и что 10 000 - более подходящее число. Если сельские районы будут состоять из 5 000 человек, сколько миль придется преодолеть беднякам, чтобы добраться до прививочного пункта? Подумайте, как неудобно будет женщине тащить своего ребенка за две или три мили, чтобы сделать прививку, и быть вынужденной идти второй раз на осмотр! Медицинские власти настаивают на том, что несчастным детям необходимо сделать не менее четырех проколов. Мало того, что эти четыре раны должны быть нанесены, детей в любую погоду привозят, чтобы вскрыть их раны и извлечь вещество для пользы других, продлевая тем самым их страдания и заботы их матерей. Если мы будем действовать по принципу "поступай так, как должно поступать с нами", я хотел бы спросить, как вам понравится, если вы будете вынуждены нести своих детей на прививочный пункт, смешивать их со всеми и вся и делать прививки, подвергая их опасности неизвестно от чего? Для себя я не вижу никаких проблем в том, чтобы прививать детей бедняков в их собственных домах. Было бы гораздо лучше платить больше и работать дискриминационно, чем позволять людям думать, что для богатых есть один закон, а для бедных - другой. Если вы просто попытаетесь управлять, то обнаружите, что люди склонны брыкаться, и еще больше готовы уклоняться от ограничений, которые вы на них накладываете".

Мистер Кендалл подтвердил слова мистера Хенли, сказав.

Как председатель крупного профсоюза, я испытываю большие неудобства из-за скопления детей на пунктах вакцинации. Их привозят на эти пункты как в сырую, так и в сухую погоду, и они, холодные и дрожащие, сгрудились вместе, что, скорее всего, приводит к болезни и распространению инфекции.

Мистер Лоу насмехался над заботой мистера Хенли о бедных, напоминая ему, что раны, о которых он сожалеет, спасают их от отвратительной болезни. Мистер Хенли не стал оспаривать спасение, как он мог бы сделать, но попросил отнестись к его исполнению более внимательно. Несмотря на его предположение, для богатых *существует* один закон, а для бедных - другой. Принудительная вакцинация, применяемая к большинству, никогда не была бы принята меньшинством высшего и среднего класса; да и плутократический парламент не стал бы рассматривать столь оскверняющий проект. Да и рабочие люди (надо сказать) не проявили бы себя более стойкими в отношении собственной персоны. Жертвами закона становятся их жены и дети; и удивительно, сколько унижений и жестокости они готовы вынести в отношении этих беспомощных иждивенцев. Мистер Хенли был более рыцарским по отношению к ним, чем они сами.

Аргументом в пользу нового законодательства стал провал Закона 1853 года. Мистер Брейди сказал.

Как медик я могу засвидетельствовать, что медики почти единодушно выступают за обязательную вакцинацию; но для того, чтобы общество получило полную пользу от этой системы, она должна быть справедливо оплачена. Мы будем считать, что мы в копеечку вложены, если люди, нанятые для осуществления этой меры, не получают достойного вознаграждения". Когда законопроект 1853 года рассматривался в Палате представителей, я сказал, что вознаграждение неадекватно и что закон будет провальным, и это предсказание оправдалось.

То, что закон 1853 года был неудачным в том смысле, что не обеспечил вакцинацию населения, было неправдой, хотя обязательно было правдой в том, что касается профилактики оспы. Утверждение о неудаче в 1867 году было уловкой, чтобы преодолеть апатию парламента. Предполагалось, что население должно быть вакцинировано, причем вакцинировано новым и лучшим способом, если только будет обеспечена лучшая оплата. Для работы на мельнице вакцинации требовалось больше денег. По словам лорда Роберта Монтагу.

При регистрации рождения ребенка регистратор обязан уведомить об этом родителей и снабдить их надлежащими формами, будь то для государственной или частной вакцинации. Он заносит в книгу имя ребенка с указанием средств идентификации. После вакцинации государственный вакцинатор отправляет свидетельство об успешной вакцинации регистратору, который заносит его в свою книгу. Таким образом, регистратор будет знать, какие дети были зарегистрированы в его округе, а какие нет; какие дети подвержены оспе, а какие нет. [Тогда все заинтересованы в том, чтобы система работала и обеспечивала контроль. Каждый местный регистратор заинтересован в том, чтобы отслеживать каждое рождение, потому что за каждую запись он получает 1 шиллинг. Он заинтересован в получении сертификата об успешной вакцинации, за внесение которого он получает 3 шиллинга. Общественный вакцинатор заинтересован в том, чтобы оперировать как можно больше детей, потому что за каждую успешную операцию он получает не менее 1s. 6d., а за

первоклассную работу - еще 1s. Родители заинтересованы в том, чтобы их ребенок был привит, так как в противном случае они могут быть привлечены к судебной ответственности и оштрафованы на 20s.

Полковник Бартелот возразил, сказав.

В этой стране ежегодно рождается около 750 000 детей, и родители большинства из них, безусловно, заслуживают внимания. 250 000 из них не умеют ни читать, ни писать, и тем не менее они подлежат штрафу в 20 с., если не будут соблюдать печатные формы этого закона. Было бы гораздо лучше послать врачей в дома детей, чем собирать матерей и младенцев толпами на пунктах вакцинации".

Мистер Брюс ответил, что не предлагается ничего нового.

Обязательная вакцинация на тех же условиях является законом страны с 1853 года. Настоящий законопроект не устанавливает никаких новых принципов. В нем просто собраны разрозненные положения закона и предусмотрены механизмы, признанные необходимыми после длительного опыта.

Это замечание, несомненно, было бесхитростным со стороны спикера; но, заблуждаясь сам, он помог ввести в заблуждение Палату. Законопроект, раздел 31, гласил следующее.

Если любой Регистратор или любое должностное лицо, назначенное Опекунами для обеспечения соблюдения положений настоящего Закона, письменно сообщает мировому судье, что у него есть основания полагать, что любой ребенок в возрасте до 14 лет, находящийся в пределах Союза или Прихода, от которого действует информатор, не был успешно привит, и что он уведомил родителя или лицо, имеющее опеку над таким ребенком, о необходимости обеспечить его вакцинацию, и что это уведомление было проигнорировано, судья может вызвать такого родителя или лицо для явки с ребенком к нему в определенное время и место, и по явке, если судья обнаружит, после такого осмотра, который он сочтет необходимым, что ребенок не был привит или уже заболел оспой, он может, если сочтет нужным, издать приказ под своей рукой и печатью, предписывающий привить ребенка в течение определенного времени; И если по истечении этого срока ребенок не будет привит, или будет доказано, что он не годен к вакцинации, или невосприимчив к ней, то лицо, в отношении которого было вынесено такое постановление, должно быть привлечено к суду, и, если оно не сможет показать разумные основания для неисполнения этого постановления, оно должно быть подвергнуто штрафу, не превышающему 20s.

И все же, сказал мистер Брюс, в этом предложении не было ничего нового! Здесь было развитие принуждения, подвергающего родителя судебному преследованию в течение четырнадцати лет жизни его ребенка, и в этом не было ничего нового! К чему привело это усугубление закона, придуманное с умом и принятое с безразличием, еще предстоит узнать.

Против законопроекта выступили сэр Дж. Кларк Джервуаз, мистер Томас Чемберс и мистер Барроу. Мистер Чемберс пророчествовал.

Я убежден, что после принятия законопроекта начнется агитация, которая не прекратится до тех пор, пока закон не будет отменен.

Однако беспечность и безразличие Палаты представителей оказались непреодолимыми. Это было законодательство для "низших сословий", и оно нисколько не касалось "респектабельных людей". Законопроект был прочитан в третий раз без возражений, прошел

через лордов без поддержки и получил королевскую санкцию 12 августа 1867 года под названием 30 и 31 Victoriæ, Cap. 84 - Акт о консолидации и изменении законов, касающихся вакцинации.

В качестве еще одного примера пропаганды, с которой этот законопроект был представлен в Палате общин, я привожу следующую цитату из заключительной части речи лорда Роберта Монтагу, когда он представлял его в комитете 14 июня 1867 года. Он сказал.

Оспа отличается от других эпидемий тем, что она является одной из самых страшных, но абсолютно предотвратимой. При других болезнях все, что можно сделать, устранив предрасполагающие условия, - это смягчить их вирулентность; но оспу можно полностью предотвратить. Если, таким образом, тот, кто поднимает руку на другого и убивает его, виновен в убийстве, то в чем же будет виновен тот, кто голосом или голосованием в этой палате попытается предотвратить принятие меры, которая сделает абсолютно уверенным, что оспа больше не будет убивать 7000 человек в год в этой стране!

Это абсурдное заявление оказалось слишком сильным для мистера Хенли, который заметил

Несколько грозное завершение речи благородного лорда заставило меня задуматься, не стоит ли мне выйти из палаты и оставить ответственность за принятие этой меры на других. Он сказал, что те, кто возражает против законопроекта, будут виновны в смерти тех, кто умер от оспы.

Лорд Роберт Монтагу - Я сказал, что оспа настолько предотвратима, что те, кто остановит введение вакцинации, будут виновны в смерти 7000 детей в год.

Мистер Хенли, как я понял, благородный лорд сказал, что они понесут эту вину, если будут возражать против механизма законопроекта.

Лорд Роберт Монтагу - Нет, не против механизма.

Тогда я не знаю, что именно имел в виду благородный лорд.

Короче говоря, законопроект не был ни честно поддержан, ни серьезно рассмотрен. С одной стороны, члены парламента были предвзяты, невежественны и доверчивы, и легкомысленно относились к законодательству, которое не затрагивало их семьи или семьи их влиятельных избирателей. С другой стороны, существовала группа медицинских чиновников, жаждущих власти и возвеличивания своей профессии, которые не гнушались практиковаться на предрассудках, невежестве и легковерии парламента. Результатом стало невыносимое оскорбление прав каждого неконформиста - оскорбление, которое, если бы оно было совершено на теологической, а не научной совести, возбудило бы англичан до лихорадочного жара.

ГЛАВА XLII.

ДВИЖЕНИЕ СОБИРАТЕЛЬСТВА-1867-70.

Раздел 31 Закона 1867 года означал обреченность вакцинации. Штрафовать родителей за отказ от вакцинации ребенка было достаточно плохо, но это было ограниченным раздражением, а сделать отказ постоянным правонарушением до достижения ребенком четырнадцати лет - значит создать повод для ссоры, с которой нужно было бороться. Рабство в Соединенных Штатах отменено, но рабство могло бы существовать и по сей день, если бы южане были более терпимы; однако, высокомерно оценив свою власть, они навязали Союзу Закон о беглых рабах, заставив жителей Севера выдавать беглых негров. Этот триумф рабовладельцев определил судьбу рабства. Подобным образом самонадеянность вакцинаторов победила их благоразумие. Решив подавить сопротивление своему обряду, они довели его до крайности и устроили неодолимый мятеж. Как медицинский рецепт, принимаемый по собственному усмотрению, вакцинация могла бы существовать без сомнений и оплаты; но ее превращение в агрессивный статут вывело ее из безопасного царства профессиональной тайны в юрисдикцию здравого смысла, обычного наблюдения и дела каждого человека.

Раздел 31 Закона 67-го года был быстро переквалифицирован медицинскими чиновниками, которые разработали и навязали его безразличному парламенту. Конечно, им приходилось действовать через местные органы по делам бедных - болезненная необходимость; но опекуны порой были такими же фанатиками, как и они сами, и их тоже раздражало, что их ничтожный авторитет сходит на нет, особенно со стороны родителей, ведущих скромный образ жизни. Поэтому то тут, то там по стране начинались судебные преследования за отказ от вакцинации, разжигая вражду, вызывая сочувствие к преследуемым, и постепенно превращая вакцинацию в живой политический вопрос. Как бы ни относиться к разделу 31 Закона 67 года, все согласятся, что он подвел черту и установил раздражение и конфликт. Оппозиции против вакцинации до сих пор не приходилось бороться ни с чем столь смертоносным, как апатия, но теперь она избавилась от этого недостатка. С другой стороны, во многих приходах раздел 31 Закона 67-го года не имел никакого значения. Тех, кто не одобрял вакцинацию, предупреждали или привлекали к ответственности, а затем оставляли в покое; но эта снисходительность лишь подчеркивала суровость, проявляемую в других местах, и делала закон еще более одиозным из-за вопиющего неравенства в его применении.

Научная оппозиция вакцинации, начатая мистером Джоном Гиббсом в 1855 году, в течение нескольких лет имела мало сторонников, и требовалась полная вера в истину, чтобы продолжать ее отстаивать. Дженнерианская традиция настолько укоренилась в общественном сознании, что подвергать ее сомнению было равносильно парадоксу или ругательству. Изредка случались проявления скептицизма, когда оспа нападала на привитых, но сомнения подавлялись как нечестивые и опасные для устоявшегося доверия. Например, мистер Герберт Спенсер в книге "Социальная статистика", опубликованной в 1851 году, заметил

Меры, предписанные Законом о вакцинации 1840 года, должны были истребить оспу; однако отчеты генерального регистратора показывают, что количество смертей от оспы растет".

На такую фактическую критику любой ответ должен был быть выдержан в стиле недоумевающего божества, воскликнувшего: "Дорогие братья, о каком богословии может идти речь, если возникают такие возражения!"

Доктор Чарльз Т. Пирс был одним из первых, кто объединился с мистером Гиббсом в его трудах. Будучи редактором медицинского журнала, он случайно получил от мистера Гиббса статью, которая заставила его задуматься, и в результате своих изысканий он стал восторженным антивакцинатором. Он полностью посвятил себя вопросу вакцинации и читал лекции на эту тему по всей стране, стремясь к борьбе и готовый к ней. В Нортгемптоне в 1860 году он провел свои первые публичные дебаты, и под его влиянием город стал центром сопротивления обязательному закону, так что мистер Чарльз Гилпин, член парламента от этого района, обращаясь к своим избирателям в 1870 году, выразился так

Я всегда считал, что когда мы пытаемся навязать одно из постоянно меняющихся мнений медиков, мы затрагиваем свободу субъекта и права человеческой природы. Я обнаружил, что многие родители подвергаются штрафам, поскольку убеждены, что вакцинация бесполезна и вредна. Я спрашиваю: каков характер этих родителей? Они бездельники? Они беспутные? Пьянствуют ли они? Не заботятся ли они о благополучии своих детей? Ответ категоричен: "Нет! Они вдумчивы, трудолюбивы, трезвы. Это люди, которые вникают в причины происходящего и не желают, чтобы их подталкивали к тому, что они не одобряют рационально. Когда я занимался бизнесом в лондонском Сити, у меня почти каждый год конфисковывали товары из-за церковных пошлин. Я возражал против этого закона и со свободным сердцем и твердым голосом говорил, что вынесу это наказание. Я не стал бы подчиняться закону, который, как я знал, был неправильным. Поэтому я сочувствую тем, кто убежден, что вакцинация - это неправильно; и для их ободрения и утешения позвольте мне сказать, что как обязательные церковные тарифы были отменены благодаря стойкому свидетельству неконформистов, направленному против них, так и принуждение в отношении вакцинации будет отменено, если сопротивление будет последовательным и серьезным. Как показало Общество друзей, ни один закон не может устоять под настойчивым протестом совести.

Упорство было отличительной чертой доктора Пирса. Не поколебавшись ни перед какими трудностями, он обдуманно и терпеливо отстаивал свою позицию, и ни исторические, ни статистические, ни физиологические данные не могли обойти его. Когда он вступил в полемику в 1856 году, глупец и фанатик - таково было краткое обозначение того, кто осмеливался оспаривать спасение, даруемое вакцинацией; но, прожив до 1883 года, он стал свидетелем того, как эти эпитеты принимались с весельем, как обозначение недоброжелательности и бессилия тех, кто их применял.

Энергичный защитник благого дела появился в лице доктора У. Дж. Коллинза, который после двадцати лет работы в Лондоне в качестве общественного вакцинатора был вынужден отказаться от этой практики как бесполезной и вредной. Он откровенно и убедительно изложил свои убеждения перед санитарным комитетом Сент-Панкраса в 1863 году,^[290] а в эссе, энергичном и по-матерински остроумном, опубликованном в 1867 году,^[291] он сообщил много полезной и неприятной информации доверчивой и обманутой публике. Спорить с суждениями, которые были таким образом проинструктированы и квалифицированы, было бесполезно; и те, кто был затронут этим разоблачением, старались избегать его. Учитывая опасность дискуссий для ремесла, такая политика также не была разумной. У истины много противников, но ни одного из них не так трудно одолеть, как упорное молчание робкого эгоизма.

Нужен был лидер и организатор оппозиции, и он появился в лице Ричарда Батлера Гиббса, двоюродного брата Джона Гиббса, который, как мы уже видели, составил первое систематическое обвинение против вакцинации в 1855 году. Мистер Гиббс, ирландец по происхождению, родился в Лондоне в 1822 году и в ходе коммерческой карьеры стал

агентом в компании Pease's West Collieries Джозефа Пиза из Дарлингтона, первого квакера М.Р. Именно в 1863 году, будучи членом попечительского совета Бишопа Окленда, он впервые публично выступил против вакцинации, причем не столько против самой практики, сколько против ее предписания властью, которая в то время принадлежала Тайному совету. Он предупреждал своих коллег, что они могут стать (как это произошло с тех пор) орудием центральной медицинской клики. Впоследствии, оказавшись сравнительно свободным от дел, он посвятил себя делу, с которым связано его имя. Собрав воедино разрозненные элементы сопротивления, он сформировал в 1866 году Лигу против обязательной вакцинации и отправился в путешествие по стране, читая лекции и проводя публичные собрания. Принятие многократных наказаний за отказ от вакцинации, которому упорно сопротивлялся мистер Гиббс, создало "сырость" и наделило Лигу жалобами и целями, повсеместно признанными народом как неоспоримые. Раздел 31 Закона '67 в народном понимании стал началом агитации против вакцинации; и он сохранялся (в некотором смысле, к счастью) до тех пор, пока даже отменаотягающих обстоятельств не смогла спасти саму вакцинацию от окончательного отказа. То, что в данный момент нам нравится меньше всего, в конечном итоге часто служит нам лучше всего.

Мистер Генри Питман из Манчестера активно включился в это движение. Он наблюдал плохое влияние прививок на одного из своих детей и вместе с мистером Р. Б. Гиббсом организовал общественные собрания в Манчестере и других местах. В 1869 году он попробовал, насколько успешным окажется грошовый журнал, и основал "Антивакцинатор", который выходил в течение восемнадцати недель. В качестве редактора журнала "The Co-operator", который он выпускал в течение десяти лет, он уделял большое внимание новостям о вакцинации, а в 1870 году добавил к этому названию "Anti-Vaccinator", что продолжалось до тех пор, пока в 1871 году не был основан журнал "The Co-operative News", который он продолжал издавать под названием "The Anti-Vaccinator" до конца года. В 1876 году мистер Питман подтвердил свои убеждения, отправившись в исправительный дом в Кнутсфорде, вместо того чтобы оплатить штраф и издержки, наложенные на него за отказ от вакцинации своей дочери Вайолет, и в тюрьме "Мысли" передал другим урок своего опыта. Мистеру Питману удалось добиться значительных успехов в том, чтобы убедить общественность в правильности своих взглядов. Вежливый и настойчивый, он добился признания там, где более грубая речь не смогла бы одержать верх.

Профессор Ф. У. Ньюман был приведен к пониманию опасности вакцинации мистером Генри Питманом; и те, кто наблюдал за его карьерой в последующие годы, знают, с каким мужеством и последовательностью он отстаивал свои убеждения. На вопрос профессора о том, как он стал участвовать в противодействии вакцинации, он ответил мне следующим образом.

"В общих чертах моя психическая история в этом направлении выглядит следующим образом. Обстоятельства заставили меня уважать мистера Генри Питмана как компетентного и правдивого свидетеля фактов. По определенному случаю он публично рассказал о том жалком состоянии, в которое, по его наблюдениям, был доведен вакцинацией бедный мальчик, Айра Коннелл из Саутпорта. Родители Айры, его братья и сестры были здоровы: его мать подтвердила, что до прививки Айра был таким же. Но *после* прививки Айра так и не смог оправиться от ее ужасных последствий: три из четырех его конечностей были искалечены.

"Несколько лет спустя я сам видел Айру Коннелла в Саутпорте. Думаю, ему тогда было 25 лет, но точно не знаю. У него была только одна нога и почти не было руки. Я не берусь точно описать его состояние, но оно было *очень плачевным*. Я рад добавить, что за девять или десять лет он постепенно поправился, чтобы, по крайней мере, не быть заметным калекой".

"Раньше я *отказывался читать* антивакцинальные трактаты, поскольку у меня и так было слишком много дел. В своих кругах я никогда не знал и не слышал о вреде прививок, а когда некоторые немецкие дамы говорили об их "ужасах", я считал их абсурдными и фанатичными; но теперь, когда Генри Питман публично подтвердил *этот факт*, это пробудило во мне потребность в дальнейшем расследовании.

"Я сразу вспомнил, что в ранней юности или молодости я был потрясен, прочитав в одном медицинском журнале, что опыт не позволяет подтвердить доктрину Дженнера о том, что вакцинация является определенным средством профилактики оспы; но автор, тем не менее, утверждал, что она ценна тем, что делает оспу *более мягкой*, если она все же последует. Это показалось мне уродливым смещением основы и далеко не правдоподобным. Один мой товарищ по школе и колледжу *после вакцинации* заболел оспой, которая его отметила; но ничто не заставило меня продолжить этот спор.

"Теперь я сразу понял, что *обязательная* вакцинация - это позор, поскольку парламент не может уберечь никого от участи Айры Коннела; я был возмущен, узнав, что врачи порицают такие страдания, считая их перенесенными "*ради общего блага*" - теория, оправдывающая любую тиранию под влиянием суеверия; и тут я вспомнил, что во время римской чумы *жертвоприношения* считались эффективными, и аргументы жрецов и сенаторов были не хуже, чем у наших врачей.

"В 1869 году у меня состоялся острый спор с одним умным молодым студентом-медиком, который излагал доктрины факультета, которые ему удалось поднять. Мое уважение ко всему факультету быстро становилось все меньше и меньше; оно уже давно падало. Мне нет нужды объяснять вам, до какой глубины он теперь опустился, за исключением немногих благородных людей, которые являются тем, чем были еретики для церкви Средневековья.

"Далее я убедился, что ни один парламент или король не имеет и не может иметь никакого права (*по медицинской теории*) втыкать отравленный ланцет в здорового человека; и что воображать, будто здоровье человека можно улучшить, изменив естественную кровь здоровья, - это *имбецильная презренная фантазия*. Более того, если не считать, что вакцинация *устраняет причины* оспы, то эти причины повлекут за собой болезнь другими способами, а возможно, и более серьезными, подавляя *естественные высыпания*, которые только и называются "оспой". Таким образом, я принял решение.

"Я узнал лишь несколько лет спустя (*что касается только парламента*), что чем активнее оспа, тем меньше общая смертность в любой год; и наоборот, чем менее активна оспа, тем больше общая смертность. Это единственная форма статистики, на которую стоит обратить внимание. Все остальное - пыль, брошенная нам в глаза.

"Статистика, не основанная на научном принципе, - самый распространенный *источник* заблуждений; но если к *какой-либо* статистике и стоит прислушиваться, то к статистике общей смертности - наименее подозрительной. Доказательством *primâ facie* является то, что вместо того, чтобы вакцинация спасала ежегодно 80 000 жизней (чудовищное утверждение сэра Лайона Плейфера), вакцинация приносит только вред; но что оспа ежегодно *спасает* множество жизней (некоторые сотни или тысячи) в результате естественного извержения, при *желательных* болезненных обстоятельствах."

Графиня де Ноай оказала самую действенную помощь в раскрытии общественного разума и впускании света. В своем сообщении ее светлость говорит

"Вы спросите меня, как получилось, что мое имя оказалось связанным с нынешним движением против вакцинации.

"Это произошло следующим образом. После моего возвращения в Англию в 1865 году миссис Коупер-Темпл, ныне леди Маунт-Темпл, попросила меня посетить офис Дамской санитарной ассоциации, которую я вместе с ней основал за четыре года до этого. Я хотела, чтобы Ассоциация называлась "Дамская ассоциация по охране здоровья детей бедняков", но это название показалось мне слишком длинным, и его изменили; я упоминаю о нем только для того, чтобы объяснить, в чем заключалась моя идея при создании Общества. Так вот, посетив офис Общества, я увидел среди санитарных трактатов один с заголовком *"Когда вам делали прививки?"* Когда я прочитал эти слова, меня вдруг осенило, что вакцинация - это неправильно, но поскольку я ничего не знал о ней и не слышал ничего, кроме хвалебных отзывов о ней, я рассказал о своих опасениях прекрасному секретарю Ассоциации, и она принялась за работу, чтобы выяснить все, что известно или думается по этому вопросу. Вскоре мисс Гриффитс узнала, что три ее родственника - Джон, Ричард и Джордж Гиббс - уже двадцать лет пишат и работают против вакцинации, помимо доктора Коллинза и других. Видя, что я не одинок в своих убеждениях, я решил вызвать больше мнений по этому вопросу, вручив приз за лучшее сочинение на эту тему с изложением предполагаемых преимуществ, опасностей и т. д. Мисс Гриффитс с душой подошла к этому вопросу, и с помощью доктора Друитта, я думаю, она назначила судей и предложила приз в 100 фунтов стерлингов. Судьями были мистер Марсон, доктор Ричардсон и доктор Фрэнсис Уэбб - все в пользу вакцинации. Большой объем эссе доктора Балларда давал ему право на премию, а огромные, потому что *неизбежные* признания ужасных опасностей вакцинации, содержащиеся в этом призовом эссе, заставили врачей попытаться подавить его - так, по крайней мере, я слышал.

В ноябре 1866 года мисс Гриффитс прислала мне "Ланцет" с ужасным рассказом об отравлении тридцати шести детей в Морбиане, Бретань, в результате общественной вакцинации.

"Мои предчувствия подтвердились, и я попытался заинтересовать всех врачей, консультировавших Дамскую санитарную ассоциацию, новыми трудностями на пути этой ужасной практики; но единственным, кто прислушался к этой печальной истории, был доктор Гарт Уилкинсон, который начал мягко, но затем доблестно сражался. Пусть он и та маленькая группа, которую его гений помог вывести на поле боя, "вскоре обратят в бегство армии пришельцев".

В 1867 году письмо преподобного У. Хьюма-Ротери против обязательной вакцинации поразило меня, и он начал работать над этим вопросом в кооперативных газетах, а в последнее время в "Репортере", где ему умело помогала миссис Хьюм-Ротери, дочь покойного мистера Джозефа Хьюма, члена парламента. Сила, которую придал дурному закону закон лорда Роберта Монтагу в 1867 году, одновременно пробудила его противников; и, чувствуя, что моя задача выполнена, я оставил борьбу в более умелых руках.

"Таким образом, я обнаружил, что Ассоциация, которую я основал для *"защиты здоровья бедных детей"*, превращается в инструмент, связывающий их по невежеству их матерей с самым массовым планом их вырождения, если не уничтожения, когда-либо придуманным человеческим разумом. Напрасно я пыталась заставить дам из Санитарной ассоциации задуматься над этим вопросом. Мне всегда отвечали, что это *медицинский вопрос*, и *решать его могут только врачи*; и все, чего я мог от них добиться, - это позволить мне

выкупить оскорбительный трактат и сохранять нейтралитет в этом вопросе. Когда через несколько лет я покинул Ассоциацию, трактат был распространен снова.

"Принудительный закон, как мне кажется, хорошо описывается словами Карлайла:

"Устанавливать *несправедливость законом* - вдохновенные пророки давно уже увидели то, что каждая ясная душа может увидеть и сейчас, - что среди всех Анархий и дьявольских поклонов нет ни одной подобной; что это "трон беззакония", установленный во имя Всевышнего, человеческий апофеоз самой Анархии".

Эссе доктора Балларда само по себе было заметным достижением. Написанное в защиту вакцинации, оно настолько полно раскрывало трудности, опасности и бесполезность этой практики, что любой вдумчивый читатель был вынужден задаться вопросом: "Где же мы найдем компенсацию за все эти хлопоты, эти риски, эти страдания? Эссе доктора Балларда вскоре вышло из печати, а его автор был благоразумно принят на медицинскую службу в Совет местного самоуправления.

В лице доктора Гарта Уилкинсона движение получило помощь не только способного врача, но и человека, которого Эмерсон назвал "философским критиком, с равной силой понимания и воображения, сравнимой только с лордом Бэконом", и "с риторикой, подобной арсеналу непобедимых рыцарей древности". На вопрос доктора Уилкинсона, как он перешел на сторону, которую мы отождествляем со здоровой наукой и здравым смыслом, он ответил: "Ранняя история моей оппозиции.

"Ранняя история моей оппозиции к вакцинации вкратце такова: я не рассматривал вакцинацию как вопрос; но практиковал ее, когда это было необходимо. Примерно в 1865 году графиня де Ноай взывала к моей совести по этому вопросу, и ее настойчивость заставила меня изучить его. Ее поддержала покойная миссис Гиббс, а затем мисс Гриффитс. Через мисс Гриффитс я отправил мадам де Ноайль следующее послание: "Передайте ее светлости, что вопрос сравнительно неважный. Вакцинация - дело бесконечно малое; ее реформа будет проведена вместе с более важными реформами". Я также написал мадам, что единственный короткий путь избавиться от корыстных интересов медицины - это выплатить полмиллиона или миллион денег профессорам и выкупить рабов, людей, как выкупили вест-индских негров".

"После восемнадцати лет исследований я убедился, что ошибался в своей оценке незначительности проблемы вакцинации по сравнению с другими бедствиями. В том виде, в каком ее навязывают каждой британской колыбели, я вижу в ней не ядовитую мошку, а монстра; пожирателя наций. Как разрушитель честности и человечности медицины, которая через это превращается в глубоко деградировавшую профессию. Как тиран, который является родителем выводка тиранов, а через Пастера и ему подобных - всеобщим повелителем загрязнений. Как упырь, заседающий в парламенте, и принуждающий к загрязнению законом, и готовящий почву для бесконечных нарушений личной свободы и здравого смысла по велению жестоких экспертов. Не отрицая других форм социального зла, я теперь, после тщательного изучения, рассматриваю вакцинацию как одну из величайших и глубочайших форм, отменяющую последнюю надежду и средство защиты рас, новорожденное здоровье человеческого тела".

Агитация против обязательной вакцинации процветала под руководством мистера Гиббса. Он искал помощи со всех сторон и гармонизировал различные элементы этой кампании в соответствии с общей целью Лиги. В своей работе он получал эффективную помощь от своего брата, мистера Г. С. Гиббса из Дарлингтона, который проявил замечательные способности в интерпретации жизненной статистики и в разоблачении ее неправильного

применения. Мистер Гиббс создавал отделения Лиги везде, где были противники этой практики, и особенно преуспел на севере Англии. Неустанное применение раздела 31 Закона 67 года в некоторых частях страны способствовало привлечению внимания и сочувствия общественности. Родителей неоднократно штрафовали за упорный отказ от вакцинации детей, а в случае неуплаты конфисковывали их имущество или отправляли в тюрьму, иногда с каторжными работами. Иногда приговоры сопровождалось грубым нахальством со стороны судей. Так, например, мистер Боуман, ссылаясь в суде Ньюкасла на свое совестливое убеждение, что прививка может навредить его ребенку, а его самого от оспы не спасет, был сравнен магистратом с вором, который сказал: "Однажды я знал человека, который по совести не хотел работать до тех пор, пока мог жить воровством; и я не думаю, что совесть такого рода имеет право на уважение". Закон на таких условиях, естественно, вызывает осуждение, и многие, кто мог бы поддержать вакцинацию, тем самым настроены против нее.

Некоторые считают сомнительным, что раздел 31 Закона 67 года дает основание для повторных преследований. Мистер Джон Кэндлиш, депутат от Сандерленда, который входил в комитет 1866 года, занимавшийся законопроектом, ставшим законом в 1867 году, утверждал, "что не предполагал повторных наказаний, но что одним из наказаний должно быть освобождение от любых обязательств по вакцинации ребенка". Нет необходимости говорить о том, что парламентский акт следует толковать не по намерениям его создателей, а по его словам. Более того, если намерения ставятся под сомнение, было бы справедливо противопоставить намерения намерениям. Некоторые из тех, кто участвовал в продвижении Акта 67-го года, имели намерения более произвольные, чем те, что были изложены в разделе 31.

Вопрос был поднят преподобным Х. Дж. Алленом, примитивным методистом. Он неоднократно представлял перед судом в Сент-Нотсе, был заключен в тюрьму на четырнадцать дней, но, заплатив штраф в 5 фунтов, был освобожден. Менее чем через месяц его снова вызвали в суд и оштрафовали на 1 фунт стерлингов за каждого из его детей, включая расходы. В 1870 году была подана апелляция в Суд королевской скамьи, и решение подтвердило более суровое толкование раздела 31 Закона 67 года. Лорд Главный судья Кокберн постановил, что родитель, оштрафованный в соответствии с Законом за неподчинение приказу о вакцинации ребенка, может быть привлечен к ответственности до тех пор, пока ребенок остается невакцинированным. Он отказался обсуждать вопрос о том, хороша или плоха вакцинация; законодательные органы рассматривали ее как вопрос огромной важности и приняли законы, чтобы привлечь к ней внимание; при этом он не может сомневаться, что намерение законодательных органов состояло не просто в том, чтобы раз и навсегда наложить штраф на человека за невыполнение того, чего требует общественное здоровье и безопасность, а в том, чтобы заставить его подчиниться требованиям закона. Поэтому он считает, что приказ о вакцинации может быть возобновлен, а наказания могут повторяться до тех пор, пока приказ не будет выполнен. Господин судья Меллор и господин судья Ханнен согласились с ним. Решение по этому делу, известному как "*Аллен против Уорти*", неоднократно подвергалось сомнению и всегда подтверждалось.

Сразу же после этого мистер Кэндлиш внес в Палату общин законопроект об изменении закона, повторив свою убежденность в том, что такое толкование Закона 67 года никогда не предполагалось парламентом, и что наказание было сделано непрерывным лишь по словесной случайности. Законопроект был внесен слишком поздно (6 июля 1870 года), чтобы быть принятым, но он вызвал обсуждение и обещание правительства передать вопрос на рассмотрение Комитета в следующем, 1871 году.

ССЫЛКИ:

[290] Двадцатилетний опыт общественного вакцинатора. Прочитано в Санитарном комитете Сент-Панкраса 9 июня 1863 года. Третье издание. Лондон, 1866.

[291] Были ли вы вакцинированы? И какую защиту дает вакцинация от оспы? Уильям Дж. Коллинз, доктор медицины. Четвертое издание. Лондон, 1868.

ГЛАВА XLIII.

КОМИТЕТ ПАЛАТЫ ОБЩИН, 1871 ГОД.

13 февраля 1871 года мистер У. Э. Форстер предложил назначить специальный комитет для изучения действия Закона о вакцинации 1867 года и представить доклад о необходимости внесения поправок в этот закон. Высказывания мистера Форстера по этому поводу заслуживают внимания, поскольку свидетельствуют о распространенных предрассудках. Он сказал.

Я вношу это предложение в соответствии с обещанием, данным на прошлой сессии члену от Сандерленда, который внес законопроект об ослаблении наказания за отказ от вакцинации. Я не думаю, что мистер Кэндлиш, как и любой другой член Палаты, имеет хоть малейшие сомнения в полезности и необходимости вакцинации, и что необходимо не только поощрять эту практику, но и сделать ее обязательной. Против вакцинации не слышно в Палате общин; но она встречается, к моему сожалению, среди некоторых людей в стране, которые довели свое сопротивление до такой степени, что это вредит здоровью и разрушает жизнь". Эти люди, должно быть, забыли, в каком состоянии находилась страна до введения вакцинации" [Эволюция из фантазии Форстера].

Затем последовали обычные сказочные измышления - ужасающая смертность до вакцинации, снижение этой смертности благодаря вакцинации, необыкновенный иммунитет, которым пользуются вакцинированные и ревакцинированные, и так далее - все это произносится и принимается как неоспоримое.

Правительство не сомневается ни в эффективности и преимуществах вакцинации, ни в необходимости ее проведения. Им приходится сталкиваться с противодействием - противодействием невежества, а также, к моему сожалению, противодействием, вызванным заинтересованными мотивами [какими они могут быть?], использующими это невежество; и, наконец, с огромным пренебрежением, вызванным апатией.

Сэр Чарльз Аддерли выступал против назначения Комитета. Приняв заявление мистера Форстера как обоснованное, он потребовал.

О чем нужно спрашивать? Лишнее расследование может оказаться вредным. Ничто не может быть более опасным, чем вызывать сомнения в отношении законодательства, которое не только не вызывает сомнений, но и требует более строгого управления.

Очевидно, правительство было того же мнения, что и сэр Чарльз, и Комитет уступил, выполнив непреднамеренное обещание. Мистер Форстер заверил Палату представителей.

Правительство не предлагает Комитету ни малейшего сомнения в принципе вакцинации или необходимости обязательной вакцинации; и мне не нужно говорить, что мы не намерены ослаблять действие закона во время работы Комитета".

Комитет был назначен следующим образом 16 февраля.

Доктор Брюер, Колчестер.
Мистер Джейкоб Брайт, Манчестер.
Мистер Джон Кэндлиш, Сандерленд.
Мистер Р. М. Картер, Лидс.
Мистер Стивен Кейв, Шорхэм.
Сэр Смит Чайлд, Западный Стаффордшир.
Сэр Доминик Корриган, Дублин.
Мистер У. Э. Форстер, Брэдфорд.
Мистер Дж. Т. Хибберт, Олдхэм.
Мистер Дж. М. Холт, Северо-Восточный Ланкашир.
Лорд Роберт Монтагу, Хантингдоншир.
Мистер П. Х. Мунц, Бирмингем.
Доктор Лайон Плейфейр, Эдинбургский университет.
Мистер У. Х. Смит, Вестминстер.
Мистер П. А. Тейлор, Лестер.

Первым свидетелем выступил мистер Кэндлиш, сам член Комитета и инициатор расследования. Исповедуя ограниченную веру в вакцинацию и желая оказать давление, достаточное для преодоления простой апатии, мистер Кэндлиш был категорически против принуждения родителей, серьезно возражающих против вакцинации, и особенно против их преследования путем неоднократных наказаний и тюремного заключения.

Доктор У. Дж. Коллинз, следующий свидетель, раскрыл весь вопрос о вакцинации и на основе разнообразных опытов показал, что вакцинация не заменила и не смягчила оспу, в то время как она часто была тяжелым заболеванием и средством возбуждения и передачи других болезней.

Доктор К. Т. Пирс последовал этому примеру. Цель комитета (ограниченного рассмотрением обязательного закона) была, по-видимому, забыта, и доктор Пирс выступил со всеобъемлющей речью, в которой свободно изложил историю, претензии, неудачи, заблуждения и бедствия вакцинации; в ходе последовавшего перекрестного допроса он подтвердил свои позиции, которые занял.

Сэр Джервуаз Кларк Джервуаз, барт, бывший член парламента от Южного Ханта, оспаривал общепринятые представления об инфекции, путая ее с заразой, и указывал, что нелепо проводить сравнения между привитыми и непривитыми, если одновременно не определен их материальный статус: случаи оспы в Белгравии не следует сравнивать со случаями в Клеркенвелле. Оспа не смягчается вакцинацией: у него было двое родственников, привитых самим Дженнером, которые впоследствии заболели натуральной оспой в такой тяжелой форме, что "их собственный отец не знал их". Если оспа и уменьшилась, то не было никаких оснований приписывать это вакцинации: Коровья оспа Дженнера перестала существовать, и причина ее прекращения могла быть в равной степени применима и к оспе.

Доктор Гарт Уилкинсон дал показания с характерной мудростью гениального врача, который видит все своими глазами. Он показал, как при наличии средств и прибыли бесполезность и

вред вакцинации скрывались или отрицались, и как, считаясь достаточным средством против оспы, упускались из виду причины болезни, а внедрение улучшенных методов лечения не предпринималось или не поощрялось.

Мистер Джордж С. Гиббс оспаривал право государства делать прививки или вмешиваться в отношения между родителями и ребенком. Обладая способностями к статистике, он изучил данные о заболеваемости оспой до и после введения вакцинации, в стране и за рубежом, и показал, что в настоящее время оспа остается такой же, как и в прошлом, ни более смертоносной, ни менее смертоносной, в то время как есть основания полагать, что вакцинация является породителем оспы, а также источником и возбудителем других болезней.

Мистер Аарон Эмери на энергичном английском языке рассказал, как 31 мая 1869 года его младенцу сделали прививку от здорового на вид ребенка; как за этим последовала эризипела; как постепенно становилось хуже; как "малыш не имел покоя ни днем, ни ночью с 9 июня по 4 июля, когда смерть положила конец его страданиям". Затем он рассказал, с каким трудом ему удалось получить от вакциниатора подлинное свидетельство о смерти; как он заставил провести дознание; как был вынесен вердикт: "Умер от эризипелаза, вызванного вакцинацией"; и как впоследствии его условия были изменены коронером Ланкестером и зарегистрированы в Сомерсет-Хаусе. До момента этого смертельного случая мистер Эмери безоговорочно верил в вакцинацию; но горе привело его к знакомству с многочисленными случаями, подобными его собственному, которые были скрыты от общественного признания, и любая уловка считалась похвальной, чтобы уберечь вакцинацию от порицания.

Мистер Ф. Ковингтон, секретарь Нортгемптонской антивакцинальной лиги, рассказал о травмах, полученных от прививок в его семье и среди его знакомых; о недоверии и неприязни к этой практике в Нортгемптоне и повсеместном сопротивлении обязательному закону.

Миссис Э. Кемп принесла своего ребенка и рассказала, как ему сделали прививку без осмотра, хотя на боку у него была болячка. Когда прививка начала действовать, лицо и уши ребенка вспыхнули, и сквозь массу высыпаний "можно было увидеть только его маленькие глазки".

Мистер Томас Бейкер, барристер, работал в Совете здравоохранения с 1849 по 1854 год и официально участвовал в нескольких санитарных расследованиях. По его мнению, то, что называлось эпидемиями, было лихорадкой общего происхождения, против которой чистота была эффективным профилактическим средством, и которой его друг, доктор Саутвуд Смит, считал, что оспа в равной степени поддается. Будучи акционером Столичной ассоциации по благоустройству жилищ промышленных слоев населения, он знал, что жители здоровых домов, даже в антисанитарных кварталах, были в значительной степени избавлены от эпидемических заболеваний.

Мистер У. Дж. Эддисон свидетельствовал, что его совершенно здоровый ребенок был привит от сифилиса и в результате умер после ужасных мучений. Факты этого дела не вызывали сомнений. Один из врачей больницы имел наглость спросить мать: "Не лучше ли одному из тысячи умереть вот так, чем чтобы оспа свирепствовала в наших городах?" "Возможно, - ответила бедная женщина, - но странно, что мой ребенок оказался тысячным".

Преподобный Вм. Хьюм-Ротери сказал, что его внимание к вакцинации впервые привлекла операция на его собственном ребенке, а его жена инстинктивно заметила: "Это неестественно и неправильно". Расследование подтвердило мнение жены, и он стал

открытым противником этой практики, писал и читал лекции против нее. Знакомство с жителями Ланкашира привело его к убеждению, что большинство не любит и не доверяет вакцинации: их принуждают к ее соблюдению, и они уклоняются от нее, когда это возможно. Сам он был против вакцинации, потому что ни природа, ни человек, ни откровение не могли ее оправдать. Это утверждение принципа над практикой привело к значительной дискуссии о Божественном законе, провидении, природе вещей и праве совести противостоять диктату корпорации.

Мистер Р. Б. Гиббс, секретарь Лиги против обязательной вакцинации, указал на происхождение вакцинации, засвидетельствованное Дженнером, в получении коровьей оспы от заражения лошадиным жиром, а затем на использование лошадиной оспы, которой эквинирование было заменено на вакцинацию; разнообразный вирус, полученный таким образом от Дженнера, остается в официальной валюте "от руки к руке" и по сей день. Что такое вакцинация, так и не было определено, и, следовательно, не было надлежащей основы для законодательства. Законодательству также не предшествовало беспристрастное и адекватное расследование: его продвигали некоторые медики, поддерживаемые прессой, и особенно "Таймс", редакторы которой ревностно пресекали все сообщения, ставящие под сомнение эффективность обряда. На вопрос об изменении закона мистер Гиббс ответил, что ему нечего предложить: государство должно отказаться от всякой помощи в этой практике и оставить ее использование или неиспользование на личное усмотрение.

На этом доказательства антивакцинистов были прерваны. Им еще многое предстояло сделать, но и этого было достаточно. Комитет забыл о своей цели, которая заключалась не в обсуждении вакцинации, а в том, чтобы, приняв этот обряд как неоспоримый, рассмотреть, может ли закон, обеспечивающий его соблюдение, быть изменен. Тем не менее, если вред был причинен, было решено противодействовать ему; и немедленно были даны противоположные показания. На помощь были призваны различные чиновники, которые в течение многих лет занимались пропагандой вакцинации, а также некоторые модные врачи, чьи заверения, по расчетам, должны были преодолеть любое недоверие, которое могло возникнуть в общественном сознании.

Первым из этих чиновников был мистер Джон Саймон, обзор работ которого о вакцинации составляет [главу XL](#) настоящего тома. Свидетельства мистера Саймона относительно вакцинации были примерно такого же порядка, как свидетельства виргинца прежних времен о рабстве или процветающего лондонского мытаря о торговле спиртным. Мистер Саймон отвечал на предъявляемые к нему требования: он был основателен: нет ничего лучше кожи - ничего! Оспа была одной из самых заразных и самых смертоносных болезней, и "для подавляющего большинства людей, получивших прививку в младенчестве, вакцинация была гарантией жизни даже от приступа оспы". Непривитые умирали в 35½ процентах случаев, привитые в целом - в 7 процентах, а "правильно привитые" - от 1 до ½ процентов, при этом скрывается тот факт, что во времена, когда все были непривиты, смертность от оспы колебалась от 10 до 18 процентов, то есть такая же высокая смертность среди привитых и непривитых в настоящее время. По его мнению, не было ни одного случая смерти от прямого эффекта "правильно проведенной вакцинации" - эта квалификация, как можно заметить, относит все случаи смерти к чему-то иному, чем правильный обряд. Он признал, что нет ни малейших сомнений в том, что на континенте сифилис прививали, но либо по неосторожности, либо с преступным умыслом. Санитария, по его словам, практически не влияет на оспу: единственным средством защиты является вакцинация, причем какой именно вид вакцинации - благоразумно не уточняется. Оспа не вытеснила другие лихорадки во время своего распространения, как утверждал доктор Пирс. Утверждая, что 97 процентов

лондонцев были привиты, он не видел, что бушевавшая в то время эпидемия, самая жестокая в этом столетии, опровергала безопасность вакцинации.

Читая свидетельства Саймона, мы заново осознаем возможности наглости, действующей на легкое верие: нет ничего, во что бы не верили люди, в остальном здравомыслящие, если они настроены на веру. Этот комитет заседал в Лондоне среди населения, почти повсеместно вакцинированного, страдающего от оспы так, как оно никогда не страдало на памяти живых; и все же в присутствии такой демонстрации бессилия постановления о вакцинации они слушали прорицателя с покорным согласием! Какими бы странными ни были записи о колдовстве, в них нет ничего более удивительного, чем этот Комитет 1871 года, состоящий из избранных людей из Палаты общин, принимающий за истину то, что в их собственных глазах было очевидно как неправда - обманутый и согласный быть обманутым.

Что касается тех, кто оспаривал эффективность вакцинации и оправдывал свое неверие тем, что среди привитых была оспа, то презрение Саймона было безоговорочным - презрение было необходимым условием успеха принятой меры. "Некоторые из них были невежественны, - сказал он, - а другие нечестны". Они представляли собой "лигу лиц, заинтересованных в том, чтобы помешать исполнению закона, и очень активно занимались распространением ложных сведений против вакцинации" - ложные сведения в ее пользу, активно распространяемые Саймоном и его профсоюзом, были бескорыстными и достойными похвалы.

Доктор Р. Холл Бейквелл, генеральный вакцинатор Тринидада, был представлен как-то по ошибке, и его показания в нескольких отношениях были противоположны тем, которые требовались. Он считает, что вакцинация - это хорошо, но "она должна проводиться более тщательно". Она не должна быть обязательной, а должна быть предоставлена здравому смыслу людей. Было доказано, что прививка может привести к смерти, "несправедливо обязывать родителей подвергать своего ребенка операции, связанной с таким риском, каким бы редким он ни был". Ссылаясь на свой опыт в Тринидаде, он сказал.

3557.- Я видел, как вакцинация вызывала воспаление руки и общую лихорадку, продолжавшуюся несколько дней". Такая болезнь часто использовалась матерями в качестве оправдания, чтобы не приводить своих детей на осмотр на 8-й день. Сначала я был склонен считать это утверждение простым оправданием, но, посетив дома, я убедился, что дети действительно больны, и приводить их на осмотр было небезопасно.

3563.- В Тринидаде и вообще в Вест-Индии распространено мнение, что проказа была введена в систему благодаря вакцинации. Я обнаружил, что медики, когда им случалось прививать своих собственных детей или детей пациентов, в которых они были особенно заинтересованы, обращались ко мне за английской лимфой, чтобы избежать прививки от проказы, несмотря на то, что вероятность заражения английской лимфы сифилисом была равной, а возможно, и большей. У меня было несколько случаев проказы, в которых вакцинация казалась единственным средством борьбы с болезнью.

Вследствие этого распространенного мнения вакцинация была очень нелюбима в Тринидаде, и, хотя по закону она была обязательной, соблюдалась безразлично, так что по крайней мере половина населения избежала вакцинации.

На вопрос об оспе в Тринидаде доктор Бейквелл ответил, что эпидемий не было четырнадцать или пятнадцать лет, когда случилась одна, "ужасно тяжелая, как и все эпидемии в Тринидаде, из-за полного пренебрежения санитарными мерами предосторожности"; добавив, что "смертность от оспы может быть значительно снижена

санитарными мерами независимо от вакцинации". Доктор еще больше расстроил предрассудки Комитета, заявив.

3783 - Я не верю, что общая смертность в стране уменьшается из-за отсутствия оспы. В Тринидаде, например, смертность ничуть не меньше, потому что у нас нет ни оспы, ни коклюша, ни скарлатины, ни кори - четырех самых распространенных причин смерти среди маленьких детей. Тем не менее младенческая смертность в Порт-оф-Спейне вдвое выше, чем в Лондоне. Просто вычеркнув одну болезнь из общего числа заболеваний, вы не уменьшите смертность в стране.

Именно это доказал доктор Уатт в Глазго в 1813 году, а доктор Фарр в более поздний период подтвердил; и именно это иллюстрирует сравнение статистики смертности в эпидемические и неэпидемические годы.

После допроса мистера Дэнби Палмера Фрая, главы юридического отдела Совета по делам бедных, Комитет вернулся к своим обязанностям. Отвечая на вопросы о состоянии закона и трудностях, связанных с его исполнением, мистер Фрай показал, что хотя вакцинация номинально является обязательной, любой решительный родитель может ею пренебречь. Чтобы сделать вакцинацию действительно обязательной, необходимо было бы законодательно закрепить ее применение силой, а этого общественное мнение не потерпит. От себя он считает, что убеждение родителей, выступающих против вакцинации, заслуживает уважения, и поэтому он предлагает...

3845.- Возможно, стоит рассмотреть вопрос о том, нельзя ли освободить от наказания человека, который дает клятву или подтверждает, что он по соображениям совести возражает против вакцинации своего ребенка. Мне кажется, что в принципе это было бы схоже со статутами, которые запрещали церковным судам приводить в исполнение приговор в отношении личности квакера, хотя они могли это делать в отношении его имущества, на том основании, что люди, называемые квакерами, как известно, по соображениям совести возражали против уплаты десятины и церковных сборов".

Сэр Доминик Корриган, доктор медицины, член Комитета, дал следующие показания, и защита вакцинации была возобновлена. Сэр Доминик так мало понимал цели Комитета, что заметил

3992. - Я думаю, что главный вопрос, стоящий перед нами, заключается в том, может ли яд вакцины содержать в себе сифилитический или любой другой яд.

Что касается вакцинации сифилиса, то он четко сказал: это невозможно. Вакцинация не вызывает никакой болезни. Вирус - это не что иное, как чистая лимфа, даже если она взята у нечистого человека. К вакцинации благосклонно относились во всей Ирландии. Ее проводили в жизнь, но она не требовала принуждения: у людей не было склонности сопротивляться закону. Ему не нравились наказания, и он предпочел бы действовать путем исключения невакцинированных из школ, фабрик и общественных мест работы на том основании, что "они могут стать миной болезни и навредить другим", а именно - вакцинированным, укрепленным против оспы!

Под влиянием вакцинации заболеваемость оспой в Ирландии постепенно снижалась, и на 28 апреля 1871 года эта болезнь была практически изжита. Безрассудное утверждение. Пока сэр Доминик давал показания, оспа появилась вновь: 665 человек умерли от нее в 1871 году и 3 248 в 1872 году. С 1871 по 1875 год от оспы умерло 5521 человек в стране, где, как утверждалось, вакцинация изгнала эту болезнь!

Мистер Джеймс Фернесс Марсон последовал за сэром Домиником - фанатичным вакцинатором и сторонником принуждения. В течение тридцати пяти лет он был хирургом Хайгейтской оспенной больницы и развивал причудливую идею о том, что эффективность вакцинации определяется количеством и характером цикарий; он считал, что...

4149.- Большое количество людей в этой стране очень плохо привиты, имеют только один едва заметный цикатрикс, и болеют оспой так же плохо, как если бы их вообще не прививали".

Мистер Джейкоб Брайт столкнулся с тем фактом, что доктор Грегори, обладающий большим опытом и признанным авторитетом, высказал противоположное мнение в своей работе о вспышечных лихорадках, сказав: "...

4670.- Отсюда мы можем узнать, насколько малое значение следует придавать цикатриксу как доказательству совершенства или несовершенства процесса вакцинации. Совершенная безопасность совместима с маленьким и едва различимым цикатриksom или вообще без большого вафельного цикатрикса; по крайней мере, ни один из них не заметен через пять лет после операции.

Марсон ответил.

Доктор Грегори был авторитетом, но он был очень необычным человеком и никогда не исследовал этот вопрос так широко, как я.

Марсон стал жертвой представления, причем плохого, которому приносилось в жертву все, что противостояло. Среди его утверждений и признаний характерны и показательны следующие.

4151. Если бы все дети были надлежащим образом привиты, смертность от оспы составила бы менее 1 процента. Существуют трудности: матери противятся тому, чтобы их дети были хорошо привиты.

4125.- Люди, которые заражаются оспой после вакцинации, обычно не болеют ею до 18-25 лет после этого.

4220.- Сама по себе оспа защищает от оспы гораздо лучше, чем вакцинация.

4136.- Безусловно, оспа не имеет тенденции к вымиранию: это точно такая же болезнь, какой она была тысячу лет назад, и будет через тысячу лет.

4148.- Мы не можем контролировать оспу: в этом нет ничего особенного. Мы не в силах контролировать оспу, скарлатину, корь и другие лихорадочные заболевания, сопровождающиеся высыпаниями.

4694.- Я смотрю на больницы как на необходимое зло. Это не те места, куда я бы рекомендовал обращаться больным. Тот, кто может позволить себе жить в своем доме, не должен ложиться в больницу.

4327-28.- Доктор Дженнер ошибался, когда говорил, что коровья оспа происходит от лошадиного жира: одно время так считалось, но теперь это отменено.

4325 и 4697.- У меня есть два источника вакцинной лимфы: один - от прививки корове оспы, а другой - от коровы в окрестностях Брюсселя, которая заболела коровьей оспой естественным путем.

4646.- В Лондоне не было эпидемии оспы с 1796 по 1825 год; а поскольку отсутствие оспы совпало с введением вакцинации, было решено, что вакцинация имеет к этому самое непосредственное отношение; и это справедливое заключение.

4705.- Оспа в значительной степени свирепствовала на востоке Лондона до начала французской войны.

Однако эпидемию оспы 1870-71 годов принято приписывать франко-германской войне.

Беспринципная свирепость, которая одушевляла Марсона и его единомышленников по отношению к тем, кто оспаривал их практику, убедительно показана в следующих вопросах и ответах; при этом Саймон утверждал, что Марсон "был необычайно внимательным наблюдателем".

4174. - Полагаю, вы знаете, что существует сильное чувство и большие возражения со стороны ряда людей против вакцинации?

Да, я знаю, что это так; но я почти всегда вижу, что возражает отец, а не мать, и это делает это очень подозрительным.

4175.- Что вы имеете в виду?

Отец хочет, чтобы семья, на которую ему приходится работать, была как можно меньше. Боюсь, что именно это лежит в основе.

4176.- Не кажется ли вам, что это заслуга отца в том, что он смотрит гораздо дальше, чем обычно делают люди этого класса?

Я не думаю, что им нужно заглядывать далеко вперед, когда им нужно зарабатывать на хлеб насущный. Когда в субботу вечером приходит зарплата, им довольно часто приходит в голову, как распорядиться деньгами...

Пасквиль, столь же зверский, сколь и абсурдный, и многозначительный.

Д-р Александр Вуд был привезен из Эдинбурга, чтобы дать показания по Шотландии примерно того же содержания, что и сэр Доминик Корриган по Ирландии. Доктор Вуд высказался однозначно: "Я не думаю, - сказал он, - что человек имеет право держать у себя невакцинированного ребенка в большей степени, чем бешеную собаку". Оспа была распространена в Шотландии в течение нескольких лет, что послужило поводом для принятия закона об обязательной вакцинации в 1863 году; но не было доказано ни того, что до принятия этого закона шотландцы не были привиты, ни того, что именно непривитые страдали от оспы - помимо тех условий жизни, которые способствуют возникновению оспы. Под влиянием природы оспа в Шотландии уменьшилась, и заслуга в этом принадлежит Закону: вакцинация населения была настолько полной, что доктор Вуд засвидетельствовал

4399.- В Шотландии не было бы ни одного невакцинированного ребенка, если бы у нас были средства для борьбы с мигрирующим населением - железнодорожными рабочими и бродягами, детьми, рожденными на обочинах дорог и под живыми изгородями.

Как и в Ирландии, закон практически не встретил сопротивления; как и в Ирландии, утверждалось, что оспа была искоренена; но, как и в Ирландии, это предположение было опровергнуто опытом. Во время эпидемии 1871-73 гг. в Шотландии от оспы умерло не менее

5034 человек - противоречие, которого не предвидели доктор Вуд и комитет, перед которым он пророчествовал.

В качестве придворного врача выступил сэр Уильям Дженнер. Он посоветовал Ее Величеству королеве поощрять вакцинацию всех членов королевской семьи, и Ее Величество последовала его совету, а также принц Уэльский. У него был большой опыт работы врачом в Детской больнице и других учреждениях, и он никогда не видел ни одного серьезного заболевания или смерти в результате вакцинации. Его свидетельство о безвредности этой практики было безоговорочным, и он "не мог представить себе ни одного стоящего врача, который бы не верил в нее или считал ее вредной"; добавив при этом.

4521.- Я бы считал, что очень сильно не выполняю свой долг и, по сути, заслуживаю наказания, если бы пренебрег вакцинацией своих шестерых детей".

Он одобрил закон об обязательной вакцинации и пожелал, чтобы ревакцинация также была обязательной. Что касается статистики оспы и вакцинации, он отрицал достаточное знакомство с ней; тем не менее он без колебаний утверждал, что оспа как форма зимозной болезни, вытесняющая другие формы или заменяемая другими, - это "теория, совершенно лишенная оснований". Разумеется, свидетельства такого рода создавались скорее для социальных, чем для научных целей.

То же самое можно сказать и о докторе Гулле, ныне сэре Уильяме. Он также утверждал, что никогда не видел ни одного серьезного заболевания, вызванного прививкой; он также не верил, что прививка от больного ребенка передаст болезнь. В качестве защиты от оспы он считал, что вакцинация является таким же средством защиты, как и сама оспа. Обязанность законодательных органов заключается в обеспечении вакцинации; добавляя...

4830, - что с нашими нынешними знаниями я считаю самым безумным, что может придумать любой человек, отказаться от вакцинации.

Он посоветовал правительству не принимать никого на службу в Индии без ревакцинации. На вопрос мистера Кэндлиша, стал бы он силой отнимать ребенка у родителей и делать ему прививки, он ответил

4854. - Конечно, да; точно так же, как я бы взял невежественного ребенка и дал ему образование".

Менее рассудительный, чем сэр Уильям Дженнер, доктор Гулл прибег к статистике. Когда ему указали на то, что хотя в Лондоне в то время была эпидемия оспы, уровень смертности от нее не повысился, он приписал этот результат вакцинации. "В прежние времена оспа приводила к огромному росту смертности".

4780.- Я думаю, мы читали о 100 000 человек, умерших от этой болезни во время эпидемий, и я не уверен, что это число не было вдвое больше. Я не люблю доверять цифрам, но когда я был профессором медицины в Гайском госпитале, я привел эти цифры перед своим классом и был поражен огромным количеством смертей во время эпидемии оспы. Я помню, что если взять все смерти, которые произошли во время наполеоновских войн, то они ни в коем случае не были такими большими, как количество жизней, которые были спасены вакцинацией в то время. Сейчас я не помню, на чем основано это утверждение, но я помню, что это было именно то доказательство, которое я должен был представить классу.

В классе Гая царила романтика науки, и Комитет развлекался подобным образом. Им сказали, что, если бы не вакцинация, эпидемия, распространенная в Лондоне, привела бы к "совершенному мору"; ведь смертность среди невакцинированного населения "была просто ужасающей". У них была "история оспы в Китае и Индии, где ее последствия были совершенно депопуляционными". "Пренебрегать или препятствовать вакцинации в переполненных английских городах было бы то же самое, что бросать огненную ветку в пороховой погреб". До введения вакцинации "Франция из года в год теряла четверть миллиона жителей (250 000) от оспы"; и так далее, и так далее; утверждения без оснований, вне намерения возбудить страх, чтобы получить доверие.

Следующим свидетелем был доктор Чарльз Уэст, в течение двадцати лет работавший врачом в Детской больнице в Лондоне, , куда не принимали детей младше двух лет - в возрасте, когда непосредственные последствия вакцинации стираются или забываются. По его мнению, вакцинация предотвратила или смягчила последствия оспы. "Несомненно, во многих случаях она способствовала развитию предрасположенности к некоторым формам кожных заболеваний, особенно к экземе", но в целом она не нанесла вреда. За время своего огромного опыта он знал только об одном ребенке, чья смерть была вызвана эризипелазом, вызванным прививкой. У него не было доказательств инвагинации сифилиса.

В доказательствах доктора Уэста не было ничего особенного. Они соответствовали профессиональной ортодоксии, для отступления от которой потребовалось бы больше, чем обычное мужество. Для дачи подобных показаний можно было бы привлечь самых разных медиков, но чего это стоило? Медицинское сознание придерживается двух точек зрения: во-первых, что прививка предотвращает оспу или смягчает ее; во-вторых, что она вызывает безвредную болезнь; это пара выводов, которые, кажется, можно сохранить при наличии огромного количества доказательств обратного.

Если кто-то решит утверждать, что вакцинация предотвращает оспу или смягчает ее, как его можно опровергнуть? Предотвращенная оспа скрыта в неизвестности, равно как и смягченная тяжесть. Опять же, если считать вакцинацию безвредной, то любой случай ее плохого влияния можно свести к совпадению, усмехаясь над вульгарным заблуждением превращения *post hoc* в *propter hoc*. Обладая такими представлениями, нет ничего проще, чем утверждать, например, вместе с доктором Стивенсом: "Никто не видел больше прививок, чем я, но я еще не видел ни одного плохого эффекта от этой практики". Никто так не слеп, как те, чье дело - не видеть; или, как сказал мистер Обри де Вер, "предрассудки, которые видят то, что им нравится, не могут видеть то, что очевидно". Я утверждаю, что невозможно привить такую болезнь, как *вакцина*, в любой из ее разновидностей, без ущерба для масштабов заболевания, без усиления активной или возбуждения скрытой болезни, или без риска передачи другой прививаемой болезни от вакцинируемого.

"Главный вопрос, стоящий перед Комитетом, - сказал сэр Доминик Корриган, - может ли яд вакцины содержать внутри себя сифилитический или любой другой яд" - великий ужас заключается в сифилитическом яде. Этот вопрос решал следующий свидетель, мистер Джонатан Хатчинсон, эксперт по сифилису. Он был вызван для обследования тринадцати человек, в основном молодых людей, работающих в лондонском магазине, которые были ревакцинированы по приказу их работодателя во время распространенной оспенной паники. Вакцинатор был "прекрасным, полноценным, здоровым ребенком", однако он заразил сифилисом 11 из 13 привитых. Мистер Хатчинсон допускает, что вакцинатор не виноват в катастрофе, говоря

5032.- Я очень сомневаюсь, что этого можно было избежать путем проверки. Ребенок выглядел здоровым, и на станции вакцинации он прошел как здоровый.

Имея в своем опыте подобные случаи и будучи убежденным, "что сифилис *может* передаваться при вакцинации", мистер Хатчинсон был спрошен мистером Кэндлишем, знает ли он, что медицинская профессия в целом отрицает такую возможность, и он ответил

5060.- Я не знаю, что авторитеты в этом вопросе отрицают это; я полагаю, что некоторые из них придерживаются этого мнения совершенно определенно; я знаю, что общее мнение профессии, возможно, против этого, но не мнение тех, кто тщательно исследовал этот вопрос.

Чтобы уменьшить эффект от показаний, столь вредных для вакцинации, была сделана попытка показать, что опасность ограничивается вирусом, запятнанным кровью; и хотя мистер Хатчинсон признал, что кровь *может* быть средством передачи, это не было решено.

5073.- Это не тот вопрос, по которому я хотел бы делать какие-либо выводы; я хотел бы иметь эксперименты и факты.

Последующий опыт показал, что с кровью или без крови сифилис может быть инвакцинирован. Тем не менее, мистер Хатчинсон, будучи сторонником вакцинации и ее обязательного проведения, "считая ее крайне необходимой и важной", признал, что риск был бесконечно мал; но (как было замечено в то время), если распространение сифилиса не будет бесконечно малым, то нет оснований для предположения о бесконечно малом риске. Как признал мистер Хатчинсон...

5089.- Я считаю, что есть случаи скрытого сифилиса, которые не может обнаружить ни один медик, если он не изучит историю ребенка, а также его внешний вид".

Мистер Джеймс Нейбор, ответственный за вакцинацию в округе Святого Луки, Мидлсекс, с населением 60 000 человек, в основном бедных, рассказал о действии законов о вакцинации. Он не встретил особого сопротивления закону; рожденные были привиты до пункта регистрации, но у него не было возможности контролировать тех, кто мог пренебречь регистрацией или уклониться от нее, уехать или поселиться в Сент-Люксе.

Доктор Э. К. Ситон, как избранный представитель официального кольца вакцинации, был оставлен для завершения расследования. Пересказывать его показания, изложенные с большой подробностью, означало бы повторить многое из нашего рассказа. Вакцинация была вновь представлена как "совершенно безопасная и эффективная профилактика оспы, которая может быть так же обоснованно оспорена, как и демонстрации Евклида". Тем не менее, совершенно безопасная и эффективная разновидность вакцинации не была ни определена свидетелем, ни потребована Комитетом - с коровьей оспой, коровьей оспой, лошадиной оспой или коровьей оспой; упущение, которое иллюстрирует неряшливость и легкоеверие заинтересованных лиц - чудо и тайна XIX века обсуждаются, а материя и способ принимаются как должное под прикрытием одного слова!

На протяжении всех доказательств Ситона оспа рассматривалась как отдельная болезнь, с которой можно бороться и уничтожать ее без учета других лихорадок, а общая смертность снижается в зависимости от степени ее снижения: не признается никакой связи между лихорадкой и лихорадкой, эпидемией и эпидемией...

5344.- Эпидемии оспы, как и эпидемии других болезней, приходят и уходят по законам, которые мы не знаем. Они различаются по интенсивности и по силе распространения. У

меня нет объяснения, почему нынешняя эпидемия (1871) должна быть намного интенсивнее эпидемии 1863 года, так же как я не могу сказать, почему эпидемия 1863 года должна была быть более суровой, чем последующая эпидемия 1866-67 годов; или почему одна эпидемия холеры или скарлатины должна быть намного более смертельной, чем другая эпидемия холеры или скарлатины.

Однако, когда было предложено объяснение, а именно, что лихорадочные заболевания в обществе являются мерой его санитарных отклонений; что в то время как формы лихорадки могут быть различными, активность одной формы уравнивается затишьем других, при равных показателях смертности - объяснение было отвергнуто; и почему? Потому что оно не оправдывало славу вакцинации!

Любопытно, но по другой причине Мальтус утверждал, как мы сейчас утверждаем, что если бы вакцинация могла истребить оспу, то ни одна жизнь не была бы спасена - при условии, добавим мы, что не произойдет никаких изменений в условиях, из которых возникают оспа и подобные болезни. Таким образом, Мальтус писал

Я отнюдь не сомневаюсь, что миллионы человеческих существ были уничтожены оспой; но если бы ее разрушения, как предполагает доктор Хейгарт, были во много раз больше, чем от чумы, я бы все равно сомневался, что среднее население Земли уменьшилось от нее хоть на одну единицу. Конечно, оспа - один из каналов, и очень широкий, который природа открыла за последнюю тысячу лет, чтобы сдерживать население; но если бы он был закрыт, другие каналы стали бы шире, или образовались бы новые. Со своей стороны я не испытываю ни малейших сомнений в том, что если введение коровьей оспы уничтожит оспу, то мы обнаружим весьма ощутимую разницу в увеличении смертности от некоторых других болезней".[\[292\]](#)

Как и Саймон с Марсоном, Ситон оскорблял противников оспы. Саймон обвинял их в невежестве и нечестности, а Марсон - в желании, чтобы их семьи уменьшились от оспы. Ситон утверждал, что они наслаждались мученичеством и жаждали тюремного заключения, чтобы при освобождении получить от своих поклонников серебряные часы! Здесь обвинение было саморазоблачением. Ситон получил место и жалованье, выступая за государственную вакцинацию; и он абсурдно приписывал своим антагонистам свою собственную продажность. Действительно, все его показания были пронизаны нравом и тактикой шарлатана, цель которого - пропаганда *per fas et nefas*. На вопрос о том, что произойдет, если принуждение будет отменено в вакцинации, он ответил:...

5510 - Просто ужасно увеличится смертность от оспы, и, следовательно, значительно возрастет количество смертей в королевстве.

Типичный ответ шарлатана, когда его дурак колеблется по поводу его рецепта: "Вот увидите, что произойдет!" Когда до 1853 года вакцинация не была обязательной, ничего "ужасного" не происходило; в 1871 году она была обязательной уже четырнадцать лет, и все же в 1871 году королевство переживало сильнейшую эпидемию оспы за весь век! Тем не менее, предвидение Мальтуса оправдалось: не было доказательств того, что средняя смертность увеличилась хоть на единицу.

На этом доказательства закончились, медицинские чиновники составили проект отчета, представили его Комитету и, после некоторых незначительных изменений, согласились с ним. О характере доклада можно судить по его второй статье

Что коровья оспа обеспечивает если не абсолютную, то очень большую защиту от приступа оспы и *почти абсолютную защиту от смерти от этой болезни*.

И это перед лицом того факта, что случаи смерти от оспы среди привитых и ревакцинированных исчислялись тысячами!

В противовес доказательствам в пользу вакцинации, утверждалось о распространенности нынешней (1871) эпидемии оспы, особенно в Лондоне, и таким образом пытались обойти это неудобное обстоятельство...

Ваш комитет, однако, считает, что, с одной стороны, если бы вакцинация не была повсеместной, эта эпидемия могла бы превратиться в такой же разрушительный мор, каким оспа часто была там, где население не было защищено; и что, с другой стороны, если бы это профилактическое средство было всеобщим, эпидемия не могла бы приблизиться к ее нынешним масштабам.

Нельзя спорить с тем, что могло бы быть. Когда пациенты Санградо умирали, он утверждал, что если бы им делали больше кровопусканий и давали больше воды, они бы, несомненно, выздоровели; и Санградо верил. Так и в случае, когда прививка не спасает от оспы, нас уверяют: "Ах, но она бы спасла, если бы ее было больше". Переходя от фантазий к опыту, от того, что *могло бы быть*, к тому, что *было*, можно сказать, что в Англии не было более страшной эпидемии, чем та, что случилась в 1871-72 годах. Единственная эпидемия, которую можно с ней сравнить, была эпидемия 1838-40 годов, когда не 50 процентов англичан были привиты; но они пережили ее не хуже, чем в 1871-72 годах, когда число привитых было удвоено.

Комитет занимался вопросами законодательства, и его отчет по этому вопросу был составлен следующим образом.

По-видимому, было несколько случаев наложения более одного штрафа или тюремного заключения на одного и того же ребенка; и ваш комитет, ни в коем случае не признавая права родителей подвергать своего ребенка или его соседа риску заболевания оспой, должен выразить большое сомнение в том, что цель закона будет достигнута путем продолжения длительной борьбы с убеждениями родителей.

Общественное мнение района может сочувствовать родителю, преследуемому таким образом, и в результате может быть возбуждено против закона; и в конце концов, хотя родитель будет оштрафован или заключен в тюрьму, ребенок может остаться невакцинированным. В таком случае закон может восторжествовать только путем принудительной вакцинации ребенка.

В законах такого рода, когда государство, пытаясь выполнить свой долг, считает необходимым игнорировать желание родителей, очень важно заручиться поддержкой общественного мнения; и поскольку ваш Комитет не может рекомендовать, чтобы полицейский был уполномочен забирать ребенка от матери в пункт вакцинации - мера, которая может быть оправдана только крайней необходимостью, - они рекомендуют, чтобы в любом случае, когда два штрафа или один полный штраф (20s.), наложенных на родителя, мировой судья не должен налагать никаких других штрафов в отношении того же ребенка.

Было высказано предположение, что заявление родителей о том, что вакцинация вредна, может быть использовано против любого наказания, но ваш Комитет считает, что если закон

будет изменен таким образом, он станет мертвой буквой, судебные преследования вскоре прекратятся, и дети многих апатичных и невнимательных родителей останутся невакцинированными, так же как и дети немногих противников вакцинации.

Рекомендации Комитета, в основном административные, были воплощены в законопроекте, принятом Палатой общин 15 августа. Десятый пункт, ограничивающий наказания, стал предметом коротких дебатов и был принят 57 голосами против 12. Когда 18 августа законопроект был вынесен на рассмотрение Палаты лордов, лорд Редесдейл предложил исключить пункт 10, заявив следующее.

Этот пункт освобождает лиц, которые были оштрафованы на полную сумму или на две суммы штрафа, от дальнейших разбирательств". Этот пункт с триумфом приветствовали противники вакцинации, справедливо полагая, что он уничтожает весь эффект обязательного закона. Бедные, естественно, будут утверждать, что если богатые отделались штрафом в 20 фунтов, то в их случае штраф должен быть уменьшен; и возникнет такое сопротивление этой мере, что вся цель прежних законов будет сведена на нет.

Виконт Галифакс ответил

Я надеюсь, что Палата не станет исключать этот пункт, поскольку он может повлечь за собой потерю законопроекта. Я признаю, что есть возражения против его принципа; но он был единогласно рекомендован Комитетом Палаты общин. Против вакцинации решительно возражает ограниченное число людей на основаниях, которые я считаю необоснованными; но, тем не менее, пока это чувство существует, г-н Саймон, медицинский чиновник Тайного совета, считает, что неразумно настаивать на чем-то, что не является необходимым; и, кроме того, предлагаемое сейчас наказание будет отвечать всем практическим целям Закона. Желательно, чтобы общественное мнение поддержало закон, что и произойдет, поскольку исключений будет очень мало; в то время как негативные чувства могут быть возбуждены в ущерб закону, если даже несколько судебных преследований будут продолжаться. Самые ярые сторонники вакцинации не одобряют многократные штрафы и тюремные заключения, в результате которых дети обвиняемых остаются непривитыми".

Лорд Редесдейл откликнулся.

Полагаю, благородный виконт считает, что бесполезно штрафовать человека более одного раза за пьянство? Этот пункт отменяет весь принцип обязательной вакцинации.

По вопросу о том, должен ли этот пункт стать частью законопроекта, мнения их светлостей разделились: "За" - 7, "Против" - 8, "За" - 1. Решено отрицательно.

19 августа Палата общин рассмотрела поправку лордов, и мистер У. Э. Форстер заметил

Палата лордов вычеркнула из законопроекта 10-й пункт, важный пункт, смягчающий наказания. Этот пункт был принят в этой палате большинством 57 голосов против 12, а в другой палате исключен большинством 8 голосов против 7. Общее число пэров, принявших участие в голосовании, было равно числу членов специального комитета, который после долгого и тщательного рассмотрения пришел к единогласному выводу в пользу этого пункта. Я бы без колебаний попросил Палату не соглашаться с поправкой, если бы время сессии позволяло сделать это без ущерба для Билля; но поскольку это не так, и поскольку такой курс

может повлечь за собой потерю Билля, который вносит несколько значительных улучшений, я боюсь, что у Палаты нет выбора, и она должна принять поправку. Хотя этот пункт, несомненно, важен, я могу заметить, что он не является необходимым для других частей законопроекта, и, учитывая, что в стране свирепствует оспа, я думаю, что откладывать принятие этой меры будет небезопасно. Я сожалею об исключении этого пункта, поскольку, по моему мнению, он наносит сильный удар по принципу обязательной вакцинации, которую их светлости, как и я, считают необходимой для здоровья страны. Я предлагаю, чтобы Палата согласилась с поправкой лордов.

Мистер М'Ларен сказал.

Хотя я согласен с предложенным курсом, я надеюсь, что правительство не будет терять времени на внесение законопроекта о введении в действие исключенного пункта.

Предложение было принято, и повторные наказания продолжаются по сей день.

ССЫЛКА:

[292] Очерк о принципе народонаселения. 2nd Ed. London, 1803.

ГЛАВА XLIV.

БОРЬБА ЗА СВОБОДУ.

Нравы и поведение парламента убедили мистера Гиббса и его единомышленников в том, что они должны вновь обратиться к народу и добиться успеха через его обучение, просвещение и страхи. На этом, однако, труды мистера Гиббса закончились. Он женился на мисс Гриффитс (в течение многих лет секретарь Дамской санитарной ассоциации) и отправился с ней в турне по Великобритании, проводя встречи и обсуждая свидетельства и отчеты Комитета Палаты общин. Его последнее публичное выступление состоялось в Корке; отправившись в Дублин, он умер там после непродолжительной болезни 1 декабря 1871 года.

Отстранение мистера Гиббса от должности сильно обескуражило его, но всегда можно верить, что благое дело само приведет к появлению своих пророков. Миссис Гиббс, как и подобает мудрой женщине, почувствовала, что не может лучше почтить своего мужа, чем посвятить себя его работе. Она создала Материнскую лигу против обязательной вакцинации и до самой своей смерти, 10 ноября 1878 года, посвятила свое образование, опыт и ум пробуждению интереса к тем божественным законам жизни, которые такая практика, как вакцинация, сознательно отрицает.

В 1872 году мистер Джон Пикеринг из Лидса совместно с мистером Генри Питманом основал журнал "Антивакцинатор", выходящий раз в две недели, и продолжал его в течение года. Поддерживать такой журнал далеко не просто. Как заметил Кобдену Наполеон III: "Во Франции много свободных торговцев, но вы должны помнить, что народ не организован, в то время как торговцы, которые охотятся за народом, организованы и всегда начеку". Чтобы свергнуть торговлю прививками, установленную, обеспеченную и принудительную, необходимо столкнуться с враждой и противодействием организованной профессии, по чьей инициативе и для чьей выгоды прививки были установлены, обеспечены и

принудительны; и чтобы осуществить свержение, необходимо создать противодействующую силу среди публики, апатичной, невежественной и доверчивой в отношении медицинских тайн. Свержение можно было бы считать безнадежным, если бы не рычаг, предоставляемый обязательным законом. Каждый родитель, у которого хватило мудрости и любви отказаться от вакцинации своего ребенка, имеет возможность дать показания в суде, подтвердить их штрафом или тюремным заключением, а также опубликовать свой триумф для поощрения и повторения. Ни одно проповедничество не сравнится с подобной практикой, для которой сам злой закон предоставляет возможность.

Мистера Пикеринга штрафовали снова и снова, и в своей книге "Антивакцинатор" он убедительно доказал, что у него есть разум и наука, безграничные возможности для упорного сопротивления узаконенному суеверию. В 1876 году он получил возможность нанести удар в защиту истины, который вряд ли будет забыт, особенно в Йоркшире. Статистика оспенной больницы в Лидсе была опубликована по примеру аналогичных кондитерских изделий: незначительная смертность среди привитых противопоставлялась огромной смертности среди непривитых. Статистические данные были объявлены вымышленными, и мистеру Пикерингу потребовались доказательства этого обвинения.^[293] Необходимое расследование было утомительным и трудным; а поскольку оно было утомительным и трудным, предполагалось, что к нему никогда не прибегнут, и безнаказанность была обеспечена. Разоблачение еще раз показало, как мало можно полагаться на совпадение цифр теми, чья гордость и интересы направлены на предрешенное заключение.

Суровость обязательного закона часто смягчается опекунами бедняков. Они назначают и оплачивают сотрудников, ответственных за вакцинацию, и именно они рассматривают и санкционируют повторные судебные преследования. Таким образом, большинство или энергичное меньшинство опекунов, выступающих против вакцинации, может сделать многое, чтобы сорвать ее государственное управление. Что можно сделать таким образом, показали опекуны Кигли в 1876 году. Они отказались от судебного преследования, проигнорировали предупреждения Совета местного самоуправления и отказались подчиниться мандату, выданному Королевской скамьей. После этого они были арестованы за неуважение к суду и помещены в Йоркский замок, откуда их освободили после номинального подчинения. Они были вновь избраны жильцами и действовали как прежде, но более осмотрительно.

Есть пословица о том, как подвести лошадь к воде и заставить ее пить, которая применима к законодательству, когда оно одинаково не нравится как тем, кто должен его исполнять, так и тем, кому оно должно быть навязано. В таких условиях обязательный закон не имеет силы в Кигли: те, кто хочет, могут быть привиты, а те, кто не хочет, не обязаны. Большинство - непривитые, и нигде оспы не боятся меньше. В нескольких городах, где общественные настроения столь же просвещены, существует нечто похожее на свободу. Во многих приходах существует правило, запрещающее повторные судебные преследования: прививочный инспектор выполняет свою миссию, возбуждая дело один раз, а затем его рука замирает. В некоторых приходах тех, кто известен как противник вакцинации, пропускают при молчаливом понимании того, что они будут молчать о своем снисхождении; такая процедура крайне вредна для доброго дела, она гасит энтузиазм и подавляет конфликт и агитацию, благодаря которым оно процветает. В других приходах не допускается никаких поблажек: закон действует со всей строгостью. Преследование следует за преследованием, пока либо ярость не исчерпает себя, либо нонконформист не будет изгнан в другое место.

Такое упорное преследование часто становится публичным скандалом. Для родителя с достаточным достатком штрафы и издержки ничтожны, и они с лихвой окупаются удовлетворением от того, что он поставил опекунов и судей в неловкое положение и опубликовал далеко и широко свое презрение к суеверию о вакцине. С другой стороны, родитель в скромных обстоятельствах часто оказывается в жестоком затруднении между любовью и долгом по отношению к своему ребенку и комфортом конформизма.

В затруднительных ситуациях, создаваемых законом, часто обращаются за советом в Совет местного самоуправления; и в 1876 году Совет, в то время под председательством мистера Склейтера-Бута, обратился к опекунам Ившема с письмом, которое, в переводе с официального иносказания, звучит так: "Преследуйте, пока не убедитесь, что ваш противник не может быть побежден: тогда подумайте, не лучше ли вам отказаться; ведь он может добиться сочувствия, а закон и обряд в равной степени пострадают от дискредитации в общественной оценке". Говоря словами Коупера, "безопасная политика, но ненавистная". Это письмо из Ившема стало стандартным документом, и Совет регулярно направляет его опекунам, которые находятся в недоумении по поводу того, какую месть им следует совершить. Такова разновидность доблести, которой учит Уайтхолл: "Сражайтесь до тех пор, пока не обнаружите, что вряд ли одержите верх; и позаботьтесь о том, чтобы отступить, пока не сделаете себя ненавистным или смешным". Закон, пожалуй, никогда не сводился к более низменным понятиям.

Было предпринято несколько попыток изменить закон, рекомендованный Комитетом по вакцинации 1871 года и одобренный Палатой общин. Мистер Пиз (ныне сэр Джозеф) вносил законопроект с этой целью в 1872 и 1878 годах, ограничивая наказание в любом случае 20 шиллингами, но безуспешно. В 1880 году администрация Гладстона, только что приехавшая из страны и преисполненная благих намерений, внесла аналогичный законопроект, но в ужасе отказалась от него под натиском медицинских профсоюзов, которые считали, что их корыстный интерес в вакцинации находится под угрозой. Тем не менее, ответственные за закон в Совете местного самоуправления заявляют о своем неприятии повторных преследований и сожалеют, что парламент, похоже, не настроен так же, не обращая внимания на тот факт, что парламент редко не желает соглашаться с административными изменениями, когда власть имущие излагают причины и настаивают на необходимости приведения их в исполнение.

Мистер Форстер, выступая от имени Комитета 1871 года в Палате общин, говорил так, будто ни один член не готов оспаривать эффективность вакцинации против оспы; и, хотя это предположение было чрезмерным, оно было недалеко от истины. Даже мистер Кэндлиш возражал лишь против несправедливости принуждения. С тех пор был достигнут значительный прогресс. Мистер П. А. Тейлор, разделявший позицию мистера Кэндлиша, впоследствии самостоятельно изучил историю и доказательства вакцинации, что привело к неизбежному результату: он обнаружил, что ему навязали прививку, и, убедившись в этом, сразу же стал доносить свое открытие до других. Мистер К. Х. Хопвуд, столь же просвещенный, представил в парламент различные статистические отчеты, которые демонстрировали влияние принудительной вакцинации, в подлинной форме и в национальном масштабе, как фактора смерти и распространителя и усугубителя других болезней. Вместе мистер Тейлор и мистер Хопвуд подняли стандарт сопротивления вакцинации в Палате общин; и то, что мистер Форстер в 1871 году изложил как неоспоримое, теперь открыто и неопровержимо оспаривается; ведь те, кто пришел на защиту, как сэр Лайон Плейфейр и сэр Чарльз Дилк, были осуждены за неоспоримые неверные

утверждения, которые могли пройти проверку только как адресованные некритическому легковерию.

Парламент - это порождение общественного мнения, и для того, чтобы пробудить это мнение, информировать его и воплотить в законодательстве, необходимо агитировать и организовывать. После смерти мистера Р. Б. Гиббса в 1871 году Лига, лидером которой он был, переживала период перемен, пока в 1876 году не возродилась под председательством мистера Уильяма Хьюма-Ротери, а ее органом стал "National Anti-Compulsory Vaccination Reporter", который редактировала миссис Хьюм-Ротери. Энергия и способности, которые мистер и миссис Хьюм-Ротери привнесли в свое трудное дело, были неутомимы и заметны, их самоотверженность была безоговорочной. Иногда их обвиняют в ярости и нетерпимости, но если учесть, с каким ремеслом они столкнулись, с одной стороны, и с каким легковерием - с другой, какие страдания и смертность вызваны жестокой практикой и каким чудовищным угнетением подвергаются те, кто сопротивляется презренному суевию, то нелегко оставаться спокойным или свести инвективы к срамным словам. "Ты не должен говорить так резко, Джон", - сказала одна подруга своему мужу, обличая какое-то беззаконие. "Ах! Джейн, - ответил он, - ты не знаешь, что я скрываю".

Часто говорят, что противники вакцинации фанатичны, что может быть более или менее верно; но если искать фанатизм, то где мы найдем его таким безжалостным, таким неправдивым или таким корыстным, как среди вакцинаторов? Возьмем, к примеру, Дженнера, или Ринга, или Ситона, или Марсона, или Саймона. Ярость антивакцинаторов оправдывается самой сильной причиной, которая может оправдать или облагородить ярость. Если у отца ребенок пострадал или погиб в результате вакцинации, и ему угрожают (как это часто бывает) повторным нападением на его семейную жизнь, с каким нравом он может относиться к закону? Когда были убиты дети Макдуфа, только в крови Макбет мог облегчить свою душу, и вместе с Макдуфом ушло сочувствие каждого человеческого сердца. Так и с теми, кого постигла утрата в результате вакцинации; только для них нет личного Макбета, который бы получил по заслугам, а есть бесплотный закон.

Нетрудно философствовать по поводу чужих обид или советовать проявлять терпение там, где нет чувства обиды; но ярость и негодование составляют естественную реакцию против возмущения и несправедливости, а их слабость или отсутствие указывают на дефект нравственной чувствительности. Тем не менее, ярость и негодование плохо расходуются, если позволить им исчерпать себя в злобе. Их правильное применение - придать бодрость действиям и, вложив в них благоразумие, добиться быстрого и верного искупления. Мудрый совет.

"Обрезай свои слова, контролируй мысли.

Которые над тобой клубятся и толпятся:

Они сгустятся в душе твоей,

И изменятся в цель сильную".

Национальная лига проводит ежегодную конференцию в удобном центре, на которую назначаются представители от аффилированных обществ. Многие из этих обществ сотрудничают в защите своих членов, подвергающихся преследованиям; они организуют публичные собрания и дискуссии, читают лекции, распространяют трактаты, рассказывают о катастрофах, связанных с вакцинацией, пресекают попытки медиков раздуть оспенную панику; словом, делают все возможное, чтобы отвратить доверие от магических, вводящих в

заблуждение и озорных рецептов и довериться обычным условиям здоровья, подтвержденным наукой и постоянным опытом.

Нет нужды говорить, что эти общества вызывают сильное раздражение и много нецензурной брани со стороны практикующих врачей, чье ремесло они дискредитируют и позорят. Так, например, Британская медицинская ассоциация в петиции, направленной правительству в 1879 году, протестуя против любых послаблений в законе об обязательной вакцинации и подписанной несколькими тысячами представителей профессии, выразила недовольство торговцев

Возмущение против обязательной вакцинации вызвано главным образом действиями некоторых заинтересованных лиц [*заинтересованных в чем?*], которые, распространяя подстрекательскую литературу и искаженные заявления, разжигают противодействие вакцинации со стороны невежественных и бездумных людей.

Здесь то, что хотят принять за истину, излагается как факт. Какими бы ни были противники вакцинации, они не являются ни невежественными, ни бездумными, и не влияют на невежественных и бездумных. Напротив, именно их точное знакомство с историей и теориями, бесполезностью и опасностью многообразного обряда, обозначаемого как вакцинация, делает их такими опасными и неприятными антагонистами. Далее следует сказать, что обязательное знакомство с вакцинацией стало для тысяч людей введением в активную интеллектуальную жизнь. Оно продемонстрировало ошибочность авторитетов и возможность того, что считается бесспорным, оказаться ложным до глубины души. Безусловно, в скором времени вакцинация будет отнесена к самым грубым человеческим глупостям, а какую силу это воздействие придаст скептицизму в конфликте с другими формами общепринятого мнения, остается на усмотрение благоразумного читателя.

Лондонское общество за отмену обязательной вакцинации было создано в 1880 году с определенными целями.

- 1.- Отмена обязательной вакцинации.
- 2.- Распространение знаний о вакцинации.
- 3.- Содержание офиса в Лондоне для публикации литературы, касающейся вакцинации, и в качестве центра действий и информации.

На Виктория-стрит в Вестминстере был открыт офис, секретарем которого стал мистер Уильям Янг, а в качестве органа Общества была принята газета "The Vaccination Inquirer", основанная мистером Уильямом Теббом в 1879 году. Исполнительный комитет, которому оказывают щедрую помощь графиня де Ноай, мистер П. А. Тейлор, мистер Тебб и другие, смог нанести большой и заметный урон общественному мнению, который они всеми возможными способами намерены повторить. Мистер Дж. Г. Тэлбот, член парламента от Оксфордского университета, воспользовался случаем, чтобы заклеить Лондонское общество как "Лигу убийц", а доктора Барроу, президента Британской медицинской ассоциации в 1881 году, как "позор человечества" - эти и подобные им знаки отличия воспринимаются как почетные знаки и свидетельства успеха. Лондонское общество также активно участвовало в нескольких международных конгрессах против вакцинации - в Париже в 1880 году, в Кельне в 1881 году и в Берне в 1883 году.

В последние годы антивакцинальная литература неуклонно растет в объеме, разнообразии и силе. Заметной попыткой ввести этот вопрос в рамки общего понимания стала публикация в 1876 году книги "Наши медики", написанной мистером Х. Стриклендом Констеблем. Помимо вопросов вакцинации, "Наши медики" - это приятная книга, полная анекдотов, хорошего юмора, пронизательности и отличной философии, которая вряд ли будет забыта теми, кто с ней познакомится.^[294]

Серия "Трактаты о вакцинации",^[295] четырнадцать штук, была начата мистером Вм. Янгом в 1877 году и завершена доктором Гарт Уилкинсоном в 1879 году. Фюзели, упрекая своих современников в равнодушии к Флакسمану, сказал: "Вы, англичане, видите ушами"; и это замечание Фюзели повторяется, когда мы думаем об ограниченной репутации доктора Уилкинсона; не потому, что он неизвестен больше, чем Флакسمан, а потому, что он так *недостаточно* известен, вероятно, потому, что он так часто расходится с модной наукой дня и не оказывал знаки внимания ее модным профессорам. Тем не менее, те, у кого хватит ума и мужества распознать то, что достойно восхищения без указания, найдут в этих трактатах не только прививки, но и мысли, новые и глубокие, с красотами дикции и каденции, которые каждый ценитель слов должен оценить и вернуться к ним с восторгом. Каким бы широким ни было наше знакомство с английской литературой, разнообразие необычайного изобилия и оригинальности остается до тех пор, пока не будет открыт доктор Гарт Уилкинсон.

Ошибочно полагать, что все медики верят в вакцинацию в одной или любой ее разновидности. Те, кто смотрит правде в глаза и не околдован рецептами или корыстью, признают неудачу и бедствия этой практики, но, возможно, не желают открыто противоречить своей профессии. Многие в частном порядке признаются в исчезновении веры в обряд, добавляя, возможно, что его опасности преувеличены и что при должной предосторожности он не приносит особого вреда, обеспечивая удобное чувство безопасности для его получателей. Другие идут дальше и желают, чтобы из этой практики исчезла дискредитация принуждения, когда они предоставят своим пациентам самим решать, делать или не делать прививку, отказываясь от ответственности. Более благородные люди отказываются идти на компромисс с самозванством, и среди них особенно выделяется мистер Энох Робинсон. Он выступал с лекциями и дебатами против вакцинации и своей умеренной и компетентной защитой обратил в свою веру самых безвольных и предвзятых людей. Под влиянием популярного сборника в защиту вакцинации он опубликовал в 1880 году ответ на него под названием "Может ли болезнь защитить здоровье?"^[296] - полемика убедительная и пронизательная, и гениальная, поскольку ее противоположность была обратной. В качестве иллюстрации характера медицинской прессы можно упомянуть, что реклама памфлета мистера Робинсона была отклонена журналами "Ланцет" и "Британский медицинский журнал", поскольку их правило - не допускать объявлений, наносящих вред интересам, связанным с вакцинацией, что, несомненно, в таких кругах является излишней предосторожностью. Некоторые люди полагают, что нетерпимость - это удел теологов; но, познакомившись с медицинским миром, они нашли бы массу причин для иного мнения.

Говорят, что поскольку подрастающее поколение медиков более образованно, чем их предшественники, они, скорее всего, будут относиться к вакцинации более научно и независимо. Опыт доктора У. Дж. Коллинза в больнице Святого Варфоломея дает основания для таких прогнозов. Изучение и наблюдение утвердили доктора Коллинза в практических суждениях его отца, которые он твердо и умеренно повторял в соответствующих случаях, подкрепляя их широкими и открытыми доказательствами, имеющимися в его распоряжении.

Его выслушали с терпением и благосклонностью, и он не встретил никакого, кроме благородного, противодействия; доказав, как много зависит от того, как человек ведет свою борьбу, и как много уступает мужеству с вежливостью. Доктор Коллинз рассуждал на тему "Нужно ли вводить вакцинацию?" перед Абернетским обществом; он встречался с доктором У. Б. Карпентером в публичных дебатах; он обсуждал катастрофу вакцинации в Норвиче в 1882 году; он отвечал сэру Лайону Плейфэру; и он привнес доктрину эволюции в вопрос о возникновении болезней.^[297] Если иногда мы сурово отзываемся о медицинской профессии, воспоминания о таких представителях, как доктор Коллинз, служат нам сдерживающим фактором. И все же мы должны быть справедливы. Профессии, как и родственные им профсоюзы, контролируются своими интересами, и никогда не было ни церкви, ни общины, ни корпорации, которая отказалась бы от какого-либо источника прибыли, кроме как по внешнему принуждению. Государственная вакцинация в Англии приносит медицине 100 000 фунтов стерлингов в год, от которых профессия, верная закону своего бытия, не может отказаться добровольно; и нет смысла закрывать глаза на эту очевидность. Конечно, было бы абсурдно обвинять медиков в том, что они защищают вакцинацию из-за выгоды, связанной с ней: ничего подобного не подразумевается: но, как заметил Гоббс о человечестве в целом, "даже аксиомы геометрии оспаривались бы, если бы их интересы были особым образом затронуты ими".

Поэтому, когда говорят, что вакцинация - это медицинский вопрос, решение которого можно оставить медикам, ответ будет таким: "Нет: вакцинация оплачивается из государственного кармана, и какими бы ни были доказательства ее полезности, она будет поддерживаться как полезная теми, кто получает от нее прибыль. Если те, кто платит, не возражают, то те, кому платят, никогда не будут возражать". Учитывая общий опыт, мы считаем, что иначе и быть не может".

В медицине, как и в столярном деле, существуют моды: они возникают, расцветают, проходят; но постоянство любой медицинской моды может быть обеспечено, если ее укрепить пожертвованиями. Когда-то венерология была в моде, сейчас о ней почти не знают, но если бы в период ее расцвета был принят закон о ее проведении за государственный счет, то было бы создано целое кольцо официальных венерологов, которые бы оправдывали эту практику перед всеми недоброжелателями, отрицали или объясняли все катастрофы и смертельные случаи, и при любой опасности сохраняли бы ее репутацию от порицания; в то время как для нации было бы необходимо что-то вроде конституционной борьбы, чтобы освободиться от этого навязывания. Так и с вакцинацией. Предоставленная сама себе, она, как и венерология, перестала бы использоваться; но она приобрела постоянство благодаря первоначальной ошибке - созданию Национального учреждения вакцин в 1808 году.

Принуждение к вакцинации дает еще более вескую причину для вмешательства государства. Церковь, финансируемая государством, может быть терпимой для диссидентов, но если подчинение любой из ее служб станет обязательным, терпение сменится активным сопротивлением. Так обстоит дело с вакцинацией. Поскольку она назначается и проводится в жизнь, безнадежно пытаться оградить ее от всеобщего обсуждения и осуждения. Поскольку граждане, удерживающие своих детей от ланцета, подлежат штрафу и тюремному заключению, их долг - убедиться в характере операции, за которую они платят налоги и которой угрожают их семьям; и если их убеждения будут отрицательными в отношении ее полезности и безопасности, они не смогут оказать своим согражданам лучшей услуги, чем открытое сопротивление.

Таким образом, вакцинация переносится в политику и становится делом каждого человека; в то время как интерес, вызванный ее созданием и применением, лишает ее медицинских сторонников судебной власти в споре. Было бы столь же разумно ожидать от рабовладельцев осуждения рабства или от производителей защищенных товаров - защиты свободной торговли, как и от тех, чей профессиональный престиж и выгода связаны с практикой, говорить правду о прививках. Давайте будем благоразумны. Разве люди собирают виноград с терновника или смоквы с чертополоха? Мы не должны требовать от обычной человеческой природы достоинств ее более редких форм. Как и все монополии, вакцинация, наделенная и принудительная, защищается единодушно изнутри, и должна быть атакована и свергнута извне - тем не менее, будь сказано, с *некоторой* помощью изнутри, и эта помощь наиболее эффективна.

Поэтому нет причин удивляться тому, что большая доля в агитации против обязательной вакцинации выпала на долю непрофессионалов. Мистер Джордж С. Гиббс (двоюродный брат Джона Гиббса и брат Р. Б. Гиббса) в течение тридцати лет вел критику, в основном статистическую, официальных защитников вакцинации, характеризующуюся точностью, которая никогда не подвергалась сомнению.[\[298\]](#)

Мистера Г. Д. Даджона называют "настоящим и почтенным апостолом здоровья". Обладая превосходным знанием гигиены и глубокой верой в ее силу в преодолении зимозной болезни, он излагал ее принципы с такой ясностью и настойчивостью, что далеко продвинулся в деле просвещения Лестера, поставив крест на суеверии о вакцинах. Стандартному утверждению вакцинаторов, что санитария полезна против всех лихорадочных заболеваний, кроме оспы, для которой нет другого средства профилактики, кроме вакцинации (суверенная разновидность удобно не определена), он был оппонентом, беспощадным, как истина. Часто выражается сожаление, что обилие информации и восхитительный смысл, которые пронизывают письма мистера Даджена, ограничиваются газетами и случайными памфлетами, но, вероятно, его учение было тем более плодотворным, что адаптировалось к непосредственным обстоятельствам.[\[299\]](#) Слово, сказанное в свое время, как хорошо!

Имя мистера Александра Уилера из Дарлингтона известно везде, где обсуждается вопрос о вакцинации. Интерес мистера Уилера к этой теме был впервые вызван, как он пишет, мистером Г. С. Гиббсом, "чей скептицизм в отношении ее достоинств казался мне абсурдным".

Мистер Гиббс поинтересовался, изучал ли я этот вопрос, и когда я признался, что нет, он спросил, не прочту ли я "Жизнь доктора Дженнера" Барона. Ничуть не сомневаясь, я согласился одолжить томик. Сомнения начали беспокоить меня уже с первого тома, а второй окончательно подорвал мою уверенность в вакцинации как в положительном средстве профилактики оспы. Тогда я принялся за работу, чтобы со всей возможной тщательностью выяснить, есть ли хоть доля правды в утверждении, что вакцинация уменьшает оспу или изменяет ее вирулентность. Процесс определения не был быстрым, но задолго до того, как я сформировал определенное мнение, я убедился, что *принудительная* вакцинация не имеет оправдания; и мои первые усилия были направлены на защиту моих собственных детей от этой болезни. Не понимая, что такое вакцинация и что делает вакцинатор, я ясно видел, что государство не имеет права принуждать к практике, которая ни в коем случае не безвредна, не является профилактикой оспы и которую легко объяснить.

Как лектор, дискуснт и газетный полемист, мистер Уилер приобрел заслуженное признание. Зная гораздо больше о вакцинации, ее истории, разновидностях, последствиях и статистике, чем его противники, он обычно низвергает их с ловкостью, которая представляется ужасной и поразительной. Как дикари с луком и стрелами, они выходят в невинности веры, чтобы столкнуться с оружием точности". В 1878 году мистер Уилер провел дебаты с доктором Джорджем Уайлдом, восторженным сторонником коровьей оспы, отброшенной Дженнером как бессильной против оспы. Председательствовал сэр Томас Чемберс, а на сайте обсуждался вопрос: "Достойна ли вакцинация национальной поддержки?". О том, насколько опрометчивым и бесполезным было первенство доктора Уайлда, говорится в отчете о дебатах.[300]

Мистер Уильям Тебб - еще одно известное имя в связи с движением против вакцинации. Некоторое время он сомневался, но после того, как опекуны Сент-Панкраса потребовали от его дочери Беатрис сделать прививку, его внимание было привлечено, и он определил свой курс. За отказом последовало одно обвинение за другим в полицейском суде Мэрилебона, пока, наконец, опекуны не отказались от этой затеи как от безнадежной.[301] Это был плохой день для вакцинации, когда закон об обязательной вакцинации был применен к мистеру Теббу. Как и многих других, преследование сделало из него непреклонного и активного противника. Его язык, перо и кошелек, в сочетании с неустанной работой и выдающимися исполнительными способностями, были посвящены разоблачению и свержению суеверия и тирании. Мистер Тебб является прекрасным примером мнения сэра Т. Фауэлла Бакстона: "Энергия, энергия, решимость, твердость намерений - все это ведет к успеху. Есть ли тот, кого трудности расстраивают, кто склоняется перед бурей? Он мало чего добьется. А есть ли тот, кто побеждает? Такой человек никогда не терпит поражения": "Чем дольше я живу, тем больше убеждаюсь, что великое различие между людьми, между слабыми и сильными - это энергия, непобедимая решимость, однажды поставленная цель, а затем смерть или победа. Это качество сделает все, что можно сделать в этом мире".[302]

Речи мистера П. А. Тейлора в Палате общин были широко прочитаны, но его письмо доктору У. Б. Карпентеру стало, пожалуй, самым эффективным вкладом в благое дело.[303] Доктор Карпентер вызвался защищать вакцинацию и бросил вызов мистеру Тейлору; будучи человеком доверчивым и некритичным, он собрал и пересказал различные легенды и фактические статистические данные, которые составляют тело вакцинации, с дополнениями из своих личных ресурсов; таким образом, он сам стал объектом нападков и предоставил мистеру Тейлору прекрасную возможность. Мистер Тейлор принял вызов: он захватил и уничтожил позиции доктора Карпентера, оставив его разбитым и беспомощным. Письмо разошлось огромным тиражом, и его влияние на общественное мнение проявляется тысячами способов. Ни доктор Карпентер, ни кто-либо из вакцинаторов не рискнул ответить мистеру Тейлору; дело в том, что ответ невозможен. Любой, кто внимательно прочитает письмо мистера Тейлора, не сможет не понять, что практика, представленная доктором Карпентером, основана на иллюзии и самозванстве. Поэтому молчание в данных обстоятельствах может считаться благоразумием: молчание доктора Карпентера имеет такое значение, что его трудно истолковать неправильно. Действительно, никто лучше тех, кто отвечает за вакцинацию как медицинский интерес, не знает, что чем меньше она обсуждается, тем больше шансов, что она сохранится. *Quieta non movere* - вот их девиз; и такие официозные поборники, как доктор Карпентер, мало благодарны за их неугомонность.

Переписка в газетах является общепризнанным средством распространения новых идей, и в использовании этого средства противники вакцинации приобрели не мало отличий. По всей стране растет число тех, кто знает не только свое дело, но и дело своих противников лучше,

чем сами противники; и если у редактора хватает милости поддерживать честное поле и не проявлять благосклонности, результат неизменно оказывается удовлетворительным. Два способных корреспондента, ушедших в мир иной, особенно достойны упоминания - Эндрю Лейтон и Уильям Гибсон Уорд. Мистер Лейтон был ливерпульским торговцем, который, заинтересовавшись вопросом вакцинации, сделал его обсуждение занятием своего досуга. Обладая ясным и логичным умом, терпеливый, проникательный и терпимый, сам предрассудок едва ли мог противостоять его милой разумности. Почти до самой смерти, 14 января 1877 года, он участвовал в газетной полемике, и каждое письмо свидетельствовало о его восхитительном нраве и силе убеждения.^[304] Мистер Уорд из Перристон-Тауэрс был человеком широко начитанным и пылким, он писал и говорил в манере Коббета, на которого во многом походил. Открыв истину в отношении вакцинации, он энергично и успешно занимался ее распространением. Он поддерживал свое обвинение в качестве родителя с радостью того, кто наслаждается битвой; и, как говорили, периодическое обвинение точно подошло бы ему, предоставляя повод для зажигательных речей в суде и дискуссий со скамьей подсудимых, о которых должным образом сообщалось в херефордширских газетах. Мистер Уорд умер 18 октября 1882 года. В последнее время он имел доступ к "Таймс" и в продолжение серии писем на темы, которые он сделал своими, написал одно, в котором утверждал, что оспа не является ни неизменным злом, ни причиной дополнительной смертности.^[305]

Более подробное перечисление тех, кто участвует в движении против вакцинации, было бы неблагоприятным и неполноценным. Тем не менее, мы с благодарностью упомянем о различных заслугах таких ветеранов, как сэр Джервуаз Кларк Джервуаз, мистер Томас Бейкер, доктор Эдвард Хотон, мистер Т. Б. Бретт из Сент-Леонардса, мистер Эдмунд Проктор из Ньюкасла, мистер Джон Лукас из Гейтсхеда, мистер Р. А. Милнер из Кигли, мистер У. Ф. Фокс из Дьюсбери, доктор Э. Дж. Кроу из Рипона, мистер Фрэнсис Дэвис, мл, из Эннискорта, мистер Вм. Турлоу из Садбери, мистер Вм. Адаир из Мэрипорта, Чарльз Гиллетт из Банбери, доктор Т. Л. Николс, мистер Джеймс Бернс и мистер Амос Бут из Лестера. Эти и другие люди несут на себе одиозную печать презираемой истины и живут, видя, как она неуклонно обретает благосклонность и силу, в то время как заблуждение, которому она противостоит, входит в область скептицизма, готовящегося к рассеянию и презрению.

Все средства хороши против зла, но дела важнее слов, и разговоры против прививок значат гораздо меньше, чем сопротивление их проведению. Чем больше тех, кого удерживают от этого обряда, тем больше тех, кто живет, чтобы доказать его бесполезность; и чем больше закон, призванный обеспечить его соблюдение, ставится под сомнение, тем быстрее и быстрее он будет свергнут. Тем не менее не стоит забывать, чего стоит эта война и чем мы обязаны мужчинам и женщинам, храбрым, нежным и верным, которые ее выдерживают. Как правило, богатые освобождаются от ответственности: борьба идет с бедными. Как говорит миссис Джейкоб Брайт.

Я возражаю против обязательной вакцинации, потому что это возмутительный кусок классового законодательства. Ни один человек, находящийся в легких обстоятельствах, ни один человек, имеющий роскошь семейного врача, не нуждается в вакцинации своего ребенка. Достаточно сказать семейному врачу, что он против вакцинации, и дело с концом. Слышал ли кто-нибудь о семейном враче, который угрожал бы преследовать главу семьи за несоответствие в этом вопросе? Думаю, нет. Но семейный врач для бедных - это приходской врач. Он совершенно независим от своего пациента, и если ему платят за вакцинацию другие люди, он не только делает прививки во многих случаях против их воли, но и делает это

тогда, когда хочет, и с *тем* вирусом, *который* ему нравится, независимо от чувств или мнений, которые они могут иметь.

Некоторое время назад я ехал верхом по Шервудскому лесу и остановился, чтобы попросить стакан воды в коттедже, где стояла бедная женщина с маленьким толстым ребенком на руках. Я сказал: "У вас симпатичный мальчик. Ему делали прививки?" Лицо матери, сиявшее от гордости за своего мальчика, внезапно опустилось, и она ответила: "Нет, мадам, нет, но придется сделать. Мы потеряли одного из-за этого", - добавила она со слезами на глазах. Она - одна из многих бедных людей, которые, справедливо или нет, считают, что вакцинация опасна, и все же не могут противостоять давлению, оказываемому на них с целью вакцинации; они слишком бедны, и в большинстве случаев у них не хватает духу сопротивляться.

Я говорю, что это позорно - штрафовать и сажать в тюрьму людей за то, что они высказывают независимое мнение по медицинскому вопросу; и особенно позорно, что мой бедный сосед должен подвергаться такому преследованию, когда я свободен, абсолютно свободен, чтобы самому решать, делать ли прививки моим детям. Невозможно, чтобы это продолжалось.^[306]

Соревнование, повторяю, идет с бедняками". "Невозможно преодолеть тот факт, - говорит доктор Джон Скотт из Манчестера, - что вакцинация ненавистна рабочему классу, по крайней мере, в Ланкашире". Вакцинацию ненавидят, и ненавидят справедливо, и закон направлен на преодоление этой ненависти. Многие подчиняются, потому что либо не знают, как это сделать, либо боятся поступить иначе; но все большее число людей предпочитает лучшую сторону - они держатся за то, что признают правильным, решив повиноваться Богу, а не человеку. Говорят: "Дни мученичества, как и дни чудес, прекратились"; но так ли это? История скромных англичан, которые в течение последних тридцати лет противостояли печально известным законам о вакцинации, свидетельствует об обратном. Мученичество и героизм редко признаются теми, кто вызывает или не любит их проявление: только сочувствие открывает глаза на их появление. Неизвестные или презируемые, эти медицинские нонконформисты остались верны своей вере в то, что природа противостоит врачебному ремеслу, и не считались ни с чем, если могли уберечь своих детей и свою совесть от бесчинств. Их преследовали со всей злобой и настойчивостью мелких авторитетов - судей Шэллоу и Бамбла; их оскорбляли с судейского кресла; их штрафovali до последнего фартинга и нагружали огромными расходами, и так неоднократно; их вещи и мебель конфисковали, а дома разгромили; их отправляли в тюрьму на каторжные работы и подвергали всем унижениям и жестокостям тюремного дома; их преследовали из прихода в приход и в отчаянии довели до изгнания. И это были англичане, закон - английский, а время - наше! Мастер Роллс недавно заметил: "То, что противоречит чувствам каждого честного человека, не может быть законом Англии, а если и может, то чем скорее он перестанет быть законом, тем лучше". Было бы несправедливо возлагать вину за несправедливость законов о вакцинации на английский народ. Для большинства из них их характер и действие неизвестны. Главные страдальцы спрятаны под люками бедности и не в состоянии заставить землю возвыситься над их несправедливостью. Те же, кто пытается говорить от их имени, сталкиваются с той упрямой тупостью, с которой приходилось бороться первым свободным торговцам, когда ограничения считались столь же полезными для торговли, как коровья оспа - для здоровья, чтобы остановить оспу. Мистер Брайт, высоко оценивая речи мистера Вильерса в Бирмингеме 29 января 1884 года, заметил

Я упоминаю об их публикации, чтобы воскресить тот странный и болезненный факт, что в те годы, когда эти речи, такие убедительные, такие абсолютно неопровержимые, произносились в Палате общин, они были адресованы, как бы, людям морально глухим. На

аргументы не отвечали, приведенные факты не опровергали, ужасающие страдания народа не отрицали.

Такая же глухота к гнету обязательной вакцинации преобладает, хотя есть признаки пробуждения. И все же не тем, кто страдает, ждать политиков. Слова банальны, но верны настолько, насколько банальны.

"Не знаете вы,

Кто хочет быть свободным, сам должен нанести удар?"

Многие понимают, что в союзе - сила. Объединения для взаимной защиты и страхования от штрафов множатся. Сопротивление и организация - вот их девиз: организуйтесь, изучайте закон, находите его слабые места, используйте их по максимуму, преследуйте его администраторов, голосуйте только за опекунов, которые выступают против принуждения; и, короче говоря, делайте все возможное, чтобы сорвать пагубное законодательство.

Иногда спрашивают: "Почему бы не подчиниться закону и не агитировать за его отмену?", но это предложение рассчитано на ступор. Предположим, если бы Общество друзей согласилось приносить присягу до тех пор, пока закон не будет приведен в соответствие с их совестью, разве они не приносили бы присягу по сей день? Если бы некоторые диссентеры не отказались платить церковные пошлыны, когда бы они были отменены? Предположим, ирландцы подчинились бы английскому правлению, пока не убедились бы в нечестивости и глупости своего господства, как долго им пришлось бы ждать исправления своих ошибок? Подобные вопросы можно задавать на протяжении многих страниц, но с какой целью? Все знают (если только не погружены в болтовню), что тот, кто хочет иметь, должен брать; и что ничьи права не могут быть доверены доброй воле другого человека, будь он хоть сколько-нибудь справедливым попечителем. Вакцинация - это медицинская монополия, установленная, наделенная и принудительная - тирания, которую необходимо свергнуть. Те, кто извлекает из нее выгоду, никогда не согласятся на ее отказ, какими бы ни были доказательства ее бесполезности и вредности: ожидать иного было бы неразумно: и они никогда не будут так доблестно защищать свою монополию и так обильно утверждать ее непреодолимые преимущества, как тогда, когда ее отмена неизбежна. Мудрые понимают это. Поэтому есть только один способ избавиться от инкуба, и этот способ - открытое сопротивление. В некоторых регионах страны такое сопротивление уже увенчалось успехом. Закон был отменен, и подобное сопротивление будет вознаграждено аналогичными результатами. Более того, дальнейшее законодательство в пользу вакцинации было остановлено. Парламент больше не будет принимать законы о вакцинации. Чума на данный момент остановлена: худшее из возможного уже увидено: дело за тем, чтобы убрать то, что осталось.

Иногда говорят, что вакцинация неестественна, и это утверждение игнорируется как ненаучное или абсурдное. Но разве это ненаучно? И разве это абсурдно? Люди заслуживают порядка в природе, и когда они видят, что какая-либо процедура противоречит этому порядку, они инстинктивно осуждают ее как противоестественную, хотя, возможно, они не могут дать философское объяснение своему неприятию.

Мы единодушно утверждаем, что вакцинация неестественна, и когда нас спрашивают: "Почему?", мы отвечаем: "Потому что это операция, которая нарушает порядок, поддерживаемый при образовании крови". Если мы проследим за тем, как пища попадает в

желудок, и обратим внимание на процессы переваривания, отторжения и ассимиляции - на бесконечную тщательность, с которой создается кровь, - мы с неприязнью и даже ужасом отвернемся от практики, которая сводит на нет всю эту тщательность; которая атакует кровь напрямую, и атакует ее, чтобы отравить. Поэтому вакцинацию клеймят как противоестественный процесс, который не только изменяет ход природы в производстве крови, но и вдвойне противоестественен, поскольку нарушает этот ход и отравляет его продукт.

Чтобы еще раз подтвердить и проиллюстрировать нашу мысль, приведем следующий отрывок физиологической поэзии, поэтичный, но научно точный, от доктора Гарта Уилкинсона.

В человеческом теле все, что попадает в кровь, будь то даже самая безвкусная пища, сок винограда или граната, или пшеничная мука, будь то масло, вино или инжир, сначала расщепляется, а затем направляется внутрь по длинным путям. Самая невинная пища попадает внутрь легче всего и первой. Полиция и надзор за остальным чрезвычайно велики и многочисленны. Органы чувств избирательно вызывают аппетит у изысканной пищи; она должна пройти через их императивные двери симпатии и антипатии; проинструктированные двери памяти, ассоциации, воображения, разума, мудрости, религии, у взрослых. Затем его атакуют пищеварительные слюны, тесты, экзамены и суровые соки, и допрашивают до предела в той степени, которая соответствует первой. Его процеживают через орган за органом, каждый из которых является трибуналом более чем социальной требовательности. Его впитывают тончайшие системы выбора в порах и сосудах, органический суд сидит в каждом углу и председательствует над каждым внутренним проемом. Он проходит очистку в железах и легких, в их печах испытаний и элиминации. Наконец, его взвешивают на весах и отчеканивают высшие нервные мудры, и только после всех этих процессов он попадает в золотую кровь. Это лучшая пища, та, которую едят добрые и мудрые люди. Худшая пища становится лучшей благодаря постоянному прохождению через телесные милости и смягчения - не менее кропотливый, хотя и карательный процесс. Это физиология, божественная человеческая порядочность и жизнь человека. Вакцинация обходит и попирает все эти предосторожности и премудрости; она попадает прямо в кровь или, что еще хуже, в лимфу, и не с пищей; она вводит яд, вводимый путем прокола, который не имеет никаких испытаний и не может иметь никакого характера, кроме того, что это пятикратный яд животных и человека, ударом в самый центр, который, таким образом, иначе охраняется природой в провидении Бога. Это убийство кровью и подобно убийству жизнью.[\[307\]](#)

Наконец, вакцинация - это попытка обмануть природу. Вакцинатор говорит: "Приходи, мой маленький, приди и дай мне заразить тебя болезнью, с помощью которой я так обману Природу, что отныне ты сможешь жить в каком угодно зловонии, и оспа тебя не настигнет". Но можно ли обмануть природу? Можно ли мистифицировать природу? Мистер Лоуэлл, восхваляя гений Сервантеса, говорит: "В "Дон Кихоте" есть мораль, и очень глубокая - кто ссорится с природой, вольно или невольно, тот обязательно получит от нее самое худшее". Иногда происходит кажущийся триумф над природой. Мы поступаем неправильно, воображая, что можем избежать наказания с помощью какой-нибудь хитроумной уловки, но вскоре с ужасом понимаем, что последствия были лишь скрыты или предотвращены, и нам придется отвечать за все до последнего фартинга. Вакцинация - это уловка, родственная заклинаниям и подобным представлениям, с помощью которых надеются обойти приказ Всевышнего и добиться его благосклонности, не подчиняясь его воле. С помощью хитрости пытаются устранить последствия плохой жизни, продолжая при этом жить плохо; но если бы

можно было избежать оспы таким способом, мы должны были бы понести равное наказание каким-то другим способом. Нет: оспы с ее альтернативами и эквивалентами можно избежать, только следуя старомодному предписанию: "Вымойте себя, сделайте себя чистыми; перестаньте делать зло, научитесь делать добро". Этот урок трудно выучить и еще труднее применить на практике, но от него невозможно уклониться, если мы хотим быть здоровыми и счастливыми. Поэтому все уловки вроде вакцинации обречены на провал и катастрофу. Как говорит Хосеа Биглоу.

"Ты должен подняться на воздух

Если хочешь принять Бога".

УИЛЬЯМ А. ГАЙ, Ф.Р.К.П., Ф.Р.С.

Является ли вакцинация профилактикой оспы? На этот вопрос нет и не может быть никакого ответа, кроме того, который сформулирован на языке цифр - Journal of the Statistical Society, 1882, vol. xlv. p. 414.

Г. Ф. КОЛЬБ,

Член Королевской статистической комиссии Баварии.

С детства меня приучили смотреть на коровью оспу как на абсолютное средство защиты от оспы. Я верил в вакцинацию сильнее, чем в любую церковную догму. Многочисленные и признанные неудачи не поколебали моей веры. Я приписывал их либо небрежности оператора, либо плохой лимфе.

Со временем вопрос об обязательной вакцинации встал перед рейхстагом, и тогда один знакомый медик снабдил меня массой статистических данных в пользу вакцинации, по его мнению, убедительных и неопровержимых. Это пробудило во мне статистику. При ближайшем рассмотрении цифры показались мне обманчивыми, а более тщательное изучение не оставило и тени сомнения в том, что статистический массив доказательств представляет собой полный провал.

Мои исследования были продолжены, и мое мнение подтвердилось. Например, коровья оспа была завезена в Баварию в 1807 году, и долгое время никто, кроме новорожденных, не избежал вакцинации; тем не менее во время эпидемии 1871 года из 30 472 случаев оспы не менее 29 429 были привиты, как следует из документов государства.

ССЫЛКИ:

[293] Статистика медицинских работников оспенной больницы в Лидсе раскрыта и опровергнута в письме в опекунский совет Лидса. Джон Пикеринг. Лидс, 1876.

[294] Мистер Констебл опубликовал следующие работы:.

Медицинские доказательства в деле Дейл против Констебля. Йорк, 1872. Рр. 30.

Врачи, вакцинация и утилитаризм. Йорк, 1873. Рр. 239.

Наши медики: несколько советов. Халл, 1876. Рр. 689.

Моды дня в медицине и науке. Халл, 1879. Рр. 300.

[295] Трактаты о вакцинации с предисловием и дополнением. Лондон, 1879. Рр. 348.

[296] Can Disease protect Health? being a Reply to Mr. Ernest Hart's pamphlet, entitled The Truth about Vaccination. Енох Робинсон, M.R.C.S. Лондон, 1880. Рр. 38.

[297] Обзор расследования вакцинации в Норвиче. Лондон, 1883. Логика сэра Лайона Плейфэра. Лондон, 1883. Специфичность и эволюция в болезнях. W. J. Collins, M.D., B.S., B.Sc. (Lond.) London, 1884.

[298] Первая публикация г-на Гиббса "Зло вакцинации" датируется 1856 годом: последняя - ответ на вопрос "Научна ли вакцинация?" в журнале "The Journal of Science", март, 1884 год.

[299] Статью "Принудительная вакцинация", свидетельствующую о качестве мистера Даджена, можно найти в "Вестминстерском обозрении", № CXXX, апрель, 1884.

[300] *Вакцинация: Достойна ли она национальной поддержки? Публичное обсуждение в часовне Саут-Плейс, Финсбери, 28 мая 1878 года* под председательством сэра Томаса Чемберса, члена парламента, регистратора Лондонского Сити. Лондон, 1878 год.

Мистер Уилер опубликовал следующие памфлеты.

Вакцинация в свете истории. Лондон, 1878.

Вакцинация - против науки и позор для английского права. Лондон, 1879.

Вакцинация-1883. Лондон, 1884.

[301] *Государственные преследования за медицинскую ересь; стенографический отчет о деле Регина против Тебба*. Посвящается Совету опекунов Сент-Панкраса. С введением и приложением иллюстраций. Лондон, 1879.

[302] Публикаций мистера Тебба было много, и последняя из них заслуживает особого внимания - "Обязательная вакцинация в Англии: со случайными ссылками на иностранные государства". London, 1884. Рр. 64.

[303] Вакцинация. Письмо доктору У. Б. Карпентеру, к.б.н. П. А. Тейлору, м.п. Лондон, 1881.

[304] Мистер Лейтон ничего не публиковал за пределами газет, кроме письма, адресованного Уильяму Чемберсу из Эдинбурга, озаглавленного "Жители Дьюсбери и вакцинация" (The People of Dewsbury and Vaccination). Лондон, 1876.

[305] "Новый взгляд на оспу" - "Таймс", 25 декабря 1879 года.

[306] Письмо Урсулы М. Брайт на ежегодное собрание Лондонского общества за отмену обязательной вакцинации, состоявшееся в Шордич Таун Холле 13 мая 1884 года.

[307] О человеческой науке, добре и зле и ее произведениях; и о Божественном откровении и его произведениях и науках. Лондон, 1876.

Публикации Дженнера о вакцинации и последовательных гарантиях.

Исследование причин и последствий вакцины Variolæ, болезни, обнаруженной в некоторых западных графствах Англии, особенно в Глостершире, и известной под названием "коровья оспа". Лондон: 1798.

1798.- Что делает вирус коровьей оспы столь необычным, так это то, что человек, заболевший таким образом, навсегда остается в безопасности от заражения оспой; ни воздействие вариолитных выделений, ни введение вещества в кожу не вызывают этой болезни.

Любопытно наблюдать, что вирус, который в отношении своих эффектов неопределен и неопределен до его передачи от лошади через корову, должен затем не только стать более активным, но и неизменно и полностью обладать теми специфическими свойствами, которые вызывают в человеческой конституции симптомы, подобные симптомам вариолитной лихорадки, и вызывают в ней те особые изменения, которые навсегда делают ее невосприимчивой к вариолитной инфекции.

Ясно видно, что эта болезнь оставляет конституцию в состоянии полной безопасности от заражения оспой.-Стр. [121](#), [337](#).

Дальнейшие наблюдения над вариолитической вакциной. Лондон: 1799.

1799.- Результат всех моих опытов с вирусом на человеке был одинаковым. В каждом случае пациент, испытавший на себе его воздействие, полностью утрачивал восприимчивость к вариолитной инфекции.-Стр. [152-158](#), [336](#).

A Continuation of Facts and Observations relative to the Variolæ Vaccinæ, or Cow Pox. Лондон: 1800.

1800.- Скептицизм, проявившийся даже среди самых просвещенных медиков, когда впервые были обнародованы мои соображения по такому важному вопросу, как коровья оспа, был весьма похвальным. Признать истинность доктрины, одновременно столь новой и столь непохожей на все, что когда-либо появлялось в "Летописях медицины", без проверки самым строгим образом, было бы граничит с безрассудством; Но теперь, когда это исследование было проведено не только среди нас, но и в первых профессиональных кругах Европы, и когда оно было единообразно обнаружено в столь многочисленных случаях, что человеческий организм, однажды испытавший влияние настоящей коровьей оспы описанным способом, никогда впоследствии ни в какой период своего существования не подвергается нападению оспы, могу ли я с полной уверенностью не поздравить мою страну и общество в целом с тем, что они увидели в мягкой форме коровьей оспы противоядие, способное уничтожить на земле болезнь, которая ежечасно пожирает свои жертвы; болезни, которая всегда считалась самым жестоким бичом человеческой расы".-Стр. [166](#), [338-339](#), [357](#), [365](#), [473](#).

Происхождение вакцинной прививки. Лондон: 1801.

1801.- Теперь становится слишком очевидным, чтобы допускать споры, что уничтожение оспы, самого страшного бича человеческого рода, должно быть конечным результатом этой практики.-С. [183](#).

Петиция о вознаграждении в Палату общин. 1802.

1802.- Коровья оспа позволяет прививать ее человеку с наибольшей легкостью и безопасностью, а также обладает необычайно благотворным эффектом, делая привитых людей на всю жизнь совершенно защищенными от заражения оспой.-Стр. [184](#), [337](#), [355](#).

О разновидностях и модификациях вакцинного пустулеза, вызванного герпетическим состоянием кожи. Напечатано в "Медицинском и физическом журнале", август, 1804; переиздано в виде памфлета в Челтнеме, 1806, и Глостере, 1819.-Стр. [340](#).

ВАКЦИНАЦИЯ РАВНА ВАРИОЛЯЦИИ.

1804 г. - То, что я сказал о вакцинации, - правда. При правильном проведении она защищает конституцию настолько, насколько может защитить вариолитная прививка.

Правильно и эффективно проведенная вакцинация защитит конституцию от последующих приступов оспы в той же степени, что и сама болезнь. Я никогда не ожидал, что она сделает больше, и, полагаю, не сделает меньше" - Ibid. p. 135.

1806 г. - Безопасность, которую дает конституции прививка вакциной, *в точности равна* той, которую дает вариоляция. Ожидать от нее большего было бы неправильно. Поскольку неудачи в последней постоянно дают о себе знать, мы должны ожидать, что они будут и в первой.- Письмо Ричарду Даннингу, 1 марта 1806 г.-Стр. [339](#), [355](#).

Факты, которые по большей части не были замечены или не были должным образом замечены в отношении вариолитической инфекции. Лондон: 1808.

1808.- Следует помнить, что конституция *не может быть сделана полностью невосприимчивой к яду вариоля*. Ни случайная, ни привитая оспа, будь она мягкой или сильной, не может полностью уничтожить восприимчивость. [338](#).

Письмо Уильяму Дилвину о влиянии вакцинации на сохранение от оспы. Филадельфия: 1818.

1818 г. - Моя уверенность в эффективности вакцинации для защиты конституции от оспы ничуть не уменьшилась. Я готов признать, что исключения из правила уже случались и будут случаться. Они случались после прививки оспы; и по тому же правилу, поскольку эти две болезни так похожи, они будут случаться и после прививки вакцины.- Р. [344](#).

Последнее свидетельство.

1823 г. - Мое мнение о вакцинации точно такое же, каким оно было, когда я впервые обнародовал это открытие. Оно ничуть не укреплено никакими произошедшими событиями, ибо не могло бы укрепиться; оно ничуть не ослаблено, ибо если бы неудачи, о которых вы говорите, не произошли, истинность моих утверждений относительно тех совпадений, которые их вызвали, не была бы доказана.-Р. [354](#).

Все утверждения Дженнера, вновь подтвержденные мистером Джоном Саймоном, после прививки коровьей оспы.

1857 г. - "Ни повторная вакцинация, ни прививка оспы, ни самый тесный контакт и совместное проживание с больными оспой не вызовут у него никаких остатков восприимчивости к инфекции" - Papers relating to the History and Practice of Vaccination. London: 1857.-Р. [513](#).

H. NISBET AND CO., PRINTERS, STOCKWELL STREET, GLASGOW.

ЛОНДОНСКОЕ ОБЩЕСТВО ЗА ОТМЕНУ КОМПЛЕКСНОЙ ВАКЦИНАЦИИ,
114 VICTORIA STREET, WESTMINSTER, S.W.

ЦЕЛИ ОБЩЕСТВА.

I.-Отмена обязательной вакцинации.

II.- Распространение знаний о вакцинации.

III.- Сохранение в Лондоне офиса для публикации литературы, касающейся вакцинации, и как центра действий и информации.

АДРЕС ОБЩЕСТВА.

Оспа относится к группе болезней, называемых зимозными, которые возникают в неблагоприятных условиях жизни и обычно уменьшаются и предотвращаются путем уменьшения и устранения этих условий.

Во времена, когда законы здоровья были несовершенны, считалось, что, отравив кровь вирусом оспы, или коровьей оспы, можно избежать будущего приступа оспы. В то время как многие родственные медицинские практики были дискредитированы и забыты, вакцинация, дарованная государством, сохранилась, вошла в законодательство и применяется в виде штрафов и тюремного заключения. Напрасно нонконформисты твердят, что они не верят в то, что вакцинация способна предотвратить или смягчить последствия оспы, или что она связана с риском передачи опасных заболеваний. Им говорят, что они могут верить во что угодно, но вакцинироваться они обязаны, ибо польза обряда бесспорна, и только глупцы и фанатики осмеливаются подвергать сомнению то, что было бесспорно установлено.

Именно для борьбы с этой чудовищной тиранией и было создано Лондонское общество. Его члены хотят просветить общественное сознание относительно истории вакцинации, ее вреда для передачи и усиления других болезней, а также неспособности обязательного закона искоренить или хотя бы ослабить опустошительные последствия оспы. Многие также, хотя и не склонны обсуждать вакцинацию как медицинский вопрос или отказываться от уверенности в ее профилактике, выступают против ее обязательного применения. Они утверждают, что каждое средство должно оправдывать себя своей собственной эффективностью, и что из всех рецептов последним, требующим посторонней помощи, является вакцинация; ведь ее репутация основана на том, что ее жертвы защищены от оспы, и в этой безопасности могут оставаться безразличными те, кто решил пренебречь ее спасением. Говорят, что даже медсестры в оспенных больницах, прошедшие эффективную вакцинацию и ревакцинацию, живут без вреда для здоровья в переменчивой атмосфере. Поэтому они считают, что сравнивать невакцинированного человека с помехой, как это часто делается, значит использовать эпитет, который косвенно отрицает достоинства вакцинации: помеха - это добровольная опасность или раздражение, которых другой

человек не может избежать. Они также считают, что установление какого-либо медицинского предписания и создание интересов, связанных с этим предписанием, означает возведение барьера для усовершенствования; ведь очевидно, что любое новшество в лечении оспы должно, в соответствии с конституцией человеческой природы, встретить сопротивление со стороны тех, чье вознаграждение связано с установившейся практикой.

Поэтому Лондонское общество претендует на то, чтобы заручиться энергией не только тех, кто выступает против вакцинации как бесполезной и вредной, но и тех, кто, верный своей вере в свободу, оставил бы ее принятие на усмотрение отдельного человека. В споре, в который они вступают, они предлагают использовать все известные средства, с помощью которых в Англии совершаются революции в общественном сознании и в парламенте; и они с уверенностью призывают к сочувствию и поддержке своих соотечественников. Законы о вакцинации, от которых они страдают, не были приняты с полным пониманием нации, а были протолканы через безразличные парламенты благодаря упорству медицинской фракции. Члены Общества уверены, что как только правда о вакцинации будет полностью известна и оценена, свобода, за которую они борются, будет предоставлена без страха, и что потомки будут с изумлением смотреть на возмущение человеческих прав и разума, которое в настоящее время совершается под сенью английской свободы.

Предрассудки, которые видят то, что им нравится, не могут видеть того, что очевидно. Тот, кто знает только свою собственную сторону дела, мало что понимает в нем.- Дж. Стюарт Милль.

The Vaccination Inquirer,

Орган Лондонского общества за отмену обязательной вакцинации.

Издается ежемесячно, цена 1d. или 1s. 6 д. в год, почта бесплатно.

Я убедительно прошу обратить внимание тех, кто заботится о пресечении зла и повышении благосостояния людей, на большой и растущий вопрос о вакцинации. Со всех сторон нам говорят, что мы не можем быть защищены от оспы, если не будем отравлять свою кровь коровьей оспой в младенчестве, в подростковом возрасте и в определенные периоды на протяжении всей жизни. Рецепт настолько неестественен, что только обычай делает его терпимым; он вызывает подозрение и отвращение, где бы рационально ни рассматривался; а неприязнь и отвращение оправдываются расследованиями. Вакцинация не предотвращает оспу; вирус, попавший в кровь, несет с собой другие болезни, даже самые страшные, и ослабляет конституцию, предрасполагая ее к другим недугам. Короче говоря, вакцинация под прикрытием сохранения общего здоровья наносит ему серьезный и смертельный ущерб. И странным образом тирания делает это самое вредное суеверие обязательным и принудительным с помощью штрафов и тюремного заключения; а англичан вытаскивают из их домов и обращаются с ними как с каторжниками, потому что они отказываются подвергать своих детей этому отвратительному обряду. Мистер Брайт говорит: "Закон чудовищен и должен быть отменен". Однако этот чудовищный закон продолжает действовать!

Возможно, вы против вакцинации, или равнодушны, или верующий. В любом случае, я прошу вас подписаться на журнал Vaccination Inquirer. Если вы противник вакцинации, он

будет стимулировать и информировать вашу оппозицию; если вы равнодушны, он устранил ваше безразличие; если вы верующий в этот обряд, он может обратить вас в лучшую сторону.

Уильям Юнг, секретарь,
114 Виктория-стрит, Вестминстер.

РАБОТЫ О ВАКЦИНАЦИИ.

Уильям Уайт.

Sir Lyon Playfair taken to Pieces and disosed of: likewise Sir Charles W. Dilke, Bart.: being a Dissection of their Speeches in the House of Commons on 19th June, 1883, in defence of Compulsory Vaccination. Second Edition. 6 тыс. 1s.

"Это очень изящная брошюра в двести страниц, напечатанная так, что читать ее - роскошь. В ней шесть страниц указателя, что дает некоторое представление о полноте ее содержания. Мистер Уайт делает всю свою работу добросовестно, и эта работа не является исключением. Он полностью приводит две речи Плейфера и Дилка и дает на них исчерпывающие ответы. Они буквально разобраны на части и утилизированы. Читайте Уильяма Уайта о Плейфере и Дилке. Это конец спорам. Ответ невозможен" - "Геральд оф Хелс".

"Мистер Уайт сделал то, что никогда не делалось раньше, - разобрал на куски речь сэра Лайона Плейфэра, проанализировал его аргументы и разоблачил многое из того, что не заслуживает доверия. Книга должна быть в руках у всех, кто хочет разобраться в вопросе вакцинации" - Newcastle Weekly Chronicle.

"Это умная и наиболее разумная критика и переработка мнений Плейфера и Дилка, о которых лучшее представление можно получить из изучения самой книги, которая будет признана полной во всех деталях" - "Брайтонская газета".

"Официальное обоснование вакцинации содержалось в речи сэра Лайона Плейфера, поддержанной сэром Чарльзом Дилком, и мистер Уайт взял различные пункты обеих речей, пункт за пунктом, и ответил на них с ясностью и эффективностью, которые должны далеко поколебать фундамент самой вакцинации; в то же время, по нашему мнению, он эффективно избавляется от мольбы об *обязательной* вакцинации."-Northamptonshire Guardian.

"Антивакцинаторы будут злорадствовать над этими страницами. Говорят, что с помощью цифр можно сделать все, что угодно. Мы, конечно, в то время думали, что сэр Лайон Плейфейр показал, что они выступают за вакцинацию. Прочитав книгу мистера Уайта, мы так же остро ощутили противоположную точку зрения. Мы рекомендуем эту работу нашим читателям."- East Daily Press.

"Удивительно хорошо написанная книга, написанная опытной рукой. Тема не из приятных, и пресловутым "обеим сторонам" есть что сказать; но эта книга должна заинтересовать, позабавить и проинформировать обе стороны. В ней повсюду видны терпеливая мысль, трудолюбивое исследование и острый ум" - The Truthseeker.

Альфред Рассел Уоллес, LL.D.

Автор книг "Малайский архипелаг, страна орангутангов и райских птиц", 1869; "Вклад в теорию естественного отбора", 1871; "Географическое распределение животных", 1876; "Жизнь островов, или Явления и причины островных фаун и флор", 1880; "Национализация земли, ее необходимость и цели", 1882; и др.

Членам парламента. Статистика регистрации за сорок пять лет, доказывающая, что вакцинация бесполезна и опасна. 6d.

Уильям Тебб.

Обязательная вакцинация в Англии: со случайными ссылками на иностранные государства. 1s.

"Не только толпы, но и синедрионы заражены общественным безумием" - Драйден.

Содержание:- Результаты вакцинации. Вакцинация в работных домах. Вакцинация в государственных школах. Вакцинация в почтовых отделениях. Вакцинация в полиции. Вакцинация в армии. Вакцинация на флоте. Вакцинация в тюрьмах. Вакцинация в страховании жизни. Вакцинация среди эмигрантов.

P. A. Siljeström.

Важнейший вопрос образования для рассмотрения родителями и другими лицами, заботящимися о благополучии подрастающего поколения. Перевод со шведского д-ра Гарта Уилкинсона. 4d.

P. A. Тейлор, покойный член парламента от Лестера.

Современные заблуждения о вакцинации. Письмо доктору У. Б. Карпентеру, к.б.н. 1d.

Речи мистера П. А. Тейлора и мистера К. Х. Хопвуда в Палате общин 19 июня 1883 года. 6d.

Личные права. 6d.

Александр Уилер.

Вакцинация до 1883 года. 6d.

Этот очерк посвящается тем, чьи умы достаточно лояльны к науке, чтобы свободно и без предрассудков изучать самый предвзятый вопрос современности.

J. Дж. Гарт Уилкинсон, доктор медицины, и Вм. Янг.

Трактаты о вакцинации с предисловием и дополнением. 2s. 6d.

1. Письма и мнения медиков.

2. Факты и цифры, показывающие, что вакцинация не смогла уничтожить, задержать или смягчить оспу.

3 и 4. Мнения государственных деятелей, политиков, публицистов, статистиков и санитаров.

5. Случаи болезней, страданий и смерти, о которых сообщают пострадавшие семьи.

6. Законы о вакцинации - скандал для общественной честности и религии.

7. Вакцинация - признак упадка политической и медицинской совести страны.

8. Распространение сифилиса среди младенцев и взрослых путем вакцинации и ревакцинации.
 9. Вакцинация порочна в своих принципах, ложна в своих причинах и смертельно опасна в своих результатах.
 10. Вакцинация разрушает зубную систему и является причиной распространенной деформации и кариеса зубов.
 11. Принудительная вакцинация - это осквернение закона, разрушение домов и преследование бедняков.
 12. Исторический и критический обзор в трех частях. Часть I. - Самозванство нынешней лимфы от оспы, называемой вакциной, и новое самозванство лимфы от теленка. Также хаос статутного права, касающегося вещества вакцины.
 13. Часть II. Крики народа против вакцинации подкрепляются отчетами генерального регистратора и оправдываются доказательствами патологии.
 14. Часть III.-*Pro Aris et Focis*. Религиозная природа и политическая необходимость войны с вакцинацией.
-

Е. В. Аллен, 4 Аве Мария Лейн, Лондон, округ Колумбия.

ПРИМЕЧАНИЕ ТРАНСКРИПТОРА

Очевидные опечатки и пунктуационные ошибки были исправлены после тщательного сравнения с другими встречающимися в тексте и консультации с внешними источниками.

За исключением тех изменений, которые отмечены ниже, все опечатки в тексте, а также несоответствующие или архаичные употребления были сохранены.

Стр. vi: "L'Envoi ... xlix" заменено на "L'Envoi ... l".

Стр. vii: "XV ... Physicans" заменено на "XV ... Physicians".

Pg xiv: "страдающий от чего" заменено на "страдающий от чего".

Pg xxix: "записи об оспе" заменено на "записи об оспе".

Pg xxxiv: "В словах" заменено на "В словах".

Pg xxxviii: "два или три" заменено на "два или три".

Стр. 3: дата "10 марта 172½ года" отражает тот факт, что это дата по старому стилю (юлианская).

Стр. 49: термин "эффективность" здесь (и в четырех других местах в книге), вероятно, должен быть "действенность". Эти слова не были изменены.

Стр. 126: 'did subequently fall' заменено на 'did subsequently fall'.

Стр. 148: "slow to repond" заменено на "slow to respond".

Стр. 175: 'not everflow when' заменено на 'not overflow when'.

Pg 221: 'embarassments were' заменено на 'embarrassments were'.

Pg 317: 'un-unwearied exertions' заменено на 'unwearied exertions'.

Pg 322: 'CHARTER XXIV' заменено на 'CHAPTER XXIV'.

Pg 350: 'than sauivity' заменено на 'than suavity'.

Pg 363: "13 февраля 1823 года" заменено на "13 января 1823 года" (см. предыдущую страницу

362, где указано, что он умер 26 января).

Стр. 376: "включая лекаря" заменено на "включая лекаря".

Стр. 410: "с 1774 по 1708 год" заменено на "с 1774 по 1798 год".

Pg 468: "передается в" заменено на "передается в".

Pg 483: "medica practitioner." заменено на "medical practitioner.".

Pg 503: 'and, inoculated' заменено на 'and, inoculated'.

Pg 519: 'which, by resaon' заменено на 'which, by reason'.

Pg 551: 'repeatedy before' заменено на 'repeatedly before'.

Стр. 611-613: несколько "--." заменены знаком ditto (""), для единообразия.

Сноска [261] (привязана к [странице 406](#)): 'История вакцинации' заменена на 'История вакцинации'.